ТРИ ПОСЛЕДНИХ САМОДЕРЖЦА

ДНЕВНИК А. В. БОГДАНОВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА / ЛЕНИНГРАД
1924

Ленинградский гублит № 11575. Заказ № 837. Тираж 5.000.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого, 10).

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

„Дневник" А. В. Богданович охватывает 1879—1912 г.г., т.-е. доведен почти до войны 1914 г., когда начался быстрый темп эпилога многоактной трагедии издевательства над трудовыми массами русского народа. Но в „Дневнике" есть пробелы: отсутствуют несколько лет, видимо, распылившихся по разным рукам. Однако, отсутствие сравнительно незначительной части рукописи не может повредить цельности впечатления и не изменяет сути, ибо грандиозная рукопись автора в целом настолько загромождена сотнями страниц никому не нужного, чисто домашнего материала, что читателю может быть представлена лишь кратчайшая „эксцерпция" изо всей толстейшей груды исписанной бумаги. Взято исключительно характерное, но здесь уже без изменения хотя бы одного слова в редакционном смысле. Сознательно не внесены исправления в иные явные фактические неточности, дабы соответствующим коррективом не исказить субъективной физиономии автора. Дело не в том, кто, куда, какого числа, в каком месяце, кем был назначен. Пусть фотография иногда кривовата, зато фотограф-любитель стоял близко к снимаемому лицу и работал, отрешившись от ретуши изготовленной карточки. Тем ценнее портрет, тем безыскусственнее сходство этого обширного „антропометрического" альбома, составленного А. В. Богданович и развертываемого теперь перед глазами нашей, впервые не подъяремной России, где нет уже места типовой галлерее, которой посвящен „Дневник".

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Дневник „Александры Викторовны"...

„Александру Викторовну" знал „весь Петербург". Тот „довоенный" Петербург, который размещался в трех высших этажах „табели о рангах" и именовался поэтому „высшим светом" далеко не высокой империи трех последних царей.

„Александра Викторовна" сама по себе служила прямым дополнением к „Евгению Васильевичу", именовавшемуся „его превосходительством" генералом Богдановичем. В глазах „первых классов" чиновной столицы супружеская чета „Евгения Васильевича" и „Александры Викторовны" считалась повторением прославленных античною легендою Филемона и Бавкиды. На самом же деле все обстояло далеко не так наивно и патриархально, как у мифической парочки. Вместо этого в доме Богдановичей, живших в известном „мятлевском" особняке на Исаакиевской площади, более тридцати лет властно и бессменно процарил далеко не добродушно-шаловливый божок—покровитель туманных дел и темных делишек.

Хотя „Евгений Васильевич" и был „военным генералом", но его „боевой" формуляр не очень-то блистал записями о походах против тех врагов, которые придумывались в угоду царям, на потеху интендантам, для кошелька поставщиков и на беспредельное горе рабочего и крестьянского люда. Богданович давным-давно предпочел „мирную службу" и задолго до своей смерти пошел по министерству внутренних дел. Приютившись около этого полицейского ведомства, Богданович специализировался по части писания, печатания и особенно выгодного распространения „верноподданнических" брошюр. „Литературная деятельность" Богдановича умело учитывала всевозможные случаи „высокоторжественных" происшествий в семье Романовых, ловко эксплоатировала новоявленные „чудеса", дождем сыпавшиеся „открытия мощей" и т. п. Живя по соседству с Исаакиевским собором, Богданович выгодно устроился „ктитором", проще говоря, церковным старостой, и заполучил штамп для длиннейшей серии листовок, именовавшихся „Кафедрой Исаакиевского собора". Министерство внутренних дел всячески покровительствовало всей этой до чрезвычайности напыщенной и лживой „письменности" и содействовало сбыту печатной макулатуры посредством приказательных циркуляров губернаторам. Таким образом, коммер-

чески „дело“ Богдановича было поставлено на самую широкую ногу.

Но помимо пресловутой „кафедры“ у Богдановича было и другое занятие, тоже далеко не платоническое и дававшее ему то, что так высоко ценилось в прежних условиях быта—так называемые „связи“.

Говоря несколько вульгарно, но зато близко к истине, Богданович был „притонодержателем“. Впрочем, на языке гостиных и будуаров это считалось — быть гостеприимным хозяином „салона“.

Дело в том, что генерал, объявляя себя „хлебосольным русским человеком“, много лет широко предоставлял своим знакомцам „открытый стол“.

„Салон“ Богдановичей просуществовал 33 года, т.-е. протянулся на царствование трех последних Романовых—Александра II, Александра III и Николая II.

И 33 года в „мятлевском“ особнячке была непротолченая ступа министров, бывших министров, кандидатов в министры. Постоянными и заезжими гостями особняка были губернаторы, жандармы, митрополиты, фрейлины, адмиралы, кавалергарды, дипломаты, деляги, пажи, коммерсанты, юнкера, „думцы“, старики и старушки „времен очаковских“ и т. п.

Надо сказать правду, „открытый стол“ был поистине „хлебосолен“, ибо без этого он не достигал бы своей цели. У Богдановичей хорошо завтракали, вкусно обедали, сладко пили, плотно ужинали. В генеральских „аппартаментах“ было тепло, уютно, комфортабельно и—что еще важнее—„дискретно“, иначе—„доверительно“, надежно, в смысле гарантии за то, что у „стен нет ушей“, люди все „свои“...

Это своеобразное „Исаакиевское кафе“ было очень нетребовательно в отношении „членского билета“ на право входа в „салон“. Поэтому там было гораздо менее чопорно и „тонно“, чем, скажем, в пресловутых комнатах графини Клейнмихель, графини Игнатьевой и иных „политических дам“, достаточно заклейменных историею придворных интриг.

Под крылышко „Евгения Васильевича“ и „Александры Викторовны“ допускались едва ли не все, почти без всякого разбора. Нужно было только, чтобы новый человек исповедывал „символ веры“ самого безудержного черносотенства.

И еще было одно условие бесплатных завтраков, обедов, чаепитий и ужинов: не „играть в молчанку“.

Поэтому все завтракавшие, обедавшие и ужинавшие несли на себе повинность расплачиваться за кулинарию хозяйки... разговорами.

И ровно 33 года „Александра Викторовна“, поздним вечером, покончив с „буфетом“ истекшего дня, садилась за письменный столик, извлекала тетрадочку „учебного“ формата и выводила аккуратным четким почерком:

„16 октября.—Сегодня у нас был... Рассказывал, что... Потом долго сидел... Сообщил про... За ужином передавали о... Днем слышала, как... Приехал... Со слов... говорил насчет..."

За время 1879—1912 гг. таких записных тетрадей „Дневника А. В. Богданович" накопилась целая погонная сажень, в буквальном смысле „метрического" слова.

Ясно видно, что авторша и в мыслях не имела стать историографом, заносившим на бумагу обстоятельства из эпохи Александра II, Александра III, Николая II. Она писала исключительно „для себя", ежеминутно охая и ахая над застольными рассказами, то негодуя, то тревожась.

Про „Дневник А. В. Богданович" отнюдь нельзя сказать, что он богат теми подробностями быта, которые, посредством ежедневной записи, дальних воспоминаний, или текущей переписки, могут осветить для грядущих поколений задачу, чем жила, чем существовала в действительности эпоха. А. В. Богданович не задавалась глубокими целями, исписывая тетрадь за тетрадью своего „Дневника". У нее не было, да и не могло быть исторических заданий уже потому, что она не располагала ни малейшими сведениями, что такое вообще значит история. С малых лет, с институтской скамьи, со страниц жидкого учебничка „русской истории", генеральша выросла, созрела и состарилась в диких представлениях „интеллигентки", воображавшей, что „историю делают" отдельные люди, именуемые „героями". Поэтому понятно, что для „Дневника" словно вовсе не существует огромных народных масс, забитых нуждой, нищетой и невежеством царской „власти тьмы". Понятие о подлинных законах исторического процесса, о безыменных, но единственных двигателях общественного строя, о массовом факторе всякого прогресса—рабочем классе—не достигало этого „дворянского гнезда". Если народ, то это—только необходимая подробность „высочайших проездов"; его право и обязанность кричать „ура" во время царских свадеб, родин, крестин, именин. В остальных случаях народ должен „благоденствовать"—молчать, терпеть, выносить эксплоатацию фабрикантов и помещиков, а более всего—„бога чтить, царя бояться, начальство уважать, в церковь ходить".

Представление же о том классе, который является всюду и всегда единственным создателем всяческих материальных ценностей, который толкает вперед, ширит и углубляет мировую историю—было в доме Богдановичей, а стало быть, и у авторши „Дневника", только полицейским протоколом рабочего движения. Есть какие-то рабочие, но это—забастовщики, их мутят социалисты, они причиняют много хлопот градоначальникам—и больше ничего. Потом приходится терпеть и другую неприятность—ждать революции. Ее сделают „студенты" и „нигилисты", которые, конечно, не русские. С такими-то допотопными взглядами семейка Богдановичей жила как раз в то время, когда в России бурною волною поднималось грандиозное рабочее движение, а „студенты" и „ни-

гилисты“ стали уже достоянием иностранных романов на „русские сюжеты“. Слепота и полнейшая политическая неграмотность автора „Дневника“ доходила до того, что на всех тысячах страниц этого произведения о рабочих говорится только в связи со стачками. Да и то все это происходит из-за требования „прибавки“ к жалованию. А того, что действительно революцию в России сделают не „студенты“ и „стриженые курсистки“, а поднявшийся, развитой и самоотверженный пролетариат, без всяких „героев“ и что капиталистический строй падет не от „прибавки“, а от неимовернейшей эксплуатации „прибавочной стоимости“—это, конечно, безграмотной генеральше и во сне не снилось.

Россия, по мнению А. В. Богданович, должна была быть такою, какою представляли себе ее „трезвые политики“ типа Струве—„Великою Россиею“. Схема проста: удачно воевать, не жалея „мужичьей“ крови, бить направо и налево соперников по империалистическому пути ко всевластию на потребу капиталу, заключать займы, не жалея процентов—платить-то будет рабочий, опираться на „первенствующее“ сословие и чуть-чуть—в крайнем уже случае—поиграть в „Думу“.

Таковы до тошноты серые общественно-политические идеалы А. В. Богданович. Таков весь ее горизонт, каким она получила его в юные годы от „классных дам“ одного из „институтов для благородных девиц“. Немудрено поэтому, что Александру Викторовну ужасно досадует „наглое поведение“ гувернантки ее детей, осмелившейся попросить у своей „хозяйки“ заработанное жалованье. — „Ведь она же ест и пьет у нас? Так на что же ей деньги?“...

И вполне отсюда естественно, что Евгений Васильевич, судя по некоторым записям в „Дневнике“, был очень озабочен одно время возмужалостью своего сына-пажа, отечески подумывая, как бы ему „для здоровья“ своего птенца устроить тому летом связь с какою-нибудь крестьянкою из своего, генеральского, имения, благо „белая рабыня“ не могла бы возражать.

Вот нравственная физиономия авторши „Дневника“ и ее супруга. Сплошь убожество и нищета разума. При таких условиях невозможно подходить с поисками в нем серьезности, поучительности, нельзя трактовать его, как веский памятник мемуаристики.

Так чего же ради—спросит иной читатель—печатать болтовню праздной, всуе писавшей „литераторши“? Зачем тратить время на чтение его, когда якобы в результате этого ничего не вынесешь?

Нет, смысл в издании и прочтении „Дневника“ есть, и вот какой.

Наибольшая ценность этого памятника как раз и заключается в полнейшем отсутствии личности. Пером А. В. Богданович водит среда. Автора как бы нет, а вместо него выявляется коллективное творчество целой классовой группы, опять-таки крайне характерной для отражения уже всего класса. Все, чем дышит, страдает, волнуется А. В. Богданович, всосано ею с молоком матери от длинной чреды общественного строя. Автор с грам-

мофонной точностью воспроизводит психологию паразитарного элемента, ему родственного. Нелепое, хищническое бытие определило сознание многих и многих страниц „Дневника". Помимо своей воли, но искренно, А. В. Богданович—выжимки из общего духа чиновничества. Она — вся в нем, а он — целиком в ней. Александра Викторовна Богданович—для нас нуль, она отходит на задний план, ее можно даже вычеркнуть. Зато налицо—дворянство, „родовое землевладение", бюрократия, придворная челядь,—словом, все типические черточки зоологической породы двуногих пауков обоего пола...

В „Дневнике" много комического элемента. Тем не менее, весь его тон трагичен для романовского режима. Не забывайте, что автор до корня своих волос был пропитан ядом монархизма со всеми готтентотскими несуразностями „национализма". Устами генеральши Богданович весь ее класс звучит раскатистою медью колокола, то набатного, то погребального.

В одном невозможно отказать А. В. Богданович—это в признании за нею известного благоразумия, эгоистического хладнокровия, которое проявляется в опасливой оценке настоящего. Криком кричит она, а вместе с нею и многие житейски опытные люди ее среды, ибо видят, понимают, что, дружными усилиями сановников, царских любимцев, великих князей, церковников—летит по краю откоса императорский поезд. Неуклонно приближается он к моменту, когда он низринется с искусственной насыпи трех веков и вдребезги, в щепы разобьется волею непреодолимого требования революции, и именно так, как этого желает массовое напряжение сил, для А. В. Богданович непонятных, но реальных.

А. В. Богданович знает, что дни монархии сочтены, что конец ее—бесславен, вернее—позорен. Иной раз между строками „Дневника" видно, как авторша в отчаянии ломает себе руки. Гибнет, гибнет помещичий уклад, гибнет по заслугам бюрократия, гибнет ошельмовавший себя царизм—и ничто им не поможет, никто и пальцем о палец не ударит ради продления агонии прижизненного покойника.

Мрачно вносит А. В. Богданович в свой „Дневник" все рассказы о многочисленнейших случаях иезуитства Николая II, его самомнительной тупости, его неумения разобраться в элементарнейших вопросах. Закусив губы, слушает она про наглое казнокрадство царевых дядей, ставшее притчею во языцех. Ее характеристики, которыми она награждает приближеннейших к трону советчиков—сухи, несложны, но суровы. Еще бы! Ведь их политика опасна для режима царя, помещика и фабриканта! Падает авторитет „власти", надвигается гроза, и от проливного дождя пострадает почва, к которой приросла сама А. В. Богданович.

Огромный круг лиц был втянут в поле зрения А. В. Богданович. Но все черным-черно. Ни малейшего проблеска. Не о ком хотя одного доброго слова молвить. Сплошная ночь...

Но если бы за этою трехвековою темнотою не последовал великий октябрьский рассвет и не наступил день пробуждения рабочего и крестьянина,—не увидать бы „Дневнику" А. В. Богданович и типографского станка. Пришлось бы оставить мысль о том, чтобы произведение А. В. Богданович стало достоянием читателя даже в 2000-м году, если бы классовое самосознание пролетариата не пошло вперед такими гигантскими шагами и бессмысленность капиталистического распорядка просуществовала до указанной поры.

Так облить грязью романовщину, грязью, взятою из „своего" же источника, так энергично бросить ком земли в разверстую уже могилу самодержавия,—значило обречь „Дневник" на роль заживо похороненного материала.

Не пора ли вообще забыть период 1613—1917 г.г.? Не время ли уйти с этой исторической свалки и обращать внимание читателя только на всходы новой жизни, благо ее нива зеленеет с каждым днем рабочего и крестьянского труда?

Не совсем, думается нам.

Разумеется, суд истории уже сказал свое непререкаемое слово по адресу всех Александров, Николаев, Павлов, Екатерин. Но подрастающие ряды великой армии труда должны воспитаться в доказанности тяжких прегрешений с корнем вырванной породы самоуправцев. Было бы жаль остановить приток нового обвинительного источниковедения. До сих пор мы имели перед собою мемуары „видных" деятелей той же „Эпохи трех последних царей", которую живописует и А. В. Богданович. Писали свои воспоминания Витте, Победоносцев, Извольский, Курлов и многие другие. Это были как раз „деятели", т.-е. непосредственные творцы той или другой грязной подробности „служения престолу".

А. В. Богданович—не „деятельница". Она—очевидец только, очевидец рядовой, будничная деталь целой системы. Это крайне важно. И это осмысливает издание ее „Дневника". Вот мотивы, по которым, сдается, тридцатилетняя запись А. В. Богданович должна стать предметом внимания революционного читателя, потому что она не шаблонна, не составлена искусственно спустя много лет после свершения тех или иных дел, а набрасывалась исподволь, наряду с событиями.

Если бы А. В. Богданович знать да ведать, что „Дневник" когда-либо выплывет на поверхность—можно быть уверенными, что рукопись давно полетела бы в огонь. Отсюда вывод: делать этого нельзя, ибо, что выгодно нашим врагам, то невыгодно нам. Сама А. В. Богданович жила и умерла во враждебном нам стане, но ее литературное наследие оказалось судьею тому классу, который взлелеял автора, хотя и превратил его из защитников в обвинители длиннейшей скамьи подсудимых. Пусть обвиненные уже отмерли для нас—гнева и презрения по отношению к ним у нас хватит надолго.

Е. Вавилов.

1879 год

11 февраля.

Сегодня, как громом, меня поразило известие о покушении на жизнь Крапоткина. Рана, говорят, смертельная. Неужели опять начнется ряд убийств? Того гляди, что они снова взволнуют всю Россию. И как до сих пор не найти нити, откуда все это исходит? Опять убийца не пойман...

Мельников рассказывал: когда к Суворову приехал гр. Евдокимов, после того, как получил Андреевскую звезду, Суворов его спросил:—„Ожидали ли вы, когда были военным писцом, дожить до таких великих почестей?“ На это Евдокимов отвечал:—„Ожидал ли когда-нибудь знаменитый полководец Суворов, что у него будет такой внук, который известен своей глупостью и нетрезвым поведением?“—Нельзя обоих похвалить, оба слишком резко выражались.

12 февраля.

Много говорят, что в беспорядках принимает участие одно высокостоящее лицо. Москва называет Константина Николаевича, которому не добраться никогда до верховной власти, оттого, говорят, он и мутит... Еще ребенком он говорил, что он должен наследовать, что он—сын царя, а наш царь—сын наследника.

14 февраля.

Опять масса необъяснимых фактов, порожденных прошлогодним оправданием Веры Засулич. Убийство Крапоткина (так же метко поражен, как Мезенцев), воскресная история в Киеве, где стреляла толпа залпами в полицию и жандармов (до сих пор все еще сбивчивые сведения),—как говорят, осталось на улице 4 раненых, 1 убитый. Вчера по городу явились прокламации, извещающие, что социалисты „казнили“ Крапоткина. До сих пор горсть людей действует безнаказанно, тревожит целое государство—и нельзя ее накрыть. Она же смеется над правительством, печатает брошюры, выпускает прокламации, судит своим кровавым судом. И что же,—мы все удивляемся и недоумеваем, что нам делать. Утром объявлен арестанту приговор, что он будет судим военным судом, вечером—месть за арестанта Фомина, и Крапоткин сражен пулею. Точно так же было и с Мезенце-

вым. В день его убийства был исполнен приговор в Одессе над арестантом Ковальским, которого расстреляли,—они отомстили за Ковальского убийством шефа.

Петербург—чума. Объявил Боткин. Вот шарлатан! Он этим известием разоряет Россию, действует на руку Биконсфильду. Такие люди опасны. Теперь он—спаситель России, спаситель царствующего дома. Вследствие этого известия и мер, принятых для удаления больных, он является охранителем всего Петербурга. Что теперь скажут в Германии и Австрии? Теперь от нас совершенно запрутся.

10 марта.

Найдены две типографии социалистов—на Голодае и на Гутуевском острове. Замешано много людей, ежедневные аресты, замешаны артиллеристы, говорят—11 человек, называют Зиновьева, Васильева. Вышла прокламация, также номер их социалистического журнала, дурно напечатанный,—они извиняются, что у них остался только дурной шрифт, хороший у них отняли. Все это напечатано. Вот дерзость! Главных никто никак не заберет.

11 марта.

Читала сегодня все газеты. Суворин в своем фельетоне нападает на жидов, говорит о совместном путешествии старца Краевского с Поляковым, жидом, потом переходит к Цитовичу, который сделался так популярен своими брошюрами, волнующими умы молодежи. Он находит, что, несмотря на то, что эти брошюры написаны с разрешения правительства, не мешало бы к ним написать следующий эпиграф: „Подцензурный период печати, чтение между строк и умение писать так, чтобы можно было читать между строк, внесли в общество сумятицу". Совершенно справедливо. Много толков и беспорядков вызвали эти брошюры, якобы написанные с разрешения правительства.

Пример выдающегося факта из одесской практики. Отставной солдат наступил на улице на шлейф местной аристократки. Местный жрец Фемиды приговорил его к двухнедельному аресту, мотивируя свое решение „оскорблением действием известной части тела", очевидно, на сей раз принимая шлейф за известную часть тела.

Фельдмаршала Барятинского с почестями хоронили в его имении „Деревеньках" по Курско-Киевской дороге. Человек, любивший быть окруженным и иметь двор, умирает один в деревне. Некому было известить государя. Узнали только на второй день.

13 марта.

„Молва“ нападает на И. С. Аксакова и говорит, чтобы он выбирал одно из двух: или славянская пропаганда, или управление банком; или правильность банковых операций, или благотворительность.

Опять новое покушение, но, слава богу, не удавшееся. Стреляли в Дрентельна, который не ранен. Пробило оба стекла в карете. Дрентельн гнался за убийцей, но тот успел скрыться. Удивляюсь ненаходчивости полиции: видеть человека, верхом скачущего, за ним карету, догоняющую ездока, и не преследовать! Дрентельн даже выскочил из кареты, сел на извозчика, но в ту же минуту увидел лошадь в руках городового; седок же успел взять извозчика и скрыться.

Во время предания земле в Москве тела убитого князя Кропоткина преосвященный Амвросий сказал слово, в котором развивал мысль, что во всех этих беспорядках виновато „передовое сословие“. Говорят, что он этим хотел укорить дворянское сословие, что многие отстали от церкви, что теперь проповедуют свободу совести, свободу слова, что мало интересуются вопросами религии.

14 марта.

Говорили много о покушении на жизнь Дрентельна. Многие говорят, что встречали на улицах много дурно одетых статских верхами, которые близко подъезжают к разным экипажам, вероятно приучая лошадей. Рассказывают, что три или четыре дня тому назад у Дрентельна обедали двое его приятелей. После обеда они перешли в кабинет, где на столе увидели социалистический журнал „Земля и Воля“. Номер был не тщательно напечатан. Дрентельн сделал это замечание и нашел, что довольно литературно написано. На другой день он получил письмо, в котором социалисты его благодарят за то, что он нашел, что хорошо написано, но что само правительство виновато, что дурно напечатано, но обещают, что скоро это исправят. Вот люди!..

17 марта.

Вчера обед очень удался. Говорили о Дрентельне, о покушении на его жизнь. Рассказывали, что в последнее время за ним все следил переодетый человек сыскной полиции. Уже раз тот или другой верховой преследовал его карету, вынул револьвер. Переодетый сыщик сделал то же, тогда незнакомец быстро скрылся. В день покушения полицейский не тотчас поехал за

Дрентельном, который в этот день выехал из дому ранее обыкновенного. Все это было рассказано Зуровым, который должен хорошо знать.

2 апреля.

Утром, в 9 часов, злодей стрелял в государя, но бог спас царя.

Собранные и рассказанные разными лицами подробности.

Маков, видевший государя через полчаса после покушения, рассказывал, что государь сам ему говорил, что пройдя Певческий мост, с ним встретился человек в штатском пальто, в фуражке с кокардой, который, поравнявшись с государем, остановился и отдал ему честь. Лицо этого человека обратило на себя внимание царя. Он невольно обернулся и в ту же минуту увидел пистолет, направленный на него. Оборотившись, государь миновал опасности. Пуля пробила стену дворца, где и засела. Злодей прицелился во второй раз—царь уклонился влево, преступник прицелился в третий раз—царь опять уклонился. В это время подоспел жандармский офицер Кох, который свалил преступника, который успел дать еще два выстрела. Одним из них ранен переодетый стражник Милошевич. В это время выскочил из своей квартиры Павел Андреевич Шувалов. Государь сел в его коляску и подъехал ко дворцу. Маков видел его уже совершенно спокойным.

Салов приехал из дворца. Государь очень громко, очень спокойно говорил в Белой зале собравшимся дворянам. 10 минут „ура" не прекращалось, говорят, не запомнят такого восторга, многие плакали. Салову говорили, что государь узнал, что его спасло. Государь высокого роста, человек, который стрелял, тоже высокого роста. Слава богу, что этому не удалось убежать.

Е. В. встретил Николая Николаевича. Он положительно летел в коляске во дворец, адъютант на козлах. Потом обратно, влетел в Конногвардейские казармы объявить о страшном случае. Михаил Николаевич, узнав, без фуражки прибежал во дворец.

Змачинский говорил, что государь, убегая от злодея, потерял фуражку. Е. В. посоветовал этому офицеру не распускать таких слухов, особенно ему, фамилия которого оканчивается на *ский*.

Митрополит рассказывал, что царь пришел очень осторожно объявить об этом императрице, чтобы ее не напугали другие. Сказал, что господь в третий раз спас его от руки убийцы.

Бильбасов рассказывал, что он с женой был в толпе, ожидая появления государя на балконе. Он услышал слова: „Если патриот—кричи ура, если социалист—то молчи". Слова эти были произнесены человеком, одетым мастеровым; народ, близ стоявший, спокойно их слышал и ничего с этим человеком не сделал.

Косаговский видел злодея, говорит, что противная рожа (его слова). Он принял яд, цианистый кали, который был у него в ногтях, но не отравился. Его стало рвать, потом ему дали антидоты. Одет был сверху прилично, а когда сняли чистую ру-

башку, под ней оказалась старая, грязная, ситцевая рубашка. Назвался он отставным чиновником Соколовым, служил, говорит, в министерстве финансов, потом говорит, что у него много фамилий. Стрелял в государя, потому что не доволен, как он управляет...

Когда Косаговский подошел к злодею, тот, услышав его имя, открыл глаза и посмотрел на него. Косаговский говорил: верно посмотрел на меня, чтоб заметить мое лицо, в случае, если ему придется убежать... Все время лежит без движения, отказывается есть, курить, глаза закрыты.

Бильбасов рассказывал, что за 5 дней до покушения германское тайное агентство прислало шифрованные телеграммы на имя Адлерберга, а потом депеши к Дрентельну, спрашивая его, что они, т.-е. русское правительство, намерены предпринять по получении этих телеграмм. Дрентельн будто бы отвечал, что он никаких депеш не получал и не знает, почему ему делают этот вопрос, что никаких депеш они не посылали. По вторичному утверждению в посылке ими депеш было приступлено к разведыванию, где находятся эти депеши. Они оказались на столе у Адлерберга, который никогда не берет на себя труда что-либо распечатать. Берлинский тайный комитет извещал, что социалисты намереваются сделать покушение на жизнь государя, или на обоих разом—царя и наследника, или же на всю семью царскую одновременно, но что покушение будет непременно. И такая депеша лежит нераспечатанная на столе у ленивого министра!

3 апреля.

Вчера Маков рассказывал, что три дня сряду около дворца бросали маленького формата листки с надписью: „Смерть злодею, смерть тирану!“ Один такой листок был поднят самим государем.

Вечером рассказывали, что убийца был не один. Один, видя своего товарища схваченным, укрылся, и его не нашли. Другой вбежал в ворота Главного Штаба, ворота оцепили и до сей минуты он еще не найден. Говорят, был извозчик, который их ожидал. По рассказам одних: государь бежал, за ним убийца и государь кричал: „Спасите меня!“ Поравнявшись с комендантским подъездом, навстречу государю вышел один из гренадеров дворцовой роты и повалил злодея. В народе говорят, что этот фельдфебель, спасший царя, произведен в офицеры. Имя преступника—Соловьев.

Говорят также, что задержана та карета, из которой был сделан выстрел в Измайловском полку в генерала,—она стояла в ожидании этого Соловьева, который должен был с извозчика пересесть в нее и спешить на Варшавский вокзал к 11-ти часовому поезду. Все было предусмотрено, чтобы, в случае удачи, они могли попасть на поезд. В карете находился какой-то человек, скрывают—кто и взят ли.

4 апреля.

Сегодня все редакторы in corpore были у Макова. Оттуда приехал Бильбасов, очень взволнованный, и рассказал, что там произошло. Маков обратился к редакторам с речью, в которой говорил, что за последнее время все газеты говорили много лишнего, особенно четыре газеты распространяли ложные, тенденциозные известия. Из них три: „Неделя“, „Русская Правда“ и „Русский Мир“ уже закрыты, а что касается четвертой, „Голоса“,—он обратился к председателю цензуры Григорьеву и сказал: „Прошу закрыть эту газету на 6 месяцев, дав ей 3-е предостережение за передовую статью, где разбираются слова „République française“ и где об этом преступлении говорится: „столь же мало оправданное, сколь и бесполезное“. Вообще эта газета давно уже имеет вредное направление и пагубно влияет на общество“. Бильбасов прервал его, сказав, что он, Маков, не прочитал статьи, о которой говорит, что депеша, о которой говорится в этой передовой статье, была напечатана в „Правит. Вестнике“ и пропущена цензурой. Бильбасов требовал сейчас же проверить. Маков ушел в кабинет, куда вскоре призвал Бильбасова и просил его извинения, говорил, что не понял так статью. Бильбасов сказал, что ему очень тяжело, что Маков, которого он уважает, заподозрил его в солидарности с темными подпольными людьми и т. д. Маков сказал, что поспешит взять назад свое распоряжение о закрытии „Голоса“. Бильбасов ответил, что, будь он сам редактором, сегодня же он закрыл бы газету сам.

Говорят, в Ростове-на-Дону—бунт. Население освободило преступников из следственной тюрьмы, разнесло государственный банк. Казаки, посланные усмирить мятежников, отказались повиноваться и не пошли.

Государь сегодня проехал по Большой Морской в открытой коляске, казак на козлах и два верхом, сзади. Тяжело это видеть.

Маркевич говорил, что Милютин после выстрела сказал Михаилу Николаевичу, что такие явления в духе времени.

Попов, адмирал, сказал Е. В., что он знает из достоверных источников, что преступник Соловьев очень проговаривается, произведены многие аресты, очень серьезные.

6 апреля.

Е. В. утром был у Посьета. Был Михневич. Условились втроем, что необходимо уничтожить самонадеянную Барановскую комиссию, которая совсем не имеет raison d'être. Необходима комиссия при министерстве путей сообщения и очень вредна вне его влияния, особенно находясь в руках такого фокусника, как Анненков.

Граф Ростовцев, разжалованный за анти-русскую переписку с Герценом и теперь находящийся при вел. кн. Николае Константиновиче, который теперь в штатском платье, без права носить мундир, находится в Самаре, говорил сегодня об этом молодом человеке, что он положительно серьезен, любит учиться, большой семьянин.

Сегодня в „Правит. Вестнике" напечатан указ сенату: Петербург объявлен на военном положении, генерал Гурко назначен помощником к командующему войсками вел. кн. Николаю Николаевичу с правами генерал-губернатора. Усилена власть московского и киевского генерал-губернаторов и временно будут назначены генерал-губернаторы в Одессу и Харьков. Давно пора!

1880 год

3 января.

Утром Е. В. получил интересное письмо от Баранова, в котором, он, между прочим, пишет: „Выезжаю только по требованию начальства, стараясь нигде не показываться. Выехать в форме я уже не могу, а в штатском я еще не могу“. Ужасное теперь его положение, но и Лесовского не лучше.

6 января.

Из новых личностей Черевин не произвел на меня того впечатления, какого я от него ожидала: тихий на вид, умно смотрит. Хотя и говорят, что при дамах молчит, но у нас разговорился.

19 января.

Напали, наконец, на типографию, где печаталась масса прокламаций. Напали совершенно случайно, бессознательно: искали одного подозрительного человека, а вместо того нашли целую шайку.

21 января.

Был генерал Савельев. Рассказывал, как раскрыли социалистов в Саперном переулке. Полиция производила обыкновенный вседневный обыск, обыск, какие делаются каждую ночь в 40 или 30 квартирах неслужащих или учащейся молодежи, которая живет не в доме родных. Делая такой обыск, набрели на них, но они до сих пор не знают.

Разговоры о взятой типографии не прекращаются, у всякого есть своя подробность, ни с чем иногда несообразная. Всякий хочет знать больше другого. Одно только меня страшно поражает, что можно 3 года жить в центре города, печатать целый журнал, приносить шрифты, выносить массу прокламаций, собирать сомнительную молодежь, жить в большой квартире двум женщинам и трем мужчинам без прислуги,—все это на глазах дворников, полиции, почти с ее ведома. И за это получила эта полиция громадные награды, за то, что совсем случайно накрыла это социалистическое гнездо. Ночью разбудили государя оповестить об этом событии, разбудили в $5^1/_2$ час.—какая дер-

зость! Это дело полиции—знать и следить за жильцами, а она хвалится открытием этой шайки после $3^1/_2$-летнего, как оказывается, существования на том же месте, в той же квартире, за которую платили 1500 руб.

22 января.

Суворин много рассказывал интересного. Графиню Гендрикову выслали из Петербурга по высочайшему повелению в 24 часа. Ее уже давно недолюбливает государь; прежде за ней ухаживал, потом бросил,—она ему стала надоедать. В Ливадию в этом году ее не пустили. Она всюду старалась пролезть. Написала письмо, говорят, дерзкое, государю, ездила просить генерал-губернатора отправить в казенном пакете ее частное письмо, так как от нее на почту не принимали,—не успела никого склонить. Наконец, в Петербурге на ее просьбу согласился Дрентельн, который ничего не знал, что письмо это будет неприятно. Потом эта барыня громко везде ругала государя, что он—un vieux ramolli и проч. Когда после смотра кирасиров послана была депеша шефу, что полк в блистательном порядке,—эта депеша тоже подверглась критике. Вот почему и попросили уехать подобру, поздорову.

28 января.

Гейнс читал сегодня свою записку. Очень дельно и хорошо написано. Он рисует картину современного состояния России в очень мрачных красках. Меры, которые он предлагает, чтобы избавиться от людей беспорядка,—очень дельные, но вряд ли их применят. У нас всегда хорошее остается без внимания.

29 января.

Граф Игнатьев с первого разу не может произвести хорошего впечатления. Он некрасивее всего того, что можно себе вообразить. Большое широкое лицо, довольно длинно обстриженные волосы, небольшой рост, неприятное выражение глаз, все черты несимпатичные—вот портрет человека, о котором так долго говорила вся Европа во время войны 1877 и 1878 годов. Когда он говорит, любит, чтобы его больше слушали. Говорит хорошо. Его записка о Нижегородской ярмарке очень дельно написана, видно, что он с большой наблюдательностью отнесся к этому делу. Обе записки, и Игнатьева, и Гейнса, рисуют в черном положение России. Первый предлагает меры для ярмарки, второй, чтобы уничтожить нигилистов, предлагает: 1) дать рабочему люду занятия, сделать то, что сделал Наполеон в Париже: начать разные сооружения, и, главное,—устроить ирригацию в южных губерниях, которым угрожает голод; 2) снять налог на соль, а, чтобы возместить казне эти 12 милл., наложить на керосин и на минеральные масла, а также на ввозные товары; 3) устроить больше реальных школ; 4) переменить губерн-

ские учреждения, уничтожить губернских советников, вице-губернаторов, а создать обер-полицеймейстеров и отдать усиленную полицию в руки губернаторов, власть которых необходимо усилить. Временных же генерал-губернаторов совершенно уничтожить, как вредное и никуда не годное, дорого стоящее правительству учреждение. Эту записку верно не одобрит Игнатьев, так как сам был генерал-губернатором и им до сих пор состоит.

31 января.

Про митрополита киевского Арсения рассказывают, что он очень любил скоромные анекдоты. Раз, когда он такой рассказал при императрице, Дондуков ему заметил, обращаясь к царице: „Son eminence aime les diners lourds et les conversations légères“.

В 7-м часу в подвальном этаже дворца, под тем помещением, где находится караул, произведен взрыв, лопнула газовая труба, но вряд ли лопнула без посторонней помощи. Удар был так силен, что свод взорван, перебиты стекла и, как оказывается, еще убито в карауле, где находился финляндский полк, 5 человек солдат, 12 тяжело ранено и около 25 человек получили ожоги. В ту минуту, когда происходил взрыв, государь вышел из своего кабинета в тронную залу встречать принца Александра Гессенского, приехавшего во дворец обедать. Огонь показался из душников в комнате, где находился государь, запах пороху был весьма силен и мгновенно освещение в комнате потухло. Взрыв был так силен, что было слышно на площади. В Главном Штабе не могли понять, отчего в пушки стали стрелять.

Принц Гессенский приехал вчера же из-за границы в 6 час. вечера и по этому случаю обед был отложен до $6^1/_2$ часов. Злоумышленники не рассчитали, не знали, что обед отложен на полчаса. Когда в столовой произошел взрыв, там никого не было. Говорят, последствия взрыва ужасны. Вся столовая, а по рассказам других—часть столовой, пострадала. Они размерили время, чтобы взорвать тогда, когда все будут сидеть за столом, но не рассчитали, что поезд Гессенского может опоздать и что обед могут отложить, что и случилось. Взрыв был сделан под тем помещением, где находится караул. Внизу помещались столяры и, говорят, к ним-то и был внесен ящик с динамитом. Было их 10 человек; 8 взяты, а двух никак не разыщут. Тотлебену поручено разрывать убитых и раненых. Теперь уже оказывается, что 10 убитых и 48 раненых, всех же солдат бывает иногда в караульной до 200 человек, так как туда приходят отдыхать те, которые сменяются со своих постов внутри дворца.

1 февраля.

Были у Фере. Она нам рассказывала подробности насчет взятой типографии. Эти люди жили всего 4 месяца—и того до-

вольно—под фамилией Лысенко. Теперь они уже вышли из моды,—найдется третья и вторую забудут, которая печатала „Черный передел“, так звали, кажется, этот журнал.

5 февраля.

Были у митрополита Исидора. Приехав домой, узнали о новом злодействе нигилистов: произвели взрыв в Зимнем дворце. Сегодня всех редакторов в 3 часа собрал Маков, и они все им остались очень довольны. Какой ужас! Что было бы, если бы они сумели взорвать часть дворца. Они метили на ту часть, где находится кабинет государя.

6 февраля.

Был большой выход во дворце. Государь очень расстроенный, но на вид спокойный, сказал несколько слов, которые не мог кончить без слез, сказал, что надеется, что народ ему поможет сокрушить крамолу, что господь его спас еще раз, что надеется на всех, что необходимо искоренить зло. Город украшен флагами.

7 февраля.

Утром масса народу. Каждый рассказывает и ужасается, что именно во дворце злоумышленники избрали место для своих злодейств. Правда, верится с трудом. Нет еще никаких правительственных оповещений. Кутайсов кричит, что надо выгнать Макова, ему он всех противнее. Но надо отдать справедливость, лучше ли при Макове, чем было при Тимашеве? Тогда он работал за Тимашева, а Перфильев-то за него не работает, да и работать не умеет. Был Бобриков. Рассказывал подробности похорон убитых финляндцев. На одном катафалке стояло 10 гробов. Первый гроб вынесли генерал-адъютанты, остальные—офицеры полка и гвардейского корпуса. Государь вчера был на панихиде. Шеф полка, вел. кн. Константин, был во все время отпевания и погребения.

8 февраля.

У Гейнса была страшная сцена с Тотлебеном по поводу записки, которую Гейнс передал цесаревичу. Тотлебен ему сказал, что он смущает и путает неопытного молодого человека. Лорису Тотлебен очень ругал Гейнса, назвав его жидом и т. д., но Лорис, кажется, не разделяет мнения своего коллеги.

9 февраля.

Был Зейферт. Ему сегодня митрополит сделал выговор, что дворяне себя мало показывают во время торжественных молебнов в Исаакиевском соборе—они присутствуют, но не в мундирах, а в партикулярных платьях.

11 февраля.

Суворин рассказывал про впечатление о взрыве в Зимнем дворце. Клейс, Мейер, Кушелев, Курис—один сменял другого. Рассказы про то, каким образом государь сказал, что обманулся в друзьях. Трудно верить, говорят, Гейнс сказал эти слова про государя у Протасовой. Трудно верится, что так мало охраняют царя. Теперь у него собираются ежедневно комитеты, но к чему все это поведет, когда у государя такие советчики, которые боятся только одного—потерять портфель министра? Говорят, что Лорису предстоит занять здесь важный административный пост. Сегодня его сделали членом Государственного Совета. Побольше бы таких деятельных людей—и дело пойдет лучше.

Вчера сгорела Петровская Земледельческая академия близ Москвы.

До чего доходит неблагодарность и несправедливость! В истории взрыва во дворце всего более виноват Адлерберг, малое дитя это поймет. Оказывается же на деле, что не он, а Гурко, хотя Гурко просил осмотреть дворцовые подвалы, но ему в этом было отказано. Теперь же, когда собрался совет у государя под его председательством, Гурко не был допущен в залу заседания, а ожидал в другой комнате. Теперь, кажется, начинает подыматься звезда Лориса. Дай ему бог все это привести в порядок. Гурко с самого начала говорил, что он ничего не смыслит в администрации, притом у него страшный дурак правитель канцелярии. Не то можно сказать про Скальковского—он очень дельный и рабочий. Многие опасаются страшных бедствий 19-го. Рождественский говорил, что под малою церковью Зимнего дворца найдено несколько пудов динамита. Неужели французское правительство не выдаст нашему знаменитого Гартмана? Странно будет, если такого человека—и не возьмут. Говорят, что нет у нас с ними конвенции на выдачу преступников, но это событие hors ligne—подкоп под полотно железной дороги; теперь уже признано, что он этим занимался.

12 февраля.

По словам Львовского, теперь в соборе ежедневно осматривают подвалы—неровен час—может, и туда подсыплют динамита, благо, что его так легко теперь делают. Слышала, что, по поводу доклада начальника берлинской полиции Мадая, император Вильгельм выразил удивление, что не было обращено внимания на предостережения и сведения, доставленные еще в декабре месяце Мадаем в Петербург о проектируемых нигилистами покушениях. Вторично покушению предшествовали предостережения из Берлина, и опять ничего не было сделано, чтобы предотвратить это ужасное событие. Сегодня Каульбарс нам рассказывал, что пойманный рабочий проговорился, что они дежурили по ча-

сам с другим товарищем, который спал. Первый рабочий, оставшийся на часах, остался часом позднее, не разбудил во-время товарища. На вопрос, почему он так сделал, отвечал, что слышал, что готовится взрыв, и желал узнать, в чем дело. Очень нелепый ответ.

13 февраля.

Трудно записывать все те глупости, которые слышишь. Один рассказывает, что будет испорчена машина водопроводная в Петербурге—останемся без воды, другой, что были получены печатные листки в казармах Преображенских, Конногвардейских и 8 флотском экипаже, что они будут взорваны; говорят, найдена мина у дома Плаутина, что вторично во дворце было какое-то несчастье, что продолжают находить динамит, что Зуров, проходя во дворце, узнал в одном из разодетых лакеев выгнанного им за пьянство и буйство городового, что какая-то судьба всегда удаляет из Петербурга Константина Николаевича, когда что-либо такое случается, что вторично неосторожная лампа падает и сжигает на столе бумаги.

Город наполнен нелепыми слухами, все чего-то боятся, многие выезжают, или собираются уехать, аресты продолжаются, также продолжаются и загадочные убийства. Два дня тому назад убили дворника, который донес о существовании типографии на Васильевском острову. Пришли мужчина и женщина нанимать квартиру; он показал, и тут-то произошла экзекуция. Мужчина и его спутница скрылись.

Теперь назначен главным после царя, можно сказать, Лорис, ему даны большие полномочия. Справится ли он с этой работой?

14 февраля.

Гартмана привезли. Теперь, надеюсь, он уже не уйдет из рук правительства. Помогли часы открыть, кто он такой. Дело было так: пришел молодой человек покупать один минный прибор. За него запросили в Париже 800 руб. У него не было достаточно денег и он за прибор заплатил часами, прибавляя немного денег. Когда стали искать, у кого были куплены эти дорогие часы, оказалось, что в Петербурге одна знатная дама подарила эти часы одному известному Гартману, а тот уже передал их своему племяннику. Таким образом узнали о фамилии Гартмана, которого давно искали.

Сегодня напечатано воззвание к жителям столицы, где Лорис обращается ко всем обывателям и возлагает на них надежду, что они помогут ему сокрушить зло, что он, со своей стороны, употребит все силы, все свое умение, чтобы вернуть порядок в России, возвратить ей прежнее благосостояние. Теперь Лорису даны права премьер-министра, ему подчинены все генерал-губернаторы, все ведомства, не исключая и военного. У него болезненный вид.

дай бог, чтобы он был здоров. По мне, он очень милый; когда его ближе знаешь, подпадаешь решительно под то обаяние, которое невольно он внушает всем тем, которые его окружают. „Голос“ в передовой приветствует его назначение и приводит девиз графа Лориса: „Сила не в силе, сила в любви“.

16 февраля.

Был Батьянов, которого вытребовал Лорис состоять в его распоряжении. Батьянов очень, кажется, умный. Можно только поздравить Лориса, если он себя такими окружит. Кроме него, еще назначены состоять при Лорисе Черевин и князь Вяземский. Был также Кутайсов, просился тоже у Лориса к нему, но тот ему отвечал, что государь ему назначает,—понимай, как знаешь. Батьянов говорил, что теперь, кроме мер предохранительных, до 20-го они не будут других предпринимать, чтобы эти числа прошли покойно. 19-го в 10 часов утра будет выход государя к войскам, собранным возле дворца принести поздравления его величеству. Этого не будет объявлено в газетах. В субботу, когда государь назначил Лориса председателем комиссии верховной, он был дежурным. Когда собрались министры в экстренный совет к государю, он его тоже позвал, посадил рядом с собой и объявил всем свою волю. Лорис был очень удивлен и взволнован этой неожиданностью и тою ответственностью, какая на него возлагалось высочайшей волею, но преклонился перед нею.

17 февраля.

Была у митрополита. Он рассказывал, что получил письмо от одной дамы с фразой, что ему достанется, что ему не избавиться казни. Нам рассказывали, что Толстой получил письмо, где ему советуют опомниться, просить наставлений архипастырских у трех митрополитов, которых в свою очередь просят его увещевать бросить свои классические бредни.

18 февраля.

Редко случаются такие дни, как завтра, редко их переживают народы. Как пройдет завтрашний день? Все меры старались принять, но враг силен на выдумки. 300 студентов остались без крова, убыток 500 тысяч. Говорят,—поджог, и подожгли в то время, когда производился обыск у студентов. Угрожают 19-го взорвать весь Петербург. Про Дельсаля рассказывают, что он во время взрыва находился с Гротом и Голицыным на Салтыковском подъезде, ожидая прибытия принца Гессенского, который в прошлый раз подъехал с этого подъезда. Но 5-го принц подъехал к другому подъезду. Грот и Голицын поспешили туда, но так как Дельсаль болел ногою и не мог скоро подняться на лестницу, то сел в подъемную машину, которую поднимали в минуту ката-

строфы и не подняли, а оставили между небом и землей на воздухе, где он оставался четверть часа забытый, так как служители, которые его поднимали—одного контузило, другой с испугу убежал.—Вот наказание, которое он вполне заслужил.

Такое движение в городе, точно канун святого светлого праздника. Сегодня у Исаакия была панихида по царе Николае. Масса военных собралась к этому времени в соборе. Е. В. встретил там Лориса. Он был очень озабочен.

19 февраля.

Вчера в 1 час ночи через Зурова Е. В. была прислана от Лориса депеша полтавского губернатора, извещающая, что завтра во время обедни будет взорван Исаакиевский собор. Е. В., взяв сторожей, ходил по всем катакомбам собора, причем сторожа лазали в печи, все осмотрели.

Сегодня на выходе государь не сказал никакого спича, молча приветливо кланялся.

20 февраля.

Сегодня в третьем часу дня Лорис возвращался домой, когда дурно одетый человек, на вид лет 30-ти, поджидавший его на углу Почтамтской и Б. Морской, выскочив из своей засады, выстрелил в него в упор в правый бок. Шинель спасла графа, пуля скользнула по шинели, разорвав ее в трех местах, а также и мундир. Но, слава богу, Лорис остался невредим. Преступника тотчас схватили. Оказался еврей перекрещенный, но находящийся под надзором полиции. Лорис, когда почувствовал дуло пистолета, размахнулся на убийцу, что, верно, и спасло его. Граф сказал: „Меня пуля не берет, а этот паршивец думал убить меня". После покушения у Лориса собрались: цесаревич, вся семья царская, министры, послы, много обывателей. Батьянов говорил, что вид преступника мерзкий, гадкий, так и хотелось его поколотить. Его повесят после завтра. Преступник сказал, что если ему сегодня не удалось, то, может, наверное, удастся другому. Какая ужасная у них лига!

Губонин, вспоминая восшествие на престол государя, рассказал, что 25 лет назад, когда ударили в колокол у Василия Великого в Москве к присяге государю Александру II, колокол оборвался и с шумом упал, а был только что починен и повешен к коронации. Странный случай.

21 февраля.

Лорис уже одну разумную меру издал, чтобы полиция не отдавала честь никому, кроме государя, цесаревича и главнокомандующего,—иначе они занимались больше—не пропустить генерала, чем порядком на улице. Завтра повесят этого преступника на Семеновском плацу. Зовут его Млодецкий.

22 февраля.

Сегодня повешен Млодецкий. Как и следовало ожидать, все время вел себя бойко, смело. Жаль, что священник его провожал, хотя перед повешением он поцеловал крест. Он говорил: „Если не мне удалось убить Лориса, то другому, третьему, а наверное удастся. Мы это решили, так как система Лориса—самая вредная именно для нас". Это он сказал на вопрос Батьянова: отчего, не дождавшись распоряжений Лориса и зная его мягкую систему, он вздумал стрелять в него.

Сегодня этого злодея, имя его Ипполит Млодецкий, казнили. Вчера привезли из Москвы палача, который и надел на него петлю. Много приходило народу рассказывать впечатления во время казни. Преступник себя держал очень нахально, смеялся на все стороны, особенно недружелюбно глядел на военных, смело шел на смерть: эта смелость у них—un parti pris, хотят этим выказать свою правоту. Батьянов, который его допрашивал, рассказывал, что он, хотя и имел вид животного, далеко не глупый человек, фанатик до мозга костей, что он произвел на него вид, что если будут его и пытать, он ничего не скажет. Батьянов пришел к тому убеждению, что они дают эти поручения лицам, выдержавшим особого рода испытания, готовым на все. Дерзость его во время суда заставила его вывести из залы и его ввели только тогда, когда пришло время прочесть приговор. Дюферин (английский посол), поздравляя Лориса со счастливым исходом, прибавил, что это первая пуля, которая прошла сзади графа, все другие он встречал грудью вперед.

Прочла в „Journal des Débats" письмо из Петербурга, где говорят, что был сделан обыск по приказанию III отделения у некоего Пигальского, что найдено письмо, где говорится, что он может действовать, что Шебаша (вымышленное имя) видел царя, что царь покоен и что дело можно начинать. Редакция от себя прибавляет, что из этого видно, что к нигилистам причастны лица высокопоставленные, которые видят царя, а может быть даже и его родственники. Все это не в бровь, а прямо в глаз бедному Константину. Но я положительно отрицаю, чтобы он был в этой шайке: он слишком умен и слишком дорожит своим положением. С таким братом ему ли не хорошо живется? А ожидать того, что о нем говорят, будто он добивается,—он понимает, что это может только сумасшедший человек.

23 февраля.

Говорят, взяли в толпе, которая смотрела на казнь, до 7 человек, громко порицавших действия правительства и высказывавших свое сочувствие к преступнику. Есть же такие люди! Нелегко будет Лорису справиться со всем этим злом—глубокие корни им уже пущены.

24 февраля.

Сегодня завтракали Марголи, Гагарин, Бобриков, Вышнеградский, Бруннер и много других. Бобриков рассказывал подробности насчет преступника. Когда его повели в суд, он шутил и резко отвечал, но, вернувшись обратно в крепость и зная уже, что он приговорен к смерти, он имел вид смущенный. Когда его спросили, хочет ли он есть, он попросил и два раза ел два сытных обеда с большим аппетитом. Обед состоял из щей (1 фунт мяса), телячьей котлеты и блинов без варенья. Бруннер, командующий войсками Казанского округа, развивал свою мысль, как уничтожить нигилистов: объявить Петербург на военном положении, потом сделать общий обыск офицерам во всем Петербурге, а затем сделать ответственными за жильцов всех домохозяев, если найдется в доме типография и подозрительная личность — конфисковать дом в казну.

27 февраля.

Пришел Батьянов. Много рассказывал про свою беседу с убийцей. Когда он поехал к нему в крепость, то тот, видя, что Батьянов очень удобно поместился против него и о многом стал спрашивать, полюбопытствовал узнать, не будет ли он мешать ему спать. На это Б. отвечал, что он будет спать, сколько пожелает. Он рассказывал, что в народе у них уже ходит до 35 тысяч, что он—один из маленьких, что еслиб им удалось достичь своей мечты, то его положение было бы не выше школьного учителя, что он шел убить, что был бы счастлив, еслиб ему удалось убежать, но еслиб убежал, то вторично постарался бы метче стрелять, что у них есть знаки, по которым они друг друга узнают.

Сегодня Дрентельн оставил пост начальника III отделения. Вместо него Черевин, с подчинением Лорису. Батьянова Лорис, кажется, очень любит. Когда ложится спать, призывает его к себе, долго с ним говорит и не отпускает от себя.

28 февраля.

Сегодня Иславин рассказывал, что опять вышел номер „Народной Воли“. Вот люди неугомонные! Неужели у них есть еще типографии? Как они умеют действовать! Их девиз: „l'union fait la force“. Никогда своего не выдадут. Ляжет костьми, умрет,—ничего не скажет.

5 марта.

Завтракал Коростовец. Много говорил насчет полиции, находит, что еще мало сделано верховной комиссией! Теперь затишье полное, как будто успокоились все—и общество, и нигилисты. Но надолго ли? Говорят о назначении в Верховную комиссию, кроме Ковалевского, Батьянова, Черевина, еще Имеретинского, Победоносцева, Маркова, Шамшина, Перфильева; Каханов уже

давно назначен. Неужели Перфильев может дать добрый совет? Вчера было первое заседание комиссии. Как водится, прошло, ничего не выяснив, так как пришлось каждому приглядеться к своему соседу.

14 марта.

Пришел Косаговский. Сегодня приехал. Объехал три города, где находятся тюрьмы с политическими преступниками. Много рассказывал достойного внимания. Например, в Москве было им конфисковано письмо, уже с печатью прокурора, значит законом дозволенное, где была прямо написана и проведена анти-правительственная агитация. Фамилия прокурора очень неразборчиво написана, начинается на К (оказалось, по справкам, что в Москве 4 прокурора и фамилии всех начинаются на К). Был Батьянов. Он ездил по тюрьмам узнавать, где находятся разные подозрительные люди. Е. В. ему говорил про свое свидание с Лорисом. Когда он увидел Лориса в его большом кабинете, с большими очками, через которые смотрели большие глаза, в темной комнате в отделении—Скальковский, потом рядом дежурные,—все это имело вид военного штаба.

15 марта.

Был Имеретинский; говорил, что при назначении Лориса во главе комиссии общественное мнение разделилось на две партии: высшее общество видело в этом назначении только полицейскую должность, народ и печать увидели в нем неограниченного правителя, пользующегося правом диктатора, и это повредило Лорису,—теперь он не в состоянии будет всего того сделать, что от него ожидают одни и другие. В настоящем же его положении без особенных экстренных полномочий он ничего не может сделать. Писала под диктовку Е. В. воззвание комиссии верховной, где она оповещает, что все раскаявшиеся нигилисты, если придут, отдадутся в руки правительства,—оно их укроет от прежних товарищей. Мысль добрая, но врад ли принесет добрый плод. Был у Е. В. спирит Ридигер, предлагает спиритизмом избавить Россию от нигилистов. Тоже мечта!

25 марта.

Утром пришел Батьянов. Вчера у них была комиссия. Много толковали о поднадзорных. Кажется, изменят эту меру, находят ее неудобоприменимой: теперь во всей России находится 400 тысяч человек под надзором полиции. Зуров поднес список лиц—136 человек, находя, что они должны быть высланы из Петербурга. Когда разобрали степень их виновности, он первый согласился с тем, что 60 человек из 136 можно оставить на прежнем месте жительства.

29 марта.

Е. В. предложил Лорису меру: посылать избранных священников беседовать в тюрьмах с преступниками. Эта мера очень Лорису понравилась и, кажется, будет приведена в исполнение.

6 апреля.

Вчера напечатано в газетах очень гуманное распоряжение Лориса: людей, находящихся под надзором полиции в течение нескольких лет и показавших свою благонадежность, избавить от этого надзора. Это подымет нравственный дух этих лиц.

15 апреля.

Вернувшийся из Лондона барон Клейс рассказывает, что на него смотрели, как на чудо, что он приехал из Петербурга, из такого города, откуда ни кто целым не может приехать.

20 апреля.

Сегодня la question du jour—это Толстой. Все рады, что он уже не министр. У всех на языке: слава богу, его уже нет. Вот человек, сумел себя заставить ненавидеть всех без исключения, или с очень небольшими исключениями.

3 мая.

Был Бильбасов. Встретился с Батьяновым, который тотчас же начал с ним свой обычный спор, сколько времени может еще продержаться теперешнее положение дел и как сделать, чтобы министры были ответственны перед государем, и, если это будет, то хорошо ли будет. Бильбасов сказал, что думает, что теперешнее положение скоро переменится, если будут приняты меры, что все это долго не продержится.

———

Тотлебен назначен в Вильну, а Альбединский в Варшаву. Дрентельн — в Одессу. Говорят, Тотлебену хотелось в Варшаву, и государь, давая ему Вильну, утешал его тем, что у него в этом крае имение.

7 мая.

С утра уже Е. В. отправился в суд Веймара. Говорил, что его возмущают женщины, очень себя держат нахально. Косаговский приехал из суда. На него, напротив, так как он уже присутствовал на политическом суде не первый раз, все подсудимые произвели хорошее впечатление: они поражают своею скромностью. По его мнению, это второй скромный суд — Мирского и этот.

До этих подсудимые вели себя очень несдержанно: скакали на столы, бог знает что кричали, ругались и проч... Был Суворин. Очень ему хочется проникнуть в залу суда. Удивляюсь, отчего его не допускают, он, право, благонадежный.

9 мая.

Е. В. все утро пробыл на суде Веймара. Он создает впечатление человека, которого трудно обвинить; все свидетели относятся к нему с большим почтением и похвалой. О суде Е. В. такого мнения: тяжело видеть эту игру в суде. Все сидят люди неумелые. Никого из них нельзя назвать людьми недобромыслящими, но они в первый раз призваны исполнить эту обязанность.

13 мая.

Ни Веймар, ни Коленкина не оправдали ожиданий публики. Первый сказал несколько бесцветных слов, вторая ничего не захотела говорить.

14 мая.

Е. В. вернулся в половине пятого. Все судьи совещались и через 13 часов вынесли такой приговор: Веймара на 15 лет на каторгу, Михайлова и Сабурова повесить. Е. В. рассказывал, что подсудимые спокойнее выслушали свой приговор, чем публика, которая за них страдала от 7 часов до $4^1/_2$. Ни один не дрогнул, ни один не побледнел. Теперь все пошло на утверждение Верховной комиссии.

15 мая.

Адельсон рассказывал, что вчера, когда был прочитан в 9 час. вечера окончательный приговор подсудимым, Коленкина бросилась обнимать Михайлова, приговоренного к повешению, а Михайлов бросил презрительный взгляд на Сабурова, но все сохранили полное спокойствие и спокойно выслушали приговор суда.

19 мая.

Был Каханов. Много говорили о Лорисе. Каханов говорил, что его наследник очень любит, часто зовет запросто обедать собственноручной запиской. Вот человек! Сумел-таки себя поставить. Очень он хитер и ловок. Не знаю, будет ли он полезен России.

28 июня.

Читала „Illustration“. Удивительно, что позволяет и пропускает цензура. В июньском номере „Causerie“ напечатано, что после траура государь намерен жениться на княжне Долгорукой,

с которой уже давно позабыл les grandeurs de la royauté. Неужели можно допустить это писать, когда еще так недавно умерла императрица?

4 июля.

Бунге, профессор Киевского университета, назначен товарищем министра финансов. Это, по моему, хорошее назначение.

27 июля.

Опять, слава богу, напали на след нигилистов, — несколько человек схвачены. Я вполне уверена, что эти люди бездействуют только наружно, но что тайно времени не теряют.

9 августа.

Лорис-Меликов назначен министром внутренних дел. Кахановему в товарищи.

11 августа.

Все газеты полны похвалой назначению Лориса.

14 августа.

Все газеты полны восторгов о назначении нового министра и называют 6 августа, день этого назначения, счастливым днем.

19 августа.

Все перемены. Наследник будет вместо Николая Николаевича,— пойдут переменять весь гвардейский корпус.

21 августа.

Был Батьянов. Много рассказывал. Говорит, что государь повенчался с Долгорукой. Называют свидетелями Лориса и Милютина; Адлерберг, говорят, отказался присутствовать. Обедал Вышнеградский. Разбирая деятельность Лориса, он сказал, что он за две вещи отдаст отчет богу: что позволил разбирать газетам школьный вопрос, который запугал молодежь, так что экзамены были плохи, и ругать 3-е отделение, которое существовало 20 лет и считалось необходимостью. Это отняло веру во все,—кто поручится, что и все остальное никуда не годится?

1 сентября.

Баранов назначен ковенским губернатором—человек, бывший под судом,—что это значит?

20 октября.

Кушелев из комитета принес известие, что, по случаю голода, сегодня ночью разбили и разграбили запасный склад хлеба около Смольного. К чему еще должны мы готовиться?—Голодный человек на все способен.

21 октября.

Вечером был Кушелев. Рассказывал одну подробность о свадьбе государя. Он женился в штатском платье, говоря: „Cest un particulier, mais pas l'empereure, qui répare une faute commise et répare la reputation d'une jeune fille". Монтеверде рассказывал из верного источника, что Германия очень недовольна этой свадьбой.

28 октября.

Опять наступает время возвращения царя в Петербург. Нехорошо повлияет на массу его женитьба, нужно было дождаться хотя году. Опять суд, опять настроены умы слушать эти ужасные истории. Вот люди, у которых организация замечательная. Они всюду действуют и действуют так тайно, что нельзя их заподозрить.

30 октября.

Интересно очень показание Гольденберга (жида, который убил Крапоткина в Харькове). Его схватили, он раскрыл всю тайну, потом повесился. Сегодня будет окончен суд. В этом году, говорят, он мало привлек публики, говорят, зала пустая. Это — отрадное явление. Прежде не было места, все ломились попасть в залу.

1 ноября.

Странное наступает время. Франция близка к коммуне, тяжело читать про все эти буйства и бесчинства. У нас пока, можно сказать, лучше, спокойнее, чем у них. Амнистия коммунаров к добру не поведет. Феликс Пиа говорит возбуждающие речи, его была первая мысль поднести пистолет Березовскому. Теперь он пишет воззвания, вроде следующего: „Долой церковь, долой разврат публичный, который нам является в виде семьи, жены, детей и бога!" Страшно это писать, а еще такую фразу: „Pour démocratiser la terre il faut détroniser le ciel".

2 ноября.

Был Бобриков. Много говорил о последнем суде. Пятерых приговорили к смертной казни, их 4-го будут вешать в 7 часов утра. Это еще большой секрет.

Будут помилованы трое,—все те, которые покушались на жизнь государя, а двое, именно—Квятковский, который взорвал финляндцев

в Зимнем дворце, и Пресняков, убивший швейцара на Васильевском острову, будут повешены. Государь это мудро придумал.

4 ноября.

Был Адельсон (комендант), приехал с места казни, рассказывал впечатление, произведенное преступниками, которых повесили. Оба причастились, оба обнялись сперва со священником, потом, имея уже завязанными руки, поцеловались друг с другом, поклонились войскам. Когда повешен был Квятковский, Пресняков посмотрел сбоку на эту картину и прослезился. Через минуту его ожидала та же участь. Ужасное впечатление!

5 ноября.

Вся печать высказывается очень сочувственно, что государь помиловал трех, тех, которые покушались на его жизнь. Нельзя без ужаса слышать все подробности вчерашней казни. Я смотрю очень несочувственно, с отвращением на нигилистов, но такое наказание страшно. Говорят, что палач Фролов все это делает с бессердечием и даже неловко.

9 ноября.

Князь Гагарин много рассказывал про Ливадию. Государь всюду ездит со своей княжной, которую представил Милютину, как свою жену. Цесаревна, бывши в гостях у Воронцовой, ей жаловалась на свое неловкое положение и с таким жаром ей все рассказывала, что та ей сказала:—„Вы так откровенно и так горячо высказываете ваше неудовольствие, что это дает мне право думать, что вы не делаете из этого секрета".—„Да,—отвечала цесаревна,—можете кому хотите об этом рассказывать".

27 ноября.

Вчера был день Георгиевского праздника. Вчера во время обеда государь, провозглашая тост самого старейшего георгиевского кавалера, германского императора, вместо обычного тоста, кончавшегося „и моего лучшего друга", только сказал первую половину тоста, а именно—старейшего кавалера. Не может ли это повлиять на все дела?

2 декабря.

Обедал Маркевич. Много рассказывал про свое путешествие, к каким способам прибегают нигилисты, чтобы доставать деньги у русского посольства. Вот ловкие люди! Они устраивают через своих фальшивый донос на себя же, что вот такой-то узнал, что замышляется такое-то преступление, и за то, что такой-то предупредил, ему выдается награда.

10 декабря.

Большой разговор о романе Маркевича „Перелом“. Он там описывает семью Анненковых под именем Саватьевых, и они имели глупость себя узнать.

13 декабря.

Был Кушелев. Рассказывал про интимную жизнь царя. Об этом нельзя писать, никто не знает, что может случиться, могут украсть и этот бесцветный дневник.

30 декабря.

Ивашинцев рассказывал, что Суворов все волнуется, не может привыкнуть к новой хозяйке Зимнего дома; в интимности он ее понимает, но видеть ее во время официальных приемов—он к этому не может привыкнуть. Был Полетика. Уверяет, что к новому году соберут земский собор. Е. В. же уверял, что этому не быть.

1881 год

3 января.

Все газеты полны разными пожеланиями на новый год, в каждой проглядывает желание, чтобы в России было другое правление. Одни за конституцию, другие за земский собор—та же конституция под другим именем.

6 января.

Прочла из „Русского Вестника" рассказ Демчинского „Первая охота на медведя". Очень он метко очертил личность Гейнса в молодом генерале Дейне. Кто немного знает Гейнса, сейчас его узнает. Ловкий он человек и, по моему, приятный, но в рот пальца не клади.

8 января.

В Киеве открыты опять социалисты. В Харькове во время масленицы были разные тенденциозные маскарады. Одна процессия: был представлен Толстой, бывший министр народного просвещения,—идет бледный, худой, а за ним несут трупы умершей молодежи на носилках и идут за трупами тоже студенты, не краше мертвецов.

13 января.

Видела сегодня на улице государя. Тяжелое впечатление делает эта встреча. Теперь его сопровождают не 8 казаков, а гораздо больше, и уже за полверсты чувствуешь, что приближается что-то особенное,—и это наш царь!

15 января.

Сегодня город разукрашен флагами по случаю победы над текинцами. Народ ее не понимает. Один дворник, на приказание пристава вывешивать флаги, спросил очень наивно: „Неужто опять промахнулись?" Вот до чего никто не знает и не следит за этой войной в народе.

29 января.

Пришел Комаров, пришел от покойного Достоевского, говорит, что семья в нищете. Мною была высказана мысль, не попросить ли митрополита похоронить Достоевского безвозмездно в Александро-Невской лавре. Комаров схватился за эту мысль и меня Е. В. и он попросили съездить к владыке попросить у него раз-

решения. Митрополит встретил очень холодно это ходатайство, устранил себя от этого, сказав, что Достоевский—простой романист, что ничего серьезного не написал, что он помнит похороны Некрасова, которые описывались,—было много всякого рода демонстраций, нежелательных в стенах лавры, и проч. Победоносцев на панихиде выразился, что „мы ассигнуем деньги на похороны Достоевского“, и нелестно отозвался об Исидоре.

30 января.

Сейчас был наместник лавры. Победоносцев тоже ходатайствует, чтобы похоронили Достоевского в лавре, и это ходатайство равняется приказанию. Митрополит прислал наместника нам сказать, что он исполняет нашу просьбу, дает место, и служение будет безвозмездно.

Таких манифестаций и оваций нельзя запомнить. Все стремятся поклониться покойному Достоевскому, народ тысячами осаждает его квартиру. Большинство—женщины; они горько плачут, будто потеряли любимого отца или мужа. Будут 10 хоров певчих сопровождать его до могилы.

1 февраля.

Был Я. Поляков. Ему рассказывал Краевский, что женские курсы хотели вместо венков нести на подушках цепи на похоронах Достоевского, в память того, что он был закован в кандалы. Еще не утихли бурные страсти, еще жив дух протеста. Эти сходки и проводы, хотя и стройные, смирные проводы, но такие многолюдные (говорят, было до 30 тысяч человек), могут повториться совсем при других условиях. Народ в этих похоронах не участвовал. Кто-то ответил на вопрос: кто умер?—„Говорят, какой-то писец“. Значит, народ его не знал. Вся демонстрация была сделана учащейся молодежью, газетами и литераторами.

8 февраля.

Пришел Шидловский (харьковский предводитель дворянства). Долго с ним говорила насчет настоящего положения России. Утешительного мало видит. У них в Харькове, в соборе, тоже по поводу смерти Достоевского на панихиде происходили необычайные явления: с кафедры церковной говорили речи светские профессора,—вот прогресс, и не особенно желательный. В развязном тоне газет он так же видит мало утешительного.

9 февраля.

Вчера на акте в университете опять были беспорядки; кричали Сабурову: „лгун, мерзавец“ и давали ему еще другие эпитеты. Тяжело, что опять начинается брожение.

Золотницкий рассказывает, что Анненков хочет вызвать на дуэль Скобелева за то, что он не хочет послать второе донесение об его ране, так как первое не дошло,—посланный джигит был убит и не довез. Теперь у всех рождается подозрение, было ли послано и первое донесение, или только Скобелев обещал послать. Теперь же он не решился послать ложное донесение, а сказал Анненкову, что послал.

14 февраля.

Говорят, что Сабурова один студент во время университетского акта ударил. Неприятное положение. Он уже напечатал в газетах: просит прекратить все выражения соболезнования по этому случаю и благодарит за сочувствие.

18 февраля.

В дворянском собрании один дворянин Шакеев говорил речь против административной ссылки, предлагал просить государя ее окончательно уничтожить. Вот дух времени!

20 февраля.

Говорят о двух наградах: Баранов-Веста—генерал, а Баранцев—граф. Иславина рассказала анекдот про рану Зеленого: Мессарош, брат Карпович, защищая сестру от злых языков, сказал, что Зеленой ничего не может сделать, что он ранен в такое место и что он это знает из верного, самого верного источника— от сестры, которая сама видела.

24 февраля.

Заходил граф Игнатьев. Такой фокусник! Говорит, что ни за что не примет портфеля министра народного просвещения, что не только устно, но и письменно отказался от этого, но не прочь быть на месте Ливена, так как любит сельское хозяйство.

25 февраля.

Утром был Бильбасов. Е. В. сумел склонить его к тому, что он согласился не писать более против настоящего положения дел, а будет писать то, что правительству нужно — в унисcон с Лорисом.

1 марта.

Такое страшное злодейство свершилось, что до сих пор не могу придти в себя. Было у нас много народу. Еще не все разошлись,—вбежал Скалон со страшным криком: „Сейчас было покушение на жизнь государя. Царь сильно ранен, двое конвойных убито и еще 8 человек контужено и ранено". Е. В. подбежал к нему, не доверяя известию. Скалон был у нас в 2 часа и несколько минут. Е. В. тотчас же отправился ко дворцу. Там масса

народу, войска, свита государя, министры—толпились у дворца. Никого не впускали во дворец, кроме членов императорской фамилии. Е. В. пробрался с Милютиным и Грейгом на комендантский подъезд и там узнал тяжелые подробности. У государя были раздроблены обе ноги ниже колен, осколком окровавлено все лицо и грудь. Царя без фуражки посадили на полицеймейстерские сани, два офицера стали по бокам, поддерживая голову, и в таком положении привезли во дворец. Случилось это в $1^3/_4$ часа и уже в 3 часа 35 минут царя не стало. Такой позор трудно перенести. У нас целый день сменялся народ—все с негодованием относятся к этому страшному делу. Е. В. был у митрополита, у Лориса. Скорбь великая. Дай бог, чтобы еще не прибавилось позорного пятна на страницы русской истории.

2 марта.

Е. В. вернулся из собора очень расстроенный, заплаканный. Янышев сказал проповедь. „Государь не скончался,—он убит! убит!"—закричал он на всю церковь. Эти слова были встречены глухими рыданиями. Был Суворин. Он очень сдержанно себя держит. Была принесена присяга новому императору. Тоже был выход во дворце. Цесаревич очень расстроен, говорил сквозь слезы. Она тоже. Тело покойного царя лежит в комнате рядом с его кабинетом, что называется „рабочая". Много рассказывают разных подробностей. Когда новый царь узнал о несчастном событии, он так растерялся, что бросился на место покушения и только проезжий генерал его, можно сказать, разбудил, сказав ему: „Ваше место во дворце, спешите туда". Подробности начинают раскрываться.—Он лежал на мостовой. Первый к нему подбежал офицер Новиков, потом вел. кн. Михаил и, таким образом его подняли. Лошади Дворжицкого испугались и умчались, но наконец, их удалось поймать и посадить царя в сани.

3 марта.

Найдены еще злоумышленники. Так их будет меньше. Не хочется верить, что их много. Печать трудно удержать, всегда проврется то одна, то другая газета. Говорят, что на месте гнусного, страшного происшествия толпы народа все сменяются. Какое страшное чувство—убить царя! Сегодня покойного перенесли в церковь Зимнего дворца и была панихида. Говорят, государь очень изменился. Ему намазали лицо белой краской, чтобы не видно было ран, правая рука тоже в крови—какое страшное чувство! Один из убийц, бросивший две бомбы, умер, а первый, Рысаков, мещанин (слава богу, не дворянин), говорят, начал выдавать своих. Молодой государь очень взволнован. Трудная ему предстоит задача. Дай бог ему справиться с крамолой и социализмом.

4 марта.

Найден подкоп на Малой Садовой, угловой дом, там помещался склад сыров „Кобозева",—по этой улице государь обыкновенно возвращался из манежа во дворец. Мина подведена под средину улицы. Очень тщательно сделано. Рассказывают, что рядом, по левую сторону гроба, шла Юрьевская во время перенесения тела в церковь, составляя как бы принадлежность гроба. Нынешний государь, говорят, ей сказал: „Покойный государь нас разделял, но горе наше общее нас сблизило". Читала прокламацию: извещает о смерти убитого государя. Видно, что не здесь напечатана, хотя помечена 1 марта 1881 года, а внизу „Типография „Народной Воли", 2 марта 1881 г.". Это уже у них было давно подготовлено, они уже решили с ним в этот день покончить и по этому случаю во многих местах у них стояли готовые люди и устроены разные вспомогательные средства.

5 марта.

Тяжелое впечатление не укладывается, напротив—живет и растет с каждым днем. Трудно придти в себя, опять начать прежнюю жизнь, отдаться прежним интересам. Говорят, найдено много новых людей. Дай бог, чтобы спокойствие и безопасность нового царя были обеспечены. Рассказывают много новых подробностей о происшествии, какие минуты пережил царь. Подкоп в Малой Садовой был сделан искусной рукой. Хозяин лавки скрылся. Говорят, что вел. кн. Константин, которому приписывают много дурного, но который в этом деле, по моему убеждению, ни в коем случае не может быть повинен, в день присяги новому царю подошел к стоящему во дворце караулу кавалергардского полка и дважды их поздравил с праздником,—на это приветствие солдаты отвечали полным молчанием. Юный офицер, командовавший взводом, был смущен этим молчанием. Он не слышал поздравления и думал, что вел. кн. здоровался. По его уходе он заметил это солдатам, на что ему старый фельдфебель, там находившийся, сказал: „Великий князь не здоровался, а поздравлял нас с к а к и м - т о п р а з д н и к о м". Это было подтверждено и находившимся тут же камер-лакеем. Все это привело в большое волнение офицера. Соханский привез рисунок того состава, которым смертельно был ранен государь. Весу в нем 6 фунтов, по виду—коробка конфект Ландрина, устроен он адски, так поставлены провода, что взрыв должен произойти во всяком случае, а последствия взрыва, к сожалению, мы знаем и век не забудем. Е. В. поехал во дворец поклониться государю. Вернулся он с таким впечатлением, что все это внешнее, что окружает покойного государя, изглаживает впечатление, что издали как-то больше, глубже чувствуешь эту утрату, сделанную таким страшным злодейским образом. Громадный золотой балдахин посреди церкви, по сторонам балдахина чины гражданские и военные, придвор-

ные, масса орденов, мало света, архимандрит читает евангелие, изувеченное лицо государя, сильно пострадавшая рука, тело покоится глубоко в гробу, представляя из себя что-то маленькое,—вот что представляет теперь царь.

7 марта.

Сегодня с утра большое движение в Петербурге. Переносят тело царя из дворца в Петропавловскую крепость. Везде столько полиции, столько войск, что через них трудно что-либо видеть. Но тревожные телеграммы, полученные из Берлина и других государств (конфиденциально) сообщают, что эти меры необходимы, что у дерзких врагов ужасные замыслы, что они ищут случай произвести беспорядок. Был Косаговский, приехал и Е. В. с Сувориным с церемонии. Оба говорят, что торжественности мало, что хорошо выступал сзади гроба, твердой поступью, с грустным, сосредоточенным выражением лица, молодой государь, чувствуя сотни глаз, устремленных с любопытством на него. Процессия шла врассыпную, особенно гражданские чины. Е. В. многим, кто к нам заходил, говорил, что необходимо энергично взяться за дело, предлагая очень рациональную меру, чтобы домохозяева отвечали за жильцов, что если будет что-либо подозрительное найдено в чьем-нибудь доме, то конфисковать дом в казну,—отдать его со временем, года через два. Только этим одним и можно поправить дело, вывести людей из апатии, а это всего легче достигается, когда бьют людей по карману. Неужели трудно хозяину дома проследить за жильцами?

8 марта.

Неделя событию, а все один разговор—возмущение, масса рассказов о новых арестах и проч. Пришел расстроенный Комаров, возмущен против полиции тем, что никто из народа не мог видеть процессию, что полиция вела себя непристойно, била народ нагайками.

Е. В. был у митрополита, который ему рассказывал про панихиды, им справляемые в присутствии высочайших особ. Когда все уходят, то к гробу приходит вдова покойного государя, княгиня Юрьевская, начинает с ним прощаться, обкладывает тело ароматическими подушками, которые сушатся рядом в особой комнате в Петропавловском соборе и которые меняются ею же два раза в день в гробу. Она всегда приходит вместе с Рылеевым.

До сих пор мало приехало иностранных гостей, но многих ожидают к похоронам. Везде те же чувства негодования.

13 марта.

Рассказывают, что свита уговаривала наследного принца прусского не ехать на похороны в Петербург; на это маститый германский император сказал три слова: „faisons notre métier“.

И тяжелый „métier“ выпал на их долю! Целый день слышишь все ужасные разоблачения. Теперь общество разделилось на два лагеря: одни говорят, что только репрессивные меры приведут дело в порядок,—сегодня представителями этого порядка были Толстой, Маркевич, не помню, кто еще; другие же того мнения, что теперь вернуть порядок, бывший при Шувалове, немыслимо, что это поведет к погибели России, что нужно созвать народных представителей, что нужны строгие меры, но разумные в то же время, что нужно реорганизовать полицию и проч., но что все это должно быть сделано по-старому, а не по-новому, по образцу Франции. Этих гораздо больше.

14 марта.

Батьянов все продолжает говорить, что без конституции не может быть порядка. Он верно сказал, что успех Баранова вызовет неминуемо отставку от дел Лориса. Говорят, произведено в городе до 70 арестов, и все более из интеллигентного класса. Е. В. был у Лориса. Рассказывал, что вынес впечатление, что его обстановка напоминает канун осады Одессы во время Крымской войны,—все это говорит, ходит, но работы практичной не видно. Бедный Лорис скверно окружен. У Лориса одна мечта—вернуть себе вновь ту власть и доверие, которыми он пользовался, и не пощадить тогда тех, кто от него в эти дни отвернулся.

15 марта.

Сегодня хоронят царя. Сегодня были многие из присутствовавших в крепости во время похорон. Рассказывают, что все прошло официально, мало было чувства. Прибывшие депутаты тоже были допущены. Когда опустили гроб в могилу и когда царская семья бросила первую горсть земли, она уехала, и начали подходить собравшиеся, бросали цветы и землю и кланялись праху. Косаговский говорит, что не дай бог теперь давать земский собор, что это все дело сгубит. Теперь, кажется, об этом отложено попечение.

17 марта.

Баранов, говорят, очень в милости у молодого царя: утром, во время приема, он все время там находился, и видно, что все за ним ухаживают, как за новой влиятельной звездой.

19 марта.

Сегодня новый приказ как бы от министра внутренних дел, но de facto от Баранова, чтобы каждый домовладелец и хозяин квартиры выбрал бы от себя одно лицо, которому нашел бы полезным поручить в специальном совете, созванном из представителей всех околотков (по одному представителю от каждого),

блюсти за порядком в городе и собираться, чтобы обсуждать меры для охраны города от нигилистов.

Пришел Кушелев, рассказывал свои впечатления о прошедших событиях. Он один из первых вошел во дворец, когда туда внесли раненого умирающего царя на ковре. Кровь лилась ручьем. Кушелев намочил свой платок. Долго он не решался войти в кабинет, где, выдвинувши из алькова его постель и поставивши ее рядом с письменным столом, положили умирающего. Когда он вошел, на подушках в сидячем положении находился государь, его поддерживала княгиня Юрьевская и рыдала громко, тут же находились ее дети—сын и дочь. Рядом какой-то доктор мехами старался вдувать кислород в рот царя, лежавшего без ног—открытые колени и тут же кровавые лохмотья. Вот ужас! Вновь прибывавшие родичи, едва входили в кабинет—с истеричными рыданиями останавливались у входной двери. Наследник хотел увести детей, но Юрьевская сказала, что просит оставить их страдать вместе с матерью их. Все время она исполняла все приказания докторов. Когда государь скончался, у него отвалилась челюсть,—она взяла платок и им повязала голову царя. После этого наследник подошел к ней и обнял ее, а вслед за ним подошли к ней и поцеловали ее руку все остальные великие князья.

20 марта.

Рано утром пришли объявить Е. В., что он избран в число лиц, призванных от околотка. Их было избрано 260 человек, теперь же из них будут избираться 25. Многие находят, что очень поспешно привели эту меру в исполнение. В половине второго Е. В. отправился в дом градоначальника. Там все уже собрались. Баранов ведет себя недостойно своему сану: горячится и не дает высказываться. Е. В. выбрали депутатом в числе 25 человек, но, кажется, с Барановым не легко работать: раньше, чем вопрос подвергается обсуждению, Баранов объявляет, что на такое распоряжение уже последовало высочайшее соизволение. К чему же тогда эта комиссия?

21 марта.

Умер Майдель, комендант крепости. На него подействовал допрос, сделанный.... Рысакову в его кабинете, где он их обоих нашел развалившимися в креслах с папиросами в зубах у его письменного стола.

22 марта.

В комиссию 25-ти выбраны: Трепов, Воронцов-Дашков, Глазунов, Квист, Лихачев, граф Бобринский, бар. Фредерикс (командир Конного полка), Семевский, Меншуткин, Елисеев, Ламанский, гр. Левашев, Крундышев, Благово, Потехин (адвокат), Бекетов (ректор университета), Христианович, Заблоцкий. Десятовский,

Богданович (Е. В.), Котомин, Краевский, Коростовец, Целибеев, Кобеко и Жуковский. Председатель—Баранов.

Говорят, поймали многих преступных личностей. Много и сочиняют. Теперь всех занимает, кто из министров останется на своем месте. Возмутительны рассказы о том, как высылали дам из крепости во время панихид, если они не были трех первых классов.

23 марта.

Сегодня все члены совета 25-ти в полном составе ездили представляться государю. Представлял их Баранов. Государь показался Е. В. очень крепким, сильным, видным. Теперь еще в нем мало привычки. Он их всех обошел, и этим кончился прием. Тут же был и Лорис. Много рассказывают про разные аресты. Выслали из Петербурга француженку-модистку Теодор: она шила белье маленькому наследнику и положила в карман письмо с угрозами. Взят также известный их техник Кибальчич, сын священника: он признался, что изготовлял взрывчатые снаряды. Сегодня советом 25-ти отменено распоряжение градоначальника не пропускать, не опросивши, через заставы. Эта мера оказалась неприменимой, в виду массы народа, входящего в Петербург для снабжения населения молоком, маслом и т. д. Так как кладбища находятся за заставой, то некоторые покойники и сопровождающие их родственники не были пропущены через заставы. Эта мера вызвала общий ропот. На железных дорогах будут устроены турники и возле каждого будет помещаться доверенная личность и будет следить за физиономией каждого приезжего. Карточки нигилистов-вожаков более или менее известны.

24 марта.

Были у митрополита Исидора. Старик нам рассказал, что была оцеплена Охта, что в воскресенье там не было обедни по случаю того, что отнятые два ящика со снарядами и 20 фунтов пороху были снова украдены нигилистами. Сегодня в совет 25-ти были представлены две прокламации, в одной из которых нигилисты, меняя тон и начиная словами „ваше величество", требуют от государя конституции. Говорят, что если не даст, то раскается. Много рассказывают о разного рода ухищрениях этих лиц. Теперь, по последним сведениям, они разъезжают по деревням на хороших лошадях парой и стараются возмутить народ рассказами о том, что его новый царь хочет вновь закрепостить, что отнимут у них землю, что они будут так же бедствовать, как и прежде, свободы у них не будет.

25 марта.

Теперь много говорят о Баранове (градоначальнике). У него масса врагов и его сильно бранят, называют шарлатаном и проч.

Теперь все разные перемены, новые назначения. Вот уже третий министр летит, Ливен, и его место занимает граф Игнатьев. Неважный преемник, у него уже давно есть кличка menteur-pacha, или le roi du mensonge.

26 марта.

Е. В. с утра отправился в суд. Это просто комедия—судить этих людей. Их надо без суда наказать: они взяты все на месте преступления, все не отказываются от сочувствия и участия в этом возмутительном деле—и их-то судить! Е. В. вернулся из суда, измученный безобразием этих людей. Все они вели себя очень покойно. Желябов не пожелал иметь защитника и сам говорил на суде. Говорит самоуверенно. Было очень много публики, все избранные, по билетам.

27 марта.

Возмутительно ведет себя состав судей. Хотя и говорят, что убийцам надо дать высказаться, но я с этим совсем не согласна. Можно ли, чтобы они пользовались правом слова, эти преступники, и чтоб они смели еще выражать такие мысли, что они удовлетворены или неудовлетворены. Рассуждения Желябова о религии, циничные разговоры Перовской—все это действует губительно и на слушающих на суде, и на читающих газеты. Золотницкий со мной спорил, что этот суд должен был быть. Но по моему разумению, я бы не допустила их судить: их деяния так подлы, без суда видно, чего они заслужили. Кушелев, со своим спиритическим направлением, говорил, что они действуют не своею волею, а что это их натолкнули злые духи.

28 марта.

Никто не доверяет Баранову, все в нем видят шарлатана,—и этот-то человек пользуется таким доверием государя. Заходил Коростовец. Высказал очень верную мысль, что теперь все, даже молодые, чувствуют, что со смертью государя они переступили какую-то грань, что теперь всякого ожидает что-то неведомое, новое. Под ужасной тайной я узнала, что Желябова после суда будут стараться заставлять говорить, чтобы от него выведать, кто составляет эту организацию. Это необходимо для общественной безопасности. В одной комиссии, под председательством Палладия Рязанского, поднят теперь вопрос об урезании прав старост, хотят над ними поставить церковный контроль. С нашим духовенством возможно ли это? Сколько в России делается глупостей. Много повредил и еще повредит России Победоносцев. Он пользуется доверием юного монарха и до сей минуты никого к нему не приблизил достойного. Выбор Баранова—его выбор.

29 марта.

Был Сперанский. Говорил, что видел имена лиц, которые замешаны в социализме, и их, известных, насчитывают 617 человек. Сегодня Сенат вынес приговор шести преступникам—всех повесить. Перовскую представить на усмотрение государя, что касается ее дворянства. Говорят, их повесят в пятницу. Дай бог, чтобы попытали. Я не злая, но это необходимо для общей безопасности, для общего спокойствия. Вчера профессор Соловьев (философ) сказал речь, где, говоря про настоящие события, оплакивая их, в конце коснулся суда, взывал к милосердию царя и заключил, что если этого не случится, т.-е. милостивого прощения, „то мы, люди мысли, от него отвернемся". Как эти господа такими речами решаются волновать молодежь! Вот они, враги своего отечества! От Лориса к Е. В. приезжал Безобразов (он замещает Скальковского). Его прислали с тем, чтоб Е. В. сегодня же переговорил с Сувориным и чтобы завтра „Новое Время" напечатало в духе правительства статью. Е. В. тотчас же послал за Сувориным, долго с ним беседовал, и Суворин обещал написать то, что просят.

30 марта.

Утром собрались старосты. Они составляют съезд против комиссии под председательством Палладия Рязанского, которая стремится к тому, чтобы причт контролировал старост,—тогда все люди дела откажутся от этой должности. Говорят, что на место Баранова будет назначен Гейнс, но я этому не верю. Говорят также, что вел. кн. Константин Николаевич арестован в Павловской (?) крепости, рассказывают так: он писал письмо государю и просил позволения приехать поклониться усопшему императору. Государь отвечал, что покойному он причинил много горя, и отказал. На это Константин Николаевич отвечал дерзким письмом, что и вызвало эту меру. Бернский-Гамбургер рассказывает, что после панихиды, которую служили в его доме, еще никто не разошелся, как послышались у окна звуки шарманки, которых совсем нет в этом городе Это тоже подготовленная демонстрация. Производят много арестов. Одного из них, Арончика, взяли, когда он пришел на квартиру Кибальчича. Там уже сидела и ждала их полиция, но не догадалась и оставила снаружи двери ключ. Это дало подозрение Арончику, который запер дверь на ключ, а сам бежал, но был схвачен дворником дома. Е. В. вернулся поздно из заседания совета 25-ти. Опять у них все только разговоры. Уверяют, что Маков лишился места из-за перлюстрации. Он привез государю много выписок из разных писем, что вызвало негодование царя. На другой день последовало его увольнение. Е. В. вчера сказал Суворину, чтобы он посоветовал Соловьеву написать Лорису письмо и просить, чтобы он был извинен государем за речь.

31 марта.

Был Толстой, рассказывал свои впечатления на суде. Говорит, что когда убийцам прочли окончательный приговор, все они его выслушали нервно, но покойно. Заехал герой дня, тот, кого не перестает разбирать, ругать судить и проч. весь Петербург,—Баранов. Он проводил маленьких великих князей на машину, а сам к нам заехал. Говорили про преступников. Баранов высказывает одно опасение, чтобы их не помиловали. Все, он думает, подадут об этом просьбы. Михайлов, Рысаков уже подали. От Рысакова он вчера получил письмо, где он просит на деньги, которые были найдены на нем в день ареста, поставить св. Николаю свечу в 50 коп., отслужить молебен Тихвинской божьей матери, помянуть одних за здравие, других за упокой, купить две палки шоколаду, две бутылки молока и называет еще, каких папирос. Говорил Толстой, что якобы Желябов ему написал три письма. Первое подписал: „начальник социалистической партии и народный учитель", второе—„гражданин Желябов", а третье—„ваш покорный слуга". Потом он просил газет, Баранов ему послал книги. Но вчера, отдавая книги, он сказал, что сел читать и ничего не понимает, что рассчитывал больше на свои мозги. Кибальчич, по словам Баранова,—самый опасный, также Перовская, остальные нет...

Государь живет в Гатчине, в антресолях дворца. Комнаты там очень жуткие и мрачные; он почти касается везде потолка.

Обедал Маркевич. У него одна песня, везде он видит „красных". Это нехорошо.

1 апреля.

Были Золотницкий и Косаговский. Первый говорит, что преступников надо помиловать, другой высказывает совершенно противоположное мнение. Это на каждом шагу: нет двух людей, которые бы сходились во всем безусловно. Косаговский рассказывал, что Циковский, поверенный Рысакова, ему передавал, что его доверитель не будет просить о помиловании, так как вот уже месяц он свыкся с мыслью, что его повесят, но не выдержал—вчера уже его просьба была подана одна из первых. Вечером был Николаев, сочлен Е. В. по Криворожской дороге. Высказывал, что Кибальчич подал после суда большую тетрадь своему поверенному Герарду, целую систему о воздухоплавании, исходною точкой которой являются взрывчатые вещества,—на этом все построено: одно вещество вспыхивает, другое потухает и так до бесконечности. Кибальчич говорит, что он над этим долго работал. Жаль, что такой недюжинный техник попал в это гнусное дело, он мог бы быть весьма полезен для науки. Он мало учился, до всего дошел сам, читая много и работая без чьей бы то ни было помощи.

2 апреля.

Завтра преступников вешают. Сегодня Лорис едет с докладом к государю в Гатчину. Теперь он его уже не видит ежедневно. Кто-то будет главным советчиком молодого царя? Не дай бог, чтобы остался один Победоносцев. Он вреден и России, и царю, у него мелкая душа, он завистливый, в нем течет поповская кровь, кроме того,—он сильно боязлив, везде старается действовать позади, чтоб в случае неудачи он не был бы виноват.

3 апреля.

Сегодня утром, в $9^1/_2$ часов, совершена казнь над преступниками. Повешен первым Кибальчич. Его удачно повесили: он скоро умер. Потом Михайлов, который был четыре раза (если можно так выразиться) повешен: первый раз он оборвался и упал на ноги, второй раз веревка отвязалась и он упал во весь рост, в третий раз растянулась веревка, а в четвертый раз его пришлось приподнять, чтобы скорее последовала смерть, так как слабо была завязана веревка. Доктора его в таком положении держали 10 минут. Перовская была удачно повешена, и смерть наступила быстро, но Желябову и Рысакову пришлось довольно долго промучиться, так как палач Фролов (один единственный во всей России палач) так был потрясен неудачей с Михайловым, что этим обоим дурно надел петлю, слишком высоко, близко к подбородку, что и замедлило наступление агонии. Пришлось их вторично спустить и повернуть узлы прямо к спинной кости и, завязав их крепче, снова их предоставить их ужасной участи. Виселица была устроена одна и на ней 6 колец, в 5-ти веревки. Привезли преступников на позорных колесницах: Желябов и Рысаков—в одной, а Михайлов, Перовская посредине и Кибальчич—во второй. У всех были на груди доски с надписью: „цареубийца“. Казнь была на Семеновском плацу, народу было очень много, много помято людей в толпе; одна женщина за приветствование Перовской была схвачена. Она влетела от толпы в дом по Николаевской; швейцар запер за ней дверь, чтобы спасти ее, но толпа, выломав дверь, избила швейцара, а также эту даму. У нее нашли револьвер. У нас было много народу, каждый приходил с разными подробностями. Только один человек сказал, что видел людей, им выражавших сочувствие,—все в один голос говорят, что толпа жаждала их казни. Вечером все кабаки были закрыты. Лорис благодарил по телефону Баранова от имени государя за поимку трех важных преступников. Какое ужасное время мы переживаем! Вчера весь Петербург ходил к градоначальнику смотреть на пойманного неизвестного человека, чтобы кто-нибудь из посетителей мог назвать его имя, если узнает в нем лицо, с которым встречался.

4 апреля.

Сегодня Е. В. были на совете у Баранова. Во время заседания совета Баранов объявил о поимке важных преступников. Пойман еще один техник, у которого оторваны во время работ два пальца. Фамилия его Исаев. Фредерикс спросил Баранова, как его они поймали. Баранов очень тонко ему ответил: „не помню". Все газеты полны подробностями о казни. Один мужик показал кулак преступникам; его схватили, думая, что он против полиции. Одну женщину схватили: она махнула платком. В кармане у нее нашли 4 колоды карт. Тут много комизма.

5 апреля.

Рассказывают, что из Парижа по ошибке перемешали гробы и вместо Рубинштейна привезли в Москву одну рижскую баронессу, которую и похоронили, а туда привезли Рубинштейна. Теперь родственники баронессы требуют возвратить ее тело. А Москва так торжественно похоронила ее вместо любимого таланта.

6 апреля.

Рассказывают, что саперы роют у Каменного моста, будто там тоже найдена мина. Вероятно, они это сделали в тех видах, что по этой улице государь ездил в Царское Село, на машину.

15 апреля.

Пришел Трепов. Он очень горячо говорил против высшей полицейской власти, сказал, что грешно тем, которые его отстранили от покойного государя, что он не допускает мысли, как могло случиться то, что случилось в Петербурге, что он от этой мысли может с ума сойти, что он подал записку вел. кн. Владимиру, как нужно организовать полицию. Зашел Жуковский и, говоря про совет 25-ти, вспомнил анекдот, который про совет рассказывают: подписывают сначала „Совет 25-ти" и Баранов после них подписывает свою фамилию, выходит—„Совет 25-ти баранов". Это остроумно.

Рассказывают, что опять появились прокламации, рассказывают, что на-днях государю устроили ванну в Гатчине, но он, к счастью, не сел,—прежде смерили градусы. Обнаружилось, что там яд. Строгости в Гатчине большие—всегда нужно иметь при себе фотографическую карточку. Даже гофмаршал Грот без нее не ходит. Баранов все врет. На-днях рассказал Шувалову, адъютанту Владимира Александровича, что поймал 11 социалистов, хотевших взорвать пороховой погреб, а потом отперся от этой новости. Шамшин и Кавалевский, вернувшиеся с ревизии,

рассказывают ужасы про земства, про все безобразия, которые делаются в провинции.

16 апреля.

Был Соллогуб. Читал свою статью о братстве, которое он предлагает учредить для борьбы с нигилизмом. „Пора опомниться“,—часто говорит он в статье. Вечером Е. В. долго был у Игнатьева. Игнатьев много ему рассказывал. Все слухи о дарованиях, ожидаемых завтра, лишены всякого основания. Никаких льгот и либеральных мер не будет. Подпольная деятельность врагов России продолжается. Вздумали в Москве на светлый праздник разбросать прокламации в деревянных красных яйцах. Вот люди с воображением! Правду сказал Жуковский, один из 25-ти, что они целый день заняты этим делом, следят за каждым нашим пробелом и сейчас придумывают угрозу.

18 апреля.

Заехал Баранов. Говорит, что многие его упрекают в том, что государь живет в Гатчине, что будто он его запугал, но что он узнал об отъезде уже тогда, когда отъезд совершился. Он спросил государя, нужно ли дать знать об его приезде, но государь отвечал, что все равно, что ничего не готово, что три комнаты легко приготовить, истопить. Первое время государь ходил в пальто, а императрица в бурнусе. Государю хотелось скрыться от взглядов любопытных, поплакать над своим горем. Аресты продолжают производиться. Арестован один отставной артиллерист Лустиг.

20 апреля.

Шахматова рассказывала, что ей за достоверное передавали, будто 14 лет тому назад в Сергиевской пустыни был монах, на которого временами находило сумасшествие. Во время одного из припадков он вбежал в трапезную, где собралась вся братия, с раскаленной кочергой и, бросив ее на пол, закричал, что рад, что успел исполнить, что желал. Когда монахи, с настоятелем во главе, просили его разъяснить, в чем дело, он повел их в покои настоятеля, где им представился портрет покойного государя с оторванными ногами и раной в боку. По уверениям лиц, видевших теперь портрет, на котором тогда сделали наклейки и живопись поправили, раны с ранами, нанесенными государю, совсем тождественны. Тоже говорят, что 1, 2 и 3 марта в Москве был слышен какой-то особенный звон,—отовсюду казалось, будто из Кремля, а из Кремля—будто с Москвы-реки. Козлов посылал узнавать, откуда этот звон, но добиться не мог никто. Так и осталось загадкой.

Сегодня был монах из Сергиевской пустыни, Павел Петрович, и подтвердил рассказ.

22 апреля.

Утром Е. В. был у Лориса. Вчера было экстренное заседание у государя. Из министров были: Лорис, Игнатьев, Абаза, Милютин, Николаев, Набоков, Победоносцев. Решено образовать кабинет с Лорисом во главе и с сохранением ему портфеля министра внутренних дел. Лорис сказал сегодня Е. В.: „Вчера, после 52 дней царствования, его честная натура выползла во всей своей красе“. Милютин после заседания прослезился. Они совещались $2^1/_2$ часа. Решено, что кабинет будет собираться раз в неделю у государя, раз у Лориса. Вечером Е. В. был в заседании совета, сделал предложение, чтобы, по примеру Петербурга, всюду, во всех больших городах при губернаторах были организованы такие же советы. Его предложение было аплодировано. Баранов отвечал, что в ближайшем будущем это будет введено, и что это будут не временные советы, а постоянные. Вчерашнее заседание у государя еще решило, что будут созваны представители от земств в Государственный Совет в ближайшем будущем.

26 апреля.

Был сегодня Молчанов. Рассказывает, что он слышал, что будет введена избирательная система по приходам, а после вторая будет баллотировка из избранных, чтобы составить желаемое число.

30 апреля.

Вчера обнародован высочайший манифест. В нем только говорится, что надо побороть крамолу, подумать о воспитании детей, дружно помогать самодержавной власти. Мне кажется, что мы и без манифеста должны были так поступать, и, сказать правду, меня это послание не удовлетворило. Сегодня пришлось выслушать много разных мнений. Казанцы совсем потерялись, прочтя это послание. Говорят, что вчера на бирже такая паника, какой не было после плевненского погрома, курс упал на 2%. Говорят, вчера Абаза бегал по кабинету, как сумасшедший. Золотницкий пришел сказать, что 5 министров подали в отставку: Лорис, Абаза, Николаи, Милютин и Набоков. Этому я не верю. Мне хочется думать, что реформы, о которых шла речь 21 апреля, осуществятся. Газеты очень понизили тон, они не говорят, что думают о манифесте. Был Костанда, рассказывал, что вчера на параде Лорис был не в духе, а Милютин очень грустный,—ему тяжело, что есть люди, которые своими советами губят Россию и делают вред государю. По всей России загорается сильное волнение. Сегодня печатают, что в Киеве были произведены беспорядки людьми, приехавшими с севера. Нигилисты теперь работают здорово и наша рознь, наша беспечность им помогают против их желания и чаяния. Тяжелый был бы сюрприз, если бы Лорис оставил свой пост.

1 мая.

Манифест сам по себе написан так, что его страшиться нечего. Жаль, что министры его поняли, как оскорбление, им нанесенное. Лорис подал в отставку, до сих пор еще неизвестно, принята ли она. Абаза и Милютин сделали то же. Такие три министра уйдут—кто их заменит? Это все дела Победоносцева и Каткова. Лорис и не знал о манифесте до его выхода в свет, печатали его в сенатской типографии. Косаговский пришел оттуда. Лорис никого не принимает, лежит больной в постели,—так ему сказали,—а канцелярия его и адъютанты—все, как в воду опущенные. Абаза тоже, говорят, сказывается больным. Правда, с ними поступили, как с детьми. Был Селифонтов. Говорит, что совет 21 апреля государь созвал, чтобы выведать, кто что думает, с кем он имеет дело, и теперь их всех знает и действует согласно своим убеждениям.

2 мая.

Называют Игнатьева преемником Лориса. Был Косаговский. Рассказывал, что будто 21, после заседания, в Гатчине, вечером, Лорис, Абаза, Суворин и графиня Клейнмихель собрались у Нелидовой (еще было то лицо, которое это рассказало Косаговскому) и пили за победу 21 апреля. Вернулись из Гатчины казанцы, государь их очень милостиво принял. Факт свершившийся: Лорис ушел, на его место назначен Игнатьев. Милютин назначен на Кавказ. Абаза тоже уходит, называют вместо него Бунге. Вместо Игнатьева два кандидата: Островский и Качалов. Вместо Посьета—Бобринский (спирит или редстокист). Вместо Каханова—Куломзин. Вот назначение! Но кроме двух первых все последние—только слухи.

4 мая.

Янишевский рассказывает, что Воронцов-Дашков производит ужасно неприятное впечатление,—очень бесцеремонно обращается с царем, ездит козырем, без всякого почтения, имеет вид настоящего временщика.

5 мая.

Много новых арестов. Снова арестованы два моряка из минной команды, очень молодые люди и, говорят, на вид чрезвычайно порядочные. Теперь снова мне рассказывали, что 21-го действительно было собрание у Нелидовой и был также и Милютин.

6 мая.

Рассказывают, что государь назвал Нелидову „стервой“ и выслал ее из Петербурга. Говорят, что в Москве готовят овацию Лорису. Все иностранные гости очень сочувственно к нему относятся.

7 мая.

La nouvelle du jour—выход в отставку Абазы. Это—крупное событие, до того крупное, что все этим заняты. Деньги падают сильно. Сегодня на панихиде Ольденбургского, говорят, были люди которые отворачивались от Победоносцева, не хотели ему кланяться. Найдена мина, т. е. две кожаные подушки в 120 фунтов под Каменным мостом. Найдена, говорят, мина под Балтийской дорогой. Государь должен был долго кружить по разным направлениям, чтобы в последний раз приехать в Петербург. Милютин, говорят, согласен остаться, но предупредил, что у него останутся его прежние убеждения, но что в военном министерстве они не будут иметь никакой нужды высказываться. Завтра государь приезжает на похороны Ольденбургского. Страшно даже подумать, что его могут ранить в толпе. Говорят, что арестовано 5 моряков, Суханов в том числе,—все минной команды. Суханова выдала, говорят, прачка. Она принесла белье, хотела поставить на пол, он вскрикнул:—„Осторожнее, может взорвать“. Прачка сказала мужу, тот барину, барин Баранову. Тогда за Сухановым стали следить, увидали, что он выходит часто переодетый, кто у него бывает и, таким образом, многих взяли. Взяли также сожительницу Кибальчича. Делают, кажется, серьезные аресты.

8 мая.

Теперь все хвалят циркуляр Игнатьева, каким уверенным тоном он написан. Еще год только прошел с воззвания Лориса к жителям столицы—и сколько уж произошло перемен. Говорят, много взято офицеров всех родов оружия. Гейнс говорит, что в Казани он начал 12 дел крестьянских, где они оправдывали убийство царя. Коростовец сидел долго, говорили о манифесте. Многое написано так, что надо было бы два раза подумать прежде, чем объявлять всему народу. О дворянах там сказано, что покойный государь сумел их привлечь к делу освобождения крестьян, они всей душою откликнулись на призыв государя и охотно пожертвовали свое достояние. В городе ходит слух, что Катков будет министром народного просвещения,—это насмешка. Говорят, что Милютина государь упросил остаться на один месяц. Абазу приезжал просить остаться вел. кн. Владимир. Сейчас Россия разделилась на два лагеря, где более вражды, нежели у турок с русскими. Одни за самодержавие, другие за кабинет, третьи за конституцию. В этом хаосе ничего не поймешь.

9 мая.

Приехал Е. В. Говорит, что Москва недовольна манифестом. Рассказывают о приеме Игнатьевым министерства. Говорят, что он произвел хорошее впечатление. Он очень хитер. У Лориса на приеме было всего 10 человек. Каковы люди! Рассказывают, что Игнатьев пришел к Победоносцеву спросить, что делать, как ра-

ботать. Последний отвечал: „Надо молиться“. Игнатьев на это отвечал, что молиться он поручил жене, а сам намерен работать.

10 мая.

Был Кутайсов. Его посылают разведать и произвести следствие над жидовским делом. Рассказывают, Дондуков сострил насчет Игнатьева в прошлую войну. Когда пришлось проводить демаркационную линию, Игнатьев начал с местечка „Вранье“. На это Дондуков заметил: „И тут Игнатьев с вранья начал“.

11 мая.

Государь принимал сегодня депутацию евреев, сказал им, что они также отчасти виноваты, что их бьют, что они эксплуатируют население. Это было сказано между словами, и Воронцов позволил это напечатать. Но потом спохватились, что печатать опасно, и прислали Ивашкина с запрещением.

16 мая.

Вчера Вяземский (по делам печати) собирал редакторов, с ними говорил. Они от него хотели добиться многого, но из его слов поняли только то, что стеснений не будет, что будет попрежнему царствовать либерализм, ему даже (т.-е. Вяземскому) один редактор Полонский предложил, чтобы они начали с того, что простили бы все предостережения. Много говорили пустого и редакторы, и Вяземский. Это рассказал Е. В-чу Бильбасов, за которым уже начинает сильно ухаживать Игнатьев, а Катков (говорил Маркевич) уже начинает разочаровываться в Игнатьеве, которого все хвалил.

17 мая.

Князь Гагарин говорил, что во вторник Милютин прощается с министерством. Его преемником называют Ванновского, говорят, большой интриган. Милютин сказал государю, что едет в Крым— „Там буду писать историю царствования моего государя“. Правда, государь обижает прежних слуг своего отца. Говорят, что многие уйдут в отставку, когда будет назначен Ванновский.

18 мая.

Зашел Баранов. Рассказывал, что многие теперь говорят, что Лорис — цареубийца, что было показание Гольденберга (стр. 11 или 9), где он говорит, что есть подкоп на Малой Садовой, что будто книга эта была напечатана в 30 экземплярах и что Лорис это читал и не придал этому сообщению никакого значения. Каханова отставка уже принята. Рассказывают, что Милютин побледнел и задрожал, когда узнал, что назначен будет Ванновский. Он сказал государю, что половина Генерального Штаба

уйдет. На это государь будто бы отвечал, что никого не намерен удерживать, пускай уходит, кто хочет.

19 мая.

Теперь всех занимает результат выборов Лориса почетным гражданином Петербурга. Он избран 135 голосами против 45. Говорят, Бобринский говорил против Лориса, находя, что во время его управления Россию постигло самое большое несчастье. Газетам запрещено писать об этих выборах. Лориса продолжают попрежнему очень жалеть, все слои общества ему сочувствуют.

21 мая.

Был Эйлер, рассказывал, что решено Константина Николаевича совсем стушевать из морского министерства.

25 мая.

Много толков о гатчинском обелиске. Некоторые говорят, что это дело рук человеческих, а совсем не грозы, что это брошено с аэростата, и другие догадки... Не дай бог, чтобы это была правда, но от нигилистов всего можно ожидать, они до всего дойдут.

1 июня.

Был Бриллиантов. Говорили о новых назначениях. О Бунге он сказал, что Бунге без Абазы то же, что в карточной игре король без туза. Бедный киевский митрополит сошел с ума. Ему все кажется, что он еретик, проклятый православной церковью.

4 июня.

Утром приходил Калугин, говорил, что Кобызев арестован. Оказалось,—тоже моряк.

6 июня.

Сегодня Е. В. был у Каханова. Каханов рассказал ему много интересного. Он иначе не называет Игнатьева, как лгуном. Правда, теперь трудно быть министром. Говорят, под Каменным мостом найден еще ящик и в нем большое количество динамита.

7 июня.

Сегодня вечером Е. В. долго работал с Игнатьевым. Толковали про Пожарное общество. Победоносцев высказался в Комитете министров против этого общества, сквозило в его нападках, что ему противно то общество, где написано имя Лорис-Меликова. Сегодня в „Новом Вр.“ фельетон Суворина из Висбадена. Говорит про Лориса и разбирает письма, писанные двумя русскими еще до события 1 марта, но напечатанные Брокгаузом после. Суворин не знает, что они написаны Фадеевым одним, а Воронцов-Дашков их только, верно, прочел.

1888 год

2 января.

Вспомнила рассказ митрополита Исидора про московского митрополита Филарета. Он был у него в это время викарием. Во время праздников пасхи у митрополита Филарета собралось много дам. Исидор, как викарий, пришел с докладом и слышал, как одна дама спросила владыку: „Почему спаситель по воскресении своем явился сперва мироносицам?“. На это митрополит отвечал: „Потому что ваша братия очень болтлива, а это событие надо было, чтобы всем было известно“. Вот какое мнение о женщинах существовало даже и в самые отдаленные времена.

Е. В. рассказал про Орлова, который подписал мир после Крымской войны. После подписания он обедал в Тюльери. Императрица Евгения во время обеда попросила его передать ей цветы, которые находились возле него. Орлов собрал цветы, но, найдя неприличным подать их просто императрице, он шутя взял серебряную тарелку, которая стояла у прибора, свернул ее в трубочку и в этом импровизированном порт-букете подал Евгении цветы. Французы долго не могли забыть этот фокус.

Говорят, Богарнэ заболела корью. Это, верно, из сочувствия к Алексею Александровичу. Вот насмешка судьбы! Еще более эти два имени будут теперь связаны.

3 января.

Сегодня был Кавелин. Рассказывал про Победоносцева, что он любит деньги. У жены его, в 4 верстах от Смоленска, есть маленькое имение, в нем флигель о пяти комнатах. Суворова (рожденная Базилевская), желая видеться и сблизиться с Победоносцевым, зная, что они там проводят иногда месяц, а иногда и более, наняла у них этот домик за 800 руб., ему же красная цена 100 руб.,—достигла своей цели и подружилась с ними. Что деньги делают!

5 января.

Был Марков. Он очень хлопочет о деле Дервиза—об опеке, о снятии ее. Дурново сказал Е. В., что Победоносцев противится снятию, что представил всем министрам цифры, где оказывается, что Дервиз почти все состояние промотал, называет Ададурова злодеем. До чего доходит подлость Победоносцева—прямо невероятно и непостижимо! Вот низкий в полном смысле человек!

15 января.

„Общество народного труда“, учрежденное графом Игнатьевым, закрыто, его устав не утвердили. Оказалось, что правление этого общества собирало деньги по всей России и проживало их, не тратя ни копейки на вспомоществование кустарям и ремесленникам, ограничивалось только тем, что давало советы, где купить машины, как устроить артели, а деньги шли на содержание канцелярии. Всем делом орудовал П. А. Мясоедов. Вишняков говорил, что Плеве очень ищет популярности, а также знакомств со связями.

18 января.

Завтра разбирается в комитете министров дело об опеке Дервиза. Кушелев говорит, что государь очень недоволен, что его подвели. Дурново, говорят, открыто выступил против Победоносцева. Это мужество, которого я от Ивана Николаевича не ожидала. Узнала, что у Черевина сын в Николаевском корпусе. Это—незаконный сын. Когда стреляли в Черевина, то, после выстрела, шепнули государю, что для него будет самой большой наградой, если ему позволят его усыновить. Государь позволил это. Черевин его обожает. Он в одном классе с молодым Дервизом, который, узнав, что сын, по примеру отца, любит шампанское, выписал огромное количество и им угощает сына, за что снискал себе покровительство в Черевине-отце. Вот разгадка, почему так закипело это дело. Победоносцев переживает тяжелые минуты, но он из тех, которые, как кошки, всегда падают на ноги.

19 января.

Утром пришел Шидловский (харьковский губернский предводитель дворянства). Говорили о студенческих беспорядках,—он говорит, что их не было. Говорил, что Манасеин (министр юстиции) во время посещения Харькова вел себя весьма бестактно, внушил к себе отвращение. Во время приема чинов своего министерства, он обратился к одному члену суда и спросил его, сколько у него долгов. Тот так сконфузился, что отвечал: „15 тысяч“. Другому сказал, что стар и пора ему подумать об отставке, к старшему нотариусу также обратился с дерзостью. Все это произвело тяжелое впечатление. Сейчас видно, что он—un parvenu.

20 января.

Дело Дервиза, которое должны были рассматривать вчера, отложено по случаю болезни Манасеина, который сильно им расстроен и не прощает себе, что поверил голословно Победоносцеву и дяде Дервиза. Министры тоже все возмущены, что подписали, доверяя словам Победоносцева, и хотят ему учинить скандал. Даже думают, что Победоносцеву будет плохо.

Обедали у нас m-me Маркевич и Колышко. Говорили, что Всеволожский, муж Савиной (актрисы), разорил ее, что она за него подписала векселей на 120 тысяч, а теперь не может на сцене одеть своих бриллиантов, переменила квартиру, так как у мужа очень много долгов.

22 января.

Слышала много новостей из разных источников. Все скандалы. У Демидовой-Сан-Донато, вдовы, родился ребенок в Киеве от второго викария киевской эпархии. Вел. кн. Николай Николаевич пришел к отцу своему просить его разрешения на его брак с купчихой Бурениной. Отец, зная воззрения царя, сказал ему обратиться к нему. Николай Николаевич поехал к вел. кн. Владимиру Александровичу и передал ему слова отца. Узрев из них согласие отца, Владимир Александрович сказал царю, который в первую минуту изъявил будто бы согласие. Николай Николаевич, счастливый, поспешил известить отца, который громовым голосом крикнул, что этому не бывать, но Николай Николаевич убежал от него, уехал в Царское, сделал обед, пригласил всех знакомых своих и Бурениной и, во время обеда, они обменялись кольцами. В это же время отец поспешил к царю, который, узнав истину, ужасно возмутился, что его ввели в обман, и отнял согласие, им данное. О Бурениной говорят, что это—вполне продажная, публичная женщина. Два сына Михаила Николаевича тоже задумали жениться: старший, Николай,—на княгине Нелли Барятинской, а Михаил—на дочери Н. П. Игнатьева (бывшего министра внутренних дел). Государя возмутили эти свадьбы, так как Барятинская имеет мужа, а про бедную Игнатьеву выдумали, будто у нее два года тому назад был ребенок, и согласия царя они не получили. Об этих свадьбах весь город говорит. Поражает меня молодежь! Все это она знает, обо всем судит. Наивен разговор двух товарищей: Барятинский говорит Долгорукову, что он сын Петра Шувалова, тот очень спокойно ему отвечает, что, по его расчету, он сын Вердера (бывшего прусского уполномоченного). Каков ответ!

Теперь у Е. В сидят Марков и Ададуров. Представляя его, Марков сказал: „Вот вам государственный преступник". Тот поправил, сказав: „Просто злодей, мошенник". Как у нас, право легко относятся к чести, к доброму имени человека.

23 января.

Утром был Кавелин. Говоря о Ливадии во время пребывания там покойного государя, он рассказал, что, когда он жил там в качестве таврического губернатора, раз при нем государь встретил в саду утром Черевина, совсем пьяного. Государь его спросил:—„Где это ты так рано успел?"—„Везде, ваше величество", был ответ. Кавелин говорит, что эти господа ходили с утра в ливадскую аптеку, и аптекарь им готовил разного рода смеси водок и наливок.

25 января.

Был Черняев. Он очень мрачно рисует положение России. Говорит: избави бог войны! Нас расколотят совершенно, так что не только отнимут у нас, что хотят, именно Балтийский и Привислинский край, и заставят нас платить 50 миллиардов контрибуции, как это думает Татищев, но, по его мнению, поступят с нами еще хуже. Что уже в минувшую войну обер-офицеры и генералы вели себя дурно, прямо прятались от огня, но что в эту войну и солдаты, и молодые офицеры будут не лучше. Что если бы можно было нанимать вместо себя чужое войско, он уверен, что все понесли бы последние гроши, чтобы не итти на войну. Что грамотность для солдата гибельна, что реформы Милютина сгубили армию, что война неудачная может повести далеко, что может явиться династический вопрос, а что война будет несчастная,—в этом он не сомневается. Главнокомандующим называют вел. кн. Николая Николаевича, на Кавказе называют, что будет Дмитрий Святополк-Мирский; командующими армиями называют Ганецкого, Гурко и вел. кн. Владимира. Кроме Гурко, ни одного человека с престижем. А затем масса генералов и офицеров с немецкими фамилиями. Если один из них проиграет сражение, свои же его убьют, думая, что изменил. Грустно все это. Говорят, когда государь с императрицей ехали из Аничкина дворца на последний бал, государь вдруг заметил, что кучер его проехал Салтыковский подъезд, в котором они выходят, и поехал дальше по набережной. Царь, изумленный и встревоженный, открыл окно и закричал:—„Корнилий, куда ты едешь?!“ Кучер остановился. В это время подлетел Грессер, и тут оказалось, что государю на козлы посадили нового кучера.

27 января.

Дорофеева, Ш. (царскосельская жительница), рассказывала, как вел. кн. Николай Николаевич младший афиширует себя с Бурениной. Все лабазники—ее родственники. У нее на-днях упала лампа, великий князь тушил и очень обжегся. Ей рассказывал доктор Шепелев, который лечил вел. кн. Николая Николаевича. Говорила, что там известно, что Сергей Александрович живет со своим адъютантом Мартыновым, что жене предлагал не раз выбрать себе мужа из окружающих ее людей. Она видела газету иностранную, где было напечатано, что приехал в Париж le grand duc Serge avec sa maitresse m-r un tel. Вот, подумаешь, какие скандалы!

29 января.

Приходил Нарышкин, его жена—львица нынешнего сезона, их всюду зовут во дворцы. Говорил с искренним сожалением о дочери графа Игнатьева, которой не позволили выйти замуж за

Михаила Михаиловича. На ней лица нет, родные ее вывозят, она же очень грустная, даже члены императорской фамилии ее вчера жалели. Отец и мать соглашались на брак сына, но царь отказал Михаилу Николаевичу, когда он приезжал просить его позволения, а Михаилу Михаиловичу сказал, когда перед отъездом тот ему представлялся:—„Когда ты едешь?“ и больше ничего. Его послали в Карлсруэ поздравлять кого-то с серебряной свадьбой. В обществе думают, что, если бы вместо Игнатьевой была Воронцова или Долгорукая, то государь позволил бы, но что он Игнатьева не терпит.

1 февраля.

Был бывший харьковский исправник Сухачев. Он рассказывал, что виделся с ех-профессором московского университета Ковалевским, который ему передал следующее по поводу своей отставки. Прошлой весной он получил предложение из Парижа перейти в Парижский университет читать лекции. Ему давали в год 10 тысяч рублей, он же просил 15 тысяч. По этому поводу у них завязалась переписка. Об этом узнали в министерстве народного просвещения. Делянов бумагой спросил Ковалевского, правда ли это. Он отвечал утвердительно и прибавил, что, по его мнению, читая в Париже лекции, он принесет России больше пользы, так как это послужит к сближению обоих государств (Ковалевский читал государственное право в московском университете). Не так посмотрел глупый Делянов, и Ковалевский был уволен по прошению, не прося отставки. С него взята подписка, что он не уедет за границу, и над ним учрежден полицейский надзор. Теперь он поселился в своей деревне, Харьковской губернии. Он очень богат и мечтает все продать, оставить себе 100 тысяч рублей, а все остальное подарить Швейцарии и с чужим паспортом уехать из России. Сухачев говорит, что он никогда не был нигилистического направления, но Брызгалов ненавидит его за то, что его очень любили студенты. Правда, что у него было либеральное направление, но от этого до нигилизма далеко, а Брызгалов всегда на него делал доносы начальству, и нередко фальшивые. При Мезенцеве, значит, уже Брызгалов начал его топить.

2 февраля.

Был Михаил Сергеевич Волконский. Сказал, что Ковалевский, начиная раз свою лекцию, сказал приблизительно следующее: „Господа, я должен вам читать о государственном праве, но так как в нашем государстве нет никакого права, то как же я вам буду читать? Но, так как читать приходится, то я буду читать вам про право, более подходящее к тому, которое практикуется у нас“, и проч. По началу речи видно, что этот человек возбуждал молодежь. Волконский еще назвал Муромцева, который

больше не читает, и Чупрова, который продолжает читать, что они всегда волновали молодежь. Говорили про смерть Мосолова, Левашева. Е. В. спросил его насчет записок его отца, декабриста. Он хочет их привести в порядок и современем напечатать. Записки эти доведены до 1825 года, начало образования тайного общества в них подробно описано. О Чернышеве (военном министре) Волконский сказал, что он в глазах декабристов покрыт черным пятном. На допросе отец Волконского все молчал, тогда Чернышев не выдержал и поставил ему в вину его сдержанность, воскликнув:—„Генерал, князь Волконский, стыдитесь, вы показываете меньше простого прапорщика!" Я думаю, очень интересны эти записки. В записках Левашева-отца есть много бесцветного, отдельную интересную книгу из них нельзя составить.

14 февраля.

Пришел Оржевский. Продолжает ругать Грессера. Удивляется, что, получая 6 тысяч, он ведет такой train, особенно она, что лучше одевается, чем его жена. Прямо говорит, что оба берут взятки. Затем бранит полицию, которая ничего не делает, и говорит, что не удивится теперь никаким покушениям, что он уверен, что эти „милостивые государи", так он их называет, теперь спокойно работают. Опять рассказал, как было дело 1 марта. Этих людей: Андрюшкевича, генерала и третьего—забыла—выследили филеры, полиция не при чем. Сыскное отделение при градоначальнике получает ежегодно 120 тысяч и ничего ровно не делает, а на те же дела III отделение получает на всю Россию 90 тысяч, а это отделение и открыло этих злоумышленников.

Один наш знакомый сказал однажды Победоносцеву, как он взял к себе в Синод такого чиновника, которого все считают подлецом. Победоносцев схватился за голову и воскликнул: „Да кто теперь не подлец?"—типичный ответ, значит, сознает, что и он такой же.

15 февраля.

Олендский рассказал нам взгляд митрополита Исидора на дам. Говоря про его жену, он сказал ему, что она очень худая,—верно, музыкантша. Отчего у него такой взгляд сложился, что музыкантши—худые,—не понимаю. Затем, посоветовал ее отправить на воды и, узнав, что у него на его Пермском заводе есть целебный источник, посоветовал туда послать, сказав, что везет ее в Италию.—„Женщины ничего не смыслят в географии. С ними можно только действовать обманом. Есть там горы,—она и поверит, что она в Италии". Если это правда, то очень оскорбительно.

Меня возмущает поведение некоторых дам с владыкою. Сегодня Олендская рассказала, как баронесса Ливандер спряталась

у него под столом, что они всюду ее искали. Это неприлично. Адамович рассказала, что сочинили герб Вышнеградского: нарисован ворон с обрезанными крыльями, на нем лента; на одном конце ленты написано: „вор он“, а на другом: „pour qu'il ne vole plus“. Очень зло. Клоун в цирке показывает трех свиней и говорит: „grösser, grösser, noch grösser“. Намек на Грессера, что он олицетворяет собой этих трех животных. А после этого говорят, что только французы острят.

25 февраля.

Говорят, что княгиня Юрьевская будто вышла замуж за своего домашнего доктора Любимова и оба приняли французское подданство, что она поэтому лишается 100 тысяч пенсии. Мне не верится. Любимов был прежде доктором в Москве, красив собой, но плохой доктор. Неужели вдова покойного государя могла себя до этого унизить? Про нее все говорят, что она глупа.

13 марта.

Был Николаев. Говорил, что отъезжающих заграницу, в Канн, вел. кн. Владимира и его жену провожали такие-то и полковник Николаев, который был известен тем, что состоял в близких отношениях с Марией Павловной, а до Гатчины провожал вел. кн. Николай Николаевич младший. Теперь она в него влюблена и, говорят, как кошка. Ему же она противна. Говорят, что вел. кн. Владимир уже не может быть мужем, она же очень страстная женщина. Этот быстрый отъезд всех поражает. Императрица не любит Марию Павловну, которая ведет распутную жизнь. Считали, кто из мужей верен своей жене. Про государя до сих пор ничего не говорят, затем Толстой ни за кем не ухаживает, И. Н. Дурново ни в чем не замечен. У Вышнеградского есть какая-то вдовушка, которая живет у Покрова, и которая им скудно оплачивается. Каждый в чем-либо грешен.

17 марта.

M-me Олендская рассказала ужасы насчет доверчивости митрополита. У Базилевской, где владыка часто бывает, бывает также очень бурный человек, Насветевич, который находится на побегушках у сына Базилевской. Этот господин, без ведома митрополита, снял его фотографию в ту минуту, когда владыка после обеда сидел на диване, перед ним на столе стоит бутылка шампанского, с одной стороны около него сидит авантюристка графиня Цукато, которая положила ему голову на плечо, а с другой—m-me Дуббельт держит его за руку. Эту фотографию он выставил на фотографической выставке, где она находилась два дня, но была замечена и скоро удалена. Говорили, что Базилевская, старуха, когда об этом узнала, была страшно рас-

строена. Е. В. находит, что неприлично, что его карета всегда так долго стоит у Базилевских,—он приезжает в 2 часа, а уезжает в 8. Этим он утрачивает свое обаяние. Олендская обещала сказать, чтобы карету ставили во двор. Она говорит, что он там отдыхает и Дуббельт ходит его укладывать.

19 марта.

Завтракали у нас Каульбарс, Кутайсов и Григорьев. Кутайсов хвалил остзейские порядки, что было приятно барону. Говоря о назначении одного губернатора в остзейскую провинцию, сказал, что государь спросил: „не рязанец ли он?“. Намек на то, что Толстой всюду сажает своих рязанцев. Кутайсов сказал, что войдет во всякое общество, которое будет поддерживать остзейских пасторов, но никогда не войдет в такое общество, которое поддерживает пьяных попов.

21 марта.

Влетела баронесса Лизандер, которую мы видели у митрополита и которая называет себя его адъютантом. Пришла сказать, что на выставке была другая фотография владыки, а именно—когда его подсаживают в карету после обеда у Базилевской, но что рядом с этой фотографией было много других, содержание которых требовало, чтобы они не стояли рядом, а именно—разные прогулки в саду семьи Базилевских, стол, уставленный бутылками шампанского и проч. Владыка, когда об этом узнал, сказал, что никуда никогда больше не поедет. Одно мне не нравится в Лизандер, что она митрополита все называет „душкой“, а затем передает ему все, что слышит у митрополита Платона и тем их ссорит. Платон сказал, что она влюблена в владыку, что, если бы Исидор не был монахом, какая из них вышла бы пара: он маленький, она большая. Она эти слова передала Исидору. Затем Платон предложил ей взять яблоко. Она взяла красное, он ей на это сказал:—„И тут видно, что митрополита Исидора любите, взяли красное, а бледного, как я, не хотите“. Нахожу, что это не митрополичьи разговоры.

4 мая.

Утром был Кушелев. Говорили о спиритизме. Он говорил, что Макаровы, дом которых находится против нас, устраивают у себя сеансы, но что медиумы там все надувают и он у себя проделал все фокусы, которые делают у Макаровых. Рассказал, что герцог Евгений Лейхтенбергский сказал его жене, что ему сдается наверное, что он сын актера Bussant. Как гадко так говорить о матери! Говорили о митрополите. Кушелев тоже находит, что он роняет свое достоинство, позволяя какой-то Лизандер с ним разные вольности. Кушелев говорит, что прощает это

митрополиту, так как он не бог и плоть у него немощна. Я бы ничего не сказала, если бы все это делалось не напоказ. Эта женщина ужасного воспитания. О Дуббельт Кушелев говорил, что она очень бестактна. Раз она привела его в ужасное положение. К ней пришел вел. кн. Константин Николаевич в то время, когда Кушелев ей говорил стихи на крестины его внуков, первые, сочиненные Грейгом, а вторые им—„Вот мчится тройка удалая". В стихах говорилось, что лошади все имеют недостатки, а именно: Грейг страдает подагрой, Зеленой—тоже, а в середине старая дева и на руках у нее князь Иван. Через год снова крестины и та же мчится тройка, „все те же рыла, а на руках у девы князь Гаврила". Это—насмешка, и вдруг бы ее сказать дедушке. Бывают бестактные особы: она хотела, чтобы Кушелев повторил это Константину Николаевичу.

5 мая.

Вчера я убежала от митрополита, чтобы не сказать дерзостей этой Лизандер, которая с ним обращается очень вольно. Он хотел почесать глаз, она схватила его руку и сказала—„Не сметь!" С восторгом рассказывала, что причащалась у владыки, у него разговлялась. Рассказала, что была на исповеди у священника Желобовского, который хохотал, когда она исповедывалась у него. Она ему сказала, что влюблена в духовное лицо. Тот сказал, что нехорошо это, если у него есть жена и дети, нехорошо ей его смущать. Она расхохоталась и сказала, что он не женат и что он „душка". Все это она говорит про митрополита. Потом говорила про Платона, называла его злючкой и гадким, показывала, как она его щиплет, что она ему всю репутацию испортила. Платон, будто, говорит ей комплименты и все спрашивает:—„Маша, ты меня не любишь?" Рассказывала, что у Платона бывает бог знает кто, что дамы, которые к нему приходят, похожи, что они пришли с рынка. Будто ей Платон несколько раз говорил:—„Маша, будь со мною добра, веди себя со мною любезно". Можно себе представить, какое тяжелое испытываешь впечатление, когда слышишь у святителя церкви такие речи и что он не останавливает такую подлую женщину. Теперь об этом все начинают говорить. Лавра же заброшена, служба там производится небрежно, и все жалуются. Пример свыше дурной,—как допустить эту чучелу кряду 8 дней ездить к себе и не закрыть ей дверей? Это будет наверное скандал, а владыка ничего дурного тут не находит.

10 мая.

Завтракал Moulin. Рассказывал, что французское правительство прислало сюда делегатов-банкиров, чтобы предложить России заем на очень выгодных условиях. Цель их состояла в том, чтобы на эти деньги Россия могла бы еще усовершенствовать свое оружие и построить несколько стратегических дорожек, а также

на главных линиях второй путь, чтобы, в случае войны, скорее произвести мобилизацию войск, но здесь все это не уразумели и отказались от займа. Лабуле сказал Moulin, что он занимается опасными вещами, но это его дело, он только нашел необходимым его предупредить, так как этим он может нажить себе врагов. Moulin смотрит здраво на дело и говорит, что, если он ничего не будет делать, то какой же он будет агент своего правительства. Он привез в подарок Ванновскому план Мольтке на случай войны, который французы купили у немцев, собирается говорить с Ванновским и о деле займа, ибо находит очень важным столько же для нас, сколько для Франции, чтобы мы были более подготовлены к войне. Мельком рассказал, как поймали Анненкова, который показал банкирам в Париже бумагу, будто бы подписанную Вышнеградским, и которая оказалась фальшивой. Резанов заметил в статье Татищева „Болгария и Россия", которую запретили теперь печатать в „Новом Времени", что Татищев отделал Игнатьева, говоря, что Сан-Стефанский договор был написан весь в пользу славян, а Берлинский конгресс, где присутствовал граф Шувалов,—в пользу Европы. О России ни тот, ни другой не подумал.

Был Романченко. Говорили о Плеве. Он его находит честным, прямым человеком, говорит, что Плеве всегда исполнит то, что обещал, что на его слово можно положиться. Дурново был не такой. Он был ближе к Толстому, ходил к нему очень часто, без доклада всегда, но часто ему не высказывал того, что, бывало, сообщал другим. Но Плеве имеет гораздо больше значения у Толстого, что он, хотя и не ходит к Толстому каждый день и всегда испрашивает раньше аудиенцию, но мнения его Толстой всегда принимает к соображению, и всегда бывает так, как доложил Плеве. Но все-таки Дурново больше любим Толстым. Об Игнатьеве Романченко сказал, что он добрый человек, но неимоверный лгун. Всегда спешил, всегда у него было мало времени, возил страшно много докладов государю и часто к нему их посылал, чего не делает Толстой,—он более 20-ти никогда не берет. Теперь Плеве много решает дел без графа.

12 мая.

Романченко рассказал, будто взятый около дома министерства государственных имуществ человек с револьвером в руках хотел убить Толстого. В день очередного доклада Толстого этот человек—фамилия его Карин—шесть раз в 10 час. (время, когда уезжает Толстой) прошел около его подъезда. Городовой и швейцар Плеве его заметили. Но в этот день Толстой, чувствуя себя нехорошо, не поехал, а послал Романченку извиниться. Но этот человек этого не знал,—в 12 часов он снова вернулся. Тогда здесь оказался филер (швейцар Плеве думал, что это новый агент Пузанова) и начал за ним следить. Нако-

нец, он не вытерпел и спросил, скоро ли его оставят в покое, затем сказал, что хотел убить Пузанова за обиду в театре, а потом заявил, что хотел себя убить и, чтобы придать себе храбрости, ходил и искал портерную. Тут его схватили и посадили. Пузанову Грессер и Шебеко приказали ничего об этом не говорить Толстому. В 8 часов приехал Шебеко и просил Романченко доложить графу. Но Романченко сказал, что граф лежит болен. Тогда он начал ходить по комнате. В это время неожиданно спустилась к мужу графиня. Он бросился к ней, стал ей что-то говорить, она ушла к графу, вскоре и его туда пригласили. После него приехал Грессер. На другой день граф спросил Пузанова, почему он ему ничего не сказал. Пузанов отвечал, что ему велели молчать. Хотели сами объявить, чтобы уменьшить заслугу Пузанова. Грессер же сделал ему выговор, что он арестовал Карина на улице.

13 мая.

Пришел Каульбарс. Е. В. ему сказал, что, верно, отношения Марии Павловны ко двору хороши, так как она всюду является с императрицей. Он на это сказал, что часто это означает обратное. После известного письма Боби Шувалова он раз пришел в Царском к Владимиру Александровичу. Входя с ним в залу, они увидели Шувалова, которого великий князь очень дружески встретил, затем увел его к жене. Завтрак запоздал на 20 минут. Когда вышли великий князь с женой и Шувалов с женой, все, кроме великого князя, были страшно красны и во время завтрака все внимание хозяев было обращено на Шуваловых. После завтрака Каульбарс сказал великому князю:—„Monseigneur, maintenant je ne comprends rien". На это великий князь отвечал:— „Il y a beaucoup de choses, que vous ne pourrez comprendre jamais".

16 мая.

Вчера слышала от Китицына следующий рассказ. Великий князь Константин Николаевич, прогуливаясь по Павловску с Рамзаем, встретил урядника, который отдал ему честь. Великий князь остановился и подал ему руку. Рамзай выразил ему свое удивление, как это он подал руку уряднику. На это Константин Николаевич сказал: „Что же тут удивительного? Сегодня он урядник, а завтра может быть губернатором".

9 июня.

Ездила к Толстым в Пирогово. Толстой сказал, что его брат Лев говорит, что, если будет царский манифест объявления войны, то он, Толстой, издаст тотчас же свой манифест против войны. Там у них была сестра их, графиня Толстая, которую эта фраза, повторенная братом, покоробила.

29 июня.

Великая княгиня Мария Павловна в Варшаве выехала на смотр с мужем верхом и мимо них прошли войска. Оба они ищут популярности. Императрица ее не любит.

9 июля.

Рассказывали, что приезд в Тулу великого князя Владимира сопровождался рядом скандалов. Он уехал недовольный. Всего там было 6 дворян. Подарок тульских дворян Владимиром Александровичем был принят нелюбезно. Как видно, здесь он потерпел неудачу.

14 июля.

Сегодня канун великого торжества. Завтра в Киеве и по всей России празднуется крещение Руси 900 лет тому назад. Воображаю, какою торжественностью это обставлено в Киеве. Была старуха Толстая, сестра Толстого. О брате сказала, что он не рисуется, как многие это думают, что он еще все ищет убедиться в существовании души и ее бессмертии. Последнее его сочинение „Из жизни", которое было остановлено духовной цензурой, до того запутано и так неясно выражена его мысль, что, читая, начинаешь думать, что он впал в детство. Говорила, что соглашается с людьми, которые находят, что Лев Толстой получил поверхностное образование, хотя он в последнее время и много читал, но у него ум неглубокий, он превратно толкует священное писание, с которым тоже мало знаком. Он евангелие вряд ли читал более одного раза. Нужно, читая его книги, всегда спросить его объяснения, которое он сам охотно дает, но противоречий не любит и сердится, а с его объяснениями трудно соглашаешься. Она рассказала, что, уже будучи студентом, ее брат пописывал, но никто не принимал его писаний всерьез. Затем он уехал на Кавказ, и первое, что было напечатано из его сочинений, было „Детство и отрочество", затем „Казаки". Его талант был для всех настоящим сюрпризом. Никто из его детей не унаследовал этого таланта, может быть, кто-либо из малюток, но старшие—нет. Он терпеть не может гувернеров и гувернанток, находя, что это совершенно не нужно, бесцельно, противно его убеждениям. Она говорила, что он, как и брат ее Сергей, смеется над религиозными чувствами. Братья Толстые того мнения, что, если хочешь молиться, то помолись сам, не прибегая к рясе.

Французский „Gaulois" все доискивается причины приезда в Петербург императора Вильгельма и, между прочим, пишет, что во время болезни покойного императора у него пропало со стола много серьезных бумаг, между ними одна, касающаяся будущих военных замыслов Германии, составленная Бисмарком. В краже

подозревают или императрицу Викторию, или доктора Макензи. Теперь эта бумага находится в руках английской королевы, которая может все передать России, которую тоже в ней не щадят. Чтобы Россия, узнав об этом, не слишком враждебно относилась к Вильгельму, он и приехал в Петербург, поставив себе задачей устроить свадьбу своей второй сестры с нашим наследником. Все это сказки. Французы боятся сближения России с Германией. Но я верю нашему царю. Он справедлив, честен и в обиду никого не даст, благо, что теперь своею твердостью приобрел себе первый голос в политике.

17 июля.

Приехали соседки Ивашкины, две старые девы. Говорили про Льва Толстого. Он ходит мазать печи у крестьян, чтобы о нем говорили. Если бы это сделал у себя, то никто бы не знал. Когда он приходил в прошлом году к брату, утром он вдруг пропал. Его искали весь день. Оказалось, он пошел пахать одному мужику его поле. Это был сын кормилицы одной из его дочерей, который был нездоров в эту минуту. Все свое состояние он перевел на имя жены и считает себя ее поденщиком. Недавно здесь был пожар в его соседстве, он выпросил у жены 25 руб., чтобы дать погорельцам. Сгорело, говорят, дворов около 12, какая же это помощь! Дочь его Татьяна, когда была у нас последний раз, говорила, что все они собираются идти за 100 верст в Оптину пустынь и она пойдет в лаптях. Большие оригиналы эти Толстые!

22 июля.

Поехала к Толстым. Дочери Толстого подпадают под влияние дяди Льва, отказываются от мясной пищи. Верочка собирается на днях по вызову Татьяны Толстой в Ясную Поляну вязать и жать рожь. По этому поводу завязался разговор. Сестра Толстого начала нападать на брата Льва, что он и себе портит здоровье и другим, что с тех пор, как он начал вести эту жизнь, он все хворает, у него непонятные боли в желудке от растительной пищи и от чрезмерных физических трудов.

22 октября.

За последние дни—ужасная катастрофа на Харьковско-Орловской дороге 17 октября. Без содрогания нельзя слушать подробности крушения царского поезда. Непостижимо, как господь сохранил царскую семью. Вчера Салов рассказал нам подробности, переданные ему Посьетом, когда они вчера возвращались из Гатчины, по приезде государя. Царский поезд состоял из следующих вагонов: два локомотива, за ними—вагон электрического освещения, вагон, где помещались мастерския, вагон Посьета, вагон II класса для прислуги, кухня, буфетная, столовая, вагон великих княжен литера Д., литера А.—вагон государя и ца-

рицы, литера С.—цесаревича, дамский свитский—литера К., министерский, свитский—литера О., конвойный № 40 и багажный—Б. Поезд шел со скоростью 65 верст в час между станциями Тарановка и Борки. Опоздали на $1^1/_2$ часа по расписанию и нагоняли, так как в Харькове предполагалась встреча (тут является маленькая темнота в рассказе: кто приказал ехать скорее?). Был полдень. Ранее обыкновенного сели завтракать, чтобы кончить его до Харькова, который уже отстоял только на 43 версты. Посьет, выходя из своего вагона, чтобы итти в царскую столовую, зашел в купе к барону Шернвалю, звал его итти вместе, но Шернваль отказался, сказав, что у него есть чертежи, которые ему необходимо рассмотреть. Посьет ушел один. В столовой собралась вся царская семья и свита, всего 23 человека. Маленькая великая княжна Ольга оставалась в своем вагоне. Столовая была разделена на 3 части: посредине вагона—большой стол, с двух боков столовая была отгорожена—с одной стороны помещался обыкновенный стол для закуски, а за другой перегородкой, ближе к буфетной, стояли официанты. Посредине стола, с одной стороны помещался государь, имея по бокам двух дам, а с другой стороны—императрица, справа у нее сидел Посьет, а слева Ванновский. Где стояла закуска, там сели царские дети: цесаревич, его братья, сестра и с ними Оболенский. В ту минуту, когда уже подавали последнее блюдо, гурьевскую кашу, и лакей поднес государю сливки, началась страшная качка, затем сильный треск. Все это было делом нескольких секунд,—царский вагон слетел с тележек, на которых держались колеса, все в нем превратилось в хаос, все упали. Кажется, пол вагона уцелел, стены же приплюснулись, крышу сорвало с одного бока вагона и покрыло ею бывших в вагоне. Императрица захватила Посьета при падении за бакенбарды. Первый на ноги поднялся Посьет. Увидя его стоящим, государь, под грудой обломков, не имея сил подняться, закричал ему:—„Константин Николаевич, помогите мне выкарабкаться". Когда государь поднялся и императрица увидела, что он невредим, она вскричала: „Et nos enfants?" Слава богу, дети все целы. Ксения стояла на полотне дороги в одном платье под дождем; на нее накинул телеграфный чиновник свое пальто. Михаила отыскали, зарытого в обломки. Цесаревич и Георгий тоже были невредимы. Маленькая же Ольга, сидевшая в вагоне рядом,—когда нянька ее увидела, что стенка вагона была разбита, выбросила Ольгу на насыпь и сама вслед за ней выбросилась. Все это произошло очень благополучно. Вагон же был переброшен через столовую и стал между буфетным вагоном и столовой поперек. Говорят, это послужило спасением для находящихся в столовой. Зиновьев рассказал Посьету, что он видел, как бревно врезывалось в столовую, два вершка от его головы, он перекрестился и ждал смерти, но вдруг оно остановилось. Человек, подававший сливки, был убит у ног государя, также и собака, бывшая в вагоне,—подарок Норденшильда. Когда вся

царская семья собралась и они увидели, что господь их сохранил, царь перекрестился и занялся ранеными и убитыми, которых оказалось много. Четыре официанта, которые находились в столовой за перегородкой, были убиты. Первый сошел с рельс вагон Посьета. Охрана, стоявшая вдоль пути, говорит, что видела, как что-то моталось около колеса одного из вагонов, но, вследствие быстрого хода поезда, не может указать, в каком это было вагоне. Думают, что лопнул бандаж на колесе. В первом, электрическом, вагоне людям, там находящимся, было жарко,—они открыли дверь. Трое из них поэтому были спасены—их выбросило на дорогу невредимыми, но другие были убиты. В мастерской, где находились колеса и разные принадлежности на случай поломки, все были перебито. Вагон Посьета разлетелся в прах. Шернваль был выброшен на откос, его нашли сидящим. Когда его спросили, сильно ли он ранен, он ничего не отвечал, только махал руками; он был нравственно потрясен, не зная, что такое произошло. Императрица и государь подошли к нему. Она сняла с себя башлык и надела его на Шернваля, чтобы ему было теплее, так как у него фуражки не было. У него оказались переломлены три ребра и помяты щеки. В вагоне Посьета находился еще инспектор дороги Кроненберг, который тоже был выброшен на кучу щебня и у него было оцарапано все лицо, и управляющий дорогой Кованько, тоже выброшенный, но так удачно, что не запачкал себе даже перчаток. Кочегар же был убит в этом же вагоне. В вагоне II класса, где была прислуга, мало кто остался жив,—все получили сильные раны: кто не был убит на месте, многие были придавлены передними скамейками. В кухне повара были ранены. Вагоны лежали на обе стороны. Из свиты государя все более или менее получили ушибы, но все легкие. Посьету ушибло ногу, у Ванновского оказались три шишки на голове, Черевину ушибло ухо, но всех больше пострадал начальник конвоя Шереметев: у него оторвало второй палец на правой руке и сильно придавило грудь. Трудно вообразить, что при таком разрушении так еще ничтожны повреждения. Императрице помяло левую руку, которую до сих пор она держит на привязи а также оцарапало ухо, т.-е. возле уха. В других же вагонах находящиеся там люди не потерпели никаких повреждений. Под царский вагон, где находились спальни царя и царицы, подкатились колеса других вагонов, а вагон цесаревича так затормозили, что превратили его колеса в сани. Барон Таубе, сопровождающий всегда царские поезда, находился у Ширинкина в свитском вагоне. Когда он узнал о происшедшем, он бросился бежать в лес; солдаты, охранявшие путь, чуть его не убили, думая, что это злоумышленник. Ширинкин послал конвойных его догнать и привести обратно. Посьет потерял во время крушения все свои вещи, остался в одном сюртуке. Когда опять все уселись в вагоны, т.-е. когда опять отправились из Лозовой в Харьков, государь с царицей навестили Посьета в его купе. Он лежал

раздетый. Царица села рядом у него на скамейке, где он лежал, а государь остался стоять. Они его утешали и пробыли у него 20 минут, не позволив ему встать со своего места. Когда Посьет вышел из вагона, Салов говорит, что у него был земляной цвет лица, он очень осунулся. Государь очень бодр и еще потолстел. Императрица тоже бодра, но постарела. Это понятно, что она пережила в это ужасное время. Сегодня напечатано, что государь передал жандармскому офицеру кусок дерева—гнилую шпалу. Спросила Салова по телефону: справедливо ли это сообщение. Он отвечал, что Воронцов, правда, поднял кусок дерева и сказал, что это—гнилая шпала, передал это государю, который тут же отдал этот кусок жандарму. Но Салов уверен, что это не шпала, что все они были переменены два года тому назад на этой дороге, а что это—обломок от вагона. Молодой Поляков, хозяин этой дороги, говорит, что всему виной вагон Посьета, который был очень ветх. Посьет дал понять Салову, что будто ехали так скоро по приказанию самого государя. Теперь все выяснит следствие. Кони и Верховский от министерства путей сообщения поехали туда на место. Жертв очень много: 23 убитых и 19 раненых. Все царская прислуга.

23 октября.

Вышел сегодня манифест, где говорится о чудесном спасении царской семьи. Видно, писал Победоносцев.

Оржевский рассказал, как Дрентельн не ладил с Победоносцевым по случаю празднования 900-летия крещения Руси и был недоволен его приездом. Победоносцев сказал, что говорил так много речей, чтобы не дать возможности говорить другим, т.-е. графу Игнатьеву.

24 октября.

Было много народу. Moulin говорил, что видел художника Зичи, который сопутствовал государю в поездке и был в столовой. Его облили кашей во время катастрофы. Когда он очутился вне вагона, первое, о чем он вспомнил, был его альбом. Он вошел снова в разрушенную столовую и альбом сразу попался ему на глаза. Говорят, что государь за два дня до катастрофы делал замечание за столом Посьету, что очень часто остановки. На это Посьет отвечал, что они делаются, чтобы брать воду. Государь сказал сурово, что можно ее запасать не так часто, а в большем количестве зараз.

Много интересных подробностей слышишь о крушении. Все, более или менее, получили царапины, но все здоровы. У Оболенской, рожденной Апраксиной, сорвало с ног туфли. Раухфус (доктор) боится, что будут последствия у вел. княжны Ольги от падения. Ванновский сильно ругает Посьета. Вся свита царя говорит, что его вагон был причиной крушения. Удивительно, что все, когда

говорят об опасности, угрожавшей царской семье, восклицают:— „Если бы они погибли, то вообразите, что тогда был бы государем Владимир с Марией Павловной и Бобриков!“ И эти слова говорятся с ужасом. Е. В. говорит, что вел. кн. Владимир делает недоброе впечатление своими поездками по России.

25 октября.

Верховский, посланный вместе с Кони расследовать причину катастрофы, телеграфирует, что на месте выяснилось, что сообщенные „Правит. Вестн.“ и другими газетами известия вполне ложны, что только через 5 дней они дойдут до причины крушения. По телеграмме видно, что она написана совместно с Кони.

26 октября.

Много интересного рассказывал о своем пребывании в Сибири Вишняков. Интересен его рассказ о пребывании его в Нижнем С ним в одно время были Т. И. Филиппов и Саблер. Баранов после обеда повез двух последних в такой дом, где удовольствия (известные) можно получить за 5 коп., и они там пробыли до 5 часов ночи. Хорош пример! Этого же Саблера накануне на дебаркадере встречал местный архиерей и при отъезде его провожал. Что же подумали нижегородцы о своем архипастыре, который оказал почтение личности, не сумевшей удержаться от оргии? Филиппов все свое путешествие, т.-е. командировку свою, сделал в сопровождении всей своей семьи, которую контрольные чиновники должны были везде угощать. Петров (начальник жандармов в Петербурге) тоже был в Нижнем и рассказывал, как Баранов позвал его на чашку чая. Он полагал, что приглашен на квартиру Баранова, оказалось,—в трактир. Кроме него, были другие, все нижегородцы, в том числе Осипов. Подали чай, взяли стаканы только он и Баранов. Свой он выпил, Баранов не выпил. Затем подали ужин. Сидели они в общей зале, всех ближе к арфисткам, которые им пели. Шампанское лилось рекой. Затем арфистки пошли собирать деньги в тарелочки. Все дали, Петров дал 3 руб. Когда в 2 часа кончился ужин, Баранов приглашал Петрова поехать с ним в то же непозволительное место, но Петров отказался. Те же арфистки пели и на обеде, когда были в Нижнем Вишняков, Филиппов и Саблер. Двое последних так расходились, что чуть ли не посадили арфисток на колени. Такую разгульную жизнь ведет Баранов ежедневно во все время ярмарки.

Многие сегодня обедали. Очень все острят насчет вел. кн. Марии Павловны. Говорят, будто она вскрикнула, когда узнала о случившемся крушении царского поезда:—„Jamais nous n'aurons une pareille chance!“ Она будто, называет это не „accident“, а „incident“.. Ее очень любят. Правда, она очень развратная немка

Вчера Колин товарищ, паж Орлов, много рассказывал ему про великих князей и княжен. Оказывается, что все они более или менее развратны. Досталось много Марии Павловне, с которой все лето он играл в лаун-теннис.

28 октября.

Статью в „Правит. Вестн.", где говорится о гнилой шпале, переданной будто бы государем жандармскому офицеру, написал личный секретарь Воронцова-Дашкова Кривенко.

Кузьмин-Караваев, адъютант вел. кн. Михаила Николаевича, сегодня завтракал у сыновей Михаила Николаевича, которые ему сказали, что государь и царица очень нервно потрясены, дети до сих пор перепуганы. В комнате, где была закуска, оказывается, сидели трое: Михаил, Георгий и Оболенский. Царица себе ранила руку вилкой. Пришел Иванов. Иванов сегодня видел вел. кн. Николая Николаевича, который ему тоже сказал, что государь очень нервен и часто плачет.

30 октября.

Посьета в прошлую пятницу государь принял очень ласково, повел его к императрице, сказав ему, что это день их свадьбы. Посьет спросил о детях и государь сказал, что они все у жены, что он их увидит. Пригласил его завтракать en famille. Утвердил его представления насчет поправки вагонов, назначил Салова председателем этой комиссии. О брани газетной сказал, что они, т.-е. газеты, решили дело и что ему тут делать нечего. Вообще видно, что царь был очень милостив с адмиралом. Сегодня с заграничным поездом уезжает цесаревич в Данию. Едет он в общем почтовом поезде. Это очень разумно и скромно. Фрейлина государыни Голенищева-Кутузова, оказывается, серьезно ранена. Ей какой-то кусок чего-то попал в неприличное место. Сперва бедная скрывала, а теперь лежит во дворце; ее навещает ежедневно царская семья. Кривошеин сегодня передал, что, когда он сидел в заседании у Плеве в числе 6-ти человек, Черевин позвонил из Яхт-клуба Плеве в телефон и сказал ему, что Посьет получил отставку. Это же сказал и Дмитрий Нарышкин, что вчера все об этом говорили в Яхт-клубе и что будто государь был свиреп с Посьетом при докладе Это не вяжется с рассказами Посьета. Заехал Салов. Об отставке Посьета он еще ничего не знает, но говорит, что это вероятно, хотя после поездки в Гатчину Посьет был вполне покоен. Рассказал он курьезный факт. Получает он конфиденциальное извещение от управляющего Варшавской дороги, что цесаревич едет. Сообщают ему, чтобы прицепить два вагона к почтовому поезду, взять же два вагона на Николаевской дороге. Салов спрашивает, какие вагоны взяты, ему отвечают: № 64 для цесаревича. Приезжает к нему сегодня Михальцев, управляющий Николаевской дороги. Он ему говорит, что он дал вагон № 64. Оказывается, что Михальцева никто не спросил,

взяли вагоны без спроса, потому что очень спешили. Вот порядок Так как поезд имел уже полный состав, а вновь прицепленные вагоны сделали его еще более тяжелым, то опять потребовалась двойная тяга. Салову телеграфируют о следовании поезда № 3. т.-е. как он подвигается. Цесаревич уехал с Рихтером. Обедали Скальковские. Он сказал, что Посьет получил отставку, но будет управлять министерством, пока ему не найдут заместителя. По его мнению, лучшего заместителя нет, как Анненков. Е. В. заметил на это, что гораздо лучше Оржевский. Скальковский рассказал исторический анекдот. Когда Кальноки был назначен сюда австрийским послом, то он просил, чтобы ему подали список министров, чтобы им сделать визит. Ему дали имена всех, кроме двух—Набокова и Посьета, и сказали, que ces deux ministres sont à la veille de quitter leurs ministères. Когда Кальноки уезжал, то в списке он увидел, что все министры переменились, а те два, у которых он не был, сидят на своих местах. Тогда он сказал, qu'on lui a joué un mauvais tour. Если не ошибаюсь, Посьет сидел 16 лет.

31 октября.

Зашел Кутайсов. Много наговорил всего. Посьет в воскресенье уже всем объявил, что подал в отставку, но ответа от государя не получил. Рассказал, что Рихтер ему передавал (т.-е. Кутайсову): когда последовали три роковые удара, то первое, что он подумал,—„аттентат", со вторым ударом они летели со своих мест. с третьим лежали. Затем наступило гробовое молчание. В это время Рихтер стал вытягивать ноги, руки, увидел, что цел. Перед его глазами было стекло. Схватиться за него, это—перерезать себе руки, он начал его ногой разбивать, а другой толкал что-то мягкое, что оказалось—Воронцов, который при этом мычал. Затем, расчистив себе дорогу, он стал звать государя. В это время началось движение в вагоне; встать было невозможно, все ползли. Рихтер закричал царю:—„Ваше величество, ползите сюда, здесь свободно". Крик императрицы „Et nos enfants", говорит, невозможно забыть. Все это было делом минуты, которая ему показалась вечностью. Интересны впечатления и ощущения каждого лица, которое было в этой злосчастной столовой. Кутайсов говорил, что в городе называют следующих лиц на место Посьета: Паукера, Зверева, Имеретинского, но, говоря об этом, прибавляют, что государь его не любит, как и Анненкова. Последнего не дай бог,—он приведет дороги в ужасное состояние. Вчера Скальковский сказал, что Воронцов послал депешу графу Владимиру Бобринскому, вызывает его немедленно приехать. Кутайсов уверен, что ему будут вновь предлагать пост киевского генерал-губернатора. Он тоже говорит, что он ополячился и онемечился совсем, что не расстается с Лопухиной, в которую влюблен, что наверное откажется, но, так как он многоречив и честен, то, верно, в разговоре с царем укажет на личностей, которые и будут назначены.

Если будет назначен Анненков, то я того мнения, что он много сделает глупостей, все перепутает и не пройдет года—Салов будет министром. Кутайсов рассказал, что письмо „Гражданина" к инженеру, т.-е. к Салову, было показано государю, и что он и она его прочли, что на Салова все страшно нападают в обществе. Кутайсов разбранил манифест, нашел в нем три места, которые доказывают слишком много самонадеянности. Главное место, которое его шокирует, это—„явленная нам и народу нашему милость". Он находит, что здесь нет смирения. Салов сказал по телефону, что сегодня в $3^1/_2$ часа Посьет получил письмо от государя, где говорится, что, по долгом размышлении, государь принял его отставку, и кончает письмо „искренно вас любящий". Приехал сегодня Верховский с места катастрофы и говорит, что причина крушения—два локомотива. Императрица сказала Кутайсову, что всего более ее тронули в Петербурге две вещи: теплая встреча молодежи и образ, поднесенный государю Ольденбургским, где вся гвардия, начиная от генерала и кончая солдатом, все равно пожертвовали по копейке.

Были дамы—m-me Бутовская и Офросимова. Верочка рассказывала про ужасную жизнь, которую создала Числова вел. кн. Николаю Николаевичу. Вот один факт. Этой осенью—он уже тогда выехал из Знаменки, распростился со всеми и переехал на ночь в Петербург—вдруг, в ту же ночь прислугу Знаменки будят и говорят, что вел. князь вновь приехал с Числовой. Она направилась в его комнаты и, в присутствии его камердинера Зернушкина, стала вытаскивать все из столов, из комодов, бросать все на пол и кричать, что она найдет все, что ей нужно, что она должна удостовериться, есть ли у него любовные интриги. Зернушкин затем говорил Верочке, которая в это время жила в Знаменском, что жаль было смотреть на вел. князя,—он был сильно расстроен, все просил его собирать вещи, чтобы другие не видели этого беспорядка. Теперь он запретил себе подавать письма, всю его корреспонденцию несут к ней, она за ним устроила целый строгий надзор. Вел. князь встает рано, Числова—в 3 часа, и она ему не позволяет идти спать ранее 2-х часов и долее, а если он уснет в кресле, она так сердится, что заставляет его ложиться еще часом позже. Вот деспот! Как он все это терпит!

22 ноября.

Была Прозорова. Много рассказывала про проведенный ею этим годом осенний сезон в Биаррице. Там была Юрьевская, которая держала себя очень бестактно. Вся русская колония возмущалась, когда священник русской походной церкви, после обедни, подавая ей крест, целовал ей руку, она же нет. Даже государь, и тот, когда ему священник целует руку, тоже и ему целует. Все знают там и говорят про ее интимные сношения с ее домашним доктором Любимовым, очень ничтожным человеком. В этом году

Юрьевская вела себя осторожнее. Когда она выходила на пляж, его не бывало, он где-то тогда скрывался. Но у нее дома он вел себя неприлично. Когда его не избрали старостой церковным, Юрьевская позвала к себе священника и, вместе с Любимовым, ругала священника три часа так, что тот пришел в отчаяние, не мог служить всенощной, хотя это был канун праздника, и весь вечер скитался в лесу. Про это знали все русские.

3 декабря.

Колышко очень много говорил о Мещерском. Сказал, что у князя отвратительный характер, ужасная легковерность, но ко всему этому он всегда готов каяться в ошибках. Теперь его злой гений—Тертий Филиппов, он ему верит. Колышко его убеждает бросить его и помириться с Победоносцевым, что Филиппов наверное его подведет,—в этом нет сомнения.

8 декабря.

Пришел Коломнин. Говорили про Кони, с которым он приятель. Кони был у государя, докладывал ему о суд. делах, оставался $1^1/_2$ часа. Он поражен обстановкой царя: низкий кабинет, очень небольшой, на письменном столе синее сукно, тут лежит лист грязного papier-buvard, простая чернильница, возле белая тряпочка для вытирания пера, на которую Кони обратил особенное внимание, так как государь ее неоднократно брал, чтобы обтереть перо, которое у него не писало, а он во время разговора делал примечания этим пером. Во время разговора царь встал и стал ходить по комнате. Кони тоже встал, но государь приказал ему сесть.

10 декабря.

Было много народу. Рассказывали случай с княжной Львовой, которая поехала помолиться в Тихвинский монастырь. Ей там сделалось дурно, монахи ее окунули в один источник, который якобы исцеляет, но после этого, на другой день она умерла. Теперь об этом так рассказывают. Версий много, есть очень грязные. Говорят, Манасеин затеял дело, но Победоносцев старается это потушить, чтобы скрыть невежество и ужасный поступок монахов.

24 декабря.

Сегодня у Е. В. долго сидел Веселитский-Божидарович, который пишет корреспонденции из Вены в „Новое Время“ и подписывается „Аргус“. Он всегда живет в Берлине. Говорил, что влияние Шувалова в Берлине умалилось. Всю политику ведет Бисмарк, от которого досталось его сыну Герберту за поездку

в Италию. Тройственный союз не прочен. Вражда между Вильгельмом II и принцем Рудольфом явная,—одни это приписывают тому, что у них разные вкусы, другие—наоборот. Оба поклоняются Карлу Великому. Вильгельм передал ювелиру корону своих предков, чтобы ее переделать в такую, как была у Карла Великого. Рудольф признает в Карле Великом своего предка и поставил в музее две статуи своих родоначальников: Карла Великого и Рудольфа I. Оба очень воинственны. Веселитский признает Вильгельма ненормальным. Он рассказал следующее. Вильгельм призывает однажды Шувалова и ему говорит, что сейчас получил известие, что русский царь едет в Берлин. Шувалов, которому ничего не было известно, едет к министру иностранных дел. Тот тоже ничего не знает, Бисмарк тоже. Затем Вильгельм об этом забыл и больше не говорил. Вильгельм тоже много проиграл в Австрии тем, что разбранил Таафе, который там первый человек. Вообще видно, что Бисмарку все приходится поправлять ошибки своего государя. Бисмарк теперь хлопочет удалить Шувалова из Берлина и у него есть свой кандидат, за которого он хлопочет здесь. Бисмарк боится теперь войны, так как у него ружья еще не готовы, а Вильгельм то и дело подает к ней поводы своими неуместными речами. Веселитский рассказал, как он поехал от королевы Наталии к Шувалову просить, чтобы Россия заступилась за нее и ей оставили бы ее сына. Он в 5 час. утра разбудил Шувалова, который при нем получил депешу из Петербурга не вмешиваться в это дело. Веселитский, по его словам, получил в Берлине прозвание „le cavalier de la reine". Сегодня напечатан приказ вел. кн. Владимира, чтобы не давали войска подарков и, в случае, если будет ослушание, будут взыскивать с получателей. По-моему, великие князья, особенно Владимир, обязательно должны издать приказ, чтобы и им не подносили подарков. Он за свои путешествия набрал массу вещей, приходилось прицеплять для этих вещей вагон. Не говорю уже о государе,—тут понадобился целый поезд для подарков, поднесенных на Кавказе. Сколько пошло на них трудовых денег, необходимых многим для дневного пропитания!

25 декабря.

Колокольцев много интересного рассказывал про Персию, как там Друмонд-Вольф прикинулся дурачком, чем ввел в заблуждение наших наивных дипломатов. Романченко уверяет, что Толстой совсем покоен насчет своего проекта, хотя после последнего заседания и пришлось ему поставить мушку. Плеве пользуется его полным доверием, часто у него бывает. Николаев рассказывал, что барон Николаи, председательствующий на заседании, начал свою речь тем, что один предводитель дворянства ему совсем другое говорил, чем Толстой. Толстой его перебил:—„Какой предводитель?" Николаи назвал Кривского (известного желчного человека, который ругает всех губернаторов). Тоже бестактно было

со стороны Толстого, что во время этой речи он встал и пошел за Гагариным (товарищем министра внутренних дел), чтобы он дал объяснение. Это и вызвало замечание Абазы, что нельзя прерывать заключительную речь председателя. Сегодня напечатано разоблачение писем Морьера (английского посла здесь) и Герберта Бисмарка. Бисмарк упрекает Морьера, что он известил Базена в 1870 году о движении германской армии. Морьер доказывает, что тогда не знал Базена, и тут же в „Новостях“ напечатано письмо Базена к Морьеру, отрицающее этот факт. Бисмарк сделал все эти нападки не сам, а его орган, „Кельнская Газета“, это напечатал, основываясь на рассказах германского военного агента в Мадриде Дайнеса, которому якобы все это рассказал сам маршал Базен. Морьер в 1870 году был посланником в Дармштадте, лично знал покойного Фридриха и тут видно, что Бисмарк не останавливается ни перед чем, чтобы заклеймить память Фридриха, будто бы от него узнал Морьер и сообщил Базену. Морьера здесь очень любят. Это не по вкусу Бисмарку, и вот он повел против него интригу, но она ему не удается. Морьер всеми силами старается сохранить добрые отношения между Англией и Россией.

31 декабря.

Сегодня было много народу. Долго сидела m-me Вышнеградская. Николаев пришел прямо с заседания Государственного Совета и сказал, что Вышнеградский хорошо говорил, что по росписи в этом году $4^1/_2$ миллиона больше дохода, чем расхода. Завтра будут два новых члена Государственного Совета: Менгден, которого провел Победоносцев, и сенатор Саломон. Двор переехал сегодня. Николаев сказал, что очень везет Вышнеградскому, что лучшими годами для финансов считались 1846 и 1857 (или 67), но что этот год лучше тех обоих.

1889 год

27 марта.

Коломнин сегодня подтвердил сказанную им вчера новость о Мещерском. Ему об этом говорил Путилин (сыскная полиция). Замешано в этой истории до 200 лиц, гвардия и актеры Александринского театра: Давыдов, Варламов и другие. Мещерскому, говорят, будет предложено выехать на время из Петербурга. Говорят, что эту историю великие князья поспешат затушить: из них многие принадлежат к этому обществу. Какой скандал!

2 апреля.

Очень характерный факт рассказал Марков про Селиверстова, который, в кратковременную бытность свою шефом жандармов, купленные им машины для его пензенской фабрики, нагрузив в 4 вагона, приказал местным железнодорожным жандармам, передавая один другому, конвоировать бесплатно до своей станции „Прасковьино". В это время Марков был управляющим Моршанской дорогою. Он не разрешил бесплатный провоз, несмотря на мольбы жандарма, которому угрожала отставка. Но все таки Марков устроил, что жандарм остался, и получил следуемые 68 руб. за провоз, а шаль, присланную ему Селиверстовым, который хотел этим отделаться, отправил ему назад.

3 апреля.

Золотницкий, не зная, что мы читали сожженную по приказу комитета министров книгу „Филантропы благотворительности", выдал себя абсолютно, что именно он писал эту книгу. Говоря про петербургских священников, он начал их ругать, говоря, что с ними всегда встречался у своего приятеля Парунова (бывшего председателя Пятигорского общества). Затем сказал, что на-днях ему попалась депеша к нему Парунова, где тот ему пишет: „Ваня, приезжай к татарам, выпьем" и проч. и подписывается „рыцарь гроба господня Парунов",—в этот день он был утвержден в этом звании. Затем многие подробности такие рассказал, которые я читала в этой книге: завтраки, попойки, небрежное отношение к деньгам, раздача их направо и налево, и все это живо представило мне ту же картину, прочитанную мною в этой книге.

4 апреля.

Вчера нам говорили, что в Германии питают большое уважение к Вышнеградскому, говорят даже, что есть только один

политик на свете—Бисмарк и один министр финансов—Вышнеградский. Сумел человек заставить о себе думать! А что про него говорили, когда только его назначили? Даже недавно нам сказали, что государь такой честный человек, а у него два министра мошенника—Вышнеградский и Чихачев, а если назначит Анненкова, тогда их будет целых три.

5 апреля.

Жаконе, корреспондент многих солидных иностранных газет, принес сегодня Е. В. корреспонденцию-телеграмму агентства Рейтера, полученную им сегодня от 1-го апреля. В телеграмме просят его разъяснения и подтверждения появившихся во многих английских газетах сообщений насчет вновь начавшейся деятельности русских нигилистов. Газетные сообщения приводятся следующие: 1) что открытие тайного производства бомб в Цюрихе имело связь с заговором против жизни русского царя, который предполагалось привести в исполнение во время пребывания государя в Берлине. 2) Что аресты в Вильне были произведены по обвинению в соучастии в этом заговоре, а также и аресты в Петрограде. 3) Что полиция нашла в Петербурге 4 бомбы, приготовленные к употреблению, но место их нахождения скрывает. 4) Что тайная полиция южной России имела сведения, указывающие на то, что в ближайшем времени начнется новая кампания крайней революционной партии, что эта деятельность со стороны нигилистов была вызвана ретроградной политикой графа Толстого. Наконец, сообщают, что подозрение падает на нескольких высокопоставленных лиц русской тайной полиции. Также распространился слух на биржах Вены и Берлина, что царь был ранен в Гатчине в прошлое воскресенье бомбой, брошенной гвардейским офицером. Е. В. этот интересный документ препроводит завтра через жандарма Куликова Толстому, который теперь еще в Москве. Сегодня Божидарович говорил, что о покушении 1 марта раньше времени покушения знали в Берлине. Шебеко не на своем месте. Н. И. Петров сказал же про него, что он целый день лежит и читает французские романы. Какой же это шеф жандармов для такого времени!

12 апреля.

Говорила с Н. И. Петровым о нигилистическом движении. Он убежден, что ничего общего с Цюрихом нет. Правда, арестован один артиллерист и два студента. Сказал, что все происходит оттого, что при обыске в Цюрихе оказалась по предположениям недостача в бомбах изготовленных, отсюда предположение, что отправлены в Россию. Шебеко и Грессер спят и видят сделать из этого большое дело для своей карьеры, но не имеют на это никакой возможности, все это пустяки. На похороны Паукера, в ожидании царя, Шебеко приказал все в тех же видах сделать, наряд в 40 конных жандармов для охраны, но Петров говорит что все это—фокусы.

13 апреля.

Асланбеков говорил, что революционное движение вновь начинается, что в Цюрихе один из убитых по неосторожности от бомбы был известный Дейч. Рассказывали нам, будто Гамбургеру было поручено сделать там разведки, куда скрылись нигилисты, когда их хотели забрать, он отвечал, что ничего узнать не может. Бисмарк прислал сюда царю подробные о сем деле сведения. Хороши наши дипломаты! Об этом говорила Старицкая. Видно теперь, что Петров или не знает, или умалчивает.

17 апреля.

Безродные говорили, что в дневнике Шестакова много обличений. Половцов нашел там письма Победоносцева к Шестакову, где говорится о тупости нынешнего государя и восхваляется покойный наследник. Что будто теперь? Половцов не знает, показать ли эти письма государю.

19 апреля.

Говорили нам, что Шестаков перед смертью тоже написал письмо царю, в котором говорит, что политика и ретроградные взгляды Победоносцева приносят вред России, и советовал отдалить его. Если это правда, что оба письма были написаны, то, видно, что оба не достигли цели.

25 апреля.

После тяжких страданий умер сегодня в 4 часа 20 минут граф Толстой. Третий министр умирает в полгода—Шестаков, Паукер и Толстой. Государь и государыня прислали нежные телеграммы вдове. Теперь уже начали толковать о преемнике. Министерство, по словам Скальковского, желает, чтобы Плеве был назначен. Называют, кроме вчера названных мною, еще двух генералов—Черткова и Дондукова, один под башмаком своей жены, которая ему всегда портила, когда он заведывал какой-либо частью, другой известный пьяница.

26 апреля.

Сегодня Вишняков сказал, что завтра в первый раз Плеве едет к государю. Галкин приехал после панихиды, рассказал, что царская депеша к вдове очень нежна. Завтра она будет напечатана. В ней говорится, что царь не знает, чья потеря больше—его или ее, говорит об его преданности, верности и проч. Толстой не ожидал, что смерть так близка, приехавшего сына пожелал видеть на другой день, чтобы быть спокойнее. Доктора тоже думали, что он переживет вчерашний день, потому он и не причащался. В ночь накануне смерти, он дал дежурному доктору ключ от своего стола, который висел на

цепочке у часов, и потребовал два доклада, которые подписал. Хотел при жизни сделать из любимого своего имения „Маково“ майорат, но не успел. Там он устроил особенную башню для библиотеки, осушил почву, чтобы сохранялись книги, и неоднократно говорил, что хотел бы лечь возле своих книг. Сперва думали его похоронить в Александро-Невской лавре, но затем вспомнили, что он не раз говорил, что не желал бы, чтобы его хоронили монахи. Теперь решено отпевать его в Почтамтской церкви, а хоронить в деревне. Умер он в полной памяти. Простудился в среду, навещая свою дочь, которая была нездорова, и сделал это по настоянию своей жены, снял пальто, выходя из кареты. Все говорят о Толстом, как о цельном характере, с большой силой воли и энергии. У всех на языке: „трудно заменить“.

27 апреля.

Других нет разговоров, как о заместителе Толстого. М-me Шамшина сказала, что слышала, что больше всех шансов у Островского. М-me Вышнеградская долго у нас сидела, говорила, что, по мнению ее мужа, две комбинации возможны: назначить Дурново, или оставить временно управлять до августа Плеве, затем его назначить. Слышала возмутительный рассказ от Коли, которому по секрету сказал Граббе, поехавший поздравить владыку с праздником. Он без доклада вошел в гостиную—людей никого не было—и без ужаса не может вспомнить позу дамы и его, в которой он их застал. Вся охота посещать владыку у него пропала. Он поспешил незаметно уйти, оставив у швейцара карточку. Как грустно это слышать!

28 апреля.

Сегодня получила записку от Скальковского, что министром внутренних дел назначен Дурново. Процессия похоронная прошла мимо нашего дома. Сперва шли курьеры, телеграфисты и проч., несли впереди его герб, ордена на одной подушке. Катафалк был замечательно украшен цветами и венками. После этого хлынула толпа подчиненных, почитателей и друзей. Отпевали его в Почтамтской церкви и отвезли в его деревню в Рязанскую губернию. Государь и царица приезжали на вынос. Про Дурново все говорят, что он добр, но положение меняет людей.

29 апреля.

Дурново назначен управляющим министерства внутренних дел и остается в IV отделении. Был Коломнин. Сказал, что государь велел прекратить производство дела по поводу крушения 17 октября, раз комиссия нашла, что Посьета не надо предавать суду. Старый адмирал Гейден пришел с известием, что был у Чихачева, который вчера сюда вернулся, что в эту минуту у него собралось много докторов, что он очень плох

30 апреля.

Рассказывали, что Дурново говорил государю, что не чувствует себя способным принять новое назначение. Государь упросил его взять на год и, если не привыкнет, вернуться на прежнее место. Вследствие этого, Зубов назначен временно-управляющим IV отделением, а Делянов председателем Опекунского совета. В Карно стреляли холостым зарядом, и стреляли не в Париже, а в Версали, во время празднования столетия французской революции. Асланбеков рассказывал, что вел. кн. Владимир сильно изменился: страшно исхудал, грудь впала, производит впечатление, что в нем таится серьезная болезнь. Ему даром не обошлись все эти скандалы и рассказы. По словам Кутайсова, которому рассказывал один приятель Дурново, Дурново ему сказал, что в министерстве он не сделает никаких перемен, кроме тех, которые ему были указаны государем, что и эти перемены ему тяжело делать. Асланбеков повторил, что Посьет дело крушения свалил на злой умысел, что он это знает достоверно. Это-то и заставило царя от него отвернуться.

2 мая.

По случаю назначения Дурново министром выдуманы следующие остроты: одна—„не нашли хорошего, назначили дурного", вторая—что „Синельников (зять Дурново) ist Tol geworden", а Толь был зять Толстого. Сегодня у Граббе Коля встретил сына Воронцова, который ему сказал, что Дурново страшно глуп, но очень добр, что его отец ничего не имел против этого назначения, что государю за него говорил Рихтер, что государь любит Дурново, и все за него в виду вышеназванных двух эпитетов, а что другого кандидата не назначили, потому что один был слишком умен. О ком это он говорил,—не понимаю. Неужели Дондукова считают слишком умным?

3 мая.

Была сегодня у Кривошеиных. Говорили про Дурново, с которым они большие приятели. Он говорит, что Дурново решительно не останется больше года министром, что он берет в товарищи, вместо Тагарина, иркутского генерал-губернатора графа Алексея Игнатьева, которого думают готовить в министры. Говорил, что Дурново, с тех пор, как назначен, потерял сон, тревожит его полицейская часть. Кривошеин говорит, что Дурново болеет со смерти дочери, кашляет, характер его переменился, он сделался серьезнее, мрачнее, никогда больше не шутит, как это нередко прежде бывало. IV отделение совсем по нем. Рассказали, что он прекратил приемы просителей по этому отделению на дому, в виду того, что однажды к нему пришла одна дама, привела пять человек детей, их оставила у него, а сама скрылась. Дурново их накормил, а затем в его ландо их отвезли к Грессеру.

Умер сегодня Танеев, который управлял собственной его величества канцелярией.

4 мая.

Утром пришел Каульбарс. Сказал, что неправда, что вел. кн. Владимир переменился, он вполне здоров. Саша Безродная говорила, что многие члены Государственного Совета говорят, что от Плеве никогда не слышали его мнения, что он всегда уклоняется от ответа, что его многие считают за „красного", что он теперь старается это скрыть. Также и Кони, который остался „архи-красным". Переменись сегодня направление—сейчас бы оба и высказались. Это вполне возможно. Она не первая это говорит про Плеве.

6 мая.

Сегодня утром прочла об утверждении Дурново министром внутренних дел с увольнением из IV отделения. Сегодня день совершеннолетия цесаревича. Он сделан флигель-адъютантом и членом комитета министров и Государственного Совета. Приехал Moulin из Парижа. Рассказывал, что Драгомирову было оваций без конца. Он был всюду. Был с Moulin в маленьком кафе, где давалось представление—40 женщин в русских военных мундирах всех полков, затем пели русский гимн и марсельезу. Драгомиров плакал от восторга. Затем рассказал, что он слышал, что доктор Люис приглашен в Петербург для императрицы, которая не чувствует себя лучше от пользования доктора Шарко и которая страдает расстройством нервов. Moulin говорит, что этот доктор, Люис,—настоящий шарлатан. Коцебу во время incident Sagalle громко кричал, что русское правительство отказывается от Ашинова и его спутников. M-me Adam сделала сбор для жертв этого случая, но отсюда получила депешу от одного Филиппова, который работает в редакции Комарова, что русские не желают пожертвований от людей, которые пролили кровь их соотечественников. M-me Adam вообразила, что это депеша от Тертия Филиппова, врага Победоносцева. Moulin говорит, что, получив депешу, она горько плакала. На предстоящих выборах Буланже имеет, по его словам, много шансов, его поддерживают монархисты. Говорит, что займы разочаровали французов. Они охотно несли деньги на эти займы, надеясь, что Россия на эти деньги начнет строить необходимые дороги на случай войны и вооружаться, но этого не случилось. Сказал, что Вышнеградский сильно попался, завязав сношения с Ротшильдом. Через полчаса после Moulin пришел банкир Клима, который восхвалял Вышнеградского именно за мысль этих займов и за то, что он сумел привлечь Ротшильда к России, который говорил, что никогда не будет с нами иметь никакого дела.

7 мая.

Вместо Дурново в IV отделение прочат Ольденбургского. На место Танеева назначен Ренненкампф. Был Романченко. Он жа-

леет Толстого, но своим новым начальником доволен. Ему уже устроили в столовой Дурново канцелярию: поставили письменный дамский стол, вынули посуду из шкафа, и туда он кладет бумаги. Дурново ему не звонит, как, бывало, граф, а, если ему понадобится что-либо, сам выходит к нему. В ту минуту, когда Толстой умер, Романченко находился в своей канцелярии. Двери к графу были открыты, он лежал через комнату. За несколько минут до его смерти вошел Плеве в канцелярию из комитета министров и спросил:—„Что, как?“ Романченко отвечал:—„Плохо“. Вдруг послышался крик,—с графиней сделалось дурно. Граф скончался, доктор вышел сказать об этом. Плеве в это время отошел к окну, две слезы скатились из его глаз, он их отер кулаком, затем обратился к Романченко и сказал:—„Теперь надо распоряжаться, запереть столы и, не спрашивая никого, суммы взять из ремонта дома“. Романченко телефонировал Заике. Спросили графиню, где его положить. Она решила: внизу, но только повторяла, чтобы не было монахов,—граф их не терпел. Когда затем митрополит Леонтий Варшавский и Алексей Виленский пожелали у гроба отслужить панихиды, им в этом было отказано. Толстой совсем не пожелал видеть сына, просил жену следить, чтобы он не ворвался к нему. Из слов Романченки могла заключить, что он в последний его приезд сюда к нему охладел. Он был недоволен его женитьбой. У Толстого осталось мало денег, всего 55 тысяч, которые он получил выкупные,—7 тысяч в банке и 4 билета внутреннего выигрышного займа. Все состояние оставлено графине. Игнатьеву решено только предоставить те департаменты, которые были у Гагарина. Полиция не отойдет от Дурново. Завтра в первый раз наследник будет в Государственном Совете.

8 мая.

Навестил меня митрополит. Он не жалеет Толстого, рассказывал про него, что никто не помнит, когда он причащался. В бытность его обер-прокурором Синода, он ни разу не был в Исаакиевском соборе, не заглядывал в синодальную канцелярию, где только висел его мундир на вешалке. Когда назначили Победоносцева и он туда вошел, он увидел на столах груды бумаг и немедленно уволил всю канцелярию. Рассказывали нам, что у Чихачева дурная денежная история, которая может его заставить уйти из министерства, какие-то заплаченные им счета модистке из казенных сумм. Говорят, что он заплатил миллион Богарнэ, чтобы его назначили управляющим министерством.

17 мая.

Е. В. рассказывал про свое свидание со Строгановым, у которого он был адъютантом, когда тот был одесским генерал-губернатором. Старик встретил Е. В. словами: „Откуда? Зачем? На-

долго ли?“ Накануне градоначальник Одессы Зеленой сказал Е. В., что Строганов положил в 8 больших мешков все свои записки и бумаги, запечатал мешки и отдал Чихачеву, чтобы тот отвез их на пароходе Черноморского общества и потопил в Архипелаге. Е. В. затронул вопрос со стариком об его бумагах. Он ему отвечал, что их сжег. Е. В. с отчаянием воскликнул, что он не имел права этого делать. Тогда Строганов ему сказал:— „Император Николай написал следующее письмо начальнику штаба Дибичу, где главнокомандующим был Витгенштейн: „Боюсь, что твой дурак главнокомандующий не решится на эту меру“. Вы поймете теперь, почему я сжег мои бумаги“. Значит, в них было много такого, что нельзя было обнародовать. Говоря о министрах, Е. В. сказал, что теперь трудно получить такого, какой был граф Строганов. Строганов его спросил: — „А вы почему знаете?“ Е. В. тогда сказал, что он был известен тем, что правду говорил прямо в глаза. На это Строганов ему сказал:—„Однажды Николай Павлович при всех меня спросил: — Строганов, скажи, правда ли, что мой дворец хорошо освещен, правда ли, что Костя милый мальчик?—Я отвечал ему:—Совершенно верно, ваше величество. — Но наедине, в кабинете, тогда же я ему сказал:—Все, что я вам сказал там,—неправда, у вас ничего не мило и не хорошо“.

18 мая.

Узнала сегодня новость, что будет сегодня объявлена свадьба сына Николая Николаевича, вел. кн. Петра, с черногорской Милицей, что вторая черногорская выйдет за Дмитрия Константиновича, а наследник женится на третьей. Сегодня был рязанский помещик Повалишин, который вместе с Каменским получил право на обработку свинцовой руды на Мурманском берегу. Он говорит, что он был в Ялте в начале октября и там слышал, что готовится покушение на царский поезд, что будто были получены иностранные газеты, где говорится об этом покушении, но газет он не видал. Затем в Москве ему сказал помощник управляющего Московско-Курской дороги, что все болты на месте крушения не были найдены. Марков ему также сказал, что болтов не нашли. Мне все это кажется невероятным. Если бы один Кони производил следствие, то можно было бы его заподозрить, что он покривил душой, вспомнил дело Засулич, которую оправдал, но здесь была целая комиссия, и все инженеры сейчас же ухватились бы, чтобы вывести все наружу.

20 мая.

Во время праздника Конно-Гренадерского и Уланского полков, за завтраком, государь сказал тост:—„Пью за здоровье единственного и искреннего друга России, князя Николая Черногорского“. Все думают, что это вызовет целую бурю. Был Ардашев. Много интересного рассказывал о бывшем начальнике сыскной полиции.

Путилине. Какой это низкий человек! Это страшный взяточник. Пока он не подал рапорт о болезни бежавшего за долги Овсянникова, нельзя было в этом убедиться. Затем он был пойман по указаниям пристава, в 24 часа. Как долго этот человек пользовался властью! На его место назначили Виноградова, человека, пользующегося плачевной репутацией. Его судили раньше за разные проделки. Если пристав какого-нибудь квартала ему не платил взятки, то его полиция разрешала петербургским ворам грабить этот квартал, и не проходило дня, чтобы не было там 3—4 краж со взломом. И такого человека теперь сделали начальником! Видно, что Грессер очень нечист на руку,—окружает себя такими людьми.

25 мая.

Узнала, что воспитателем нынешнего государя был Гогель. Он всегда был ленив и начал учиться только тогда, когда сделался наследником.

27 мая.

Мокринская говорила, что вел. кн. Николай разделил оставшиеся бриллианты императрицы Александры Федоровны, подаренные его жене, с тем, чтобы переходили из рода в род, между двумя сыновьями, и каждому досталось на 89 тысяч. У Александры Петровны, кроме этих, было еще на 900 тысяч, но теперь у нее ничего нет. Государь ей дает из своей шкатулки 17 тысяч в месяц. Она всегда без денег и на-днях еще получила от царя подарок в 75 тысяч. Этого не следовало бы делать, она такая распутная. Говорят, что Александру Иосифовну очень любят при дворе, что она льстит государю и все его целует. Вечером пришел Бобриков. Он говорил, что Воронцов написал царю, что тост лучше не печатать, но государь на его же письме написал: „наверное печатать". Бобриков слышал, что после этого тоста Ротшильд телеграфировал Вышнеградскому, что вследствие этого тоста он потерял на последнем займе 20 миллионов.

28 мая.

Были у архиерея Антония. Это—достойный монах, не чета киевскому викарию Иерониму, у которого ужасная репутация. Он открыто живет с Демидовой Сан-Донато, водворил к ней своих шестерых детей, которые с ним у нее ежедневно обедают. Граф Владимир Бобринский говорил Е. В., что даже из-за этого перестал совсем ездить к Демидовой, где Иероним разыгрывает хозяина. Говорят, что он пленяет своими глазами.

30 мая.

Сегодня много у нас говорил Нарышкин про персидского посланника Долгорукова. Положение там незавидное. Когда шах задумал путешествовать, Эмин-паша сказал Долгорукову, что шах

намерен остаться в Петербурге 8 дней. Долгоруков телеграфировал сюда и получил ответ, что согласны его здесь оставить только 3 дня. Свиту шах хотел взять в 34 человека, здесь согласились только на 20 человек. Узнав это от Долгорукова, Эмин телеграфировал своему посланнику здесь, который, после свиданья с Зиновьевым, переговоров с Гирсом, наконец, получил согласие помимо Долгорукова увеличить свиту шаха. Это—экономический вопрос для шаха, так как лица, которые ему сопутствуют, платят une somme de... за то, что он их взял с собой. Долгоруков убежден, что если бы продержали здесь подольше шаха и дали бы взятку визирю, все было бы подписано, чего хотела бы Россия, разорвана концессия с Рейтером и проч. Но здесь пожалели дать 1 миллион, разделив его так: в 500 тысяч подарок шаху, 300 тысяч—визирю и 200—тысяч другим лицам. Подарок шаху сделали самый неважный—портрет государя, осыпанный бриллиантами. Раньше хотели подарить вазу в 50 тысяч, но он их столько уж получил от русских царей, что у него смеются над этими вазами. Думали дать трость в 15 тысяч, но у его церемониймейстера трость стоит втрое дороже. Расстались обе стороны недовольными. Самойлов говорил, что Вышнеградский нисколько не поправил наши финансы, сказанный тост повалил курс, если начнутся дипломатические переговоры, он повалится еще больше, а война доведет рубль до 25 копеек. Вышнеградский кому-то говорил, что у него с царем пробежала кошка, называет Бунге. Н. П. Игнатьев явился ему на помощь: в один день трем иностранным корреспондентам посоветовал написать, что против министра финансов ведется интрига. По-моему, это медвежья услуга.

3 июня.

Сегодня с утра начали к нам приходить, чтобы смотреть въезд греков. На всех въезд произвел большое впечатление. На меня же эта церемония произвела впечатление балагана: золотые кареты устарели, смешны, чины двора, которые там сидят, похожи на марионеток, скороходы, арабы, декольтированные дамы—все это вызывает улыбку. а не восторг. Вся процессия движется медленно. Государь тяжело сидит на лошади, в нем много добродушия, но мало импозантности.

18 июня.

Е. В. находит, что тост очень повредил России. Он вызвал дерзкую речь австрийского императора, направленную против нас, в которой он признал Кобургского болгарским князем, тогда как у нас его считают узурпатором. Наследник наш, ездивший в Штуттгарт на тамошний праздник Виртембергского короля, очень быстро вернулся домой. Видимо, встретил холодный прием, особенно в Берлине, так как об его поездке газеты умалчивают подробности. Стягивание австрийских и германских войск на нашу границу усердно продолжается. Воевать с ними нам, не по

силам. Генералов у нас вовсе нет. Вышнеградский, за несколько дней до нашего отъезда в деревню, сказал, что дал бы 10 миллионов, чтобы черногорский тост не был произнесен. Государь всегда такой сдержанный бывает. Как это он хватил такую глупость!

23 июня.

Был у нас сегодня сын Льва Толстого, тоже Лев, окончивший курс в гимназии Поливанова и теперь поступивший в университет. Сестру его вторую, Марию, сватает некий Бирюков, который живет мужиком, одевается, как они, пашет и работает по-мужицки. Вся семья против этой свадьбы. Бирюков—очень несимпатичная, некрасивая личность. Но Лев Толстой за него, советует дочери за него идти, она колеблется, хочет принести себя в жертву. Семья Льва Толстого не знает о напечатанной статье Фета. Несколько времени тому назад Фет был у них, читал им статью, которую собирался печатать, Лев Толстой ее одобрил, но С. Толстой уверен, что Фет не прочел те места, где говорит, что Л. Толстой пьянствовал. Фета же они опять ожидают в Ясную Поляну.

30 июня.

Приехали Бобриковы. Они только что были на южном берегу, жили в Ливадии. Рассказывали, как просто живет вел. кн. Константин Николаевич в Орианде. В сгоревшем дворце у него в развалинах устроен шатер-столовая, освещенная электричеством, где он и обедает. Туда во всякое время пускают. Одна приезжая провинциалка приехала в Орианду с целью на него посмотреть. В этой зале она встретила неизвестного ей господина, спросила его, где бы ей увидать великого князя. Тот отвечал, что трудно указать, так как он всюду шляется. На этом они расстались. Затем, при дальнейших расспросах она узнала, что незнакомец, с которым она говорила, и был именно сам великий князь. У него, кроме этой столовой, есть еще два домика. В одном он живет с Кузнецовой и детьми, в другом принимает гостей, которые у него редко бывают.

10 сентября.

Завтракали сегодня Скальковские. Вспоминали старика Строганова, который никак не мог понять, что из Николая Милютина вышел государственный человек. Он служил у него мелким чиновником, когда Строганов был министром внутренних дел. Затем рассказали про Строганова анекдот. Раз он сказал Канкрину:—„Видно, что вы были бухгалтером“. (Канкрин был им у какого-то Шепа). На это Канкрин ему отвечал:—„Правда, бухгалтером я был, а дураком никогда“. А. А. Скальковский говорил, что Валуев ему сказал про Мещерского („Гражданина“), что у него четыре столба: бог, царь, Грессер и Аркадия.

15 сентября.

Много обедало. Был Витте, который назначен директором департамента железно-дорожных тарифов у Вышнеградского и зараз получил чуть ли не 8 чинов, чтобы занять это место. Витте больше молчал, на вид он похож скорее на купца, чем на чиновника. Когда говорили о Вышнеградском, он странно как-то о нем говорил, отрицал в нем ораторский талант, сказал, что он слишком распространяется, подаваемые ему записки по разным делам он не приказывает печатать, как другие министры, но их прочитывает и запирает в стол, говоря при этом, что не даром же он 10 лет был учителем.

18 сентября.

Константин Скальковский — очень резкий, но очень добрый малый, очень остроумен, всегда метко умеет охарактеризовать каждого в разговоре и в печати. Сегодня он сказал про Витте, что он умен, но бездушный, холодный человек. У него страшное самолюбие, ему теперь хочется показать, что и раньше его слово было с весом.

12 октября.

Каульбарс вчера приходил поделиться с Е. В. впечатлением по поводу депеши в „Новом Времени", что эрцгерцог Иоанн Австрийский отказался от своего титула, своего patrimoine, держал экзамен перед моряками в Фиуме на капитана частного судна, к экзамену подготовлялся год. и блестяще выдержал и под фамилией Фельдер поступает на частное морское судно. Этот Иоанн—самый блестящий полководец австрийский, очень ученый, ненавидит Германию, сторонник союза с Россией, раньше командовал дивизией, но ее у него отняли вследствие интриг, и последнее время находился вне военного министерства.

19 октября.

Долго говорили с Сувориным, который просидел часа три. Рассказывал заграничные впечатления. Он в восторге от Франции, как там все работают. У него составилось понятие о французском народе, что они не любят терять времени на болтовню, как это кажется с первого взгляда. Но Суворин разочарован в России. Он находит, что у нас еще полу-варварство. Он 8 лет не был за границей, свыкся с Россией и считал, что нигде нет такого благоустройства, как у нас. Теперь у него совсем обратный взгляд. На Германию он смотрит, что это — колосс, готовый проглотить всю Европу и восстановить древнюю империю Гогенштауфенов. Он того мнения, что никто и ничто не в состоянии устоять против Германии.

20 октября.

Очень верно вчера заметил Суворин, что все русские очень любят болтать, что в этом у них проходит очень много времени; второе занятие пустое—карты. Суворин теперь того мнения, что нет дураков на свете, что есть только умные люди и люди еще умнее. Самый умный человек, какого он когда-либо встречал,— Некрасов (поэт), но это был ум холодный, расчетливый, несимпатичный. Граф Н. П. Игнатьев, которого он встретил в Париже, сказал ему, что, бывши министром внутренних дел, он не знал России, но теперь ее знает хорошо. Это, видно, Игнатьев так умело устравает свои собственные денежные дела в ущерб России, продавая свои земли за дорогую цену немцам, нашим врагам.

Много говорят о новом внутреннем займе с выигрышами. Все порицают мысль Вышнеградского выпустить такой заем, где номинальная цена билета 100 рублей, а банк государственный продает их за 215 руб. и отказал на них подписку в рассрочку. Это, по-моему, недостойно правительства. Этот выпуск является как бы в помощь дворянам, так как только одни дворяне могут на него подписываться. Билеты двух прежних выигрышных займов пали, и очень сильно. Правительство само узаконяет азартную биржевую игру. Сейчас видно, что министр финансов— бывший гешефтмахер. Иностранная пресса, наверное, будет на Россию за это нападать.

29 октября.

Е. В. смотрит, что поездка в Константинополь Вильгельма может иметь печальные последствия для России. Не дай бог, чтобы Турция сделалась союзницей Германии. Сегодня с утра много народа. Доброславин вернулся из Уфы. Рассказывает, что „Очерки дикой Башкирии"—$^1/_{10}$ того, что делается в этом отдаленном крае, что там царит произвол, беспорядок полный в администрации. Губернатор Норд приехал после того, как уж перед ним приехали его векселя на 45 тыс. рублей. Там был мошенник вице-губернатор, который сумел захватить векселя и взять в руки Норда, теперь вице-губернатор всем распоряжается. Железная дорога построена плохо, уперлась в Златоуст. Остановили постройку,—дорого стоит. Ничего не возит, а везут все около железной дороги гужом. Уфа не выросла до города настоящего, Оренбург же дорога убила. Вообще все там делается ненормально и дико. Много таких диких дорог на совести покойного министерства путей сообщения, с Саловым и Посьетом во главе. Николаев говорил про новый заем, он ему не сочувствует. Бунге в комитете министров отказался подписать на него свое согласие. Он говорит, что это грабят народ, играя на страсти к выигрышам, что есть касса сбережений, куда народ приносил свои сбережения, что там уже капитал с 6 миллионов рублей вырос до 100 миллионов рублей, а что теперь все вынули свои сбере-

жения, и эта касса опустела,—все бросились покупать новый заем. Николаев находит, что это вполне безнравственно и вредно для государства—поощрять любовь к азартным спекуляциям. Говорили нам сегодня, что вел. кн. Николай Николаевич совсем плох, лицо его все завязано, видны только одни глаза. Хотя есть доктор, который его лечит, но он принимает лекарства и средства, которые ему дает Числова, т.-е. Николаева. К нему она не входит, детей не пускает, и он целый день проводит вдвоем с фельдшером. Вел. кн. Константин тоже живет идиотом: физически он поправляется, но языка нет, хотя есть у него память. Доктор Мурин говорил Доброславину, что когда он ездит в коляске, и при нем ошибутся названием улицы в Павловске, он начинает мычать и сердиться. Характер у него нетерпеливый, окружающим его с ним тяжело. Он смотрит на предмет и показывает, чтобы его ему подали. Бросаются ему его принести—он сердится, что не то, показывает налево, на другой предмет. Подают—опять не то. И это продолжается по нескольку часов и несколько раз в день. Плохо кончают свое земное поприще братья покойного царя.

2 ноября.

Абаза спросил мнение Николаева о займе. Он отвечал:—„Мошенническое дело и аляповато исполнено". В финансовой комиссии под председательствованием Абазы, где оно прошло, как известно, Бунге остался при особом мнении. Рейтерн не приехал, а подписали: Абаза, Вышнеградский, Филиппов и Дурново. Последний только думал об одном—помочь дворянам.

3 ноября.

Говорят, что вчера порешена свадьба нашего наследника на Маргарите Германской. Об этом говорят на бирже.

6 ноября.

Был Кушелев. Говорил, что царица последние дни что-то невесела, что возможно, что ее тревожит предстоящая женитьба цесаревича на Маргарите, которая очень нехороша собой. И наследник невидный. Это навело Кушелева на мысль, что у нас вырождятся царские типы. Он сказал также, что цесаревич любим в Преображенском и Гусарском полках, где он служил, но в нем нет грации, он неловок, не умеет встать, говорит же очень приветливо и развивается физически, во не умственно. Сегодня гусарским парадом командует вел. кн. Павел Александрович.

8 ноября.

Завтракал Moulin. Он встревожен слухами, что наследник будто бы женится на сестре германского императора, говорит, что эта свадьба оттолкнет от нас Францию.

9 ноября.

Завтракал у меня Орлов из дворца вел. кн. Николая Николаевича. Говорили много про Болгарию. Он не того мнения, что война была грустной ошибкой, но он находит, что последствия ее были гибельны для Болгарии: создание там конституции, там, где нет мало-мальски образованных и грамотных людей, затем те русские генералы, которые туда посылались,—они были или нули, или бесчестные люди. Один был порядочнее других— Кантакузен, но все-таки в нем греческая кровь. Каульбарса он считает младенцем, невменяемым, который только думал при поездке в последний раз в Болгарию сохранить из 12 тысяч франков, которые ему дали, половину для своей семьи. Говорили про Драгомирова. Орлов рассказывал, как на экзаменах относился Драгомиров к офицерам. Одному сказал:—„Нужно же было вам ехать из такой дали (из Восточной Сибири), чтобы нам лапти плести". Другому сказал:—„Знаете вы русскую песню „Огород городить?" Тот отвечал, что этой не знает, а знает другую—„Камаринский мужик".—„Находчивы,—сказал на это Драгомиров,—поставьте ему вместо нуля единицу". И много в таком роде случаев. Офицеров Драгомиров не любит, а солдат называет честнейшими, вернейшими слугами царя и отечества. Однажды Драгомиров встретил генерала, который не заметил, что проходивший солдат отдал ему честь, и не поклонился. Драгомиров остановил генерала и сказал ему:—„Вам кланяется честнейший человек, вы ему не отвечаете, а, небось, низкопоклонничать перед начальством, заходить туда разными ходами, вероятно, вы все это проделываете". Много мы толковали и про Скобелева, который приказывал носить свою шинель и постель на бастион. Все думали, что он там спит, а он преспокойно проводил ночь в своей палатке с женщиной.

9 ноября.

Рассказал Комаров причину болезни вел. кн. Николая Николаевича (рак на щеке), которую так скрывают его приближенные. Когда была объявлена помолвка сына великого князя, Петра, Числова так рассердилась на него, упрекая его, что сыну невесту нашел, а ее дочери нет, неожиданно для него бросилась на него и дала ему пощечину. Он не удержался, ударился щекой об острый угол камина. С тех пор у него заболела щека и явилась раковидная опухоль, затем рак. Долгое время у него был синяк и он никуда не мог показаться. Все это Комаров рассказал за достоверное. Про Филиппова сказал Комаров, что он всюду повторяет, что Россию господь наказывает долголетием митрополита Исидора.

11 ноября.

Комаров насчет актрисы Мокур рассказал, что будто ей стоило 70 тысяч доказать Лейхтенбергскому неверность его жены, и

доказать это фактически, на деле, на месте преступления, что поэтому произошла драка между принцем и вел. кн. Алексеем, а затем они сделались друзьями и жена была уступлена. Вчера на похоронах Градовского студенты не хотели допустить лицеистов нести ордена, Коркунов их убедил отдать им один, св. Анны, который Градовский получил за службу в лицее. Принес Жаконе вырезку из „Times“ от 15 ноября, где пишут, что государь дал три месяца непрошенного отпуска Победоносцеву. Поводом к этой немилости послужило гонение религиозное так долго бывшего всемогущим прокурора св. синода. Оказывается, что во время пребывания царя в Копенгагене он получил памфлет m-r Дальтона, где он пишет, каким гонениям подверглись балтийские лютеране по приказанию Победоносцева. Говорят, он был глубоко возмущен рассказами, каким страданиям подвергаются лютеранские пасторы, высказал это в разговоре с датским двором и его убеждали там, чтобы гуманнее обращаться со всеми, кто не принадлежит к православной русской церкви. Государь в ту минуту ничего не обещал, но, повидимому, остался под впечатлением того, что слышал, и вот, 14 дней спустя после своего возвращения в Россию, он написал собственноручное письмо к обер-прокурору, где дает ему три месяца отпуска с тем, чтобы он это время употребил на приготовление полного и убедительного ответа на памфлет Дальтона. Несколько раз Победоносцев старался добиться аудиенции у государя, но в ней ему было отказано и сказано, что царь его не примет, пока он не подаст свою оправдательную записку. О немилости к Победоносцеву говорили уже более месяца тому назад и тоже называли мотив: ответ его Евангелическому обществу, т.-е. пастору Дальтону, и ответ Дальтона на его письмо. Жаконе того же мнения, что свадьба наследника с Маргаритой может иметь дурные последствия. Нехорошо поступил наследник: был в Вене и не заехал с визитом к императору. Лицеисты сегодня говорили, что конституция, написанная Градовским, лежала у Толстого в шкафе, в его кабинете, и когда Толстой проходил мимо этого шкафа, он всегда от него отворачивался.

26 ноября.

Вчера умер Ляский (Международный банк). Акции банка сразу понизились до 35 руб. Что значит один человек! Вчера Куропаткин ездил к Вышнеградскому требовать 40 миллионов на военные нужды. Несмотря, что все говорят о мире, готовятся к другому. Про министерство путей говорят, что Гюбенет путается, не знает многого и дела идут там не блестяще. Батьянов обнял Moulin за прием, который был сделан ему в Париже. Ему все там показали, Сосье даже специально для него сделал смотр с ружьями и бездымным порохом. Батьянов находит, что французы совсем готовы, что умеют отлично ходить, что в них есть

боевой дух. Сосье—умелый, дельный генерал. Немцы, по его мнению, не пошли дальше 1870 года, в них чувствуется, что они не желают войны, относятся к ней равнодушно. Сегодня рассказывали, что германского императора немцы не берут всерьез, что он слишком любит les aventures, его министры никогда не знают, когда они завтракают в Берлине, в каком городе они будут обедать. Moulin говорит, что в последнее время французское правительство недоверчиво относится к России, что толки о свадьбе наследника тревожат Францию, а также сделанное царем приглашение Вильгельму приехать весной на охоту, затем на маневры в Красное Село. Был на этих днях Нисси. Жаловался, что их японская конституция причиняет не мало хлопот — пересмотренные послами торговые трактаты она не утверждает, являются недовольные выскочки, которые тормозят дело. На днях был вечер у Гирса (в день провозглашения республики в Бразилии). Кампо-Саградо высказался, что боится, что в Испании будет тоже скоро республика. Стали рассуждать, где будет затем. Решили—в Италии, затем в Германии, в Австрии, а Россия, по словам Кампо-Саградо, только запрется со всех сторон и не впустит к себе ни одного иностранца после этих событий.

30 ноября.

Вчера Романченко рассказывал, что у Дурново нет выдержки Толстого, он прост, обходителен, но по временам страшно вспылит, делается весь красный, страшно кричит. Рассказал также, что камердинер государя Вельцин пользуется царским большим доверием, творит много добра, но государь ему всегда говорит:— „Чтобы Воронцов не знал". Акции Воронцова не так хороши, как прежде. Черевин его теперь не жалует и говорит, что легче три обеда съесть, чем дело сделать с Воронцовым. Воронцов зазнался. В день рождения царицы от войск гвардии приехал ее поздравить помощник вел. кн. Владимира Ребиндер. Воронцов вышел к нему, выслушал поздравление, затем объявил, что он не приглашен к завтраку, и Ребиндер должен был уехать. Про Драгомирова продолжают рассказывать ужасные вещи. Что он, будто, поцеловал руку лакею в гостинице. Также говорят, что, выходя из номера вечером, он приказал дежурному вестовому лечь у себя на диван в передней, но тот лег на пол и коврик положил себе под голову. Вернувшись домой, Драгомиров увидел это и на другой день распек полкового командира, что солдаты не исполняют приказаний. Начальника дивизии Дандевиля, который представлялся ему, он принял так: вошел в приемную, встал у окна, затем повернулся, увидел Дандевиля, спросил, зачем пришел, сказал, что когда нужно будет, он его позовет, повернулся и ушел. Все это уже написано в „Figaro". Moulin говорит про Драгомирова, что это только сначала он делает небольшие промахи, что Драгомиров гений, которого отечество не понимает.

что он единственный из воспитывавшихся и воспитывающихся в академии в течение 56 лет получил золотую медаль. Вел. кн. Владимир отказался от Кавказского наместничества.

3 декабря.

Умерла скоропостижно Числова. Вел. кн. Николай Николаевич очень огорчен. Напечатано про нее, что „Николаева“ умерла. Вчера наш священник говорил, что, по распоряжению вел. кн., он открывал и в Николаевском дворце, и в церкви Благовещения царские врата, служил молебен о болящей Екатерине, на котором были Орлов и два сына Числовой от великого князя. Рассказывают нам, что вел. кн. Алексей расстроен, что у него седеют волосы: сидит перед зеркалом и с остервенением выдергивает их, то из головы, то из бороды.

5 декабря.

Мокринская рассказывала подробности смерти Числовой. Вел. князь уже с ней был в холодных отношениях с лета, видел ее изредка. В день ее именин, 24 ноября, заходил к ней на 10 минут. Он хотел уже ехать по случаю своей болезни (костоеда в деснах) в Соренто. Решено было, кто будет его сопровождать. Это путешествие ускорило смерть Числовой, которая страдала раком в пищеводе, — она умерла голодной смертью. В это же время жена вел. князя, Александра Петровна, чудит в Киеве. Устроив свой монастырь, она решилась туда переселиться. Монастырь находится далеко от ее дворца. Она решила, что ее перенесут в эту обитель, и не иначе желала, как чтобы ее несли женщины, так как она уже несколько лет притворялась, что у нее нет ног. Это своеобразное шествие совершилось в 4 часа ночи. По глухим улицам Киева ее понесли бабы, сопровождал ее Тамара (киевский губернатор). Подходя к монастырю, она вскрикнула:—„Кажется, свершилось чудо, я чувствую, что могу ходить“!—встала с кресла и вошла в монастырь. Тут же она телеграфировала государю: „Господь совершил чудо. Я получила ноги“. Это она проделала комедию. Этой великой княгине государь дает ежемесячно 14 тысяч, своих она имеет 4 тысячи в месяц, но она вся в долгу и третий месяц никому не платит во дворце. В Киеве ее поставщики отказались ей поставлять, всем она должна, и теперь над ней назначена администрация. Числова же оставила большое состояние, больше миллиона. Вел. князь ей много давал и денег, и подарков. Когда ее выслал покойный государь в Венден, он ей дал 500 тысяч, а каждому из детей по 100 тысяч, что составило 400 тысяч, так как их четверо. Вел. кн. Михаил был весьма нежен во время ее смерти с братом, при нем эта смерть была объявлена Николаю Николаевичу, который это известие принял относительно спокойно.

7 декабря.

У вел. кн. Владимира Александровича болит щека, это нехорошая болезнь, которую он получил от жены, давно уже болеющей этой болезнью. Рассказал это граф Толь, мать которого всегда дружески принята в этом дворце.

14 декабря.

Сегодня были у митрополита. Он вспомнил про бунт в Петербурге 1824 года. Рассказывал про Петербург того времени, что где теперь Конногвардейский бульвар, был канал и вплоть до дворца можно было ездить на лодках, что когда Шульгин из Москвы был переведен в Петербург обер-полицеймейстером, с ним переехало в столицу много темных людей, которые устроили себе под дворцом из досок на воде жилища и там укрывались от преследований. Во время бунта Московский полк стоял развернутым флангом от Сената до дворца. Против памятника Петру I был тогда мост на ту сторону. Чтобы можно было его разводить, вырубали с двух сторон лед, и туда-то во время бунта было брошено много тел, даже полуживых. Опять вспомнил митрополитов Серафима Петербургского и Евгения Киевского, как последний на извозчичьих санях со своим диаконом Прохором не мог прямо вернуться во дворец, а поехал, с Прохором на запятках, через Гороховую и Фонтанку, и тогда уже во дворец, бывши в полном облачении. Как он сам вечером, бывши тогда иеромонахом, приводил студентов семинарии к присяге Константину, а через неделю, без всяких объяснений, тех же студентов должен был вторично заставлять присягать Николаю. Что император Николай 14 декабря пошел в народ, чтобы узнать, будет ли народ его недружелюбно принимать, как императора, но увидел, что в народе нет к нему недружелюбных чувств. Солдаты Московского полка отвечали, что им приказали офицеры не присягать, так как обижают их царя. Рассказал, что все казненные до казни исповедались сердечно и раскаялись. Один Пестель не захотел причаститься

15 декабря.

Звегинцев рассказал сегодня, вернувшись от Грессера, что будто государь очень встревожен, что ежедневно на Александровской колонне перед дворцом вечером появляется над колонной вензель „Н“, что это, якобы, предзнаменование, что царь скоро умрет. Второй его же рассказ, что о. Иоанн предсказал, что будет мор в Петербурге, и его поэтому хотят засадить. Капиталы, собранные на сооружение храма на месте кончины царя, все раскрадены. Конференц-секретарь Академии Исеев должен был оставить свое место. Председателем этой комиссии был вел. кн. Владимир, он и до сих пор там считается—но делом совсем не занимался. Все говорят об этом вопиющем деле.

19 декабря.

Фесенко вчера рассказывал, что Драгомиров подошел к караулу, стоявшему у его дома, в Киеве, приказал им сойти с мест, затем дал несколько других команд, которые были исполнены солдатами, не понимающими, чего от них требуют. Драгомиров тут же позвал начальника солдат и, высказав ему, что солдаты не знают своих обязанностей, что с места не смеют сходить, отдал их под суд. Узнав об этом, в Харькове стали учить солдат, чтобы, стоя на посту, не слушались команды Драгомирова. Когда он захотел, чтобы сняли у него почетный караул, его никто не захотел слушаться. Он схватился за голову и, бегая по комнатам, кричал: „переучили". Без конца все разсказы про этого взбалмошного генерала. Романченко сказал, что слышал, что все деньги вышли, но что растраты не было. Что Исеев ушел из-за ссоры с академиком Якоби, который обнаружил многие его злоупотребления, и сам должен был оставить Академию. Насчет уездных начальников теперь пришли к тому, что цензы земельный и образовательный не обязательны, что министерство внутренних дел может утверждать в этом звании и лиц, не имеющих оных, а тем, кто получает пенсию и поступает на это место, пенсия сохраняется.

21 декабря.

Сегодня было много народу. Фесенко говорил, что видел Исеева: ходит мрачнее тучи, ужасно имеет несчастный вид. Про него ходят очень дурные слухи, будто подделал подпись вел. кн. Владимира, много накрал и проч., но все может быть и раздуто. Когда у нас начинают на кого-нибудь нападать, то меры нет. Говорили о покойном императоре Вильгельме, который был очень доступен и все, кто хотел, имели к нему доступ и могли вести с ним откровеннную беседу обо всем. Теперешний Вильгельм, благодаря тому, что социальный дух сильно развит в Германии, должен жить суетливо, так, как живет: всюду показываться, говорить так много и проч., иначе его не будут долго терпеть. Батьянов говорил, что получил конфиденциальный приказ по дивизии, чтобы полки не здоровались с вел. кн. Марией Павловной. Он этот приказ сообщил полковым командирам, и один из них издал конфиденциальный приказ по полку, который был всеми прочитан. Любимова сказала, что Феоктистов ужасно желает дать предостережение „Гражданину", но не может в виду сильной поддержки, которая у него в министре. Правда, Мещерский яро отстаивает в своей газете все то, что теперь вырабатывает министерство внутренних дел.

23 декабря.

Утром был Самойлович. Рассказывал подробности дела Исеева который, оказывается, очень виноват. Всю историю поднял из лич-

ной мести академик Якоби и повел ее через Воронцова, который и сказал об этом государю. Якоби тоже поплатился за это, потерял место в 4800 руб. и казенную квартиру, а сам бедный человек.

25 декабря.

В „Temps“ помещены две депеши. В одной из них говорится что будто бы в Гатчинском дворце был взрыв газа и представляют государя трусом, что он очень испугался и проч., в другой—будто бы царя отравить хотели. Moulin уверен, что это немецкие депеши, которые некогда появлялись в „Standart“, а теперь переехали в „Temps“, также и „République française“.

27 декабря.

Жаконе приходил рассказывать Е. В чу, что все иностранные газеты полны бессмысленными вымыслами насчет покушений на жизнь государя, что делаются в Петербурге будто бы ежедневные аресты и проч. Все это придумывают немцы, чтобы волновать умы и чтобы эти утки перепечатывались во Франции. „Journal de S.-Pétérsbourg“ в прошлую пятницу даже нашел нужным оффициально опровергнуть все эти глупости. Но вряд ли немцы умолкнут. Moulin читал в одной немецкой газете, что цесаревич пламенно влюблен в сестру германского императора Маргариту, но ее брат, император Вильгельм, не соглашается на эту свадьбу, так как сестра, если выйдет замуж за цесаревича, должна перейти в православие, но что наш государь согласен сделать уступку, чтобы она не меняла веры. Все это так глупо выдумано. Умерла от инфлуэнцы Августа, жена императора Вильгельма, старика, которой были посылаемы мужем во время франко-прусской войны 1870 года депеши о прусских победах, и на эти депеши сочинил здесь кто-то следующие глупые стихи: „Милая Августа, вкруг все пусто. Еще одна такая победа и я один к тебе приеду“. Теперь в Германии остается одна вдовствующая императрица. Говорят, этот траур не помешает балам.

30 декабря.

Вечером сидел Романченко. Дурново, вернувшись с царского доклада, сказал, чтобы ему подали журнал „Русская Мысль“, где государь прочел рассказ о часовом Короленке, который ему очень понравился. Григ. Данилевский просил Дурново представить его последнее сочинение царю, но Дурново переслал это сочинение Воронцову.

1890 год

2 января.

Обедали Петровы-Батуричи. Она ругала начальника своего мужа, Т. Филиппова, много про него порассказала. Из ее слов видно, что он незаконный сын ржевского почтмейстера. Над ним сжалился тверской архиерей Филофей, взял его к себе, обучал его в училище и он, с грехом пополам, кончил учение в Московском университете. Этого же самого Филофея, когда он был киевским митрополитом, в темном деле некоей Булак Филиппов смешал с грязью. Своей родной сестре, живущей в крайней бедности на Песках, он не дает ни гроша, а занимается с женой благотворением чужим, чтобы о них говорили. Чиновников своих, которые ему не кланяются подобострастно, он притесняет. Всем чиновникам велел вернуть даровые билеты на проезд по железным дорогам, если таковые у кого-либо находятся, сам же, когда едет в Москву, посылает Батурича устраивать ему купе.

3 января.

Говорила с Moulin. Он сказал, что, очень вероятно, — скоро в Европе будет больше республик, чем царств и королевств. Я заметила, что это будет по примеру Франции. Он на это отвечал: „Англия первая обезглавила своего короля, а теперь она учредила род республики, в которой существует королева, так же как у нас президент, только во Франции он избирается, а в Англии президентство—наследственно. Это могло произойти благодаря холодному темпераменту англичан, мы же, французы слишком кипучи".

4 января.

Вечером была Верочка Мокринская. Говорила, что Воейков застрелился. Он был то же, что Мещерский („Гражданин"), у него была история такая с солдатом, что две недели тому назад в манеже полка нашли мертвое тело мальчика из кондитерской Иванова. Все это связывают с историей Воейкова.

7 января.

Был Moulin. Говорил, что дело ружей, т.-е. заказа ружей во Франции, артиллерийское ведомство тормозит, так как если заказать там, то здесь будет меньше возможности нажиться, по-

этому до сих пор не решили, какую систему выбрать. Во Франции ружье стоило бы 19 руб., а здесь 39 руб. будет стоить.

8 января.

Шипов вчера рассказывал, что Победоносцев, встретив его на выходе, сказал ему про его тетку, Шипову, инспектрису Смольного монастыря, что она задумала изменить церковный устав: во время рождественской обедни вместо праздничных стихов приказала петь „Достойную". Митрополит сегодня это подтвердил. Она запретила петь именно место, где говорится „всякий младенец мужеска пола, разверзающий ложесна", найдя это неприличным для девиц. Владыка на это прибавил, что если ей позволить, то она запретит и „Дева днесь рождает" и проч.

17 января.

Вчера Салов рассказывал слышанное им от Вышеградского, который рано ушел с придворного бала, и по этому поводу рассказал, что Рейтерну, когда он был министром финансов, покойный государь раз заметил, что он так рано ушел с бала. На это Рейтерн отвечал, что не мог оставаться долее, так дурно был настроен: при входе одна дама просила у него ссуды в 500 тысяч, затем другая просила простить ей 200 тысяч, после этой третья просила подарить ей 300 тысяч. Это его расстроило. Он думал, что не будет конца всем этим просьбам, и ушел. Государь сказал, что в таком случае лучше, чтобы министры финансов вовсе не появлялись на бале.

19 января.

Батьянов принес известие, что вел. кн. Михаил Николаевич накрыл свою жену с Петерсом (уже 15-летний роман). Подвели сыновья. Петерс уезжает в 2-месячный отпуск, а Михаилу Михаиловичу разрешено жениться на гр. Игнатьевой.

20 января.

Вчера Вишняков рассказывал, что в одних областных „Ведомостях" прочел, что вернулся губернатор с ревизии с дамами. Тут же он рассказал, как путешествовал по Волге вместе с Т. Филипповым, который ехал на ревизию со всей семьей, с няньками. Всех кормили чиновники, возили его в увеселительные заведения и проч.

23 января.

Молодежь рассказывает, будто вел. кн. Николай Михаилович хвалился, что Петерс им помог накрыть его с их матерью. Видно, она ему надоела. Но каковы нравы! Государь на последнем бале остался недоволен некоторыми офицерами, которые после ужина

начали танцовать без перчаток. Он заметил это полковым командирам и на следующий день офицеры Рамзай, Крапоткин, Мятлев и Звегинцев были посажены в комендантскую. Звегинцев, когда играли польку, начал танцовать венский вальс, что возмутило государя. Он сказал, что их фамилий не желает знать.

24 января.

Мокринская принесла массу новостей из Николаевского дворца. Говорила, что Александра Петровна разошлась с попом своим, который теперь привлечен к ответственности: он распоряжался ее деньгами, которых она имела в месяц 18 тысяч руб., никому их не платил, а в Киеве купил себе несколько домов. Петровна предлагала попу постричься в монахи или пойти священником в ее обитель. Он отказался перейти в киевскую епархию,—отсюда разлад. Вел. кн. Николай Николаевич уехал с дочерью в Ниццу. Когда еще он был здесь, то в своей дворцовой церкви становился с 4-мя детьми Числовой и их бабушкой (кухаркой некогда) на почетное место и вместе все подходили ко кресту. Старшей дочери священник целовал руку, как особе царской фамилии. Все это крайне бестактно. Богарнэ делали в Париже вторую операцию рака, ездил доктор Славянский. За Алексеем здесь настоящая охота. Все ищут его поймать, а каждую ночь к нему являются дамы нашего монда, которых он удостоит пригласить. Говорят, что после свадьбы на Игнатьевой вел. кн. Михаил Михаилович получит название светлейшего князя Екатеринославского, так как у него имение в этой губернии.

27 января.

Говорили о новом труде Бильбасова „История Екатерины II“. Цензура не пропустила 80 страниц, затем специальный совет вычеркнул только 17 вместо 80 страниц, а государь - всего три места, но велел назначить подороже продажу, по 5 руб. за том, чтобы было менее доступно. Г. П. Данилевский прочел целую лекцию по истории, доказывал, что Екатерина II повенчалась с Потемкиным, что при венчании было 5 свидетелей, которые при воцарении Павла сожгли полученные грамоты, но осталась одна и Бартенев (Русский Архив) знает, где она находится, но государь ему сказал, что ее обнародовать рано.

28 января.

Салов принес известие, что вчера вечером умер Валуев. Как этот человек был испытан судьбой, какое это было некогда величие—все перед ним преклонялись. Сгубила его семья и в конец сгубил сын, которого он обожал, оказавшийся ужасной дрянью. Последнее время отец получал 23 тысячи содержания, тратил на себя 3.500, а остальными деньгами уплачивал неоплатные долги этого сына.

30 января.

Покойный сам при жизни написал объявление о своей смерти. Он потребовал, чтобы его хоронили в сюртуке, не несли бы за ним ордена и не выставляли бы их в церкви. Многие упрекают Валуева, что он в своем предсмертном распоряжении он не отрешился от своей всегдашней привычки рисоваться, упрекают его во фразерстве и говорят, что это его и сгубило. Но все единогласно признают в нем государственного деятеля, много поработавшего в былое время; говорят, что при нем введены все реформы внутренние прошлого царствования, что история будет говорить о времени управления им министерством внутренних дел. Последнее время Валуев жил отшельником, мало кого видел, все болел и умер от истощения. Думаю, что он был высокого самолюбия и его угнетало, что его не призывают к делу, не спрашивают его советов. Небольсин говорил А. И. Бутовскому, что Валуев оставил письмо на имя Половцова, где просит царя, чтобы его похоронила казна, а тот же Небольсин был возмущен нарядными санями и рысаком, на которых уехал сын Валуева после похорон отца.

10 февраля.

Телеграмма из Берлина извещает, что на выборах взяли верх социалисты—плачевно. У нас теперь все заняты плясом, так не до того. Постом на это взглянут серьезнее.

12 февраля.

Веселитский-Божидарович рассказывал, что американцы ополчились против России: сыплют на нее обвинения за ссыльных на Сахалин, за наши тюрьмы, находят, что мы с ними варварски поступаем. К ним примкнули англичане и партия, которая к нам дружелюбно относилась до сих пор, именно партия Гладстона. Газета „Pall-Mall“ выступила уже с ужасной статьей против России и, будто, Гладстон сам собирается об этом говорить на митинге.

19 февраля.

Протестантский пастор Дальтон, известный всему Петербургу, сказал речь, в которой назвал Петербург немецким городом. Рассказал, как один сановник приезжал к нему приглашать его для подачи совета и утешения своему брату, православному, и сказал ему, что наши священники и митрополиты к одному только способны—служить обедни. Анекдот про Вышнеградского, будто он ищет новый предмет, чтобы обложить его пошлиной, и не находит. Ему предлагают обложить разговор. На это он отвечает: „Мне это будет невыгодно. Мне придется платить большую пошлину“.

11 марта.

Много говорили сегодня с Шидловским. Он смотрит, что вся Европа будет в руках социалистов, что это пойдет постепенно, что европейская цивилизация теперь будет идти к упадку, что был стимул — христианская вера, которая довела Европу до теперешнего развития, но теперь замечается страшный упадок религии, и для развития цивилизации надо что-либо новое, что повлияло бы на народ. Тяжелое время переживают государи всех стран: с властью трудно расставаться, с неограниченной еще труднее.

13 марта.

Вот какие подробности пишет Е. В. про московскую студенческую историю. До субботы арестовано было 650 человек, теперь 30 уволены до августа, трех совсем исключили, а судьба 66-ти решается сегодня в совете профессоров университета. Поведение попечителя Капниста отвратительно, он всему виной. В субботу его назвали публично дураком и закричали: „Пошел вон, невежа!" У Суворина, который сегодня у нас завтракал, есть другие подробности: студенты Петровской академии взбунтовались за то, что раньше Юнге был к ним снисходителен, а затем стал придираться, сделался строг, запретил им игру на фортепиано и проч. Это все выдумки, по моему. Петиция студентов еще требует, чтобы за ними не было полицейского надзора, права сходок и суда университетского и студенческого, чтобы не было ограничения в приеме в университет евреев. В Петербурге сегодня ждали сходки около университета. Суворин говорил, что у нас нет дипломатов, что вообще у нас нет государственных людей, что все это у нас люди заурядные и проч., что в Германии выдающийся был Бисмарк, что теперь оттуда можно ожидать сюрпризов, что французы—народ не серьезный, но работники дома, что Россия сделала глупость, допустив колонизацию немцев на юге, что мы за это ругаем немцев, а должны были бы ругать наших государственных людей, которые допустили это, что французы—не колонизаторы, что они любят Францию и их никуда не тянет, что это только отброски французов приезжают в другие страны.

1 апреля.

Н. И. Петров недоволен правительственным сообщением насчет беспорядков в университетах, находит, что оно, во-первых, запоздало, во-вторых, слишком кратко написано и, в-третьих, что, несмотря на то, что так долго не писали, не могли в такой большой промежуток времени составить такое сообщение, в котором не было бы неточностей, как, например, исключено больше, чем напечатано. Из Харьковского ветеринарного института, например, уволено 39, исключено 6. Говорят, что Делянов, делая

свой доклад государю о студенческих беспорядках, раньше говорил о милостях царя к молодежи и коснулся их неблагодарности. Царь, будто, его перебил и сказал, что очень сожалеет, что из мухи сделали слона, из пустяков серьезную историю. Но тут не пустяки, так как из университетов исключено не мало.

6 апреля.

Рассказывали, что в одно военное учреждение явились мужчина с дамой с просьбой им выдать оттуда секретные бумаги за деньги. Писаря, к которым они обратились, смекнули дело, дали знать сыскной полиции и их задержали. Писарям дали награду в 100 руб. каждому и орден св. Анны. В этой истории замешано два иностранных должностных лица, один из них — служащий в посольстве здесь и уже покинувший Петербург вчера.

7 апреля.

Рассказывали сегодня про историю кражи секретных бумаг. По указанию писаря, полиция накрыла в одном доме на Конногвардейском бульваре капитана 2-го ранга Шмидта в сообществе английского агента Герберта и морского германского агента Плессена, который уже уехал из Петербурга. Шмидт, оказывается, продал этим иностранцам за 1500 руб. план минных заграждений Кронштадта. Этот Шмидт месяца два тому назад уже продал план фортификаций Кронштадта. Но тогда это не могли вполне ему приписать, но все-таки на него пало подозрение, его уволили со службы, следили за ним—и вот он вторично проделал такую же гнусную вещь. Теперь он сидит в Петропавловской крепости. Говорят, что пруссак граф Иорк тоже замешан, что государю это неприятно. Про великого князя Николая Николаевича, который теперь живет в Ницце, графиня Орлова писала Мокринской, что он там знается avec la plus mauvaise société, обедает у них и приглашает их на завтраки, что он увлекся одной 18-летней девушкой, с ней одной гуляет и разговаривает с ней на promenade des Anglais, но что у нее много папенек, маменек, тетушек и т. д., которые ее не оставляют, что еще больше воспламеняет старого великого князя. Другие пишут той же Мокринской, что эту девушку великий князь высматривает для своего сына от Числовой, так как у нее миллион.

25 апреля.

Пономарев вспоминал про семью Анненковых, про мужей двух старших дочерей—Нелидова и Голицына. Нелидов громко назвал Анненкова дураком, был несносный человек, а Голицын был жулик. Он в Париже выдумал никогда не существующее общество „Разведения лесов в России", пригласил в это общество

герцога Валлийского, роздал акции и себе оставил акций на 2 миллиона рублей. Эти акции равнялись по стоимости простым бумажкам, денег все-таки у него не было. Тогда он со своим пособником Легони собрался в Лондон. Телеграфировал в лучшую гостиницу приготовить номер, вторую депешу послал—выслать экипаж, третью—меню обеда. В отеле их встретили с большим почетом, сам хозяин с зажженным канделябром провел их в номер. Голицын впоследствии сам признавался Пономареву, что в эту минуту у него было всего 18 рублей в кармане. На другой день он поехал к герцогу Валлийскому, который ему отдал визит, затем к одному знатному лорду, тот тоже отдал визит. Это подняло его значение и помогло заложить в банке ничего не стоящие акции за 196 тысяч франков. Затем он заказал себе 50 пар платья, 65 пар ботинок и, ничего не заплатив, уехал из Лондона, прямо в деревню, где Пономареву говорил, что англичане только через 10 лет пришлют счет, а если он не заплатит, то опять только через 10 лет о нем напомнят, что так всегда делают англичане, если им не заплатят, но притом не хотел дать адресов ни портных, ни сапожников.

1 мая.

Сегодня поехала к митрополиту. Швейцар хотел доложить, но предупредил, что занят, двусмысленно дав понять, что сегодня вторник, а по этим дням у него бывает какая-то дама. Говорят,—даже жидовка, которая проделывает такие дела, что многие даже возмущены. Когда она бывает, никого не принимают.

10 мая.

Сегодня был у Е. В. камердинер герцога Лейхтенбергского. Рассказывал про жену герцога, что она встает в 11 час. вечера, до 9 час. утра не спит, а день спит. У нее 8 собак. Ночью приказывает из 12 кур вынуть печенки, сжарить их в сливочном масле и подать им. Собаки ежедневно истребляют 300 бисквит, делают им курные котлеты, самый изысканный меню, а дети (сын и дочь) едят на третий день то, что собаки не съели.

19 мая.

Приехал итальянский наследник. Государь его встретил. Когда они вместе ехали в Зимний дворец, кучер сдерживал лошадей, чтобы не давить народ. Грессер ехал сзади коляски государя и, видя это, в исступлении, с сжатыми кулаками, то в одну, то в другую сторону поворачивался с возгласами: „Вот я вас“. На это получал из толпы ответы: „А мы тебя“. Маленький итальянец сидел испуганный около государя.

20 мая.

Про Дурново все говорят с улыбкой. Между прочим, его называют Чигориным (имя известного игрока в шахматы), так как Дурново делает шаг вперед и шаг назад, как Чигорин. Это — зло. Вообще мнение всех и всех, что Дурново глуп, но хитер и ловок обделывать свои собственные дела и дела близких ему людей.

Читала историю Петра Великого. Не мешало бы государю прочесть, особенно внутреннюю деятельность этого царя. Он умел выбирать людей, у него были помощники—не наши теперешние министры: Гирс—этот хоть честный человек, Филиппов—мошенник, человек без принципов, Вышнеградский—плут, Чихачев—купец не из безукоризненных, Дурново—глуп, Гюбенет—нахал, напыщенный и односторонний, Воронцов—дурак и пьяница, Островский—семинарист, Манасеин—про этого, кроме дурного, ничего больше не слышно. Вот люди, которые вершат судьбы России, окружают царя!

21 мая.

Толмачев рассказал, что Базилевская написала письмо митрополиту, где его просит не принимать Лизандер, которая его компрометирует и которой она заперла свою дверь, что Победоносцев с ней говорил и вполне разделяет ее мнение. Митрополит поступил бестактно: он это письмо показал Лизандер, которая теперь всюду кричит, что не пустит его больше к Базилевской, и продолжает ежедневно у него бывать. Ее даже зовут в лавре „мамзелью митрополита". Вышнеградская рассказала, что когда государь и царица посетили Елизаветинский институт, он заметил, что вместо лампадок были зеленые стаканчики, и сказал, что это—рейнвейнские рюмки.

25 мая.

Был Суворин. Он признает конец XIX столетия, который мы переживаем, временем неожиданностей, тяжелой, но интересной эпохой. Он уверен, что в эти 10 лет будет переворот всюду—или везде монархии, что сомнительно, вернее—республики. Сказал, что теперешние люди, за 2—3 года, совсем изменились, что у них есть много инициативы, что они совсем иначе работают, что это люди с убеждением, могут принести пользу, а если правительство их не поддержит, они будут хуже анархистов.

30 мая.

Рассказывают, что, когда Лизандер бывает в соборе во время служения митрополита, при входе она бойко идет через всю толпу к месту, где он служит, а при выходе подходит к благословению со словами: „Ну, благословите меня теперь чистенькими лапками". Все это делается с шумом и говорится громко. Что должен

думать народ, который пришел помолиться в Александро-Невскую лавру и получить благословение митрополита, 90-летнего старца?

11 июня.

Н. И. Петров рассказывал, что баронесса Икскюль ему говорила, что нет хуже посольства, чем наше в Риме: ее муж—un ramoli, Розен—полное ничтожество, Мейендорф—тоже, а Баратова сами итальянцы просили оттуда убрать.

25 июня.

Уже с 10 июня живем в деревне. Сегодня были у Толстых. Сестра Толстого много рассказывала про своего брата, Льва. Сказала, что он теперь спокойно смотрит на людей, которые расходятся с ним в мыслях и жизни, что образа у них в доме совсем изгнаны, но, когда она попросила образ для себя, то ей принесли и повесили в ее комнате. Л. Толстой упрекал ее зимой, что она держит лошадей. Она—старуха, ходить много не может и из своей квартиры в Москве, около театра, на Девичье поле ездила к ним в карете, он же нередко приходил, истомленный, к ней пешком. Она его в этом упрекала и говорила, почему он не даст заработать бедным извозчикам. На это получила ответ:— „Так, по твоему, я должен идти в дом терпимости, чтобы дать заработать и этим бедным женщинам, которые тоже этим живут?". Она говорит, что брат ее не выглядит счастливым, что он внутренне тревожен, но что теперь в Ясной Поляне живется спокойнее. Когда он начал свои проповеди, жена его была страшно расстроена, и тогда она бежала из дома брата. Ему приказано брать ванны, но он их ни за что не берет, так как чужих услуг не желает.

27 июня.

Были все Толстые. Сестра Толстого живет в Белевском монастыре, где у нее есть свое помещение, в 30 верстах от Оптиной Пустыни. Лев Толстой не в первый раз этой весной видел о. Амвросия. Его беседу с ним сестра его не слышала, но после нее Толстой менее стал нападать на монастыри и начал выказывать большее снисхождение к чужим мнениям. Художник Ге, который привозил к нему свою картину „Спаситель перед Пилатом" (эта картина по распоряжению Синода была снята зимой с выставки в Петербурге), имеет на Толстого большое влияние. Про Ге Мария Николаевна сказала, что он—настоящая лисица, которая льстит Толстому и его дочери Марье, которая совсем подпала под его влияние. Мария Львовна ничем интеллигентным не интересуется и не занимается, бросила все, чему училась, не говорит на иностранных языках. Она помешана на физическом труде, ежедневно доит 9 коров, стирает белье, моет полы, а маленьким детям нанимают гувернеров всех наций. Она училась,

могла бы их теперь заменить. Лев Толстой проповедует безбрачие. Ему теперь 62 года, а двухгодовалый ребенок у него. Все это как-то странно, трудно все сразу сообразить.

28 июня.

Татьяна Толстая говорила, что на ее отца очень подействовало вступление в Оптину пустынь Бориса Шидловского, что с этих пор он снисходительнее относится к монастырской жизни.

29 июня.

Были Толстые. Татьяна Толстая все время говорила со своим братом Ильей о деньгах, что она очень нуждается в деньгах, что ей необходимы теперь рублей 200, чтобы заткнуть свои маленькие долги. Все выходило, что им обоим нужны деньги, это детям знаменитого Льва Толстого, который проповедует, что деньги нужны только для того, чтобы раздавать нищим, сам получает 30 коп. в неделю от жены и тратит в городе только 10 коп. на баню. Илья—22-летний мужик, уже женат, серьезного в нем мало. Когда мы приехали, он сидел рядом с дядей и перед ними стояли 4 бутылки вина, в которых оставалось уже совсем мало.

2 июля.

М. Н. Толстая передала, что Лев Толстой говорил, каким образом произошло первое его отступление от церкви. Однажды один из его сыновей вошел к нему с его старым камердинером, держа в руках первоначальные зачатки катехизиса. Книга была открыта на 6-й заповеди „Не убий", где в объяснении сказано, что все убийства не дозволены, кроме казни преступников и убийства на войне Это заставило Толстого призадуматься, найти, что это несообразно, и порвать впоследствии связь с церковью.

26 июля.

Сегодня проезжали все Толстые, и пироговские, и из Ясной Поляны. Мария Львовна тоже была. Она серьезнее своей сестры Татьяны, очень нехороша собой, но у нее доброе, честное лицо, которое к ней сразу располагает. Она имеет большое влияние на всех своих кузин, так как это—любимая дочь своего отца, который у этой молодежи считается божеством.

17 августа.

В последние дни „Новости" перепечатали беседу одесского архиепископа Никанора по поводу „Крейцеровой сонаты" Толстого, которую он назвал „Беседой вне церкви". Но, говорят, Тол-

стой критику на свои произведения не читает и не признает. На-днях у нас был сын Льва Толстого, тоже Лев. Он пришел как раз в ту минуту, когда мы читали „Беседу“. Он, оказывается, о ней ничего не знал, а также не знал и о том, что в Нью-Иорке запрещено продавать „Сонату“, что таможние власти (в свободной стране!!) нашли ее безнравственной и вредной. Сын Толстого рассказал, что та дама, которая взялась переводить в Нью-Иорке „Сонату“, писала им, что отказывается так как содержание неприлично. В Дании „Сонату“ тоже запретили продавать. Дочь С. Н. Толстого, Верочка, провела на-днях 8 дней в Ясной Поляне. Говорит, что Л. Толстой вполне поправился от кумыса. Гостей Льва Толстого в его семье называют „темными“ и „дремучими“. „Темные“—последователи Толстого. Они не приняты в семье, их только видит Л. Толстой, но они проходят через семейные комнаты. „Дремучие“—это уж фанатики учения. Они даже не проходят через комнаты, но впускаются через черные двери. О „темных“ Толстые говорят, что они, по большей части, приятные люди, но в чем эта приятность состоит,—объяснить не сумели.

28 августа.

Были у нас Толстые. Говорят, что Л. Толстой в последнее время много пишет. Разбор своей повести преосвященным Никанором он громко читал за столом в Ясной Поляне и чтение вызывало у него громкий смех. Видно по всему, что это—человек неверующий, но он, видимо, имеет огромное влияние на молодежь. Наши Толстые, девушки, когда вернутся оттуда, снова принимаются чудить: не едят говядину, никакой птицы, относятся к церкви с пренебрежением и проч. Толстые тоже говорили, что когда Ге повез свою картину „Христос перед Пилатом“ в Америку, Л. Толстой написал одному известному американцу свой взгляд на эту картину, где он указывает, что мысль Ге верна, что иначе нельзя было представить Христа. Они же говорят, что Ге нарисовал Христа со своего сына, который чрезвычайно неприятной наружности, и поэтому картина произвела на них неприятное впечатление.

4 октября.

Бедный вел. кн. Николай Николаевич старший сошел с ума. Пункт помешательства, что все женщины в него влюблены. Харьковский профессор, психиатр Козловский, нашел, что он неизлечим. Страшная судьба братьев покойного царя. Константин Николаевич —в параличе, без языка, а этот— сумасшедший. Вел. кн. Михаил Николаевич, говоря о своих братьях, сказал, что и его ожидает такая же участь, т. е. сумасшествие, — это их семейная болезнь под старость.

5 октября.

Про покушение на Баранова (нижегородский губернатор) много ходит версий. Оказывается, что выстрел последовал, когда револьвер был в руках Баранова. Муравьев ездил производить следствие. Ген. Петров говорит, что Владимирский, который покушался на жизнь Баранова,—совсем не социалист, а просто захотел обратить на себя внимание. Жуков же (редактор „Нижегородского Листка") уверяет, что это—нигилист, что в городе уже арестовано 20 человек его сообщников и что он сказал, что ему не удалось убить Баранова—убьет его другой, что он намечен. Говорят, что государь сказал, что не верит в покушение на жизнь Баранова, будь это покушение на другого, он бы поверил, а Баранов сам это устроил. А как верил и любил Баранова когда-то государь.

13 октября.

Ужасный сегодня бюллетень о здоровьи вел. кн. Николая Николаевича: приступ судорог, затем ненадолго спячка, после чего явилось трясение челюсти, языка и ослабление памяти. Недолго проживет. П. Н. Николаев рассказывал, что он искусал Афиногена Орлова, но не опасно. Укусил его в двух местах.

16 октября.

Вышнеградская рассказывала, что выстрел, направленный в Баранова, предназначался, как это выяснилось из показаний злодея, ее мужу. Убийца желал, чтобы говорили о нем, накануне уже хотел убить Вышнеградского, но не мог его узнать, так как было много лент вместе, говорит, что поэтому он не мог убить министра финансов.

17 октября.

Была Скальковская. Рассказывала, что перед маневрами в Волыни случилось в Варшаве следующее. Трое юнкеров так кутили, что избили жандарма, но дали ему 200 рублей и он обещал молчать. Вернувшись в заведение, они узнали, что убит их унтер-офицер. Подозрение пало на них, так как они с ним дурно жили. Гурко приказал произвести следствие: все оказалось против юнкеров. Их приговорили расстрелять, что и было исполнено. Один из них—сын московского купца Перлова. Отец просил отложить расстреляние до его приезда, вносил, как поручительство, 400 тысяч руб., хотел проститься с сыном. Но ему в этом отказали. Теперь же говорят, что убийца (мясник) сказался, сам заявил, что он убил унтер-офицера, а юнкера не при чем. Государь, как говорят, очень недоволен, и Гурко вызван сюда.

18 октября.

Был Сохановский. Про варшавскую историю, расстреляние трех юнкеров, говорит, что поторопился не Гурко, а начальник

штаба Пузыревский, что, будто, государь сказал, когда узнал:— „Видно, что нет Нагловского". Теперь Перлов поднимает историю, так как нашелся настоящий убийца—кузнец-солдат, дослуживший до срока. Теперь его должны были уволить в запас. Он напился пьян и все рассказал. Когда он протрезвел, его позвали и стали спрашивать. Он побледнел и во всем сознался.

29 октября.

Видела Орлова, от которого узнала, что помешательство вел. кн. Николая Николаевича началось в балете, когда он увидел кордебалет, он захотел иметь разом всех этих женщин. Орлова он не может видеть и ругает его все:—„Вор, пошел вон!" Приезжал сюда Dampierre, отец той девушки, в которую вел. кн. Николай Николаевич влюбился в Ницце и на которой обещал жениться. Приезжал требовать, чтобы исполнил свое обещание. Вел. кн. Михаил Николаевич поэтому решил Dampierre'у показать брата, так как Dampierre угрожал. Когда он его к нему привел, он его не узнал и сразу же уехал. Если вел. князь видит мужчину с лицом, напоминающим женское, он бросается его целовать.

24 ноября.

В Москве кружок русских людей подписал петицию, где просят не преследовать евреев, не принимать против них крутых мер. Петиция эта, между прочим, подписана гр. Львом Толстым и Владимиром Соловьевым.

7 декабря.

Назаревский, который заведует теперь „Царским Обозрением", говорил, что по поводу статьи Рельера „Повествование и рассказы о перевороте в России в 1762 году", в которой он много распространяется о самодержавной власти русских царей, в „Русском Архиве" была заметка царя: „Какой цензор пропустил?" Отвечали, что было раньше помещено в „Воронцовском Архиве", позволил печатать бывший министр внутренних дел гр. Игнатьев. На этом было написано царем приблизительно следующее: в последнее время слишком откровенно пишут исторические журналы, затрогивают события и лица в записках и дневниках, еще недавно занимавшие общественное положение, не только умерших, но даже живущих людей и разоблачают их домашнюю интимную жизнь, что вовсе не желательно.

8 декабря.

Был Суворин. Охотно согласился обедать у нас с Амвросием, харьковским епископом, с которым собирается браниться, так как он в своих проповедях поддерживал евреев. Нотович в „Новостях" приводил из них места, где он говорит, что и спаситель и богородица принадлежали к этому народу.

1891 год

2 января.

Рассказывают нам, буд[illegible] государь влюбился в la superbe Dolgorouky на спектакле, который был в Гатчине. Он все время за ней следил, затем подошел к ней, что-то ей сказал тихо, и она сильно покраснела. Говорят, что охоты устраиваются для свиданий с нею, что это достоверно. Тяжело это слышать. Долгорукие нам фатальны. Одни говорят, что царь вчера был мрачен и озабочен, другие,—что у него было все то же спокойное лицо. Про царицу все говорят, что она удручена горем. Нет ни одного человека, который не удивлялся бы, что цесаревича отпустили с такой ничтожной по умственному развитию свитой, никто не отрицает, что кн. Барятинский честный человек, но любит выпить Об остальных и говорить нечего.

6 января.

Чай пил секретарь митрополита Николаевский. Говорил, что некая Денкер, которая по вторникам бывает у владыки каждый раз, заставляет его делать необычайные вещи. Она сошлась со священником Полкановым, известною дрянью, устраивает дела у владыки, получает за них деньги и с ним делится. Одного священника, Дроздова, устроила членом консистории и получила за это 1500 руб. Эта Денкер была нищая, получала от владыки помощь в 5 руб., а теперь ездит в каретах. Была лютеранка и Полканов обратил ее в православие, но все это для спекуляции. 31 декабря владыка у нее обедал.

8 января.

Приходил И. К. Айвазовский. Рассказывал он нам, как он рисует. Сначала картину он воспроизводит в воображении, долго о ней думает, пока она вполне созреет. Он никогда, подобно другим художникам не рисует раньше маленькую картину, чтобы потом нарисовать подобную ей большую. Он обыкновенно делает несколько отдельных эскизов карандашем, которые он складывает в папки поэтому в его мастерской нет картин, все стены голые. Если бы он нарисовал маленькую, то большую, подобную ей, у него не хватило бы терпения нарисовать. Особенно ложась спать и лежа в темноте, до сна, он вырабатывает в воображении все детали картины и, когда все созрело, он начинает томиться,

пока картина им не передана на полотно. Теперь у него уже созрела мысль картины „Переход израильтян через Чермное море“. В ней будет играть большую роль молния, которая освещает израильтян и Моисея и вдали гибель фараона. Эту картину он думает начать и кончить в 8 дней. Просил, чтобы не говорили, что он так быстро пишет (но это все знают), так как, по его словам, многие покупщики картины, покупая, принимают во внимание, что она работалась художником 3—4 года, не понимая что таланты работают быстро, а менее даровитым нужна кропотливая работа. Он говорит, что ему легко воспроизводить только стихии и явления природы, а фигуры никогда ему не удаются.

10 января.

Сегодня моряк Истомин рассказывал некоторые подробности про ссоры и неприятности, которые происходят на эскадре. Дубасов избил офицера Лебедева, а Повалишина оскорбил словами. Фрегат „Память Азова“, оказывается, не может сделать ни одного перехода. Когда впервые Басаргин осмотрел фрегат, он увидел, что если на нем оставить мортиры, то он может перевернуться вверх дном. Поэтому он приказал снять мортиры. Командир фрегата Ломан обиделся на это распоряжение, снял морской мундир и в штатском платье явился к Басаргину просить отставку. Все это было в Триесте и происходило в ту минуту, когда цесаревич подъезжал, чтобы сесть на фрегат, поэтому постарались уладить эти отношения. Все английские газеты полны рассказами о тех беспорядках, которые существуют на эскадре. Сперва хотели, чтобы цесаревич ехал на пароходе „Орел“ добровольного флота, но затем нашли, что это будет стоить очень дорого, разоружили „Память Азова“, что тоже стоило очень дорого, и пустили его на фрегате, который еще не был испробован. Истомин говорил тоже, что новая яхта государя „Полярная Звезда“ тоже не удалась и теперь в Ревеле ее поправляют, а стоила она 6 миллионов рублей. Первый рейс, пробный, она все время шла на боку. Про Чихачева рассказал, что, когда ему заметили, что ценз вредное нововведение, что не будет прежних моряков, он ответил:—„Было бы болото, а черти всегда найдутся“. Хорош министр! Начальник Морского училища, Арсеньев, требует от гардемаринов, чтобы они устраивали бал и требует 600 билетов для своих знакомых и два отдельных стола с ужином. А гардемарины, по большей части, все бедняки, бал им обходится по 50 руб. с каждого, а многие и 5 руб. не могут дать. Рихтер и Воронцов (воспитанники) вносят из милости за некоторых из них и дают по 200 руб. и более, что очень безнравственно. А потом газеты восхваляют эти балы. Рассказывал Истомин о болезни вел. кн. Георгия Александровича. Он боролся, подвыпив, на фрегате, с греческим наследным принцем, который путешествует с ними, и тот так неосторожно и

неловко его уронил, что он ударился поясницей. К вечеру у него сделалась лихорадка и с той поры он лежит.

19 января.

Обедал у нас Церпицкий, командир Выборгского полка имени императора германского Вильгельма. Рассказывал, что в Берлине граф Шувалов собрал всех русских офицеров, там находящихся, чтобы узнать их мнение о германской армии, и предложил всем дать письменные ответы, дав на эту работу час времени. Сам он тоже написал. Когда были прочитаны эти ответы, которые очень высоко ставили германскую армию во всех отношениях, Шувалов сознался, что он, как уже отставший от военного дела, не понимал дела так, что признавал армию германскую хорошей, но не столь блестящей, как сейчас увидел из прочитанных отзывов, что, значит, он вводил правительство свое в заблуждение, не придавая в своих отчетах этой армии никакого значения.

20 января.

Слышала про новую заметку царя на „Царском Обозрении", по поводу восхваления одной газетой русского флота и замечания там же, что англичане усмотрели в этом, что их флот уступает в достоинстве нашему. Тут же говорится, что придет время— и мы покорим себе Индию. Царь на этой статье написал: „Верно, дельно сказано, но теперь не время об этом рассуждать, так как цесаревич в эту минуту в Индии".

26 января.

Был Самойлович. Он говорил, что второй том „Истории Екатерины II" Бильбасова решено комитетом министров сжечь, но автору об этом не объявлено.

8 февраля

Вишняков говорил, что генерал-губернаторы в заседании Дурново по еврейскому вопросу были очень плохи, особенно Каханов. Игнатьев больше понимает. Речь Плеве заставила губернаторов разом отказаться от выраженных ими раньше мнений. Плеве говорил, что не следует евреев допускать в Думу (теперь $^1/_3$ допущена). Это заставило Вишнякова, ярого юдофоба, сказать против этой меры, так как в Западном крае чем меньше город, тем больше евреев, а другого населения нет; он говорил, что необходимо допустить $^1/_5$. Окончательно ничего не решили в заседании.

13 февраля.

Завтракал моряк Истомин. Рассказывал про беспорядки в порте, вызванные начальником Верховским, который для того, чтобы сделать сбережения, так как он от них получил

известный процент (он сберег 23 тысячи руб. и получил в награду 2400 руб., его помощники тоже известный процент получили), начал прижимать рабочих: платил не поденно, а поштучно, поместил в старые мастерския, где инструменты работали хуже и дольше. Поэтому рабочие возмутились в числе 800 человек. Вызваны были две роты 8-го экипажа, при виде которых один из недовольных, Чебушев, старик, стал убеждать рабочих не драться со своими. Все послушались и разошлись. Но все-таки в результате этого 100 человек рабочих были высланы из Петербурга, а Верховский достиг своего желания, т.-е. привлек к работе матросов, которым дается скудная плата— 20 коп. в сутки. Рабочие во время беспорядков начали разбирать судно „Гремящий“.

23 февраля

Жиаконе говорил, что Казенбек перевел на русский язык коран. Цензор Смирнов урезал 13 versets, находя их неприличными. Татары всполошились. Приехал оренбургский муфтий и, кажется, перевод появится полный.

27 февраля.

Вел. кн. Сергея Александровича назначают в Москву. Митрополит вчера сказал, что это назначение неудачное, что это глупость, за которую придется платиться, так как вел. князь ничего не смыслит в деле управления, что заведутся интриги и что он, как лицо из царской семьи, не может быть так доступен, как простой смертный,—в этом скоро убедятся москвичи и разочаруются.

28 февраля.

Завтракал молодой Татищев. Рассказывал, как глубоко засела в Волховском уезде Орловской губернии пашковская пропаганда. Там этой проповедью занимается богатый помещик Н. П. Зиновьев, который тратит на это много денег. Один крестьянин прямо признался Татищеву, что за то, что он по приказанию Зиновьева снял образа и спрятал на чердаке, он получил от него два мешка муки. Зиновьев дает крестьянам, которые приходят слушать его чтения, а в церковь не ходят, по 50 коп. за вечер. Охотников так легко зарабатывать деньги оказалось не мало, и вскоре возле того дома, где происходят чтения, открылся кабак, куда крестьяне спешат отнести эти деньги после чтения. Очень многие помещики, а особенно помещицы, заразились этим учением. Одна кузина Татищева сошла от этого с ума. Она теперь в доме сумасшедших у Фрея, воображает себя богородицей. Она неизлечима.

3 марта.

Пришел сын Я. Полякова. Видно, что папенька встревожен быстрым смещением Долгорукова, которому ставят в вину, что

он в Москве мирволил жидам, особенно дружил с Я. Поляковым, которого называют королем московских жидов.

4 марта.

В Академии видела картину „Свидание трех императоров“. Эта картина скрыта от взоров посетителей по приказанью государя. Но я подняла полотно, и была поражена, как безобразно представлены императоры, точно все выпивши вышли и еле держатся на ногах. Не даром публика, видевшая эту картину, прозвала ее „шли три они“.

Был Марков, приехал из Москвы. Он рассказывал, что Долгорукова там очень сердечно встретили, жалеют старика, говорят, что его обидели. Марков отрицает, что Долгоруков покровительствовал жидам, что есть приходы, в которых нет прихожан-христиан, там жиды платят священнику.

13 марта.

Назаревский говорил, что разные высокопоставленные лица получили по протекции через Дурново до 150 экземпляров „Истории Екатерины Второй“ Бильбасова. Вел. князья получают эту книгу по личному требованию. Очень интересно, что Дурново и Феоктистов не сочувствуют тем статьям, которые Назаревский помещает в „Царском Обозрении“, так как они часто вызывают замечания государя. Феоктистов говорил ему, чтобы он не утомлял царя чтением статей, которые говорят о делах, не помещал бы ничего, что было бы резко написано, статьи о Финляндии тоже нежелательны, можно помещать только такие, которые написаны умеренно. Пришел Колокольцев. Рассказывал про Хивинский поход. Все там было на вес золота, и вел. кн. Николай Константинович продавал офицерам вино и консервы. Он почти силой отнял, заставив себе подарить, у хивинского хана его любимую лошадь. Хан потом приехал жаловаться Кауфману, почти со слезами говоря, что должен был отдать племяннику русского царя лошадь, без которой жить не может. Кауфман обещал хану вернуть ему лошадь, призвал вел. кн. Николая Константиновича, который стал уверять, что хан ему лошадь подарил, и приказал вернуть лошадь хану. Тогда вел. кн. отправил ее Кауфману вместе со своей шпагой, которую Кауфман ему вернул, сказав, что не поцеремонится ее у него отнять, когда найдет это нужным. Вообще было трудно Кауфману с этим вел. князем.

14 марта.

Была Вышнеградская. Рассказывала, что царица не любит ее мужа за Мальцева, которому она желала, чтобы дали 4 миллиона рублей. Вышнеградский ей предложил объяснить, почему не может столько дать, и предупредил, что это объяснение будет длиться 3 часа. Она испугалась такого длинного разговора. Долго после этого она с Вышнеградским не говорила.

15 марта.

Назаревский рассказывал, что царь на представлении закрыть еврейскую газету „Восток“ на 6 месяцев написал: „Давно пора“. А с покойным царем был случай, когда одна статья „Гражданина“ вызвала кару, царь написал: „Жаль, что статья, которую я читал с большим удовольствием, вызывает наказание“.

Скальковский говорил, что „Новое Время“ чуть-чуть не подверглось каре—запрещению розничной продажи,—поместило в иллюстрированном прибавлении к газете жизнеописание вел. кн. Сергея Александровича и старый рассказ Бальзака, герой которого влюбился в леопардиху. Усмотрели в этом намек на вел. князя, вкусы которого не секрет никому. Говорят, государь сделал выговор вел. княгиням, женам Владимира и Павла, что были на балах у Пистолькорс и Гартунг, сказал им, что скоро они поедут к бранд-майору.

18 марта.

Коломнин получил место юрисконсульта у Гюбенета. Поэтому появились статьи в „Новом Времени“ за казенную постройку жел. дорог, а не частную.

25 марта.

Марков также рассказывал, будто Подлевский, который убил Селиверстова, был на царском поезде во время катастрофы 17 октября, был в качестве слесаря при динамо-электрической машине. Взрыв, будто, им сделан и поэтому следствие этого дела ведено было секретно и осталось для публики доселе тайной.

26 марта.

Был митрополит Исидор. Рассказывал, что когда строился Исаакиевский собор, вся Адмиралтейская площадь была завалена гранитными колоннами. При постройке находилась часовня, в которой была устроена водокачалка для рабочих. Однажды император Николай I пришел посмотреть на работы и вошел в часовню. Ужасный воздух его поразил. Он обратился к рабочим с вопросом:—„Вы здесь гадите?“ они в один голос ему отвечали:—„Нет, ваше величество, мы с этим ходим в Сенат“. Государь засмеялся и сказал:—„Я не знал, что Сенат на это пригодится“.

27 марта.

Милорадович рассказывал, что его венчал священник, который теперь архиерей, известный Иероним. Известен он тем, что находится в близких отношениях с Демидовой-Сан-Донато. Про эту дружбу их все знают и возмущаются. Победоносцев сказал Милорадовичу, что не знает, как избавиться от митрополита

Платона, который не хочет отказаться от Киевской епархии. Рассказывают, что вел. кн. Михаил Михайлович женился на дочери Насауской, т.-е. на дочери Тани Дуббельт (Пушкиной). Женился, не спросясь государя, поэтому вычеркнут из списка русских офицеров. Скоро же он забыл свою прежнюю страсть—дочь графа Н. П. Игнатьева. Мать его, говорят, в отчаянии.

29 марта.

Вишняков рассказывал из достоверных источников, что вел. кн. Михаил Михайлович написал матери депешу, где говорится, что он никогда не любил графиню Игнатьеву, что будто она ему вешалась на шею. Вел. кн. Ольга Федоровна показала эту депешу многим и с комментариями отправила к графине Игнатьевой княгиню Витгенштейн, которая, к удивлению, согласилась с таким разговором поехать к Игнатьевым. Понятно их возбуждение после подобного свидания. Верховский говорил, что Насауский написал письмо государю о свадьбе своей дочери и, будто, фамильярный тон письма взорвал государя. Рассказывают, что свадьба была в греческой церкви, в Триесте, что Михаила Михайловича лишили 50 тысяч рублей, которые он ежегодно получал из уделов. Известная Азинька Арапова послала своего мужа к вел. кн. Николаю Михаиловичу узнать от него, как они должны себя держать по отношению двора, с которым теперь породнились. „Как хотят“—был ответ. Эта свадьба возбуждает очень много толков. Многие говорят, что следовало непременно напечатать, почему он исключен из службы, так как по этому поводу ходят в городе невероятные подробности и небылицы.

30 марта.

Пришел Куломзин. Рассказывал про свои занятия, про манифест, который он написал и который будет прочтен цесаревичем при открытии постройки Сибирской дороги, что царь жалует Сибири дорогу через всю Сибирь. В манифесте было сказано: „Сибири, отдаленной от столицы, но близкой сердцу“. В словах „отдаленной от столицы“ нашли какой-то намек и их вычеркнули. Раньше эти вещи писал Победоносцев, сочинением Куломзина он остался доволен.

2 апреля.

С вел. кн. Михаилом Николаевичем удар—отнялась у него вся левая сторона и он очень плох. Если это правда, то, поистине, ужасна судьба всех братьев.

2 мая.

Поехала к Нисси, который при мне получил депешу, что здоровье цесаревича не внушает опасений. Он чрезвычайно расстроен этим происшествием. Подробности умалчивает. Сказал

только, что череп затронут, но не глубоко, и что цесаревич возвращается в Петербург, по Сибири не поедет.

3 мая.

Цесаревичу государь запретил ехать на этот священный остров; он вошел в капище, в котором находились баядерки, которых охранял японец, который его ранил. Утверждают, что, будто, греческий принц всегда пьян и проч. Государь очень сердит на свиту цесаревича.

6 мая.

Вчера вечером был Нисси. Доказывал, что японцы спасли цесаревича, а греческий не при чем. Все это случилось в понедельник, 29 апреля, в 2 часа дня. Тотчас дали знать в Токио, а оттуда он, Нисси, в 9 час. вечера получил депешу. При первом слове, которое он по шифру разобрал,—„attentat", он сильно смутился и тотчас послал к Гирсу сказать, что вечером будет у него. Разобрали депешу только в 11 часов. Там говорилось, что наследник серьезно ранен. Так как государь был в Гатчине, то в тот вечер Гирсу было поздно сообщить об этом царю. Всю ночь ни он, ни Нисси не спали. Наконец, пришла утром другая депеша, что рана не опасная.

13 мая.

На-днях была статья во французской газете „Gil Blas", под заглавием „Le Tzar", где говорится о государе, как о силаче, которому место не царствовать, а рубить дрова и проч., что он берет на одну руку царицу, а на другую детей и, таким образом, катит по лестнице. Государь, прочитав эту статью, тотчас же написал Дурново грозный выговор. Цензор, который пропустил, немедленно был уволен.

4 июня.

Заходил Нисси. Рассказывал, что получил газеты из Японии с подробностями покушения на цесаревича. Цесаревич несколько раз посетил город инкогнито с одним офицером. Он пришел сперва в известное там место Инасса, куда офицеры и матросы приходят проводить время во время стоянок; одеваются там офицеры в японские халаты и проч. Заметили японцы, что цесаревич и вся его свита очень много пили.

21 июня.

Сегодня Е. В. встретил двух датчан; Jes и Schoy, которые приехали сюда на датском пароходе „Rovena" в числе 150 пассажиров с целью ознакомления с русской промышленностью. Е. В. пригласил их к себе. Они рассказывали, что, будто, нашей царице два раза в неделю посылают из Копенгагена черный хлеб. Что Заллийский, когда приезжает во Фреденсборг, не мо-

жет жить без карт и просит короля приглашать ему богатых партнеров—волей-неволей король соглашается. Валлийский им проигрывает, а платить ему нечем и платит за него король.

4 июля.

Завтракали у нас Вендрих и Гонфенгаузен. Говорили много о дороге, которую построил Анненков в Закаспийском крае. Есть отчет о постройке этой дороги, который, если прочтешь, то ожидаешь встретить на пути этого полотна волшебные сооружения: великолепные станции, удобные гостиницы, но на деле оказывается, что все это должно только через 10 лет осуществиться, если Анненкову отпустят еще большие деньги. На самом же деле, дорога в плачевном состоянии. Вендрих рассказывает, что технический комитет по делу постройки у Анненкова состоял из местного жителя, какого-то Ага-Оглы, который заведывал лошадьми Анненкова, а затем там находились только корреспонденты русских и иностранных газет для реклам.

6 июля.

Морское министерство, особенно вел. кн. Алексей, мало придают значения прибывающему флоту, очень скупятся на все расходы. Французы ожидают здесь больших оваций от русских. Морякам же было уже внушено их слушать, а самим не говорить никаких приветствий.

9 июля.

Был Jules Zebaume, который является одним из экспонентов московской французской выставки, а также и ее устроителем. Хаос там невозможный, дело ведется нечестно. Французы удивлялись покупкам государя, особенно часам с фальшивыми камнями.

Была Львова за советом. Вчера она видела Вышнеградского, которому передала письмо Дурново. Он ей сказал, что все просьбы дворян ему так надоели, что, если будет так продолжаться, он вынужден будет закрыть Дворянский банк, так как если все эти просьбы исполнять, ему придется повеситься на крюке, так как он—министр финансов.

10 июля.

Утром Е. В. поехал к Гирсу, но его не оказалось и Е. В. пошел к Шишкину, который поразил его своею тупостью. Жиаконе говорит, что Шишкин — полное ничтожество. Moulin тоже говорит, что Шишкин глуп. Жалкое у нас министерство иностранных дел!

19 июля.

В Думе вечером народ желал поднести хлеб-соль Жерве, требовали, чтобы Жерве вышел к народу. Но Грессер остановил его, говоря, что, если он выйдет, он ни за что не ручается. Грессер телеграфировал царю, что народ больше кричит „ура“, чем в коронацию.

15 августа.

Вчера Плеве рассказывал про свой дебют, когда он докладывал покойному государю после взрыва в Зимнем дворце 5-го февраля о том, как произведен был взрыв (дознание дела было ему поручено Набоковым), что произведен он был беспаспортным мещанином, проживавшим во дворце. Адлерберг его прервал, возразив, что это неверно. Это сильно сконфузило Плеве, он не был в состоянии отвечать. Но в это время Гурко сказал Адлербергу, что эти слова Плеве вполне справедливы. Это дало возможность Плеве оправиться, и он продолжал свой доклад, который был началом его теперешней карьеры (тогда он был прокурором судебной палаты). Сидел Плеве во время этого доклада рядом с государем, против него теперешний государь, тогда наследник, около Плеве—Набоков, Гурко, а рядом с наследником—Владимир, затем Адлерберг и другие.

31 августа.

По случаю голода было назначено собрание в одном из уездов Саратовской губ. Предводитель нашел, что число собравшихся не достаточно, и не открыл собрания. Это вызвало председателя управы на драку с предводителем. Предводитель, Панчулидзев, вызвал председателя на дуэль, но тот отказался драться, написав, чтобы он внес раньше 70 тысяч рублей дворянских денег, которых не оказывается в кассе. Это очень печальное событие, которое рассказал нам Вишняков. Вишняков говорит, что голод расположился в шахматном порядке — в одном и том же уезде у одного помещика громадный урожай, а рядом, у другого — голод. Жена симбирского губернатора, узнав, что у нее в имении урожай, а рядом — голод, поспешила, будто, продать туда голодающим свой хлеб по 1 р. 40 коп. Это возмутительно, но это не исключительный случай, все стараются взять побольше барыша и все за счет голодающих.

13 сентября.

Умерла вел. кн. Александра Георгиевна. Она была несчастна с мужем: он был влюблен в Елизавету Федоровну, и она замечала эту любовь.

14 октября.

Был Дурново. Рассказал про вонющее дело купца Гладкова в Харькове, которого женили пьяного на публичной женщине,

жившей с некиим Раденом, которому она надоела. Раден, а также граф Милютин (харьковский губернатор) были у нее шаферами. Свадьба происходила в деревне близ Харькова. Гладков и вся его семья в отчаянии, что состоялась эта позорная свадьба. Мать Гладкова с горя умирает.

4 ноября.

Слушала, как сегодня директор реального училища в Выборге Гавр. Ив. Сербулев рассказывал Е. В. про финляндские порядки, как там не граф Гейден генерал-губернатор, а его жена, которая вместо него присутствует на заседаниях по школьным вопросам. Горе тому, кто не исполнит ее требования, т.-е. не возьмет к себе в учителя ее протеже и т. д., под предлогом, что нельзя просто изгнать неповинного ни в чем человека, чтобы взять на его место другого. Графиня никогда не забудет, что ее просьбу-приказание не исполнили, и тогда неисполнившему ее приходится даже выехать из края.

7 ноября.

Жиаконе готовит серьезную статью, в которой будет изложена полная биография Ив. Ал-ча: его игра на бирже с помощью Гравенгофа, его неудачные займы, вообще вся его темная закулисная сторона. Он говорил, что писали царю в Копенгаген, что его министр финансов, ведая о понижении и повышении бумаг, самым бесстыдным образом пользуется этими сведениями для себя лично.

8 ноября.

Сегодня говорили нам про столкновение Вышнеградского с Филипповым. Про это все открыто говорят в контроле. Филиппов сделал Вышнеградскому запрос, куда употреблен весь последний заем. Получил ответ, что не его дело. Тогда он написал вторую бумагу, где доказывал, что законно спросил. Тогда отвечали, что заем пошел на биржевую игру, т.-е. на покупку и продажу бумаг, стоящих низко, но которые должны были понизиться, и что вся эта операция принесла доход. Как это недостойно, что наш министр финансов занимается такой гнусной вещью, что и было поставлено ему на вид контролером и сказано, что эта операция могла иметь и другие последствия, чем те, которых он ожидал.

12 ноября.

Нам рассказывали, почему Ротшильд не хочет иметь финансовые дела с Россией. Говорили, что те 300 человек самых солидных и богатых англичан, которые подали в прошлом году петицию нашему государю, прося его не притеснять евреев (их петиция не была уважена), находятся вкладчиками больших де-

нежных сумм у Ротшильда и они ему объявили, что если он будет иметь финансовые дела с Россией, они у него возьмут все свои деньги.

20 ноября.

Слышишь постоянно отовсюду рассказы весьма прискорбные. Так, казанский губернатор издает циркуляры-советы варить кашу из кукурузы и чечевицы, которых нет в Казани, и есть с маслом вместо хлеба. Вятский губернатор запрещает вывозить хлеб из одной волости в другую и продавать его в другие волости. Курский губернатор в том же роде чудит. Красный Крест, по общим отзывам, действует недобросовестно—ворует. Везде злоупотребления. Отовсюду отзывы, что народ голодает серьезно. В Тамбове губернатор Рокоссовский стрелял в народ, который пошел разбивать помещичьи амбары, и многие были убиты и ранены. Вот вести, которые пришлось узнать в один день. Вчера Дурново был у царя, которому не все говорят, и уехал от него успокоенный.

21 ноября.

Вишняков сказал про Рокоссовского, что это все выдумка, что он войска не посылал против крестьян, а только силой выгнал их на работу, от которой они отказывались. Напечатано сегодня, что учреждается комитет по руководству общественными работами для голодающих, председатель — Абаза, члены—Дурново, Вышнеградский, Островский и Анненков; делопроизводитель — Витте. Баранов сравнивает теперешнее положение России с военным положением. Отчасти похоже. Чувствуется что-то тяжелое, гнетущее, как будто ждешь катастрофы. Говорили нам, что царь вернулся в разъяренном настроении. При встрече был любезен только с Дурново и Вышнеградским, с Гюббенетом очень холоден. Монтеверде говорил, что Москва чрезвычайно недовольна своим генерал-губернатором. Когда дворяне собрались подписать здравительную депешу царю 28 октября, в день его серебряной свадьбы, долго ожидали они вел. князя. Наконец, предводитель дворянства поехал к нему сказать, что его ждут, но получил ответ, что он сидит в ванне и не приедет. Когда он вернулся к дворянам с этой новостью—все были возмущены и подняли его на смех. Это прискорбно, что он так себя ведет, с Москвой шутить нельзя.

23 ноября.

Сегодня опубликовано о назначении цесаревича в благотворительную комиссию председателем, а затем об учреждении самой комиссии, цель которой усилить благотворительность. Цель, недостойная правительства, так как сказано — „частная благотворительность“, точно у правительства денег нет. Членами комис-

сии назначены: Кауфман, Дурново, Победоносцев, Островский, делопроизводителем Плеве. Скальковский сказал, что при таких комиссиях, которые неоднократно создавались в былые годы, ни один министр внутренних дел не остался на месте, каждого прогоняли, а теперь черед за Дурново.

25 ноября.

Слышала сегодня, что царь уволил Гюббенета, но оказалось, что это не верно. Напротив, царь прислал Гюббенету записку, что доволен своим поездом. Во время пути царя Гюббенет получил депешу, нельзя ли ускорить на 3 часа приезд в Гатчину. Он умолял депешей не изменять маршрута, что ускорение возможно лишь на Николаевской дороге, что и было осуществлено, но, несмотря на благополучный переезд, все-таки переехали через 5 солдат, которые стояли на линии, так как многие, по случаю утомления, ложились спать на рельсы. Таким образом и переехали через них.

26 ноября.

Жена Косича пишет из Саратова, что у них бедствие большое, не дают отсюда денег. Чтобы засеять поля яровые, надо 5 миллионов рублей, а дают только 1 милл. Здесь выражают надежду, что комитет для общественных работ поможет голодным, предполагается дать работу 800 тыс. людей, но об этом все еще только говорят. Лотерею для голодающих все ругают, находят, что мизерно ее допустить. Невольно при всем этом вспоминаешь слова, сказанные депутатом Рихтером в палате в Берлине по поводу голода в России, что это—„колосс на глиняных ногах“. Этому выражению все французы аплодировали.

27 ноября.

Петров был сегодня в Гатчине благодарить царя за полученный чин. Конечно, рассказывал про стереотипный вопрос, который царь предлагает: зачем представляется, давно ли на этом месте, где раньше начал службу, и где еще был до этого места. И всем одно и то же. Выглядит царь мрачным, похудел, землистый цвет лица, до сей минуты еще конфузится и совсем не находчив. Всех принимает он в бильярдной комнате.

30 ноября.

Рассказывают, что было покушение сделать крушение царского поезда во время следования его из Крыма. Развинтили 12 болтов, но офицер Тамбовского или Пензенского полка заметил во-время и остановил поезд. Это—выдумка, но записываю ее потому, что было время, когда все выдумывали, а затем неза-

метно многие из выдумок привели в исполнение злые люди, которые раньше эти выдумки распускали.

3 декабря.

Рассказывали нам, будто 60 тысяч рабочих двинулись в Петербург на заработки, что Грессер призывал дворников, узнать у них, можно ли в их домах поместить хотя бы по одному человеку. Говорила это нам Маркевич. Теперь говорят, что уже с мая месяца было известно Дурново о голоде, что он должен был требовать от Вышнеградского запрета вывозить рожь, что Дурново больше виноват, чем министр финансов. Верховский сказал, что пшеницу только тогда запретили вывозить, когда Абаза продал свою за хорошую цену. Рассказывают, что в Симбирской губернии все дети померли от голода; туда послали детские платья и все вернули—не на кого было их надеть. Возмущение всюду растет страшно.

6 декабря.

В Орловском Красном Кресте обнаружена растрата 20 тысяч рублей, но об этом не будут публиковать. Рассказывали, что Черевина кто-то спросил, знает ли он Плеве. Он ответил, что знал, когда он был не фон-Плеве, а просто Плеве. Видно, что теперь Плеве задался мыслью провести себя повыше coute que coute. Он ловок, хитер, умен и несомненно успеет.

10 декабря.

Сегодня Самойлович рассказывал про вел. кн. Сергея Александровича (говорил про него в департаменте мануфактур Найденов), что в Москве все им возмущены, городской голова Алексеев совсем с ним разошелся. Вел. князь приказал, как в Петербурге, в известные часы дня по улицам не ездить, вследствие того, что однажды его экипаж не мог проехать. Алексеев приехал к нему доказать, что в Москве это немыслимо. Он рассвирепел и кончилось полной размолвкой. Еще Кутайсов говорил, что в Москве устроились скачки. Вел. князь выразил сочувствие этой затее, сам назначил скачки в час дня, обещал приехать, но явился только к $4^1/_2$ часам, когда стемнело. Ожидавшая публика встретила его свистками, так как скачки начались только по его приезде. Рассказов о всех безобразиях великого князя очень много. Он не мог жить в Кремле из-за того, что его беспокоили колокола и проч.

12 декабря.

Сейчас был Кутайсов. Вернулся вчера вечером из командировки в Тобольскую, Пермскую и Оренбургскую губернии. Рассказывает ужасы, возмущен всем, что происходит и здесь, и там. Отсюда распоряжения замедляются, или совсем на запросы не по-

лучается ответа, там же губернаторы бездействуют, а работают и крадут вместе с тем крестьянские чиновники. В Ялуторовске отчаянное положение, настоящий голод. В некоторых местностях били чиновников, ругают царя. Кутайсова мнение, что грабить начнут скоро, были уже поползновения. Кутайсов говорит, что из 65 миллионов по крайней мере 30 или украдено, или пропали вследствие глупых распоряжений.

Вел. кн. Владимир просился в Москву, так как вел. князем Сергеем там недовольны, на что царь отвечал:—„Ты у меня такой, брат, что я тебя должен держать при себе. Так тебе лучше".

13 декабря.

Был сегодня С. Морозов из Москвы. Генерал-губернатор очень бесцеремонно обошелся с московскими аристократками—заставил их ехать по всем купцам за пожертвованиями в пользу голодающих. Всем этим дамам купцы, не долюбливая вел. кн. Сергея, ничего не жертвовали, провожали их с обещаниями, что пришлют свою лепту, но мало кто из них ее послал.

16 декабря.

Е. В. вспомнил, что Александр II подписал конституцию 26 февраля 1881 года. В ней было сказано, чтобы были введены сведущие люди из разных ведомств и разных профессий в Гос. Совет, а также предполагалось образовать несколько комиссий для обсуждения важных вопросов с участием сведущих людей, но затем—1 марта, и все было предано забвению. Вишняков сказал, что он тоже читал конституцию, что Барыков тогда ее писал, а Заика переписывал, так как Заика всюду старается вмешаться. Говорили с Е. В. об Андрее Николаевиче Муравьеве. Е. В. сказал, что Муравьев развратил Мещерского и Мосолова, которые затем развратили пол-Петербурга своей постыдной страстью.

19 декабря.

Афиноген Орлов рассказывал про покойного вел. кн. Николая Николаевича. Сперва жена влияла на него, но утратив женственность, занявшись сперва игуменьей Митрофанией и устройством с ней Покровской общины, затем коровами и курами, всегда грязная, в шерстяных чулках, она его отвратила. Затем и она увлеклась своим попом, который обкрадывал ее. Она в Киеве получала $17^1/_2$ тысяч в месяц, двора не имела, за столом ей служил грязный швейцар, который и дверь отворял гостям, обстановка была мизерная. На столе стоял графин с пробкой из бутылки. Все деньги шли к попу.

25 декабря.

Батьянов рассказывал про туркестанского генерал-губернатора Вревского. Когда этот расслабленный на ноги генерал туда ехал, он спросил Церпицкого, красивы ли там женщины и есть ли там спаржа. Больше никаких вопросов не подумал сделать. Вот образчики властей!!!

28 декабря.

Новая выдумка Анненкова. Он придумал работу голодным—будет разбивать их руками лед на Волге, а когда разобьют лед, то пойдут пароходы по Волге подвозить хлеб в голодные губернии!!

1892 год

2 января.

Кутепов говорил, что из государя можно выкроить всю его семью—такой он толстый, и еще останутся куски.

14 января.

12 января в 12 часов ночи умер вел. кн. Константин Николаевич. Много он пережил тяжелого в своей жизни. Сегодня у нас говорили, что лучшие люди царствования Александра II были приближенные Константина Николаевича: Толстой, Рейтерн, Головнин и др.

18 января.

Когда Марков ушел из министерства, государь сказал, что был только один честный инженер—Марков, и того сумели спустить.

20 января.

Кутайсов свою речь у Татищева кончил словами: „Голода у нас нет, а есть страшный беспорядок в правительственных распоряжениях“.

22 января.

Был у нас сегодня митрополит. Говорил, что при анатомии вел. кн. Константина Николаевича нашли, что весь его мозг превратился в кашу. Рассказал, как однажды новгородский архиерей, заболев, пригласил земского врача, который оказался женского пола. Она потребовала, чтобы он разделся догола. Архиерей так возмутился этим, что прогнал ее.

29 января.

Говорили мне, что графиня Толстая написала депешу, что известное письмо не написано ее мужем. Это письмо напечатано в „Московских Ведомостях“ из английской газеты. В письме написано, что в голоде виноваты помещики, чиновники, купцы и т. д., т.-е. все те, на кого работает мужик, который всегда живет впроголодь. Подкладка этого письма вполне социалистическая. Говорят, будто это письмо написано нигилистом Крапоткиным. Верно жена испугалась, что ее мужа могут выслать в Сибирь. Но об этом изгнании, если о нем думают, подумать нужно

серьезно, так как к Толстому, если он будет выслан очень далеко, пойдет масса народу, на него будут смотреть, как на мученика. За границей тоже поднимутся ужасные газетные толки. „Московские Ведомости" за то, что напечатали это письмо, получили выговор, хотя, печатая, они выразили по поводу письма свое порицание. Без „Московских Ведомостей" никто бы об этом письме ничего не знал.

31 января.

Долго сидел Плеве. Он говорил, что не любит людей, а любит человечество, а за последнее время ему приходится все разочаровываться в нем, что Сидоры и Карпы являются тоже дурными людьми,—делают пустяки, или ничего не делают. За письмо Толстого, напечатанное в „Моск. Вед.", предполагают Толстого выслать, но Плеве этому не сочувствует и предлагает другое, именно—посадить в сумасшедший дом.

4 февраля.

Батьянову говорили про беспорядки на Кавказе, особенно в суде, где к концу года оказалось 3 тысячи нерешенных дел, нерешенных потому, что мал был штат, а его не пополняли оттого, что служащие чиновники могли получать больше наградных денег.

6 февраля.

В казармах Конногвардейского полка найдено было по одним рассказам 6, а по другим—8 трупов. Между найденными один скелет с английским молитвенником в зажатой руке. Думали, что это труп молодой англичанки, которая безвестно пропала год тому назад. Кольцо этой девушки найдено было на рынке и, по сведениям, оказалось, что оно туда попало от солдата этого полка. Но полиция опровергает нахождение трупа с молитвенником. Говорят, что днем солдаты грабят прохожих по тому переулку, где манеж и казармы, вырывают кошельки и т. д., а дежурные офицеры отказываются привлекать их к ответственности. Возмутительные дела делаются.

10 февраля.

Батьянов говорил, что ошибку сделал царь, что, освободив болгар и дав им конституцию, не дал подобную тогда же России. Но к этому мы, по его слевам, придем и, если не будет это сделано царем, то будет сделано народом.

16 февраля.

Дурново послал жене Л. Толстого письмо такого содержания, что находит неудобным разрешить напечатать то заявление, о

котором она просит, так как это может вызвать полемику, нежелательную в настоящее время. Прежде, чем ей отвечать, он докладывал об этом царю. То письмо, о котором я писала, было сочинено, как проект, Феоктистовым, но не было одобрено. Вообще видно, что с Толстым очень церемонятся.

20 февраля.

Монтеверде говорил, что, когда еще государь не был наследником, его приближенные радовались, что не он будет царем—такой свирепый характер он проявлял. Затем все эти слухи умолкли, характер его смягчился, но теперь, видно, снова наступила реакция, которую Монтеверде приветствует, так как наше общество так сгнило за последнее время, что его нужно круто взять в руки. Говорил, что у нашего царя есть задатки, что он будет Иоанном Грозным и это слава богу. От себя скажу, что не дай бог, так как теперь не те времена. Вишняков говорил также, что глупее А. А. Татищева, которого так хвалит „Гражданин", не было губернатора, рассказывал, как его морочили в губернии. Раз он приказал по всем дорогам насадить березы. Когда он поехал по губернии, то, по мере его следования, по пути сажали березы. Он ехал и любовался. Но вдруг, неожиданно, он повернул свой маршрут. Оказалось, что по той же дороге не было ни одного деревца.

22 февраля.

Был И. Л. Марков, возмущен назначением Витте министром. Прямо говорит, что это—темная личность, в полном смысле аферист. Витте—взяточник. В день своего назначения он телеграфировал Ададурову: „Поздравьте, я назначен министром". Эта депеша много разъясняет по делу Козлово-Саратовской дороги, когда говорили, что Витте взял взятку, чтобы так защищать интересы Дервиза и Ададурова. Марков собирается издать записку по поводу Витте за границей, в Лейпциге, но не под своим именем.

23 февраля.

Коломнин возмущен назначением Витте министром. Витте был за какое-то мошенничество под судом, пользуется грязной репутацией. На место Изнара Витте уже назначил из своего бывшего департамента какого-то поляка Шабунского, взяточника: за данный ему обед можно было получить тариф для какой хочешь дороги.

25 февраля.

П. Н. Николаев тоже возмущается, что царь верит и слушается „Гражданина". На Александра II пресса не имела никакого влияния, а теперь царь выгоняет людей, которые не

нравятся „Гражданину". По поводу стачки между Дурново и Победоносцевым Е. В. того мнения, что царь не может забыть, что если он удержал самодержавие, не дал конституцию, он этим обязан Победоносцеву, им сочиненному манифесту. Победоносцев честнее этой шайки, но все-таки его гешефты с Плевако много ему повредили.

28 февраля.

Долго сидел Цион. Рассказал мне много грязных поступков Татищева. Ухаживая в Вене за женой Новикова (посланника), он выпросил у нее колье, которое продал. Раз после этого Новиков потребовал, чтобы жена надела свою парюру на придворный бал. Она ему отвечала, что она сломана, но он потребовал показать ему колье. Таким образом открылась истина, и Татищева удалили из посольства. Татищев целый год жил на средства актрисы Мейергоф, женился на ней, бросил ее и теперь она в нищете. Он украл также трактат, заключенный Обручевым с Андраши по одному важному вопросу, предлагал продать Циону, но просил дорого. Здесь он все крадет из архива министерства иностранных дел благодаря своей дружбе со Стюартом, который его допустил в архив, но что он крадет—не знает. Цион купил за 3 тысячи рублей много его автографов с подложными известиями в Париж из России о Флокэ и др. Этими письмами Цион застраховал себя от писаний против него Татищева. Теперь Татищев боится, чтобы Цион не обнародовал эти письма, прислал к нему своего приятеля Корвин-Круковского, выпросить их, но Цион прогнал Круковского и с Татищевым прекратил все сношения.

Вечером был Иванов. Он доволен приемом Витте, который ему сказал, что все его донесения он читал и нашел, что они написаны с тактом и ловко. Впечатление Иванова, что Витте этой именно ловкости и этого такта только и добивается, что это такой человек, что ему все средства годны для достижения цели, что именно Вендрих была эта цель, который устроил так, чтобы подготовить портфель Витте, т.-е. он там путал, а Витте и Вышнеградский топили Гюббенета.

1 марта.

Страшный день в истории России. Одиннадцать лет уже царствует теперь Александр III. Характера у него больше, чем было у отца. У теперешнего царя есть сильная черта, это—быстрое удаление людей, которыми он за что-либо недоволен. Он быстро выкидывает близких к нему людей, если узнает про их поступки, не внушающие уважения. Так было с Волконским, который был некогда его любимцем, так было с Барановым, который тоже одно время играл большую роль при дворе. Баранова он отдалил, но не совсем вышвырнул, как Волконского. Говорят, что за последнее время характер царя сделался грознее, чем был до сих пор.

3 марта.

Долго сидел Кутайсов. Обижен, что не он послан генерал-губернатором в Тобольскую и Пермскую губернии, а Гри-Гри Голицын, которого он очертил неважно. Назвал его интриганом, крикуном, который ловко умеет себя провести, оставаясь сам всегда в стороне. Ему хочется быть членом Государственного Совета, а так как это дело трудное, то через вел. кн. Михаила Николаевича он и придумал комбинацию временной посылки его генерал-губернатором. Сказал Кутайсов, что Голицын свернет Дурново и в июле будет министром внутренних дел,—так ловок. Игнатьева, по его словам, здесь не любят, и Черевин, и особенно Е. Г. Шереметев его не допустят,—здесь нельзя иметь такую шумиху, как А. И. Игнатьев, министром. Кутайсов говорил, что недавно был разговор насчет Плеве в одной гостиной (кажется, он назвал Левашеву), говорили, что Плеве министром не назначат, так как он такой человек, который мог ужиться с такими разнородными министрами, как Лорис, Игнатьев, Толстой и Дурново. В той же гостиной Голицын очень громко и горячо говорил о самодержавии, что надо всех держать в руках, наказывать розгами студентов, высоко держать знамя православия и проч. На это хозяйка ему заметила, отчего он так горячится, что все присутствующие разделяют некоторые его мнения, что будто он всех хочет убедить, что это его мнения, а не наоборот ли это. Кутайсов о людях никогда хорошо не говорит. Стал он также ругать Гурко, особенно m-me Гурко, которая занимается гешефтами,—с бывшим варшавским губернатором Медемом купила под чужими именами Домбровские копи. Когда Гурко приехал в край, он ни Медему, ни Бутурлину руки не подал, а теперь по просьбе Гурко, читай его жены, Медем назначен его помощником по гражданской части. Во время Коцебу уже Медем попался с благотворительным капиталом, который был у него на руках и который он отдал на 6% Блиоху. Оржевский, узнав это, в качестве жандармского начальника сообщил об этом Коцебу и требовал ревизии сумм. Медему протежировала тоже жена Коцебу. Она попросила мужа задержать на время ревизию. Коцебу задержал на месяц, а когда, наконец, Медем мог отдать деньги, проверка была назначена и оказалось все налицо. Про свои среды Мещерский говорит, что это—форум, а четверги Татищева—Сенат. Кутайсов говорит, что из этих вечеров никакой не выйдет пользы, так как у Татищева заняты устаревшим вопросом, окончательно погибшим,—поднять значение дворянства, вернуть ему его прежнее положение, вернуть ему его прежнюю состоятельность, что уж совсем невозможная мечта. Говорить о насущном вопросе, например, о кабаках, это—совсем другое дело, тут может быть и польза.

4 марта.

Была у Кульминской. Она рассказала про письмо Толстого, которое было напечатано в „Московских Ведомостях“. Было все

это так: Толстой написал статью о голоде и послал ее в журнал Грота. Там ее целиком цензура не пропустила, вернули Толстому, который стал ее переделывать. В этот журнал статья опоздала и Толстой отдал ее в „Неделю". Но первую статью, не переделанную, выпросил у Толстого англичанин Деон, чтобы ее перевести на английский язык и отправить в „Daily Telegraph". Толстой позволил, и Деон из одной статьи написал 6 статей, которые и были помещены в „Daily Telegraph". Из этих шести статей газета „Pall-Mall", выбрав самое пикантное, написала статью. Из всех этих статей, которые все далеко уклонились от подлинника, „Московские Ведомости" тоже выбрали самое пикантное и написали тоже статью. Когда заговорили об этой статье, Толстой не знал сначала, что считают, что эта статья написана им. Приехали к нему Стахович и Бирюков и рассказали ему про общественное возбуждение и что государь им недоволен. Тогда только Толстой сам прочел статью „Московских Ведомостей", читая, сильно хохотал, нашел, что и не его стиль, и что все искажено. Тогда он поручил жене написать опровержение, что статья не его. Опровержение это было доведено до сведения царя, который им удовольствовался, сказав, что пускай Толстой делает и пишет в России, что хочет, но это нехорошо, если он пишет и печатает подобные вещи за границей. Узнав, что корреспонденции Деона передавали не статьи Толстого, а его выдумки, газета ему отказала в сотрудничестве. Тогда Деон приехал к Толстому и умолял его написать ему удостоверение, что эти статьи были действительно его статьями. Толстой пожалел Деона и дал ему такое удостоверение. Получив его, Деон поехал в Петербург и стал там всем его показывать. Государь, узнав об этом, очень рассердился. Когда весть об этом дошла до Толстого, он продиктовал жене письмо в „Правительственный Вестник" с опровержением, что эти статьи не его. Но здесь это письмо запретили печатать. Тогда Толстой отправил это письмо за границу и везде оно было напечатано. Со слов Кульминской видно, что Толстому очень тяжело, что газетам приказано ничего о нем не говорить.

5 марта.

Говорили про банкротство Гинзбурга. Цион рассказывал, что Гинзбург давно открыто влюблен в m-me Стасюлевич, рожденную Утину, что более уродливую женщину трудно найти. Все говорят, что актив Гинзбурга равняется пассиву, долгу всего около 9 миллионов рублей, что все произошло из-за последнего внутреннего займа, который остался у него на руках. Он ездил на-днях просить Вышнеградского ссудить ему на время $1^1/_2$ миллиона рублей, но тот отказал. Курс наш упал по случаю этого краха. Монтеверде говорил, что в „Биржевых Ведомостях" напечатано, что в банкирском доме Гинзбурга состояли он, его брат, некто Гунке (кажется, так) и вкладовладелица, имя которой не

записано в книге. Городской говор, что эта неизвестная есть вел. кн. Мария Павловна, что будто скандал краха придуман с задней мыслью, что несостоятельности нет, но есть та мысль, чтобы устроить льготы евреям, и Гинзбург и Зак (который тоже в этой компании) уверены, что будут приняты меры потушить дело, они же без уступок для евреев не сдадутся. Умеет Петербург все придумать. Е. В. находит, что мера отдачи наград в руки особого комитета—нехорошая. Монополистом является Воронцов (председатель), а трое остальных—Плеве, Розенбах и Танеев против него не пойдут. Витте получил высочайшее согласие, чтобы все, даже избираемые члены правлений, назначались им, а также помощники начальников движения.

6 марта.

Вишняков высказывал такой взгляд, что разделяет мнени Мещерского насчет Суворина, что он—социалист, что его „Маленькие письма“ бестактны, что, отправляясь в поездку по России, он напечатал, что едет на места проверять нужду, но последующие его письма ничего не говорят об этой нужде, говорится там про „господ стариков“, про кабинет губернатора Куровского, а про дело голода ничего. Есть в нем панегирик женщинам, который справедлив, а остальное все—чушь, так как ему, как социалисту, нежелательно высказывать хорошее, а дурное не смеет. Мещерский теперь в моде, поэтому многие не смеют хвалить Суворина. Оказалось, что неизвестная вкладчица в банкирском доме Гинзбурга—не кто иной, как жена покойного брата Гинзбурга, а Монтеверде и Комаров из этого сделали целую историю, в которую замешали вел. кн. Марию Павловну. Это—очень опасные люди. Как томится Е. В., что наш добрый и честный царь так дурно окружен. Черевин—честный человек, но пьяница. Воронцов, судя по народному говору, и нечестный, и глупый, и заносчивый, и ленивый, и недоступный. Дурново тоже глуп, лакей перед выше его стоящими людьми, а с теми, которые ему подчинены, не церемонится, из-за угла делает им незаслуженные неприятности, чтобы угодить высшим. Ведет Дурново Россию к беспорядкам своими назначениями губернаторов, которые не выдерживают критики, держит дурных, если они находятся под протекцией Воронцова и тому подобных. Рихтер—немец в душе, и в угоду ему уже делаются в Остзейском крае, ради лакейства Дурново, поблажки немцам, назначают туда, в Митаву, такого ничтожного губернатора, как Свербеев. Шаховским за его крутой нрав недовольны. Вышнеградский—умен, но мошенник, жулик, взяточник, серьезные люди говорят, что он оставит русские финансы в ужасном положении, что все, что он делает,—фокусы, напоказ, без серьезной подкладки, сшито все живыми нитками, но он умеет показать временно все свои действия благими для России. Эта показная сторона и успокоила

царя и всех тех, которые ничего не понимают в финансовом деле. Филиппов, про которого даже митрополит говорит, что он „тертый“—большая дрянь, который меняет свои мнения, как перчатки—сегодня одного убеждения держится, а завтра другого. Святого у него ничего нет. Любит низкопоклонство, возражений не терпит, друг „Гражданина“, где топит Победоносцева, желая попасть на его место, чтобы там сделать свои дела с помощью раскольников, которым всегда тайно покровительствовал, не из убеждений (у него их нет), а из-за того, что они богаты. Витте—тоже сомнительная личность, уже одного достаточно, что он приятель Вышнеградского, вместе делали гешефты. Может это и продлит их дружбу, если они будут заинтересованы, чтобы дела не всплывали наружу, но все-таки думаю, что скоро оба перегрызутся, что Вышнеградский недоволен в душе, что Витте—министр. Про Витте много темного рассказывают, хотя все единодушно говорят, что он умен и железнодорожное дело знает. Победоносцев—иезуит, дружба его с Плевакой какая-то удивительная; был он одно время близок к царю, теперь как-то меньше, своими церковными делами мало занимается, больше чужими и часто невпопад, но все-таки он немножко лучше всех названных. Военные говорят, что Ванновский много сделал для нашей армии, но тут же прибавляют, что у нас еще все не готово. Как тут понять? Делянов устарел, но нечестным его нельзя назвать, разве за то, что сидит министром, когда неспособен им быть. Гирс по симпатиям немец, но царь сам ведет иностранную политику и за последнее время и Гирс относится сочувственно к Франции. Но как бы могло быть иначе в самодержавном государстве? Манасеина, когда назначили, говорили, что он—„красный“, но теперь о нем мало слышно. Министры, о которых за последнее время много говорят: внутренних дел, финансов, путей сообщения. Вот все люди, которые управляют теперь Россией. У одних нет царя в голове, у других он есть, но с сомнительными принципами, с такими, что свой карман ближе казенного и—aprés nous le déluge.

7 марта.

Утром был Даниил Поляков. Про Гинзбурга сказал, что вчера он выдал вкладов на 10 миллионов рублей, что он только прекратил платежи, несостоятельности нет, что у него на 8 миллионов больше имущества, чем долгов. Запутал он свои дела вследствие 3% займа. Назаревский рассказывал про посещение царем академической выставки. Царь останавливался перед некоторыми картинами и, смотря на них, хохотал. Вел. кн. Владимир тогда предупреждал его, что художник, нарисовавший картину, находится тут же, и тогда царь говорил, что картину покупает. Но, покидая выставку, он сказал, чтобы на купленных им картинах не отмечали, что он их купил. Одна из них—„Встреча французской эскадры“, а вторая что-то в этом же роде.

В заседании Исторического общества царь высказал мысль, что не желательно, чтобы печатали мемуары лиц, недавно умерших, которые описывают лиц, еще живых. Вел. кн. Владимир оспаривал доводы некоторых членов, что Екатерина II была повенчана с Потемкиным, указывая, что на это нет ни одного письменного доказательства. Те приводили такой факт, что в Москве, в церкви Большого Вознесенья, что на Никитской, находится корона, которая была на них возложена, что свидетельствуют старожилы. Говорил об этом в Историческом обществе именно Бартенев, который в „Русском Архиве" написал про эту свадьбу. Государь, во время заседания этого общества в Аничкином дворце, заметил громко, что число членов редеет, и предложил избрать вел. кн. Константина Константиновича, что и было сделано, причем Победоносцев высказал удивление, что эта мысль им не пришла раньше, и благодарил царя за нее.

9 марта.

Утром был Никольский. Он так охарактеризовал Витте, что больше двух лет ретиво делом не займется, скоро увлечется другим, что уже за последнее время тарифы ему надоели. Витте— игрок, любит биржевую спекуляцию, тянет своих, которых привез с собой, на свое место уже успел назначить своего, Максимова, остальных оставляет на произвол судьбы. Потом приходил А. А. Попов. Говорил, что англичане намеренно умаляют значение своего флота, чтобы другие державы меньше заботились увеличивать свои флоты и чтобы палата им легче ассигновывала побольше денег. Последнее и было недавно — они получили 220 миллионов на постройку 70 судов, и получили вследствие того, что заявили, что у них флот плохой, а Россия строит одновременно 12 судов (всего строилось одно—„12-ть апостолов"). Зашел Анастасьев. Говорил, что вчера вечером был у Дурново и там слышал, как Черткова, при m-me Дурново, спрашивала Петрова, кто будет министром внутренних дел вместо Дурново. Говорилось так, будто дело решенное, что он уходит. Назывались Корф, Игнатьев и Голицын кандидатами на это место.

12 марта.

Сегодня Самойлович говорил, что в прошлый вторник был у Даниловича. Кроме него было 5 генералов, один из которых рассказывал причину приезда Шувалова в Петербург. Было военное заседание в Берлине, присутствовал на нем Вильгельм. Был затронут один вопрос (какой именно—этого генерал не сказал). Один из бывших на этом заседании сказал: что скажет об этом Россия? На это Вильгельм стукнул кулаком по столу и воскликнул:—„Чорт с ней, с Россией, мне все равно, что она думает; я ее изотру в мелкие кусочки". На другой день эти слова были известны всему Берлину, дошли и до Шувалова, которого мно-

гие даже стали спрашивать, что он думает делать. Это и заставило Шувалова отправить депешу царю и просить позволения сюда приехать. На другой день он был у государя и передал ему слова Вильгельма. Государь, слушая его, задумался, но потом сказал, что на эти слова не следует обращать внимания, что раз Шувалов приехал в Петербург, то пусть делает вид, что приехал по своим семейным делам, и скорее возвращается в Берлин.

24 марта.

Был Стеблин-Каменский из Омска. Про посещение Омска цесаревичем: жене Стеблина в собрании он сказал, что японки — самые красивые женщины, что ожидает в Петербурге больших расспросов, поэтому думает, что самое лучшее, чтобы их избегнуть — описать свое путешествие на доске и повесить эту доску себе на шею.

27 марта.

Завтракали Цион и Самойлович. Говорили про Вышнеградского. Оба признают его умным дельцом, а не министром финансов. Говорили, что II том „Истории Екатерины II“ Бильбасова на-днях появится в Германии в немецком переводе. Здешний агент издательства купил этот экземпляр здесь за 200 рублей. Бильбасов хочет начать следствие, каким образом и кем был продан этот экземпляр, так как все издание конфисковано. Ему дана всего одна книга, которая у него и теперь, а теперь говорят, что 150 экземпляров украдено из склада, где хранятся.

8 апреля.

Завтракал Самойлович. Вот что он рассказал про Вышнеградского. Когда он вошел в кабинет царя, то не узнал его. Возле стола в кабинете царя стоят два кресла, напротив друг друга. В одном сидит царь, второе — для министра-докладчика, который входит, низко кланяется царю и проходит к другому креслу. Все это, войдя, проделал Вышнеградский, но поклонился пустому креслу, так как царь в эту минуту стоял у окна и удивленно на него смотрел. Вышнеградский начал читать доклад, но у него двоились строчки, он все извинялся и, наконец, совсем спутался и начал говорить по-английски. Царь прервал его, сказав, что желает отложить доклад, что у него сегодня семейный праздник. Дурново говорил у Селифонтова, что Вышнеградский смотрит безучастно, не видит входящих в комнату и находится все время в полусне. Этот рассказ слышал Салов. Витте кому-то сказал, что уже два года он замечал, что Вышнеградский ненормален, а что уже полгода, как он совсем сумасшедший.

11 апреля.

Был П. Н. Николаев. Говорили с ним про Вышнеградского. Он сказал, что Вышнеградский довел Россию до тяжелого поло-

жения, опозорил ее своими займами, так как все три не удались. Заем в 160 миллионов франков был разобран только в количестве 40 мил. фр. Скандалов в Париже было с ним не мало. За счет правительства его предлагали за 79 фр., а за свой счет банкиры продавали за 78 фр. Публика возмутилась, стала требовать назад деньги, и Вышнеградский перекупил снова у них, но по 98 фр. Вот срам! Второй заем, в 90 милл.,—разобрали только 27 мил., остальные остались. А последний внутренний заем 120 мил. не нашел покупателей, и Вышнеградский придумал следующую меру: чтобы деньги крестьян и других сословий, вносимые в сохранную кассу, не менять на процентные бумаги, как было обыкновенно, а подождать выпуска займа. Денег оказалось 40 мил. руб. и на них купили этот заем по 100 руб., а на другой день продавали его по 97 руб. Вот гешефт с деньгами бедняков!

24 апреля.

Говорил Марков, что вся Москва возмущена вел. кн. Сергеем Александровичем, который на все представления и т. д. стереотипно отвечает: „Очень рад, сердечно благодарю". То же самое он сказал, когда ему сказали, что умер главный военный доктор Добряков.

27 апреля.

Сегодня утром узнала грустную новость об опасной болезни Грессера. Болезнь у него непонятная; заболел он в ночь с 25 на 26-е от укола, вследствие которого явилось гнилостное воспаление обеих голеней. Лечат его 7 докторов. Явился оттуда Жиаконе с новостью, что это—последствия лечения Гачковского, его „виталина", который он вспрыскивал Грессеру в большом количестве. Гачковский здесь много лечил и всем помогал. Он не доктор, а инженер, который нашел это средство лечения в Китае. Жиаконе говорит, что он отравил Грессера, при котором в городе было спокойно и которого все боялись. Гачковский, который до сих пор бережно скрывал свой секрет, сегодня в „Новостях" напечатал письмо, в котором говорит, что его средство состоит из „боракс и глицерина", но ему теперь не поверят.

29 апреля.

Сегодня умер Грессер. Это большая утрата в смысле безопасности Петербурга. У Гачковского был судебный обыск (прокурор Чаплин, Вощинин и эксперты); взяты у него все его средства, запрещено лечить. Сегодня профессор Пель пишет в газетах, что когда вспрыскивание виталином делается умелым человеком, то это средство вреда не сделает. Грессер, говорят, заставлял себе делать по 14 вспрыскиваний в день.

30 апреля.

Монтеверде возмущен депешей Жаконе в иностранные газеты о том, что Грессер умер, отравленный виталином, хотя ему его еще впускали в последние минуты его жизни. Рассказывают много, но правда в том, что он сам себя заразил. Гачковский рассказывал Жаконе, что ему сделано было 30 вспрыскиваний, что два вспрыскивания он сам себе сделал в ноги. На одной ноге у него была рана, он запачкал кровью спринцовку и тут же сделал укол на второй ноге, чем и заразил кровь.

1 мая.

Про Витте говорят, что государю он очень нравится, но Данилович, говоря о нем, пожимает плечами и говорит:—„Теперь у нас спрос на нравственный ценз очень понизился". Приятелю Самойловича Писаревскому Витте сказал, что неужели он думает, что чины и ордена соблазнили его покинуть юг. Нет, не то, а то, что здесь можно нажить деньгу. Говоря про царя, Самойлович сказал, что смерть отца сделала из него поклонника самодержавия, что, когда отец был жив и когда он был цесаревичем, а политика отца его сделалась менее либеральной, тогда в Аничковом дворце, под диктовку цесаревича, Апраксина писала конституцию, а сам цесаревич был чуть ли не сотрудником „Голоса", который затем отдан был Толстому на съедение. Что он честен, но людей мало знает и увлекается фокусниками.

2 мая.

Сегодня вечером зашел Бобриков, который сказал, что Валь будет градоначальником. Когда я назвала Н. И. Петрова, что он мог бы быть хорошим градоначальником, Бобриков сказал:—„Никогда ни он, ни Гессе не могут быть назначены—оба плюгавые, а нужно видного градоначальника". Не знаю, будет ли хорошо назначение Валя. Это—суета, очень дерзок, нахален, заносчив, груб. Думаю, что здесь он скоро сломит себе шею.

3 мая.

M-me Плеве сказала, что муж ее читал протокол вскрытия докторами трупа Грессера и там ясно видно, что он был вполне здоров всем организмом, а умер от введенного в него Гачковским состава.

5 мая.

Рассказывал сегодня Суворин про Московский Благотворительный комитет, как он глупо рассылает пожертвования. В одну Тульскую губернию, где был на-днях Суворинский комитет, от-

правили 40 кружевных юбок, пожертвованных магазином „Мерилиз". Вызвали 40 баб, чтобы им раздать эти юбки, но пришло 300 баб. Получили только 40, поэтому началась драка, было даже много раненых. Все юбки были разодраны. Затем в деревню присылались альбертовские бисквиты, сахар, который ели мужики с блинами и т. п. Говорят, Гачковский вспрыскивал своим пациентам раствор шпанских мушек,—возбуждающее средство, очень вредное, которое вводится в кровь.

6 мая.

Томпаков рассказывал, что Грессер не был добродетельным мужем, все время проводил у актрисы Никитиной. Монтеверде назвал еще и другую особу, за которой он ухаживал. Потому-то он и употреблял лекарство Гачковского—„cantaride", которое было возбуждающим средством, чтобы быть молодым. M-me Грессер дали пенсию в 5 тысяч рублей и 50 тыс. рублей единовременно. Говорят, будто у Грессера всего оказалось 320 рублей в столе и больше никаких денег. Про Валя все говорят, что больше 6 месяцев он не удержится на посту градоначальника. Толмачев говорил про митрополита, что после болезни он очень изменился. Он думает, что у него водянка. Лизандер продолжа[illegible] у него бывать и безобразничать. При нем она бросилась [illegible]ной на пол и растянулась во весь рост.

13 мая.

Куломзин долго говорил с Е. В. Оба сожалели, что дано 10 мил. руб. беспутному Анненкову на общественные работы, что в Казанской губернии он вырубил столько леса, который за полцены продавал лесопродавцу, что это понизило цену на лес, заработок дало малый, а убыток большой; элеваторы воздвигаются в таких местах, где они совсем не нужны и т. п. Про Витте Куломзин сказал, что это такой самодур, что совестно признать, что у нас такой министр.

21 мая.

Смирнов уходит за темные дела в Синоде: по бракоразводным делам за него получает взятки Камчатов и делится с ним, Смирновым.

17 октября.

Сегодня был Назаревский. Говорили про московские порядки, что Власовский совсем под башмаком у Алексеева (городской голова), вместе кутят у Омона, часто оттуда уезжают пьяные. Однажды коляска Алексеева уехала, стояла одна коляска Власовского. С большим трудом кое-как они туда поместились (Алексеев страшно толст), оба пьяные, посадили себе на колени по

француженке и так и уехали. Полиция тут стояла, все видела и отдавала честь Власовскому. До такого безобразия, кажется, ни один полицеймейстер не доходил.

20 октября.

Про Исидора митрополит Леонтий сказал, что он подпал под влияние женщин: сперва Селезнева, потом Егорова, а теперь была жидовка Денкер, которая его обманывала, занималась гешефтами. Леонтий говорил об этом Исидору, но получал ответ: „Дай мне умереть“. Назаревский говорил про митрополита Леонтия, что он по вечерам выпивает, часто случается, что и с гостями, ему близкими, это делается, поэтому редко кто из посторонних бывает у него принят вечером. В таких случаях гостям всегда отвечают, что владыка в молельне.

1 ноября.

Куломзин сказал, что Кривошеин за свое место заплатил Дурново 100 тысяч рублей.

2 нобяря.

[illegible] всех петербургских разговоров выносишь тяжелое впеча[illegible] особенно это ярко заметно теперь. Все чувствуют, что [illegible]льно ведется дело, что назначения на высшие места не [illegible]живают критики. В Мещерском, в его „Гражданине“ видят силу, все знают, что за грязная личность этот князь, все волнуются, что нет человека открыть глаза царю, который принимает его и беседует с ним. Суворин, не зная на кого опереться, берет в советчики Победоносцева, врага Мещерского, утерявшего свой прежний престиж у царя ради дружбы с Плевако и гешефтов с ним в деле наследства Медынцевой. Она по завещанию оставила на богоугодные дела 400 тысяч рублей, которые прошли только через руки, скорее в руки, Победоносцева, и никто их не видал. Добрые люди об этом рассказали царю.

7 ноября.

Романченко сегодня много рассказывал про Ливадию, про жизнь там покойного государя. Однажды возвращался он, Романченко, в Ливадию домой. У дворца наследника он увидел карету и узнал в ней карету Юрьевской. Первой заботой его было не попасться навстречу государю, свидания которого с Юрьевской происходили в квартире Рылеева, рядом с квартирой Романченки. Он быстро пошел тропинкой. Вдруг навстречу ему собака государя, Милорд. Он оторопел. Первая мысль его была спрятаться, так как собака залаяла, но куда спрятаться? Он бросился в кусты, где ему пришлось просидеть минут 5. В это время царь с Юрьевской прошли мимо и царь сказал: — „Крепче опирайся на мою

руку". Свидания царя с Юрьевской происходили ежедневно по вечерам, когда садились во дворце играть в карты с пятым. Государь играл один робер, затем был всегда выходной. Тогда он отправлялся в квартиру Рылеева, где его встречал лакей Рылеева, Александр, а затем сидел с Юрьевской. Им подавали вино, фрукты, холодный ужин. Он ее провожал до кареты и возвращался, а тем временем его партнеры все играли без него. А. А. Кавелин рассказывал, что когда он был таврическим губернатором, царь часто посещал южный берег, и никогда в то время не было покушения. Тотлебен это поставил ему в вину, заподозрив его в сношениях с нигилистами, будто он нигилист и потому они его берегут.

9 ноября.

Долго сидел сегодня секретарь покойного митрополита Николаевский. Он говорил, что печально было смотреть на митрополита в последнее время. В последнее время была у него какая-то Декер, которая проводила у него вторник вечер. Остальное время с ним ежедневно переписывалась. Переписка шла через лакея Ивана. Декер—вдова, перешедшая в православие лютеранка, которая выпрашивала у митрополита деньги и всякое, даже нехорошее дело проводила у него с успехом.

10 декабря.

Рассказывал Анастасьев, как на георгиевском празднике, в ожидании выхода, стояли члены Гос. Совета, министры и т. д. Двинулся выход и, проходя мимо них, вел. кн. Алексей Александрович, смотря на них, выпалил:—„Вот вы, трусы, должны стоять на месте, а мы, храбрые, идем вперед" (у него Георгий 4-й степени, за что—неизвестно). Бестактно сказано.

23 декабря.

Верочка Мокринская рассказала подробности про вел. кн. Николая Николаевича, как его maîtresse Буренина подъехала к его матери Александре Петровне, дала ей денег, а за деньги та все сделает. Она написала письмо царю, в котором просит согласия царя на брак сына с Бурениной. Ввиду просьбы матери, царь согласился, сказав сыну, что только брак он будет игнорировать и что у нее не будет никакого положения. Свадьбу решили в Тамбовской деревне. Но перед отъездом Буренина потребовала, чтобы вел. кн. узнал, каково будет ее положение. Он поехал к Воронцову, тот доложил царю, который рассердился и запретил ему жениться. Приэтом царь сказал, что он в родстве со всеми европейскими дворами, а с гостиным двором еще не был.

24 декабря.

Коломнин говорил, что получают депеши из Парижа, что Моренгейм замешан в панамском деле, что получил деньги через

Флокэ. Цензура это зачеркивает. Вообще панамское дело сильно разгорается и заденет еще не мало лиц.

25 декабря.

У Е. В. сидел полицеймейстер Есипов. Хвалил Валя, про Грессера говорил, что был очень бездушный и что никогда не было такого взяточничества, как при нем. Он присутствовал при вскрытии тела Грессера, у которого была такая натура, что он мог бы прожить десятки лет, что другой с его болезнью не прожил бы и двух дней, а он пять прожил. По всему видно, что полиция довольна, что от Грессера избавилась. Говорили нам, что одного человека за резкие выражения в прошениях он посадил в сумасшедший дом. Вот что теперь открывается!

27 декабря.

Келлер говорил, что царя убедили, что m-me Витте—порядочная женщина. Он желает, чтобы царица ее приняла, но она не хочет и плачет; надеется, что Строганова ее избавит от этого визита.

1893 год

26 января.

К. Скальковский сказал про Витте, что он легко может сойти с ума, что у него мания величия, мнит о себе, что равен только царю, противоречий не допускает, в комиссии под его председательством он один говорит, а все молчат. Сказал, что Витте добьется своего, что его жену примут при дворе, что за свою жену ее бывшему мужу Лисаневичу он заплатил 20 тысяч, да развод стоил 6 тысяч рублей.

15 февраля.

Был сегодня Галкин. По случаю назначения Дурново (полиция) в Сенат, который туда попал, учинивши скандалы, Галкин сказал, что в городе его называют „прелюбодейный" сенатор. Галкин тоже говорил, что Черевин и другие дополнили сведения Шишкина насчет безобразий, которые производил Дурново в течение 5 лет: посылал своих любовниц агентами тайной полиции в Париж, давал 5 тысяч на путешествие, и, не бывши уверенным, что там они останутся ему верны, отправлял туда же следить за их поведением настоящих сыщиков. А тут думали, что все это делается с целью государственной охраны!

20 февраля.

Вчера Анастасьев произвел на нас неприятное впечатление своим рассказом, как он сек во время холерного бунта: 200 человек были наказаны розгами. Он с возмущением говорил, что 20 молодых солдат, которые были свидетелями этой экзекуции, упали в обморок, по его мнению, это доказательство, какое ничтожество наши солдаты. Батьянов же, который знает солдат, сказал потом, что такое повальное сечение, при котором каждому давалось 100 розог, доказывает, что даже и солдаты, которые не страдали слабыми нервами, и те не могли вынести этого возмутительного зрелища. Во время этой экзекуции один казак подошел к Анастасьеву, дернул его за полу сюртука и сказал: „Знай, что громада—великая сила". С приходом войска он приказал первого разложить этого казака и дать ему 100 розог, говоря: „Вот я тебе покажу, какая сила эта громада." Когда казак поднялся, он спросил: „Ну, понял теперь, что такое закон." Тот, почесываясь, отвечал: „Да, теперь понял закон". Все это Анастасьев рассказывал с видимым удовольствием. Я думаю, что не дай бог России такого министра, как Анастасьев.

21 февраля.

Обедал Коломнин. Он говорил, что цесаревич серьезно увлечен танцовщицей Кшесинской 2-й, которой 19 лет. Она не красивая, не грациозная, но миловидная, очень живая, вертлявая, зовут ее Матильдой. Цесаревич говорил этой „Мале“ (так ее зовут), что упросил царя два года не жениться. Она всем и каждому хвалится своими отношениями с ним.

2 марта.

Сейчас говорил Самойлович, что слышал, что царица очень нервна, когда одевается куда-нибудь ехать—булавками колет горничных, все сердится, так что царь должен за это всех отдаривать, чтобы выносили эти капризы. Сперва она очень верила Толстому, а затем все ее доверие было перенесено на Дурново. Царь видел, что он ничтожество, но ради семейного спокойствия его держал. Теперь же царица Дурново видеть не может. Это после того, что она узнала, что Дурново (полиция) был такой мерзавец и был удален не по докладу Дурново (министра), а по докладу Черевина. Из этого царица увидела, что на Дурново, на его охрану, надежд мало. Если это правда, то дни Дурново, как министра, сочтены, так как царь терпел его только ради царицы. Про сына вел. кн. Владимира Александровича—Андрея—говорили, что он умный мальчик, состоит „сплетником“ царицы, рассказывает ей городские сплетни.

23 марта.

Иванова говорила, что будто царица имеет огромное влияние на царя, что она решила, что кн. Хилков будет вместо Кривошеина, что это наверное будет, так как Хилков у нее пьет чай, проводит вечера, словом—принят интимно. Говорят, что Витте долго не просидеть, так как царица его терпеть не может и любезна бывает только с теми, кто бранит Витте и его жену.

3 апреля.

Говорил Валь про цесаревича, что за ним так следят, что он этого не замечает, но раз, выходя, он встретил полицейского, который случайно проходил по этой улице с бумагами. Цесаревич дал ему 25 руб. и сказал, чтобы он не говорил, что его видел. Тот об этом заявил в участке. Валь говорил Черевину про его похождения, тот сказал Воронцову, совещались вместе. Царю не решились все сказать, но поведали вел. кн. Алексею, который нанял возле своего дворца квартиру для двух Кшесинских (сестер) и теперь, когда цесаревич к ним ездит, для других—будто он едет к Алексею. Но царю и Алексей тоже ничего не сказал.

10 апреля.

Бобриков говорил про цесаревича, что шалит, пора его женить, что написал Кшесинской, когда говел, что скоро кончит говеть и тогда с ней „заживут генералами". Кшесинская очень заважничала с тех пор, как находится для les bonnes grâces.

15 апреля.

Говорят, что дети царя ужасно боятся отца. Когда у наследника временно взяли его кучера, он спросил Фредерикса, отдадут ли его ему. Фредерикс спросил, почему он не скажет об этом царю. Наследник отвечал, что не решается:—„Спросите вы". Так же было, когда уезжали в Ливадию. Фредерикс его спросил, каких лошадей ему туда отправить. Он отвечал, что не знает, едет ли он с царем, а спросить не смеет. Царица, говорят, не хочет женить сына, чтобы не было молодого царя. Цесаревича не выпускают из Ливадии, чтобы он не увлекался здесь балетом.

17 апреля.

Барятинский очень интересно рассказывал про путешествие цесаревича. В день покушения он отправил царю депешу в 700 слов, которая стоила 1500 руб. В путешествие они повезли 14 сундуков с подарками на 250 тысяч руб., но вскоре все было роздано и пришлось еще выписывать.

31 мая.

Мокринская рассказывала, что цесаревич ведет очень несерьезную жизнь, что про это говорят все в Петербурге. Говорила она также, что цесаревич не желает царствовать, не желает жениться, что любимец царя—третий сын Михаил, что Георгия царь тоже не любит, что у царя ужасный характер, что оба старшие брата дружно не живут, друг друга не любят.

14 сентября.

Датская королева хотела устроить свадьбу наследника на Алисе Гессенской, но цесаревич не захотел, так как она на целую голову выше наследника. В Копенгагене говорили про союз между цесаревичем и дочерью графа Парижского, которые ожидались туда, но Парижский приехал один с сыном, дочь не привез. Дом, выстроенный царем в парке Фриденсборга, напоминает новодеревенский трактир.

22 сентября.

Сегодня Валь говорил, что цесаревич тяготится жизнью в Дании, что королева датская хотела его женить на Гессенской, но он наотрез отказался, что было поводом к бурной сцене

между отцом и сыном. У царя заболела голова, пошла кровь носом и он три дня пролежал в постели. Валь слышал из верных источников, что цесаревич не хочет царствовать, отказывается, и будто царь уже наметил Михаила себе преемником, так как царица и он Георгием не довольны за его женскую связь. Цесаревич был влюблен в сестру Вильгельма Маргариту, но ему на ней не позволили жениться и выдали ее за греческого.

10 октября.

Рассказывал сегодня В. А. Иванов, как летом, во время приезда царя в Либаву, когда Кривошеин и строитель Либавского порта обедали на „Полярной Звезде" и после обеда все были приглашены на палубу, царь был со всеми любезен, кроме Кривошеина, которого спросил: „Вы опять купили имение?" Тот замялся. Тогда царь сказал: „Говорите же, когда я вас спрашиваю". Получивши ответ—„да", царь сказал: „Это стыдно" и отошел. И все-таки Кривошеин сидит.

27 октября.

Тобизен говорил, что когда царь решил послать эскадру во Францию, он приказал дать себе список контр-адмиралов, которые хорошо говорят по-французски и которые хуже. Список говорящих похуже царь снова вернул, чтобы написано было, кто говорит по-французски хуже всех. Оказалось—Авелан. Он и был послан, чтобы меньше там болтал.

9 ноября.

Вчера Комаров говорил, что инженер Буланжье, которому решено Кабинетом предоставить устройство жел. завода на землях Кабинета, прямо ему рассказывал, что Воронцов лично ему сказал, что он землю ему даст, но что ему придется давать взятки в министерствах путей сообщения и финансов. И это говорил министр двора! Буланжье весной сам рассказывал Е. В. свой разговор с Колышко, который ему сказал, что он должен ему дать une somme de... для передачи Мещерскому и Кривошеину. Понятно, что Колышко, если бы получил, оставил бы деньги себе. Совесть у теперешних лиц, у власти стоящих, очень эластична, и они входят с ней в соглашение.

21 ноября.

Н. И. Петров сказал, что анархистские проявления в Европе дают себя чувствовать здесь, но сильных вожаков здесь нет. Аресты и обыски ежедневные. В Твери на-днях арестовано 8 человек. Все больше действует пропаганда из Англии. Петров говорил, что есть угрозы царю, Гурко, Апухтину (варшавскому), но Дурново не трогают.

22 ноября.

Про помощника Бухарина—Головина—рассказал Вишняков, что Грейг, в бытность свою контролером, влюбился в его жену и дал ему место в 6 тысяч рублей, чтобы жену не знал и на службу не ходил... Когда Грейга сделали министром финансов, он сделал Головина правителем своей секретной канцелярии на тех же условиях. Бунге, который заместил Грейга и которого Грейг избрал, из благодарности продолжал держать Головина. Но когда Вышнеградский его заместил, он нашел излишним держать Головина и внес в комитет министров предложение дать пенсию Головину, сказав приэтом, что Бунге и он, в виду своих лет, в услугах, в каких нуждался Грейг, надобности не имеют, но он, чтобы воздать благодарность Головину за его поступок, предлагает ему назначить пенсию. Пенсия тут же, в виду исключительности случая, и была назначена.

23 ноября.

Рассказывал Бутовский, как безобразно ведется дело прокурорского надзора и судебное в губерниях Тобольской и Томской, где он производил ревизию. Например, земский заседатель Евреинов, на вопрос есть ли у него старые дела, дал характерный ответ: „Очень старых нет, лет по семи". При ревизии оказывались дела, начавшиеся 8, 10, 15 и 17 лет назад и остававшиеся без всякого движения. В Тобольской губ. оказалось 12 тысяч неоконченных дел, в Томской же губ. следственная часть немного лучше—всего только 4.900 дел. При ревизии попадались такие дела: „О лае собак на его превосходительство томского губернатора" и проч.

16 декабря.

Берг рассказал про Плевако, что он издавал одно время журнал „Жизнь", который отличался безграмотностью и бездарностью. Плевако у одного квази-литератора купил для своего журнала „Пиковую даму" Пушкина за 400 руб. и, не узнав в ней сочинение незабвенного Пушкина, переправил ее, сократил и напечатал в своем журнале с другой подписью.

29 декабря.

Верховский возмущен новыми лицами, которые орудуют теперь в министерстве путей сообщения, говорил, что Столпаков—темная личность, который сделал свою карьеру прислуживанием у Гинсбурга, попал через него в Нижегородско-Самарский банк, проделал там что-то дурное, попросили его удалиться, но он, также прислуживанием, попал на другое место и так всюду печальную по себе оставлял память. Про Бухарина и говорить

нечего: у него с совестью иной разговор, чем бывает у всех честных людей. Вчера долго беседовали насчет судьбы России, которая вверена теперь в очень сомнительные руки; во главе такой важной административной отрасли, как суд, поставлен человек бесспорно умный, правда, но известный карьерист, у которого черное часто является белым и наоборот, смотря куда ветер дует, где ему выгоднее. О его семейной жизни и говорить нечего. Безродная нам говорила, что его вторая жена бросила его оттого, что он ее сводил с Демидовым-Сан-Донато. Муж ей из-за этого сделался так противен, что она бежала к Демидову, с которым и оставалась до самой его смерти. Муравьев же в третий раз женился на своей первой жене, что по закону не дозволено, но он сумел обойти закон.

1894 год

2 января.

Долго сидел Суворин. Рассказал, что царь так выразился про своих министров:—„Когда Дурново мне докладывает, я все понимаю, а он ничего не понимает; когда Витте—я не понимаю, но зато он все понимает, а когда Кривошеин—ни он, ни я,—мы ничего не понимаем".

3 января.

Никольский рассказал, как Витте свалил Абазу. Уезжая в Туркестан, Вышнеградский, поручая Тернеру покупку золота и не доверяя его способности, написал, в какие дни эту покупку производить, но заранее посоветоваться насчет покупки с Абазой. Тернер буквально исполнил приказание. Узнав расчеты Вышнеградского, Абаза заранее телеграфировал в Одессу Рафаловичу купить ему золота, чтобы выиграть при перепродаже. Рафалович—друг Витте. Он показал ему эту депешу и объяснил, что таким путем, с его помощью, Абаза выиграл 700 тысяч. Это было главное обвинение Витте царю на Абазу, который вследствие этого должен был покинуть свой пост и уехать навсегда за границу.

4 января.

Вспоминали Филарета, когда он в молодости был в Петербурге, кажется, ректором Академии, он был тогда в большой моде благодаря своим проповедям. Царица Мария Федоровна пожелала услышать его проповедь в Зимнем дворце. Он сказал слово о суете мирской. Царица приняла это на свой счет, очень была недовольна и с тех пор Александр I ни разу не пригласил его служить во дворце, и он уже не стал пользоваться расположением двора.

6 января.

Сегодня Кази прислал стихи. Кажется, он автор их, но не признается:

1) „По Государственному Контролю. Дело, рассмотренное комитетом министров 21 декабря 1893 года.

„Перед сановников собором,
В обмане Тертием уличен,
Рек Чихачев с поникшим взором:
„Я в заблужденье был введен, —
Увы! — своими же чинами,
И потому лишь без работ

Балтийский оставлял завод,
В чем каюсь искренно пред вами.
Но бог меня сейчас срази,
Пошли на голову проклятье.
Нет в слухах доли вероятья,
Что этим сжить хотел Кази.
Клянусь, досель я озабочен,
Что бросил флот он сгоряча,
Зане могу сказать, что очень
Ценю Михайла Ильича".
Сказал и сел он в кресло снова,
И благость мудрого творца
Не поразила вдруг лжеца,
В живых оставив Чихачева,
Чтоб он долгался до конца.
Из сей новеллы мы едва ли
Не извлечем такой морали,
Что может министерский пост
Занять отчаянный прохвост.

2) „По морскому министерству".

Пусть гибель страшная „Русалки"
Для флота русского позор,
Пусть броненосцев наших свалки
Средь бела дня ласкают взор,
Пусть ценза мудрого секреты
Плодят бездарных моряков,
Пусть гибнут старые заветы
Покойных славных стариков,
Пусть ядом заражен тлетворным,
Лишь зову выгоды внемля,
Моряк стал жалким и покорным
Рабом презренного рубля, —
Винить не стану Чихачева,
Ему ведь — доблесть, честь и дух —
Совсем неведомых три слова,
Он равнодушен к ним и глух.
Так мудрено ль, что рыцарь злата,
Торгаш, маклак не ждет невзгод,
И за спиной царева брата
Спокойно губит русский флот?

3) „По министерству путей сообщения:

Был офицер, крупье был он затем,
Услужливый Артюр, старух любимец,
Подрядчик, голова, делец и всем,
Чем может быть в России проходимец.
Министром только не был он,
Но, словно миру в поученье,
Кого приблизить может трон, —
Министром стал путей сообщенья
Вдруг Кривошеин, Аполлон.

7 января.

Обедали у нас Куровский и Суворин. Куровский сказал, что вчера на выходе Витте пристал к Дурново, чтобы он дал предостережение „Новому Времени" за статьи насчет „выколачи-

вания" податей. Суворин согласился с Куровским, что в этом вопросе „Гражданин" прав в своих нападках на „Новое Время", которое начало этот вопрос по случаю статьи о нем в „Биржевых Ведомостях", органе, как всем известно, получающем подобные сведения от самого Витте, так что юридически „Новое Время" не виновато.

16 января.

Анастасьев про Муравьева сказал, что его очень любит в. к. Сергей Александрович и что он и указал на Муравьева царю.

27 января.

Подробности скандала в Нижнем Тагиле. Знаем мы их от исправника и земского начальника Сангайло, прибывших на-днях из Перми, где видели Погодина. Население заводское отказалось от всяких платежей и затеяло волнение—побило двух жандармов, полицию и даже земский начальник был оскорблен действием. Губернатор прибыл туда немедленно, также 4 роты солдат, и была задана такая порка, какой не видала губерния. Более 100 человек отправлено в Екатеринбург под караулом, 63 выпорото,—некоторым давали по 80 розог.

20 марта.

Сегодня Волконский рассказывал про Достоевского, что с ним познакомился в Сибири, когда он был закован в кандалы и работал в качестве арестанта—выгребали нечистоты. Достоевский говорил Волконскому, что во время этой тяжелой своей жизни он мирился со всеми лишениями — физический труд, стол он переносил, но чего не мог переносить, что его угнетало, это—цепи. Особенно ночью было ужасно лежать на наре, скованным, между двумя убийцами.

В. кн. Сергей Александрович едет в Дармштадт к Алисе, сватать ее цесаревичу.

27 марта.

Назаревский рассказал про следующую резолюцию, положенную царем на „Царское Обозрение" 24 марта по случаю предполагаемого газетой празднования 750-летия Москвы. Царь написал:—„Никаких юбилеев 750-летия нет и нельзя допустить, чтобы празднования подобных всероссийских юбилеев были решаемы газетами и крикунами". На том же обозрении Дурново пишет: „Государь изволил мне сегодня лично выразить о необходимости сделать распоряжение, чтобы о юбилее 750-летия существования Москвы ничего больше не писалось и чтобы печать не позволяла себе впредь подобных выходок".

31 марта.

В субботу уезжают в Кобург на свадьбу дочери Эдинбургской— цесаревич, Владимир и Сергей с женами и Павел. Надеются, что цесаревич там посватает Алису Гессенскую. Тогда его теперешнюю страсть, Кшесинскую, надо будет удалить из Петербурга, иначе выйдет плохо.

8 апреля.

Говорят, цесаревич уехал сумрачный за границу: не хочется ему жениться. Тут на-двое говорят про его брак с Алисой. Боятся, что так как у Елизаветы Федоровны нет детей, то и Алиса может быть бездетна. Но жена Генриха, брата Вильгельма, тоже их сестра, а у нее есть дети, поэтому надежда, что и тут дети могут быть. Толмачев говорил, что царь не хотел пустить жену Сергея Александровича и его самого в Кобург на свадьбу, что была переписка по этому поводу, и, наконец, царь дал свое согласие. Причина этому—увлечение цесаревича Елизаветой Федоровной. Если это так, то, значит, царь не знает про проказы своего сына с Кшесинской, которые всему городу известны.

13 апреля.

Вспоминали про Алису, когда она была здесь во время свадьбы своей сестры Елизаветы Федоровны. Тогда говорили, что это—невеста для цесаревича, а сестру ее, Ирену, которая замужем за Генрихом Прусским, предназначали в. кн. Михаилу Михаиловичу. Но оба великие князя сторонились от обеих сестер, не хотели и смотреть на них, не танцовали с ними. Алиса тогда была очень мила, с большими распущенными волосами. Мило очень себя держала. Про Кшесинскую говорят, что ее выслали из Петербурга, дав ей значительную сумму денег.

18 апреля.

Валь говорил, что была большая сцена между царем и цесаревичем перед отъездом за границу. Сын не хотел ехать. Теперь телеграфировал, что исполняет волю царя—женится. Цесаревич сделал предложение так: спросил Алису: „Нравится ли вам Россия? Если хотите составить ее счастье,—я предлагаю вам мою руку". Про невесту говорят, что она менее красива, чем Елизавета Федоровна, жена Сергея Александровича, но больше твердости характера и воли. Про цесаревича Плеве сказал, что он очень упрям, воздействия и советов не терпит. Даже в мелочах, когда какая-то форма бумаги требует подписи „согласен", он „согласен" не напишет, а напишет—„разрешаю", и наоборот. Плеве не одобрил мысли Валя удалить Кшесинскую, находит, что это раздражит цесаревича, который, по мнению Плеве, не

так уж ею увлечен, но следует удалить ее через год после свадьбы. Валь же против такой комбинации. Он находит, что следует дать ей денег и, в виду весны, когда все уезжают, заставить ее уехать. За ней последуют Ратьков-Рожнов и Шубин-Поздеев, и ее утешит замужество с одним из них. Все думают, что, вернувшись в Петербург в субботу, цесаревич уже в воскресенье будет у Кшесинской, которая теперь разыгрывает роль больной, несчастной, никого не принимает, что опять его втянут туда, что он уже связан разными непотребными знакомствами. Она его называет „Коко", в семье он — „Nica". Алексей Александрович жалеет его, что его оторвали, и первый ему поможет. У Черевина и Воронцова царь ни разу про нее не спросил, они же не смеют первые с ним заговорить. Теперь всякому страшно итти против нее, так как силы не равны—все быстро вспомянется. Цесаревич всегда может при всяком случае высказать отцу против смельчака.

21 апреля.

Теперь, чтобы газеты напечатали хвалебный гимн новой конверсии, который и был напечатан в восьми газетах, всем им дали объявления про эти конверсии, с платой по тысяче за объявление. Объявления будут печататься по 3 раза, итого—каждой газете по 3 тысячи рублей взятка. Это дело самого Витте. Рассказал про это Берг (благонамеренный).

23 апреля.

Рассказывал Валь про типографию, которую они открыли в Толмазовом переулке и где взято 31 человек, в том числе 7 студентов. Собирались выпустить какой-то революционный листок. Квартира была взята на имя женщины, которая там была хозяйкой. Предосторожности были приняты большие: дверь закрывалась большой толстой цепью, все время топился камин, чтобы в случае тревоги бросить в него бумаги. Зная все это, Валь прискакал туда с пожарными. В этой квартире всполошились, все повыскакали и, таким образом, попали в ловушку. Поняв в чем дело, они стали бросать листки в камин, но обгорелые бумаги успели вытащить. Суворин слышал, что в Лештуковом переулке нашли склад глицерину и опилок для составления взрывчатого вещества. Вообще чувствуется брожение в воздухе. Суворин возмущен, что Витте для своей популярности подкупает все газеты, раздавая им субсидии.

1 мая.

М. Н. Мосолов рассказывал, что Козлянинова, которая была в Кобурге при сватовстве цесаревича, рассказывала, что Алиса ловко вела себя с женихом,—была холодна, сдержанна. Теперь он просится у царя пустить его к невесте. Про Дармштадт

Козлянинова говорила, что там они очень бедны, что было затруднение ехать в Кобург на свадьбу. Алиса нуждалась в 6 тысячах марок для платьев, чтобы появиться на празднествах, и с трудом эти деньги достали. Шамшина говорила, что будто открыли подкоп от Александринского театра к Аничкову дворцу, а также найдены бомбы и динамит в Саперном переулке. M-me Moulin (отец ее—жандарм Шмаков) видела у своего отца во дворе массу карет с арестованными, все окна закрыты голубыми шторками. Говорит, что больше 100 человек арестовано.

7 июня.

Левин вчера рассказывал про Грессера, как было при нем развито взяточничество, что все околоточные надзирателя ежемесячно платили ему известную сумму денег. Когда Грессер умер, то было приказано полиции во всех частях от всех городовых собрать известную сумму денег на венки. От полиции было две телеги венков, собранных по принуждению, а так как публике это было неизвестно, а она видела массу венков, то и явилось общее убеждение, что Грессера сильно любили и крепко жалели. Вот какие дела делались.

3 июля.

Асламбеков говорил, что Кази был приглашен к преображенцам ужинать с цесаревичем. Там он говорил про Сибирскую дорогу, про Либавский порт. На последнее цесаревич сказал, что как царя этим портом обманули, какую пришлось ему разыграть глупую комедию. Когда царь хотел, возвращаясь из Дании в прошлом году, искать в бурю убежища в Балтийском порту, командир „Полярной Звезды“ Шаховской сказал ему, что туда опасно заходить, так как „Полярная Звезда“ глубоко сидит. На это царь сказал, что „Николай I“ сидит глубже, а там стоял. Шаховский отвечал, что его насилу оттуда вывели. „Хорош же порт мы выстроили,—сказал царь,—ни выйти, ни войти нельзя“.

19 июля.

Говорят, что Алиса находится под влиянием пастора, что Янышев, посланный наставлять ее в православной вере, произвел на нее мало впечатления, что она не поддается его убеждениям. Янышев—ученый холодный богослов, влиять на душу он не может. Про нее говорят, что она холодная, сдержанная.

7 сентября.

Живем в Ялте. Сегодня рассказывали, что неутешительны известия о здоровьи царя. В Беловеже, на охоте, он простудился, Началась сильная лихорадка. Ему предписали теплую ванну, в 28 градусов. Сидя в ней, он охладил ее до 20 градусов,

открыв кран с холодной водой. Пошла в ванне у него горлом кровь, сделался с ним там же обморок, лихорадка увеличилась. Царица дежурила до 3-х часов ночи у его постели.

19 сентября.

Приглашен к царю из Берлина профессор Лейден. Гирш, который всегда сопутствовал царю, уехал в отпуск. Про Гирша нам говорили, что уже давно известно, что он ничего не понимает. Лейден—специалист по болезни почек и указали на него принц Альтенбургский и генерал Вердер. У царя, оказывается, нефрит, болезнь почек.

22 сентября.

Царь ежедневно видимо угасает и развязка неминуема. Цесаревич едет в Петербург, где будет образована верховная комиссия под его председательством на время отсутствия царя, а Георгий отправляется в Абас-Туман. Был камердинер государя Мих. Ив. Гемпель. Про царя сказал, что у него опухли ноги, одышка, кашель, когда немножко пройдется—сейчас устанет. Лечиться он не любит, доктору Захарьину верит. Лейден с Захарьиным разошлись во мнениях насчет болезни царя. Царь ни на что не жалуется, но видимо тает: такой был полный, здоровый, а теперь совсем худенький.

26 сентября.

Е. В. написал несколько слов Победоносцеву, чтобы призвать его действовать, что нельзя оставить царя на руках невыдержавшего экзамена врача Попова, ассистента алчного Захарьина.

30 сентября.

Евреинов сказал, что царь не бледен, не желт, а у него земляной цвет лица. Говорят, что он ежеминутно засыпает, что без фуражки он страшен своей худобой — виски провалились, щеки так осунулись, что одни уши торчат. Теперь здесь оставили царя на 10 дней без серьезного врача.

2 сентября.

Сегодня сказал Копыткин, что проф. Лейден нашел, что царь уже года два страдает болезнью почек, которая обострилась во время инфлуэнцы, что болезнь теперь развивается быстрыми шагами. Стоило большого труда, чтобы царь в первый раз принял Лейдена, он все прятался. Так как в Спале видно, кто входит и выходит из дворца, Лейден приходил к царице по вечерам. Теперь царь пал духом, все уверены, что он всякого доктора примет.

3 октября.

Был Никита Всеволожский. Теперь он работает, чтобы Алису привезти сюда и здесь перевенчать. Работают также, чтобы царь не ехал в Корфу. Спасти его все равно нельзя, а везти тело из-за границы — сколько возни! С приезда в Ливадию царь не подписал ни одной бумаги.

4 октября.

Сегодня после консилиума Копыткин сказал Е. В., что надежды нет никакой, что врачи признали болезнь царя смертельной, что теперь только вопрос времени, сколько протянет. Грубе не был допущен Захарьиным на консилиум, были только Лейден, Захарьин, Гирш и Вельяминов. Бобриков говорил, что вчера Победоносцев видел царя, что ему поручено редактировать о передаче царем своей власти временно регентству, под регентством цесаревича.

12 октября.

Грубе возмущен Захарьиным, который отравляет царя приемами digitalis, который ему прописал по телеграфу.

1? октября.

Зеленой рассказывал, что Бенкендорф, проездом здесь, рассказывал Гагарину (о-во Дунайского пароходства), что царя отравили. И это распускает приближенный царя! Окружают царя Воронцов и Черевин, которые друг другу не кланяются и один про другого распускают небылицы.

23 октября.

Захарьин уже в январе, когда вылечил царя от инфлуэнцы, приехав в Москву, всем говорил, что его не смутила инфлуэнца, которой он не придал значения, но что у царя болезнь почек, которая может скверно кончиться. Когда он про это сказал царице, она на него рассердилась и запретила ему про это писать и говорить. Когда Захарьин был в Петербурге, он задохнулся от дурного воздуха, войдя в спальню царя, в которой были 4 собаки. Эти собаки грязнили всю комнату, а царица не хотела их оттуда увести.

Принцесса Алиса уже приняла православие и получила имя Александры Федоровны. Все это дела Победоносцева.

28 октября.

Георгиевский говорил, что оттого остаются всего один день в Москве, что тело царя уже начало разлагаться, что бальзамирование сделано поздно.

30 октября.

Самойлович говорил со слов Даниловича, что царь очень „письменный“, все ответные депеши сам пишет.

31 октября.

Общее мнение здесь, что первые шаги юного царя тактичны, безукоризненны. Он поступил разумно и с депешей, присланной ему Фердинандом Кобургским, в ответной написал только: „Prince Ferdinand“. Австрийские газеты перевели это: „Князю Фердинанду“ и начали расписывать, что он признан русским царем за князя Болгарского. При восшествии царя на престол Финляндия поспешила, чтобы он признал ее конституцию, — послала в Ливадию Дена, дабы получить клятву царя, что она нарушена не будет. Но царь нашел приезд Дена несвоевременным и сказал, что призовет его, когда найдет это для себя удобным. Только вчера Финляндия получила ею желаемое.

1 ноября.

Сегодня с утра мы поехали к Валю посмотреть на похоронную процессию. Процессия шла с большими промежутками. Процессия гербов и знамен по губерниям явилась как-бы неоконченной; лошадей, покрытых черными попонами, вели люди разных ведомств и состояний, лошади шли неспокойно и стройной гармонии не представляли. Вся улица пустая и только два лица занимали ее в продолжение довольно долгого времени. Министры шли понуря головы, сенаторы врассыпную, члены Гос. Совета, с Плеве впереди, шли по два в ряд. Все шли в шубах или пальто. За колесницей шел молодой царь. У него был худой вид. Скорее его можно было принять за молодого офицера, чем за русского царя. Затем шли великие князья и свита врассыпную.

2 ноября.

Царь очень дурно набальзамирован, лицо совсем синее, покрыто слоем пудры, так что его совсем нельзя узнать. Руки у него страшно исхудали, пальцы тонки до невероятия. Дежурству трудно стоять, так как есть трупный запах, несмотря на дизенфекцию и духи в изобилии.

5 ноября.

M-me Валь и m-me Плеве говорили, что царь в гробу похож на маленького человека, он делается с каждым днем все меньше и меньше, сжимается, руки страшно малы. Впечатление он производит тяжелое. Тело уже давно разлагается.

11 ноября.

Вчера Романченко говорил, что перед отъездом из Ялты он был у Захарьина, который ему сказал передать Дурново, что он

молит бога не заболеть, что тогда скажут, что он не хотел лечить царя, что он находится в ужасном положении, что ему не позволяют писать то, что он признает необходимым, про здоровье царя, который очень плох, что даже если и продолжится то маленькое улучшение, которое он чувствует, то это будет только луч надежды, но что надеяться вполне нельзя. У Захарьина, оказывается, была бурная сцена с Воронцовым в Спале, где Захарьин уже тогда признал положение царя безнадежным, а Воронцов не позволил ему об этом говорить.

12 ноября.

Был Егерштром. Говорил он, что был профессором военного дела у покойного цесаревича Николая Александровича, затем, по желанию цесаревича, учил его братьев — Александра III и Владимира, которые были очень ленивы, плохо учились, получали постоянно единицы. Цесаревича в семье звали Никс, Александра III—бульдожка, а Владимира—толстяк.

13 ноября.

Витте не в своей тарелке. Он держал редакцию тех льгот, которые будут даны в день свадьбы, но царь первые параграфы его писания перечеркнул и велел передать это в комитет министров. Росчерк так длинен, что комитет министров не знает, все ли считать перечеркнутым, или карандаш виноват, что перечеркнуто лишнее.

17 ноября.

Кутепов говорил, что он достоверно знает, что первый манифест о воцарении написан кн. Вяземским. Барятинский подтвердил, что манифесты все писались Вяземским.

26 ноября.

Говорила насчет покойного царя с Батьяновым. Царя того не жалеет, говорит, что он держал все под гнетом, что хорошо, что рано умер и во-время. Противоречий не терпел, сам смыслил немного, людей умных возле него не было. Еще так мало времени прошло, а уже холоднее говорят про Александра III. Он оставил по себе неглубокий след. Жалеют о нем только те, кто страшится потерять у молодого царя свои министерские портфели. Новую царицу тоже не хвалят, находят, что у нее злое выражение лица и что смотрит она исподлобья.

28 ноября.

Обедал Плеве. Говорил, что он ожидал, что Суворин более интересный собеседник, а оказалось, что он больше берет от других, чем сам дает своего. Правда, Суворин перед великими мира

сего конфузится, особенно при первом знакомстве. Да и Плеве тоже больше берет от других, т.-е. вернее — он мало высказывается. Он очень осторожный. Его мнение трудно узнать, так как он его не высказывает. Он умеет очень искусно увернуться от прямого ответа, но все это делается так, что его собеседник ничуть не оскорблен его осторожностью. Вы с Плеве не ищете сюжетов для разговора,—они являются сами собой. Это умный человек в полном смысле слове. Педантизма в нем нет и следа.

2 декабря.

Батьянов был у трех царей: Александра II он находил хитрым, Александра III — тяжелым, подавляющим, ему всегда казалось, что вот сейчас он ударит.

16 декабря.

Сегодня узнали, что Кривошеин получил отставку с лишением даже придворного звания и права носить мундир. Кривошеин уволен за то, что, будучи министром, занимался гешефтами. В его министерском кабинете, при нем, им самим, заключалась сделка на шпалы Рыбинско-Бологовской дороги, которые были даны Струкову, его зятю, директором дороги Коковцовым за дорогую цену. За это Коковцов получил повышение.

17 декабря.

У Кривошеина была цель—утилизировать свои лесные дачи, которые он отдал одному подрядчику в аренду, чтобы он оттуда поставлял дрова на железные дороги, и, как оказалось, по очень высокой цене. Мина эта была против него подведена Тертием Филипповым, а из-за угла энергично действовал Витте. Филиппову донес о проделках Кривошеина чиновник Надеин из управления казенных дорог, донес фактами, на которых Тертий построил свое обвинение у царя в среду.

21 декабря.

Зайцевская, которая постоянно сопутствует о. Иоанну, говорила, что, когда Кривошеин был назначен министром, о. Иоанн у него молился. Кривошеин ему высказывал, что чувствует себя неспособным к этому делу и очень плакал. О. Иоанн в молитве все повторял: —„Умудри, господи, раба твоего Аполлона“.

1895 год

18 января.

Одного из тверитян, Родичева, сурово наказали — лишили права навсегда служить по выборам. Родичев узнал из министерства внутренних дел, что Дурново докладывал царю, что у него были отношения с Засулич и Перовской. Ему дали выписку из доклада Дурново. Но он клянется, что этого никогда не было.

Вечером у Е. В. был Радциг, камердинер царя, который ездил им и в кругосветное путешествие. Говорил, что Кшесинская ала царю на него анонимные письма, что он их хотел ему отдать, но так как Радциг отказался их читать, велел их сжечь. Кшесинская и в Англию невесте царя писала про него письма, тоже анонимные, что он больной, чтобы за него не выходила замуж. Она даже плакала. Но затем все выяснилось и тогда царь сказал Радцигу, что теперь верит ему, что она дрянная женщина, так как Радциг всегда просил его, чтобы он ее бросил.

20 января.

Слова царя „бессмысленные мечтания“ в иностранные газеты перевели „rêveries insensées“. В Петербурге эти слова всеми комментируются, очень много недовольных. Все разочарованные уезжают домой. Очень немногие восхваляют речь царя, но сожалеют и те, что он это сказал. Теперь все, кто слышал слова царя, говорят, что видно в нем деспота. Говорят, что слово „бессмысленные“ было прибавлено царем по совету в. кн. Сергея Александровича. Это на него похоже.

27 января.

Зеленой вспоминал, как было в Ницце, когда там умирал цесаревич Николай. В villa Palion, где лежал цесаревич, помещалась и его свита, которая весь день только пила. При Зеленом камердинер цесаревича Костин после консилиума врачей принес рецепт, чтобы послать в аптеку. Начался между лакеями спор, кому итти за лекарством.

3 февраля.

Назаревский говорил, за что запретили розничную продажу „Театральных Известий“ в Москве. Описывая театр Солодовникова, эта газета говорит, что он выстроен не очень хорошо, в нем

слышится скрип. Прочел это Власовский, пожаловался генерал-губернатору, так как комиссия под председательством брандтмайора и архитекторов осматривала этот театр, и пришла грозная бумага от в. к. Сергея Александровича, что „Театральные Известия“ позорят московских властей и должна быть на них наложена кара. Подписано: „Сергий“. Цензору, кн. Шаховскому, сделан отсюда по этому поводу строгий выговор.

9 февраля.

Делянов знает, что московский попечитель Капнист продает места. Ему приносят чистый лист с загнутым углом, на котором выставлена цифра, которую предлагают за место. Если он ею удовлетворен, он отгибает угол и говорит, чтобы подали прошение, если же нет, то в просьбе отказывает.

14 февраля.

В Москве профессор Безобразов перед большой аудиторией читал лекцию, которую кончил словами: „Какие теперь у нас люди, кому везет?—Это холопы и подлецы!“ При громких аплодисментах Исторического Музеума, где читалась эта лекция, Безобразов ушел с кафедры. В. кн. Сергей донес об этом в Петербург, и теперь Безобразов выслан из Москвы.

19 февраля.

Комаров влетел оскорбленный, что его дворники были вызваны в полицию и с них снимался допрос, правда ли, что они говорили, что полиция им приказала бить студентов.

26 февраля.

Moulin высказывал, что удивлен, что по случаю смерти в. кн. Алексея Михайловича, который умер в Сан-Ремо 18-го сего месяца, on fait tout de frais. Удивляется он, что всех подняли на ноги из-за сына генерала Петерса. Этому вел. князю было 19 лет. Про него рассказывают, что он любил только своего брата Николая Михайловича, отца же и других братьев не признавал, считал их дураками, в душе был атеист.

3 марта.

Молодая царица, которая хорошо рисует, нарисовала картинку: мальчик на троне (ее муж) руками и ногами капризничает во все стороны, возле него стоит царица-мать и делает ему замечание, чтобы не капризничал. Говорят, царь очень рассердился на эту каррикатуру.

Масса появилось стихов на последние события, на счет речи царя. Между ними стихи, которые прислал сегодня Валь:

Государь, говорит,
Земство тварь!—говорит,
Dernier cri—говорит,
Из Твери—говорит,
Son adresse—говорит,
Maladresse—говорит,
Ministère—говорит,
Doit faire taire—говорит,
Ces chenapans—говорит,
Autrement—говорит,
Intérieur—говорит,
Dernière heure—говорит,
Дурново—говорит,
Tête de veau—говорит.

4 марта.

Прислали нам стихи на злобу дня.

Тверская конституция.

(Благонамеренное рассуждение).

Всех сословий корпорации,
Даже город Повенец,
Посылали депутации
С поздравленьем во дворец.

Были тут и подношения:
Хлеб да соль, блюда, лари,
И достойный удивления
Адрес земства из Твери.

Не боясь суровой критики,
Презирая Дурново,
Наши земские политики
Дописались до того,

Что законам эволюции,
Да и Своду вопреки,
Захотели конституции
Либералы-чудаки!

Франко-русские симпатии
Разнесли по волостям,
Вид новейшей психопатии—
Равнодушие к властям.

Губернаторов, исправников
Стал крестьянин презирать.
„Нам не надо—мол—наставников
„Будем сами управлять!

„Вот во Франции республика,
„И живется всем вольней,
„А у нас простая публика
„Даже пикнуть ты не смей".

И пошло умов брожение.
А к тому же, говорят,
Вышло недоразумение
Из-за слова „депутат".

„Депутат“, как все вы знаете
(C'est un fait incontesté),
Значит—справьтесь, где желаете—
По-французски: „député“.

Député же в департаменте
Избирает весь народ,
Заседает он в парламенте
И законы издает.

Принцип полной автономии
Там господствует во всем,
Запалить по физиономии
Депутату ни по чем.

„Положение завидное“—
Скажет всякий патриот,—
„Содержание солидное,
„И доходы, и почет!

„И кому же не желательно
„Быть народным вожаком
„И ругать самостоятельно
„Дядю Ваню дураком?

„Мы ведь тоже называемся
„Депутатами, так вот—
„Мы теперь и добиваемся
„Дать народу droit de vôte“!

И явилась депутация
К государю по утру,
Но тверская декларация
Нам пришлась не по нутру.

И, нахмурив очи строгие,
Чтоб скорее зло пресечь,
Корифеям демагогии
Царь сказал такую речь:

„За благие пожелания
„Всех я вас благодарю,
„Но бессмысленны мечтания
„Власть урезать мне, царю!

„Вы о вольностях все грезите,
„Как Дантон или Марат,
„И с суконным рылом лезете,
„Sans façons, в зеркальный ряд.

„Ах, калики перехожие,
„Провинцьялы, дикари,
„Панамисты толстокожие,
„Санкюлоты из Твери!

„Или вы воображаете
„(В самом деле,—как умно!),
„Что собою представляете
„Вы парламента зерно?

„Далеко зерну до колоса!
„Не пришла ещѐ пора!
„Дам пока вам право голоса
„Лишь для возгласа „ура“!“.

Вот тебе и революция!
Это значит не спроста,
И тверская конституция
Все по-прежнему—мечта.

Земство стало консерватором,
Позабыло свой задор,
И дрожит пред губернатором,
Как дрожало до сих пор.

13 марта.

Назаревский с удивлением говорил про Позняка, который рассказал в управлении по делам печати, что в „Агентстве" была депеша из Берлина, из „Kreuz-Zeitung", в которой говорилось, что, несмотря на речь царя про образ правления, в России рано или поздно образ правления должен перемениться и быть таким, как и во всех других государствах. Позняк рассказывал, что без его ведома эту депешу отправили к Воронцову, котовый разрешил ее напечатать. Позняк был поражен и не решился напечатать. Тогда по телефону его спросили, почему эту депешу не напечатали. Позняк попросил аудиенцию, так как не решился говорить об этом по телефону, и получил ответ после аудиенции, что вопрос исчерпан.

16 октября.

Назначение Горемыкина председателем совета министров—дело рук Победоносцева и Витте.

27 декабря.

Говорят, что Горемыкин теперь занят ревизией сумм департамента полиции. Общественный слух говорит, что он хочет проверить Дурново, что будто при нем там были злоупотребления и недочеты, а интимная хроника, с Валем во главе, в этих недочетах винят Н. И. Петрова, что теперь Горемыкину приходится спасать приятеля, так устроить ревизию, чтобы оказалось все в порядке за время управления Петровым этим департаментом. По рассказам Валя, Петров, не теперь, а гораздо раньше, очень жирно там поживился.

28 декабря.

Был у нас митрополит Палладий. Рассказал он, что Синод намерен поднести образ Тертию Филиппову. Это по инициативе Победоносцева, или „Петровны", как его называют, поднесут за то, что Филиппов содействовал у Витте, чтобы было выдано Победоносцеву 3 милл. 400 тысяч руб. на церковно-приходские школы. Оказывается, Победоносцев выхлопотал эти деньги у Витте, а Филиппов, узнав об этом, назначил над ними контроль. Чтобы контроль к нему не придирался, Победоносцев и придумал подношение образа. Филиппов желает, чтобы образ ему был поднесен в Синоде, с подобающей торжественностью.

1896 год

4 января.

Привез Рабинович от Маркова стихи „Антон Горемыка“. Вот они:

Друг, не верь пустой надежде,
Говорю тебе, не верь! —
Горе мыкали мы прежде,
Горе мыкаем теперь!

Граф Валуев горе мыкал,
Мыкал горе Маков цвет,
Но не много он намыкал,
И увял во цвете лет.

Всей Россией управляя,
Горе мыкал Лорис сам,
И в Европе угасая,
Горемыкой умер там.

Граф Игнатьев из-за моря,
На Лориса место сел,
Повернулся, мыкнул горе,
И недолго усидел.

А Игнатьеву на смену,
Горе мыкать стал Толстой,
От усердья лез на стену,
И намыкал—ой-ой-ой!

Но Толстой сошел в могилу,
Дурново сменил его,
Дурно—во, как это было!..
И прогнали Дурново.

И во всех министрах этих—
Хороша ль, не хороша—
Пребывала непременно
Горемычная душа.

Да, обманчивой надежде,
Говорю тебе, не верь.
Горе мыкали мы прежде,
Горемыкин и теперь.

5 января.

Асламбеков принес нам следующие стихи:

Наше внутреннее дело
То толстело, то дурнело, (Толстой—Дурново)
Завкалось и плевалось, (Заика—Плеве)

А теперь в долги ввязалось. (Долгово—Сабуров)
И не дай бог, если вскоре,
Будем мыкать только горе. (Горемыкин)

На Руси—увы!—
Злые две напасти:
На низу—Власть Тьмы,
А вверху—тьма власти.

Это очень зло сказано, но есть доля, и большая доля, правды.

11 января.

Безродная говорила, что Горемыкин ленив на работу, любит сидеть у Петровых и ужинать у Зеленко, куда собирается веселая компания.

5 февраля.

На счет перехода тюремного ведомства к юстиции было экстренное заседание в Гос. Совете, заседание секретное, канцелярия не была допущена, Плеве записывал. Члены Гос. Совета допрашивали Горемыкина и Муравьева, каким образом произошел переход тюремного управления из одного ведомства в другое без совещания в Гос. Совете. Горемыкин спутался в ответах, Муравьев же объяснил, что это было сделано по его инициативе,—он доложил царю и последовало высочайшее повеление. Были потребованы от Муравьева объяснения, почему он это сделал незаконным порядком. Объяснения он должен был дать в следующем заседании, но Победоносцев не допустил до этого. Так как ему всегда открыты двери к царю, он поспешил к нему и доказал ему, что Гос. Совет подкапывается под самодержавие. Он сумел так убедить царя, что было приказано Гос. Совету все это дело предать забвению.

12 февраля.

Е. В. сказал Н. П. Петрову, что его имя часто упоминается теперь по поводу истории его приятеля Меранвиля, который якобы взял за дележ имений таврических богачей Поповых 300 тысяч руб. с них обманом. Деньги эти он поделил с Зеленкой. Один из братьев Поповых женат на Скалон, но женился больной, жену заразил, и оба уехали лечиться в Париж. В это время происходил дележ. Меранвиль ездил в Париж и там обобрал Попова, а теперь Скалон, который командует в Одессе дивизией, начал это дело против Меранвиля.

20 февраля.

Говорили с Барановым о покойном Черевине. Последнее время Черевин пил еще больше обыкновенного. Незадолго перед болезнью, он так был выпивши, что не попал в свою карету. При-

везли его в чужих санях, в чужой шубе. Всю дорогу он ехал распахнувшись, и вот—причина болезни. Затем, коснулись прошлого Черевина. Баранов сказал, что читал его некролог в „Нов. Вр.“, что там упущено одно обстоятельство, что Черевин поставлял „кормилиц“ покойному государю. Из намеков Баранова я поняла, что Черевин был по отношению к Александру III то, что Рылеев по отношению к Александру II. Видя, что я сомневаюсь, Баранов сказал, что, будучи градоначальником в Петербурге, он должен был знать, куда едет царь, и оберегать его в его интимных поездках,—время тогда было смутное. Сначала он и не подозревал подобных вкусов у покойного царя. Баранов объясняет, что Черевин после 1 марта 1881 года не только не пал, а стал еще подниматься. Это—очень интересная подробность, которую я узнала про Александра III впервые. А вчера царица-мать и царь стояли у постели Черевина. В 10 часов утра и он умер при них! Все так было скрытно делаемо, что царица ничего не подозревает до сих пор.

4 марта.

Прошлая коронация стоила 11 миллионов руб., про эту говорят, что будет стоить вдвое, т.-е. 22 миллиона руб.

6 марта.

Говорили про Стишинского, который назначен товарищем к Плеве. Отзывались о нем, как о хорошем работнике, несмотря на то, что теряет много времени на устройство своих усов. Самойлович сказал, что он делает это, видно, для того, чтобы нравиться начальству, т.-е. Горемыкину, который несколько часов тратит на туалет. Раз, когда Горемыкин ехал в сопровождении Шамшина на ревизию, то потащил с собой целый арсенал всевозможных флаконов, банок и туалетных аксессуаров.

15 марта.

Говорил Марков, что к Витте были вызваны два доктора, что у него вроде помешательства, что пункт его расстройства—валюта.

23 марта.

Любимов говорил, что в четверг на Фоминой заседание Гос. Совета, на котором Витте будет предлагать пустить 10-рублевый золотой, но золота в нем будет мало, больше лигатуры, чтобы за границу его не вывозили. Пройдет ли эта глупость?

25 марта.

Всех поражает рескрипт царя моск. ген.-губернатору в. кн. Сергею Александровичу „оказывать полное содействие в Москве

министру двора в коронационных приготовлениях". Это приводит всех в недоумение. Евреинов сказал, что слышал (от самого в. кн. Сергея Александровича, который его приятель по полку), что там идут несообразные расходы, что для убранства потребовано невероятное количество кумачу—больше миллиона аршин; кумач стоит обыкновенно 22 коп. самый лучший, а тут его купили по 75 коп.; сколько, значит, денег осталось в кармане?!

28 марта.

Вот интересное письмо из коллекции автографов Любимова, написанное Достоевским Каткову из Дрездена от 8/20 октября 70 г.:

„М. Г. Многоуважаемый Михаил Никифорович.

Я выслал сегодня в редакцию „Русского Вестника" всего только первую половину первой части моего романа „Бесы", но в очень скором времени вышлю и вторую половину первой части. Всех частей будет три. Каждая—от 10 до 12 листов. Теперь замедления не будет. Если вы решите печатать мое сочинение с будущего года, то мне кажется необходимо, чтобы я известил вас предварительно, хотя бы в двух словах, о чем собственно будет итти дело в моем романе.

Одним из числа крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова. Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет. Да еслиб и знал, то не стал бы копировать. Я только беру совершившийся факт. Моя фантазия может в высшей степени разниться с бывшей действительностью и мой Петр Верховенский может нисколько не походить на Нечаева, но мне кажется, что в пораженном уме моем создалось воображением то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству. Без сомнения, не бесполезно выставить такого человека, но он один не соблазнил бы меня. По моему, эти жалкие уродства не стоят литературы. К собственному моему удивлению, это лицо наполовину выходит у меня комическим. И потому, несмотря на то, что все это происшествие занимает один из первых планов романа, оно, тем не менее,—только аксессуар и обстановка действий другого лица, которое, действительно, могло бы назваться главным лицом романа.

Это другое лицо (Николай Ставрогин)—также мрачное лицо, тоже злодей. Но мне кажется, что это лицо—трагическое, хотя многие, наверное, скажут по прочтении: „Что это такое?" Я сел за поэму об этом лице, потому что слишком давно хочу изобразить его. По моему мнению, это и русское, и типическое лицо. Мне очень, очень будет грустно, если оно у меня не удастся. Еще грустнее будет, если услышу приговор, что лицо—ходульное.

Я из сердца взял его. Конечно, это—характер, редко являющийся во всей своей типичности, но это характер русский (известного слоя общества). Но подождите судить меня до конца романа, многоуважаемый Михаил Николаевич, что-то говорит мне, что я с этим характером справлюсь. Не объясняю его теперь в подробности, боюсь сказать не то, что надо. Замечу одно: весь этот характер записан сценами, действием, а не рассуждениями, стало быть есть надежда, что выйдет лицо. Мне очень долго не удавалось начало романа. Я переделывал несколько раз. Правда, у меня с этим романом происходило то, чего никогда еще не было: я по неделям останавливал работу с начала и писал с конца. Но и кроме того, боюсь, что и само начало могло бы быть живее. На $5^1/_2$ печатных листов, которые высылаю, я еще едва завязал интригу. Впрочем, интрига, и действие будут расширяться и развиваться неожидано. За дальнейший интерес романа ручаюсь. Мне показалось, что так будет лучше, как теперь. Но не все будут мрачные лица, будут и светлые. Вообще боюсь, что многое не по моим силам. В первый раз, например, хочу прикоснуться к одному разряду лиц, еще мало тронутых литературой. Идеалом такого лица беру Тихона Задонского. Это тоже святитель, живущий на спокое в монастыре. С ним сопоставляю и свожу на время героя романа. Боюсь очень, никогда не пробовал, но в этом мире я кое-что знаю. Теперь о другом предмете. (Тут Достоевский пишет, что ему нечем существовать, пишет о своей бедности и просит Каткова выслать ему хотя бы 500 р., хотя он ему уже много больше должен).

Вот что пишет Любимову Достоевский из Старой Руссы от 10 мая 79 года по поводу 5-й книги своего романа „Братья Карамазовы“.

„Эта 5-я книга в моем воззрении есть кульминационная точка романа и она должна быть закончена с особенной тщательностью. Мысль ее, как вы уже увидите из посланного текста, есть изображение крайнего богохульства и зерна идеи разрушения нашего времени в России, в среде оторвавшейся от действительности молодежи, и рядом с богохульством и анархизмом опровержение их, которое и приготовляется мною теперь в последних словах умирающего старца Зосимы, одного из лиц романа. Так как трудность задачи, взятой мною на себя, очевидна, то вы, конечно, поймете, многоуважаемый Николай Александрович, то, что я лучше предпочел растянуть на две книги, чем испортить кульминационную главу моею поспешностью. В целом глава будет исполнена движения. В том же тексте, который я теперь выслал, я изображаю лишь характер одного из главнейших лиц романа, выражающего свои основные убеждения. Эти убеждения есть именно то, что я признаю **синтезом** современного русского анархизма—отрицание не бога, а смысла его создания. Весь социализм вышел и начал с отрицания смысла исторической действительности и дошел до программы разрушения и анархизма.

Основные анархисты были, во многих случаях, лица искренно убежденные. Мой герой берет тему, по моему, неотразимую: бессмыслицу страдания детей и выводит из нее абсурд всей исторической действительности. Не знаю, хорошо ли я выполнил, но знаю, что лицо моего героя в высочайшей степени реальное (в „Бесах" было множество лиц, за которых меня укоряли, как за фантастические, потом же, верите ли, они все оправдались действительностью, стало быть верно были угаданы. Мне передавал, например, К. П. Победоносцев о двух-трех случаях из задержанных анархистов, которые поразительно были схожи с изображенными мною в „Бесах"). Все, что говорится моим героем в посланном вам тексте, основано на действительности. Все анекдоты о детях случились, были, напечатаны в газетах (и я могу указать, где), ничего не выдумано мною. Генерал, затравивший собаками ребенка и весь факт—действительное происшествие, было опубликовано нынешней весной, кажется, в „Архиве" и перепечатано во многих газетах. Богохульство же моего героя будет торжественно опровергнуто в следующей (июньской) книге, для которой я работаю теперь со страхом, трепетом и благоговением, считая задачу мою (разбитие анархизма) гражданским подвигом. Пожелайте мне успеха".

Кончает Достоевский это письмо, прося Любимова, чтобы не изменял выражений в его тексте, не заменял слова непристойные более пристойными, кончает просьбой денег.

4 апреля.

По городу идет слух, что Витте не в милости у царя вследствие своих прежних отношений к Вышнеградскому. Сын последнего потребовал якобы, чтобы Английский банк выдал ему лежащие там 25 миллионов его отца. Банк потребовал, чтобы Вышнеградский представил свидетельство от правительства, что это его деньги. Он обратился за этим к Витте. Но Витте сперва доложил об этом царю, который на бумаге написал про старика Вышнеградского: „великий мошенник" и велел навести справку, не окажутся ли еще и в других банках такие деньги.

5 апреля.

Был Палладий. Он теперь делает репетиции своего служения в церемонию коронации. Он продолжает говорить с неуважением про Саблера, у которого Победоносцев в руках. Саблер ведет себя недостойно, у него женская интрига с монахиней Страстного монастыря, помогает им игуменья.

12 апреля.

Н. Л. Марков говорил, что Витте серьезно болен, что его старая болезнь, стоившая ему носа, бросилась на ноги и что Витте недолговечен.

16 мая.

Адельсон говорил, что в Москве разнесли коляску герольда, который вез объявление о коронации. Коляску превратили в щепки, остались от нее только колеса.

22 мая.

Курис говорил, что в Москве беспорядку было много. Корона царя так была велика, что ему приходилось ее поддерживать, чтобы она совсем не свалилась. Рассказывают, что Власовский созвал московских воров и предложил им, чтобы они следили, чтобы в карманах не было бы револьверов, за что красть им разрешалось вволю.

29 мая.

Стеблин-Каменский говорил, что во время народного гулянья не успели убрать все трупы задавленных с Ходынского поля. Вследствие этого, так как публика наезжала, не зная о случившемся, на виду у всех запихивали умерших под лавки балаганов, на которых сидел народ, смотревший на представления клоунов и другие зрелища. Многие, проходя на места, наступали на торчавшие из-под лавок руки и ноги.

30 мая.

Рассказывал Вишняков, что в Кремле вышла история с предводителями, которые опоздали приехать, а в 8 часов Кремль был заперт по распоряжению Ширинкина. Предводители стали стучаться, чтобы им отворили, но кто-то из церемониймейстеров громко начал их ругать, что каждая дрянь, надев дворянский мундир, не весть что о себе думает. Эта фраза оскорбила предводителей. Никто не хотел признаться, кто это сказал. В конце концов все свалили на жандармского унтер-офицера.

2 июня.

Сегодня Салов говорил, что когда царь приказал произвести следствие по Ходынскому делу, то сразу выяснилось, что в. кн. Сергий виноват. Тогда все три брата—Владимир, Алексей и Павел привезли царю свои отставки на случай, если Сергия будут судить.

Штадлер говорил, что стачки на заводах Торнтона, Резиновой Мануфактуры и у Обводного канала (три завода) продолжаются. Рабочие, может, и правы в своих требованиях, так как изнурены работой от 6 час. утра до 8 час. вечера; придется им уступить, сократить число рабочих часов. Клейгельс приезжал на заводы, угрожал, что запрет лавочки, в которых рабочие имеют кредит. Тогда рабочие отвечали, что пойдут по городу разбивать лавки, и поэтому лавки их не закрыты.

5 июня.

Когда царь ехал на обед к Радолину, народ ему кричал, что не на обеды он должен ездить, а „поезжай на похороны". Возгласы „разыщи виновных" многократно раздавались из толпы при проезде царя. Народ, видимо, озлоблен, завтра же озлобятся и дворяне: царь обещал им, что земля их от них не уйдет, а Витте решил иначе, на себя не взял подписать—уехал в Нижний, а подписал его товарищ—Иващенко указ о продаже с публичного торга 6 июня 6-ти дворянских имений.

6 июня.

Княжевич говорила, что положение России становится отчаянно, что царь слушается всех родственников, которые ему доброго совета дать не могут. В. кн. Павел говорил своим офицерам-конногвардейцам, что в царской семье не перестают все ссориться, ни кто царя не боится. В. кн. Владимир со всеми дерзок и нахален. Царь выглядит больным. Во время коронации он был не только бледным, но зеленым. Молодую царицу считают porte malheur'ом, что всегда с ней рядом идет горе.

14 июня.

Про Клейгельса говорят, что он совершенный азиат, свиреп по отношению к служащим, ругает, обижает всех, нет у него чувства справедливости. В день коронации толпа Клейгельса немного помяла, ему пришлось снять фуражку, чтобы она его не избила. Когда его спасали от толпы, жандарма и полицейского сильно пришибли. Клейгельс, почувствовав себя избавленным от опасности, повертывая лошадь, закричал стоявшему офицеру:— „Всех арестовать!". Понятно, в какое затруднительное положение он его поставил. Во все последующие дни Клейгельс на улицу не показывался. Все две недели, что продолжалась стачка, он ни разу не показался на заводах. Вообще здесь у него престижа нет никакого, работает за него экзекутор по делам стачек. Говорят, что Клейгельс совсем неграмотный. От него выходят бумаги только с двумя резолюциями: „к исполнению" и „поступить по закону". Другого он никогда ничего не написал.

7 июля.

Посьет говорил Е. В., что греческий король очень недоволен, что дочь его, королевна Мария, помолвлена за в. кн. Георгия Александровича. Он и слышать не хочет, чтобы была свадьба в Петербурге, хочет, чтобы она была в Афинах, если уж она должна быть. Он еще не забыл смерти своей старшей дочери, жены в. кн. Павла Александровича. Королевну Марию он не пустил на коронацию. Наши вел. князья так себя ведут, что уважением в Европе не пользуются.

22 августа.

Моренгейм говорил Е. В, что ему вполне известно положение анархизма за границей. Он рассказал en connaissance des choses, что в Париже живут террористы, а в Женеве целое гнездо анархистов, которые работают над переустройством государственного строя. Они свою пропаганду направили на женские учебные заведения, хотят, чтобы женщины, которых они свернут с пути истинного, выходя замуж за военных, перевоспитали армию. Вот цель этих людей! Сказал также Моренгейм, что Лев Тихомиров, который теперь работает в „Моск. Ведомостях", был отъявленный анархист, что он, Моренгейм, приписывает лично себе происшедшую в нем перемену.

27 августа.

Сегодня Моренгейм рассказывал, что, после свидания трех императоров, когда шли переговоры о тройственном союзе, он написал царю Александру III: „Господи, верю, помози моему неверию". Было это написано по поводу этого союза. На это царь рядом с этими словами написал: „И я тоже". Это было начало тому, что тройственный союз не был возобновлен.

29 октября.

Говорили нам, что в день, когда приехал в Москву вел. кн. Сергей Александрович, на всех улицах ночью были наклеены листы, на которых было напечатано, что он—„Ходынский царь", что полиции пришлось все это срывать, а неизвестные личности снова наклеивали, но никого поймать не удалось.

В. В. Комаров обижен, что его забыли во время франко-русских празднеств, а он поработал по вопросу сближения этих двух народов. Е. В. сказал, что роль Комарова в этом деле хотя и маленькая, но важная,—он первый сказал Е. В., что будто Бисмарк дал Каткову миллион марок, чтобы тот писал про тройственный союз. Е. В. передал это Каткову, что помогло убедить Каткова переменить направление в газете. Активное же участие Комарова выразилось только в том, что он давал здесь обед Деруледу и ездил в Париж, когда там были русские моряки.

31 октября.

Был Суворин. Он говорил, что предполагается много новых газет в России. По его мнению, только две могут ему быть опасны, как конкуренты „Нового Времени", это — газеты Татищева и Модестова, все прочие не представляют интереса. Суворин согласился со словами кн. Ухтомского, что без „Гражданина", который был запрещен, был пробел в русской журналистике, он сказал, что „Гражданина" не следовало запрещать.

2 ноября.

Вчера Комаров говорил, что молодой царице после рождения дочери запрещено было быть женой царя и что поэтому дядюшки устроили ему снова сожительство с Кшесинской, что ширмами взят в. кн. Сергей Михаилович, который l'amant Кшесинской. Все это известно царице-матери, которая поэтому очень расстроена. У царя в последнее время сильные головные боли. Селифонтов говорил, что в России, особенно между крестьянами, память Александра III нечтима, они его не любили, радуются, что он умер, что живи он—снова они были бы закрепощены и снова бы их пороли розгами.

9 ноября.

Был настоятель Ковенского военного собора Калистов. Говорил про киевского митрополита Иоанникия, что окружает себя бездарными архиереями ради того, что им известно его прошлое, они его покрывают и теперь, так как у Иоанникия есть слабость к водке и картофелю по вечерам. Что от женщин он удаляется только для виду, а что устраивает женские епархиальные заведения всюду, где служил, чтобы с намеченной им самим начальницей безнаказанно проводить время, и дело это у него шито-крыто.

11 ноября.

Говорили Е. В., что предводители, которые собрались весной, перед коронацией, обсуждать, как помощь помещикам в их безвыходном положении, на-днях подали через министра внутренних дел царю записку, довольно резко написанную по отношению к министру финансов — Витте, о котором говорят, что он ведет Россию к банкротству, а про министра земледелия — Ермолова говорят, что он ничего не понимает и ничего не делает. Горемыкин эту записку представил царю, который на ней написал, чтобы с ее содержанием познакомились министры финансов и земледелия, а затем передать эту записку в комитет министров.

18 ноября.

Куломзин говорил, что записка предводителей, в которой они нападают на министров финансов и земледелия, послужила к соединению Витте с Ермоловым, которые последнее время очень ссорились, а теперь вместе строчат на нее ответ царю.

24 ноября.

Говорили Е. В., что всюду тормоз деятельности, инициативы идет из Петербурга. Правда, здесь все как-будто распускается, министры думают только о том, чтобы удержать подольше свои

портфели, грызутся между собой. А каковы эти министры? — говорить не хочется...

25 ноября.

А. Г. Вишняков говорил, что ехал после представления царю из Царского в одном вагоне с московским предводителем кн. Трубецким, который ему говорил, что царь ему обещал серьезно обследовать записку, поданную ему предводителями дворянства. Муравьев отошел совсем от Витте. Акции министра земледелия Ермолова плохи, его речь в Париже, в которой он говорил, что мы научились земледелию у французов, что нам надо разводить в хозяйстве страусов и приучать верблюдов, чтобы они у нас заменяли лошадей и волов, произвела здесь удручающее и комическое впечатление. На его место „кумушки" уже начинают подыскивать заместителя.

26 ноября.

А. П. Никольский говорил насчет золотой валюты, что Витте подкупает своих противников в этом деле. Так, уже теперь Верховский не против валюты и объясняет, что на нее нападал раньше только с целью выяснить всем непонимающим, что это за мера. Маркуса Витте купил, дав ему добавочных 6 тыс. руб. содержания.

Ермолова не уважают в министерстве земледелия. Он во время заседаний совета отказывается от своих проектов, которые сам вносит в совет. Недавно у него был скандал с его товарищем Нарышкиным. Оспаривались два проекта — министерства и земства. Нарышкин старался помирить оба, взяв середину. Когда он кончил, Ермолов ему сказал, что ничего не понял, и начал так излагать сказанное Нарышкиным, что тому пришлось ему возражать, что этого-то и этого-то он не говорил.

30 ноября.

Сегодня вечером у адмирала Гейдена комиссия, как снять „Россию" с мели. Это выходит каламбур, так как не один крейсер „Россия" на мели, а может очутиться на мели и вся Россия.

Н. Н. Селифонтов сказал, что золотая валюта в Гос. Совете пройдет, но эта мера не будет осуществляться, так как царь получил из Франции, от Méline письмо, в котором он ему разъясняет, что теперь не время ее осуществить.

1 декабря.

Говорят, был у царя совет насчет занятия русскими Константинополя.

3 декабря.

Был Куломзин. Он крайне осторожен, ничего не говорил утвердительно, но в виде вопросов все затронул. Например, что скажет Е. В.,—займем ли мы Константинополь, или допустить Англию его занять? По мнению Куломзина, второе будет лучше, что „тогда через 20 лет мира мы сумеем взять его обратно у англичан“. Как бы не так! Затем Куломзин спросил, правда ли, что царь, в бытность свою в Париже, подписал с Францией договор, который он здесь уничтожил. Затем спросил, скоро ли уберут Мишкина, который невозможен, всем делает грубости.

5 декабря.

Говорят, что царь потребовал обратно приказ о назначении Куропаткина на Кавказ, а будто он уже был подписан.

6 декабря.

Завтракал адмирал Шмидт. Говоря про головные боли, которыми страдает царь, Шмидт сказал, что это явление у царя опасное, что в Японии после сабельного удара у царя было сотрясение мозга и что это никогда не приходит бесследно.

13 декабря.

Говорят, что недели две назад Хилков и Витте ездили в Царское со своими очередными докладами. Витте обыкновенно первый докладывает, но на этот раз царь вызвал первым Хилкова, которому поставил на вид, что очень много столкновений и несчастий на железных дорогах. Хилков отвечал, что это является вследствие того, что Витте денег не дает, что сокращено количество служащих, и локомотивы и вагоны ветшают. Царь тут же приказал позвать Витте и при царе Витте разразился таким гневом на Хилкова, что царь вышел из кабинета, оставив их вдвоем, и к ним не вернулся. После этого прошли две пятницы, и Витте не был у царя с докладом. Рассказывают, что Витте тогда в кабинете у царя прямо закричал Хилкову, что он ему денег не даст. Видно, что министры с царем не считаются, и он с ними не может справиться.

18 декабря.

Говорили Е. В., что царь за последним полковым обедом громко сказал, что Победоносцев нарекомендовал ему много министров, а теперь начал рекомендовать корпусных командиров, хлопочет за Шипова.

19 декабря.

Митрополит Палладий очень горячо говорил против Победоносцева. Вишняков говорил, что недавно к Витте явился его приятель, одессит, которому Витте тут же предложил место директора банка с 18 тыс. руб. жалования, сказав при этом, чтобы соглашался, что для своих друзей он спешит что-нибудь сделать пока в силах, так как через три месяца уже министром финансов не будет.

24 декабря.

Завтракал сегодня Рачковский. Говорил он, что всех террористов, живущих в Париже, сейчас 300 человек и он за ними следит. Про Тихомирова Рачковский сказал, что когда он захотел изменить свой profession de foi, Моренгейм, который себе приписывает его обращение, был не при чем. Сносился с министерством внутренних дел Карцев, генеральный консул в Париже, который получил письмо от Плеве по этому вопросу. Плеве тогда управлял министерством внутренних дел на правах товарища. Но разговоров и у Карцева с Тихомировым не было, все это выпало на долю Рачковского, который не сочувствовал прощению Тихомирова, человека, который участвовал в убийстве Александра II, который весь был забрызган его кровью. Рачковский предложил ему в прошении к царю вполне искренно во всем сознаться. Записка его была ужасна, кровь, кровь—вот была ее суть. Он не ожидал, что царь, Александр III, прочитав прошение Тихомирова, его простит, такое ужасное впечатление производила эта записка.

Рачковский сказал, что редактор „Temps Ebrard“ продал Египет англичанам, что это известно всем политическим людям Франции, что Ebrard идет всегда на политический подкуп.

26 декабря.

Рассказал Романченко про свадьбу Александра II в Царском Селе. Венчался он в маленькой домовой церкви дворца 2 или 3 июля 1879 г., 6 недель спустя после смерти царицы. Одет был царь в сюртуке кирасирского полка. На свадьбе были: Адлерберг, Милютин, Лорис, Суворов и Рылеев. Венчал их свящ. Рождественский. Свадьба была днем, затем обед, на котором были все эти лица. До обеда царь заходил к Лорису, но не застал его, затем прислал ему сказать, чтобы приходил к обеду в сюртуке без траура. Когда после свадьбы царь раздевался, он сказал своему камердинеру Подтягину:—„Сейчас венчали частного человека“. Все сделано было очень секретно.

1897 год

1 января.

Про рескрипт, данный в. кн. Сергею Александровичу, говорят, что он написан Истоминым, а нежные в нем слова прибавлены самим в. кн. Сергеем, и попал он в министерство внутренних дел готовым, для Горемыкина же явился сюрпризом.

13 февраля.

Соловьев на-днях разрешил выпуск в Петербурге III тома сочинений Маркса, сказав приэтом в оправдание себя Назаревскому, что два первых тома были разрешены до него, а третий так написан, что сам автор не в состоянии понять того, что написал.

4 июня.

Доклад министра путей сообщения дал на несколько часов В. А. Мясоедов-Иванов, где говорится о том, что замешательств будет гораздо меньше на дорогах в два пути,—царская пометка: „Я в этом вполне убежден“; где говорится, что в последние четыре года русская сеть увеличивалась более чем на 30% своей длины,—пометка: „Очевидно“.

26 июня.

Про гибель крейсера „Гангут“, о котором писали, что он якобы получил пробоину от того, что наскочил на неизвестный подводный камень, Е. В-чу сказали, что никакого камня не было, а неброневая обшивка его разошлась. Вот как ужасно строят у нас суда, которые стоят миллионы!

15 июля.

Рачковский сказал, что выслан из Парижа по его настоянию Гравенгоф, который здесь портил Витте—являлся к банкирам якобы от него и входил в разные выгодные для себя с ними сделки. Витте потребовал, чтобы он уехал из Петербурга, так как он там с beau frère'ом Витте Мернингом сделал невозможные вещи—подделал бумаги, подписи одного из генерал-губернаторов и проч. Витте все обделал, чтобы Гравенгоф с Мернингом удалены были из Петербурга. У Гравенгофа здесь, в Париже, бывали великие князья Владимир и Алексей, жил он здесь очень открыто, но слыл за темного человека. Про этих великих князей Рачковский сказал, что они пользуются здесь печальной репутацией.

1 ноября.

Валь говорил, что вся баденская история, т.-е. что царь не принял Баденского, вышла из-за того, что Баденский назвал кому-то Гессенского дураком. Валю рассказывали, что в Дармштадте царь и Гессенский проводили время в следующем: сидя у окна, они бросали на улицу яблоки, и публика подбирала их. Молодая царица так избалована, что ей ни что не по вкусу, самые дорогие бриллианты и проч.—все ей мало, все не нравится. Молодой Ванновский сказал про молодую царицу, что в Петербурге ее называют горбом царя, что ее терпеть не могут, что маленький сад, который по ее желанию устроили возле Зимнего Дворца, сделал ее еще более ненавистной народу, так как город ради этого сада обложил лишним рублем мещанское сословие.

28 ноября.

Толстая, урожденная Шереметева, которая чаще других видит царскую чету, которую никто почти не видит, рассказывала Марголи, что у молодой царицы всего два сюжета для разговора: дети, их воспитанье, здоровье и проч., и Готский Альманах. В этом последнем разговоре царица неутомима, она знает до мельчайших подробностей родословную всякого дома наизусть.

6 декабря.

Салов рассказал, что вчера Ухтомский („СПБ. Вед.") ездил в Царское, чтобы видеть царя по одному делу, о котором не решился царю доложить, так как застал его очень нервным и расстроенным вследствие письма вел. кн. Сергея Александровича, который написал царю, что в Москве проявляются совсем не верноподданнические чувства и что там все несовсем спокойно. В Петербурге дали название обеим царицам: царица-мать—генеральша, а молодая—полковница.

20 декабря.

Вишняков говорил, что в министерстве финансов уже была комиссия для разбора дела о взятках в департаменте мануфактур. Председательствовал Витте. Избрали двух лиц—Кобеко и Жуковского, чтобы они сделали расследование. Оказывается, что в этом департаменте: вице-директор, 5 начальников отделений, у которых 5 помощников, и все взяточники. Вот позор! Эта история возникла так: в Государственном Совете Верховский сказал Коковцову, что в его министерстве берут взятки. Коковцов его спросил: — „Говорите ли вы это мне как товарищу министра?" Верховский отвечал:—„Как Коковцову". Коковцов на это сказал, что про все это скажет Витте. Первый, о котором подумали, был департамент мануфактур. Когда Верховский узнал, что началось

следствие, он сказал, что имел в виду железнодорожный департамент. Таким образом возникает еще второе дело. Вишняков сказал, что он знает лиц, которые составляют целый синдикат для проведения дел в министерстве. Указавшему на дело лицу платится 10 тысяч руб., т.-е. тому, кто принес дело в синдикат, остальные, и это лицо в том числе, делят 90 тыс. руб., которые уплачивает тот, кто желает получить дело. Бывают дела и подешевле.

22 декабря.

Был у нас иеромонах Антоний. Про жизнь лаврских монахов он сказал, что они ничем не заняты, полное у них довольство и изобилие, обеды у них в 5 блюд, получают они по 2 тыс. руб. в год на свои собственные расходы, живя на всем готовом, имеют еще от 200 до 250 руб. наградных к праздникам Рождества и Пасхи и, несмотря на подобную обеспеченность, жалуются, что им нечем жить. Взаправду про этих монахов можно сказать, что с жиру бесятся. Это при готовой квартире, отоплении, освещении, готовом столе два раза в день иметь 2500 руб. для одежды, так как предполагается, что монахи должны жить в монастыре и ходить только в церковь, куда девать такую сумму?! Оказывается, они живут такой жизнью, которая и для светского человека явилась бы безобразной, что у них есть семейства, вне, понятно, Лавры. Многие говорят про разврат этих монахов.

1898 год

30 января.

Jules Урусов вспоминал былое время, когда бывали балы в Аничковом дворце, как царица-мать любила танцевать. Балы затягивались до 4-х часов. Царица от дирижера Урусова требовала еще танцев, царь косо смотрел. Однажды во время grand rond оказалось, что в оркестре осталось всего два инструмента—флейта и барабан, которые тоже через 3 минуты умолкли. Оказалось, что царь приказал музыкантам по два уходить из оркестра и, таким образом, бал кончился.

2 февраля.

М-me Сукман рассказывала про Клейгельса, что в молодости он доброй репутацией в Петербурге не пользовался, слыл за барышника, перепродавал лошадей, часто обманывал на этих сделках. Это его ремесло в Петербурге до сих пор не забыто. По словам m-me Сукман, у него и теперь есть конюшня, на которой он продает бракованных лошадей. Много темного у него делается.

8 февраля.

Е. В. сказал, что с губернаторами Горемыке нет времени говорить, их выслушать. Когда тульский Шлиппе ему сказал, что его заботит голод в этой губернии, Горемыкин ему отвечал:— „Охота вам думать о корме для этих скотов“, т.-е. мужиков.

20 февраля.

Говорят, что московским митрополитом будет виленский архиепископ Иероним. Приэтом вспоминают, что Демидова Сан-Донато попрежнему питает к нему страсть: из Одессы пропадает— там ее квартира,—никто не ведает, куда она уезжает, и, говорят, тогда она скрывается в архиепископском доме. Говорят, что ее страсть к Иерониму напоминает страсть Орловой к Фотию.

22 февраля.

Романченко говорил, что проходивший мимо сада Зимнего Дворца мальчик рассказал ему, что, посмотрев в щелку забора, он увидел в саду царя с двумя собаками; царь бросил палку, которую собаки ловили, причем царь тоже бегал с собаками

По всему видно, что царь еще молод, что подобные развлечения ему интереснее, чем все доклады министров, которые ему приходится выслушивать.

29 апреля.

Шамшина много говорила про непопулярность молодой царицы, которая с каждым днем все менее и менее любима. Так, во время парадов войск Ольденбургские многих приглашают к себе во дворец, чтобы из окон смотреть на парад. Царская семья в этот день обычно приезжала к Ольденбургским и всегда все гости допускались выйдти навстречу царской семье, когда она проходила к семейному завтраку. 25 апреля тоже были многие приглашены. Но на этот раз заранее было прислано повеление, чтобы ни кто из гостей не встречал царскую семью. Поэтому всех гостей заперли в комнату, где они и находились, пока пребывала царская семья, к тому же, запирая, сломали замок, так что всем пришлось просидеть там с 9-ти до 3-х часов. Слесаря отыскать не могли и кое-как в 3 часа всех гостей провели разными темными ходами. Все это было сделано по желанию царицы.

26 мая.

Про Боголепова печальные вести, его называют тугодумом и туподумом. Недавно в Государственном Совете или в комитете министров он долго говорил против технических школ, что они — рассадники анархизма. На это Витте ему сказал, что такие речи противно слушать, а говорить их еще возмутительнее, что надо много храбрости, чтобы полчаса про это говорить, что с такими понятиями нельзя занимать место, особенно место министра народного просвещения.

24 августа.

Ванновский говорил про Бобрикова, что он изгадил гвардейский округ, что он здесь только и думал набивать свой карман, про что царь отлично знает, но ничего поделать не может ради того, что Владимир любит far niente, ни чем не занимался, а за него работал Бобриков, почему он и терпел его и за него всегда стоял у царя.

8 октября.

[illegible]ленно начинают говорить о сожительстве царицы-матери [illegible]ческим.

18 октября.

Сегодня морской министр Тыртов рассказал ужасную вещь про сына фельдмаршала Гурко, моряка гвардейского экипажа. Этот моряк Гурко украл в Монако у находившегося там извест-

ного богача А. А. Половцова шкатулку с деньгами и драгоценной парюрой. Он пробрался к Половцову ночью в спальню и стал наносить ему удары палкой по голове, так что палка даже сломалась. Чтобы Половцов не кричал, Гурко засунул ему руку в рот. Половцов укусил ему руку и стал кричать: „Берите мои деньги, только оставьте мне жизнь!“. Вор схватил шкатулку и выпрыгнул в окно. Тогда Половцов призвал помощь. Призванный доктор констатировал, что пострадала только кожа на голове, но удары были не опасны. Половцов в тот же день дал описание вора. Полиция начала за ним следить и в Париже он был арестован. Гурко признался, что шкатулка принадлежала Половцову, а кольца, которыми были унизаны все его пальцы, сказал, что взял у фельдмаршала Гурко. Назвал он себя Иваном Ивановым. Шереметьевский (сыскная полиция) просто ужасы рассказывал про этого Гурко, как он в последнее время воровал в домах своих знакомых. Валь обвиняет во всем Клейгельса, что он мог не довести до этой кражи, задержав Гурко тогда, когда он украл у Ванлярлярских 7 тысяч рублей из шкапа, но что всем известны отношения Клейгельса к m-me Гурко и поэтому делу кражи не было дано законного хода.

3 ноября.

Сегодня протоиерей П. А. Смирнов сказал, что, вычислив буквы в имени Толстого, выходит, что в них содержится звериное число Апокалипсиса—666. По-славянски буквы означают цифры, или числа, таким образом: т—300, о—70, л—30, с—200, т—300, о—70, i—10=980. Это сумма букв фамилии Толстого. Так же имя и отчество. Таким образом получается 666. Можно сказать, что Толстой—вредный зверь, который приносит много вреда. Как умеют сочинять даже в святейшем синоде!

В Петербурге всюду рассказывают о более чем дружеских отношениях Саблера к игумении Неофите Страстного московского монастыря. Говорят, что у нее даже родился от него ребенок, что монахине не подобает, поэтому ее осуждают во всех слоях общества. Рассказывали, что она болела, толстела. Сестры монастырские просили ее посоветоваться с доктором, который был призван и сказал, что здесь не он нужен, а акушер. Родившегося ребенка спрятали. Последние подробности рассказаны нам священником, который слышал это в синоде.

9 ноября.

Ухтомский говорил, что Сигма из „Нового Времени“ пролез к царице-матери с предложением, что грудами золота обогатит Россию, для чего ему нужны деньги из уделов. Тогда он поедет в Корею, где находится это золото. Дали ему деньги, но золота, этого нет, и теперь Сигма спокойно проживает эти деньги.

12 ноября.

Коля пишет из Ковно, что в день открытия памятника Муравьеву там бросали в почтовые ящики у дверей оттиснутые изображения эшафота с повешенной собакой с головой Муравьева, в генеральском мундире, с надписью вверху: „Сим не победиши“, а внизу: „Извергу рода человеческого, благодарная Литва“.

5 декабря.

Сегодня умер митрополит Палладий. Интриги, происки и проделки Саблера, товарища обер-прокурора св. синода Победоносцева, сгубили Палладия, который спокойно не мог говорить про все то, что творилось в духовном ведомстве. На одном из заседаний синода скромный Палладий не утерпел, сказал Саблеру: „Мы, ваше превосходительство, в синоде, а не в синагоге“.

1899 год

4 января.

Вчера ген. Пантелеев говорил, что государственная роспись Витте вся направлена против Горемыкина. Притом Пантелеев сказал, что положение Витте шаткое, что ему все приходится балансировать, всем министрам он хочет угодить. Недавно Пантелеев хотел провести одно дело, но Горемыка, узнав об этом, с ужасом сказал ему, чтобы не начинал этого, что все министры против него поднимутся. Хотя Горемыка и говорил Пантелееву, что положение его станет лучше, если он потеряет портфель, что он не пожалеет об этом—останется ему то же содержание, назначат его членом Гос. Совета и проч.,—но все-таки видно, что ему с властью нежелательно расстаться, иначе он действовал бы решительнее и самостоятельнее.

5 января.

Туркестанский ген.-губернатор Духовской рассказал, что кн. Имеретинский в своем всеподданическом отчете резко высказался против поляков. Отчет этот должен был сохраниться в тайне, а неведомо, каким образом проник заграницу, в английские газеты, и был отпечатан заграницей отдельными брошюрами. Поляки тоже узнали об этом. Но, в виду предстоящего открытия памятника Мицкевечу, все-таки явилась депутация, с Гурским во главе, к Имеретинскому, просить его, чтобы во время открытия памятника не было никакой полиции, что они отвечают за полный порядок. Князь обещал им исполнить это желание и сообщил о своем обещании сюда, Горемыкину. Горемыкин же не так посмотрел и тут же послал Имеретинскому предписание устроить состав полиции во время открытия. Князя это взбесило. Он написал письмо царю, чтобы он выбирал—или он, или Горемыкин, что вместе с ним работать он не может. Это было в конце октября, а теперь январь, и, однако, и он, и Горемыкин продолжают оставаться на своих местах. Сегодня Имеретинский приезжает в Петербург. Е. В. высказал, что как-то он будет себя здесь чувствовать, на какой ноге будет танцовать. Духовской на это сказал:—„Ну, потанцует на одной, потом на другой, потом встанет на обе. С кем это не случалось, и не раз в жизни, а много раз".

8 января.

Тамара рассказывал про Драгомирова. По поводу открытия памятника Мицкевичу в Варшаве в Киевском университете была буйная история между студентами—поляками и русскими. Драгомиров, узнав об этом, вскипел и закричал:—„Всех студентов, без разбора, драть нагайками!" Тамара на это вспомнил ему, что когда он, бывши губернатором Киева, просил у Драгомирова солдат с нагайками для удержания порядка в помощь полиции, тогда Драгомиров ему отвечал, что нагайки существуют для скотов, а для людей—ружья, что когда понадобится—пусть скажет, и солдаты залпами будут водворять порядок. Такими ответами, понятно, доказывалось, что солдаты не могут быть вызываемы на помощь, а теперь всем, даже студентам, он угрожает нагайками.

10 января.

Никольский говорил, что комиссию по крестьянскому благоустройству, которую царь пожелал учредить вследствие записки Витте об этом вопросе, Горемыка тормозит, и Победоносцев, который одно время был против Горемыки, теперь ему содействует, чтобы эта комиссия не осуществилась. Вместе с Витте, по сведениям Никольского, хлопочут осуществить эту комиссию в. кн. Александр Михайлович и Данилович и посадить туда председателем в. кн. Александра Михайловича.

11 января.

Вот что рассказал Мясоедов-Иванов по поводу смерти Анненкова. Анненков явился к кн. Хилкову и, рассказав ему о своем безвыходном положении, просил, чтобы правительство купило у него шпалы, которых у него очень много, и выдало бы ему немедленно авансом 100 тыс. руб., так как время не терпит. Хилков обещал навести справки в департаменте и тогда уже дать ему ответ в четверг. В четверг Анненков явился к нему и получил отказ, так как оказалось, что его шпалы заложены в страховом обществе за 75 тысяч и по другой закладной еще за 25 тысяч. На этом они расстались. В пятницу был доклад Хилкова у царя, который одобрил, что Хилков отказался купить. Анненков же, вернувшись от Хилкова, видя свое безвыходное положение, отравился. Перед смертью он послал к Хилкову и просил его, чтобы приостановил печатать в „Инвалиде", что он увольняется по 3-му пункту, говоря, что не доживет до завтра. Неизвестно еще, за какое уголовное дело должен был быть уволен Анненков из военного министерства.

12 января.

Оказывается, что у Анненкова был большой долг в военное министерство. Ему разрешена была высочайшая ссуда в 50 тысяч руб., вторая за этот год, с тем, чтобы эти деньги были им внесены в военное министерство. Он же их взял, но не внес, а

растратил. Куропаткин велел его о них запросить и объявить ему, что если не внесет, то будет предан суду. Внести оказалось невозможно—он испугался суда и покончил с собой. Вспоминали сегодня об участии Анненкова в постройке Сибирской дороги, которое выразилось только в том, что когда Александр III задумал строить этот путь, Анненков привлек в Петербург французскую компанию Decouville, которую надул на 200 тыс. франков, обещая им выхлопотать постройку, если раньше они дадут ему эту сумму, чтобы дать взятки, кому надо будет.

18 января.

Сегодня по телефону Дейтрих сказал, что из Гос. Совета некий Кригер представил царю записку, что не Витте, а он первый предложил мысль о золотой валюте, просить, чтобы это дело разобрали, чтобы не приписывали Витте то, чем ему обязаны. Эту записку он разослал и всем членам Гос. Совета. Пишет он в ней, что Витте только воспользовался его проектом о золотой валюте, который был им составлен для Вышнеградского, который заболел, когда проект еще не был им рассмотрен. Витте теперь ввел эту реформу, ни единым словом не упомянув этого Кригера, который с тех пор все хлопочет довести до царя, что Витте воспользовался чужой собственностью, но все его попытки оставались бесплодны. Наконец он решил написать всем членам Гос. Совета и требовать третейского суда.

21 января.

Когда Е. В. рассказал свидание Имеретинского с царицей-матерью и то, что она ему вторила, что Горемыка никуда не годится, и повторяла несколько раз: —„Mais par qui le remplacer?“, Пантелеев сказал, что это „par qui le remplacer“ и держит его крепко на месте, что никого нет, что Плеве не назначат, потому что он очень черствый.

25 января.

А. П. Коломнин рассказал характерный случай насчет помощи голодающим. Это было с уполномоченным „Красного Креста“, офицером, кажется, Юрьевичем, который ему рассказывал, как крестьяне относятся к раздаче пособий. Многие его спрашивали:— „Ты, батюшка, какую нам помощь привез? От царя,—так нам ее не нужно“ (царская помощь—с возвратом, ее мужики должны будут вернуть правительству, когда им это будет можно).

8 февраля.

Сегодня Петербургский университет празднует день своего основания. Клейгельс, который третьего дня у нас завтракал, сказал, что он очень озабочен сегодняшним днем. Неделю тому назад в университете было вывешено объявление, скорее преду-

преждение студентам, как они должны провести 8 февраля. Нам говорили, что это предупреждение их озлило и что готовятся беспорядки. Вчера секретарь Клейгельса сказал нам, что эти наставления, подписанные ректором университета, написаны чуть ли не самим градоначальником. Особенное внимание обращено сегодня на Дворцовый мост. Туда стянута почти вся полиция. На Васильевском острове к этому мосту приставлено 150 человек конных жандармов, 300 полицейских, и такое же число полицейских спрятано в домах, чтобы в случае надобности, если натиск студентов будет велик, подать помощь товарищам. Вся полиция вооружена нагайками. Устроены даже санитарные пункты в разных частях города на всякий случай.

9 февраля.

Вчера было спокойно, только в самом университете был скандал. Ректору Сергеевичу студенты не дали прочитать отчета, встретили его свистками, так что ему пришлось сойти с кафедры.

10 февраля.

Имеретинский сказал про Боголепова, что этому человеку надо два года думать, чтобы решить какой-либо вопрос, в один год он вопроса решить не может. В заседаниях высказать свое мнение ему совсем невозможно, поэтому, когда он открывает рот, он говорит только глупости. Рассказал Имеретинский, что вчера в комитете министров разбиралось его дело, т.-е. насчет преподавания польского языка не по-русски, а по-польски. Победоносцев высказался за последнее, сказав, что не понимал бы объяснений Мицкевича и чтения его на другом языке, а не на польском. Мнения разделились. Говорили об этом три с половиной часа и, наконец, образовалось 11 голосов за Имеретинского и 6 против него. Боголепов сказал, что он допускает только, что учитель, объясняя ученику, может, увлекшись, сказать два-три слова по-польски и за это с него взыскивать нельзя.

11 февраля.

Вчера Имеретинский рассказал про статью, которая была в польских газетах, под заглавием „Три генерал-губернатора". Описывалось, как Гурко, проезжая по городу Варшаве, встретил конвой, который вел государственного преступника или изменника в 10-й павильон. Гурко раскричался, как на изменнике нет кандалов, тут же приказал войти в первую кузницу заковать, и таким образом закованного повели в 10-й павильон. Затем граф Шувалов, тоже проезжая по городу, встречает конвой с изменником, но уже с цепями. Шувалов раскричался, почему оковы, и мгновенно приказал расковать и затем отвести в 10-й павильон.

Конец про третьего генерал-губернатора—Имеретинского, тоже встретившего изменника под конвоем. Имеретинский остановил коляску свою, попросил изменника по-польски сесть к нему в коляску рядом с собой, конвойного же посадил на козлы, и довез изменника все в тот же 10-й павильон.

Сегодня Грингмут говорил, что на акт университета ни Боголепов, ни его товарищ не приехали. Они ожидали скандала, поэтому сказали, что лучше, чтобы он без них произошел, что тогда меньше придется им взыскать со студентов. Но Боголепов не признается, что ему известно было, что в программе скандала стояло, что студенты собирались с ним расправиться, как расправились несколько лет тому назад в Москве студенты с Сабуровым, который тогда был министром народного просвещения, т. е. решено было прямо его ударить. Боголепов этого и струсил. Плеве сказал про Боголепова, что он вялый и тяжело смекает. В заседании комитета министров по вопросу преподавания на польском языке в польских школах присутствовали все великие князья. Сергей Александрович даже нарочно приехал из Москвы к царю, чтобы ему сказать, чтобы вел. князей послал в заседание для поддержания его ставленника Боголепова. Но Боголепов так неумело говорил, что в этом вопросе Имеретинский стал победителем. 13 человек высказались против Боголепова, в том числе и все великие князья. Теперь интересно, с кем царь согласится.

Юзефович („Южный Край") говорил, что многих студентов полицейские избили нагайками, не пропуская их на Дворцовую площадь. Оказывается, это правда. Многие подтвердили это Е. В-чу. Юзефович сказал, что знает достоверно, что петербургские студенты, пострадавшие от нагаек, написали студентам других университетов—Киева, Харькова, Москвы и проч., что они не хотят ходить на лекции, желают закрытия университета и уверены, что их коллеги других университетов в том же духе будут действовать.

13 февраля.

Говорят, что 8-го была битва между студентами и конной полицейской стражей у Дворцового моста. Молодежь не пропускали через мост. Два студента были подняты со сломанными ногами. Конницу студенты встретили иные со шпагами, а другие успели схватить метлы из омнибусов. Все это было видно из Зимнего дворца. Вчера нам говорили, что циркуляр, расклеенный в университете за неделю до 8-го февраля, был инспирирован Клейгельсом, и что этот-то циркуляр и заварил кашу. Был бар. Каульбарс. Он против того, что делается теперь в Финляндии, говорит, что это надо было сделать 90 лет тому назад, когда была присоединена Финляндия, а что теперь уже поздно. Царь спросил Каульбарса, когда он ему представлялся недавно:— „Как теперь в Финляндии?" Каульбарс отвечал, что вся Финляндия плачет, в большом горе. Царь с удивлением спросил:—

„Почему?“ Каульбарс отвечал:—„По случаю последних распоряжений“. Царь больше не распространялся. Каульбарс говорит, что настроение финнов теперь таково, что они лежат в церквах на коленях, моля бога, чтобы он им сохранил их прежние порядки. Он находит, что финны возмущения теперь не сделают. На похоронах одного финна ландмаршал Тройль сказал речь, что „жалеет покойного, но радуется за него, что он умер и не будет свидетелем гибели Финляндии“. Вишняков говорил, что манифест Финляндии написан Плеве.

15 февраля.

Боголепова все в Петербурге начали называть „Нелепов“. Университет уже два дня, как закрыт. Студенты говорят, как нам рассказывали, что только тогда успокоятся, когда будет смещен Клейгельс. Его нагайками они страшно возмущены, а также и всеми распорежяниями насчет студентов. Напр., никого из студентов не пускают с Васильевского острова на эту сторону, закрыты все мосты, не впускают также студентов ни в один ресторан. Все это крайне нелепо.

16 февраля.

Вчера к завтраку собралось интересное общество—Дейтрих, барон Остен-Сакен, Лигин и Алфераки. Все говорили про злобу дня—студенческую историю, которая на этот раз вызывает общее сочувствие. Все возмущены распоряжениями полиции, все говорят, что до таких безобразий еще никогда не доходило. Дейтрих рассказывал про суд ксендза Белякевича. Суд Белякевича—плата адвокатам и свидетелям обошлась полякам недешево, один граф Огинский дал на это 15 тысяч руб. Свидетели, потерпевшие от побоев Белякевича, говорили, что „им все это было приятно“—в таком духе были показания.

Говорили нам, что в своей речи на акте университета 8-го февраля ректор Сергеевич сказал, что действует по повелению своего министра, у которого тоже есть начальство. „Вот оно“,—сказал он студентам, указав пальцем на портрет царя. Многие обвиняют Сергеевича в бестактности по поводу этой речи. Во время акта, когда студенты запели свою песню „Gaudeamus igitur“, они крикнули:—„Вставать“! Митрополит Антоний и Витте сидели, но при этом крике встали.

17 февраля.

Виленский попечитель Сергиевский говорил, что карательных мер против студентов никаких пока еще не принято, что выслано на родину пока 170 человек, которые не исключены из университета. Затем он сказал, что недавно стало известно начальству, что между всеми русскими университетами образован союз, есть исполнительный комитет, состав которого неизвестен, и приказания

которого исполняются университетами беспрекословно. Уже несколько раз он собирался, то весной, то осенью, в различных местностях России для выработки плана действий. Другие университеты уже приняли к сведению сигнал петербургских студентов, и в других городах уже начались волнения. Все, кого мы видели вчера, все согласно порицают распоряжения полиции во время последних студенческих беспорядков, но говорят, что царю было все совсем иначе доложено и он благодарил Клейгельса за его распорядительность. Все возмущаются нагайками Клейгельса. Принесли мне сегодня копию с письма Клейгельса к ректору университета Сергеевичу, посланного им 7-го февраля. Письмо озаглавлено: „По поводу ожидаемых 8 февраля обычных студенческих безобразий“. В письме Клейгельс пишет, что им приняты меры против ожидаемых беспорядков, что обращено им внимание на то, чтобы „по отношению к студентам со стороны подведомственных мне чинов было выказано вполне доброжелательное отношение в тех случаях, где увлечение легкомысленной юности играет главную роль; рядом же с этим будет применена корректная строгость по отношению тех, которые проявят умышленно злую волю“. При чтении этого письма, я вспомнила, что 7 февраля, накануне университетского праздника, Бутовский, секретарь Клейгельса, мне сказал, что сделан огромный полицейский наряд для охраны Дворцового моста, через который пропускать студентов не будут, и вся полиция, конная и пешая, вооружена нагайками. Это у Клейгельса—„корректная строгость“. Печальное явление то, что Пажеский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Финляндский полк послали сочувственные адреса студентам. Об этом говорят, как о факте. В духовной академии тоже лекции прекращены. Это впервые, что взбаламутились будущие духовные отцы. Из Финляндии тоже недобрые вести. Манифест пришелся финнам не по нутру. Всюду полное уныние в Финляндии, полный траур. Приезжал сюда ландмаршал Гройль с другими представителями сословий, но не был принят царем, так и уехали они ни с чем.

20 февраля.

Сегодня в „Правит. Вестнике“ появилось высочайшее сообщение, что поручается государем Ванновскому произвести расследование студенческих беспорядков 8 февраля. Это сообщение написано было не Горемыкиным, а Муравьевым. Произошло эта так. В среду на этой неделе было совещание всех министров у Горемыки. На этом совещании Витте стоял за расследование причин беспорядков, прочел там свою записку, которую подписали четыре министра: Муравьев, Ермолов, кн. Хилков и Протасов. Куропаткин тоже составил свою записку, тоже против Горемыки, которую поддержал Победоносцев. Но все это ни к чему не привело. На другой день Горемыкин, на своем докладе царю, совсем успокоился, и было решено, что никакого расследования не бу-

дет. Вчера, в пятницу, узнав об этом, Витте тоже на своем докладе подал свою записку царю. Тут явилась весть из Москвы, что университетским начальством исключено 170 студентов из университета, а также, что студент Ткаченко, когда к нему пришли делать обыск, застрелился. Все это подействовало на царя и он тут же решил, чтобы было сделано расследование. Тобизен получил депешу, что в Харькове, в университете, студенты тоже перестали ходить на лекции. Пантелеев доволен, что председателем комиссии по расследованию назначен Ванновский, он думает, что он будет беспристрастен. По моему, вряд ли. Ванновский—мелочный, дрянной человек.

24 февраля.

Клейгельс говорил, что 8 февраля считали, что все пройдет благополучно, что в прежние годы бывало хуже, но спустя несколько дней началась агитация среди высокопоставленных лиц и профессоров. Особенно Фаминцын и Бекетов, которые даже добились приема у царя. Но, по словам Клейгельса, царь, хотя всех и выслушивает, но действует самостоятельно. „Письмами" Суворина в „Новом Вр." Клейгельс очень доволен, говорит, что ему большая хвала за это. Когда мы ему сказали, что Суворин получил много угрожающих писем по этому поводу, он сказал, что будет оберегать Суворина.

25 февраля.

Говорят, что студенты недовольны назначением Ванновского председателем комиссии по расследованию. Про Ванновского нам рассказывали такой факт, что, когда его сыновья были в Пажеском корпусе и когда начальство с них взыскивало, он притеснял начальство, требуя, чтобы его сыновьям все спускалось.

2 марта.

Рассказывали нам про Финляндию, что по случаю манифеста она надела траур—все женщины и мужчины в трауре, в магазинах только черные вещи выставлены. На Бобрикова финляндцы не сердятся, говорят про него, что он исполняет приказания, которые отсюда присылаются, но бранят Победоносцева, Куропаткина и Плеве, считая последнего автором манифеста.

4 марта.

Псковский губ. предводитель Новосильцев говорил, что не студенты делали безобразия в университете 1 марта — били стекла в актовом зале,—но переодетые в студентов провокаторы.

5 марта.

Теперь в Петербурге разбирается вопиющее дело Казачьего полка. Подсудимыми оказываются три генерала, которые раньше командовали этим полком—Короченцев, Жеребков и Иловайский. Продолжались там в полку злоупотребления более 16 лет. Раскрыл их назначенный туда командиром Варламов, которому подали смету на содержание полка вдвое больше, что его поразило. На его вопрос, почему столько требуется, ему ответили, что „это ему выгодно будет". В список были поставлены выдачи и льготным. Варламов сократил эти выдачи. Это навлекло на него такие неприятности, что его самого заподозрили, отрешили от должности и он три года состоял в опале. Дело это очень грязное.

6 марта.

Говорили нам, что в своей речи в военно-медицинской академии после беспорядков 8 февраля Куропаткин назвал полицию „темной силой". Плеве про Клейгельса сказал, что в общественном мнении он так упал, что ему не подняться, что нагайки ему не простят.

7 марта.

Клейгельс говорил о приехавшей в Петербург финской депутации (325 чел.), что он проследил за ней, куда и как ее разместили. Затем он вызвал 8 человек из ее состава и объявил им, что не позволит им ходить массами по городу, что ослушников вышлет из города, а так как они уже начали путешествия, знакомство с городами, то возможно, что, при их ослушании, они уедут дальше в Россию. Вчера мы слышали, что депутаты начинают понимать, что своего здесь не добьются, и некоторые из них уже уехали обратно в Финляндию. Царь депутацию не принял.

8 марта.

Анастасьев зашел из Гос. Совета, говорит, что между министрами глухая вражда, что записка о студентах повредила Витте, что члены Гос. Совета против Горемыкина и Боголепова. Муравьев (юстиция) сказал Анастасьеву, что Ванновский отлично ведет дело дознания, вполне отрицает политическую подкладку в этих беспорядках, на которой Горемыка настаивает. По мнению Анастасьева, даже прокламации, которые бродят повсюду, якобы выходят из департамента полиции,—это уж чересчур. Горемыка распускает про записку Витте, что он ее сам пропагандирует между студентами.

9 марта.

Пантелееву сказал А. П. Игнатьев, что царь принимал ректора Сергеевича и профессоров и что ректор настаивал у царя, что необходимо ему дать конституцию. По словам Пантелеева,

царь желал бы восстановления III отделения, но это сделать несвоевременно, да и все министры против этого восстанут.

10 марта.

Вот письмо, которое Суворин написал 8 марта:

„Прошу вас передать Е. В-чу, что „документ“ (документ, данный Клейгельсом, сведения, им посланные в комиссию Ванновского), доставленный мне, убедил меня, что, если со стороны студентов и было что негожее, то и со стороны полиции, и полиция уже потому виновата, что ее было невообразимое множество—одних городовых с околоточными и офицерами до 1089 человек. А если считать жандармерию и конницу полицейскую, то, пожалуй, выйдет, что на каждых двух студентов был один страж—конный, либо пеший. Разве при такой силе можно бить кого-нибудь? А лупить нагайками никого не следует. Я бы это Клейгельсу сказал. Если будет что нового, пожалуйста, передайте по телефону. А то я приехать могу. Мне только обедать трудно, а приехать по делу готов. Сегодня меня колотят в „СПБ. Вед.“,—сравнивают акт 20 февраля 99 года (назначение комиссии Ванновского) с 19 февраля 1861 г. Вот куда пошло. Признаюсь, не ожидал (см. выписку в „СПБ. Вед.“ из „Либавских Новостей“). Очень любопытно. Точно конституция идет. А князь Ухтомский все это одобряет и подзуживает (это слово не разобрала). Мне скверно. Хотелось уехать в Москву. Но еще хуже буду волноваться.“

13 марта.

Дейтрих говорил Е. В-чу, что между Россией и Англией ладится полное соглашение относительно китайских вопросов. Значит, Англия успела нас отуманить. Наши государственные люди никуда не годятся по сравнению с англичанами.

Во французской газетке „Petit Bleu“ напечатано про одного сановного дипломата, которого газета не назвала, что он, нуждаясь в деньгах, продал якобы немцам военную франко-русскую конвенцию и, когда это дело открылось, тогда французы, во избежание скандала для дипломата, сделали козлом отпущения Дрейфуса, которого судили, осудили и отправили на Чортов остров. На другой день другая газетка, „Fronde“, назвала имя дипломата—барон Моренгейм—и говорит, что поэтому-де он был смещен со своего поста, поселился в По, так как ему въезд в Россию воспрещен. В „Temps“ напечатано интервью корреспондента газеты с Моренгеймом, в котором он оправдывается.

15 марта.

Сегодня был Клейгельс. Сказал, что для правительства лучше, что вся студенческая история приключилась после праздника их 8-го февраля, а не в прошлом году, когда они затеяли панихиду по Ведровой, которую полиции удалось парализовать, не допу-

стить. Тогда студенты еще не были готовы для производства беспорядков по всей России, но летом у них собрался их комитет в Москве и тогда они придумали всю эту организацию. В Киеве университет закрыт, 52 студента высланы. Н. И. Петров был на вокзале ж. д., когда они уезжали из Киева, видел торжественные проводы, которые им были устроены всеми студентами, которых на вокзале набралось до 1.000 человек, другим пассажирам не было места войти на станцию. Студенты провожавшие пели Марсельезу и другие самые безнравственные песни. Собрались сегодня к завтраку Остен-Сакен, Валь и Андреев. Валь нападал на полицию, на Клейгельса, на Горемыку, находил, что это дело студентов раздуто, выдумано самим Горемыкой, который хочет удержаться на своем месте тем, что царя будет держать в уверенности, что спасает его от анархистов, что Петров не позволяет Горемыке уходить, его учит, как действовать, что с уходом Горемыки выгонят и Петрова. Валь говорил, что на Румянцевской площади было два отряда конной полиции, по 50 человек. Клейгельс же вчера уверял, что полиции там было только 35 человек под начальством Владимирова, и что полиция якобы оборонялась от нападений студентов.

16 марта.

Прислали сегодня Е. В-чу следующие стихи:

Колыбельная песня.

(Новые вирши на старый напев).

Спи, младенец наш прекрасный.
Баюшки-баю.
Управлять ведь труд ужасный,
Скучно—и к чему?

Хорошо ли, или скверно
Станешь управлять,
Чему быть, того наверно
Нам не миновать.

Врут наши твои шикарно.
Правду как же знать?
Их сменить?—Было бы славно,
Но кого же взять

Им на смену?—Вот, примерно,
Горемычный врет
И дела твои прескверно,
Пагубно ведет.

Но кому же эпопею
Эту передать?
Не ментора же Сергея, (Витте)
Муравьева взять.

Лгун он тоже, но умнее,
И уж плутоват,
На корыстные затеи
Страх, как тароват!

Еще юношей тягался
Со своим отцом;
Состоянья добивался
От него судом,
За что дядя, негодуя,
Титула не дал.
Позже он жену вторую
Пруссаку продал.
С Дервиза взял куш почтенный
За придворный сан.
Тож Сибиряков блаженный
Щедрую дал дань.
Дал Ратьков, глава столицы,
За свои дела,
И слыхать, что по юстицьи
Продают места.
Взять ли графа нам из града, (гр. А. П. Игнатьев).
Где крестилась Русь?
Иль того, что был в Царьграде? (гр. Н. П. Игнатьев).
Вот уж славный гусь!
Оба врут не хуже Горе-
Мычного паши;
Николай же станет вскоре
Драть с нас бакшиши.
Иль Димитра, что Митавой (Сипягин)
Уважаем был.
Но ведь глуп он—этой славой
Громко он прослыл.
Он не врет, но он глупее
Даже Дурново;
А не трудно быть умнее
Вани—tête de veau.
Может, с именем чухонским
Нам барона взять. (Бар. А. А. Икскуль)
Ведь он с гонором ливонским,
И не станет лгать.
Так ли? Уж он горемычным
Духом заражен,
И едва ли симпатичным
Будет многим он.
Взять ли князя, что Дворянским
Банком управлял?
Как он князем Оболенским
Никогда не врал.
Из правителей провинций,
Может, нам избрать?
Есть там князь Имеретинский—
Смел, но верхогляд.
На Кавказе куролесит
Тучный князь Гри-Гри, (Голицын)
Телом очень много весит,
Совестью—ни-ни.
А в Сибири Горемыка
Есть еще другой.
Хоть он плохо вяжет лыко,
Но Ивану свой. (Горемыкин).
В Киеве стратегик славный (Драгомиров)
Чудеса творит.
Шут он, правда, преисправный,
И зело чудит.

Быть Суворовым мечтает
Этот скоморох,
Все комедию ломает,
А на деле плох.
В Вильне Троцкий—честный воин,
Но в правленьи прост,
С делом вовсе не освоен,
Правит им прохвост.
Но довольно разбираться
В сонме тех мужей,
Вне какого основаться
Выбор твой—не смей.
Есть и люди честных мнений,
С знаньем и умом.
На беду же злой твой гений
Запер им твой дом.
Им указчик синодальный (Победоносцев).
Ходу не дает.
Бедоносцев он фатальный
И к беде ведет.
Он же, чтобы м. жа дела
Сам ты не нашел,
Горемыку скороспело,
Живо изобрел.
Что тут спорить с ним напрасно!
Правду я скажу:
Лучше спать тебе прекрасно.
Баюшки-баю.

Остроумный гешефт.

Для вывесок питейных заведений
При Грейгере и Вале установлен был
Цвет алый, в знак стыда от опьяненья.
Но Клейгельс мудрый цвет зеленый возлюбил
И говорит: „Не пить—то утопия.
Так цветом вывесок знак мною будет дан,
Чтоб до зеленого напились змия.
Маляр же мне за то отсыплет куш в карман."

17 марта.

Сегодня по телефону Дейтрих сказал, что в Казанской губ. был голодный бунт. Е. В. на это ответил, что это возможно, в виду двойной раздачи помощи—от Красного Креста безвозмездно и от министерства внутренних дел—в ссуду. По городу гуляет следующая депеша от Драгомирова к Горемыке, который телеграфировал насчет студентов: „Университет оцеплен войсками. Все спокойно. Неприятель не показывается". Эта депеша сильно рассердила Горемыку. Про бывшие в Петербурге 8-го февраля беспорядки говорят, что они прошли не „боголепно, а горемычно". Про комиссию Ванновского идут слухи, что сама комиссия не может себе уяснить, кто прав, кто виноват—студенты или полиция. Все как-то спуталось в мозгах, не могут разобраться. Вчера Ванновская, которая хорошо знает своего дядю—Ваннов-

ского, сказала, что он ничего, кроме сумбура, внести в это дело не может, что он—олицетворенная несправедливость. Вчера уже намеревались закрыть в Петербурге университет, так как в нем возобновились беспорядки,—снова студенты занялись битьем стекол в актовом зале, и проч. Приключилось это вследствие того, что другие университеты прислали в Петербургский университет заявление, что они все забастовали по его примеру, а здесь водворился порядок.

27 марта.

M-me Кауфман слышала, что якобы Ванновский находит, что его комиссия не имеет raison d'être, что надо ее закрыть, что поведение студентов таково, что они сами себе портят дело, что требуются серьезные против них меры.

29 марта.

Говорят, что царь сказал, что очень сожалеет, что не послушался совета Боголепова—не закрыл сразу университета. Куломзин вчера резко высказывался против Клейгельса, против „глупого мальчишки" Владимирова, который произвел беспорядки в Румянцевском сквере со своей конной стражей. Говорил, что царь сказал про Суворина, что он один громко и честно высказал свои порицания студентов, многие думали так, как он, но вполголоса это высказывали, а Суворин сказал во всеуслышание. Суворин же, вследствие того, что так высказался, много тяжелого переживает, беспокоятся даже за его здоровье. Никольский говорил, что только оттого, что Суворин живуч, он до сих пор не умер.

30 марта.

Вчера мы ездили к Суворину. Застали его в передней, где он перебирал газеты На вид он был желтый, с опухшим лицом, что-то тупое в глазах, сердитое. Он только что встал. Не смотря нам в глаза, он подал руку, но когда мы хотели с ним поговорить, он как-то дико повернулся, скороговоркой сказал: „Говорить я не могу"—и скрылся. Из разговоров Анны Ивановны мы поняли, что Суворин теперь все злится, сердится на редакторов газет, которые его травят. Теперь сердит Суворина то, что циркуляр, запрещающий говорить в газетах о студентах, приписывают ему, что он его вымолил у Горемыки. Поэтому „Союз писателей" хочет Суворина исключить из своей среды. В этом направлении работают Арсеньев, Мушкетов и Потехин, да и весь „Союз" против Суворина. Но Суворин злится на них, но из их состава выходить не хочет. Также его злит, что Амфитеатров ушел теперь из газеты, также ушел и Поганенко. Про этих обоих Анна Ивановна сказала, что ушли потому, что теперь „Нов. Вр. не современная газета, затем Амфитеатрову были сделаны вы-

годные предложения в другую газету, „Народ“, которую будут издавать Савва Морозов и Савва Мамонтов. Этому Амфитеатрову Суворин недавно еще очень помог—скрытно от всех подарил ему 5 тыс. руб., а до этого дал еще 8 тыс. руб. Насчет Потапенко Суворина сказала, что каждый его фельетон вызывал неприятности. Так как он их писать не умеет, то их исправляла редакция, а он всегда на это сердился, выходили всегда бури, он отказывался от сотрудничества, но в конце концов все улаживалось. Сын Суворина, Михаил, приехал из Парижа, чтобы увезти туда отца. Но Суворин и слышать не хочет уехать, а здесь ему оставаться нельзя, он с ума сойдет. Теперь он совсем не спит, а все пишет письма, пишет и рвет. Но некоторые посылает,— послал дерзкое письмо Горемыке, такое же Соловьеву (по делам печати).

1 апреля.

Вчера у Горемыки было снова совещание министров с Ванновским насчет студенческих беспорядков. Решены крутые меры в отношении студентов.

2 апреля.

Вчера студентов, в числе 500 человек, задержали по частям с тем, чтобы выслать из Петербурга. Явился к нам вчера же Никольский, возбужденный донельзя, говорил про полицию, что якобы она-то и поддерживает волнения, что она по карманам студентов раскладывает прокламации, что более бессовестных, беспринципных людей, чем полиция, нет. Романченко сказал, что эту неделю все министры перебывали у царя по несколько раз, были даже и не в дни своих докладов. 31 марта у Горемыки было два раза заседание всех министров. Оба раза Победоносцева не было. Витте продолжал настаивать, что политической подкладки в этих беспорядках нет. Ермолов, который раньше подписал записку Витте, теперь прямо перешел на сторону Горемыки, что политический характер эти беспорядки имеют.

3 апреля.

Левашову (витебскому губернатору) говорил Анастасьев, что перед отъездом в деревню Э. Д. Нарышкин представлялся царю. Во время аудиенции он сказал царю, что он стар, а царь молод, поэтому он просит его позволения сказать ему, что для блага всей России необходимо ему удалить Горемыку. Притом Нарышкин, наклонившись почти до пола, сказал царю, что земно ему кланяется, чтобы он обратил внимание на его слова. Царь ответил: „Подумаю“. Но на другой день был у царя Горемыка, который сияющий вышел из кабинета. Анастасьев близок с Нарышкиным, поэтому мог узнать об этом верно. Теперь уже стали говорить, что будто после беседы с Нарышкиным царь был у

в. кн. Александра Михаиловича и там говорил про разговор Нарышкина о Горемыкине и высказывал:—„Да кем же его заменить". Общее мнение о царе, что у него нет своего мнения, всякий, кто последний с ним говорил, тот и прав в его глазах.

6 апреля.

Сегодня председатель московского цензурного комитета Назаревский говорил, что „Московским Ведомостям" одним, в виде исключения, позволено говорить про студенческие беспорядки. Что он, Назаревский, до издания циркуляра, запрещающего о них говорить, не давал московской печати ругать Суворина, что ежедневно в „Русских Ведомостях", которые он лично цензурует, он вычеркивал статьи против Суворина. Сотрудники „Русских Ведомостей" не раз поэтому обращались к нему с вопросом: „Почему о Суворине нельзя говорить? Разве он стал министром?" В. кн. Сергей Александрович очень доволен сдержанным тоном московской печати.

9 апреля.

Клейгельс сказал, что разговор Нарышкина с царем—выдумка, что царь у него не был, также и он у царя, что он очень болен и никуда не выходит.

10 апреля.

Вчера завтракали у нас Дейтрих, Трепов и Грингмут. Говорили, что Ванновский представил царю свое расследование студенческих беспорядков. Он признает, что в них ничего политического не было, обвиняет полицию, требует предания суду полицеймейстера Нолькена и начальника конной стражи Галле, фаворита Клейгельса, которого он привез с собой из Варшавы. Этот Галле 5 числа этого месяца на Казанской площади оцепил студентов, которые возвращались с вокзала после проводов своих товарищей. Попалась и публика. Плеве сказал, что у Ванновского система—быть в оппозиции с царем: теперь царь за Горемыкина, верит его сообщениям, с Ванновским не согласится и оба останутся при своих мнениях.

25 апреля.

Вышнеградская говорила, что всю студенческую историю создал Горемыка, что кончался срок, положенный для усиленной охраны, но с миллионом, который дается на это дело в безотчетное распоряжение министра внутренних дел, Горемыкину не хотелось расставаться, поэтому он и муссировал этот вопрос. Старик Ванновский со своей комиссией провалился, не сумел с ней разобраться.

27 апреля.

В Финляндии дела из рук вон плохи. Финны начинают пускать в дело свои ножи, в Тавастгусе напали на солдат. Бобриков, по словам Пантелеева, высказывает, что один конец такому положению—чтобы его подстрелили, тогда с ними справятся. В поспешности, с которой все реформы свалились на Финляндию, винят Бобрикова, который только с этим условием и принял там пост генерал-губернатора. Находят все, что сначала надо было выпустить манифест, потом воинскую повинность и т. д., все постепенно.

28 апреля.

Про доклад Ванновского о студентах царь сказал, что этот старик выжил совсем из ума, совсем не понял задачи, которая была на него возложена.

30 апреля.

Печально видеть, что теперь творится в России. Датскому мореходному обществу даны большие права в России, в ущерб русскому мореходному обществу и казначейству. Выхлопотала это датчанам царица-мать и в. кн. Александр Михаилович, которого Шаховской назвал злым гением государя. Про царя все одно и то же говорят, что он с каждым, кто с ним поговорил, соглашается.

25 мая.

Был Клейгельс. Говорили про правительственное сообщение о расследовании комиссии Ванновского. Клейгельс расстроен, говорит, что сообщение это разлагающее производит впечатление. Из слов Клейгельса можно было понять, что Горемыкин про это сообщение ничего не знал, а написано оно было Победоносцевым. Тут Клейгельс сказал, что достоверно знает, что царь этому сообщению не сочувствует, что совсем противоположный взгляд имеет на все это печальное дело 8 февраля. Анастасьев заходил проститься,—едет завтра в деревню. Он тоже возмущен правительственным сообщением, говорил, что Витте о том, что такое сообщение будет напечатано, ничего не знал, что Ванновский ругает это сообщение, что совсем иной у него получился результат после его расследования. Это сообщение, по сведениям Анастасьева, написано Горемыкиным вместе с Юзефовичем (киевским), бывшим когда-то цензором.

29 мая.

Вчера Дейтрих говорил про правительственное сообщение, что сперва оно было написано Мещаниновым, затем Ванновским, но обе редакции царю не понравились. Тогда Гессе поручил написать Юзефовичу, и им написанное и было напечатано. Ван-

новский остался редакцией очень недоволен, в тот же день уехал в деревню, а Горемыка про это сообщение прочел только в газетах. Последствий никаких после этого напечатания не ожидается. Вчера Новицкий (киевский жандармский генерал) рассказывал про киевские беспорядки. Там у него арестовано 62 человека, а 400 студентов будут выпущены из-под ареста только 17 июня, т.-е. в день, когда будут окончены экзамены, чтобы они не мешали товарищам их докончить. По словам Новицкого, в Киеве беспорядки студентов были прямо политического характера, оттуда все и началось. В киевском университете студентов 3 тысячи человек, но русских не много и все они не сплочены, другие же национальности дружно держатся. Есть там партия украинофилов, другая—Драгоманова—вот эти-то и были более других виноваты во всем происшедшем. Про Новицкого Е. В. сказал, что он пользуется репутацией очень умного и очень ловкого жандармского генерала.

31 мая.

Обедали у Бобрикова, Бобриков казался озабоченным. Он привык в штабе, где раньше был, командовать и повелевать всем, а теперь выходит так, что финны под его носом делают то, что хотят, он же узнает их деяния случайно, или же из иностранных газет. По мнению Бобрикова, только „кровопускание“ успокоит, усмирит финнов. Приэтом он сказал любезность присутствовавшему за обедом генералу Ставровскому, который назначен на Урал атаманом, что если ему дадут туда уральскую сотню, ее достаточно будет, чтобы с финнами справиться, а донских казаков пришлось бы взять вместо одной—четыре сотни.

9 июня.

Сегодня очень интересно рассказывал Н. А. Радциг (камердинер царя, который при нем с его 7-ми летнего возраста) про некоторые привычки царя, черты его характера и проч. Прискорбно отношение царицы-матери к сыну-царю, а особенно к молодой царице. Третьего дня, напр., царица-мать приехала в Петергоф, где в настоящее время находится царь с семьей. Она посетила в. кн. Ксению Александровну. Царь, зная, что она приехала, все время ее ожидал, во время докладов министров несколько раз справлялся, приехала ли мать, но ее все не было. Наконец, царь отправил скорохода к матери, узнать, будет ли она к ним, почему не приезжает. Получился ответ: потому что приглашения не получила. Детей своих Мария Федоровна совсем не любит. Она детей никогда не ласкала. Покойный Александр III был гораздо нежнее с детьми, чем мать. Несмотря на свою суровость, бывало, царь обнимет сыновей, но мать никогда. Иногда совсем неожиданно царь заходил в спальню детей, но мать, как заведенные часы,

заходила аккуратно в один и тот же час, так же, как в одно и то же время дети являлись к ней—поздороваться утром, поблагодарить после завтрака и обеда и проч. Радциг говорит, что он был полным хозяином в спальне наследника, никакого контроля за ним не было. Прислуга часто удивлялась в то время, что Александр III часто, входя в свой кабинет, запирал за собой дверь, через которую входила к нему только Мария Федоровна. Видно, что такой у нее характер, что царь от нее запирался, чтобы отдохнуть от ее капризов. Молодой царь с 9-летнего возраста пишет свой дневник ежедневно. В свой дневник он все записывает подробно, ничего не утаивая. Тоже рассказал Радциг, какое тяжелое пережил время, когда, наследником, царь увлекался Кшесинской. Радцигу тяжело было смотреть, как Кшесинская и вся ее компания спаивали наследника ежедневно. Он не утерпел, высказал это наследнику и потому потерял свое место, но затем опять цесаревич взял его к себе и дал ему прочесть свой дневник, именно то место, которое касалось Кшесинской и всей той эпохи его жизни. Молодая царица, получавшая, будучи невестой, массу анонимных писем про жениха, тоже читала дневник царя. Пишет он ежедневно по вечерам, затем выпивает стакан свежего молока и идет спать. Когда цесаревич увлекался Кшесинской, царица-мать смотрела на это совершенно спокойно, находила это вполне нормальным, но весь придворный entourage, кроме вел. князей, которые помогали в этом цесаревичу, очень возмущался, что выбор пал на первоклассную танцовщицу. Теперь у царя к ней нет более никаких чувств,—он любит жену, детей и, когда он с ними, он вполне счастлив. Печалит его поведение матери, над которой при дворе все смеются. У царицы-матери невозможный характер. Теперь уже там слух, что Барятинский ей надоел. Про Гессе Радциг сказал, что он тихоня, никогда ничего не говорит, что он подсунут царю маменькой, а также и оба его другие лакеи-камердинеры—Катов и Шалберов, видно, с целью шпионства.

12 июня.

Сегодня очень дельно В. Ф. Трепов говорил насчет правительственного сообщения. Вот его сведения, которые он категорически заявил „точными". Было написано два сообщения: одно Мещаниновым по указаниям Ванновского, другое Гессе поручил написать Юзефовичу. Царю были представлены оба, и оба ему понравились. Оба он послал Победоносцеву для его решения. Победоносцев взял начало у Ванновского, конец у Юзефовича, по его словам, создал для царя конспект, а никак не правительственное сообщение, удивился, когда оно в таком виде появилось в печати. Царь прочел этот конспект, в некоторых местах лично исправил его, он ему тоже понравился и, таким образом, он был отдан в „Правительственный Вестник" без ведома Горемыкина, что доказывает, что с министром внутренних дел не считаются, что

силы у него нет. Сообщением этим царь хотел показать, что он самодержавный царь, но силы своей в этом сообщении не проявил. Находят неуместной, бестактной угрозу, брошенную обществу.

13 июня.

Вчера не дописала насчет правительственного сообщения. Царь, по исправлении, передал „сообщение" бар. Фредериксу для напечатания в „Правительственном Вестнике". Фредерикс, прочитав его, увидел, что в конце сообщения никто не подписался. Из опасения, чтобы в типографии не прибавили к концу что-нибудь от себя, он подписал свою фамилию. В 5 часу ночи он проснулся взволнованный: а что, если в „сообщении" напечатают его подпись?! Успокоился только тогда, когда ему принесли первый лист.

1900 год

2 мая.

Вчера обедал с нами кн. Ухтомский („СПБ. Вед."). Он недавно вернулся из Парижа, где виделся с Рачковским, нашим политическим агентом. Рачковский ему говорил, что опять наступают тревожные времена, что русские нигилисты всех партий съезжались на юге, затем был их общий съезд в Женеве. Все партии сплотились, решено у них действовать совместно, перейти с пассивного образа действий на активный, вновь начинать убийства, что назначение Сипягина им не в руку. Затем сказал Рачковский, что в Петербурге мало доверяют его донесениям, а что положение теперь очень серьезное.

3 мая.

Был Грингмут. Он виделся в Москве с Сипягиным, советовал ему высказать свою программу, говорил ему, что направление его в Петербурге известно, но в провинции нет, и что поэтому в России продолжается то же, что было при Горемыкине. На это Сипягин отвечал, что никакой программы своей не опубликует, что будет работать, будет стараться сделать пользу России, но если не удастся, то без программы стыдно не будет, а если с программой, да ее не выдержать, тогда уж совсем стыдно.

6 мая.

Многих поразит одна из наград по случаю дня рождения царя, это—назначение Бобрикова членом Гос. Совета, с оставлением его в занимаемых им должностях. Это назначение показывает, что царь доволен его образом действий в Финляндии. Думаю, что Плеве этим не будет доволен, так как из его слов, после его приезда из Финляндии, я поняла, что ему не нравится образ действий Бобрикова в Финляндии. Плеве говорил, что следовало бы Бобрикову „надеть перчатки", так как он слишком резко там действует. Петербургскому митрополиту Антонию пожалован рескрипт и бриллиантовый крест на митру за то, что благолепно служит.

14 мая.

Был Бобриков. Сказал, что свою политику в Финляндии—твердую, без уступок финнам,—он не изменит. Про финнов он привел такой пример, как с ними приходится действовать. Теперь вводятся в Финляндии новые почтовые марки, которые будут

стоить на $^1/_3$ пенни дороже, чем прежде. Финны выразили несогласие за эти марки. На это Бобриков им сказал, что если они не согласятся на марки, то им придется переменить их денежную монету на русскую. Такого возражения они не ожидали и волей-неволей успокоились насчет новых марок. Еще Бобриков сказал, что и ему, и финнам было бы тяжелее, если бы он, предпринимая и преследуя все свои задачи, приэтом маскировал бы свои чувства к ним и был бы с ними коварно-любезен. Система Бобрикова—вежливое, но холодное к ним отношение и преследование намеченной им цели без всякого уклонения.

15 мая.

Вчера долго у меня сидел А. И. Пантелеев. Говорил он про Сипягина, что он так наелся и напился в Москве, что до сих пор болен. Доклады Зволянского и Зуева происходят в присутствии Мирского. С Сипягиным Святополк-Мирский на „ты", Зволянский и Мирский—тоже. Все зовут его „Пепка", и во время доклада только и слышно это слово—„Пепка". В прошлый четверг было заседание в Гос. Совете насчет фиксации земского обложения. Сипягин так глупо и плохо говорил, что Плеве дипломатично удалил всю молодежь, чтобы его не осмеяли. Верховский ловко оппонировал, но в конце концов все министры, кроме Лобко, подали за Сипягина, а все члены Гос. Совета с Лобко—против него.

20 мая.

Вчера Арсеньев очень интересно рассказывал, какие были мотивы, побудившие Льва Толстого сделаться отступником православной церкви. Толстой, уже после своего сочинения „Война и мир", задумал раньше всего сделаться монахом, поехал к тульскому архиерею Никандру (который это и рассказал Арсеньеву). Никандр отговорил Толстого, сказав ему про его семью, что наша религия требует, что если муж идет в монахи, то и жена должна быть тоже в монастыре. Так как жена Толстого этого желания никогда не имела, то граф свою мысль оставил. Затем вторично он явился к архиерею Никандру с мыслью, что все свое имение он желает раздать нищим, приэтом привел текст из евангелия и сказал, что сделает это, чтобы быть „совершенным", как указал Иисус Христос. Никандр на это ему сказал, что, отдав все свое имение, он все-таки не будет „совершен", так как все люди грешны. Таким образом, Никандр опять отговорил Толстого. После этого Толстой поселился в Москве. Внизу его дома жил раскольник, не приемлющий священства. У этого раскольника родился сын, который вскоре умер. Он его не крестил и похоронил в погребе, за что отсидел две недели под арестом. Старшего сына этого раскольника взяли в солдаты. Отец приказал сыну присягу не принимать. Сын приказание отца

исполнил, отказался присягать и был за это наказан—два года провел в арестантских ротах. Вот эти два разговора с архиереем и затем оба случая с раскольником так подействовали на Толстого, что поколебали его веру в православную церковь, которая совсем по-евангельски не учит и не действует.

21 мая.

Рассказывал Арсеньев о Толстом. Типично, как Толстой, встретив Арсеньева в глубокой печали после смерти его жены, высказал ему утешение, начав с того, что чем люди развитее, тем они легче переносят горе. Затем Толстой спросил Арсеньева, знает ли он рассказ про индийскую царицу, которая потеряла единственного сына, как она была печальна, как просила Будду, чтобы он ее утешил. Будда ей сказал, чтобы она отыскала такую семью, в которой никогда дети не умирали, тогда она утешится. Искала царица долго, но такой семьи не нашла; сказала это Будде, который ей ответил: „Ты видишь, что у всех есть горе. Утешайся тем, что нет такого человека, у которого горя не было бы“. Арсеньев говорит, что эти слова Толстого не только его не успокоили, но еще больше расстроили.

23 мая.

Вчера Клейгельс, говоря с Е. В. про теперешнее положение общества, признался, что есть много тревожных симптомов, что Рачковский не преувеличивает, но что меры принимаются. Уже давно, по его словам, проявились тревожные симптомы, которые очень озабочивают властей, но про все это приходится скрывать, а показывать спокойный вид. Сказал он, что в этом году накануне 1 марта шла у полиции страшная работа—истребить все прокламации, которые были присланы сюда массами.

24 мая.

Говорили сегодня за завтраком о последних causes célebres—делах Болдыревой, Скитских, Коноваловой и др. Приэтом Дейтрих рассказал два—три дела, которые в печать не проникли, так как было запрещено о них писать. Одно из них ужасно безобразно. Случилось это в Ярославле с одним архимандритом, к которому часто являлась одна дама. Однажды с этой дамой он так поссорился, что между ними завязалась драка. Архимандрит лежал в постели, дама села на него и его била. Он позвонил келейника, который вместе с ним начал бить эту даму, и так ее избили, что она умерла. Надо было скрыть следы. Решили ее сжечь в печке, стали ее туда втискивать, но сжечь никак не могли. Тогда позвали протодиакона, который дал совет разрубить ее на куски и затем всюду рассовать. Сказано—сделано. Затем начали в разных местах находить куски ее тела. Снаряжено было

следствие, и преступление это было открыто. Архимандрита приговорили к каторге в Сибирь. На суде он сознался, что, бывши еще в другом монастыре, он таким же образом убил одну женщину. За последнее время наше духовенство делается из рук вон плохо. Пора Победоносцеву уступить свое место обер-прокурора свежему человеку, который избавил бы Синод от Саблера, про которого людская молва много нехорошего передает.

30 мая.

Рассказывал ген. Андреев, как в Ревеле в. кн. Владимир Александрович сконфузил Саблера, прося его дать объяснение одного возгласа во время освящения храма. Саблер почесал себе лоб и начал объяснять, но так туманно и так неуверенно, что в. князь, выслушав его объяснение, сказал, что у него есть другое объяснение этого возгласа, который ему был разъяснен в юности его законоучителем и с объяснением товарища обер-прокурора ничего общего не имеющее. Саблер был очень сконфужен.

1 июня.

Был Ухтомский. Он того взгляда, что Россия расшивается по всем швам, что нет у нас на окраинах единства политики: Бобринский в Финляндии совсем иначе действует, чем Имеретинский в Варшаве. Из Екатеринославской губ., с заводов, идут самые грустные вести; там прокламации распространяются в огромном количестве, и в них, между прочим, такие ужасы пишутся, что царя непременно убьют и всю его горностаевую мантию затопчут в грязи. Про графа Муравьева Ухтомский говорит с большим негодованием, что его иностранная политика плачевна. Но Муравьев пользуется таким доверием царя, что против него нельзя ничего сказать царю, как и против членов его семьи; нельзя довести до его сведения, что сыновья в. кн. Владимира, особенно Борис, ведут себя так непристойно, что роняют престиж царской власти, которая им все дозволяет. При разговоре с царем о великих князьях и людях, которым он доверяет, если говорится о негодности этих людей, лицо царя делается каменным, он упорно смотрит в окно и прекращает аудиенцию.

11 июня.

Вчера долго беседовала с Г. П. Ванновским. Про Куропаткина он сказал, что закусил удила. Напр., подъезжая к Петербургу, по случаю военных действий в Китае, он с дороги посылал депеши: назначал главнокомандующего в Китай и проч. Когда же он приехал в Петербург, ему здесь сказали, что царь уже сам распорядился насчет этих назначений.

18 июня.

Был Ванновский. Говорил про Куропаткина, что он вредный для России военный министр, который только фокусами занимается. Теперь недавно вышел от него приказ мобилизовать Приамурский и Сибирский военные округа, но так как он не знает, что делать потом, когда войска будут мобилизованы, то про это он спрашивает главный штаб, на котором не лежит обязанность указывать, что делать. По мнению Ванновского, войны с Китаем нет и не должно быть, мобилизация эта не нужна, что вся война придумана, вызвана адм. Алексеевым, ген. Гродековым и самим Куропаткиным раздута, так как оба последние генерала—школы Скобелева, им понадобилось получить Георгия степенью выше той, которая уже у них есть. В министерствах иностранных дел и финансов точно такой взгляд, что войну эту можно было предотвратить еще в январе, что адм. Алексеев знал, что китайцы в возбужденном состоянии против немцев и англичан, которые у них начали делать захваты и строить железные дороги, а не против русских, что тогда русские могли бы сделать десант в Таку без всяких дурных последствий. Но тогда георгиевского креста было бы не за что получить. Теперь же там постараются все раздуть до высших размеров.

21 июня.

Был Пантелеев. Посылают его в Ташкент, чтобы там разобраться в деяниях в. кн. Николая Константиновича, который при живой жене вторично женился на молодой гимназистке.

24 июня.

Вчера долго сидел у Е. В. гр. Келлер, который рассказывал городские толки, что граф Муравьев не умер от удара, а застрелился.

25 июня.

Рассказывали, почему царь бранил Муравьева, следующее: уже более года Гирс оповещал Муравьева, что в Китае неспокойно, но Муравьев этим сообщениям не придавал значения и царю об них не доносил, чтобы его не беспокоить. Вот это-то и рассердило царя.

20 июля, Париж.

Говорили нам сегодня, что итальянец Бресси, который убил итальянского короля, выказывает ужасный цинизм, прямо высказывает, что убил короля из ненависти к монархическому принципу, что если бы ему не удалось убить, то убил бы другой, что у них намечены еще четыре коронованные головы. Говорили

также нам, что первой жертвой анархистов намечен германский император, а затем королева английская. С этими людьми шутить нельзя, они всегда свои угрозы исполняют.

18 августа, Париж.

Был у нас Грингмут („Моск. Вед."), рассказывал, что был в Милане, когда там было совершено убийство итальянского короля Гумберта. Говорил, что в Милане сочувствие высказывалось убийце, короля не жалели. Про Милан он сказал, что это рассадник анархистов, что у них есть тесная связь с городом Патерсоном в Америке, откуда идут указания анархистам, как действовать. Этот Бресси, убийца, присужден к пожизненному тюремному заключению.

30 сентября, Берлин.

Сегодня долго беседовал с Е. В. наш посол Остен-Сакен. Говорили насчет назначения Вальдерзее главнокомандующим в Китай. Сакен об этот рассказал, что к нашему царю приставал быть назначенным на это место Куропаткин, но царь не хотел его назначить, так как царь не любит этого генерала. Когда Вильгельм предложил Вальдерзее, это предложение обрадовало царя, так как это дало ему возможность сделать неприятное Куропаткину. Слышали тоже, что Витте с Куропаткиным на ножах, но что теперешний министр иностранных дел во всем действует по указанию Витте, и говорят, что Витте указал на Ламсдорфа, как на министра иностранных дел. В китайском вопросе Витте играет первую скрипку. Про царя везде—и в Германии, и во Франции, и в России—везде говорят одно и то же, что у него нет никакого характера, что он соглашается с каждым из своих министров, несмотря на то, что все они докладывают ему противоположное один другому.

12 октября, Севастополь.

Интересно охарактеризовал С. П. Тыртов генерал-адмирала Алексея Александровича, как он при посещении броненосцев не найдется сделать дельных замечаний, а ограничивается следующим: проходя мимо окна, говорит: „Это окно", а мимо колонны:—„Это колонна", и т. д.

14 октября, Севастополь.

Вчера был у нас Сиденснер. Он рассказывал, что в последний приезд царя в Севастополь все встречавшие царский поезд его проморгали, не заметили. Когда он подошел, встретили его гробовым молчанием, приняв его за свитский поезд, который пришел на полчаса раньше, о чем никто не знал. Тыртов сконфуженно

подошел с извинениями к царю. Царь вышел нахмуренный, недовольный. Обычно заранее при появлении поезда начинаются возгласы „ура“, ликование и проч., т.-е. то, что официально называется „салют“. Царица тоже не выказала никому никакого привета.

26 октября, Ялта.

Был у Е. В. камердинер царя Радциг. Сказал он, что царь и царица живут наверху в большом Ливадийском дворце, внизу же, где жил Александр II, комнаты ими не заняты. Спросила я у Радцига насчет портрета Юрьевской, который висел в кабинете у Александра II. Он сказал, что еще Александр III, войдя в кабинет отца и увидав портрет, велел его снять и повесить в той комнате, где прислуга заправляет лампы, но что теперь портрет исчез и из этой комнаты, и где теперь находится, Радцигу неизвестно. Сказал также Радциг, что говорил царю, что в. кн. Борис ведет себя недостойно, что за этот разговор царь полтора месяца с ним не говорил. Когда он сказал это, царь на него закричал, как он смеет говорить так про его родственника, что он никогда не огорчит в. кн. Владимира, которому и без того тяжело живется в его семье.

16 ноября, Петербург.

Сейчас И. П. Дурново рассказывал, что когда царь заболел брюшным тифом, молодая царица сейчас же написала царице-матери, что просит ее не приезжать к больному, что она никому не уступит места у его постели, одна будет за ним ухаживать. Поэтому царица-мать не приехала до сих пор. Затем она прямо приказала объявить всем министрам, что ни одной бумаги не допустит до царя; что все бумаги должны быть адресованы ей и она разберется, что и когда показать царю.

20 ноября.

Про кн. Имеретинского говорят, что он умер вследствие того, что принимал лекарства для того, чтобы не стариться, которые возбуждали его и которые вредны для сердца.

24 ноября.

Сейчас был у Е. В-ча Бутовский (секретарь Клейгельса). Пришел рассказать о скандале, который произошел вчера в Малом театре Суворина на представлении пьесы „Контрабандисты“. Там бушевала молодежь—студенты и курсистки. Пьесу эту играть не пришлось. Как только поднимался занавес,—поднимались свистки, рев, бросание на сцену калош, картофеля и т. д. Скандал вчера ожидался, поэтому в театре было много полиции. Студенты кри-

чали „подлеца“ Суворину, обещаясь ему отомстить за прошлое 8 февраля, за его статьи. Клейгельс с 22-го числа болен, у него инфлуэнца, поэтому вчера он в театре не был, сидел дома, а послал своего помощника, Фриша, который недолго посидел в театре: там его задели и выругали, а так как он глуп, порядка водворить не смог,—убежал из театра и спрятался в кассе. Командир кавалергардского полка Николаев, бывший в театре, не раз восклицал: „А где же Фришка? Что он не водворяет порядок? Трус, видно спрятался!“ Самое печальное всего этого дела последствие, что с бедным А. П. Коломниным случился удар сегодня и он скончался. Говорят, что весь этот скандал устроен актрисой Яворской в отместку Суворину и Коломнину за то, что от нее дирекция театра хотела избавиться и больше всех против нее работал Коломнин. При выходе из театра у кассы тоже творились всякие безобразия. Полиция держала себя дерзко. Фриш спрятался, и ему ни до чего дела не было. Сверху лестницы слышались слова, что не сойдут вниз, что проучены, что нагайки им памятны...

Бутовский говорил, что в последнее время у Клейгельса много неприятностей. Недавно у Стасова было собрание, человек 40. По распоряжению департамента полиции, в это собрание явилась полиция; 15 человек хозяин не мог назвать, и они были арестованы. По этому поводу поднялся в Петербурге гвалт, что полиция врывается в частные дома.

25 ноября.

Вчера по телефону Бутовский сказал из градоначальства, что вчера было большое волнение, были сходки в трех местах, четвертая готовилась в Лесном. Бутовский передал Клейгельсу взгляд Е. В-ча, что пьесу „Контрабандисты“ давать сегодня не следует. Генерал согласен со взглядом Е. В., управляющий министерством внутренних дел Дурново того же мнения, но директор департамента полиции Зволянский за то, чтобы пьеса шла, высказался, что если пьесу снять, бунтовщики сочтут себя победителями. Сейчас прочла, что в театре Суворина спектакля сегодня нет. У них нежданно явилась возможность—в печальной кончине Коломнина—отменить представление.

26 ноября.

Сегодня для георгиевских кавалеров ничего нет в Зимнем дворце. Последнее время, говорят, солдатики опасливо ели царский обед после прискорбного случая, когда несколько человек в этот день поплатились жизнью—были отравлены там гнилой рыбой. Это было еще при Александре III.

28 ноября.

Вчера со всех сторон говорили о том, что министр двора Фредерикс подал в отставку, что им за последнее время была недовольна молодая царица. Началось это с того, что когда италь-

янское посольство, приезжавшее в Ливадию с возвещением о вступлении на престол короля, ожидалось в Ялту, по примеру прежних лет гофмаршальская часть разослала повестки о приезде и поздравлении итальянцев и в конце написано было, в каких туалетах должны быть дамы. Царице эта повестка попала на глаза, и она, недовольная, сказала фрейлине Орбелиани, что она не знала, что теперь Фредерикс будет ей указывать, как одеваться, что она этого не допустит, что сама наденет черное простое платье, а не белое, как указывалось в повестке, и чтобы и Орбелиани оделась так же просто. Второе неудовольствие царицы на Фредерикса, что он, не спросясь ее, послал царице-матери депешу, что царь заболел тифом. Неукладистый, повидимому, характер у молодой царицы.

2 декабря.

Странно, что царицу-мать, которая теперь больна инфлуэнцей, лечит хирург Вельяминов. Это наводит на мысль, что сплетни об отношениях между Вельяминовым и этой царицей, которые я слышала год тому назад, имеют некоторое основание.

6 декабря.

Рассказывал Никольский про редактора „Сев. Курьера“ Арабажина, что он был у Стасовой на вечере, когда туда вошла полиция, накрыла там это сборище. Арабажин, который искал популярности в этом либеральном кружке, в минуту появления полиции так испугался, что спрятался. Затем, когда спросили его имя, он назвался Селивановым, именем секретаря редакции „Сев. Курьера“. Все это на присутствующих произвело такое впечатление, что в „Союзе писателей“ этого Арабажина прокатили на вороных. Положение этого Арабажина тяжкое: у консерваторов он в подозрении, а у либералов—в презрении.

10 декабря.

Сообщили Е. В. по телефону, что царь решил остаться в Ливадии до 15 января. Значит, и все министры раньше не приедут. Многим это не нравится, говорят, что эту зиму надо считать, что пропала для дел, что ничего не решается, все стоит, и поэтому терпятся убытки.

15 декабря.

Галкин-Врасский сказал, что у молодой царицы во время болезни царя Ламсдорф раз в неделю делал доклад о внешней политике. Витте она всего раз вызывала к себе. Другие министры у нее не были.

18 декабря.

Говорили нам, что киевский университет закрыт, и вот почему. Там есть профессор Экельман, который читает финансовое право, а в этом году начал читать и философию права. Местный

жандармский генерал, Новицкий, узрел, что он не то читает, что следует, хотя студенты саркастически относились к этим лекциям Экельмана. Новицкий так подвинтил Драгомирова, что надо в 24 часа выгнать Экельмана из университета, что Драгомиров, недолго думая, вызвал университетское начальство и потребовал изгнания профессора. Дело это было не так легко сделать, так как профессора избираются советом. Когда стало известно в университете это распоряжение, студенты и профессора возмутились. Была грандиозная сходка, на которую явилось начальство—Новицкий и Трепов. Студенты бушевали. Пришлось Новицкому крикнуть полиции, которой было очень много: „Сабли наголо!“ Произошла рукопашная схватка. Арестовано 400 студентов. С ними будет поступлено строго, а именно—они будут определены в полки вольноопределяющимися для отбытия воинской повинности. И всю эту грустную историю изобрел Новицкий с выжившим из ума Драгомировым, который теперь или плачет, или ругается.

19 декабря.

Вчера закончилось дело о беспорядках в Малом театре на представлении пьесы „Контрабандисты“. Кажется, 5 человек присуждены высидеть под арестом 7 дней, а 70 человек—5 дней.

28 декабря.

Вчера все много говорили о подарках царя Ламсдорфу, Куропаткину и Витте по 200 тыс. руб. за окончание китайской войны, которая, по словам многих, только теперь начнется. На своем докладе Витте ловко это провел. Он представил царю, что Ванновский был награжден 200 тыс. руб., и пишет, что полагал бы, что следовало бы наградить и Куропаткина, и Ламсдорфа за удачное ведение дел, так как война эта стоила сравнительно недорого и была столь успешна. На этом докладе царь написал: „Согласен, и 200 тыс. руб. также статс-секретарю Витте“. Общий голос, что экономическое положение России плачевное, а деньгами сорят во все стороны.

29 декабря.

Лидерс говорил про царя, что когда он был у них в батарее конной артиллерии, то было заметно, что царь поддается нахальным людям, не имел твердости их остановить. Затем слышала, что у царя бывали такие минуты, что в разговоре с кем-нибудь из офицеров, беседуя с ними очень дружески, он вдруг насупится мгновенно, сделается нем, непроницаем. Затем еще черта характера, подмеченная офицерами, что он подозрителен, и что якобы эту черту Александр III умышленно развил в своих детях. Затем, что он забывчив, что надо о себе постоянно напоминать, чтоб получить что-нибудь от царя.

1901 год

9 мая.

Рассказывали мне сегодня, что 7 числа на Обуховском сталелитейном заводе возмутились рабочие, прекратили работу и стали останавливать машины. Подполковник Иванов, помощник начальника завода, имея в своем распоряжении военную команду в 40 человек, обратился за помощью к полиции. Прибыл полицеймейстер полк. Палибин с двумя эскадронами жандармов, отделением конно-полицейской стражи и около 200 городовых. Бастовало три с половиной тысячи рабочих. По ним открыли стрельбу. Затем подошло еще несколько рот Омского пехотного полка. Много рабочих ранено, некоторые умерли в больнице. Много арестовано. Рабочие бросали в полицейских и солдат камнями. Один околодочный надзиратель и 11 городовых ушиблены камнями. Также ранен камнем в голову полк. Палибин. 2 мая тоже—не помню, на каком заводе—были беспорядки, также вызывались войска и были раненые с обоих сторон.

10 мая.

Вчера Старицкая говорила про торжественное заседание Государственного Совета, которое далеко не было торжественным. Царь на этом заседании ни слова не вымолвил. Ожидали, что он скажет речь, этого не случилось. Думали, что он обнимет вел. кн. Михаила Николаевича и в его лице поблагодарит всех членов Государственного Совета за службу, и этого не было. Сперва Плеве прочел то, что положено было ему прочесть, потом говорил вел. кн. Михаил Николаевич. В то время, когда Плеве читал, царь сидел один; когда вел. кн. Михаил Николаевич говорил, царь встал и все время крутил усы. Затем все было кончено и все разошлись. Только статс-секретари и помощники статс-секретарей были допущены в зал, где происходило торжественное заседание. Остальные были заперты в соседней комнате и могли видеть, что происходит, в стеклянную дверь.

Затем Старицкая рассказывала, что 8-го снова были беспорядки на фабриках, что ранен даже полковник, командир того армейского полка, который был вызван усмирять фабричных.

11 мая.

Дейтриха возмущает, что теперь для усмирения рабочих употребляют оружие, а не нагайку, которая, по его мнению, куда меньше вреда приносит. Вчера Дейтрих говорил, что вел. кн. Константин Константинович страшно либерален, куда либераль-

нее своего отца, который таковым всю жизнь слыл. Несмотря на то, что он—юстиция, Дейтрих очень консервативного направления. Завтракал вчера Грингмут. Про заседание Государственного Совета, когда я ему сказала, что оно было очень сухое, грустное, он только вздохнул, подняв к небу глаза. Говорят, что царь знал, что в эту минуту были беспорядки на Обуховском заводе, что были вытребованы туда войска, поэтому у него было такое озабоченное лицо.

12 мая.

Вчера встретила К. П. Победоносцева. Выглядит он совсем больным, высохшим. Он очень самолюбивый человек, любит доминировать, а за последнее время он у царя никакой роли не играет, влияния у него там никакого, потому и сохнет.

14 мая.

Вчера у нас целый день был народ. Общее мнение, что „Новое Время“ слишком жестоко наказали, приостановив его на неделю за статью „По поводу рабочих беспорядков“, напечатанную в № 9051 от 11 мая. Е. В. находит, что хорошо, что так строго поступили именно с „Новым Временем“, так как там теперь всем орудует нигилист Ге, что это запрещение доказывает, что Сипягин не находится под влиянием Шаховского (по делам печати), который очень вредный человек. Но почему Сипягин его держит? Дейтрих верно сказал, что министру внутренних дел надо быть умным, очень умным человеком, чтобы суметь разобраться в делах этого министерства, а Сипягин никогда не был умным, а, став министром, еще поглупел, запутался.

Вчера Каликовский говорил, что приехавший из Китая полк. Плеханов рассказывает, как русские генералы писали о сражениях, которых не было, выдумывали победы, инженеры доносили о разгроме Манчжурской дороги, которая была цела, как целые отряды Красного Креста кочевали с места на место без медикаментов, не видав ни единого раненого.

18 мая. Киев.

Вчера был у нас Д. С. Федоров зять Е. В. на освящение церкви, которую он соорудил у себя в деревне. Про архиерея Сергия Федоров сказал, что он столько же монах, сколько он, Федоров, китаец или архиерей, что груб, в манерах очень вольный, был фаворитом митрополита Иоанникия, который последнее время ничем не занимался, а всю митрополию вел Сергий и снискал всеобщую нелюбовь и неуважение.

8 июня.

Говорили нам сегодня, что царь, по случаю рождения дочки Анастасии, простил всем наказанным студентам, которые в наказание были отданы в солдаты, разделив таким образом про-

щение, что те, которые имели льготу не быть в военной службе и попали в оную вследствие совершенных беспорядков, совсем уволены со службы, а те, коим приходилось отбывать воинскую повинность, им зачтена их служба со дня их поступления в оную. Все это—искание популярности старика Ванновского, который еще много создаст хлопот своей безалаберной системой.

12 июня.

Вчера Плеве сказал, что Ванновский производит впечатление устаревшего. Насчет финляндской воинской повинности в Гос. Совете так устроилось, что $^2/_3$ голосов против введения там этой повинности, но царь, верно, согласится с меньшинством. Сипягин 18 числа уезжает по России, в фабричные центры.

13 июня.

Досталось вчера Сипягину от Никольского, который до сих пор возмущен карой, которая постигла „Новое Время". Оказывается, что статья, за которую было наказано „Новое Время", была написана Никольским, и написана во вполне консервативном духе. Наказали же эту газету за то, что циркуляром (еще в 1864 г.) запрещено писать о рабочем вопросе, и поэтому „Новое Время" наказали, чтобы другие газеты видели, что даже эту газету, с консервативным направлением, не пощадили. Никольский же возмущен, что не приняли в соображение это направление. Никольский узнал, что Шаховской прилетел к Сипягину и требовал этого наказания „Нового Времени". В тот же день Суворин пошел к Сипягину просить его изменить наказание—наказать больше по карману. Приема у Сипягина пришлось ожидать Суворину 1 ч. 20 мин. Принят он был министром очень сухо и резко. Сипягин сказал ему, что сделать для него ничего не может. Никольский очень возбужден против Сипягина и говорит, что пока Сипягин министр — он ни одной патриотической статьи не напишет.

14 июня.

Вчера Остен-Сакен говорил, что на сегодня и на завтра ожидаются беспорядки на Шлиссельбургском шоссе, так как теперь 7 тысяч рабочих находятся в Петербурге без работы. Насчет вопроса о воинской повинности в Финляндии было заседание у царя, которое состояло из великого князя Михаила Николаевича, Ванновского, Куропаткина, Бобрикова и Плеве. Витте, как противник этой меры, не был приглашен. Победоносцев тоже отсутствовал. Плеве говорит, что царь председательствовал, ставил вопросы и резюмировал отчасти „по-мефистофельски". Притом Плеве сказал, что царь чрезвычайно приветлив по отношению к министрам, но забывчив. В Петергофе, когда они к нему

являются с докладом в кабинет, он их сажает против открытого окна на взморье и открытой двери в сад, так что прямо на них дует, как из трубы. Когда они в таком положении посидят с полчаса, царь вдруг скажет, что, может, они боятся сквозняка, и сам встанет закрыть дверь. Муравьев очень часто после доклада царю возвращается в Петербург без голоса. Вчера Янов, который при Святополк-Мирском, сказал, что пришло известие, что Анатолий Барятинский находится в Париже в maison correctionnelle, что он проделал что-то до-нельзя скверное, грязное, непозволительное. Бедный старый кн. Барятинский! Вот уродились у него сыновья!

15 июня.

Насчет Анатолия Барятинского Клейгельс сказал, что его история следующая: он в Париже купил бриллианты, за которые не заплатил, а тотчас же их заложил.

16 июня.

Про Трепова (директора д-та общих дел) недобрые слухи: очень мало работает, кутит, нанял дачу Фелейзена в Петергофе и за нее заплатил 2.800 руб. На одно лето—это крупная цифра, и, после бывшей в департаменте общих дел растраты, находят, что не следовало этого делать. Вчера принесли Е. В. маршрут Сипягина по России. Едет он по фабричным центрам. При неразвитости Сипягина ему следовало бы лучше не показываться, чтобы сохранить хоть частицу престижа, связанного с должностью министра внутренних дел. Сегодня узнала, что в заседании министров у царя по поводу введения воинской повинности в Финляндии был еще и Сипягин.

17 июня.

Сейчас по телефону сказал Бутовский, секретарь Клейгельса, что сегодня готовились беспорядки на Невском, что их полиции удалось предотвратить и что арестовано более 20 человек, из которых многие представляются серьезными агитаторами.

18 июня.

Насчет крестин четвертой дочки царя Анастасии, которые вчера были в Петергофе, Плеве рассказал, что следующее приключилось с Дурново и Ванновским, которые были оба ассистентами при кн. Голицыной, которая везла в золотой карете девочку в церковь. Приехали оба эти ассистента к назначенному по церемониалу часу—$9^1/_2$ час. и встали возле дворца, куда их не впустили. Стояли они минут пять. Вышел к ним камердинер просить их войти в его комнату, по распоряжению царя, так как им придется еще долго прождать. Дурново отвечал, что они подождут

возле дворца, но вторично им было сказано, чтобы они шли в комнату комердинера, что и было ими исполнено. Но так как Дурново—суета, то, просидев немного в комнате, он снова выскочил из дворца, Ванновский—за ним. Тогда к ним вышел сам царь, попросил их снова войти в комнату камердинера и сказал, что раньше 10 часов они девочку не получат. Пришлось исполнить царскую волю, а так как явилось запоздание, то, когда Голицына вышла с девочкой, посаженных с ней в карету Дурново и Ванновского везли страшно быстро. Золотая же карета, которая обычно употребляется для этой церемонии,—старой конструкции, поэтому бока у обоих стариков были сильно помяты.

21 июня.

По словам Бутовского, секретаря Клейгельса, видно, что Клейгельса занимают больше мелочи. Теперь он занят рассылкой своих изданий, которых явилось несколько экземпляров, между ними: „Резерв петербургской полиции, школа, музей и т. д.", затем книжечка „Приемы самообороны для полиции". Как-то странно звучит название этой книжки, про которую Плеве сказал, когда Е. В. его спросил, правда ли, что Клейгельс уходит: „Человек, который издает подобные книжки, не представляется уходящим, значит, у него есть возможность самообороняться, раз он учит других самообороне". Бутовский говорил, что когда учили городовых приемам самообороны, двое из них пострадало—один сломал себе ногу, другой шею. Про эту затею Бутовский сказал:—настоящие пустяки. Харьковскому архиерию Амвросию был объявлен высочайший выговор за его статьи и речи.

22 июня.

Большую силу имеет у Сипягина кн. Мещерский („Гражданин"). Назначение в Вильну Валя—дело его рук. Умеет Валь устроиться: дают ему 12 тысяч руб. жалования, 25 тысяч на подъем.

25 июня.

Вчера Грингмут высказывал, что Ванновский много зла принесет. Выработанная программа насчет учебных заведений опубликована уже, древние языки очень сокращены. Работал над этой программой Мещанинов, который прикрывался Ванновским, а Ванновский прикрывался царем. Так как в этой программе ничего не говорится о законе божием, то царем внизу сделана приписка: „Надеюсь, что будет также обращено серьезное внимание и на усиление религиозно-нравственного воспитания нашего юношества". Грингмут недоволен „Правительственным дневником". Под этой кличкой напечатана будущая программа Ванновского. Вчера Н. И. Петров сказал, что у Сипягина первые люди Зволянский и Шаховской. Оба с „красным направ-

лением", а у консервативного Сипягина могут все сделать! Насчет этого Е. В. сказал: „Вот Сипягин и консерватор, а орудуют у него либералы. При таких условиях, пожалуй, придет время, что придется и Горемыкина пожалеть".

26 июня.

Бобриков сказал, что проект воинской повинности в Финляндии придуман Ванковским вместе с Александром III.

28 июня.

Завтракал вчера у нас Клейгельс. Сказал, что хлопочет, чтобы устроить сквер возле памятника Петру Великому. Раньше этот памятник был в Александровском саду. На замечание Вильгельма (германского), еще при Александре III, что не подобает скрывать этого памятника, его открыли, срыли все деревья, ограду перенесли, а теперь памятник окружен прескверной булыжной мостовой. Вчера Moulin при Грингмуте говорил про Фердинанда Болгарского, что это исключительная личность по уму, что он мог бы управлять большим государством, но что у него есть недостаток, что для пользы дела он готов менять не только убеждения, но и веру. Приэтом Moulin сожалел, что Витте отказал Болгарии дать ей взаймы 2 милл. руб., что деньги эти она получит от других и тогда преданность ее перейдет на другую сторону, а России необходимо, чтобы славянские земли были на ее стороне.

30 июня.

Ездили сегодня к Сергию. Зашли к наместнику Варлааму. От него в разговоре все только и слышно про титулованных особ. Рассказал он, как на другой день после крестин дочери царя Анастасии гофмейстерина кн. Голицына заказала панихиду по Паниной у Сергия. Во время панихиды с ней сделалось дурно. Она пролежала у него в доме. Посылали за докторами, которые нашли, что у нее камни в печени, что ее растрясла золотая карета во время крестин и то, что из-за опоздания ее везли с ребенком чуть ли не галопом.

Плеве говорил по телефону, что насчет воинской повинности в Финляндии царь согласился с меньшинством, т.-е.—Куропаткин, Ванновский, Сипягин, Победоносцев, Плеве и Бобриков. В согласие царя включено еще следующее: „раскассировать 8 баталионов финских войск, оставив финский гвардейский баталион" и еще какие-то баталионы. Таким образом, будут введены в Финляндию взамен расквартированных баталионов русские войска. Это по сердцу Бобрикову. Плеве тоже это одобряет.

2 июля.

Плеве говорил, что царь не любит, чтобы министры разъезжали по России,—он не пустил Витте в Манчжурию. Он не любит также, чтобы описывали путешествия министров. Александр III.

тоже этого не любил, и помпезные описания путешествия министра путей сообщения Гюббенета охладили к нему Александра III, который раньше был к нему очень благосклонен, любил его даже.

7 июля.

Был у Е. В. морской берлинский агент Полис. Он приехал с поручением от германского императора к царю. Поручение это состоит в том, чтобы царь взял на себя инициативу и устроил бы тройственный союз между Россией, Францией и Германией, что тогда можно будет поубавить спесь англичан; смирить воинственное настроение Японии, которая нам много портит в Манчжурии. Про комбинации союза Вильгельм говорил только с Полисом и ни слова с Остен-Сакеном. Е. В. посоветовал Полису сообщить об этом конфиденциально Сакену. Вильгельм не намерен уступить Франции Эльзас-Лотарингию, но готов устроить Франции владения в Канаде, которые отнимут у Англии. Кажется, главная суть поручения Полису от Вильгельма в этом и заключается.

9 июля.

Мясоедов-Иванов говорил, что Витте с Сольским проводят мысль об изменении престолонаследия, чтобы сделать наследницей дочь царя Ольгу. Ухтомский с возмущением говорил про Сипягина, про его тупость, про всю нашу внутреннюю политику, что мы быстрыми шагами идем к революции, что эту революцию и мы увидим, что правительство своею слабостью ускоряет ее каждый день.

12 июля.

Вчера Скворцов („Мисс. Обозр.“) показал Е. В. письмо, полученное на имя митрополита в Синоде от крестьян Рязанской губ., села Богоявленского, которые не просят, а требуют от митрополита, чтобы он им ответил в „Моск. Вед.“ на 6 вопросов, в которых высказывается этими крестьянами сомнение в том, что неправильно Л. Толстой отлучен от церкви. Приводится, между прочим, место из ответа митрополита Антония, где он говорит, что выжидал ответить на письмо гр. Толстой, и спрашивается, почему он выжидал и мучил ни в чем неповинную бедную женщину. Стоят под письмом три подписи крестьян: Добрынин, Правдин и Скворцов. Правительство в отношении Л. Толстого действует прямо непоследовательно. Синод отлучает от церкви Толстого, Красный Крест печатает на открытых письмах с красным крестом портрет Толстого работы Репина, печатаются эти открытые письма в экспедиции заготовления государственных бумаг и теперь раскупаются нарасхват.

13 июля.

Вчера с нами завтракал Святополк-Мирский, товарищ Сипягина. Когда Е. В. стал говорить ему, что правительство непоследовательно относительно мер против Толстого и показал ему карточки Красного Креста с портретом Толстого работы Репина, Мирский сказал, что когда Витте узнал, что эти карточки исполнены экспедицией заготовления государственных бумаг, он разнес кн. Голицына, заведующего этой экспедицией. Голицын оправдывался тем, что это был заказ Красного Креста, но теперь Витте запретил оный продолжать. Приэтом Мирский сказал очень верно, что у нас нет в министерствах одного направления, что все министерства изображают из себя кто Францию, кто Германию и т. д., а не единую Россию, что Сипягин, напр., по делу заказа карточек Красным Крестом ничего сделать не может, может только написать Кремеру, а послушаются ли его—это вопрос.

16 июля.

Сегодня Скворцов рассказал, как открытое письмо с портретом Толстого, данное ему Е. В., спасло его от гнева Победоносцева. Когда он пришел к нему, К. П. начал его упрекать, что у него большой недостаток, что он никогда не посоветуется, что вот теперь, объявляя подписку на „Миссионерское Обозрение", напечатал тут же, что можно дешевле купить выпуск, в котором напечатано письмо Л. Толстого, и вот печать подняла бурю и проч. Скворцов не дал К. П. докончить свою тираду, вынул карточку Толстого, сперва показал ему обратную сторону, где напечатан красный крест, а затем показал на другой стороне портрет Толстого. Победоносцев, при виде этого, схватился за голову: „Господи, что у нас делается?!" и, как стрела, побежал в залу заседания Синода с этой карточкой.

22 июля.

Вчера было страшное несчастье во время спуска броненосца „Император Александр III". Как только было отдано приказание приступить к спуску и стали снимать подпоры, поднялся страшно сильный ветер, сорвался тяжелый флагшток и полетел вниз, в публику. Пострадало 8 человек, в том числе и жандармский генерал Пирамидов, который убит наповал. Убито также два кадета морского корпуса. Рассказывал нам об этом корреспондент „Нового Времени" Прокофьев. Вчера уже высказывалось, что недавно были беспорядки на Балтийском заводе. Кто знает, может, этот флагшток был нарочно худо укреплен! Смерть Пирамидова на руку анархистам, будут теперь объяснять эту смерть рукою провиденья за то, что Пирамидов угнетал людей не одного с ним направления. Все это произошло в присутствии царя. Про молодую царицу Прокофьев сказал, что она при виде этого по-

шатнулась. В народе водворилось понятие, что молодая царица приносит несчастье, и, к ужасу, можно сказать, что это понятие оправдывается.

12 августа, Рагац.

Сегодня рассказывали нам, что социалисты издали манифест по поводу приезда во Францию царя. Социалисты возмущаются, что русский тиран едет во Францию смотреть бойню (маневры), он, который предложил Гаагскую конференцию. Ставят социалисты условие, чтобы с их стороны ничего не было сделано для встречи царя, чтобы кредит на прием не был разрешен и проч. Подписей под манифестом много. Между ними: Жорес, Жиро-Ришар и другие.

3 сентября, Берлин.

Е. В. был в посольстве. Видел там Булацеля и других секретарей. Булацель ему сказал, что ему говорил вел. кн. Алексей Александрович, что Вильгельм просился у царя приехать к нему в Спалу. Царь на это отвечал, что теперь принять его не может, так как жена его нездорова, будет лечиться в Спале, принимать грязевые ванны. Затем Вильгельм высказывал желание приехать посмотреть свой полк, на что тоже получил ответ, что в эту минуту это представляется неудобным, так как сам царь давно этого полка не видел, и проч. В посольстве такие ответы царя находят неразумными. Видели сегодня о. Мальцева. Говорил он про вел. кн. Павла Александровича, что он нанял здесь себе в предместьи Берлина дачу, на которой живет открыто с m-me Пистолькорс. Все немцы это знают и над этим потешаются. Надо отдать справедливость, что у нашей царской семьи совсем разнузданные нравы.

10 сентября, Париж.

Много интересного рассказывал вчера Епанчин, русский морской агент здесь, насчет Дюнккирхена и царского там пребывания. Он находит, что энтузиазма и теплоты чувств там не было. Речи (тосты) свои царь читал, все это было заранее подготовлено. Ламздорф в Париже передал Епанчину запечатанный конверт с речью, которую царь должен был сказать после смотра. Когда Епанчин вошел на „Штандарт", то первый, кого он увидел, был царь, которому он в руки передал конверт, сказав притом, что там речь. Царь распечатал пакет, немного посмотрел, затем сказал Епанчину, что он его позовет. Через час Епанчин был вызван. Царь его спросил, надо ли отдать ему этот пакет. Епанчин отвечал, что ему сказано было только передать это царю. Поэтому царь все у себя оставил. По рассказам Епанчина, все празднества прошли бесцветно. Не было на них одушевления, всюду господствовал беспорядок. В Компьене на обеде тоже цар-

ствовал хаос. При представлении царице дам одна m-me Дешанелль поцеловала ей руку, остальные все ей делали shake-hands, мужчины тоже трясли ей руку, так что в конце она только кланялась, а руку подавать перестала. Проводы были холодные и беспорядочные.

17 сентября.

Был Плеве. Сказал, что путешествие царя во Францию было решено после приезда Делькассе, что оно было нужно Витте, которому не удался в прошлом году заем во Франции, и вот теперь Витте с Ламздорфом и Сипягиным убедили царя ехать во Францию, чтобы облегчить устройство займа. Французское правительство поставило условие, что заем устроят в том случае, если царь приедет во Францию еще в то время, когда настоящий кабинет находится у власти. И царь приехал. Стыдно, что устроил этот триумвират—пустить брандером царя!

14 декабря.

Вишняков сегодня долго возмущался всем, что делается на Руси. Говорил, что плакать хочется насчет молодежи, насчет деяний Ванновского. Вспоминал рескрипт царя, данный Ванновскому, что царь сам займется устройством образования юношества, своим помощником взяв Ванновского. Теперь же дело идет хуже, чем шло раньше. Вторым товарищем Ванновскому взяли Зенгера, попечителя Варшавского округа. Его готовят в преемники Ванновскому, и так как видно, что Ванновский сам хочет остаться, то, чтобы дискредитировать Зенгера, сразу его посылают в Харьков для усмирения там молодежи, которая в таком возбуждении, что усмирить ее невозможно. Положение Зенгера там будет критическое. Про Сипягина Вишняков нелестно говорил, что он роняет царскую власть, прикрываясь ею при каждом удобном случае, старается показать, будто он рукой не смеет шевельнуть без царя, а на самом деле действует самовластно, даже неограниченно самовластно.

20 декабря.

Был у Е. В-ча Радциг, любимый камердинер царя. Е. В. его звал, чтобы ему дать наставления, чтобы он сумел направить там дело, чтобы царь не так часто увлекался охотой, куда почти ежедневно он ездит. Сегодня тоже поехал в 10 час. утра, а вернется к вечеру. Поэтому очередные доклады министерств отложены, а между ними и доклад министра внутренних дел. Время теперь тяжелое, надо делом заниматься. Радциг все указания Е. В. выслушал. Так как он при царе с того времени, когда царю было 7 лет, то может иногда с ним по душе говорить.

Рассказывала Кочубей про поведение Сипягина в яхт-клубе, как он там напился и, пьяный, собрав вокруг себя лакеев, воз-

глашал: „Верьте, я одного только хочу, это—блага России“. Затем собрался раздеваться, но во время удалось благоразумным увезти его из яхт-клуба домой. Рассказал это Кочубей, племянник Сипягина, флигель-адъютант Шереметев.

23 декабря.

Вчера пришел Куломзин завтракать. Высказал он, что по отношению к студентам следует принять ту меру, которая была принята на-днях в горном институте в Екатеринославе, где буйства дошли до того, что вызваны были войска, пущены были выстрелы с той и с другой стороны. С обеих сторон оказались раненые. Но я такому образу действий не сочувствую, высказала, что лучше бы было применять нагайку, так как студенты ее считают позорной. Их же поведение внушает нам презрение, поэтому и меры, к ним применяемые, должны быть тоже презренные. На это Куломзин сказал, что вспоминает одно заседание, бывшее давно уже в комитете министров, где было высказано и принято мнение, что в случае беспорядков студентов—применять к ним розги, окружив их, высечь. Эта мера их отрезвила бы!

24 декабря.

Вчера пришел Бурдуков (фаворит „Гражданина“—Мещерского). По его словам видно, что его принципал—князь—не совсем доволен всем, что делается. Частые, почти ежедневные охоты царя смущают князя. Например, министра Сипягина царь взял на охоту в день его доклада, так что доклада и не было. Самое печальное, что царю правды не говорят, ему неведомо, что под Россией теперь образовался вулкан, извержение может произойти с минуты на минуту. У молодежи постановлено следующее: в феврале совершить вместе с рабочими большие демонстрации, беспорядки во всех университетских городах и во всех центрах, где есть учебные заведения. Про Стаховича вчера слышала, что, когда царь узнал от Сипягина, что он ему сделал выговор, он на это ему сказал, что такового он его не уполномачивал делать, был недоволен им. Это доказывает, что царь не знает, какой ему держаться политики. При таком настроении свыше—добра ожидать трудно, министры наши ведь не гении—скоро совсем не будут знать, на какой ноге плясать. Один Витте всегда найдется, во всяком затруднении распутается.

29 декабря.

Кутайсов говорил про Клейгельса, дело которого о превышении власти разбиралось на-днях в Сенате, что от него было какое-то секретное донесение, которое царем было утверждено, а все действия Клейгельса по этому делу царем были одобрены. Сенат заявил, что для него ничего секретного быть не должно, что каждый закон Сенатом опубликовывается.

1902 год

152

2 января.

Разбирали сегодня роспись Витте на будущий год. Находят, что она крайне неудовлетворительна, что займы показаны свободной наличностью и многое в этом роде. Даже не финансисты, и те поражены Витте, его нахальством и бесцеремонностью, с которой он обращается с публикой, которую считает совсем глупой, если решается говорить, что финансы в хорошем положении, когда из самой росписи вытекает совсем другое.

4 января.

Сегодня m-me Кауфман много говорила про В. Ф. Трепова. Сказала она, что у Трепова 260 тыс. руб. долгу, что он за закуски одному Елисееву должен более 5 тыс. руб., что весь Петербург говорил про ту дачу, которую он нанимал на лето, за которую за два месяца заплатил 2.500 руб., что у него на даче бывали ежедневно обеды с шампанским, с Мейендорфами, Клейнмихелями и разными высокопоставленными лицами, что Трепов должен очень много своим знакомым дамам, что у одной он взял взаймы 40 тыс. руб., которые она дала с тем, чтобы ее муж получил место петербургского губернатора, которое Трепов ей обещал, и, не будь его ухода из департамента, место это было бы ему предоставлено. А Кауфман еще считает себя другом Трепова. Что же могут сказать про него другие?

8 января.

Грингмут рассказал про Витте. Он слышал от Шервашидзе, что Витте не будет принята ко двору. Она написала письмо царице-матери, в котором ходатайствовала, чтобы ей дозволено было представить царице свою дочь, что, как мать, царица поймет, что для ее дочери тяжело, что ей не дозволено быть во дворце. Письмо довольно бестактное. Прошла чуть ли не неделя, а ответа не было. Тогда Витте выхлопотал себе аудиенцию у Марии Федоровны, при которой ей заявил, что приехал сказать, что про письмо жены только что узнал, что расстроен, что она решилась его написать, что никогда бы этого письма не допустил. По приэтом он спросил, неужели никогда его жене не будет дозволено представиться царице. На это получил ответ: „Jamais, c'est la volonté de l'empereur". Думаю, что Мария Федоровна свалила с больной головы на здоровую, а Шервашидзе она сказала, что

ей было тяжело отказать Витте, qui a été si éloquent. Все это настоящие мелочи, но как они заставляют страдать самолюбие! Грингмут тоже говорил про профессора московского университета Виноградова, какая это вредная личность. Он теперь уехал за границу, но до своего отъезда он взбаламутил студентов, высказывая им зажигательные мысли, что надо дать автономию профессорам, чтобы у них было выборное начало, тогда профессора дадут свободу студентам. Студенты восторженно слушали зажигательные речи Виноградова, который дерзко обошелся с Ванновским, когда тот был в Москве. Ванновский с ним был тоже резок, поэтому Виноградов написал ему письмо, что больше оставаться в университете не хочет. Ванновский тоже написал Виноградову письмо, в котором перед ним извиняется. Виноградов извинений не принял, но его второе письмо к Ванновскому является ходатайством перед министром, чтобы ему дана была пенсия и 24 года лекций были бы зачтены, как 25 лет.

11 января.

По случаю исполнившегося 30-летия издания „Гражданина", царь назначил Мещерскому ежегодную субсидию в 24 тыс. руб.

Сегодня Плеве зашел прямо от царицы-матери. Рассказывал, что сначала она приняла его очень холодно. Пришлось ему развернуть целый словарь льстивых выражений, возгласов, чтобы ее смягчить, положить ее гнев на милость, пришлось вспомнить Данию и т. д., пока она не стала ручной. Она сказала, что при его назначении на пост министра Финляндии она успокоилась и думала, что он поведет дело иначе, но в этом вполне ошиблась и т. д. Плеве, не отвечая на ее слова, старался „ласковыми" словами ее успокоить. По рассказам Плеве видно было, что царицу-мать он не любит, что она часто имеет дурное влияние на царя, который поддается этому влиянию.

15 января.

Тобизен (бывш. харьковский губернатор, а ныне сенатор) говорил, что он надеется, что в Харькове 17 января (университетский праздник) пройдет спокойно, что студенты там будут ожидать сигнала к беспорядкам из Петербурга. Про Юзефовича Тобизен сказал, что он хотел застраховать стекла в своем доме и в типографии, но все страховые общества отказались страховать, так как студенты их бьют несколько раз в год.

16 января.

Сегодня Мясоедов-Иванов сказал по телефону, что вчера обедал у Мещерского вместе с Сипягиным, который казался в духе—доволен своим распоряжением—высылкой Амфитеатрова. Сегодня будет заседание министров, чтобы решить вопрос на-

счет газеты „Россия“, которая и сегодня не вышла. По тому, как поступили с Амфитеатровым, видно, что мы живем в деспотическом правлении. Этот факт подденет иностранная пресса.

17 января.

Вчера Булгаков по телефону сказал Е. В., что секретарь газеты „Россия“ Басин являлся к кн. Шаховскому (начальник главн. управления по делам печати) просить о продолжении „России“, но, кажется, Шаховской посылал к Сазонову (редактор „России“) депешу — спросить его согласия. Неужели это так? Скворцов („Миссионерское Обозрение“) говорил, что, по его мнению (а мнение его—отголосок мнения Победоносцева), не следовало так помпезно наказывать именно за фельетон „Господа Обмановы“. Амфитеатрова следовало крепко за него распечь, пропустить затем некоторое время, затем придраться к какой-либо другой статье в этой газете и тогда ее прихлопнуть. А придраться к „России“ легко, так как в этой газете все писалось тенденциозно. Надо с удивлением признаться, что Шаховской очень покровительствует „России“.

18 января.

Вчера вечером сидел Плеве. Рассказал про дворянское заседание в Гос. Совете насчет комиссии, кажется,—Дурново. Начали в этом заседании говорить против дворян, против того, чтобы им оказывать помощь, так как эта помощь послужит к еще большему их разорению. Говорили Тернер, Верховский, Половцов. Присоединился к ним Голубев, который обычно молчит, но иногда, будто кто его укусил,—начинает разглагольствовать. В защиту дворян выступил Дурново. Защитник он, хотя и убежденный, но неважный. Его главный аргумент, что „все, что говорится, это — теория, а на практике совсем иначе выходит“—никогда никого не убеждает. Три часа Плеве просидел в этом заседании, ушел, когда оно еще не кончилось, все в таком же духе продолжалось. Сипягин был неудачен. Витте долго молчал, а затем примкнул к Дурново и Сипягину. Говорилось это насчет тех 3-х миллионов руб., которые желательно давать земельному дворянству ежегодно для поддержания именно землевладельцев. Половцов больше всех портил это дело, но в конце концов (Плеве сегодня сказал по телефону) договорились, так что это дело пройдет. Про дело „России“ Плеве сказал, что его сведения от П. Н. Дурново, который ему сказал, что Сипягин своею властью распорядился с Амфитеатровым, что вчера, в день доклада Сипягина у царя, он так решил, что про этот фельетон не заговорит с царем, что, если царь о нем знает, то он скажет про те меры, которые он принял, если же царь ничего не скажет, то про это дело будет молчать. Если царь скажет, что как же газета без редактора,

ответ будет, что уже двух он наметил. Если царь спросит: разве газета еще существует, — будет ответ: дано распоряжение ее прекратить. Вот как царя проводят.

19 января.

Обедал с нами кн. Ухтомский („Спб. Вед."). Как тяжело, грустно он смотрит на будущее, говорит, что быстрыми шагами идем в пропасть, что царь печально окружен, что хорошие, дельные люди отошли, спрятались, а возле царя—только бездарности. Говорил он, что, когда ушел Горемыкин, думалось, что хуже министра внутренних дел, чем он был, трудно подыскать, а Сипягин еще хуже Горемыкина. Про Шаховского Ухтомский сказал, что он просто враг порядка, самодержавия, что тем, что расплодил массу маленьких провинциальных газет, которым позволяется про все писать, нанес большой вред провинции, здесь же — его лейб-орган „Россия", которому он все время протежировал. „Россия" тоже dans les bonnes grâces у многих вел. князей, многие из которых дали свои деньги на ее издание.

Вчера Тобизен говорил, что петербургские чиновники производят на него тяжелое впечатление—все заняты балами, вечерами, а не видят и не замечают, что кругом делается, что в России все из рук вон плохо: крахи банков, полное безденежье, беспорядки среди учащейся молодежи, среди рабочих, масса прокламаций наводняет фабрики и учебные заведения. Прокламации эти самого возмутительного содержания, но есть и правда в них, но жестко высказанная. Настроение в Харькове, по словам Тобизена, такое, что только упади искра — и пожар страшный разгорится. Но все это в Петербурге не хотят принять во внимание—пляшут и перебирают косточки один у другого.

20 января.

Про пироговский съезд, который недавно закрылся в Москве, Плеве сказал, что он прошел с полной революционной окраской, что была послана этим съездом вполне анти-правительственная депеша проф. Эрисману, который отвечал в том же духе. Все это сошло докторам вполне благополучно. Где ни послушаешь—везде протесты, все недовольны. Вчера Клейгельс сказал, что положение с каждым днем осложняется, все делается хуже и хуже, тревожнее, но на „верху" как-будто все спокойно — балы идут своим чередом, обедают, танцуют и т. д. Чем все это разрешится?

21 января.

Долго сидел Мещерский. Он вспоминал один обед у нас по поводу следующего. Когда он вывел тип графа Обезьянинова в своем романе „Один из наших Бисмарков", встретил он на одном собрании П. Н. Дурново, который его спросил, пишет ли

он портреты или типы. Князь отвечал, что портретов не пишет, а типы. Тогда Дурново сказал, что граф Обезьянинов—это портрет Левашова. Затем на обеде у нас встречаются Мещерский с Левашовым (гр. Н. В.), который ему протягивает руку со словами:—„Прекрасно вы описали в вашем Обезьянинове П. Н. Дурново". Этот рассказ типичен.

Никольский говорил про семью Суворина, что в их доме полная революция, атмосфера ужасная, газета падает, так как ее ведет старик Суворин и не ведает, какого направления держаться: консервативного—не может, публика не будет читать, либерального—боится Сипягина, поэтому в газете нет никакого направления, печатается в ней один хлам. 60 сотрудников на жаловании—и некому писать. Доходу дала газета в прошлом году—1.300.000 руб., а все-таки сбережений не было, а большой дефицит.

22 января.

Мещерский сказал, что надо ожидать в царе реакции, что теперь он выкажет строгость. Целый час князь с царем беседовал. У него теперь явилось это убеждение вследствие того, что думает, верно, что убедил царя, что теперешняя политика к добру не поведет. Теперь у нас все время царствовала политика шатанья, каждый действовал, как ему выгоднее самому.

23 января.

Был Суворин. Говорил, что теперь время куда хуже конца 1870-х годов, что тогда позволялось говорить в печати о многом, высказывать свои взгляды и проч. Теперь обо всем надо молчать. Сперва позволяется разбирать что-либо, напр., дело Стаховича, а когда уже начинает выясняться, — вдруг запрет, молчи. И так во всем, последовательности никакой. Даже Тимашев был лучше Сипягина. Сипягин, по словам Суворина, совсем ничего не смыслит в деле печати, Шаховской невозможен. Положение „Нового Времени" в данную минуту отчаянное. Суворина во всем подозревают. В истории „России" выдумали такой ужас, будто Суворин подкупил Амфитеатрова, чтобы сгубить газету, написав этот фельетон, и дал Амфитеатрову 50 тыс. руб., обещав, что его возьмет к себе. Суворин жаловался, что ему все ставят на счет: похвалит ли он кого — „заискивает", скажет против— „вредное направление". Суворин говорил, что теперь более других имеют свободу высказываться — студенты, которым разрешены сходки, на которых они бог знает, что говорят, и все им сходит. А попробуй он так говорить — упекли бы в крепость. Суворин говорил, что самый здоровый элемент в России, это—крестьянство. Обедал с нами Стишинский. Много серьезного говорилось, но впечатление—что не отдают себе отчета в министерстве внутренних дел (Стишинский в том числе), что данное положе-

ние очень серьезно. Доказательство этому, что, например, Святополк-Мирский (помощник шефа жандармов) едет сегодня на Кавказ не по делам службы, а на свадьбу Шереметева.

Интересно говорил Суворин про Л. Толстого, что он неверующий, что противоречит в беседах о вере, чтобы проникнуться верою своего собеседника.

26 января.

Харьковец Сукачев, который знал Сипягина в бытность его в Харькове вице-губернатором, сказал, что его назначение министром внутренних дел всех там поразило, так как все его считали ничтожеством полным, что он любил только есть да кутить. Да и тут теперь из разговора Стишинского выходило, что и здесь главная забота Сипягина—„есть да кутить".

27 января.

Шамшина рассказывала, что многие, ехавшие на бал в Зимний дворец, говорили, что едут на бал к „Обмановым", у многих в карманах на этом балу был фельетон Амфитеатрова, некоторые даже там ссужали его другим на прочтение. Это рисует настроение высших слоев общества, так как во дворец попадают только известного положения люди.

28 января.

Вчера говорили про скандал в петербургском губернском дворянском собрании относительно Мещерского („Гражданина"). Гласный Кашкаров предложил дворянам выразить свое сочувствие Мещерскому, и это было единогласно отклонено. Никольский говорил: на последнем докладе директоров департаментов Витте был мрачнее тучи, не мог скрыть своего расстройства, которое явилось вследствие того, что он назначен председателем сельско-хозяйственной комиссии, так как это является для него casse-cou,—сельское хозяйство поднять немыслимо.

21 марта.

Был Н. П. Игнатьев. Говорил, что до сих пор не может забыть впечатления, произведенного на него св. Ольгой во Владимирском соборе в Киеве. Когда он сказал Прахову, который его сопровождал при осмотре им собора, что у св. Ольги вид сумасшедшей, Прахов ему отвечал:—„А святые, разве они нормальные люди?".

17 апреля.

Суворин доволен назначением Плеве, в речи Плеве ему понравились слова: „Мы переживаем время, в котором есть глубокий смысл" (что-то в этом роде). Суворин говорит, что Плеве первый сознается, что мы такое время переживаем, что это очень честно.

1 мая.

Русский посол в Париже Урусов очень дельно говорил насчет прессы, что странное ее положение в России. Говорилось это по поводу беспорядков в Харьковской и Полтавской губерниях и по поводу убийства Сипягина, что заграницей циркулируют самые невероятные слухи. Газеты, менее расположенные к России, их печатают, а расположенные к России газеты являются в посольство за справками—правда ли это? Посольство никаких сведений дать не может, так как их не имеет. Тогда и эти газеты перепечатывают невероятные новости. Сказал он, что в Париже прямо говорится, что la Russie est en pleine révolution и проч. Урусов говорит, что все эти слухи про Россию идут из Кракова и Пешта, что там есть comission, которая распускает все эти слухи, в которых есть всегда частица правды.

21 мая.

Сейчас заходил Суворин прощаться, едет вечером в деревню. Третьего дня он был вызван Плеве, у которого оставался $1^3/_4$ часа. Присутствовал при этом свидании Зверев. Суворин говорил, что вначале он очень стеснялся, что Плеве как будто его исповедывал, что на исповеди он не был с 1861 года, а вдруг пришлось у Плеве исповедываться, да еще очень подробно. Но под конец Суворин разошелся, начал горячо говорить про земский собор и про многое другое. Приэтом он даже рассмешил Плеве, рассказав про свое свидание с Аксаковым после того, как Лорису не удалось провести земский собор. Суворин высказывал сожаление, что это не удалось. Аксаков же сказал, что—слава богу, что не удалось, так как гр. Н. П. Игнатьев собирался открыть его в храме Спасителя в Москве, в котором предполагалось поставить столы и всех усадить так, чтобы лицом сидели к алтарю. Одно было затруднение—как посадить председателя, ему пришлось бы сидеть спиной к царским вратам. Все так было бы сделано для того, чтобы на этом соборе не говорили, вот почему и слава богу, что это не удалось,—все это Игнатьев испакостил бы. По мнению Суворина (я так поняла), у него после свидания с Плеве явился на Плеве такой взгляд, он его не понял—что он такое, консерватор или либерал. Он—и то, и другое,—так ему показалось.

23 мая.

Приходил к Е. В. гр. Игнатьев. Вот что мне удалось слышать из их разговора. Он говорил про Китай, что когда затеяна была война, к нему приезжал гр. Муравьев, который тогда был министром иностранных дел, спросить его совета, как поступить—держать ли себя коллективно с другими державами. Игнатьев ему ответил—отнюдь этого не делать, а сейчас по телеграфу

отправил депешу посланнику Гирсу, который болен, спросить об его здоровьи и посоветовать ему для поправления оного ехать в Порт-Артур с семьей и там остаться подолее, но отнюдь не принимать участия во взятии Пекина. Игнатьев был и есть против занятия Порт-Артура, у которого бухта прескверная, никуда негодная. Тоже он против построенной Манчжурской жел. дор.,— все это будет только пожирать русские деньги. Сказал он, что на его долю выпало провести границу—10 тыс. верст между Китаем и Россией, что нам не следовало будить этого колосса, который нам теперь готовит много неприятностей. По его мнению, Муравьев был никуда не годный министр иностранных дел, что он его только ради его имени хотел взять в посольство секретарем, а затем Муравьев, был назначен министром, приехал к нему и сказал: „Вы хотели меня сделать секретарем, а вот я—министр“. Восток был совсем неведом Муравьеву.

24 мая.

Вчера, говоря про войну 1877 года, Игнатьев вспомнил, как приехал в главную квартиру к вел. кн. Николаю Николаевичу Р. А. Фадеев, которому вел. князь начал называть окружающих его лиц. Оказалось, что все были польские фамилии: Непокойчицкий, Кульчицкий, Левицкий и т. д. Тогда Фадеев, услышав все эти имена, воскликнул: — „Точно штаб пана Собесского“. Игнатьев признает, что много глупого было проделано в ту войну.

1903 год

6 февраля.

Был Мануйлов. Оказывается, что он в Париже занимает должность политического агента департамента полиции, а Ратаев там прямо по сыскной части. Сперва обе эти должности совмещал в себе Рачковский, который теперь после отставки поселился в Брюсселе, чтобы никогда не возвращаться в Россию. Мануйлов приехал к нам от Лопухина (директора департамента полиции). Шли у них разговоры, между прочим, и о рабочих. По словам Мануйлова, Лопухин допускает, чтобы рабочие сходились, толковали, рассуждали и проч. У него есть во взгляде на рабочих либеральное направление. Насчет статей рабочего Слепова в двух номерах „Московских Ведомостей" в департаменте полиции так смотрят, что никакой Слепов тут не при чем, что обе статьи написаны Тихомировым, к которому с недоверием там относятся.

8 мая.

Много рассказов по поводу убийства 6 мая в Уфе уфимского губернатора Н. М. Богдановича. Третий губернатор, на которого нигилисты поднимают свою руку: Валь, Оболенский и теперь— Богданович. Убили его двое или трое (точно не выяснено) в Уфе, в городском саду, в 4 часа дня. Говорили нам, что нигилисты убили Богдановича за то, что он в марте усмирял военной силой беспорядки рабочих на заводах в Златоусте. На заводах там были введены новые рассчетные книжки для рабочих, но рабочие не хотели этого—поработали там нигилисты, которые внушили рабочим, что с введением этих книжек они якобы снова становятся крепостными. Рабочие забастовали и подали прошение приехавшему туда Н. М. Богдановичу, в котором просили оставить для них старые книжки и освободить арестованных накануне подстрекателей, а иначе не хотели работать. Богдановичу пришлось вызвать войска для усмирения рабочих. Говорят, что вот за это-то его и убили нигилисты, которые всегда мстят в подобных случаях. Н. М. Богданович был раньше начальником главного тюремного управления в Петербурге.

9 мая.

Говорила сегодня с Плеве про убийство уфимского Богдановича. Плеве говорил, что он был убит девятью пулями. Две пули попали в руку, а остальные семь все были смертельны: про-

стрелены были четырьмя пулями легкие, двумя—сердце, печень и желудок. Рассказывали нам, что уфимское дворянство возложило на гроб покойного венок с надписью: „Доблестному герою долга“.

11 мая.

Клингенберг говорил, что в комиссии, в которой ему приходится заседать, все говорят об усилении власти; не надо, по его мнению, никакой больше власти, чем губернаторы имеют, а дать им только побольше свободы. Говорил Никольский, что вчера в сельско-хозяйственной комиссии, когда она прекратилась и члены стали разъезжаться, образовался целый парламент: столпились все члены—сановники и чиновники—и стали рассуждать. Куломзин доказывал Витте, что железных дорог не надо строить, что они отняли у мужика извоз, обеднили мужика и проч. Выходило из всех разговоров, что в этой комиссии все члены занимаются совсем не тем, что составляет надобность мужика, которого Витте назвал, по словам Никольского, „нецензурным“ словом (Никольский даже не решается его повторить) и сказал, что эта беднота—мужик—дает ему ежегодного дохода 380 миллионов на водке, а мог бы пить на 180 милл.; „что же его заставляет пить?“ и проч. По моему, мужик оттого пьет, что ему тяжело живется.

21 мая.

Суворин сказал Е. В., что Витте и Мещерский крепко работают, чтобы провалить Плеве. Андреевский говорил, что вчера при докладе Н. Н. Дурново его спросил: „Что знаете новенького“? Андреевский отвечал: „А в каком направлении — новенького?“ В это время вошел чиновник с бумагами. Когда он вышел, Дурново повторил свой вопрос, а затем сказал: „Ах, что только у нас делается“. Отовсюду доходят слухи, что Дурново тоже топит Плеве. Плеве в последний раз просил Е. В-ча узнать, часто ли у царя бывает Безобразов.

25 мая.

Завтракали Клейгельс, Стишинский и Никольский. Говорили о том, что три дня тому назад поймали около Киева важного анархиста Гершуни, который подготовлял покушения на Валя, Оболенского, убийства Сипягина и Богдановича. Говорят, арестованы также 4 артиллериста—2 гвардейца и 2 армейца.

28 мая.

Плеве недоволен „Новым Временем“, статьями, которые были там напечатаны насчет евреев под заглавием „Пробелы закона 3 мая 1882 года“ (о евреях). Плеве сказал, что эти статьи тошно читать. Плеве сказал также, что „Новое Время“ делается отврати-

тельной газетой. Когда мы рассказали об этом Никольскому, оказалось, что статьи эти написаны самим Никольским. Он сказал, что еврейские законы так написаны, что их понять нельзя. Вследствие этих статей Плеве назвал „Новое Время“ „подлой газетой“.

30 мая.

Рассказывали сегодня про происшествие в Киеве, что три дня назад в жандармское управление привели на допрос к начальнику управления ген. Новицкому еврейку Фрумкину, которая, выхватив спрятанный у нее под платьем нож, бросилась к Новицкому и ударила его ножем в шею. Новицкому удалось ослабить удар, и рана оказалась поверхностной, не опасной. Полтавский губернатор Урусов сказал, что ему сдается, что эта Фрумкина из Полтавы, что он ее знает. Назаревский (председатель моск. цензурного комитета) говорил, что задержал рукопись Хомякова (из Смоленска) „О самодержавии“,—в таком тоне написана, что не дай бог. Хомяков просил отпечатать всего 100 экземпляров для друзей, не для продажи. Назаревский признает эту статью очень вредной. Хомяков приехал в Петербург добиться разрешения ее печатать, и Назаревский уверен, что через Адикаевского он получит на это разрешение, что через Адикаевского много вредных вещей прошло в печать, что он играет в руку либералов, что за деньги у него все можно сделать и проч.

4 июня.

Сейчас узнала, что на П. А. Крушевана (редактора газеты „Знамя“) сегодня днем было покушение за напечатание в газете письма о. Иоанна „Моим возлюбленным во Христе боге братьям, кишиневским христианам“. На Невском бросился на Крушевана сзади человек, который ранил его финским ножом в шею. Рана не опасна. Преступника Крушеван схватил сам. Фамилия преступника—Дашевский, он бывший студент киевского политехникума.

5 июня.

Рассказывали сегодня, что на допросе покушавшийся на Крушевана Дашевский заявил, что он действовал из мести, что он мстил Крушевану за кишиневский погром, в котором он считает виновным Крушевана.

16 июня.

Барон Ф. Р. Остен-Сакен возмущался ответом Синода вселенской патриархии, говорил, что он уверен, что Победоносцев в этом документе не принял участия, высказывал также уверенность, что папа Лев XIII не оставит это послание без ответа, что Рамполла именем папы даст отповедь Синоду. Я думаю, что когда

митрополитом сидит дерево, как теперь у нас, а не человек, церковь не в безопасности.

На открытие мощей св. Серафима Саровского едут 16 членов императорской фамилии.

19 июня.

Скворцов говорил про Арсения Швецова (раскольника), что он недавно держал целую длинную речь рабочим насчет св. Серафима, что обманывают народ, что мощей нет.

20 июня.

Плеве говорил Ухтомскому, что царь им недоволен, а недавно Ухтомский послал царю сборник своих стихотворений и царь ему написал собственноручно благодарность, что с удовольствием читал эти стихи, много при чтении вспомнилось ему из прошлого. Кончает царь письмо словами: „Истинно ваш Николай".

Сейчас кн. Ухтомский прислал Е. В-чу следующее письмо:

„Глубокоуважаемый Евгений Васильевич,

Вы, конечно, уже слышали о готовящемся отобрании у меня „СПБ. Ведомостей". Позвольте мне вам, как испытанному стражу правительственных интересов, как старому другу нашей семьи, сказать два слова по этому поводу.

Пока вопрос о насилии надо мной был в первоначальном фазисе, где все сводилось к моей мнимой неблагонадежности, я был сильно удручен, что разными клеветническими приемами пытались омрачить мои сокровеннейшие чувства к облагодетельствовавшему меня государю. Мало-по-малу дело, однако, выяснилось. Облава на меня, как оказалось, велась исключительно из личных целей, дабы посадить на мое место лицо, которое умело приглянуться. Теперь—задержка, кого провести, как примирить разнородные хищные аппетиты. Я стою в стороне и от души смеюсь.

В сферах, близких вершителям судеб моей б. газеты, преимущественно называют 3-х кандидатов: Колышко, Величко, Гольмстрем.

Относительно первого сам В. К. Плеве мне с негодованием сказал: „Колышко—вор. Пока я министр внутренних дел,—никогда такое назначение не состоится. Я имею в виду вместо вас высоко порядочного человека". Хотя и не имею данных судить, но сомневаюсь: неужели он под таким наименованием говорил о заведомом профессиональном негодяе Величке?

Мне лично, глубоко оскорбленному недостойным обращением со мной эти последние месяцы, не только безразлично, но даже приятно знать, что мой заместитель сразу выступит с более чем определенной физиономией. Ко всем выражениям симпатии,

которыми я уже и ныне, слава богу, окружен со стороны очень уважаемых людей,—притом во мне нисколько не нуждающихся,—присоединится еще и весьма громкий шопот общественного негодования. И вот именно-то потому, в ясном сознании, что правительству от худой молвы, им же самим питаемой, не будет пользы, позволяю себе высказать вам, как другу и советнику многих сановников, что, если комбинация оставления Столыпина „за редактора“ до приискания мне серьезного заместителя неосуществима, то я удивляюсь, почему из всех вышеназванных кандидатов предпочтение не отдается Гольмстрему? Он—из ряда вон даровитый, разносторонне образованный, поразительно чуткий молодой деятель с огненными мыслями, широкими горизонтами, одним словом,—один из выдающихся наших современников. Так как редакции, честь которой я семь с половиной лет берег, грозит обратиться в веселый дом, обращаюсь к вам с совершенно законной просьбой: отчего вы, Евгений Васильевич, при вашем авторитете и связях, не скажете доброго слова за лучшего из кандидатов?

С глубоким почтением и преданностью
Эспер Ухтомский“.

21 июня.

Вчера узнал, что размолвка у Мещерского с Голенищевым-Кутузовым явилась из-за Колышки и „котлет“. Голенищев хлопотал получить привилегию на изготовление котлет-консервов и Колышко с ним был пайщиком в этом деле. Мещерский выхлопотал ему привилегию. Получив ее, Голенищев Колышку не взял в долю, отсюда и размолвка и вражда.

22 июня.

Недоброе впечатление произвело на меня письмо митрополита Антония, напечатанное в „Новом Времени“. Все, кто был у нас сегодня, порицают это письмо. Во-первых, письмо было напечатано не в „Церковных Ведомостях“ и не в „Правит. Вестнике“, а в „Новом Времени“, выходит, что митрополит как бы является сотрудником этой газеты. Потом, не следовало ему упоминать о гектографированных листках, которые начали распространяться по Петербургу недели три назад от какого-то „союза борьбы с православием“ и в которых заявлялось, что союз „принял на себя во исполнение долга своего перед истиной и русским народом расследование дела о мощах Серафима Саровского и не остановится, в случае надобности, и перед вскрытием содержимого гроба“. Все находят, что этим письмом митрополит Антоний не улучшил положение дела, а ухудшил его.

3 июля.

Про Безобразова сегодня слышала от Федорова, что это такой взбалмошный человек, такой шалый, что от него все станет, что

он может легко устроить войну. А какие полномочия ему даны царем, какое ему оказано доверие!!

18 июля.

Штюрмер говорил, что получил сегодня депешу о больших беспорядках в Боржоме. Нет дня, чтобы в двух-трех местах не было беспорядков.

20 июля.

Художник Чикин, которого посылали на открытие мощей св. Серафима Саровского, сказал, что там давка до того была невероятная, что казаки действовали нагайками.

Ужасные сведения из Баку. Рассказывают, что там забастовка началась со 2-го июля. Бастуют заводы, трамвай, железная дорога, типографские рабочие и другие. Требуют рабочие 8-ми-часового рабочего дня, повышения заработной платы, точного выполнения их фабричного устава и проч. Забастовало, по рассказам, более 45 тысяч человек. Была там у рабочих сходка, на которой было 25 тысяч человек рабочих. Полиция сначала должна была почти бездействовать, так как там было только 600 человек войска. Но потом количество войска удесятерилось, и бунтовщиков удалось усмирить.

28 июля.

Беспорядки в Киеве были ужасные, а в газетах пишут совсем мало. Напр., напечатано сегодня правительственное сообщение, в котором говорится, что усмирявшими забастовавших железнодорожных рабочих войсками было убито только 2 человека и 27 человек ранено. Грингмут принес письмо от собственного корреспондента Савенко, который был послан в Киев. Это письмо, которое рисует все совсем в другом свете, Е. В. послал сегодня Плеве. Бунтуются не только железнодорожные рабочие, но к ним присоединились и все другие.

6 августа.

Напечатанная в „Новостях“ от 8-го июня (№ 155) статья „К торжеству в Саровской пустыни“ вызвала негодование кн. Путятина. Он был возмущен именно тем, что в этой статье сказано при описании сооружающейся раки по его проекту, что рака из 4-х досок, без дна, затем, что преобладающий стиль—римский. Кн. Путятин ездил к Звереву просить его циркулярно запретить печатать описания раки газетами и перепечатывать эту статью. Зверев на это так ответил, что это так невинно, что если это запрещать печатать, то что же можно после этого дозволить? Путятин убедил его, что это очень серьезно, и Зверев сдался. Было приказано вследствие этого разговора корреспондентов направлять к Путятину. Затем в газетах было другое описание раки.

7 августа.

В Елизаветграде беспорядки.

12 августа.

Сегодня в „Правит. Вестнике“ напечатана следующая речь царя во Пскове на приеме псковского дворянства:—„Господа, от имени государыни императрицы и моего выражаю вам нашу искреннюю благодарность за сердечный, радушный, истинно-русский прием, который мы нашли в этих стенах. Пью за дальнейшее процветание псковского дворянства. За ваше здоровье, господа“. Е. В. нашел, что царь взял слишком уже приподнятый тон, не надо было так много благодарить, а особенно—говорить „пью“. Е. В. не любит, когда это слово встречается в депешах и словах царя, а оно у царя очень часто встречается, без преувеличения можно сказать, что во всех почти его речах и телеграммах.

16 августа.

Сегодня сказано было мне по телефону, что Витте назначен председателем комитета министров на место покойного Дурново, а Плеске—министром финансов, что якобы хотели эти две должности совместить, но оказалось, что по закону этого сделать нельзя. Насчет Плеске говорят, что он совсем в руках у Витте, что умишко у него маленький, что он будет исполнять все приказания Витте. Затем сказали, что сегодня ночью был удар, кровоизлияние в мозг у вел. кн. Михаила Николаевича, но что днем ему было легче.

17 августа.

Говорят, что у вел. кн. Михаила Николаевича паралич левой половины всего тела. Известие о назначении Витте многих ошеломило.

11 октября, Франкфурт.

Сегодня нам сказали, что в Рим царь не едет, что посылали в Италию Лопухина, который привез неблагоприятные сведения. Русское посольство в Риме проявило большую халатность. Кн. Долгорукий (ген.-адъютант), посланный с письмом к итальянскому королю, возмущен был поведением 50-ти человек охраны, которые все находились в одной гостинице и там пьянствовали и безобразничали. Был послан mot d'ordre от царя к Плеве, как писать в русских газетах об отмене поездки царя в Италию, но Плеве тогда не признался, что оный получил.

15 октября, Рим.

Когда мы шли в Вероне сесть в вагон, то видели и слышали, как у соседнего вагона социалист говорил речь, а около него стояла толпа с непокрытыми головами и с благоговением

его слушала. Речь была социалистическая. Mac-Nutt сказал Е. В-чу, что в этом вагоне везут покойника. Вот причина этой речи. Сказал Mac-Nutt, что зачастую здесь можно увидать такие сборища и услышать самые зажигательные речи.

16 октября, Рим.

Когда Е. В. спросил настоятеля посольской церкви в Риме арх. Владимира, мог ли царь спокойно приехать в Рим, арх. Владимир ответил, что мог спокойно приехать, что итальянцы умеют в известных случаях так устроить, что социалисты у них лишаются свободы—их помещают временно в подземелье, они не арестованы, но лишены свободы, а потом их выпускают, так что это для них не обидно. Насчет „свистков", которыми готовились итальянцы встретить царя, сказал арх. Владимир, так как итальянцы народ увлекающийся, то могло случиться, что против тех, которые бы свистели, могли явиться благонамеренные свистки, чтобы они перестали свистеть, что это могло быть неприятно царю, но следовало бы его предупредить, тогда он знал бы, в чем дело. Говорил он также, что, по его мнению, поголовная стачка, которая предполагалась во время приезда царя, как протест против его приезда, не осуществилась бы. Кн. М. С. Волконский возмущен, что царь не приехал, прямо обвиняет в этом Ламздорфа, который умеет только задние ходы делать. Про Плеве сказал, что сухой, в разговоре—как бритва.

17 октября.

М. С. Волконский говорил про короля, что он очень ученый, начитанный, очень прост в обхождении. Король его как-то спросил: „Почему русский царь не дает народу конституцию?" На это Волконский ответил: „Потому что у нас нет людей для образования парламента". Приэтом Волконский сказал, что в 1825 году легче было создать парламент, чем теперь, но королю он этого тогда не сказал.

9 декабря.

Грингмут рассказывал, как вчера он был у Плеве. Плеве ему прочел целую лекцию, что в России теперь 4 вопроса, разработка и урегулирование которых всего более важна: 1-й вопрос,—это крестьянский, 2-й—еврейский, 3-й—учебный и только 4-м стоит у Плеве рабочий вопрос. Когда Грингмут его спросил, как предположено для крестьянского вопроса насчет совещаний—каким образом будут туда приглашаться люди и кто их будет выбирать, Плеве отвечал, что явилось изменение, что этих людей будут избирать губернаторы, чтобы не повторилось то, что было в губернских сельских комитетах. Эта мысль не Плеве, она была высказана „Гражданином", но Плеве про это не упомянул.

Плеве хвалил Грингмуту крестьянский проект, написанный Гурко (проект этот состоит в том, чтобы устроить Россию так, чтобы каждая деревня являлась волостью, а теперь в волости несколько деревень, чтобы главным начальником над волостями был земский начальник). Мещерский говорил Грингмуту, что все в министерстве внутренних дел делается спешно, ни с кем не посоветуются, а потом приходится поправлять, делать вставки. Насчет последних дневников Мещерского оказывается—про все, что у него напечатано в последних дневниках (от 7-го числа), что теперь безвластье, он говорил царю. От царя он был у Плеве, свою беседу с царем ему передал,—вот теперь и понятно, почему этот дневник сошел безнаказанно Мещерскому. Мнение Грингмута таково, что Гурко оседлал Плеве, что он заверил Плеве, что надо поддерживать земство, чтобы быть популярным, Гурко ярый поклонник земства. Вот почему Шипов (Москва) и Петрункевич (Тверь) безнаказанно ведут свою анти-правительственную пропаганду.

1904 год

30 января.

Сегодня по улицам Петербурга ходят студенты с национальными флагами, распевают национальный гимн и „Спаси, господи, люди твоя“. Были они около Зимнего дворца, с обнаженными головами ходят они по улицам, идут все стройно, выстроившись. Когда толпа стояла возле Зимнего дворца, царь, царица и дети показались в окнах дворца. Царь выслал к толпе дворцового коменданта, благодарить за добрые чувства. Е. В-чу сказал это по телефону Зилотти. Е. В. заплакал, когда это услышал, его это очень тронуло. Меня, скажу откровенно, это только заставило задуматься—сегодня пришли с чувствами, завтра придут с протестом. Я бы такой толпы на улице не допустила. Теперь 8-ой час. Сейчас прошла по Морской толпа, тоже с пением, но нестройная, врассыпную. Как-то болезненно сжалось сердце, когда я на это посмотрела в окно. Дай бог, чтобы я ошиблась, но это явление крайне нежелательное, опасное.

17 сентября.

Мне вот как представляется все то, что теперь творится в Петербурге: у нас перед глазами страшная драма и прерывается эта драма водевилем, самым мелодраматичным; все это делается в надежде, чтобы отвлечь людей от тяжелых впечатлений, но это не так легко. Вчерашний прием Мирского чинов министерства внутренних дел наводит на печальные размышления. В наше безнравственное, беспринципное время откуда ожидать доверия (к кому?) и уважения? Грингмут говорил, что теперь он к Мирскому не поедет, чтобы не изменить направления „Московских Ведомостей“. Он уверен, что писать то, что он теперь пишет, ему не будет запрещено, но Мирский при свидании может его попросить не так резко, категорично, высказывать свое мнение о земстве, и тогда ему волей-неволей придется исполнить желание министра внутренних дел. С уходом Зиновьева и Стишинского, оставшийся один товарищ, Дурново, является у Мирского persona grata, он у Мирского и завтракает, и обедает, наставляет, руководит его. Мнение Грингмута и Батьянова (последний—либерал, и тоже печально смотрит на все), что добром все это не кончится, что медовый месяц Мирского будет короток. Победоносцев говорит, что все это кончится резней на улицах Петербурга, так же как и в провинции. В это время, по словам Грингмута, Мирский будет сидеть и потирать себе руки,—Мирский и

Дурново будут летать к нему за советами, но дело от этого лучше идти не будет. Затем наступит минута, когда царь сам поедет к Витте просить его поправить дела. После долгих переговоров Витте возьмется с условием быть первым министром и заберет все в свои руки—создаст конституцию. Мирский в своей речи сказал: „итак, мы вступили в новую эру—доверия и уважения“—чудные слова, но ради них как-то тяжело на душе, когда знаешь, что творится в России, по всем ее городам и весям. Про царя можно сказать—„не ведает, что творит“. Мне страшно больно видеть все то, что творится...

14 октября.

Сегодня был у меня французский морской агент de Saint-Pair, сказал, что пришел от Бутирона, который в эту минуту замещает Bompart (французского посла). Saint-Pair сказал Бутирону, что идет ко мне, и спросил, что мне сказать, если я спрошу его про инцидент русской эскадры с английскими рыболовными судами. Бутирон сказал на это ему, que le moment et la situation sont bien sérieux et qu'il faut se dépêcher avec la réponse,s 'il est possible de le faire comprendre à qui, de droit que je le fasse. On sait, que la Russie ne refusera pas de payer une indemnite, qu'elle le dise à l'instant même, autrement des difficultès peuvent survenir, etc. Тут же Saint-Pair сказал, что промедление очень опасно, но что оно возможно, что адмирал Рождественский в Виго (Испания), Ламздорф в Петербурге, царь в Царском Селе, что один уже получен рапорт Рождественского (оказалась депеша, а не рапорт), что ожидается второй рапорт, что все эти промедления опасны, что русского посла, когда он вернулся в Лондон, народ встретил свистками, что правительство там не властно остановить войну, если народ ее пожелает и проч. Этот разговор я передала по телефону Зилотти, который сказал, что дело стоит так, что не мы, а Англия находится в дурном положении, что не нам, а ей придется извиняться. Между прочим Saint-Pair сказал, que s'escadre russe aètè arretee dans sa marche à Vigo. Зилотти говорит, что теперь дознано, что между рыболовными судами были две миноноски (еще не говорится открыто, но видно, они были японские), что наши суда получили повреждения. Оказывается, что „Алмаз“ и „Жемчуг“ настолько повреждены, что возвращаются в Кронштадт.

Тоже сказал Saint-Pair, что слышал, что Мирский вышел в отставку, что у него были неприятности при докладе царю.

Вишняков сказал, что Мирский очень расходуется, что у него часто бывает Пороховщиков, с которым у него продолжительные беседы. Пороховщиков предлагает созыв и устройство земского собора и, говоря про этот собор, он сумел уже выхлопотать себе у Мирского субсидию в 50 тыс. руб. Excuses du peu! Сейчас вспомнила, что якобы Мирский выходит в от-

ставку, что подал оную после долгой беседы с Победоносцевым, а не после доклада царю. Про это говорили, что желательно, чтобы Победоносцев сказал царю, что настоящим темпом Россию нельзя вести, у нас еще много дикого. По словам Вишнякова, теперешнее время куда хуже 1880-х годов,—тогда все это только начиналось, а теперь сильно развилось. Говорили, что министры много портят сами, вытаскивая у царя высочайшие повеления помимо министров или Государственного Совета, что этим министры очень пользуются. Теперь говор идет о сегодняшнем рескрипте Куропаткину, который назначен главнокомандующим морских и сухопутных сил на Дальнем Востоке, а в приказе, отданном Алексеевым, насчет этого дела говорится только о сухопутных силах, о морских же он умалчивает. Видно, что Алексееву тяжело расстаться с властью,—при чем он теперь остался в Манчжурии? Тревожное, но интересное время приходится переживать. Сперва передавали как слух, а сегодня говорили за достоверное, что вел. кн. Алексея Александровича с 2-го на 3-е октября освистали на улице, на углу Невского и Б. Морской,—когда он ехал в коляске, толпа бежала за коляской и свистала, вел. князь скрылся в ресторане Кюба, куда был вызван градоначальник, и оттуда другими улицами вел. князь пробрался домой. Это начало очень дурного конца, у нас этого доселе не случалось.

15 октября.

Рассказывают про столкновение вел. кн. Сергия Александровича в Москве с московскими купцами. Рассказывают несколько версий. Вот одна из них. Вел. князь позвал к себе Савву Морозова и упрекнул его, что якобы московские купцы мало жертвуют. На это Морозов ответил, что не жертвуют потому, что не ведают, достигнет ли намеченной ими цели их жертва. Произошла сцена, и после этого многие московские фирмы хотели закрыть свои фабрики, но затем все уладилось, но все-таки купцы ничего не пожертвовали. Все, что приходится слышать, все и везде неутешительно. Узнала я про московских купцов от Пантелеева и Вишнякова, они оба всегда все знают. Вишняков возмущен, что Стишинскому и Зиновьеву на переезд дано по 8 тыс. руб., что подобного никогда не бывало раньше, что денег теперь в казне меньше, а требовательности куда больше. Разговоры о том, что покойный Плеве занимался перлюстрацией писем, что у него найдены копии с частных писем царя—продолжаются, и этим объясняют, почему царь холоден к его памяти.

16 октября.

Говорят, что якобы Кони поручено написать конституцию. Если это правда,—зачем писать новую, таковая уже есть написанная, если не ошибаюсь, Градовским, во времена Александра II.

Эта конституция якобы будет обнародована после войны. Но мне что-то не верится, чтобы здесь была правда. Министры от власти едва ли откажутся, а при конституции власть их страшно умалится, больше даже, чем власть царя, которого и теперь власть ограничена, так как он в руках своих министров—все, что они ему подносят, он подписывает, узнает царь только то, что ему хотят сказать.

В петербургской тюрьме были в позапрошлую ночь беспорядки. Умер политический преступник, заключенные по сему случаю произвели большую демонстрацию, так что пришлось ночью увезти покойника. Были приняты строгие меры для водворения порядка. Мирский все болеет, не принимает, надолго его не хватит. Гейнц из „Агентства" сказал, что депеши из Лондона все были угрожающего характера, но сегодня как-будто они поспокойнее, что якобы инцидент нашей эскадры с рыболовными судами улажен. Но я не доверяю этому последнему известию.

17 октября.

Инцидент с эскадрой Рождественского якобы улажен, передано это дело на обсуждение третейского суда. Н. И. Петров не верит, чтобы наша эскадра дошла до Тихого океана, говорит, что она по пути погибнет. Он очень печально смотрит на наше положение на Дальнем Востоке. Оказывается, что в тюрьме волнения были из-за того, что преступник, студент Технологического института Малышев, повесился. Возмутились же все заключенные из-за того, что он повесился от дурного с ним обращения.

18 октября.

Началось опять брожение среди молодежи. Повесившийся студент Малышев всех их взбудоражил. Рассказывали, что вчера была сходка у Казанского собора, заигрывание Фуллона с толпой, как он, по их желанию, удалил полицию, а сам пошел с ними посреди Невского, окруженный оборванцами со всех сторон, и издали видно было, что он с ними рассуждает, а что может он им сказать умного? Счастливы те люди, которые ушли от живого дела, как Зиновьев, Штюрмер и Стишинский, хотя они все при Плеве совсем ничем не рисковали. Но теперь их положение в министерстве было бы невозможное, пришлось бы им поступиться своей profession de foi. Может, еще один Зиновьев мог бы это сделать. При последнем свидании, у нас, он сказал, что он не против земства и либерального направления. Теперь всегда приходится быть настороже, осторожно высказывать свое мнение. Метаморфозы быстры,—вчера человек, напр., признавал, что все пропало, что „новый курс" все сгубит, сегодня же тот же человек спокойнее смотрит на будущее, просит только одного—быть поставленным в известность, правда ли, что близкое будущее сулит перемену правления, т.-е. конституцию, чтобы приготовиться ее встретить не врасплох.

19 октября.

Вчера вечер провела у Штюрмер. Он мрачен, расстроен всем, что у нас творится, говорит, что мы прямо идем к революции, что теперь, если даже одумаются, если Мирский уйдет и снова вернутся к прежнему порядку, все-таки его водворить будет уже невозможно, что дело уж так испорчено. Чаплин говорил про злое bon mot, которое ходит по Петербургу. Спрашивают: почему весь этот шум? чего все эти люди хотят? Ответ на это: хотят конституцию, ограничить монархию.—Почему это вдруг понадобилось, ведь уже 10 лет мы имеем „ограниченного" царя.

20 октября.

Говорили вчера, что Рождественскому не позволено выйти из Виго. Оказалось—неправда, было только приказано оставить несколько офицеров, которые должны будут явиться, чтобы дать показания во время разбора дела эскадры с английскими рыболовами третейским судом. О чем ни начни писать, обо всем приходится сказать: все плохо.

Штюрмер сегодня высказался, что Мирский прямо в душе поляк, что все его симпатии к этой нации, что он в руках Витте, который им управляет, политика которого в том заключается, по словам Штюрмера, чтобы в России шли дела как можно хуже, что Мирский этого не смекает, но это есть на самом деле. Сказал он также, что Мещерский целиком перешел на сторону Мирского, даже открещивается от знакомства со Штюрмером. Штюрмера вся эта компания считает заговорщиком, что он желает заместить Мирского. Всю эту кампанию против порядка и общественной безопасности ведет Бурдуков—le dernier amour Мещерского, который с ним может делать ce que bon lui semble. Чтобы иметь Мещерского за себя, и Мирский, и Витте ему посулили золотые горы, всякие почести и проч.

21 октября.

Много высказывал Н. Л. Павлов насчет предстоящего съезда 75-ти земцев в Петербурге 6-го ноября под председательством сперва Мирского, который откроет съезд, а затем председателем будет Шипов (московский). Сказал он, что этот съезд напоминает Etats Gènéraux, которые привели к падению монархии. Эту мысль высказывал вчера Никольский, который находит, что наше положение в данную минуту напоминает тогдашнее положение французов. Характерное было свидание у Павлова с Мирским. Павлов привез ему проект реорганизации уездного управления. Эта работа была ему поручена Плеве. Павлов увидал, что взгляду его Мирский не сочувствует, что раньше администрация должна иметь власть, а потом земство,—у Мирского наоборот. Мысль Плеве была та, что свободу он дал бы впоследствии, но рань-

ше он хотел привести в порядок Россию. В своей образной, как всегда, речи он так объяснил Павлову, что раньше, чем пустить жильцов, он хочет убрать комнату, расставить мебель, устроить окна, навесить двери, и тогда жильцы там могут поместиться свободно и удобно. Это заявление Мирский принял саркастически, сказал, что с ним несогласен.

22 октября.

Был сегодня бывший курьер Плеве, теперь Мирского — Минчагин. Рассказал, что Мещерский за все время всего два раза был у Мирского, а теперь сказано его не принимать. П. Н. Дурново часто бывает у Мирского, сидит подолгу, по 3-4 часа. Витте был два раза после приезда из Сочи, сидел тоже подолгу, в последний раз пришел с книгой, изданной в память Плеве. Оказывается, верно, что говорили про Рождественского, что он накануне ухода эскадры из Либавы выстрелил из револьвера в одного офицера нарушившего дисциплину.

23 октября.

Штюрмер сказал, что лучше Муравьева вместо Мартенса назначить представителем России в Гаагу на разбор дела эскадры с английскими рыболовами, что Мартенс—лукавый, может Россию продать. Сказал также Штюрмер, что могут там постановить не допустить эскадру идти дальше, вернуть ее в Либаву. Была у нас сегодня наша бывшая англичанка miss Smith. Она прямо отрицает, что были два миноносца среди рыболовов, заверяет, что это спьяну увидели русские моряки, что это ей известно достоверно.

24 октября.

Бывший агент тайной полиции Феофанов рассказывал сегодня, что охрана у нас поставлена из рук вон плохо. Начальники охранного учреждения сами, чтобы выслужиться перед начальством, устраивают тайные типографии, чтобы их затем якобы открыть и получить награду. Так поступили полковник Кременецкий, его помощники Модль и Коттен.

25 октября.

Вчера Никольский заверял, что теперешнее направление внутренней политики вреда России принести не может, что „душительная“ политика Плеве привела бы к катаклизму. Когда же я ему поставила вопрос, что если уступки будут продолжаться и требования на них будут возрастать, что он на это скажет,— он отвечал, что уступок-де довольно. Е. В. вспомнил, что 19 октября, когда он был в Москве, там была антиправительственная демонстрация: ходила толпа по улицам с двумя крас-

ными знаменами; на одном было написано „долой царя“, а на другом „долой войну“. Еще не это мы скоро увидим! Вивьен сказал, что Мейендорф и Случевский, по желанию Куропаткина, возвращаются из действующей армии. Павлов говорил, что продает свое родовое имение, перевел деньги за границу, так как близится время, когда надо будет бежать из России. Отовсюду толки, что Мирский упразднил царя, что все обращаются к нему, благодарят его за новую эру, а царя как будто и нет.

27 октября.

Сегодня из Москвы нехорошие известия, что 1.000 человек призывных такие там творили беспорядки, что пришлось прибегнуть к войскам для их усмирения и несколько человек убито. Валь сказал, что подобное явление уже было. Пантелеев передал, что ему говорили, что Шихматов, бывший тверской губернатор, рассказывал, что когда он представлялся царю, то увидал у него на столе газеты „Право“ и „Русь“, которые якобы царь теперь читает. Сегодня говорили, что Куропаткин потребовал также удаления от него Чекмарева и Афанасовича.

28 октября.

Вчера Валь приходил предупредить Е. В-ча, чтобы принял меры, помешал бы, чтобы Мирский не взял на службу вновь Зубатова, который—первый революционер. Сегодня Жаконе рассказывал, что корреспонденты написали, что Стессель—трус, что с пистолетами в руках генералы Фок и Кондратенко заставляют его показываться на бастионах Порт-Артура.

29 октября.

Штюрмер продолжает носить мрачное лицо. Мещерский снова вернулся к прежнему своему направлению, снова пишет о самодержавии. Объясняет Штюрмер этот поворот таким образом, что вертит Мещерским Бурдуков, его последняя любовь, что по совету Бурдукова князь писал за Мирского, так как Бурдуков ожидал от министра внутренних дел всяких благ, но так как его Мирский не сделал даже чиновником особых поручений, то фронт свой „Гражданин“ теперь переменил и теперь пойдут восхваления Витте, его будут стараться провести на место Мирского. Убеждения тут роли не играют. Сухомлинов, который теперь в Киеве командующий войсками, говорил, что „курс“ Мирского добра не принесет, что Киев—неспокойный город, что этот „курс“ там скоро откликнется. Такое же впечатление производит Петербург—экилибр потерял, летит по наклонной плоскости, не понимая опасности. Война (пожертвования на нее прекратились), театры, рестораны полны, модистки

завалены работой, а рядом—траур, нищета, горе. Учащиеся волнуются. В университете по понедельникам Тарле читает лекции о французской революции, после которых молодежь так возмущена, что каждый понедельник можно ждать беспорядков.

30 октября.

Новое направление русской внутренней политики ставит втупик даже иностранцев. Сегодня Saint-Paire спрашивал, сочувствует ли царь, по его ли инициативе ведется новый курс, сочувствовал ли царь политике Плеве, что заставило изменить прежнее направление и проч.? На такие вопросы ответа еще нет—взгляд царя неведом. Павлову удалось повернуть Мещерского, но он в нем не вполне уверен. На него имеют влияние три личности, одна хуже другой, которые все тянут Мещерского на кривой путь: Лопухин, который сделался (и всегда им был раньше) открыто теперь красным (Зубатов уже был у Мещерского), второй—Колышко влияет на „Гражданина", а затем—Бурдуков. Оба последние тянут на сторону Витте, у которого теперь лозунг: „чем хуже, тем лучше"; когда всем будет казаться, что все пропало, его тогда призовут поправлять. Павлов боится, что царя могут убить. Победоносцева все теперь называют „рамольным". Призывные всюду устраивают скандалы.

31 октября.

Сухомлинов сказал вчера: „Пожалейте меня, только что вернусь в Киев, мне надо будет делать призыв в Бердичеве". Кн. Н. Д. Голицын сказал, что слышал из достоверного источника, что земский съезд, который должен был собраться здесь 6-го ноября, отложен до января. Мирского все разбирают, находят, что он бестактно поступил, принимая депутацию евреев и сказав ей, что будет заботиться о равноправии всех национальностей, населяющих Россию.

1 ноября.

Сегодня Гейнц говорил из „Агентства", что получена депеша, которую запретили опубликовать, что вчера в Варшаве были беспорядки, во время которых 10 человек было убито и 11 ранено. В Петрокове тоже вчера было покушение на полицеймейстера Керлиха за усмирение им беспорядков, которые начались с 19-го октября. Сегодня Штюрмер сказал, что съезд земцев не отложен, что будет 6-го ноября. Батьянов рассказывал, что сегодня он был у адм. Алексеева, которого он признает не столь виновным, как на него нападает общественное мнение. Алексеев сказал Батьянову, что никаких распоряжений насчет военных действий Куропаткин от него не получал, никакой части войск он в Харбине не задерживал, все войска по требованию Куропаткина от-

правлял к нему. О Куропаткине Батьянов самого невысокого мнения, признает его совсем неумелым главнокомандующим, который все сражения проиграл; за все время, что он там находится, был у него только ряд промахов. На себя взять вину—не в характере Куропаткина. Всю вину за Ляоян и за последнюю битву при Шахе он свалил на трех корпусных командиров: Бильдерлинга, Мейендорфа и Случевского, которые все возращаются из Манчжурии. По словам Батьянова, от Куропаткина добра не дождемся—положил 43 тыс. человек, а самому пришлось отступать, японцы же подвинулись на 5 верст. Больших дел сейчас там нет, а японцы увеличивают теперь свои армии, подвозят войска, мы же ожидаем, пока они подвезут, и тогда Куропаткин снова выкинет какую-нибудь штуку, подобную последней, и снова положит, может, еще и более 43-х тысяч человек. Насчет Рождественского Батьянов тоже недоверчиво на него смотрит, уверен, что эскадра придет в Тихий океан не раньше 4-х месяцев, если только до него дойдет. Уверен он также, что до конца плавания Рождественский не выдержит, заболеет, и—о, ужас!—поведет эскадру невозможный Фелькерзам и ее погубит.

2 ноября.

Сухомлинов говорил, что в киевском университете меньше всего занимаются наукой, что там и профессоров-то нет. По его сведениям, в эту минуту в университете большие беспорядки, поэтому неудивительно, что Глазов (министр народного просвещения) в университете не был. Все эти дни в петербургском университете тоже неспокойно, там происходят грандиозные сходки. Скальковский, который теперь из либерала превратился в консерватора, сказал сегодня, что Зверев призывал всех редакторов к себе и дал указание—умерить тон.

4 ноября.

Зверев сегодня говорил, что печать страшно разнуздалась, но поделать он ничего не может,—этих писателей надо наказывать, а ему дано теперь только право их увещевать и просить. Когда Е. В. его спросил, будет ли назначена комиссия по печати, Зверев отвечал отрицательно, и из его слов можно было понять, что он против комиссии, потому что комиссия может разработать такие законы, которые узаконят теперешние беззакония, но что настоящую свободу, которой теперь пользуется пресса, еслиб только пожелали, сразу могли бы отнять. При Звереве, Жиаконе спросил по телефону, правда ли, что отложен земский съезд до января. Зверев сказал:—„Скажите, что отложен. Хотя это и не так, но лучше, чтобы писали, что отложен“. Что-то есть такое с этим земским съездом, что трудно понять. Зверев сказал, что скоро все будут Мирским недовольны, что съезд отложен, что

печать придерживает и т. д. Про Мирского Зверев сказал, что он хороший человек, но беда его, что слушается „мальчишек". Имена этих „мальчишек" Зверев не назвал. Был вчера Рыдзевский. Про Зубатова сказал, что его не берет. Сказал, что в деле полиции находится пока, как в лесу, что ему поручено только полицейское дело, что политического проводить не может. Зверев также сказал, что в „Русском Слове" был напечатан фельетон свящ. Петрова „Великий инквизитор", в котором страшно разбирается Победоносцев. Сегодня этот фельетон напечатан также в „Петербургских Ведомостях", что про него никто ему не доложил.

5 ноября.

Все разговоры вокруг завтрашнего съезда земских представителей. Говорят, что он как бы не разрешен, но все-таки соберутся земцы. По словам Рыдзевского, никому не возбраняется собираться на частных квартирах, но здесь „частной квартирой", кажется, будет помещение Петербургской Земской Управы. Говорит, что рабочие и молодежь готовят беспорядки. В университете безобразия продолжаются, во всех городах тоже неспокойно. В Варшаве были беспорядки на польской подкладке. 30-го ноября будут судить убийцу Плеве—Сазонова.

6 ноября.

Была Мясоедова-Иванова. Про Хилкова она сказала, что жена так его забрала в руки, что теперь не он министр, а она. Собирался Хилков ехать в Сибирь, но царь его не пустил. Хотел он там строить второй путь, но так как путь этот в 6 месяцев выстроить нельзя, а будет он готов, по всем вероятиям, только к концу войны, то решено, чтобы Хилков здесь остался, чтобы путь этот окончили в 7 лет. Кутайсов из Иркутска бомбардирует, что там голод. Царь спросил Хилкова, правда ли это? Хилков отвечал, что про голод в Иркутске не слыхал, но надо думать, что есть, если генерал-губернатор про это пишет. У себя же дома Хилков говорил, что голода нет, что за говядину в Иркутске платят 22 коп. за фунт. Н. И. Петров говорил, что Куропаткин требует теперь кредит в 600 тыс. руб. в месяц для главнокомандующего, 3-х командующих и их штабов. Кутепову сказала жена Гриппенберга, что за последнее время ее муж получал ужасные депеши от Куропаткина, который его торопит скорее приехать в армию. Прислали сегодня из „Телеграфного Агентства" депеши, не разрешенные цензурой. Одна из них из Москвы. В ней говорится, что собрались вчера в железнодорожном клубе земские врачи, высказывали в речах неудовольствие, что „Русские Ведомости" слишком слабо пишут про конституцию, послали депешу сюда Шипову, прося его действовать не полумерами, а открыто требовать конституции.

7 ноября.

Минчагин говорил, что Витте и Дурново у Мирского очень часто бывают, подолгу сидят. Минчагин возмущен Дурново, сколько на него анонимных и не анонимных получал Плеве, в которых говорилось, что Дурново—взяточник, а теперь он первый человек в министерстве, всем орудует. Говорил Минчагин, что хорошо еще, что Мирский прогнал Скандаракова, что он дрянной человек, что, когда Плеве был убит, Минчагин возмущался, что он убит, что лежит на улице, на это Скандаракoв сказал, что если бы это не случилось сегодня, то завтра бы случилось, что также он валялся бы на улице. Остался при Мирском только Хоткевич, который глупый и болтун. Мирский один ездит без выездного, только Минчагин едет впереди. Никто не знает, когда он выезжает, а Хоткевич всегда оповестит полицию и по пути Мирского всегда ее много. С Лопухиным Мирский уже давно не видался, никогда Лопухин у него не завтракает и не обедает, а Зверев часто завтракает. Говорят, что земцы собираются на частной квартире у присяжного поверенного Корсакова, тверитянина, брата того, который сочинил адрес, вызвавший у царя слова „бессмысленные мечтания". Самое туманное во всем этом—неизвестность насчет взглядов царя на политику Мирского. Дедюлин говорил про беспорядки, которые творятся во всех городах по случаю призывных, что лучше ли делают, что кабаки закрыты в минуту их приезда в город. Пришли все к убеждению, что лучше винные лавки закрывать, но для приезжающих призывных устраивать угощение от города и обывателей.

8 ноября.

Сегодня говорили, что в публике явилось недоумение, почему съехавшиеся земцы собираются на частной квартире,—значит правительство не приглашало этих лиц, а всюду прошел слух, что они были вызваны. С этим съездом выходит так, что министр разрешил собраться, а царь не дозволил этого собрания. Вчера Катенин (председатель цензурного комитета) сказал, что первый № новой газеты „Наша Жизнь" был такой ужасный, что он его задержал, но на другой день Мирский приказал его выпустить. Сегодня депеша в „Агентстве" из Харькова, что там студенты и рабочие вели себя неспокойно, но эта манифестация прошла без кровопролития. Погорелко, харьковский городской голова, говорил, что подобная манифестация уже была в Харькове.

9 ноября.

Земцы заседают в разных помещениях, то в одном, то в другом, и в своих заседаниях неуклонно проводят свои конституционные планы. Люди порядка желали бы, чтобы эти „милости-

вые государи“ устроили скандал. Штюрмер убежден, что они скандала не учинят из расчета, чтобы иметь право вновь сюда собраться. Мирский мирволит съезду, а партия порядка у него в загоне. В Петербурге находится Головин (писатель, его псевдоним—Орловский), к нему примкнули консерваторы. Он написал записку, которую хотел напечатать в „Гражданине“, которая прямо ратует за самодержавие. Мещерский принял ее от Павлова и хотел ее напечатать, но в это время явился туда Бурдуков, сказал Мещерскому, что надо спросить цензуру, можно ли печатать. Отдали записку Звереву, тот ее показал Мирскому, и Мирский ее запретил печатать.

10 ноября.

Батьянов сказал, что войска, с которыми он ездил прощаться в Витебск, неохотно идут на войну. Привез он известие, что в Варшаве Люблинский полк отказался идти на войну, что 8 человек из полка решено повесить. У бедных солдат нет альтернативы: пойдут на войну—убьют, не захотят идти на войну—тоже убьют,—и хочешь-не хочешь, должен идти в солдаты в этой всеобщей воинской повинности.

11 ноября.

Гр. Толь рассказывал насчет своих свиданий с одним из земцев, от которого узнал, что депутация была у Мирского, поднесла ему свою программу, он ее прочел и сказал, что ей сочувствует. Программа говорила о народном представительстве, о неприкосновенности личности, о веротерпимости и проч. При этом Мирский сказал, что самолично он решить не может, что должен программу предоставить царю, что и было им сделано, а затем он объявил депутатам, что царю она не понравилась, что им не возбраняется собираться на частной квартире, но что министерство внутренних дел в этом съезде участия не примет. Затем были заседания 6-го и 7-го числа, которые выработали 11 пунктов, в которых прямо требуется конституция, и теперь опять поедет депутация к Мирскому, повезет ему эту работу.

12 ноября.

Один из членов земского съезда сказал Монтеверде, что во время одного из заседаний съезд получил заявление от партии террористов, оповещающее съезд, что если ими намеченные пункты не будут приняты, то они переменят свою тактику, что доселе они устраняли только министров, которые им мешали, но что царь и царствующий дом были для них священны, но с отказом царя следовать намеченной съездом программе первая их жертва будет царь, что они его скоро убьют. Как мог съезд, который

собирался неоффициально, возбудить столько тревог? Приглашения эти господа получили от московского бюро, но в приглашениях значилось, что съезд собирается с высочайшего повеления.

13 ноября.

Рассказывали нам, что у киевского профессора Трубецкого (автора зажигательной статьи в „Праве") недавно в его имении приключились беспорядки. Управляющий написал Трубецкому и требовал помощи. Трубецкой поехал сам в эту деревню, но оделся в пальто с красной подкладкой, в котором и вышел к бушующей толпе крестьян и обратился к ним со словами, что им плохо будет, если они не усмирятся. Потом он распахнул свое пальто, чтобы они видели красную подкладку, и закричал, что он—генерал, что он может все с ними сделать, чтобы они береглись и проч. Когда студенты в Киеве узнали про этот haut fait Трубецкого, на первой же после этого пассажа лекции они его освистали.

14 ноября.

Депутацию от земского съезда Мирский не принял. Рассказывал Штюрмер, что Шипов был у Мирского, долго сидел и программу съезда вручил князю, а затем передал членам съезда, что Мирский принял ее благожелательно. Жиаконе говорил, что получил от агентства Рейтера из Лондона запрос, представлялась ли царю сегодня депутация от съезда и что сказал ей царь. Как за этим делом следят заграницей! Оказывается, что съезд земцев трижды собирался. Первое заседание было у Корсакова, второе—у Брянчанинова (сына сенатора) и третье—у Набокова, у которого и была подписана конституция.

15 ноября.

А. А. Титов был сегодня у Победоносцева, рассказывал, что он сказал ему, что будет кутерьма, будут беспорядки, но что мы до них не доживем. Победоносцев на это сказал, что доживем и увидим все это очень скоро, что все к этому идет быстрыми шагами. Победоносцев все охает и ахает, но, по словам и Титова, и Сакена, от него ожидать, что он будет действовать к предотвращению этих бедствий, немыслимо,—он и раскис, и устарел. Стишинский говорил, что крестьянское дело переходит к Витте, что Мирский его ему передает, что если будет уничтожена „община", неотчуждаемость имущества, то это будет хуже, чем полное поражение нас японцами, что тогда взбунтуется крестьянское население, разовьется пролетариат и проч. Грингмут с ним согласился. Сказал также Стишинский, что кн. Васильчиков, после продолжительного свидания и беседы с Мирским, категорически отказался быть товарищем министра внутренних

дел и что факт, что Кутлер, ставленник Витте, принял назначение товарищем. Был сегодня отвратительный Дидрихс из Кустаная. Это—каторжник, ходящий на воле, мое впечатление такое, что он Сибири не минует.

16 ноября.

Был Арсеньев (Тула). Рассказывал про свое вчерашнее представление царю. Он попросил у царя позволения, скорее терпения, выслушать его, что тягостное положение мы переживаем,—эта разнузданность прессы, съезд земский, который здесь в Петербурге собирался и теперь разнесет по всем губернским и уездным собраниям свои либеральные речи, что слов царя „бессмысленные мечтания“ хватило на 10 лет, чтобы удержать эти порывы, но что теперь было бы хорошо повторить манифестом, чтобы знали, что то, что происходило на съезде в Петербурге, не есть по высочайшему повелению, как об этом будут говорить в губерниях земцы, бывшие на этом съезде. Впечатление Арсеньева, что все, что он говорил царю, было ему не ново, было известно. Когда он сказал, что земцы, когда вернутся в губернии, будут говорить, что собирались по высочайшему повелению, царь на эти слова улыбнулся. То же видно было, что сказанные Арсеньевым слова, что на 10 лет хватило слов царя насчет „бессмысленных мечтаний“, царь очень добродушно выслушал. Насчет манифеста царь сказал „подумаю“, но по всему видно, что царь не высказался ни в ту, ни в другую сторону. Во время разговора Арсеньева царь часто повторял: „Да, да, я знаю“. Чувство у Арсеньева такое, что этот разговор был скорее симпатичен царю, чем несимпатичен. Грингмут такого же мнения. Павлов привез известие, что якобы Мирский смекнул теперь, что так вести Россию, как он ее повел, нельзя, что чувствует, что с делом не справится, просил царя его уволить и своим заместителем назвал Витте. Эта комбинация о Витте давно уже зрела, и поэтому-то Кутлер и был назначен товарищем, чтобы подготовить почву для Витте. В это время у нас были Штюрмер, Арсеньев и Грингмут, и все они в один голос воскликнули: „не дай бог Витте!“

17 ноября.

Был Кладо, который в эту минуту герой дня—едет в Париж на Гулльскую конференцию. Его мнение, что Балтийская эскадра должна дойти в Тихий океан, но ее надо подкреплять для этого отсюда, что дойдет она не раньше марта месяца—три месяца плавания и два стоянок. Говорил он, что вел. кн. Алексей Александрович и Авелан враждебно к нему относятся, гонят его из морского министерства, что от них вряд ли эскадра получит подкрепления, что к этому вопросу халатно относятся в морском министерстве.

18 ноября.

Сегодня Е. В. был у Мирского. Мирский возмущенно говорил о Штюрмере, о котором он слышать не может, подобных Штюрмеру он назвал „говняками“. Когда Е. В. назвал членов земского съезда революционерами, Мирский сказал, что они не революционеры, а порядочные люди, а что Штюрмер и К⁰—революционеры. Мирский согласился с Е. В., что время выбрано неудачно, что после войны, пожалуй, можно бы про все это говорить, но не теперь. Мирский согласился на предложение Е. В. ехать на юг, где в Николаеве и Севастополе продолжаются беспорядки и принимают очень острый характер. В беспорядки там втянуты и матросы. Рабочий Пруссаков говорил сегодня, что масса ужасных прокламаций разбросана сегодня ночью, в которых говорится про конституцию, „долой самодержавие!“ и проч.

19 ноября.

По следующему рапорту Чухнина от 10 ноября видно, что дело плохо в Севастополе.

„В конце ноября в Севастополь прибудет более 6 тыс. человек нижних чинов запаса армии и будут размещены в обывательских квартирах. Принимая во внимание, что запасные эти из южных губерний, где политическая пропаганда широко распространена и где есть много лиц, зараженных ею, а также и то обстоятельство, что гор. Севастополь сам по себе есть очаг политической пропаганды, считаю долгом доложить вашему превосходительству об этом и просить, в особенности в виду беспорядков, бывших 3 ноября, ходатайствовать, чтобы запасные не были размещены в обывательских квартирах гор. Севастополя, а для них был бы выбран другой какой-нибудь город, так как с прибытием их можно ожидать повторения беспорядков. Я убежден, что противоправительственная пропаганда очень хорошо организована и распространена. Беспорядки в других местностях не могут отразиться так вредно, как в крепости, в которой, кроме того, собрана такая масса морских команд, мало дисциплинированных в основе своих понятий о государстве и необходимости подчиниться властям. Имею веские основания к этому. Полагаю даже, что я стал своею волей поперек всей подпольной деятельности тайной организации и что против меня могут быть ею приняты меры для устранения с их намеченного пути. Полагаю, что не следует закрывать глаза и считать все благополучным. Боюсь, что сама мысль о размещении такого количества запасных именно в Севастополе—несчастна, ежели только не умышленна“.

После 3 ноября, чуть-ли не 10-го или 12-го, снова в Севастополе начались беспорядки.

Радциг говорил сегодня, что всюду слышит (только не во дворце—там не говорят), что Мирский—поляк, работает в пользу

поляков и жидам очень покровительствует. Сказал он также, что царь жалеет Плеве, что после назначения Мирского, Муравьев дважды просил отставку, что во второй раз эти слова царя рассердили, когда Муравьев вышел, он вошел в другую комнату, в которой находился Радциг, и громко сказал: „Пускай уходит Муравьев, я его не пожалею, я не люблю, когда так дурно говорят о мертвом, особенно о человеке, труд которого я очень ценил“. Было говорено это про Плеве, которого Муравьев смешал с грязью царю и предлагал новое переустройство министерства внутренних дел, с отделением из него части в министерство юстиции. Это предложение Муравьева царь не одобрил, а когда Радциг ему сказал, что если Муравьев не хочет оставаться, то увольте его, царь сказал: „Пусть сам уйдет“. Радциг сказал, что ни о какой конституции царь не думает, а все упорно говорят, что якобы это мысль царя—дать конституцию.

20 ноября.

Читала второй секретный рапорт Чухнина в главный морской штаб от 14 ноября. Он рисует очень мрачную картину, в нем говорится о революционной пропаганде среди матросов. Чухнин требует энергичных мер, что надо объявить Севастополь в положении усиленной охраны, говорит, что судебные следователи и суды относятся к этой пропаганде безучастно, что найдено было сто прокламаций у одного матроса, его суд не обвинил, так как не было доказано, что он их распространял. Тоже мера, которую предлагает Чухнин,—нижних чинов, заподозренных в политической пропаганде, переводить на всегда плавающие суда, без повышения. По этому рапорту не видать, как распорядилось морское министерство, есть только пометка—про все это сообщить министру внутренних дел, которая сделана по приказанию генерал-адмирала вел. кн. Алексея Александровича. Говорила сегодня Павлова, что Жданов, ректор университета, уходит, так как студенты ежедневно все более и более бушуют. Принц А. П. Ольденбургский, узнав, что у профессора Набокова собирался в квартире земский съезд, уволил Набокова от профессорства в правоведении.

22 ноября.

Вчера сказанное Толем, что Мирский уходит, сегодня подтверждено сперва Грингмутом, а потом Штюрмером, который сказал, что сегодня представляется царю кн. Васильчиков, и его называют заместителем Мирского. А может быть будет назначен Муравьев, протеже вел. кн. Сергея Александровича, который в эту минуту в Петербурге, а завтра уезжает в Москву. Понятно только одно, что новый министр должен будет прибрать все в руки, что выпустил из рук Мирский. Штюрмер прямо называет Мирского изменником, двуличным человеком, Грингмут же

этого не говорит. Приэтом говорится, что Мирский оттого не может остаться, что должен подписать циркуляр губернаторам, чтобы они оповестили предводителей, чтобы на земских собраниях говорили только о насущных нуждах, а не касались политических вопросов, а подписать Мирскому подобный циркуляр не под силу, это будет в разрыв с его теперешней политикой. Этим объясняют, что Мирский уходит.

23 ноября.

Сейчас видела Грингмута и Штюрмера. Сегодня у них новость, что вчера Мирский был у царя, который его вызывал в Царское Село и уговорил его временно остаться. Слово „временно“ Штюрмер подчеркнул. Про наследника говорил сегодня Штюрмер, что якобы у него есть одна болезнь, с которой он и родился, и что теперь один хирург находится неотлучно во дворце.

25 ноября.

Говорили сегодня мои гости про неурядицы внутри России, что в Вязьме Лифляндский полк взбунтовался, были жертвы. Вчера Соколовский (Уфа) говорил, что когда представлялся царю, нашел его совершенно спокойным, даже веселым. Это производит странное впечатление. Сегодня Кутепов говорил, что царь старается казаться спокойным на приемах у себя, но что при интимной обстановке он очень удручен, недоволен всем тем, что творится в России, и про все, что творится, он знает. Доказательство, что знает, что в Петербурге не спокойно,—не приехал царь на парады Московского и Семеновского полков, на которых бывал ежегодно. Сегодня уверенно говорили, что пойдет еще 3-я эскадра на Дальний Восток. Если так, то она не раньше мая сможет начать свое плавание и придет в Тихий океан, когда японцы уничтожат эскадру Рождественского, так как она совсем не больше японской. Печальные сегодня депеши, полученные „Агентством“ из Токио и непропущенные цензурой, передавал Гейнц. В них говорится, что наша Порт-Артурская эскадра тает, что „Баян“, „Полтава“, „Ретвизан“ потоплены, на „Пересвете“ был пожар, „Победа“ искалечена. С момента, когда японцы захватили форт 203, ядра их попадают в эскадру и теперь не далек момент, когда Порт-Артур падет.

26 ноября.

Была у Максимович. Говорили там про присяжных поверенных, что после заседания своего в Думе они, числом 400 человек, пошли обедать в ресторан. Там кто-то из них провозгласил тост за Мирского. Большинство не приняло этого тоста, сказав, что еще рано пить за его здоровье, так как он еще ничего не сделал. Затем был провозглашен тост за Сазонова (убийцу Плеве), кото-

рый был принят с горячим единодушием всем собранием. Идет говор, что 28-го готовятся большие уличные беспорядки с красными знаменами и проч.

27 ноября.

Толь говорил, что Плеве не терпел Витте, собирал материалы об его вредности и в день, когда был убит, вез царю документальные данные об изменнике Витте. Со смертью Плеве главный враг Витте был уничтожен, но остаются еще два человека, которые для Витте являются тормозами для его планов, это вел. кн. Сергей Александрович, который его не терпит, и Муравьев, про которого Витте пустил анонимное пасквильное письмо, в котором затрогивается честь Муравьева, и уже идет слух, что Муравьев уходит, и его заместителем называют Нольде, креатуру Витте, который таким образом спускает тоже опасного врага. Говорили, что вчера на георгиевском празднике царь был мрачен, а молодая царица радужная. Толь так объясняет, что молодая царица уговаривает царя дать конституцию, чтобы обеспечить этим наследнику царство. Валь прямо называет молодую царицу „porte-malheur", что она нерусская и осталась нерусской. Валь с возмущением вспоминал Горемыкина и Н. И. Петрова, который был в то время то, что теперь Лопухин, в департаменте полиции, вспоминал, как Петров тогда помешал ему (он в то время был градоначальником) сделать обыск у Калмыковой, дамы сомнительной, которая любила молодых людей вроде Струве („Освобождение"), который и тогда пользовался известной репутацией и с ней жил. Петров по телефону просил Валя не делать обыска у этой дамы. Валь ничего не отвечал, прекратил переговоры. Тогда Петров известил баронессу Икскуль, что это ходатайство у Валя успеха не имело. Икскульша поспешила про это сообщить Калмыковой, и они успели скрыть все следы. Теперь же дело департамента полиции еще в худшем положении, чем было прежде, что сыщиков у них нет, что Языков был хотя и глупый, но честный человек, а его заместитель большая дрянь. Говорил Валь, что Зубатову предлагал Мирский агентуру заграницей, но он отказался, так как языков не знает. Сказал Валь, что всех лучше знает дела Зубатов, но так как это изменник, поражаешься, как Мирский мог его принимать, и вдобавок еще Лопухин, про которого Зубатов очень много знает дурного, выхлопотал ему у Мирского прибавку к пенсии—он получал раньше 3 тыс. руб., чтобы скрывался и молчал, а теперь будет получать 5 с половиной тысяч без этих условий. От Валя досталось и Клейгельсу, что он виноват, что студенческие беспорядки приняли теперь политическую окраску, что полиция при Клейгельсе вела себя отвратительно. Про Фуллона рассказ, что один студент возле дома, где находится зал Тенишевского училища, страшно обругал Фуллона; студент не подвергся наказанию, и когда Фул-

лон, сев в экипаж, уезжал оттуда, несколько голосов из толпы повторили безнаказанно эту ругань. Из всего этого вышло одно, что Фуллон решил, что он не будет больше показываться толпе.

28 ноября.

Вчера Штюрмер сказал, что когда здесь был земский съезд, выдающиеся из членов, как Шипов, Петрункевич и подобные, были приглашены к Витте на завтрак, и там очень вольно говорило все это общество. Акинфьев (почетн. опекун) говорил, что все анархистское движение идет из Москвы, где его развило неудовольствие вел. князем Сергеем Александровичем, что теперь в Москве внимание всех и вся обращено только на вел. князя Сергея Александровича, полиция только его одного охраняет, для других она не существует, что будет большое благо, когда он уйдет из Москвы. Ссора Мирского с вел. князем Сергеем Александровичем была из-за евреев, которых вел. князь ненавидит, а Мирский—наоборот. Сегодня на Невском творились безобразия, но рабочих не было видно, а много женщин. Полиции было видимо-невидимо—и конная, и пешая, и жандармы. Жиаконе, которого полиция забрала, не разобрав, кто он, и отвела в участок, рассказывал, что было много раненых, но убитых не было. Толпа была очень большая, она тянулась от Николаевского вокзала вплоть до Адмиралтейства. Из Порт-Артура печальные вести: все наши суда там погибли. Максимович, который был у нас сегодня, выглядит очень спокойным, а послезавтра ему придется судить убийцу Плеве, ради которого готовятся в Петербурге большие демонстрации.

29 ноября.

Говорят, что вчера полиция действовала шашками и давала ими удары плашмя, но все-таки раненые оказались. Грингмут недавно говорил, что два умнейших человека, как Победоносцев и Плеве, оба не умеют разбираться в людях. Все назначения Плеве были неудачны, то же самое можно сказать про Победоносцева, который всегда был и есть дурно окружен людьми с сомнительными нравственными качествами, начиная с Саблера. Вчера Акинфьев (почетн. опекун) говорил, что якобы царь соглашается дать конституцию, вроде финляндской, что оставит за собой распоряжения насчет войска и финансы. Акинфьев считает это благоразумным.

30 ноября.

Сейчас судят убийцу Плеве. От французского корреспондента имею сведения, что вокруг Палаты стоит толпа народа, но толпа спокойная. Масса полиции, эскадроны жандармов, много тоже полиции спрятано во дворах. Я думаю, что толпа не забыла ее воскресных побоев. Вчера Максимович говорил, что не позволит

защитникам уклоняться в сторону, что было сделано Плевако при защите Стаховича. То же сказал Максимович, что будь он председательствующим на суде Мещерского со Стаховичем, то Мещерский не был бы обвинен, так как в этом деле нет состава преступления. Сейчас сказал Кутепов по телефону, что Максимович великолепно председательствовал: трижды оборвал Карабчевского, остановил его, когда он сворачивал свою речь в другую сторону, которая не касалась дела. Порядок был в зале суда образцовый, публики было мало допущено. В 7 часов судьи ушли совещаться. Кутепов не дождался решения судей.

1 декабря.

Говорят, что все моряки сочувствуют статьям Кладо, что пример ему показал черноморский главный командир Чухнин, который на весь свет расславил черноморскую эскадру, во всех английских газетах пишут и разбирают его приказ, в котором говорится о деморализации черноморского флота. Сегодня говорили, что в своей речи Карабчевский назвал бомбу, которая убила Плеве, „бомбой слез“, что „не динамитом она была полна, а слезами“. Гейнс говорил, что в Москве была вчера большая сходка студентов. Вчера была получена тоже печальная депеша „Агентством“ из Елизаветграда, что за то, что городская Дума отклонила предложение о расширении городского самоуправления и уравнения в правах евреев, городского голову ошикали и подняли беспорядки.

2 декабря.

Вишняков сказал, что в Петербурге идет говор, что не удастся Мирскому привести все в порядок, что он очень все распустил, что хотя бы Штюрмера назначили министром внутренних дел. Штюрмер свою линию ведет неуклонно; он сумрачен, молчалив, если что скажет, то вырывается у него протест на все, что творится в данное время. Видит Штюрмер самого большого врага России и царя в Витте.

3 декабря.

Рассказывали, что в Технологическом институте, в день праздника этого заведения, 28 ноября, технологи позволили себе возмутительные действия: красным флагом завесили портрет царя, и начальство не воспротивилось этому деянию. Весь вечер, пока пляска продолжалась, портрет был закрыт этим флагом, а до этого факта молодежь еще плевала на портрет и ругалась. В Финляндии тоже все творится наоборот, что проводимо было Бобриковым. Завтра полгода, как его убили. Зачем он там так трудился? Все им высланные финляндцы возвращаются, встречены в Гельсингфорсе населением с большими овациями. Шауман, которого судили теперь, говорят, будет оправдан, а судили его за написанный им проект революции в Финляндии.

5 декабря.

Сегодня я была у Победоносцева. Мое впечатление, что он более всего боится на себя покушения: быстро стал говорить, что ничем теперь не занимается, кроме церковных дел, что устарел, что теперь все новые люди, которые его не понимают и он их не понимает, никого не видит, никуда не ходит, что дело исправить он не может. Сказал, что, например, новый министр внутренних дел как повел дело? Что изображает из себя печать? Прямо кабак.. Сказал, что он массу получает писем — или ругань, или угрозы, что его убьют за то, что он тормозит дело. Говорят, что 2-го числа было у царя совещание. Совещание затянулось долго. На нем были, кроме Муравьева, Мирского, Победоносцева, еще и другие министры. Были также Витте и Сольский. После этого совещания министры, особенно называют Муравьева, засели за работу: в 3 дня хотят изготовить конституцию. Решено между министрами, что они будут держать строжайший секрет относительно того, что произошло и что порешено. Максимович говорил, что ему пришлось очень строго призывать Карабчевского к порядку, что он все хотел распространяться насчет Плеве и его деспотической политической программы.

6 декабря.

Столыпин („Новое Время") говорил в редакции, что департмент полиции в последнее время разошелся с Плеве, был им недоволен и поэтому его мало охранял, потому-то его и убили. Затем еще рассказывал Столыпин, что Мирский вызывал сюда главу анархистов (фамилию я забыла). Эта личность предложила приехать для личных с Мирским переговоров, которые и состоялись. Были сделаны взаимные уступки. Был этот субъект и на земском съезде, где говорил про беседу с Мирским. Этот известный анархист обещал Мирскому, что убийств не будет в России, если он выпустит на свободу нескольких людей, которые содержатся в крепости. Имена этих людей были названы. Мирский отвечал, что про этих людей не знал, но, вероятно, ознакомившись с делами, за которые они сидят, он бы их и без этих условий выпустил; эти условия князю показались очень легкими. В обещание же вождя анархистов Мирский поверил, так как было им сказано, что у анархистов 12 секций и с председателями 8-ми он приятель. После этого свидания Мирский распустил всю свою охрану. Вот какие анормальные вещи творятся!

7 декабря.

Сегодня Чаплин сказал, что в четверг будет опубликовано правительственное сообщение, которое придется Мирскому подписать, в котором никаких льгот либеральных не будет, что царь

настойчиво отказывается оные дать, что смотрит так, что принял царство с теми законами и устроением, с какими оно существует, и оные должен неприкосновенно передать своему преемнику. Затем в конце сообщения будут добавления о том, что предполагается в России ввести после войны, что это будет передано в комитет министров и там будет разработано. Мысль Штюрмера, что после опубликования этого сообщения явится террор, что придется постоянно страшиться за жизнь царя, что полиция у нас никуда не годна. Оказалась на-днях ужасная вещь в департаменте полиции. Секретарь Зыбин взял взятку у жидов—бриллиантовое колье для своей любовницы, которая надела колье в театр. Зыбин был изгнан из департамента.

8 декабря.

А. К. Бельгард, который видит Мирского часто, сказал, что Мирский курс повернул, что он не ожидал, что случилось. Также он сказал, что решенный вопрос, что вел. князь Сергей Александрович не останется больше в Москве. Его там не пожалеют. Про совещание у царя говорят, что Мирский там рта не открыл, что Победоносцев много говорил. На это совещание был также приглашен О. Б. Рихтер. Пока про это совещание мало еще знаю, но говорят, что царь решительно высказался, что никаких уступок либеральной партии не сделает, на это он бесповоротно решился. Бельгард говорит, что Мирского теперь все ругают, так как ожидали от него многого, а дать ему ничего не приходится. Сегодня рассказывали, что с 6-го на 7-ое, вечером, во дворце вел. князя Алексея Александровича было разбито много стекол. Это возможно: вел. князь Алексей Александрович в данную минуту очень непопулярен. Его Балетта, говорят, уехала за границу, и он на-днях за ней уедет. Слухи, что адм. Алексеев будет морским министром, что возобновятся морские министры, а не будет управляющий морским министерством, как это в данную минуту. Но пока это только разговоры.

9 декабря.

6-го числа Черниговским губернским земским собранием была послана на имя царя телеграмма, которую нам прислали из „Агентства“. Переписываю ее полностью.

„В переживаемую нашим отечеством тяжелую годину войны и внутренних неустройств собрание решается выразить вам, государь, глубокое убеждение, что правильная деятельность общественных учреждений и всего государственного управления совершенно невозможны при условиях, какие давно переживает Россия. Бюрократическая система управления, создав полную разобщенность верховной власти с населением, ревниво устраняя всякое участие общества в управлении и охраняя полную обособ-

ленность и безответственность действий, довела страну до крайне тяжелого положения. Личность русского человека не ограждена от произвола властей; свободы совести он лишен; оглашение в собраниях и печати злоупотреблений и нарушений закона в управлении строго преследуется; значительная часть России находится под действием усиленной охраны, крайне тягостной для населения и дающей полный простор широкому произволу администрации; суд стеснен и ограничен в деле ограждения правды и закона. Такое положение дел создает неисчислимые бедствия для населения во всех проявлениях частной и общественной жизни и вызывает всеобщее недовольство. Черниговское собрание, пребывая в твердом убеждении, что водворение в стране порядка, права и правды может быть достигнуто единственно установлением тесного общения верховной власти с народом, всеподданнейше просит ваше величество услышать искреннее и правдивое слово русской земли, для чего призвать свободно избранных представителей земства и повелеть им независимо и самостоятельно начертать проект реформ, отвечающих столь близко им известным основным нуждам русского населения, и проект этот дозвольте непосредственно представить вашему величеству. Обсуждение вопроса и выработка совершены при закрытых дверях“. Сегодня в газетах было опубликовано, что царь написал на этой телеграмме: „Нахожу поступок председателя черниговского губернского земского собрания дерзким и бестактным. Заниматься вопросами государственного управления не дело земских собраний, круг деятельности и прав которых ясно очерчен законами“. Многих поражает, что именно Черниговской земской управе был дан этот урок, хотя она более почтительно, чем другие высказала свои вожделения. Но Черниговская управа обратилась прямо к царю, а другие обращались к Мирскому. Вчера, говорят, опять было совещание министров у царя. Был приглашен также и военный министр Сахаров. Ни Ламздорф, ни Алексеев не были.

12 декабря.

Филиппьева, дочь покойного Вышнеградского, сказала, что у Витте один большой недостаток—„очень скор на решения“, но умен. Что он умен, этого никто от него не отнимает. Мое впечатление, что будет, и скоро, Витте министром внутренних дел и, как умный человек, сначала исправит дело, но затем все испортит, много сделает такого, что его наследство будет гораздо хуже, чем наследство теперь от Мирского. Теперь дело очень трудное: идти назад, по пути, которым вел Плеве,—невозможно, идти путем, которым ведет Мирский—немыслимо, это—идти в пропасть, найти средний путь—нет человека для этого, который сумел бы повести этим средним путем. Сколько ни думаю, никто, кроме Витте, не сумеет найти этот средний, но quasi-средний путь. Его назначение взбаломутит консерваторов, но эти люди неопасны, они

между четырех стен будут разбирать недостатки Витте, а либералы будут торжествовать, но все таки придет минута разочарования, так как Витте крепко захватит власть в руки, и консерваторы затем успокоятся. Сегодня товарищ прокурора Быков говорил, что вчерашняя резолюция царя на депеше Черниговского губерского собрания (земского) привела втупик даже жандармских генералов, которые доселе полагали, что действовать надо в другом духе, так как Мирский вел совсем другую линию и от царя никаких замечаний не получал. Задержано полицией всего 8 человек из той толпы, которая произвела 28 ноября беспорядки на Невском, задержаны именно те, которые взяты со знаменами в руках.

11 декабря.

Сегодня скверная депеша из Чернигова. Царь сделал выговор предводителю за дерзкую телеграмму, а все предводители изъявили свое сочувствие своему губернскому предводителю и он стал у них героем. Недавно у Витте был обед, на котором были Петрункевич, кн. Абамелек и другие. Говорят, что Витте за этим обедом так ругал царя, что, уходя, Петрункевич сказал Абамелеку, что он, Петрункевич, никогда не позволил себе так выражаться про царя, что Витте его превзошел, что по этому вопросу он по отношению к Витте—щенок. Этот рассказ со слов Абамелека был передан Павловым человеком, фамилию которого я забыла.

12 декабря.

Вчера А. А. Мосолов сказал насчет ожидаемого всеми давно уже правительственного сообщения, что сперва появится указ, а потом уже правительственное сообщение, что указ у царя, но он все не решается его подписать. Тыртова вспомнила сегодня, как 24 марта 1897 года к ее больному отцу приехал царь и сказал, что он его поздравляет с безкровной победой, а именно, с присоединением Порт-Артура. А теперь сколько крови уже за него пролито и еще прольется! Тыртова сказала, что вел. кн. Алексей Александрович мог бы себя хотя немного обелить, огласив бумагу, полученную им 26 января 1904 года от Ламздорфа т.-е. накануне дня, когда японцы напали на наш флот. В этой бумаге говорится официально, что хотя дипломатические сношения с Японией прерваны, но есть основания верить, что войны не будет.

14 декабря.

Наконец-то сегодня появились и указ, и правительственное сообщение. Про это сообщение сказал Штюрмер, что оно написано Ватаци, который был ярым консерватором при Плеве, а теперь он—либерал. Сказал он, что в этом сообщении чувствуется

что в нем выхвачено, урезано много, так что смысл его теряется и оно никого не удовлетворит. Про „Указ“ говорится, что он—повторение манифеста, есть только некоторые изменения. Муханова, черниговского предводителя, лишат придворного звания.

15 декабря.

Теперь разговор про 2-ую эскадру, которая оказалась теперь 1-й и единственной при уничтожении Порт-Артурской, что она слаба, что ее легко разбить, что дойдут ли еще все суда благополучно, „Бородино“ работает всего одной машиной,—вторая испортилась, что идти им всем крайне тяжело, что нигде не позволяют эскадре приткнуться, грузятся углем в море. Все это пишут офицеры своим семьям с пути. Они не знают еще, что в Порт-Артуре уже нет эскадры, что она уничтожена, они мечтают о соединении с ней, догадываются, какие суда выйдут им навстречу. Как все это тяжело читать всем близким! Сегодня Урусова, которая была в Мукдене, сказала, что Куропаткин решил взять японцев „измором“. Но ведь и наши войска при таком обороте войны могут измориться. В сущности, это единственный способ, который остался Куропаткину, так как всюду мы были доселе разбиты и отступали всегда. Внутри у нас тоже неприглядно. Сегодняшняя депеша, задержанная цензурой, говорит о протестах москвичей—13 гласных губернского земства, разные князья и графы, по поводу поднесения царю адреса, представили особое мнение. Адрес же было предложено подписать царю по поводу правительственного сообщения. Протестуют москвичи против посылки адреса с разными мотивировками. В Берлине считают, что „царский указ означает полное поражение министерства внутренних дел, отставка которого является, повидимому, неизбежной“. Московский университет, по депешам, закрылся.

16 декабря.

„Правительственное сообщение“ и „Указ“ никого не удовлетворили. „Указ“ признают обманом, что сказанного там в жизнь не проведут, а „сообщение“, по словам Вишнякова, только ухудшило наши дела, что о трех вещах не следовало там говорить, а именно—что касается „сборищ“, земства и чиновников, все это так остро сказано, что это может иметь скверные последствия за границей. В непропущенной цензурой сегодняшней депеше „Агенства“ является подтверждение слов Вишнякова, что „Берлинер Тагеблат“ приглашает германскую публику, вложившую уже ныне чрезвычайно большие капиталы в русские займы, „воздержаться от участия в новом русском займе“. Вот и ответ на наше глупое сообщение! Демонстративные сборища и посейчас продолжаются. В день выхода правительственного сообщения в зале Павлова, под председательством Кедрина, собралось 600 че-

ловек чествовать воспоминание 14 декабря 1825 года, т.-е. воспоминание бунта, и все это собрание присоединилось к проекту, написанному земскими представителями на петербургском земском съезде. Вишнякову не по сердцу заметка царя на черниговском адресе, что не следовало оную публиковать, а слово „дерзкий" и совсем писать не следовало.

17 декабря.

Штюрмер рассказывал, что когда Нольде привез к Победоносцеву для подписи высочайший указ, когда К. П. его прочел, он воскликнул:—„Как мало понятно! Как теперь пишут! Кто это писал?" Нольде отвечал, что он это писал. Тогда Победоносцев, вздохнув, сказал:—„Ну, извините"—обмакнул перо и подписал. Штюрмер тоже сказал, что якобы французский посол Бомпар привез сюда предложение о мире, что якобы это не инициатива Франции, а что Япония обратилась к Франции, чтобы она была посредницей в этом деле, и Япония просит мира. Приходится со всех сторон слышать, что „Указ" и „Сообщение" противоречат друг другу, что „Указ" вполне либеральный, а „Сообщение"—наоборот.

18 декабря.

В Петербурге озлобление против вел. кн. Алексея Александровича за неподготовленность флота. В. В. Бельгард (фрейлина), и та говорила, что необходимо сделать уступку обществу—дать отставку вел. кн. Алексею Александровичу, что это сразу успокоит общество, а также надо стушевать значение вел. князей, чтобы они были ответственны перед законом, что вел. князья плодят недовольных, желающих конституции.

19 декабря.

Вчера говорили, что поражены переменой, которая произошла в Витте, что он стал консерватором, что он и Победоносцев отстаивали вдвоем в заседании под председательством царя сохранение прежнего режима—самодержавного—в России. Приэтом идет такой разговор, что Витте ненавидит царя, что он желает, чтобы царь был убит, и к этому ведет политику, чтобы, когда царя не станет, он, Витте, явился бы самодержавным. Говорят, что условия, на которых Япония предлагает мир, так ужасны, что царь отклонил все переговоры насчет этого вопроса. В комиссию по Гулльскому инциденту в Париж послали Дубасова, а Казнаков, который туда был раньше послан, оказывается болен—на первом же заседании уснул.

20 декабря.

Сегодня получены известия о сдаче Порт-Артура. Был сегодня Суворин. Сказал он, что никогда не думал, что в России может быть революция, но теперь приходится думать, что она

возможна, что он видел Витте, говорил с ним и Витте сказал, что боится весны. Суворин признает, что никто столько вреда не сделал России, как Мирский, что в эту минуту правительства нет, что высочайший указ и правительственное сообщение обозлили всех, что в них не верят, что следовало бы этот указ дать в июне месяце, когда Плеве был жив, тогда бы его приняли с благодарностью, а теперь другие аппетиты. Сам Суворин не за конституцию.—„Избави от нее бог"—сказал он. Но он за земский собор, сказал, что будь он созван после убийства Плеве, многих бы это успокоило, а теперь и это найдут, что мало. Витте при свидании с Сувориным сказал, что не сочувствовал Плеве, но что теперь чувствуется, что его нет, что при нем была власть, не было такой разнузданности.

22 декабря.

Д. С. Федоров рассказывал про свое свидание с царицей-матерью, которая про черниговскую депешу сказала: „Mais ils ont écrit des horreurs à mon fils, ce sont des cochons".

23 декабря.

Сегодня у Витте заседание комитета министров, в котором министры должны подписать, что единоличных докладов у царя иметь не будут. Приэтом вопрос стоит так, что только председатель комитета министров будет иметь единоличный доклад. Павлова такой образ действий Витте возмутил. Против Витте направлен вел. кн. Александр Михайлович. По словам французского корреспондента Dru, московский предводитель кн. Трубецкой написал письмо Мирскому, в котором настаивает, чтобы оно было доложено царю, а высказывает в нем все то же, что было в черниговской телеграмме, которая так возмутила царя.

25 декабря.

Был Рыдзевский. Говорил, что царь более, чем индифферентно относится ко всему, что творится в России, что „он ничего не понимает". На все тревожные донесения, которые ему представляются, он только делает пометку красным карандашом, из которой видно, что он их читает, но затем ни слова ни с кем про них не говорит, ничего не спрашивает, не советуется, как вести дело. Витте в эту минуту est le maitre de la position. Мирский понял, что Витте его совсем обошел, Мирскому придется не сегодня завтра уйти, и тогда Витте посадит на его место своего приспешника. Все это говорил Рыдзевский. Депеша о капитуляции Порт-Артура была получена царем на станции Боровичи, во время пути. Новость, которая удручила всех, любящих свое отечество, царем была принята равнодушно, не видно было на нем и тени грусти. Тут же начались рассказы Сахарова (военного министра),

его анекдоты, и хохот не переставал. Сахаров умеет забавлять царя. Это ли не печально и не возмутительно! Не дай бог, чтобы это проникло в народ, к недругам. Павлов говорит, что Витте быстро проведет конституцию, — испросит разрешение созвать земский собор, созовет собор не всесословный, а только из одних земцев, да с известной окраской, которые затем провозгласят его диктатором.

26 декабря.

Гербель возмущен Мирским, хочет уйти в отставку, находит, что при теперешнем режиме нельзя работать. Рассказал он, как Чертков (Варшава) поручил ему передать Святополку—не Мирскому, а „окаянному“, как выразился Чертков,—что пока он варшавский генерал-губернатор, у него все в крае останется попрежнему, что он новых веяний у себя не допустит. Так и было передано Мирскому. Верстрадт говорил, что поражен равнодушием, с которым петербургское общество встретило капитуляцию Порт-Артура. Говорили сегодня, что в первом заседании у царя за самодержавие говорили Витте, Коковцов и Победоносцев. Сольский и Ермолов проводили либеральные мысли. Во втором заседании к первым трем примкнул Муравьев, так как на этом заседании присутствовал вел. кн. Сергей Александрович, и тоже крепко говорил за самодержавие. Говорят, что Муравьев не прочь стать министром внутренних дел. После Мирского это незавидное место, преемника Мирского скорее убьют, чем убили Сипягина и Плеве. Максимович вчера говорил, что Муравьев часто повторяет в последнее время, что петербургский климат ему не годится. Большие толки идут про эскадру Рождественского—вернут ли ее, или все-таки пойдет она в Тихий океан. Булгакова говорила, что Суворин разочаровался в Куропаткине. Здесь прошел слух, что Куропаткин заболел. Суворин отправил ему сочувственную депешу, спрашивает об его здоровьи. Ответ же Суворин получил такой, что страшно возмутился. Пишет Куропаткин, что утром осматривает позиции, потом завтракает, потом совершает прогулку, потом обедает и т. д., и ни слова больше, насчет военных своих предположений и прочего—ничего.

27 декабря.

Дедюлин сегодня сказал, что не знает, чем все это кончится. Протесты и адресы идут со всех сторон. Тверские дворяне присоединились к адресу черниговских дворян, т.-е. к их телеграмме царю. Московский биржевой комитет примкнул к московской городской думе и ей выразил полное сочувствие. Зиновьев сегодня высказывал, что за последнее время Плеве слишком много сажал и арестовывал, что он это знает en connaissance des choses, так как 6 месяцев подписывая бумаги, а что теперь—наоборот, до разбора всех выпускают без разбора.

28 декабря.

Штюрмер сегодня прямо говорил, что царь болен, его болезнь—бессилие воли, он не может бороться, всем уступает, а в эту минуту вырывает у него уступки самый ловкий во всем мире человек—Витте. Говорил он, что Мирский не уйдет, пока не проведет у царя равноправности поляков с русскими. Севастьянов сказал по телефону, что сейчас читал много депеш от разных корреспондентов, в которых они извещали свои газеты, что Витте назначен министром внутренних дел. Тыртова говорила, что была депеша, подписанная Фоком, Смирновым, Виреном и Григоровичем, из Порт-Артура, в которой говорилось, что с отъездом наместника Алексеева Стессель все чудит—никого не слушает, моряков посылает на суше в самые опасные места, не позволил им выйти с кораблями вторично из Порт-Артура, попытать счастья. Теперь стало известно, что Стессель, не сказав этим лицам, сам от себя написал письмо японскому адмиралу Ноги о сдаче ему Порт-Артура. Из этого видно, что там все они жили, не дружно работая, а враждуя. Стишинский сказал насчет цензуры, что решено существующий цензурный комитет упразднить, а устроить коллегию из членов всех министерств и некоторых из известных литераторов, числом около 40 человек, и они будут вершителями этого дела.

29 декабря.

П. А. Зеленой говорил, что в Москве толпа буйствовала, что в доме генерал-губернатора разбили все окна. Сегодня Гейнц говорил, что в „Агентстве“ получена депеша, что в Москве в одном ученом обществе было демонстративное заседание, кричали: „долой самодержавие!“ и все аплодировали. Собралось 600 человек.

1905 год

1 января.

Спросила я сегодня Мирского, правда ли, что он ушел из министерства внутренних дел. Он сказал, что пока это неправда, но что это скоро осуществится, так как чувствует он там себя плохо и делать ему нечего. Зверев сказал, что сейчас Мирский не уйдет, что отпускать его нельзя: пускай пораспутает то, что запутал, что энергии у него нет, программы тоже нет, что сказал он тогда свою речь—начались сразу безобразия; надо было сразу все пресечь, а он решил: „пускай немного потешатся", а теперь возжи выпали у него из рук, ничего поделать, привести в порядок он не может. Никогда газеты так много не наказывались, как теперь, а все-таки продолжают писать несуразности, да как их и не писать,—всюду эти несуразности проделываются безнаказанно, одни только газеты за то, что про них пишут, наказываются. По мнению Зверева, Мирский еще недели 2—3 останется министром. Когда я сказала, что если его заместителем будет Дурново, будет то же самое, Зверев со мной не согласился.

Диков говорил сегодня, что англичане в последнее время испортили телеграф, чтобы не было никому известно о движении японского флота. Сегодня было много толков о войне, о Порт-Артуре. Уже раздаются обвинения на Стесселя. Моряки его обвиняют жестоко, что он их не выпустил из гавани с флотом.

2 января.

Максимович сказал, что у него есть сведения, что террористическая партия наметила к истреблению 17 человек, которые ей мешают проводить дело. Сперва были сведения, что эта партия собиралась убить царя, двух цариц и Победоносцева.

4 января.

Вчера 12 тысяч человек рабочих Путиловского завода забастовали. Ожидаются забастовки и других заводов, так что считают, что забастуют до 42 тысяч человек. Вчера у нас были два рабочие с Балтийского завода, благонамеренные, которые говорили, что священник Гапон, который организует здесь „союзы рабочих",—темная личность. Гапон раньше за что-то сомнительное лишен был места, а теперь он священником в тюрьме и пользуется доверием начальства. И этой темной личности поручено

такое серьезное дело, как рабочие! Полицеймейстер Григорьев говорил, что всю смуту среди рабочих устраивает Гапон. 2 января в Москве стреляли в Трепова, полицеймейстера, но он не ранен. Сегодня был Суворин. Говорил он, что нигде в России нет власти, что она исчезла, только еще в „Новом Времени" она сохранилась в лице Булгакова, который вычеркивает и выкидывает статьи самовластно. Сказал Суворин, что у него уже есть написанная статья про земский собор, но Булгаков советовал ему пока ее не помещать, что все, что касается земского собора, Булгаков вычеркивает под влиянием Зверева, который его просил про это не писать. Мясоедова-Иванова говорила, что якобы царь сказал Витте, чтобы в деле печати посоветовался с таким опытным человеком, как Суворин, но Витте про это умолчал, Суворину ничего не сказал.

5 января.

Утром был телефон от Зилоти, что Мирский вчера подал в отставку и она царем принята.

6 января.

Сегодня во втором часу был телефон от Зилоти с сенсационною новостью, что во время Иордани, в ту минуту, когда митрополит погружал крест в воду, раздался обычный пушечный салют, и оказалось, что одна из пушек, которые стреляли, была заряжена картечью. Одна пуля ранила городового, затем были разбиты два стекла в окнах Зимнего дворца. Царь в это время находился в павильоне, где совершалось богослужение, царицы сидели у окна во дворце. Царь немного растерялся, а царицы не поняли, в чем дело. Кусок стекла попал в голову Авелану, а другой—Зилоти. Говорят, что все эти дни в Петербурге шел слух, что 6-го будет покушение на царя, а если оно не удастся, то будет 12 января. Говорят, что из Швейцарии уехали сюда анархисты с целью убить царя, что об этом дано было сюда знать. Сведения из министерства, что Мирский не уходит и завален делами. Вчера Мосолов говорил, что Фредерикс предложил Мирскому назвать лиц, которых следует лишить придворного звания. Мирский никого не назвал.

7 января.

Оказывается, что выстрел был из пушки конной артиллерии, теперь идет следствие под председательством в. кн. Сергея Александровича. Начальник этой батареи, Давыдов,—на самом лучшем счету. Накануне было учение в этой батарее и, надо думать, что учебный снаряд не был вынут из орудия,—так толкуют артиллеристы; они признают, что это не был злой умысел. Сегодня—новая забастовка рабочих петербургских фабрик и заводов. Забастовало 65.800 человек. Собиралась толпа итти к Зимнему

дворцу со священником Гапоном во главе. Рабочие предъявляют несоразмерные требования. Этот Гапон путает народ, и его оставляют беседовать с рабочими. Говорят, что послан батальон солдат для усмирения рабочих, но что такое батальон против такой массы? Вчера нам говорили, что по городу идет слух, что три бомбы готовы—для царицы-матери, вел. кн. Сергея и вел. кн. Алексея. Другая версия—что царица-мать и вел. кн. Владимир—против царя, хотят его устранить. Во дворце вчера по поводу выстрела был переполох. Выстрел был почти не слышный, как звон разбитой посуды, но когда нашли пулю в зале, только тогда объяснили себе, что было что-то необычайное. Усмирять рабочих Бельгийского завода отправлен батальон Семеновского полка. Как все это тяжело! Сегодня весь день звонил телефон. Сперва Мосолов, а потом Бутовский сказали, что все типографии забастовали и завтра ни одна газета не выйдет. Мосолов сказал, что выйдет только „Новое Время", а Бутовский сказал, что ни одна газета не выйдет. Затем он сказал, что в градоначальстве потеряли голову, что бог весть, что творится в Петербурге, что вызваны войска из Петергофа, Пскова и Ревеля. Булгаков сказал по телефону, что завтра „Новое Время" выйдет, а затем—не выйдет. Мосолов сказал, что вечером на суде по поводу вчерашнего выстрела на Иордани выяснился злой умысел. Этого—избави боже! Тогда какая же надежда на войска? От Никольского были сведения, что на Путиловском заводе собралось до 6000 человек рабочих и не весть, что там происходит. Того гляди, завтра все это начнет уличные бесчинства. Неразрешенные цензурой депеши ужасны; особенно ужасны депеши из Томска и из Казани.

8 января.

Сегодня какое-то тяжелое настроение, чувствуется, что мы накануне ужасных событий. По рассказам, цель рабочих в эту минуту—испортить водопровод и электричество, оставить город без воды и света и начать поджоги. Газеты сегодня не вышли, кроме листка „Правительственного Вестника", „Petersburger Zeitung" и „Ведомостей Градоначальства", в остальных типографиях рабочие забастовали. Завтра предсказывают забастовку извозчиков, булочников, прекращение электричества. Про Фуллона распространился слух, будто его убили. Ничуть,—жив, здоров и преспокойно сегодня еще в 4 часа продолжал свой завтрак у Донона! На местах беспорядков он не показался. Сегодня камердинер царя Катов рассказывал, что 6 января, вернувшись с парада, царь сказал другому камердинеру, Шалберову: „Сегодня в меня стреляли". Шалберов на это сказал: „Видно, дело очень плохо, если войска начали стрелять в государя". Царь прервал разговор. Все письма, которые приходят к царю по почте, не именные, распечатываются камердинерами царя. Угроз и предупреждений царь получает очень много, но не все письма ему показываются.

Булгаков возмущался, что Суворин уступил семье, не продолжал печатать „Новое Время“, сделал уступку, чтобы не разнесли его дома. Сегодня закрылся еще завод—Патронный.

9 января.

Господи! В эту минуту в Петербурге творится ужасное: войска—с одной стороны, рабочие—с другой, точно два неприятельских лагеря. На Троицком мосту кавалерия, конно-гвардия и кавалергарды преградили им путь (рабочих было более 20 тыс. человек), дали залп, отбили несколько хоругвей, но поп ускользнул. Много было раненых и убитых. Третий залп (два первых были даны по Троицкому мосту) был дан возле дома градоначальника двумя батальонами Семеновского полка. Опять было много жертв. В толпе послышался сильный ропот, что стреляют войска. Убитыми оказались три студента, затем какой-то штатский, скорее из достаточного класса, на котором найдено огромное красное знамя с революционной надписью. По сведениям Бутовского из градоначальства, насчитано уже до 100 убитых и очень много раненых. Те, которые с легкими ранами, или ранены в руку, ушли домой. По улицам идет крик, стон и рыдания. В стачке в эту минуту участвуют 108 тыс. рабочих. Прошел слух, что якобы царь едет из Царского Села в Зимний дворец, чтобы принять депутатов от рабочих. Зилоти сказал, что Петербург объявлен на военном положении, да если и не объявлен, то оно уже есть—всюду войска и всюду залпы. Зилоти сказал, что распространился слух, что вел. кн. Сергей Александрович убит в Москве. Сейчас был телефон от Бутовского, что у Фуллона происходило совещание. Были Васильчиков (командир корпуса), Мешетич и Гернгросс, которые все поехали к Мирскому. Совещание собралось вследствие того, что войска неохотно слушаются полиции. Если войско откажется водворять порядок, тогда начнется поголовная резня и разгром. На завтра ожидаются беспорядки хуже, чем сегодняшние. Рабочие завтра выйдут вооруженные, они разгромили несколько складов с оружием и взяли оружие в складе флотского экипажа на Васильевском острове, где тоже устроили баррикады,—разгромив несколько квартир, вынесли мебель, оборвали телефонные и другие провода и устроились на Среднем просп. В эту минуту, час ночи, они громят магазины и квартиры на Васильевском острове и на Петербургской стороне. Войска давали несколько залпов. Раненых, по словам Бутовского, более 200, убитых зарегистрировано у Фуллона 80 чел., а по словам Минчагина (курьера Мирского),—убитых более 500 человек. К Мирскому Фуллон телефонирует обо всем, что происходит, в дежурную комнату. Мирский сам к телефону не подходит. Вчера Мирский ездил в 11 час. вечера к царю без всякого доклада по министерству, верно, чтобы доложить о том, что готовилось на сегодня. Мирский был у царя всего 20 минут. Насчет Мирского нам сказано, что Витте у него си-

дит часами (5—6 часов) ежедневно, командует у него, как дома. Когда у Мирского были депутации рабочих, Витте их принимал. У многих душевная тревога, что Витте создал это положение и теперь его поддерживает. Прошел слух, что полицеймейстер Галле арестовал Гапона, но оказалось—неверно, он укрыт. Этот Гапон вчера был у Муравьева—Максимович его там видел—и держался там так развязно и нахально, что всех возмутил. Какое это у нас правительство, что не арестовало этого нахала, сколько жертв еще у нас будет из-за этого анархиста в рясе! Ничего не пойму, что у нас творится! Как могли допустить, чтобы этот попик возымел такое влияние на людей, которые теперь за ним готовы в огонь и воду?

10 января.

Сегодня волнения на улицах продолжаются. На Васильевском острове, Петербургской и Выборгской сторонах народ идет массами, разбито там много магазинов и проч. Но все-таки впечатление, что сегодня тише. Этого мерзавца Гапона до сих пор не арестовали, его спрятали. На-днях этот Гапон получил выговор от духовного начальства, который он истолковал так народу, что так как он стоит за народ, за голодных—начальство его за это притесняет. Очень много к нам сегодня приходило людей и все почти слышали, что в толпе ругают Мирского. Вот заварил он страшную кашу. Бутовский сказал, что вчера известная Dolly Оболенская с сыном, Сандро, ездила в Царское к царю просить его принять петицию рабочих, на что царь наотрез отказался. Зилоти с отчаянием говорил по телефону, что и Балтийский завод забастовал,—рабочие пришли на работу, но им работать не дали рабочие других заводов. Верно Зилоти говорил, что в данную минуту у нас слушают только хозяев заводов и фабрик, а рабочих не принимают, с ними не говорят, а виноваты хозяева. Если бы рабочим, по его словам, сделать хотя десятую часть того, что они просят, и это бы их успокоило, а теперь скверно, очень скверно. Корреспондент „Echo de Paris" Dru говорил, что он вчера до 40 депеш получил из Парижа, что наши неудачи на Дальнем Востоке не такое удручающее впечатление производили, как вчерашние убийства в центре Петербурга, что все возмущены за границей против России ужасно, что сам Dru видел, как в прохожих стреляли, что раненых и убитых было страшно много, что нигде в Европе, ни в одном городе, не стреляют в жителей и проч. Вчера „Телеграфное Агентство" получило депешу из Лондона, в которой предсказывались все те беспорядки рабочих, которые вчера произошли. Отчего в Лондоне про них так точно знали накануне? Севастьянов сказал, что телеграфы могут забастовать вследствие того, что бензина он не может получить с завода, нет возможности его оттуда доставить. 8 января Гапон был у Муравьева, с которым имел дерзкий разговор. На резкое замечание Муравьева, что он не годен для председательствования союзами

рабочих, Гапон отвечал, что он сам не годен, как министр юстиции, а сидит им вот уже 10 лет. После этих слов Гапон устремился к телефону вызывать Мирского. У Мирского в это время сидел Ватаци. Когда докладчик пришел Мирскому про это доложить, он просил передать Гапону, чтобы сообщил то, что хочет ему сказать, докладчику, но Гапон настаивал, чтобы Мирский сам подошел. Тогда Мирский приказал сказать ему, чтобы обратился в департамент полиции. Услышав эти слова, Гапон закричал:—„Это чорт знает, что такое!" Эти переговоры у Муравьева слышал Максимович.

11 января.

Сейчас гр. Толь сказал, что Гапона все-таки Мирский принял, вел себя с ним Гапон более чем развязно. Затем Гапон отправился к митрополиту Антонию, с которым и беседовал недолго, сказал Антонию, чтобы тот спешил ему сказать, что хочет, так как у него времени нет, всего 10 минут. И после такого обращения с высокими мира сего все-таки Гапона не тронули, дали ему возможность взбунтовать рабочих, исполнить свой план. Сегодняшняя nouvelle du jour—это назначение в Петербург градоначальником с правами генерал-губернатора московского Трепова, а Фуллона в Варшаву—генерал-губернатором. Я бы этого дурня совсем убрала со службы, а его посылают мутить Варшаву. О назначении Трепова сказал по телефону Мосолов сегодня утром. В Петербурге на это назначение посмотрели без восторга, в Москве он был непопулярен, нелюбим, но признают, что он тверд, что его скоро убьют. Мясоедова-Иванова принесла весточку от мужа, что царь собирается переехать в Петербург из Царского Села и здесь принять депутацию от рабочих. Полицеймейстер Галле сказал, что он ни одного человека не пропустил через мосты с Васильевского Острова и Петербургской стороны. Показал Галле прокламацию, которую раскидывала толпа бунтующих—воззвание к солдатам не слушаться команды офицеров, бить их, убивать, „долой царя" и проч. Посол Bompard говорил, что впечатление, произведенное заграницей этим „tueries dans les rues", крайне удручающее. Bompard говорил, что следует поскорей назначить другого министра внутренних дел, так как Мирский уже более месяца не министр. Говорили нам также, что учебные заведения забастовали, сегодня закрываются Горное училище, Институт Инженеров Путей Сообщения и др.

12 января.

Вновь назначенному генерал-губернатору Трепову даны громадные права. Фуллон выходит в отставку. Радциг сегодня сказал, что печально, что назначили Трепова, что он и груб, и глуп. Были у Мирского редакторы петербургских газет и вышли из кабинета министра внутренних дел в минорном настроении,

и понятно, так как адрес, ими поднесенный Мирскому, при настоящем настроении не мог вызвать сочувствия даже у Мирского, которому теперь приходится изменить свою систему. Адрес этот сегодня же нам прислали. Переписываю его дословно:

„Совещание редакторов ежедневных изданий С.-Петербурга признает необходимым, в особенности в настоящее трудное и тяжелое время, ныне же предоставить печати полную свободу сообщения фактов и событий общественной жизни и обсуждения их.

Собрание редакторов вместе с тем считает своим долгом заявить, что по его совершенному убеждению, является необходимым созыв земского собора для устроения государственного порядка в России. Собор этот должен состоять из свободно избранных представителей всех сословий и классов населения и пользоваться неограниченной свободой прений и постановлений. Собрания земского собора должны происходить при полной гласности“.

В „Телегр. Агентство“ редакторы трижды собирались. В первый раз на их собрании были Сабанин и Теплов, но речи, произнесенные некоторыми редакторами, были прямо революционные, и названные два лица бежали из этого собрания. Особенно резко высказывался Набоков („Право“): ругал царя и проч. На третьем заседании прилагаемый текст был принят и подписан 12-ю редакторами, а первую редакцию—предложение обратиться к стачечникам, чтобы допустили вновь печатать газету—Суворин (А. С.) и Комаров отказались подписать. Резко против этой меры высказался и Ухтомский. Максимович сказал, что вчера ночью арестовано 40 литераторов. Уже начинаются репрессии. Гейнц („Телегр. Агентство“) сказал, что арестованы Набоков, Кедрин, Максим Горький, Гессен (редактор „Права“) и многие другие. На улицах сегодня спокойно, толпы нет.

13 января.

Сегодня в „Правит. Вестнике“ напечатано сообщение, подписанное министром финансов Коковцовым и Треповым, приглашающее рабочих приняться за работу и обещающее их охранять от нападений. В этом сообщении отсутствует всякое представление о министре внутренних дел, он как бы не существует. Все говорят, что Мирский de facto устранен, но он продолжает оставаться министром внутренних дел, уходить не хочет. Вчера Гессе сказал Штюрмеру, что царь его спрашивал: „Скоро ли уйдет Мирский?“ Как это дико слышать! Здесь все высказывают, что каждый лишний день пребывания Мирского министром все более и более усложняет и без того сложное положение России. Сегодня депеши, непропущенные цензурой, говорят про стачки в очень многих местностях. Неведомо, куда скрылся Гапон. Говорили сегодня, что его на это место избрал Зубатов и Плеве его утвердил.

14 января.

Был вчера Мосолов, говорил, что написано три проекта обращения царя к народу, но ни один из них ему не нравится. Мосолов сказал, что Трепов против печатания этого „слова", Сольский тоже против, а Воронцов настаивает, спешит, чтобы это „слово царя" было скорее напечатано. Теперь нельзя быть уверенным, что „слова царя" послушаются, лучше выждать, чтобы порядок водворился и все вошло в обычную колею, тогда можно видеть, печатать такое „слово" или нет. А теперь будет впечатление, что струсили, поспешили извиниться, дают обещания и проч. Сегодня эти проекты Фредерикс подал царю и будет просить царя, чтобы сразу не решался, сначала обсудили бы еще раз эту мысль. Когда царь прочтет и если одобрит один из проектов, то снова соберутся вместе—Фредерикс, Воронцов, Сольский, Рихтер и Трепов—решать, в какой форме это сделать. Мосолов говорил, что дознание по делу выстрела 6-го декабря привело к такому результату, что небрежное отношение к своим обязанностям, как офицеров, так и артиллерийских солдат прямо более чем возмутительно. В. кн. Сергей Александрович желал, чтобы это дознание было опубликовано. Теперь будет еще производиться следствие. Говорят, будто 9-го января царица-мать уехала из Аничкова дворца в простой карете—так испугалась!

15 января.

Штюрмеру сказал Гессе, что царь прислал приказ Мирскому немедленно прислать бумагу о назначении Дедюлина петербургским градоначальником. Мирский тотчас же отправил царю к подписи эту бумагу и к ней приложил две бумаги—в одной была его отставка, в другой просьба об 11-месячном отпуске. Указ о Дедюлине тотчас же был возвращен Мирскому к исполнению, а другие две бумаги остались у царя. По телефону сегодня Мосолов говорил, что ждет нетерпеливо метлу, которая бы смела трех лиц из министерства внутренних дел—Мирского, Лопухина и Дурново. Сказал он также, что вчера те три лица, о которых я писала вчера, совещались насчет „слова царя" и все были того мнения, что раньше надо, чтобы все успокоились, и тогда царь примет депутацию от рабочих и скажет им „слово", которое затем облетит всю Россию. Трепов теперь играет большую роль, Мирский стушеван совсем. И. М. Лазарев говорил, что программа Мирского, когда он принял министерство, была самая симпатичная, но он не сумел с нею справиться. Он намеревался: 1) достичь примирения правительства с населением, 2) снять со всего, по возможности, опеку и 3) вызвать представителей. Говорил Лазарев, что Мирский глупо сделал, что, вызвав земцев 6-го ноября, не открыл сам этого съезда, что при условиях, в которых прошел этот съезд, не следовало его допускать.

16 января.

Узнала сегодня, что Трепов все газеты взял под свою цензуру. Вспоминаю, как раз Гапон у нас обедал. Пришел он тогда к нам с московским рабочим Соколовым. Гапон на вид—маленький, худенький, очень юркий, держащий нос по ветру. Говорил он все время в тон Е. В-чу, но в его словах и ответах чувствовалась фальшь. В то время он был руководителем одного рабочего клуба, а теперь, когда движение началось, он руководил уже 12-ю клубами,—за это время он развивал свою разрушительную деятельность. Затем, впервые после нашего с ним свидания, заговорил о Гапоне полицеймейстер Григорьев, у которого в участке находится Путиловский завод, где именно и была главная квартира этого негодяя, что ему очень много тревог и забот с Гапоном. В то же время Лангововой сказал Коковцеву, что надо убрать Гапона, что он мутит рабочих. Когда же Коковцев сказал об этом Фуллону, тот ответил, что пока Гапон с рабочими, он спокоен: у них будет порядок. Теперь же Фуллон говорил Столпакову, что давно просил арестовать Гапона. Где тут правда—трудно разобрать.

17 января.

Отовсюду к нам идут печальные вести. Пришел Пантелеев из Гос. Совета. Новости его оттуда ужасны — армия Гриппенберга потеряла 10.000 человек и должна была очистить занятые ею позиции. Затем тоже в Гос. Совете говорил кн. А. Д. Оболенский, что получено известие, что полная революция в Саратове, предводительствует беспорядками гр. Нессельроде. Это ли не подлость? В Самаре тоже очень тревожно. Железная дорога до Златоуста не ходит. А как же войска, продовольствие, раненые и проч.? Что-то ужасное творится! Был Грингмут. Мысль его—сделать Трепова министром внутренних дел и дать ему полномочия диктатора.

18 января.

Чем больше вижу Штюрмера, тем меньше нахожу, что он годен занять пост министра внутренних дел: нет у него широких горизонтов, критиковать он умеет, но вряд ли умеет созидать. Мосолов сказал сегодня, что будет на-днях учреждена междуведомственная комиссия, в которую войдут и фабриканты и заводчики, и рабочие, чтобы разобрать, что можно сделать неотложно по этому вопросу.

Сегодня в 12 час дня осуществилось наконец то, чего давно нетерпеливо ожидали,—Мирский получил свою отставку, а завтра выйдет приказ об его уходе. Сегодня у себя за завтраком он пил за то, что благополучно, живым уходит из министров. В Москву была послана депеша Булыгину, чтобы он немедленно сюда приезжал. Он-то и будет назначен министром внутренних дел,

чтобы вести дело об руку с Треповым. Говорил Мосолов насчет депутации рабочих, которых завтра примет царь, что раньше их отъезда в Царское Село их примет Трепов, подготовит их к приему царя, устроит, чтобы они, т.-е. рабочие, когда войдет царь, сказали бы ему: прости, государь.

19 января.

Про нового министра внутренних дел Грингмут сказал, что он—умный, но не очень, но что у него фигура важная, что эта важная осанка во всем ему помогала и единственно ей он обязан, что занимал важные должности и теперь—министр. Мое впечатление, что он посажен куклой, что другие будут вести дело, а он выбран, чтобы не мешать этим другим распоряжаться. Тоже Фредерикс в эту минуту действует не по личной инициативе, а по указке. Главный советчик теперь—Мосолов, который является trait d'union между Треповым и Фредериксом, который делает доклады царю, инспирированные Мосоловым. Положение Мещерского при Булыгине с Треповым будет неважное — оба его не любят. Moulin сегодня сильно нападал на Куропаткина, что якобы он, когда уезжал на Дальний Восток, высказывал, что ему необходим твердый начальник штаба, который не допускал бы его перерешать его же распоряжения. Отъезд, скорее просьбу Гриппенберга вернуться и сдать командование армией, все признают размолвкой с Куропаткиным, предполагают, что Гриппенберг собирался продолжать наступление, но ему Куропаткин не позволил. Мосолов сказал, что Булыгин уже в Царском у царя, сильно брыкается, отказывается от портфеля министра внутренних дел. Но потом тем же Мосоловым было сказано по телефону, что Булыгин согласился, и завтра будет приказ об его назначении. Слава богу, что удалили Мирского! В Петербурге теперь так говорят, что Гапон упразднил бога, а Мирский упразднил царя. В „Агентстве" получена депеша из Одессы, что там сегодня ранен полицеймейстер Головин.

20 января.

Говорили нам сегодня, что вчера было совещание у царя насчет кабинета. Были Воронцов, Фредерикс, Коковцов, Сольский, Рихтер. Зверев ушел из управления по делам печати. Верно и Витте был на совещании у царя. Это он, который, если будет кабинет, станет владыкой России. Рассказывал об этом совещании Штюрмер, сказал также, что якобы был и предводитель петербургский Гудович. Сегодня Сперанский проговорился, что речь царя, сказанная вчера царем рабочей депутации, была написана Мосоловым.

17 апреля.

Возмутительно утвержденное сегодня положение комитета министров об укреплении начал веротерпимости. Говорят, что Витте вырвал у царя его утверждение. Говорят, что теперь окраины наши

совсем уйдут из-под русского влияния. Бурдуков (друг „Гражданина“) восхвалял этот указ, что он без слез не мог его читать.

19 апреля.

Сегодня рассказывали нам про уличные беспорядки в Варшаве, про толпу рабочих в 5 тысяч человек, которая, вместе с женами и детьми, с революционными песнями шла по улицам, не слушаясь никаких увещаний разойтись. Пришлось войскам стрелять. Жертв много, в их числе женщины и дети. Затем говорили про беспорядки такого же рода в Лодзи и Калише, а также в гор. Ногайске (Войска Донского), что этот последний город горит и по всем улицам идет резня. Слава богу, у нас на улицах все спокойно, но аресты продолжаются. Снова задержано 12 человек, один взят с очень серьезными бумагами. Говорили, что вчера в Измайловском полку был взрыв бомбы, от которого пострадали два человека, которые бомбу эту готовили. Один из них—студент, фамилия другого—Дубинин. Павлов говорил насчет Штюрмера, что он и весь его кружок—либералы.

20 апреля.

Сегодня Кутайсов, разбирая варшавские беспорядки, говорил, что следовало назначить туда Игнатьева, что он был бы там на месте, а Максимович не на месте.

21 апреля.

Написала сегодня по просьбе Мордвинова (дворцовая канцелярия) письмо в Уфу Соколовскому, что образ сношений его с местными людьми слишком резок, что это здесь не нравится, но чтобы он продолжал свою твердую политику, но с людьми только обращался бы мягче, что, если он будет так резок, это ему может грозить увольнением. Замятин (адъютант Булыгина) говорил, что недавно Булыгин вспоминал свой разговор с Мирским, что два часа говорил с Мирским и под всем тем, что ему было высказано, он, не задумавшись, подписался бы, что был с ним совершенно согласен. У Булыгина persona grata—Крижановский.

24 апреля.

Сегодня Стишинский сказал, что виновен в указе о веротерпимости Витте. Сказал также, что теперь в Петербурге в настоящую минуту 8 масонских лож и в одной из них, которая помещается на Николаевской, № 44, принадлежит Витте, где тот играет большую роль. Сегодня не пропущена цензурой депеша, полученная „Агентством“, о том, что в Минске вчера была большая демонстрация, что войска (казаки и драгуны) и полицейские должны были стрелять. Оказались раненые, но сколько—не сказано.

25 апреля.

Сабанин говорил, что все получаемые ими депеши полны сообщениями о беспорядках — забастовках и демонстрациях по всем местностям России. Жена профессора Быкова говорила с искренним отчаянием о настроении профессоров и их семей, что она женщин не узнает, что все они вольнодумно настроены, что все это после 9 января, когда войска стреляли в толпу рабочих. Она возмущалась, когда анархисты бросили бомбу в патруль в Варшаве, а они все оправдывали это деяние тем, что раз убивают мирных граждан, то и они сами готовы бросать бомбы. Сегодня прочитала в „Figaro“ статью, в которой идеализируют царицу Марию Феодоровну, что у нее либеральные гуманные стремления и проч. На самом же деле она много портит царю, вмешиваясь в назначения министров и проч. Про молодую царицу недавно кто-то сказал, Пайтов (адм.) или Путятин (Н. С.), что только ее одну царь слушает. Это печально, так как она Россию и русских не любит и им не симпатизирует.

26 апреля.

Мордвинов сказал про Булыгина, что нет у него ни энергии, ни смелости, что Булыгин сам ему сказал, что будь он назначен после Плеве,— возможно, с его наследством он бы справился, а после Мирского—ничего поделать не может: дом весь горит четыре месяца, пожара никто не тушил, пожар так разгорелся, что потушить его немыслимо. Приэтом Мордвинов сказал, что будь он на месте Булыгина, он бы повесил хотя и 30 тыс. человек бунтарей.

28 апреля.

Штюрмер рассказал насчет совещания Булыгина, что Булыгин говорил, что не дай бог сословных представителей, что крестьян он ни за что не допустит. Выборы будут происходить в земских собраниях, которые наметят своих представителей от каждого $^{1}/_{2}$ миллиона по одному человеку, что на земских собраниях должно собраться не менее 200 человек для выбора представителя. Теплов („Росс. Агентство“) рассказывал, что в Москве, в конторе Джамгаровых найдено шесть бомб. Открыто это было так: в Петербурге был арестован один анархист, у которого нашли квитанцию на аренду ящика в конторе Джамгаровых. Принес Теплов непропущенные цензурой депеши. Страшно читать, какие по всей России идут беспорядки. Вчера Гейнц (секретарь „Агентства“) говорил, что генерал-губернатор Трепов свободно разрешает печатать все телеграммы, которые ему посылают на цензуру, поэтому печатается про все стачки, беспорядки, убийства и проч. „Новое Время“ даже печатает эти депеши под особой рубрикой „Беспорядки“.

29 апреля.

Приходил Н. Л. Марков после свидания с Витте, которому он доказал, как обманывал его Максимов. Витте сказал Маркову, что хотел бы быть ему полезным, но в настоящее время никакой власти у него нет. Когда Марков входил, Витте провожал митрополита Антония. Эти два конспиратора часто видятся, совместно работают над уничтожением нашего государственного строя,—один хочет быть диктатором, другой патриархом республики. Ужасно печально, что во главе нашей церкви стоит проходимец-митрополит.

30 апреля.

Вчера, говорят, было заседание духовных лиц. Цель их собрания—поднести адрес митрополиту Антонию и протестовать против его ухода из Петербурга и назначения экзархом на Кавказ. Заседание священников, оказывается, было настолько бурное, что полиция вмешалась в это сборище и его закрыла. Этого еще не доставало, чтобы духовные отцы производили революцию! Пока еще не достоверно насчет перемещения митрополита Антония на другую кафедру, но если оно и состоится, то многие скажут: слава богу, избавились от паршивого пастыря! нельзя быть первенствующим иерархом православной церкви и интриговать с Витте о ниспровержении существующего строя. Вот так царь! Даже митрополит петербургский у него фальшивый, дурной человек! Сегодня была не для общего пользования депеша из Красноярска, что там забастовали железнодорожные рабочие, были забастовки и на других станциях. Это так подействовало на начальника дороги, инженера Павловского, что он заболел. Ожидаются завтра беспорядки в Петербурге. Многие в ожидании этого дня уехали—кто на дачу, кто за границу.

1 мая.

Вчера пришли казаки из Царского Села и разместились в конногвардейских казармах. Это на случай беспорядков. Вчера Гейнц говорил, что была депеша „Агентства" про Гапона из Лондона, что Гапон спешно выехал из Женевы в Цюрих для совещания с агентами-революционерами, которые прибудут из Варшавы и Петербурга. Во время своего пребывания в Женеве Гапон участвовал в секретных совещаниях по поводу грандиозной религиозной демонстрации, которая организуется повсюду в России, главным образом, в Варшаве, Москве и Петербурге, которая имеет целью требовать прекращения войны и улучшения быта рабочих. Демонстрация будет произведена 1-го мая, т.-е. сегодня, или несколькими днями позже. Поливанов (симбирский губернский предводитель) рассказывал про совещание предводителей в Москве, про Шулепникова (костромской губ.

предводитель), который явился с одним субъектом, костромичем Перелешиным, сперва заявил предводителям, что вполне сочувствует 11-ти пунктам собрания земцев 6-го ноября 1904 года; сказал, что он бы их напечатал золотыми буквами.

2 мая.

Булыгин сегодня объяснил, почему пристав не допустил собрание священников. Один из этих духовных отцов имел в кармане прокламацию революционного свойства, которую собирался громко читать и которая начиналась словами „долой самодержавие!“. Вот чем занимаются священники! Старика Суворина вчера Никольский и Бурдуков порицали, что он боится искренно говорить в своей газете, виляет то в одну, то в другую сторону. Булгаков тоже говорил, что Суворин потерял равновесие. Теперь поместить правительственную статью в „Новом Времени“ трудно, так как Суворин боится, что за это его будет ругать либеральная пресса. Стать либералом Суворин не хочет, быть консерватором—боится. Вот при каких условиях приходится вести газету. Булыгин сказал, что евреям никаких льгот дано не будет. Завтра в Петербурге ожидается забастовка пекарей. Прислали Е. В. из Москвы прокламацию, в которой говорится, чтобы рабочие дружно действовали против правительства, что в подмогу им поднимутся крестьяне, которые уже начали подниматься, и тогда свергнут все вместе и царя, и правительство.

3 мая.

Был Диков. Он—в комиссии, которая судит защитников Порт-Артура. Про Порт-Артур Диков сказал только, что все защитники виноваты, не один Стессель.

4 мая.

Сегодня узнала, что вчера в Уфе, в городском саду, ранен губернатор Соколовский.

6 мая.

Покушение на уфимского Соколовского ставят в связь с демонстрацией, которая там произошла 1 мая и которую Соколовский подавил с помощью полиции и заранее приготовленных войск.

Сегодня Павлов как-то таинственно, загадочно говорил про свои свидания с Витте, что он теперь Витте держит в руках, что у него такие документы против Витте, что теперь можно его свалить, что эти документы сам Витте ему дал, что это и есть те документы, которыми он держит в руках царя, который боится их обнародования. Из несвязного рассказа Павлова можно было догадаться, что эти документы касаются войны, ее возни-

кновения и проч. Павлов с этими документами был у Трепова, которому все рассказал. „Теперь,—сказал Павлов,—зависеть все будет от самого царя—спасти себя и Россию от Витте". Трепов обещал ему все доложить. Царь должен будет приказать сократить Витте. Но сделает ли он это? Вчера у царя по случаю дня его рождения был в Царском завтрак, на котором присутствовали военные и гражданские чины дворца. По словам Штюрмера, царь был очень весел, казался беззаботным, вполне здоровым, со всеми был любезен, каждому сказал доброе слово. „Когда знаешь про настоящее положение России и когда знаешь, что царь про это положение знает,—делается жутко, что он выглядит таким беззаботным",—вот что сказал сегодня Штюрмер.

9 мая.

Вчера Рыдзевский рассказывал, что на-днях Нейдгардт написал Булыгину, что одесский командующий войсками Каханов затрудняется конфирмовать суд над Тильманом, который ранил полицеймейстера Одессы Головина и которого суд приговорил к смертной казни. Булыгин поручил Рыдзевскому съездить к Сахарову (военному министру), чтобы „Будда"—Сахаров—телеграфировал Каханову, чтобы конфирмовал, сказав приэтом, что государь остался очень недоволен Максимовичем, что он помиловал покушавшихся на полицеймейстера Варшавы Нолькена и ранившего Нолькена. Приэтом царь сказал: „Подобных преступников следует казнить". Сахаров все-таки продолжал отнекиваться, потом предложил отыскать статью и телеграфировать Каханову. 6-го утром Сахаров прислал Рыдзевскому ответ Каханову, что он согласен утвердить приговор, но приводит статью закона 1880 или 1881 года, гласящую, что первая роль в этой конфирмации не его, командующего войсками, а министра внутренних дел. В Царском у царя Рыдзевский передал этот ответ Булыгину, который ему сказал, что он, не задумавшись, тотчас утвердит приговор.

10 мая.

Галкин-Враский сказал вчера, что царь с начала его царствования больше всего боялся веротерпимости и печати. Говорил, что у царя теперь чувствуется, что власти он никогда не проявит, бывают вспышки у него как бы властные, но реакция немедленно проявляется.

11 мая.

Страшно тяжелое чувство испытываешь. Из депеш из разных городов узнаешь все печальные вести об убийствах, забастовках, теперь начались пожары, гор. Алатырь вчера сгорел—полмиллиона убытка. Страшно... Вот печальная русская хроника,

к которой надо прибавить еще известия о разных заседаниях, собраниях, анти-правительственных, прямо революционных. Грингмут смотрит очень мрачно на будущее. Когда я спросила его, водворится ли у нас порядок, он воскликнул: „Нет, никогда не водворится". Статью Грингмута „Кризис православия" вчера Ширинский (заместитель Саблера) послал царю. Про Ширинского Грингмут сказал, что он очень дельный, серьезный, что в его руках теперь многое, что он может помочь делу православия, что он был бы прекрасный министр внутренних дел. Но одно время Грингмут говорил, что и Штюрмер мог бы быть прекрасным министром внутренних дел. Говорили с Грингмутом о Витте, что он всегда подводит царя, что свалить Витте невозможно, что он всегда сумеет вывернуться, что он и умен, и хитер. Смог бы его свалить один Плеве, который погиб, везя царю в этот день полный обвинительный акт против Витте. Интересное настроение теперь господствует в бюрократии. Жеденев, чиновник переселенческого отдела, пришел к Арбузову, который исправляет должность директора департамента общих дел, просить другого назначения. Арбузов спросил его, какое у него направление? Жеденев отвечал, что находит, что необходима крепкая власть для водворения порядка. Арбузов на это сказал:—„23 года проявлялась эта крепкая власть, и вот, что из нее вышло—беспорядок, который теперь мы переживаем. Нет, таких, как вы, нам не надо".

12 мая.

Вчера напало на меня уныние, прочитав две депеши: из Баку, что там убит бомбой губернатор князь Накашидзе, и из Седлец,—ранен бомбой полицеймейстер Шедевра. Две бомбы в один день. Вчера царь, узник Царского Села, поехал с братом инкогнито в Петергоф. Вот до чего дожили—царь свободно не может выехать из своего заключения!

13 мая.

Сегодня Грингмут рассказывал, что вчера царь принимал игумению Екатерину (Ефимович) Леснинского монастыря в Седлецкой губ. Эта игумения накануне была у царицы-матери вместе со своей казначеей и 5-ю мужиками. Говорила она ей про то, что творится в этом крае вследствие указа о веротерпимости. Царица-мать очень внимательно ее выслушала, написала ей письмо к царю и направила ее к нему. Вчера игумения Екатерина $1^1/_2$ часа докладывала царю и молодой царице про все гонения, которым подвергаются православные, которые отказываются принимать католицизм. Слушая этот рассказ, царь несколько раз повторил, что он никакого об этом представления не имел, ничего про это не знал. Мужики, приехавшие из Седлецкой губ., тоже одновременно были у царя с игуменией. Царь

к ним вышел, говорил с ними. Они его спросили, правда ли, что он принимает католическую веру. Царь отвечал, что неправда, успокоил их, что и они будут защищены от козней ксендзов, что он их в обиду не даст. Прежде чем поехать к царице-матери, игумения была у Победоносцева, прося его доложить царю про все это, или устроить ей свидание с царем. Победоносцев сказал ей, что все пропало, ничего сделать нельзя, —„уезжайте обратно и плачьте".

14 мая.

И. К. Максимович сказал, что 10-го числа убийца вел. князя Сергея Александровича Каляев повешен,—смело пошел на казнь, о помиловании не просил. Товарищ прокурора Федоров присутствовал при казни. Валь сказал, что дознано, по какой причине у нас пушек не оказалось. Куропаткин увлекся m-me Moulin, которая вместе с мужем убедила его сделать заказ пушек родственнику ее мужа без ведома Артиллерийского ведомства. Заказ был сделан, пушки доселе не получены, а деньги были уплочены. Альтфатер не решился тогда выдать эту тайну, поэтому тогда и пострадал, но затем узнали дело и его сделали членом Гос. Совета.

15 мая.

Стишинский рассказал Грингмуту про заседание Гос. Совета, в котором Витте упрекнул Саблера, что допустил Гапона устроить шествие рабочих по Невскому ко дворцу, когда этого Гапона следовало арестовать. Но всем известно, что Гапону протежировал Витте.

16 мая.

Сегодня пришли ужасные вести, писать их страшно: 12 русских военных судов погибло. Не вспомню все имена, называли: „Ослябя", „Наварин", „Уралец", „Камчатка". Погибли также два контр-миноносца и два транспорта. Рассказал это нам Зилотти, который сказал также, что депеша об этом послана уже в Царское Село царю.

17 мая.

В каком тяжелом положении в эту минуту находишься Никаких вестей от Рождественского, кроме тех, которые вчера ходили со слов депеш, полученных из Вашингтона и Токио, что вся наша эскадра погибла, что адмирал Небогатов в плену, называли суда береговой обороны и 3 тысячи человек русской команды, которые тоже в плену у японцев. Сегодня телефонировал Теплов („Агентство"), что есть известия, что Рождественский на „Суворове" проскочил во Владивосток. Сведения о разгроме нашей эскадры были вчера получены из Владивостока от

Казбека и от Бутакова (русский морской агент) из Вашингтона. Привез это известие во Владивосток „Алмаз“, который прорвался среди японских судов. Приходится верить, что вся наша эскадра истреблена. Это ужасно. Сейчас Н. С. Путятин обвинял Рождественского, что в туман сунулся в узкую полосу, как Цусима, а также, что отказался от миноносок: у него их было 15, трех он вернул с дороги и пошел с 12-ью.

Сегодня у нас говорили, что якобы Рождественский не пошел кругом оттого, что у него не хватило бы угля, что он не раз телеграфировал про это. Путятин это отрицает, говорит, что этого не было. Ужасно тоже, что три военные судна эскадры Небогатова и сам он сдались японцам. Такого ужасного погрома еще не было за эту войну, а сколько их было—Порт-Артур, Ляоян, Мукден и др. Все наши гости сегодня сильно упали духом, все ожидают внутренних смут, катастрофы, что повалится монархия, что сам царь даст не только конституцию, но и республику. Проф. Никольский прямо называет все эти разгромы плодами Гаагской конференции.

18 мая.

Это—ужас, что 4 военных судна сдались в плен без всяких повреждений! Сошлись у нас сегодня Скрыдлов с Зеленым. Оба высказывали, что знают командиров этих судов, что на подобный образ действий они неспособны, что надо предполагать, что команда этих судов возмутилась. Про Рождественского не верно, что он доставлен во Владивосток—его там нет. Никольский (проф.) высказывал, что этот бой провалил Кладо, который доказывал, что с современными судами первую роль будет играть пушка, а не торпеда. Макаров доказывал, что первенствующую роль в современном бою играет торпеда,—ему не поверили, его пример ни к чему не послужил. Нет человека, который бы не сказал, что последствием этого боя будет конституция. Вчера случайно в комитете министров Чаплин присутствовал при разговоре Авелана с вел. кн. Михаилом Александровичем. Вел. князь спросил Авелана, как дело с „Владимиром Мономахом“, получил ответ:—„выкинулся на берег“. Все это спрашивалось, говорилось и слушалось, как будто речь шла о новой опере, которую играли накануне, участия, горя не чувствовалось никаких. Скрыдлов высказывал, что с первой минуты не верил в победу нашей эскадры, что нельзя идти в бой с разнородными судами, что Рождественский это понимал и шел на верную гибель.

19 мая.

Пришел от Булыгина Мордвинов. Там он слышал, что собираются созвать земский собор немедленно, но всего на один день, чтобы решить вопрос—продолжать ли войну, или просить мира. Царь сам на решение того или другого не может решиться.

Про Булыгина надо сказать, что ему надо много времени, чтобы решить какое-нибудь дело.

22 мая.

В Москве, по общему мнению, может разыграться ужасная драма. Московский голова кн. Голицын и Шипов—первый созвал всех голов, а второй—всех председателей земских управ для совещаний насчет представителей. Теперь искры одной довольно, чтобы зажечь пожар во всех углах России. Вчера Штюрмер, а затем Зиновьев сказали, что вчера Булыгин поднес „конституцию" царю, которая была выработана Крыжановским по поручению Булыгина. Упорные слухи, что царь намерен продолжать войну. Говорили, что Московский и Семеновский полки посылаются на Дальний Восток. Жаль посылать туда войска—прямо на убой. Рассказывают ужасы про матросов из запасных, что якобы они взбунтовались на нескольких судах, не хотели драться, что половину матросов на „Орле" пришлось перевязать. При таких условиях с такими матросами бой был невозможен. Командир „Орла"—Юнг—застрелился, старший офицер — тоже, Говорят, что наши снаряды не попадали в японские суда, а японцы метко стреляли.

23 мая.

Сегодня -- указ насчет объединения полицейской власти в одних руках, именно—в руках товарища министра внутренних дел, по званию шефа жандармов. Вчера в Павловске на музыке произошла целая демонстрация со стороны студентов и курсисток, которые запретили музыке играть, выходили на эстраду, говорили зажигательные речи, кричали „долой царя" и проч. Рота стрелков 1-го батальона под командой офицера Веревкина находилась спрятанной в вокзале. Когда крики и гам усилились, вошли стрелки. На увещания полиции разойтись публика обратила ноль внимания. Тогда стрелки сыграли сигнал (простой сигнал, даже не для стрельбы), услышав который, все это „бабье", по словам фельдфебеля, разбежалось. Задержан был полицией один штатский, который неистово кричал. Оказался—бакинский городской голова.

24 мая.

Сегодня со всех сторон слышу, что Булыгин уходит. Вчера он подал царю свою отставку, царь пожелал, чтобы он остался, но он все-таки уходит.

25 мая.

Совещание, созванное Шиповым в Москве, запрещено. Сегодня Трепов назначен товарищем шефа жандармов, с оставлением генерал-губернатором. Общее мнение, что ему теперь очень надо

остерегаться, что анархисты будут измышлять все способы, чтобы отделаться от него.

26 мая.

Булыгин поспешил внести в совет министров свою конституцию, написанную поляком-анархистом Крыжановским, все меры которой блещут отсутствием ума. Булыгин, Глазов, Авелан, Хилков и др. будут эту „конституцию" разбирать. Никто ничего путного сказать не сумеет. Всем этим делом будет руководить Витте и, в конце концов, царь подпишет конституцию. Мосолов сегодня говорил, что дело поправить невозможно, что будет булыгинская конституция, что с царем трудно — он ни на что не решается.

27 мая.

Долго у нас лежала книжка, изданная „Комитетом Дальнего Востока" на правах рукописи „Переговоры (документы) с Японией 1903—1904 г.г.". Эту книгу дал прочесть Максимович, вчера же он сказал, что особый комитет требует от всех, кому эта книга послана, вернуть ее обратно. Документы в этой книге интересны. Числом их 37. Последний документ—депеша царя от 26 января 1904 года. Вот эта депеша на имя наместника Алексеева: „Желательно, чтобы японцы, а не мы, открыли военные действия, поэтому, если они не начнут действий против нас, то вы не должны препятствовать их высадке в южную Корею, или на восточный берег, до Гензана включительно. Но если на западной стороне Кореи их флот с десантом, или без оного, перейдет к северу через 38-ю параллель, то вам предоставляется их атаковать, не дожидаясь первого выстрела с их стороны. Надеюсь на вас. Помоги вам бог. Николай". Это было послано накануне японского нападения. Сказано в этой книге также, что „скрытые цели Японии оказались лежащими за пределами корейского вопроса и остаются перед нами до сих пор скрытыми". Из этих документов перепишу только некоторые. Вогак, когда вернулся из совместной поездки в Японию с Куропаткиным, телеграфировал Абазе в Петербург: „Военный министр уже донес о впечатлении, вынесенном из Японии. Вполне присоединяюсь к его взгляду на отношения Японии к манчжурскому вопросу. За Манчжурию Япония воевать не будет. Разделяю также взгляд на то, что наша активная политика в Корее, несмотря на всю закономерность наших действий, может вызвать в Японии сильный взрыв общественного мнения, против которого правительство может оказаться бессильным. Но должен внести поправку, именно, что, по моему мнению, это можно считать справедливым только при нынешних обстоятельствах, т.-е. при нашей относительной слабости на Дальнем Востоке". У нас предполагалось, что в манчжурском вопросе преимущественно заинтересованы Америка и Англия, и то только в смысле „открытых дверей" для междуна-

родной торговли. Документ № 1—депеша Абазы к Безобразову, решение царя допустить японцев к полному завладению Кореей (11 июня), не только открыть порты в Манчжурии, но также обсудить вопрос о порто-франко в Приамурском крае (извлечения из записки Абазы от 16 июня, документ № 2).

28 мая.

Умно, что книжку о переговорах с Японией хотят изъять из обращения: мы глупо, тупо вели это дело. В Москве на земском съезде дела обостряются, выработали они там дерзкий адрес царю. Всех более там орудовал Родичев из Твери. Вот уже было три совещания в совете министров насчет конституции Булыгина, который повел свою политику почти по стопам Мирского—хочет жить, чтобы его не убили.

29 мая.

Утром Павлов рассказывал про свое свидание с Витте, который очень недоволен запиской Булыгина насчет представителей, но Витте и Павлов недовольны с разных сторон: Павлов находит ее бессословной, признает, что она породит революцию, а Витте хотелось бы более революционную записку. Зилотти высказал мысль, что необходимо отправить в Вашингтон для переговоров Витте, что туда надо „жулика“ послать и никто лучше Витте это дело там не оборудует.

30 мая.

Говорили нам сегодня, что Ламздорф вызывал всех иностранных корреспондентов и им сказал, что о мире с Японией нет и речи. Насчет Шипова Грингмут предсказывал—скоро его предсказания сбылись!—что его передовые люди вышвырнут, что он для них окажется слишком консервативным. Так теперь и случилось.

31 мая.

Были оба брата Путятины. Шел разговор про Безобразова и Абазу, которых за последнее время газеты прямо называют виновниками войны, и приэтом дают понять, что царь им сочувствовал. Про Безобразова Путятины говорят, что он шалый, но честный, но на Абазу они иначе смотрят—корыстен, аферист и проч. Дан был ему ход Гатчиной, дамы, т.-е. царица-мать и Ксения Александровна, им очаровались. Говорили, что Абаза нуждался в деньгах, что будь он богат, может быть, он подобными делами и не занимался бы. Как ни как, даже близкие ко двору не отрицают, что эта концессия на Ялу втянула нас в войну. Оба Путятина не сказали, что концессия на Ялу тут не при чем, а стали разбирать личности этих двух бывших царских любимцев. Мих. Путятин сказал, что вчера в Государственном Совете про-

валили бессословную схему выборов. Теперь в Петербурге озабочены, интересуются адресом, написанным Родичевым, составленным московским земским съездом и привезенным сюда теперь целой депутацией, которая добивается лично его представить царю.

1 июня.

Зилотти приходил вчера сказать, что вопрос об уходе вел. кн. Алексея Александровича из генерал-адмиралов решен, что это будет известно дня через три. Булгаков говорит, что не дай бог мира, что если будет мир, то конец самодержавию, будет междоусобная война, конец даже монархии, а будет республика, что мир нам принесет большие беды. Приехавшая с Дальнего Востока сестра милосердия Толмачева говорила, что там на месте слышала, что задаром мы отдали Ляоян, Шахе, что Мукден не следовало покидать, что японцы были там утомлены, не врывались к нам, а „ползли", а мы в это время безобразно бежали от них в полном беспорядке, погубив при этом постыдном бегстве массу войск. Бежали мы по приказу Куропаткина, которого там все обвиняют в наших неудачах. Берг (редактор „Дня") говорил, что москвичи-анархисты напали на его газету за ее консервативное направление, мешают ее распространять, устроили так, чтобы бумажные фабриканты не продавали ему бумагу.

2 июня.

Берг вчера сказал, что Савва Морозов застрелился, он так спутался с анархистами, что ему ничего больше не оставалось, как покончить с собой. Морозов на анархистов истратил 3 миллиона рублей.

3 июня.

Сегодня напечатан рескрипт на имя вел. кн. Алексея Александровича об уходе его из флота. Сегодня Гейнц („Агентство") говорил, что страшно охотятся за Треповым, что даже к нему обращались разные люди узнать, в каком часу Трепов выезжает из дома, про его привычки и проч. Очень хочется многим в Петербурге от него избавиться.

4 июня.

Сегодня Соколовский рассказывал про свое представление Булыгину. Он поражен этим министром, которому „все равно", ко всему он относится равнодушно, точно ни что его не касается. Рассказывал он про свое представление царю, который его похвалил за его образ действий в Уфе.

Долго сидел Арсеньев (Тула). Вчера он представлялся царю, откровенно с ним беседовал, сказал, что не дай бог представительства бессословного. На это царь сказал, что желает сослов-

ного представительства. Сказал также Арсеньев царю и про собрания благомыслящих людей у Штюрмера, что если будут бессословные представители, то таких выберут, что царь их сразу разгонит. На это царь сказал, что никаких „представителей" он не хочет, что будут только „выборные люди". Эти последние слова царь сказал твердо и решительно. По всему этому разговору видно, что царь думает, что можно еще все забрать в руки.

5 июня.

Пришел Штюрмер сказать, что завтра царь принимает 12 депутатов московского неразрешенного съезда, что вчера Штюрмер был у Гессе, который ему сказал, что ничего теперь поделать не может, что болен и проч. Штюрмер говорит, что он не поручится, что в числе этих 12-ти депутатов окажется несколько лиц, способных на все, способных принести с собой бомбу, что за кн. Д. И. Шаховского, за Родичева Штюрмер не ручается. При этом Штюрмер сказал, что найден склад бомб (120 штук) возле станции Сиверской, три версты от имения бар. Фредерикса. Затем найдено 80 бомб в Баку. Одной из них был убит кн. Накашидзе. Царь сказал Арсеньеву, что „представителей" не будет, а теперь согласился принять московских делегатов, между которыми есть много очень умных людей, которые у него могут сорвать разные обещания.

Был Рыдзевский. Сказал, что Трепов сильно настаивал, чтобы ему даны были большие полномочия. Рассказал Рыдзевский про адрес, в котором волынские крестьяне благодарили царя за указ о веротерпимости и который кончался словами, что 500 человек перешло в католичество, а царь написал на адресе: „прочел с удовольствием".

6 июня.

Сегодня царь принимал московскую депутацию—14 человек. Говорили нам, что все сошло отлично. Путятин сказал, что „сегодняшний прием и слова царя это—эпоха". Кн. Н. Д. Голицын при Ватаци, который нам это передал, сказал, что сегодняшний прием царя, это—начало конца, конец самодержавия.

7 июня.

Прошел слух, что из министерства двора был приказ не печатать пока речь, сказанную вчера московским депутатам. По мнению Н. Д. Чаплина, царь был неискренен в сказанных им словах: он совсем не желал бы выборных людей. Был сегодня Е. Е. Ухтомский. Он сказал, что близится время, что будет считаться самым счастливым исходом для царя, если он живым вместе с семьей успеет покинуть Россию.

8 июня.

Оказывается, что прием московской депутации устроили Гейден, который при царе, и „Котик“ Оболенский. Мосолов подтвердил это. Сказанные царем слова написаны Гейденом, который присутствовал при приеме. Когда в канцелярию попала царская речь, несколько слов было изменено и царь на эти изменения согласился. Но затем явился в канцелярию Мосолова Ковалевский и еще кто-то из депутатов, прося восстановить в точности слова царя, что царь-де сказал: „представители от народа“, а не „выборные люди“. Напечатали: „выборные от народа“. Затем эти господа занимались составлением своих речей. Все это делалось у Гейдена, а потом было передано в канцелярию. Мосолов рассказывал, что Петрункевич тоже собирался говорить, но в последнюю минуту не решился, храбрости не хватило, а затем сказал, что Трубецкой так хорошо говорил, что он не захотел расхолодить впечатление своей речью. Мосолов говорил, что ночь с 6-го на 7-е он провел ужасно. В $1^1/_2$ часа ночи он говорил с „Телеграфным Агентством“, чтобы остановить печатание слов царя. Были сегодня люди, которые высказывали, что речь Трубецкого довольно почтительная, что от него можно было ожидать гораздо худшего. Так сказал Н. А. Мордвинов. Стишинский сказал, что связи нет в речах, такое впечатление, что они говорили о попе, а царь им отвечал про дочь попа. Затем, царь сказал: „пусть установится с сегодняшнего дня“ но нашли, что эти слова лучше исключить. Молодая царица тоже нашла, что надо, чтобы этих слов „с сегодняшнего дня“ не было.

10 июня.

Был Чухнин. Рассказывал он, как у себя в Севастополе он заявил, что людей беспорядка не пожалеет, тотчас будет пускать в ход оружие, будет стрелять в толпу, тогда и невинные могут пострадать. Целый час Чухнин был у царя. Говорил он, что надежды на царя никакой, что воли у него мало. Чухнин тоже обвиняет Рождественского, что сгубил сразу весь флот, бросившись опрометью. По его словам, в морском министерстве жизнь идет попрежнему, как до гибели эскадры, все то же равнодушное отношение к делу. Теперь дознано на опыте, какую броню пробивает артиллерия нового типа, что нельзя продолжать постройку прежнего типа броненосцев, а теперь строятся два броненосца, и броня их прежняя, $7^1/_2$ дюймов, кажется, никуда не годна, а все-таки продолжают строить, утолщать броню не думают. Сегодня напечатано, что наместник Алексеев сделан членом Государственного Совета. Давно пора! Давно уже Квантунская область не наша!

11 июня.

Насчет московской депутации Стишинский убежденно сегодня сказал, что это Трепов убедил царя принять этих личностей. Прямо ничего не поймешь. А Булыгин? Что это за тип? Какое у него направление?—все „измы", кроме консерватизма, патриотизма и подобного, а больше всего идиотизма.

9 августа.

По словам Жаконе, все недовольны манифестом, ни либералов, ни консерваторов он не удовлетворил. Спросила его: кто эти „все?"—„La petite noblesse". Вопрос о мире—ожидают окончания его послезавтра. Общее мнение—мира не будет.

25 сентября.

Студенческие беспорядки в Москве вот уже несколько дней продолжаются. Данная автономия университетам не помогла.

3 октября.

Говорили сегодня, что началась забастовка наборщиков.

4 октября.

Газеты сегодня не вышли, кроме „Правит. Вестника", „Инвалида" и „Света". Положение становится все более и более серьезным. Власти не проявляют власти. На беспорядки, учиняемые толпой, смотрят сквозь пальцы. Автономия университетам все дело испортила—дала возможность в стенах университетов устраивать митинги. Смерть ректора московского университета Трубецкого ухудшила положение, дав повод производить уличные демонстрации.

8 октября.

Сегодня началась забастовка железных дорог вокруг Москвы.

9 октября.

Забастовка железных дорог распространилась далее.

10 октября.

Забастовала сегодня Николаевская жел. дорога.

13 октября.

Получила депешу от сына, Коли, из Козлова. Пишет, что положение там весьма тревожное. В Петербурге тоже тревожное положение. Стачки продолжаются.

14 октября.

Напечатано объявление Трепова относительно сборищ и беспорядков, что будут стрелять, не жалея патронов. Завтра газеты не выйдут, наборщики снова забастовали. Витте был сегодня целое утро у царя, завтракал у него, затем опять занимался с царем. Завтра снова у него. Ожидают завтра или послезавтра объявления об учреждении кабинета министров.

15 октября.

Забастовки продолжаются. Атмосфера очень душная.

16 октября.

Забастовал Путиловский завод. Войска, патрули всюду. Вчера врывались в Палату, Сенат забастовщики и разогнали оттуда присутствовавших.

17 октября.

Оповещение, что завтра будет манифест о конституции и назначение Витте первым министром и министром внутренних дел. Наборщики отказались печатать манифест. Газеты требуют увольнения Трепова и для всех амнистии.

18 октября.

Опубликован манифест. Весь день толпы народа стоят на улицах с красными флагами. Настроение толпы скверное. Витте весь день принимал депутации, говорил с газетчиками. Ночью ожидают сильных беспорядков. Была уже стрельба.

19 октября.

Пришли „Моск. Ведомости" из Москвы. Отставка Победоносцева с рескриптом. Отставка Глазова без оного. Беспорядки в Петербурге продолжаются. Повторение Треповым объявления насчет крепких мер в случае беспорядков. В Гельсингфорсе очень тревожно,—15 тысяч человек явились к дому Оболенского, требуя его удаления. Газеты еще не выходят.

20 октября.

Указ сенату насчет кабинета. Забастовки продолжаются. Неудовольствие, смута растут. От Коли из Тамбова депеша, что там положение ужасное. Клейгельс уволен из генерал-губернаторов. На его место—Сухомлинов. По рассказам видно, что Витте не ожидал такого обострения, смущен. „Правительственное сообщение" приглашает жителей придти на помощь правительству в деле успокоения.

21 октября.

Продолжается прежнее тревожное настроение, особенно в Москве. Электричество сегодня вновь появилось. Ушли в отставку вел. кн. Александр Михайлович и вел. кн. Константин Константинович.

22 октября.

Появились вновь газеты. Тревожное положение продолжается всюду. Объявление Трепова по случаю похорон жертв. Строгие меры приняты.

25 октября.

Многое, что было за эти дни, не успела записать. Назначены министры: вместо Булыгина—временно П. Н. Дурново, вместо Победоносцева—Алексей Дм. Оболенский, вместо Хилкова—Немешаев, Лобко—Д. Н. Шипов (моск.), Коковцова—Ив. Павл. Шипов, из финансов, креатура Витте.

26 октября.

Слух, говорят, достоверный, что Трепов ушел в отставку. Все требования анархистов исполняются!

27 октября.

Трепов назначен комендантом императорского дворца. Вместо вел. кн. Владимира Александровича назначен вел. кн. Николай Николаевич. Погром и бунт в Кронштадте—матросы возмутились. Народилась новая в Петербурге газета—„Новая Жизнь",—хуже доселе бывших.

27 октября.

Мой Коля уехал вчера из Тамбова охранять границы этой губернии от нашествия крестьян Балашевского и Сердобского уездов, где сильные аграрные беспорядки. В Тамбовской губ. тоже неспокойно.

29 октября.

Правительственное сообщение—призыв к порядку. Воззвание Синода к порядку Назначение Толстого (вице-президента Академии Наук) министром народного просвещения. Клингенберг (Могилев) ранен женщиной, во время приема, из револьвера.

1 ноября.

Посылка генерал-адъютантов в Тамбовскую, Саратовскую и Черниговскую губ. по случаю аграрных беспорядков. Морской бунт во Владивостоке.

2 ноября.

Снова забастовка по приказу союза рабочих. Фабрики, заводы, типографии не работают. Варшавская и Балтийская жел. дороги остановились, пока правительство не исполнит требований.

3 ноября.

Забастовки распространяются, газеты не вышли. Дурные вести из Кирсановского уезда Тамбовской губ.—аграрные беспорядки. Сегодня у царя все министры в Царском. Лопухин (юстиция) против объявления Петербурга на военном положении. Около Петербурга забастовало до 100 тыс. рабочих. Витте написал письмо к рабочим — приглашает их снова заняться работой, обещает им улучшить их положение. Ответ рабочих:—„Мягко стелет, жестко спать". Сегодня ночью ожидается приезд в Тамбов генерал-адъютанта Струкова для умиротворения населения. Аграрное движение в Тамбовской губ. разрастается, перекинулось в Тамбовский и Борисоглебский уезды.

4 ноября.

Опубликован манифест—льготное приобретение крестьянами земли. Забастовка продолжается. Телефоны целый день не действовали. Железные дороги из Петербурга не ходят.

6 ноября.

Печальные известия, что на пароходах „Воронеж" и „Владимир" русские военнопленные взбунтовались, что офицерам пришлось просить японцев помочь им, и под японским конвоем пошли эти суда во Владивосток. На одном из этих судов находится адмирал Рождественский. Сказал это Жаконе. В Москве земское собрание вынесло резолюцию революционного характера. Говорят, что завтра в 12 часов окончится забастовка. Газеты начнут выходить 8-го числа. Мнение Максимовича, что опасно смещать Витте, что тогда все пойдет вверх дном, начнется полная революция.

7 ноября.

Сегодня в 12 часов забастовка окончилась. Говорят, арестованы руководители забастовки. Жаконе сказал — 40 человек, m-me Паризо—всего один, главный—Явейн. Все успокаивается.

8 ноября.

Появились газеты и все испортили. Оказывается, в Борисоглебске аграрное движение увеличилось. Напечатано в вечерней Руси", что вице-губернатор Богданович приказал не арестовывать,

а стрелять. Жертв до 100 человек. Все деревенские жители бегут в город.

9 ноября.

Назначен финляндским генерал-губернатором Герард. Признают, что это неудачное назначение.

10 ноября.

Волнение не только не утихает, но всюду разгорается. Вчера было совещание у царя насчет печати. Решено издать некоторые по этому поводу законы. Обостряется вопрос почтово-телеграфный. Чиновники устроили союз. Начальство—Дурново и Севастьянов запретили эти союзы. Чиновники угрожают забастовкой.

12 ноября.

Тревожные вести из Севастополя—матросы и рабочие взбунтовались там. Вел. кн. Николай Николаевич сказал Рейнботу, что царь заплакал, когда ему сказали про Финляндию, про измену Оболенского. Харитоненко, бывши у Витте, спросил, что ему делать с аграрным вопросом. Витте нервно ему ответил:

—„Продавать земли через крестьянский банк".

13 ноября.

Ужасный день для Севастополя—бунт морских, сухопутных и рабочих. Вечером Бурдуков из достоверных источников (от Витте, через Мануилова) сообщил, что якобы бунт утихает. Что-то не верится, так как тот же Бурдуков в $2^1/_2$ часа дня сказал совсем другое, что Чухнин просил скорее подкрепления, что у него всего батальон войска, а буде он подкрепления к вечеру не получит,—придется сдать Севастополь мятежникам. И это тоже было у него из верных источников, от Витте.

15 ноября.

Из Севастополя плохие вести. Город объявлен на осадном положении. Матросы в казармах выкинули боевой флаг. Войска туда стягиваются. Говорили сегодня, что в Петербурге рабочие (6 тысяч человек) вооружились, образовали дружину из 300 человек, разделились по 10 человек и ночью охраняют своих единомышленников от арестов.

16 ноября.

Ужасные вести—„Очаков" сдался, горит. Забастовали все телеграфы по всей России. В почтамте осталось мало чиновников на местах. Говорят, что завтра и почта забастует. На Николаевской жел. дор. между Петербургом и Москвой только железно-

дорожный телеграф пока действует. Севастопольский морской бунт в совете министров Бирилев назвал „балаганным бунтом“. А про самого Бирилева говорят, что он—„балаганный министр“. Это вернее!

17 ноября.

Отрезаны мы от России и Европы—телеграфного сообщения нет, почта тоже забастовала, вагоны в Москве с корреспонденцией не разгружались. На 21-е ожидается здесь общая забастовка всего, даже полиции.

18 ноября.

В Севастополе теперь успокоилось. Лейтенанта Шмидта, который начал там бунт, поймали. Почтовая забастовка бог весть когда еще кончится. Дурново при свидании с Соколовским говорил, что не верил, что удастся забастовщикам устроить подобную забастовку. Положение в России все более и более становится тревожным. Пресса все смелеет.

19 ноября.

Сообщение „Агентства“, что 18-го состоялось учредительное собрание местной группы к.-д. Это угрожает скверным.

20 ноября.

Почтовая стачка продолжается. Завтра ожидается общая забастовка всего, т.-е. и железных дорог. Говорят, будто 3 тысячи извозчиков забастовало. Идут слухи, что якобы и полиция забастует. В Воронеже очень неспокойно. Говорили, что там взбунтовался батальон запасных солдат, в тюрьме был пожар, стрельба на улице и проч. Слух, что пол Ревеля сгорело.

21 ноября.

Был граф А. П. Игнатьев. Он говорил про союз землевладельцев, что имел бы больше успеха, если бы иначе назывался и вместо самодержавия ратовал бы за царя.

22 ноября.

Убит в квартире губернатора в Саратове генерал-адъютант Сахаров женщиной, которая вошла в дом губернатора и выстрелила в Сахарова три раза. Много лиц из общества работали сегодня на почте. „Русь“ им угрожает. Все газеты всех лагерей ругают Витте.

23 ноября.

Забастовка почты продолжается. Требований их не исполняют. Вместо Сахарова назначен Максимович, а вместо Дубасова—Пан-

телеев, а Дубасов назначен в Москву генерал-губернатором вместо Дурново.

24 ноября.

Идет страшная анархистская пропаганда в войсках—перетянуть их на сторону революции. Каждый день Витте все больше и больше теряет почву под ногами, никто ему не верит. Пресса всех оттенков его ругает. Страшно достается также Дурново, даже больше, чем Витте. Убитого генерал-адъютанта Сахарова не щадят в газетах, говорят желчно про его варварское отношение к крестьянам во время усмирения аграрных беспорядков.

26 ноября.

Арестован сегодня в первом часу дня известный ныне Хрусталев (Носарь) и заключен в крепость. Вместе с ним взято 3 человека, которые не хотели себя назвать. Находятся они в доме предварительного заключения. На-завтра вследствие этого обещают общую железнодорожную забастовку. Теперь, возможно, начнутся требования, чтобы этого Носаря освободили.

27 ноября.

Завтра, говорят, будет манифест о земле для крестьян и о четырехвостных выборах. Везде на Руси, то здесь, то там,—забастовки. Рига совсем отрезана от других городов.

28 ноября.

Вуич (брат теперешнего директора полиции) про Рачковского не очень-то симпатично отзывался, что он-де командовать любит, а не исполнять приказания. Бурдуков (подголосок Витте) говорил, что необходимо, чтобы царь присягнул конституции, чтобы были постановлены в Думу для избрания четырехвостные выборы в городах и двух степеней для крестьян, если так будет, то еще возможно восстановить порядок.

30 ноября.

Булгаков сказал, что в Бресте полное возмущение, город в руках мятежников. Завтра московская депутация представляется в Царском Селе царю.

1 декабря.

Представлявшиеся вчера царю московские депутаты вернулись из Царского разочарованные, с тяжелым чувством—потерпели они полную неудачу. В Риге положение, по слухам, все ухудшается. Там якобы учреждено временное правительсто. В Гельсингфорсе и во всей Финляндии образовывается целая национальная фин-

ская армия. Телеграф еще бастует, почта не везде еще работает. Революционеры не бездействуют.

2 декабря.

Сегодня 8 газет арестованы по случаю того, что напечатали манифест рабочих, большими буквами „манифест". Сказал Бурдуков, что назначен новый министр юстиции—Акимов, и приэтом восхвалял его. Когда я сообщила об этом по телефону Максимовичу, он верить не хотел, сказал, что Акимов очень нехороший, что с ним он не останется служить.

3 декабря.

Шебуева, редактора „Пулемета", за возмутительный рисунок присудили на год в крепость. Сегодня арестован весь „Союз союзов" (до 200 чел.) и все присутствовавшие в их числе во время заседания Экономического общества. Иностранных корреспондентов выпустили. Союз типографщиков требует, чтобы газеты напечатали манифест революционеров, иначе газеты печатать не хотят. „Новости" сегодня не вышли, так как Нотович не решился это печатать. 8 газет за напечатание остановили.

4 декабря.

Тревожные вести из Москвы: все 4 полка московского гренадерского корпуса отказались повиноваться начальству.

7 декабря.

В Москве началась общая политическая забастовка. Все железные дороги, кроме Николаевской, забастовали. Электричество потухло, конки не ходят, и прочие беды. Из Риги и Митавы угрожающие известия. Эти губернии в полной анархии. Латыши поголовно восстали. Завтра, в 12 часов дня, ожидается здесь забастовка, подобная Московской.

8 декабря.

Вчера объявленная здесь забастовка осуществилась. Железные дороги прекратили движение, электричество потухло, 70 тысяч рабочих пока бастуют. Завтра, говорят, и газет не будет. В вечернем выпуске „Молвы" напечатано на первой странице, при каких условиях прекратят забастовку.

9 декабря.

В Москве большие беспорядки. Толпы народа ходят по улицам с красными флагами. Войска их разгоняют. В Петербурге забастовка продолжается, но на улицах пока спокойно. В Тамбове, Козлове и уездах объявлено военное положение и усиленная охрана.

10 декабря.

В Москве ужасы творятся—стрельба, бои, бомбы. В Петербург на улицах спокойно. Забастовка здесь не удалась, не идет дружно А. П. Никольский пришел в 12 часов ночи просить Е. В. устроить казаков охранять редакцию „Нового Времени". Так как „Новое Время" выходит ежедневно, то его грозят разгромить. Е. В. сказал об этом по телефону Дедюлину и охрану туда послали.

11 декабря.

Говорят, что в Москве стрельба продолжается, убитых и раненых до 10 тыс. человек. Пронесся слух, будто войска в Москве отказались стрелять.

12 декабря.

Все митинги запрещены. В эту ночь ожидают нападения на дворец, т.-е. на помещение Витте. Приняты меры предосторожности. Хотя все это тревожно, но, по словам Бурдукова, Витте озабочен финансами, так как нет ни откуда поступлений и государству придется объявить себя банкротом.

1906 год

27 января.

Сегодня ранен в Севастополе адмирал Чухнин бабой, которую он тут же приказал своему ординарцу застрелить (сказал Севастьянов).

На Шлиссельбургском шоссе в чайную, в которой собирались лица, принадлежащие к „Союзу русского народа“, брошена была бомба сегодня. Много раненых (сказал Бутовский).

31 января.

Снова, повидимому, все закипает. Дедюлин сказал, что разрешение снова митингов добра не принесет. Он нетерпеливо ждет Лауница, который все не едет, струсил, боится, как и все время в Тамбове боялся, подставлял других под пули и бомбы. Валь говорил, что корень наших бед—молодая царица, которая вся под влиянием Витте, ухаживает за его женой и за ним. Грингмут вчера говорил про Дубасова, что он для усмирения еще годится, но как администратор никуда не годен, что если бы он прибыл в Москву за месяц до беспорядков, то была бы совсем другая картина, а так как он прибыл накануне открытия беспорядков, то и удалось ему их подавить. Сейчас Дедюлин сказал, что вчера в полночь был у Дурново, прямо спросил его, уходит ли. Дурново отвечал, что несколько часов назад был у царя, который очень был к нему милостив, благодарил его за его действия и просил его с той же неуклонной твердостью продолжать действовать, что он не уходит.

3 февраля.

Никольский вчера высказывал, что ни один министр так не игнорировал законы, как Витте, когда был министром финансов,—деньгами распоряжался бесконтрольно, срывал высочайшие повеления, что никогда у нас не было такого легкомысленного правительства, как теперь. Мнение Никольского, что проект Кутлера об отчуждении земель крестьянам прямо воспламенит всю Россию. В комиссии по этому вопросу под председательством Гурко, где сидит также Никольский, все против проекта Кутлера, который в частном заседании объявил присутствовавшим, что царь сочувствует его проекту. Наша главная беда, что царь—бесхарактерный, бездарный, он все губит. Н. А. Зиновьев говорил, что в Гос. Совете много тратится времени на болтовню, двое говорят, напр., долго, долго, без всякого толку, Сольский делает резюме заседания

шопотом, никто не слышит, записок о заседаниях не рассылается, затем, в общем собрании отбарабанивает докладчик доклад о предыдущем заседании, члены подписывают без оговорок, не ведая, что подписывают. Витте за последнее время тянет все правее и правее в убеждениях, которых у него нет, и поэтому выходит, что „правая" в недоумении—его туманных мнений не может понять, ему не верит.

4 февраля.

Один из членов Гос. Совета сказал, что вчера, во время заседания, Витте объявил громогласно, что Кутлер оставляет государственную службу, переходит на частную. Тульский губернский предводитель Еропкин сказал про себя, что консервативное направление он получил в лицее Каткова, что сыну Льва Толстого, Андрею, достаточно было пробыть в лицее $1^1/_2$ года, чтобы и в нем развилось консервативное направление, что из этого лицея с иным направлением не выходят.

5 февраля.

Стишинский говорил про нахальство Витте, как он в заседании Гос. Совета, когда вопрос шел о ссудах крестьянским и дворянским банкам, обратился к присутствовавшим с речью о проекте Кутлера насчет отчуждения земель и приэтом сказал, что этот проект привезен был, как мысль, одним из генерал-адъютантов, который был послан усмирять аграрные беспорядки гипнозом (т.-е. царем), был внушен одному из министров (Кутлеру), что рассматривался в совете министров, все министры были против этого проекта, но сам он, Витте, был ни за, ни против, так как бывают случаи, когда отчуждение является необходимостью, как, напр., чересполосица, водопои и проч. При начале своей речи Витте сказал, что отчет Гос. Совету он не обязан давать в своих действиях, как глава государства, что обязан его давать только царю и своей совести. В конце же речи он сказал, что Кутлер оставляет государственную службу. Затем он назвал два имени генерал-адъютантов, которые якобы привезли этот проект,—Струкова и Дубасова. Новую газету „Русское Государство", которая выходит добавлением к „Правит. Вестнику", все считают безобразной газетой. Ее ведет Гурьев, протеже Витте, ассигновано, чтобы ее поставить, 600 тыс. руб., сотрудники там—Колышко, Мамонов, все клевреты Витте. Никольский и Стишинский возмущены ее направлением. По мнению Стишинского, проект Кутлера провалил германский император Вильгельм, который виделся с Коковцовым, когда тот проезжал через Берлин. Вильгельм спросил Коковцова насчет этого проекта, Коковцов отвечал, что, кажется, он отложен. На это Вильгельм сказал, что знает, что проект усиленно разбирается, и поручил Коковцову передать царю, что если этот проект будет решен утвердительно, то тогда Вильгельм не будет знать, что ему делать с германскими социалистами. То же

помогли провалу этого проекта две статьи „Киевлянина“, Пихно, где он резко разбирает проект и циркуляр Кутлера.

6 февраля.

Н. А. Зверев высказывал сегодня, что искренности П. Н. Дурново не верит, что действует он круто по соглашению с Витте, по его указке, но что соглашение это есть, иначе не держал бы его Витте в своем кабинете министров, что тоже по взаимному соглашению у них якобы нелады, но промеж себя согласье. Витте все репрессии сваливает на Дурново, сам либеральничает якобы, но эти репрессии идут от Витте.

8 февраля.

Вчера Дедюлин громко сказал, что устроил охрану новому градоначальнику, что поручено им 20-ти полицейским его охранять. Лауниц слышал эти слова, не сморгнул, ничего не сказал, но сделал вид, будто это его не касается. Этот трус, мне думается, скоро провалится, цену его скоро узнают. Вчера говорили, что тверской губернатор Слепцов не позволил в Твери открытие „Союза русского народа“. Про это возмущенно говорит Дубровин.

10 февраля.

Был Н. Д. Чаплин. По нем, положение России не только не улучшилось за это время—напротив, сверху как-будто потише, но внутри кипит еще сильнее, взрыв неминуем, а правительство не знает, чего хочет, какой программы ему держаться, Витте никто не понимает. Зиновьев говорил, что П. Н. Дурново премьером не годится ради его прошлого, а затем, что он очень легкомысленный, что в этом он не раз убеждался. Витте в заседани совета министров недавно сказал, что министерство внутренних дел менее других бывает осведомлено, например, относительно Гапона в прошлом году оно было уверено, что 9 января Гапон бежал за границу в день, когда были в Петербурге беспорядки, а на самом деле Гапон спокойно оставался в Петербурге и почти ежедневно в продолжение 10 дней часа по два сидел у него, Витте.

11 февраля.

Разговоры про Витте не умолкают, все его ненавидят и все боятся. По словам Зиновьева, один Дурново с ним более других смел, что впечатление такое, что оба они друг друга побаиваются. Дурново сказал Зиновьеву, что у него с Витте отношения кисло-сладкие. Земский съезд, который заседает теперь в Москве,—Шипова, Гейдена и К°, Мордвинов назвал съездом жирондистов. Приэтом он сказал, что этот съезд организован хорошо, отчеты о нем ежедневно всюду печатаются, чего нет у монархических

съездов, но до власти, по его мнению, эти жирондисты не доберутся,—у них оправдывалось правительство на съезде за принятие репрессивных мер против революции, а теперь они требуют свободы. Первое им революционеры не спустят. Говорил Мордвинов: предупредить Лауница, что, в полиции много поляков, что это — люди опасные, что теперь они знают, кто бросал бомбы в гостинице „Тверь" в членов „союза русского народа", но скрывают их, и все они на свободе. Грингмут сделался оратором, все говорит речи в монархических союзах, а теперь в Русском Собрании говорил и, говорят, что очень хорошо. Все эти союзы и речи, даже хорошие союзы и речи, до добра не доведут.

13 февраля.

Мордвинов пришел рассказать про вчерашние блины всех партий „Русского Собрания". Там говорились речи уж через край зажигательные. Грингмут громил Витте. Собрание речью Грингмута было наэлектризовано. Затем говорил Дубровин очень смело и резко, что якобы Витте посадил царя в клетку. Эти слова вызвали такое негодование присутствовавших, что вся масса, которая там находилась, закричала:—„Где живет Витте? Пойдем, убьем его!" Эти люди, вместо пользы, много вреда приносят России, только мешают успокоению. Стишинский сказал про Немешаева (министра путей сообщения), что он прямо социалист, что он сам слышал, как Немешаев говорил Витте, что получил известие из Москвы (это было во время беспорядков там), что густая толпа с двух сторон берет штурмом Николаевский вокзал и что нет сомнения—его возьмет. Тут же близко при этом разговоре находился П. Н. Дурново, к которому Стишинский обратился со словами, что поражен его спокойствием при этом известии. На это Дурново отвечал, что подобного ничего нет, что это известие получено Немешаевым от забастовщиков, с которыми он все время находится в сношениях.

14 февраля.

Стишинский признает Клейгельса вором и глупым. Как доказательство первого, приводит, что у него два богатых имения в Новгородской и Виленской губерниях, богатое серебро и проч.

15 февраля.

13-го убит на Путиловском заводе помощник директора Назаров. Еще убиты два инженера—Иванов в Варшаве и Рухлов в Гатчине. Б. В. Никольский за достоверное сказал следующее. На-днях Витте, говоря про манифест 17 октября, сказал, что

он-де был дан потому, что правительство сомневалось в верности войск, ожидалось их возмущение, что они перейдут на сторону революционеров, поэтому и поторопились с этим манифестом. Будь уверено правительство в войске, никогда бы этого манифеста не было.

16 февраля.

Сегодня у царя заседание насчет преобразования Гос. Совета. Вполне согласна со Штюрмером, что теперь только жалко и смешно слышать все эти разговоры Грингмута, Никольского (Бориса) и других, с пафосом ратующих за самодержавие, все это—„рыцари печального образа“, Дон-Кихоты. Пока у нас этот царь, порядка в России не будет, нечего его ожидать. Теперь все идет через пень-колоду, у каждого свое мнение, свое убеждение, все про них кричат и у всех языки на свободе. Вчера был Андреевский, бывший воронежский губернатор, смещенный за бездействие власти.

17 февраля.

Вчера представлялась царю депутация из Иваново-Вознесенска. Царь сказал этой депутации следующее: „Благодарю. Я верю вам и ценю ваши чувства. Передайте вашим братьям и единомышленникам, что я, как встарь, буду самодержавный и неограниченный. Милости, дарованные манифестами, я исполню для блага всего моего народа“.

18 февраля.

Прямо противно это теперешнее настроение якобы „положительных“, „уравновешенных“ патриотов, людей известного возраста. С ними творится что-то необычайное, они верят в „неограниченное“ самодержавие, о котором говорит безвольный, малодушный царь, радуются этим словам, как первой победе над либералами-конституционалистами и революционерами, не понимая, что эти слова приближают только час кровавой развязки. Вчера П. Н. Дурново говорил, что в заседании, которое было у царя после приема иваново-вознесенской депутации, шепотом передавался смысл слов царя депутатам, но точно текста не знали. Говорили, что будут напечатаны слова царя иваново-вознесенской депутации без слова „неограниченный“. Все эти пустые восторги над пустыми словами царя мне кажутся такими жалкими, смешными, и мне совестно слышать все это от серьезных людей. Все как-будто забыли прошлые забастовки, все прошлые ужасы, как-будто все это и не существовало, все успокоились на вид и только восторгаются собственными речами и деяниями. Про анархистов забыли, а они не дремлют и не сегодня-завтра дадут о себе знать в грозной форме.

19 февраля.

Вот как напечатали слова царя иваново-вознесенской депутации:

„Знаю и ценю ваши чувства. От души благодарю вас и в вашем лице всю самодержавно-монархическую партию. Передайте всем уполномочившим вас, что реформы, которые мною возвещены манифестом 17 октября, будут осуществляться неизменно, и права, которые мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы; самодержавие же мое останется таким, каким оно было встарь. Спасибо вам за вашу преданность". Верно сказала Урусова (жена полтавского губ-ра), что эти слова, даже и с изменением напечатанные, только поведут к новым смутам и новым жертвам. Ее впечатление, что Петербург не знает провинцию, что здесь спокойно танцуют на вулкане. Батьянов говорил, что правда, что Линевич (главнокомандующий) поддался стачечному комитету, поверил, что в России уже временное правительство, что царь с семьей бежал за границу, все правительство убито и проч.—совещался со стачечниками, имея за собой 700-тысячную армию.

20 февраля.

Был Рейнбот. Насчет предполагающейся поездки царя в Москву сказал, что, пожалуй, ему теперь туда и можно бы ехать, но только скорей, так как теперь вся революционная партия там дезорганизована, и может скоро опять соорганизоваться. Сказал Рейнбот, что в Москве Дубасова приходится оберегать от покушений, да и сам он находится не в безопасности.

21 февраля.

Говорили, что Гапон в Петербурге орудует, но где—неизвестно. Прислал он письмо в „Новое Время", написано как бы из-за границы, но без адреса. Булгаков не позволил его печатать.

23 февраля.

Сегодня Н. А. Павлов говорил, что хочет вызвать на дуэль Д. Ф. Трепова, послать ему секундантов, что действует он нечестно, и вот по какому поводу. В прошлом году, в апреле месяце, Трепов, узнав, что у Павлова есть очень важные бумаги относительно Ялу и участия в концессиях там известных уже всем личностей, но плюс Витте, а в особенности сам царь, который по этим бумагам не менее других скомпрометирован— вызвал Павлова к себе, бывши тогда петербургским генерал-губернатором, и, зная, как Павлов ненавидит Витте, просил Павлова помочь ему спустить Витте. На это предложение Павлов поддался, хотя теперь выяснилось, что Трепов поставил ло-

вушку Павлову, который поймался и доверил Трепову все документы, касающиеся этого дела. Павлов говорит, что он убежден, что царь читал все эти документы. В них есть одна бумага, в которой есть 17 пунктов обвинения Витте. Несмотря на заверения Трепова, что после этих документов песня Витте спета, Витте остался нетронутым. Вскоре после этих свиданий с Треповым Павлов уехал за границу. Вернувшись в Россию, он убедился, что бумаги, им данные Трепову, цели не достигли. Тогда он в „Московских Ведомостях" написал громовую статью (в мае) против Витте. Витте всполошился, прислал Колышку, просить Павлова принять Витте в 8 час. вечера. Раньше, чем дать ответ, Павлов поехал к Трепову, который ему сказал, что Витте более, чем когда-либо в силе, и что он ему советует лучше поехать самому к Витте, чем принимать его у себя на дому. Павлов так и сделал. У него было 4 свиданья с Витте за 4 дня, продолжавшихся по 2 часа. Потом Павлов уехал в деревню. Вернувшись из деревни, Павлов виделся с Треповым, который ему сказал, что Витте пользуется полным доверием царя. Увидав, что документы не принесли пользы, Павлов потребовал от Трепова их ему вернуть. Трепов только часть ему возвратил, но главное удержал, сказав, что находится на расследовании у Рихтера и Череванского. Если же теперь Трепов ему их не вернет все, то Павлов намерен драться с ним на дуэли, так как Трепов, который весь перешел к Витте, может с помощью этих документов навлечь на Павлова клевету, что он-де хотел скомпрометировать ими царя.

24 февраля.

Мордвинов видел у Дурново царский указ, чтобы впредь все депутации и адресы представлялись Витте раньше, чем быть принятыми царем. Витте все крепче и крепче забирает царя в руки. А. Н. Куломзин говорил, что во всех этих беспорядках, которые творятся в России, виноват Плеве, что не утвердил тогда Д. Н. Шипова председателем губ. земск. моск. управы, а теперь Шипов будет избран от Москвы членом в Гос. Совет, куда должны избрать от дворянства 18 человек. Куломзин хвалил Рейнботу (моск. градоначальник) братьев Гучковых, про которых не очень горячо откликнулся Рейнбот. Это побудило Куломзина ему сказать, что, кажется, он не разделяет его мнения, что на этих братьев Гучковых он может опереться.

27 февраля.

Не только смута не успокаивается, но разгорается снова. В окрестностях Ялты громят удельные имения, в Царстве Польском каждый день несколько убийств, по всей России аресты не прекращаются. Сегодня есть сведения, что арестован, наконец, пресловутый Гапон. А чиновный Петербург в это время покоится

как бы в уповании, что главная смута подавлена, что все начало успокаиваться,—начались снова и приемы, и балы, и театры и проч. увеселения.

28 февраля.

Вчера по телефону сказала Никольская, что муж ее назначен министром земледелия. Мне жаль Алексея Петровича. Он—дельный, умный, но скромный, а теперь надо, чтобы министры были нахалы, иначе их заклюют. Министру надо уметь выказывать авторитетность, самоуверенность. Все это не дано Никольскому. Фигура его тоже будет ему мешать, у него такая скромная наружность.

1 марта.

Бутовский рассказывал про Лауница, что у него хаос в делах полный, разобраться он не может. Докладчик Пугач с унынием смотрит на его стол, экстренные пакеты не распечатываются, распоряжения по три дня задерживаются, просителей сам Лауниц не принимает, а за него принимает его помощник Сосновский,—самосохранение у Лауница на первом плане, других подставляет под пули. 27 февраля в совете министров Витте в присутствии Лауница высказывал Дурново, что одним обществам и союзам Лауниц мирволит, а других не разрешает, что так не должно быть. На это Лауниц необдуманно выпалил, что он вполне индифферентно относится и к тем, и другим, что он здесь еще недавно и что они ему вполне безразличны. Возможно ли подобное отношение и подобный взгляд у градоначальника! Теперь правитель канцелярии Лауница решил ни одного конверта не подавать запечатанным, всегда раньше его знакомиться с делом. Вчера Максимович по телефону сказал, что окружный суд приказал арестовать листок против евреев, напечатанный в типографии градоначальства. Оказался этот листок написанным чиновником министерства внутренних дел Лавровым, большой дрянью, прошел цензуру цензора Соколова. За свое сочинительство Лавров изгнан из министерства внутренних дел. По поводу этого листка ясно обозначается неумелость Лауница, его незнание законов, его скоропалительность. Вникать в дело он не умеет,—записывает то, что говорится в разговоре, и записывает то, что к данному делу не относится, а совсем к другому делу относится. Вместо Воронцова посылают на Кавказ наместником принца Луи-Наполеона. Про него дурные сведения. Армяне его купили подарком, когда его посылали в Кутаис усмирять,—подарили ему красавицу, которой он пленился, заперся с ней и о беспорядках забыл. Теперь эта красавица всюду ему сопутствует и за нее армяне у него в фаворе. Ванновский говорил про войну японскую, что мы в Манчжурии были многочисленнее японцев, что артиллерия наша была лучше японской, что тяжело сознаться, что всему виной беспечность рус-

ских; чувство самосохранения преобладало в нашей армии, патриотизм отсутствовал, дисциплины не было никакой.

2 марта.

В Москве чувствуется тревожное в воздухе. Вчера вытребованы были из Твери войска для охраны там Николаевского вокзала. Что все еще не успокоилось,—в этом и сомнения нет, только правящие сферы желают убедить в этом население, но цели не достигают. Еще много видов придется перевидать. Сегодня большой бал у министра внутренних дел Н. П. Дурново. Дурново—умный человек, а делает глупость; теперь давать балы, это—танцы на вулкане.

6 марта.

Сегодня Чухнин утвердил приговор над лейтенантом Шмидтом. Изменил только одно—вместо повешения—расстрелять.

7 марта.

Сегодня приговор над лейтенантом Шмидтом приведен в исполнение. Стишинский говорил, что думал, что его помилуют, что здесь усиленно работали, чтобы его помиловали. Вчера Витте в Гос. Совете был в очень возбужденном состоянии, он стоял за помилование Шмидта. Сегодня сказал Зилотти, что Грингмут предается или уже предан суду за свои газетные патриотические статьи и за свою патриотическую деятельность. Теперь у нас все возможно. Возле Грингмута теперь соединяется большая партия монархистов; понятно, что расчет Витте—уничтожить престиж Грингмута. Этот суд может породить в России массу скандалов и беспорядков. Непонятен царь, который ненавидит Витте, его боится и все-таки держит его. Мне всегда казалось, что у Грингмута недостаток, что он хватает через край.

8 марта.

Вчера распространился слух, что якобы в Севастополе, по случаю казни Шмидта, морской бунт. В Москве случилось печальное происшествие: из Купеческого общества или банка украдено 875 тысяч руб. при сказочной обстановке: ворвались туда 20 революционеров, которые терроризировали 100 служащих, взяли у них из кассы деньги и скрылись.

9 марта.

По Петербургу упорно распускается версия, что расстрелянный Шмидт пять раз был у Чухнина до бунта „Очакова" и говорил ему, что будет бунт, но Чухнин не хотел ему верить. Сегодня известно, что якобы Витте уходит и на его место—

Коковцов. Насчет кражи из банка в Москве 875 тысяч говорят, что банк сам устроил себе эту кражу, что его дела были плохи.

10 марта.

Петербургская духовная академия заставила викария Сергия служить панихиду по казненном лейт. Шмидте. Не богу эти будущие отцы молились, а протестовали этим против правительства.

12 марта.

Говорят об уходе Витте, что он-де вот уже два дня не был в комитете министров. Называют его заместителями Муравьева и Коковцова. Но все это только говорят, а пока и министры, и Гос. Совет работают много, но едва-ли плодотворно, над новым укладом России. Все нервны, все озабочены, многие дела совсем не понимают.

14 марта.

Снова начинают говорить о забастовках, как о возможном явлении, но теперь надеются, что эта забастовка не удастся так же дружно, как прошлая. По всему чувствуется, что у революционеров есть деньги, что деньги, украденные в Москве, во Взаимном кредите, с помощью, как говорят, одного из директоров этого общества—Вишнякова, пойдут на революцию.

16 марта.

Кутепову сказал Поливанов, что генерал-адъютант Линевич произвел на него впечатление хитрого хохла, себе на уме, который сумеет и здесь пролезть и займет еще здесь высокую военную должность, что делает впечатление не такого уж глупого и ramolli, как про него говорили. Вчера разбиралось в Сенате дело Курлова и Нейдгардта, которых судили за бездействие власти. Решили это дело оставить без последствий.

17 марта.

Завтракал с нами Мосолов, говорил, что Фредерикс ко всему хладнокровно относится. Теперь он за границей. Мосолов послал ему очень подробное письмо про все, что здесь творится тревожного. На это письмо Фредерикс спокойно телеграфировал Мосолову, что вернется к 25 марта, про дела ни слова не говорит, спрашивает только, как предположено праздновать конногвардейский праздник. Рассказывала m-me Moulin, что Плеве хотя и получал массу угрожающих писем, думал, что покушение на него не удастся, что после неудавшегося покушения он может сделаться героем. Пока еще успокоения не ощущается. Сегодня в Смоленске убит жандармский офицер Гладышев, в Варшаве

тоже убит контролер трамвая. Вчера гр. Доррер, которая давно и хорошо знает Дурново, говорила, что не верит, чтобы он искренно действовал, чтобы он выдержал свою роль, что он— ненадежный человек.

19 марта.

Запретили сегодня „Союзу русского народа" собираться в Конногвардейском манеже. Накануне Дубровин и Булацель про это распоряжение не знали. В этом запрещении усматриваются козни Витте. У Максимовича в Палате 16-го марта был Гапон, держал себя непринужденно.

21 марта.

Штюрмер вчера высказывал, что более всего тревожно то, что в Царском Селе царь не отдает себе отчета в настоящем положении России, что у него повязка на глазах. Вспоминал Штюрмер аудиенцию у царя полтавского губернатора кн. Урусова, который говорил царю, что положение неспокойное, даже угрожающее, что аграрное движение неминуемо. На это царь отвечал, что он спокоен, что подавить это движение всегда будет можно, что войска преданы и с их помощью все легко успокоить.

22 марта.

Все интересуются результатами выборов выборщиков членов Думы. Для консервативного лагеря результаты неутешительны: партия кадетов одержала верх, их 80%, так что Дума будет, по всем вероятиям, революционная и не замедлит провозгласить Учредительное Собрание.

25 марта.

Вчера Павлов говорил, что саратовский губернский предводитель дворянства Ознобишин был очень удручен после своего представления царю, которого нашел вполне безучастным ко всему, что творится в России. Впечатление Ознобишина, что все, что он говорил царю про безвыходное положение России, царь не слушал, его мысли были далеки от этого разговора, где-то витали далеко. Уж не первый Ознобишин это говорит, многие замечали такое ко всему равнодушное отношение царя. Сегодня есть сведения, что в Женеве задержан один из участников кражи во Взаимном кредите. У него нашли 37 тысяч руб. Насчет выборов в Думу: почти везде торжественно выбираются кадеты.

26 марта.

Вчера сообщили нам по телефону, что убит бомбой тверской губернатор Слепцов. Про теперешнюю политику репрессий Дур-

ново Н. А. Зиновьев сказал сегодня, что ее не одобряет, что Дурново, приняв систему Плеве, машину Плеве пустил в ход и не сказал ее, что при Плеве машина была уже стара, а теперь и никуда не годна, что от строгих мер и арестов прока не будет.

27 марта.

Мордвинову сказали в департаменте полиции, что там известно, что с 17-го марта анархисты решили действовать террором—убивать начальствующих лиц в губерниях, что об этом оповещены губернаторы. Первая жертва, видно, Слепцов.

28 марта.

Сегодня печальные известия о выборах в Москве. Там то же приключилось, что и в Петербурге: кадеты восторжествовали, прошли кадеты самой яркой окраски. В Курске—то же, особенно в Харькове. При таких выборах Дума внесет смуту. Маркова говорила, что на приеме итальянского посла пресловутый Бурдуков к ней приставал, чтобы она высказала свое мнение насчет выборов в Петербурге в Думу. Он ей доказывал, что избраны все люди дела, которые поведут дело хорошо. Бурдуков снял маску—стал либералом. Шалберов сказал, что Трепов хорошо охраняет царя.

30 марта.

Вчера навестил меня Штюрмер. Он сказал, что 27-го марта был у царя Витте, что снова его запугал, что он царю сказал, что торжество кадетов на выборах было вследствие репрессивной политики Дурново, которая всех обозлила. По словам Штюрмера, дни Дурново, как министра внутренних дел, сочтены, что идет теперь глухая вражда между Витте и им, и осилит непременно Витте. Ватаци ушел из министерства внутренних дел в сенат. На его место называют Крыжановского, про которого молва, что он „и нашим, и вашим", смотря по обстоятельствам. Грингмут приуныл. Новое распоряжение о том, чтобы не допускать к царю крестьянские депутации, ему не по сердцу. Хотя, правду сказать, какой толк вышел из всех этих депутаций: царь только дискредитировал себя,—говорил им одно, а делалось другое. Теперь новый циркуляр Дурново, доказывающий, что хотят снова перейти к другой политике: „предлагается губернаторам, по возможности, в меньшей мере прибегать к силе оружия при возникновении беспорядков".

1 апреля.

Завтракал Грингмут. Говорил, что эта Дума сменится крестьянской. Царь же, по его рассказам, когда ему сказали, что будет крестьянская затем Дума, высказал на это удовольствие,

что крестьяне-де его любят. На это ему сказали, что крестьяне потребуют земли. Ответ царя был: „тогда им покажут шиш". На это пришлось сказать: „они взбунтуются". Ответ царя: „тогда войска их усмирят". Не понимает царь своего положения, не понимает, что доживает царем теперь последние дни.

2 апреля.

Светлое Христово воскресение. Всех привело в смущение, что снимают флаги с домов и отменена иллюминация. Распространился слух, что якобы убили одного из министров (читай: министра внутренних дел), но разъяснилось это тем, что умер вел. кн. Михаил Николаевич. Павлов говорил, что кадеты выпустили уже свою программу и свою ligne de conduite. В самом начале они предполагают привлечь к ответственности всех тех лиц, которые им неприятны, Дурново в том числе, затем займутся наделом землей крестьян и национализацией земли. Вслед за этим уже будет у них создано Учредительное Собрание, а затем—республика.

3 апреля.

Сегодня объяснилось, почему вчера сняли флаги. Оказалось, что вел. кн. Михаил Николаевич жив, а сделано было распоряжение насчет флагов ради того, что собирались беспорядки: молодежь хотела идти к местам заключения, их поздравлять с праздниками, затем были попытки вывесить красные флаги.

4 апреля.

Вчера была депеша из Борисоглебска (Тамб. губ.) об убийстве там подъесаула Абрамова. Его страшно преследовали либеральные газеты за то, что он после выстрела в Луженовского истязал каблуками и кулаками девицу Спиридонову, которая стреляла в Луженовского. И вот теперь эти люди убили этого Абрамова. До сих пор Спиридонову еще не судили.

Доктор царицы Марии Федоровны рассказывал Ванновскому, что на-днях был вызван к царице в Гатчину и там видел царя. При виде царя он остолбенел: царь был одет в высокие сапоги, плисовые шаровары, красную рубашку и желтый пояс. Доктор не смекнул, что это костюм императорских стрелков, который, правду сказать, производит впечатление шутовского наряда. Говорят, что царю этот наряд очень нравится и он его часто надевает. Про выражение лица царя доктор сказал, что выглядит царь совсем спокойным и беззаботным. Вчера нам говорили, что „Союз 17-го октября" имеет до 300 человек избранных в Думу из числа членов союза, но что все-таки большинство избрано кадетов. Что кадеты были в „Союзе 17-го октября" и высказывали там сожаление, что не поровну избрано, что тогда

Дума была бы устойчивее, теперь же кадеты боятся, что Дума может не быть принята au sérieux, что ни одно кадетское дело не пройдет в Гос. Совете.

7 апреля.

Теперь всех интересует Дума, которая соберется 27-го. Называют Думу „мужицкой" Думой, так как туда масса мужиков попала, но все эти мужики—прогрессисты. Вчера Лауниц говорил, что следует подумать об этих мужиках, устроить им помещение, где бы они могли жить и кормиться, и чтобы было при этом косвенное на них воздействие людей консервативного лагеря. Лауниц, по его словам, четыре раза говорил об этом Дурново, что следует ассигновать на такое помещение 10 тыс. руб., но Дурново отвечает: денег нет. А это очень важный вопрос. Говорят, что Гапон пропал: несколько дней тому назад ушел из дома и не возвращался. Умер бывший воспитатель царя, Григ. Григ. Данилович. Не много пользы принесло царю его воспитание: не сумел он у царя развить самостоятельность.

8 апреля.

Сегодня известны результаты выборов в Гос. Совет от землевладельцев. Выбранными оказались умеренные либералы. Рейнбот говорил, что он ручается, что до 15-го забастовок не будет, а что будет после 15-го—он не уверен, чтобы забастовок не было. Вообще в Москве тревожнее живется, чем в Петербурге.

9 апреля.

Про новую Думу сказал Брянчанинов (молодой сотрудник „Слова"), что кадеты откажутся, что будут требовать новых выборов, что они-де неправильно избраны, что надо выборы с равной, тайной и т. д. подачей голосов. Этому известию, что откажутся кадеты, я не верю: они слишком счастливы, что получили власть, с которой неохотно расстаются. Затем им было сказано, что для успеха Думы надо обновить весь кабинет, чтобы старые министры не вошли в Думу, что их появление вызовет скандалы, допросы их. Видно, что враждебная правительству партия работает во-всю. Все новые законы, которые теперь вырабатывает Гос. Совет, эта партия называет „скороспелыми, пулеметами". Борьба предстоит не на жизнь, а на смерть, и опять одолеют кадеты, так как наши сановники только в гостиных умеют говорить, а в заседаниях голосов их не слышно.

10 апреля.

Вчера Лауниц сказал, что Дурново ему дал денег на устройство помещения для членов Думы от крестьян. Но на этих крестьян,

на которых уповает Лауниц, надежда плохая—все они из прогрессистской партии. Вчера Максимович высказывал, что не дай бог разогнать Думу, что это вызовет революцию. А по моему, если и не разгонят Думу, все-таки кончится революцией.

11 апреля.

Про царя и царицу говорят, что они находятся в состоянии иллюзии, грозного конца не подозревают. Штюрмер называет Дурново легкомысленным, что Россию он не знает, он не предчувствует, что положение так плохо; говорил он Штюрмеру, что если Дума возьмет слишком влево, ее разгонят. Рейнбот говорил, что он сейчас спокоен, что революционеры в данную минуту крайне дезорганизованы, не собрались еще с силами, но что тревожно, это—войска, что на войска плохая надежда.

14 апреля.

Никольский (министр земледелия) сказал, что пока совет министров работал над законами, про них ни что в печать не проникло, а после первого же заседания у царя в Царском эти законы появились в „Речи". Подозревают, что Витте сам их отдал кадетам, чтобы сойтись с этой партией. Вчера Болдырев (чиновник Лауница) сказал, что было покушение на полковника Семеновского полка Римана, что его преследовал человек, переодетый офицером л.-гв. Гренадерского полка, но был задержан. Также задержан человек, который расхаживал по Невскому в форме городового. Про Лауница Болдырев сказал, что он про все, что творится, молчит, никогда никому ничего не скажет. В градоначальнике это большое достоинство, но, мне кажется, у Лауница есть один большой недостаток—он ленив и труслив, многие заметили, что на улицах его совсем не видно, никуда он не появляется.

15 апреля.

Рассказывают, что кадеты смущены, что они белеют, что много крайних левых в Думе, и это-то и смущает кадетов.

* *

16 апреля.

Из разговора Лауница про Дурново вывела заключение, что у него не все творится так, как бы следовало, что его взял в руки Крыжановский, его товарищ, вернопреданный Витте, который действует только согласно приказаниям Витте. После того, как Лауниц, по его словам, четыре раза обращался к Дурново насчет квартир для членов Думы—крестьян, на-днях Дурново ему сказал, что получил письмо от Гучкова из Москвы насчет этих квартир и что надо их устроить. В тот же вечер Лауниц распорядился,

чтобы это было сделано, и квартиры на другой день были готовы—для малороссов была найдена квартира с обычной им обстановкой, для белоруссов—тоже и т. д. На другой день Лауниц доложил об этом Дурново, который ему сказал, что он поспешил, что про это дело квартир он переговорил с Крыжановским, который взялся за него, что потребовалось много денег, которых у Дурново нет, поэтому Крыжановский был у Витте, который уже дал на квартиры 140 тыс. руб., на эти деньги уже наняты роскошные квартиры. Нашумели с этим делом на весь околоток, чего следовало избежать. К этим квартирам Крыжановский приставил чиновника. Все эти квартиры будут отдаваться даром членам Думы. Лауниц высказал Дурново и Крыжановскому, что при этих условиях он отказывается от задуманного им плана квартир, а то, что придумано Крыжановским, никуда не годится. Как у нас тупо распоряжаются! Вечером Лауниц сказал, что Дурново отстранил Крыжановского и дело это наладилось.

17 апреля.

Явился Бурдуков. Он говорил, что либералы ругают Витте, что он фальшив, что не знаешь, какого он направления, а что Дурново либералы меньше ругают, даже хвалят за его стойкость, что он прямо высказывается, что знаешь его ligne de conduite, что угрозы его приводятся в исполнение. Тут же Бурдуков стал доказывать, что Витте начинают называть Бисмарком, что нашу Думу сравнивают с германским Рейхстагом, что на его манер хотят у нас Думу поставить. Об „основных законах“, которые разбирало совещание у царя в Царском Селе, Бурдуков сказал, что эти законы подверглись критике в публике; особенно публика недовольна двумя параграфами—о том, что министры ответственны только перед царем, и вопросом о пенсиях. Газеты всех лагерей недовольны этими законами. По мнению Бурдукова, следовало, чтобы министры были ответственны перед Думой, а теперь царю придется перед Думой за все отвечать. Вот мнение приспешника „Гражданина“, который стал настоящим революционером. Мещерский сжег все свои прежние верования, стал поклоняться конституции, восхвалять даже кадетскую Думу, что не сделало его популярным в том лагере, напротив—там на него подозрительно смотрят.

19 апреля.

Сейчас был Мордвинов от Лауница, который ему сказал, что и Дурново уходит, а на его место—Горемыкин, который уже получил портфель „премьера“ и пригласил занять место министра внутренних дел Клейгельса. Это не уступка Думе, а продолжение той же системы репрессий. По словам Мордвинова, назначением Клейгельса царь бросает перчатку Думе. Мордвинов рассказал про последнее заседание у царя кабинета министров следующее:

Витте не знал, что туда приглашен Горемыкин. Витте ввес добавку в „основные законы“ о равноправии евреев и об отчуждении земли. О равноправии евреев сразу было провалено всеми членами заседания. Насчет земли горячо говорил Горемыка, сказав, что этот закон о земле был издан манифестом от 3 ноября 1905 года, что правительство над ним работает, если же его внести в „основные законы“, то это пахнет революцией, что тогда недолго ждать момента, когда над зданием, где они собраны сейчас царем, будет развиваться флаг с надписью „народное достояние“. Эти слова решили участь и Витте, и Горемыкина—первый покинул свой пост, а второй на нем водворился. Мордвинов также сказал, что получено известие из Англии от специального агента, что там Бунд решил отрезать сообщение между Петербургом и Царским Селом, похитить царя и наследника, увезти их в Финляндию. А. И. Пантелеев говорил, что царя он понять не может: на вид он кажется спокойным, даже беззаботным. Зато царица-мать в угнетенном состоянии, все плачет.

20 апреля.

Пока еще не выяснено насчет Витте окончательно—уходит ли он, или остается. История с домом, нанятым Крыжановским с чиновником Ерогиным для членов Думы, разбирается теперь либеральной прессой в смысле гнусной правительственной опеки. Все приехавшие члены Думы отказались от предложенных им даровых квартир, желают самостоятельно и поместиться, и действовать. Ходят слухи, что Горемыка уже формирует кабинет. Назначение Горемыки не считается серьезным, говорят, что он не Витте, qu'il ne peut pas faire téte à la Douma, что Дума его и весь его кабинет быстро сплавит. Идет теперь в министерстве двора рассуждение—быть ли царю на открытии Думы в порфире и короне, или нет.

21 апреля.

Вчера зашел Никольский. Он уже отставной министр земледелия, так как весь кабинет Витте ушел. Говорят, что уже новый сформирован. Премьером будет Горемыкин, юстиции—Щегловитов, √иностранных дел—Извольский, путей сообщения—Голицын, народного просвещения—Кауфман, земледелия—Стишинский, обер-прокурором Синода—Ширинский, контролером—Шванебах, торговли—Рухлов, а насчет министра внутренних дел одни называют Столыпина, а другие—Штюрмера. По моему, оба ne sont pas à la hauteur de la position actuelle. Это самое важное назначение, от которого зависит спокойствие России. Штюрмера я хорошо знаю,—он в последнее время раскис, видел все в ужасном свете (как и есть на самом деле), отчаявался в будущем. А Столыпин, по моему, ходульный. Никольский сказал, что в Царском Селе так растерялись, что не знают, в каком тоне писать тронную речь. Сказал он, что назначение Стишинского прямо печально, что

Гурко продаст Россию в аграрном вопросе. Стишинский защитить не сумеет, перед Гурко Стишинский всегда пасует. Дурново сделан статс-секретарем. Под счастливой звездой родился Дурново! После всех произведенных им репрессий, арестов ушел он целым и невредимым из министерства внутренних дел. Вчера говорили, что Дурново две игры играл,—может быть, так тонко, но одна только его игра была видна, это—серьезные репрессии и строгость.

22 апреля.

Зашел А. Н. Куломзин. Сказал он, что он теперь конституционалист, что он им не был раньше, до 17 октября, но с этого дня стал, и возврата к прошлому не желает. Про Дурново Куломзин сказал, что он, правда, успокоил сначала, но затем его бесконечные репрессии, ссылки, аресты без всякого основания, все это много испортило дело, что теперь приходится возвращать из ссылки людей, которые туда не успели доехать. Куломзин был всегда либерального направления, но его скрывал.

24 апреля.

Приходил Болдырев, чиновник Лауница, в панцыре, который пули не пропускает. Говорил, что надел его на себя, чтобы показать Лауницу, чтобы и он на себя подобный надел. Болдырев говорил, что в Петербурге сейчас двух людей надо сильно оберегать—Лауница и вел. кн. Николая Николаевича, что теперь на них сосредоточены террористические замыслы, что П. Н. Дурново теперь отпал, а раньше все стрелы были на него направлены. Поражены все, что царь отпустил Витте и дал ему такой теплый рескрипт. По словам А. И. Петрова, царь, за 5 дней до отставки Витте, говорил, что видеть его не может, не хочет, чтобы он оставался премьером.

27 апреля.

Сегодня открытие Думы, творится великий исторический переворот в земле русской—царь, как будто, хочет уверить и себя и всех, что остается самодержавным, а на самом деле—нет.

Дума только что успела открыться, только что вошла в зал заседаний, еще не выбрала председателя, как уже явилась протестующая, требовательная речь Петрункевича об амнистии всех политических. Сегодня нам многие говорили, что царь, когда шел в зал, был очень удручен, расстроен. Молодая царица—тоже, лицо у нее было все в красных пятнах. Царица-мать лучше собою владела. Но когда царь вошел на трон, когда читал речь, тогда он овладел собой и своим голосом и читал громко, внятно.

Пришла m-me Кауфман, жена теперешнего министра народного просвещения. Плачет, что ее муж попал в министры. Не может она спокойно говорить про Кутайсова, который, будучи

иркутским генерал-губернатором, заигрывал с забастовщиками, а во время военного бунта в Иркутске уехал кататься по Енисею, взяв большой запас шампанского. Неоднократно он менял там свое направление—при Плеве был консерватором, а затем стал ярым либералом.

29 апреля.

Столыпин сегодня принимал чинов министерства. Вчера председатель Думы Муромцев был у царя. Говорили сегодня насчет амнистии. Оказывается, 70 тысяч человек арестованных. Говорят, что Столыпин в пользу амнистии. Повидимому, Столыпин—и нашим, и вашим, утром он—либерал, вечером—наоборот. Товарищами председателя Думы Муромцева назначены проф. Гредескул и кн. Петр Долгоруков. Распространяться о них излишне, все знают, что это за люди! Первый—левее кадетов, второй—анархист, главарь беспорядков, которые были в Харькове, устроитель баррикад. Про Муромцева сказал Н. А. Зверев, что вместе с ним был в московском университете, разошелся с ним ради его направления конституционного, но что он умный человек, не выдающийся оратор, но, как председатель, он превосходный. Направления умеренного. Сегодня Пантелеев говорил, что спокойнее, что царь не в Царском, а в Петергофе, что оттуда ему легче будет, в случае надобности, уехать из России. Пантелеев, Зиновьев и Зверев ожидают много худого. Какой ужасный случай с Альбрантом, чиновником министерства иностранных дел. В Лондоне, куда он был послан курьером, он проник в одно женское заведение, где вел себя крайне неприлично. Там с ним сделался припадок падучей болезни. Полиция его забрала и посадила его в тюрьму. А теперь он исключен из министерства иностранных дел. Это печальная история. Мне Альбрант казался всегда скромным, благовоспитанным молодым человеком. Сегодня у градоначальника военное совещание относительно завтрашнего дня—1 мая.

2 мая.

Вчера во многих местах города были кровавые столкновения Сегодня есть депеша из Вологды, что там во время пожара ранен губернатор Лодыженский.

3 мая.

Б. В. Никольский рассказывал, что когда царю было доложено про убийство адм. Кузмича, он топнул ногой и воскликнул: „После всех этих убийств смеют еще говорить об амнистии“. Лодыженский ранен камнем в шею „черносотенцем“. Это новое явление!

4 мая.

Мордвинов с доклада от Столыпина пришел к нам. Когда он вошел в приемную Столыпина, разговор там шел о том, был ли

Столыпин военным. Мордвинов слышал, как Гурко сказал: „Был ли Столыпин военным,—не знаю, а слыхал, что новый министр всегда слыл за дурака“.

Был Радциг. По его словам видно, что царю тяжело. Про Муромцева он рассказывал, что 20 минут он ожидал приема, сидел он в приемной с Треповым. Там же был фл.-ад. Долгоруков, который затем сказал Радцигу, что Трепов советовал Муромцеву не допускать членов Думы слишком много разговаривать. Муромцев на это сказал, что об этом следовало подумать раньше, но что теперь все разговоры трудно остановить. Муромцев оставался в кабинете царя 25 минут. Про Трепова сказал Радциг, что он у царя в большой милости, что он по утрам бывает у царя всего на 10 минут, а потом в 6 час. приходит и сидит больше часу, что он очень утомляет царя. Вел. кн. Елисавета Федоровна называет Трепова святым. Путятина царь не любит, а у молодой царицы он в большом фаворе—по нескольку раз в день она за ним посылает.

5 мая.

Жандармский полковник из Витебска Ламзин говорил, что в данную минуту жандармская часть устранена, что более орудовала полиция. Насчет выборов единогласно все того мнения, что Дурново сделал большую ошибку, утвердив проект выборов, разработанный Крыжановским, который писал и всю нашу теперешнюю конституцию.

6 мая.

Соколовский сказал про Столыпина, что два месяца тому назад видел его в Саратове, где он был хорошим губернатором, а теперь тоже его здесь видел и находит, что только половина его осталась, что, приехав в Петербург, он увидал положение дел, что поддержки ему неоткуда ждать, поэтому мнение Соколовского, что он пойдет на компромиссы. Про Думу сказал Соколовский, что разгонять ее опасно, в виду аграрного вопроса, что тогда обвинят правительство, что оно не дало ей высказаться. У Соколовского такое мнение, что Дума не откроется, если царь не даст согласия на амнистию и отмену смертной казни. Про Горемыкина сегодня слышала, что он высказывал, что никаких уступок делать нельзя, что он против них.

8 мая.

Вчера Стишинский выглядел очень озабоченным. Работа кабинета нелегкая, он понимает, что именно он является мишенью для нападения анархистов, так как был всегда консервативного направления, сотрудником и единомышленником Плеве. Про Муромцева Стишинский сказал, что он держит себя с достоинством. К одному только Витте Стишинский спокойно относиться не мо-

жет, он того мнения, что все зло России произошло от Витте. Про свою отставку из премьеров Витте говорит, что он не может оставаться с Дурново, будет уволен, а его царь не отпустит, и тогда он будет снова продолжать свою политику. В бумаге, поданной царю Витте, сказано, что он оттого просит отставку, что не уверен в себе, не может сделать уступки Думе, которых желательно было бы не делать, что этот-то резон и заставляет его уйти. По словам Никольского, П. Н. Дурново ожидал, что с уходом Витте из премьеров он будет им назначен, и ни Витте, ни Дурново не ожидали назначения Горемыкина, который никогда ничем себя не проявил, да и теперь сделал какой-то сонный кабинет. Царь отклонил прием депутации от Думы с адресом с Муромцевым во главе, сказано Думе, чтобы прислала этот адрес, скорее—ответ, через министерство двора. Есть люди, которые толкуют, что якобы многие члены Думы опасаются, что вместо дворца за этот ответ попадут в крепость. Палтов говорил, что в Петергофе недовольны, что Муромцев не остановил одного из ораторов, который говорил о бриллиантах и роскоши, которую они видели 27-го апреля в Зимнем дворце.

9 мая.

Максимович находит, что с Думой уже две неловкости сделаны: не сказано ничего в тронной речи про амнистию и не принят с ответом Муромцев. По его словам, это—„козыри" в руках антиправительственной партии.

10 мая.

Севастьянов присутствовал при разговоре Дурново с Дубасовым по телефону насчет начавшихся беспорядков в Москве. Дурново, узнав, что 12 тысяч революционеров заперлись в „Аквариуме", приказывал Дубасову никого оттуда не выпускать, а если их нельзя взять живьем, то чтобы истребить огнем. 4 тысячи войска окружили „Аквариум", но не сумели распорядиться, чтобы они все были взяты: пока по два человека выпускались из „Аквариума" и попадали в руки полиции, остальные все успели бежать другими ходами. Дурново требовал их всех уничтожить.

12 мая.

Сегодня гр. Мордвинова прилетала к Е. В. с просьбой, чтобы он устроил, чтобы „Новое Время" не перепечатывало депешу из Варшавы, от 11-го мая, следующего содержания: Келецкий временный ген.-губернатор Жилинский, приехав в Варшаву, поехал к некой Александре Окулиной, которую не застал дома. Затем в первом часу она вернулась в сопровождении двух офицеров, которые, увидав у нее генерала, ушли. Вскоре после этого соседи услышали два выстрела, после которых Жилинский вышел из помещения Окулиной и сказал присутствовавшим, что она убила

себя из револьвера. Это все таинственно и, понятно, что это — большой скандал, так как из этой депеши видно, что Окулина была не вполне корректного поведения.

13 мая.

Переживаем критическую минуту,—сегодня, в три часа, первая встреча двух враждебных сторон — Думы и кабинета. Как кабинет справится со своей задачей, сумеет ли он осадить Думу? Клейгельс сказал уверенно про Горемыкина, что ответ его кабинета будет твердый. По сведениям, ответ этот писали Крыжановский, Стремоухов и Гурко.

14 мая.

Зашедший вчера из заседания Думы Замятин рассказал, что Горемыкин читал негромко ответ совета министров, так что Замятин, несмотря на то, что находился близко от Горемыкина не слышал его отчетливо. Первым из министерской ложи уехал бар. Фредерикс, затем Извольский, через час после них ушел Коковцов, совсем раскрасневшийся от злости. Остальные министры остались до 7-ми часов. Муромцев никого не останавливал. Столыпин, уходя в 7 час. из Думы, сказал, что могло быть еще хуже, что могли шикать, чего не было. Горемыкин то же самое высказал.

15 мая.

Вчера наши гости, которых было много, все высказывали свое мнение. Клейгельс доволен твердой речью Горемыкина, но к чему она привела? По мнению Клейгельса, если Дума будет продолжать идти по теперешнему пути, то придется ее распустить, так как она выходит из предела своих полномочий. По словам А. П. Никольского, будь у нас другой министр внутренних дел, а не Столыпин, на которого мало он возлагает надежд, следовало бы непременно распустить Думу и одновременно начать новые выборы, но чтобы министр внутренних дел руководил этими выборами, иначе новые выборы дадут еще более отрицательные результаты. По мнению И. К. Максимовича не дай бог распускать Думу, что с ее роспуском возгорится всюду пожар, что надо придти с ней в соглашение, надо дать ей договориться и проч.

20 мая.

Грингмут видел вчера Трепова. Трепов мрачен, находит, что нет созидательной работы, что у нас не выработаны никакие законы, отчего Дума и явилась со своим законопроектом об отмене смертной казни и, того и гляди, придется смертную казнь отменить. По мнению Н. А. Зиновьева, если вопрос о смерт-

ной казни будет разбираться в Гос. Совете, там большинство будет за ее отмену, так как сами члены будут бояться смертной казни, если будут против ее отмены.

21 мая.

Лауниц того мнения, что Дума, со своими кадетами, сама себя провалит, что почва у кадетов ускользнет из-под ног, что уже на „митингах“ и „массовках“ кадеты терпят поражения, что многих из них уже трудовики поколотили, в том числе и Кедрина, но эти личности про свои неудачи скрывают. По мнению Андреевского, необходимо теперь же, не медля ни минуты, разогнать Думу. Мосолов сказал, что так и будет, до осени ее разгонят, а внепартийных крестьян переместят в Гос. Совет, чтобы там решить вопрос о земле. Н. Л. Мордвинов тоже за то, чтобы обождать с разгоном Думы, что она сварится в своем жиру, что ее предложение о национализации земли—провал думских заправил.

22 мая.

А. П. Никольский говорил, что следовало бы Столыпина, который— и нашим, и вашим, сменить, а вместо него назначить Гурко, который нахал, а таких-то нам в настоящую минуту и нужно.

Е. В. осаждают разные черносотенные издатели газет. На этой неделе уже трое их было. Газеты этих личностей—без будущего, без таланта—не пойдут, а денег у них нет, и все они хлопочут о субсидии. Названия двух газет помню: „Россия для русских“ и „Черные миллионы“. Ухлопали люди свои последние гроши и теперь с массой номеров газеты, которую никто не читает и не покупает. Тоже никуда не годится газета „Окраины России“, которая издается Кулаковским, бывшим редактором „Правительственного Вестника“; в ней сотрудничает Н. Л. Мордвинов и многие другие; тоже эта газета стоит массу денег, а сбыта никакого.

24 мая.

Сабанина вызывал Горемыкин, очень резко с ним говорил про направление „Российского Телеграфного Агентства“, предупредил, что если будет „Агентство“ продолжать писать телеграммы в таком духе, то оно будет закрыто. „Агентство“ ведет теперь Нотович, а Сабанин танцует по его дудке. Нотович уверен, что Дума восторжествует, потому и действует свободно.

26 мая.

М-ше Максимович сказала, что ее муж не согласился привлечь к суду группу 19-ти членов Думы, которые напечатали

в газетах революционное воззвание к рабочим. Максимович говорит, что привлекать к суду этих лиц должен Сенат.

27 мая.

Духовская говорила, что Родичев, жену которого она часто видит, очень нервен, что успокоить его трудно, что его семья все просит его поменьше говорить, но он отвечает, что не может удержаться.

3 июня.

Максимович упал духом, боится за себя, что будет убит, так как каждый день получает угрозы. По его словам, Щегловитов слаб, растерялся, что эта растерянность правительства чувствуется во всем. 20-го июня предстоит суд над Хрусталевым и его сообщниками. Максимович предвидит большие скандалы, что может кончиться этот суд трагически. Предсказывают забастовки, такие, какие были в прошлом году.

6 июня.

Дейтрих смотрит так: если распустить Думу, то новых выборов при теперешней системе избрания в Думу назначать нельзя, что еще худшие люди будут избраны, что надо выработать новый избирательный закон, что следовало также назначить выборы в январе, что тогда Витте, в своих революционных целях, отложил их до марта, но что настоящую Думу нельзя оставлять, что это напоминает Конвент, эта посылка трех членов Думы — Щепкина, Якобсона и Араканцева в Белосток для проверки действий администрации—прямо анархическая проделка.

3 июля.

Сегодня был у нас Е. Н. Сухотин. Е. В. сказал ему, что следовало бы диктатуру. Сухотин ответил, что все откажутся, никто не захочет быть диктатором, так как сделать ничего не смогут ввиду изменчивости свыше, что там твердости никакой — всегда колебания.

6 июля.

Сегодня Дубасов принес новость, что у царя было совещание и было решено подождать распускать Думу. Рассказал также Дубасов, что когда поехали в Белосток Щепкин, Якобсон и Араканцев, от Столыпина была депеша генерал-губернатору Бадеру арестовать этих лиц немедленно, никуда не допускать и прочее, но к сведению эта депеша не была принята Бадером, который, напротив, ухаживал за ними. Сейчас сказал Пантелеев, что ранен фл.-ад. Тотлебен — месть за то, что Тотлебен выгнал из саперного баталиона пришедшего туда агитатора.

9 июля.

Пантелеев рассказал, что царь чуть не подписал разгон Думы, но отложил еще временно, что проектируется у нас министерство с Герардом во главе. Вот гуся нашли! В войсках большое брожение... Идут слухи о перемене династии... Пантелеев приэтом вспомнил, что подавал записку и говорил вел. кн. Николаю Николаевичу относительно брожения в войсках, что надо его предупредить. Великий князь на это сказал, чтобы он был спокоен, что момент они не упустят.

11 июля.

Говорили сегодня, что члены Думы бежали в Выборг и оттуда выпустили прокламацию к народу, но собрание их там скоро было разогнано. В Лондоне членов Думы, поехавших на парламентский конгресс, принимают с большими овациями. Узнав о роспуске Думы, они хотели уехать, но англичане их задержали, приэтом явилась какая-то статья, заранее подготовленная англичанами, что если бы даже эти члены и не состояли в данное время членами Думы, все-таки они могут быть в заседаниях. Было покушение на К. П. Победоносцева, в которого была брошена бомба.

14 июля.

Зиновьева рассказывала, что в последнее время Стишинский все получал угрожающие письма, что ему бросят бомбу; предупреждали в письмах его дочь, чтобы она не жила с отцом.

29 июля.

Давно не имела сведений из России. Сегодня узнала, что царь принимал Львова и Гучкова и долго с ними говорил. Они отказались от портфелей.

15 августа.

Палтов сказал про царя, что он равнодушно относится ко всему. Палтов должен это знать—его зять, кн. Путятин, неотлучно находится при дворе. Дней 10 назад было совещание у царя министров и других лиц. Все высказывались за диктатуру. Царь и Столыпин—против, оба высказывались за то, чтобы опять везде было военное положение.

16 августа.

Мосолов говорил, что на заседании у царя относительно удельных земель с великими князьями, из дохода которых вел. князья получают содержание, вел. кн. Владимир Александрович сказал, что воля царя для него священна, но что в этой мере, в мере передачи земель крестьянам, по отношению к арендаторам является невольно

сопоставление с анархистским возгласом „руки вверх!“—арендаторы, которые люди относительно состоятельные, не имеют права купить возделанную ими землю и должны ее уступить хулиганам. На этом заседании все присутствовавшие были против этой меры, которая указана была царю Столыпиным и на которой Столыпин настаивал. При продаже этой земли должен составиться такой капитал, который давал бы доходу 6 миллионов руб. для того, чтобы великие князья могли получать то, что они теперь получают. Сказал Мосолов, что Трепов болен, у него грудная жаба, он больше не в фаворе, фаворит же теперь кн. Орлов, который ежедневно катает царскую чету в своем автомобиле. Это единственное теперь их увлечение и развлечение.

18 августа.

Н. Д. Чаплин говорил, что на-днях будет закон, чтобы все убийства были судимы полевым судом, что это является по инициативе царя, что это следствие убийства Мина. Рассказал Чаплин, что месяца два назад Скалон (Варшава) сам расстрелял преступника, без суда, ему это было поставлено в упрек, и вот причина, почему он теперь депешей просил для Царства Польского чрезвычайных себе прав. А. А. Мосолов сказал, что когда царь получил эту депешу Скалона, он его не понял, удивился этому требованию. Стишинский рассказал, как произошло его увольнение из министерства земледелия. В субботу, 8 июля, Горемыкин был вызван к царю, который ему намеками дал понять, что его уход из премьеров желателен. Горемыка сказал царю, что уйдет весьма охотно, так как принял это назначение только ради желания царя. Приэтом царь ему тоже сказал, что желателен также уход Стишинского и Ширинского. Сперва Горемыка понял, что якобы царь желает, чтобы эти оба лица остались в новом кабинете, и отвечал, что вряд ли их удастся уговорить, но, поняв в чем дело, сказал, что они, не колеблясь, уйдут. До Горемыки у царя в кабинете был Столыпин, который вышел оттуда красный и взволнованный. Вечером у Горемыки было заседание и он сообщил о своем уходе. Тогда Стишинский и Ширинский сказали, что и им следует тоже уйти, но Горемыка убедил Стишинского подождать с отставкой, придти к нему завтра, в воскресенье, в 5 часов. На этом они расстались. На другой день, в воскресенье, было напечатано в „Правит. Вестнике“ о роспуске Думы и об отставке Горемыкина и Стишинского. Последний узнал об этом от чиновника министерства земледелия, Риттиха, который показал ему номер этой газеты. Стишинский не жалеет поста министра, но жалеет, что не послал своей отставки, ему обидна та форма, как он был отставлен.

19 августа.

Про министра народного просвещения Кауфмана с убеждением сказал Мордвинов:—„Ваш приятель Кауфман совсем болван“.

20 августа.

Лауниц видимо недоволен Столыпиным, что он двойственную ведет политику. Говорил, что Столыпин ему высказывал недовольство полицией, что она не на высоте своего положения. Лауниц предупреждал Столыпина, что на его даче предполагается покушение, но Столыпин этому заявлению не придал значения. Трудно в Петербурге работать ради того, что мешают, что „верхи“ гнилы. Летом, по словам Лауница, в Лесном был задержан целый митинг. Главным деятелем на нем был бухгалтер Крестьянского банка, который был арестован. Дознано было, что он всем руководил. Но затем этого бухгалтера пришлось освободить по просьбе Коковцова, и он снова на своем месте в банке. Соколовский (Астрахань) был у царя. Он говорит, что царь выглядит совсем измученным, совсем не таким, каким он его видел два года назад, нет в нем уверенности.

21 августа.

Про Стишинского скажу, что он сильно смущен, сконфужен, расстроен, уязвлено его самолюбие. Хотя он повторяет, что консервативных убеждений не изменит, но про царя он говорит соскрытой желчью, а про Мосолова, когда заговорили,—даже со злобой.

22 августа.

Соколовский рассказывал, что, когда он был у царя, царь ему сказал:—„Теперь все плохо, а что еще будет впереди“!

23 августа.

Вчера Н. Д. Чаплин верно говорил про все, что творится, про ту двойственность, которая царит теперь. Он так же, как и все, которые ясно понимают, во всем винит царя, его двойственность, хитрость, которую все разгадали. Царь ненавидит то, что сам дал, и якобы упорно желает провести реформы. Называя депутатов „лучшими людьми“, призывая их к работе и проч., он в душе своей был против того, чтобы дать им возможность работать, поэтому и выбирает Горемыкина премьером, назначение которого делает невозможным никакое соглашение с Думой. Да и теперь: политика Столыпина—репрессии с реформами, это—показное, из которого ничего выйти не может, кроме сумбура. По характеру Столыпин с царем весьма схожи: оба виляют, оба неискренни. Вот в каких руках Россия! Теперь все повторяется, что Россия пойдет по пути реформ, а в совете министров выработан план военно-полевого суда, который должен пройти только в Сенате и будет на-днях опубликован, такой суд, который доселе не существовал. По словам Чаплина, для царя никто не человек, никого он не любит, не ценит; когда человек

ему нужен, он умеет его обворожить, но по миновании надобности выбрасывается человек бессовестно, как теперь Стишинский. И Столыпин будет вышвырнут, как и все остальные. Диктатуру никогда не создадут, так как царю придется тогда отстраниться, а он вряд ли на это согласится, так как власть любит. По всему видно, что царю и его большой семье придется быть искупительными жертвами. Говорят, что перед тем, как был убит в Интерлакене француз Мюллер, принятый анархисткой за Дурново, Дурново только что выехал из Интерлакена в Берлин,—он был предупрежден, что на него будет покушение. Сегодня Севастьянов сказал, что получил от Дурново депешу, в которой он спрашивает, может ли он спокойно вернуться в Петербург. Насилу Севастьянов добыл сведения в охранном отделении, что нельзя Дурново теперь вернуться, что намечены 6 человек, которые должны его убить, что и в Берлине он должен быть осторожен, должен переменить отель, что Дурново и сделал. А. П. Никольский того мнения, что без Дурново не обойдутся, что он еще будет премьером.

24 августа.

Говорили, что из 1-го бывшего баталиона Преображенского полка 158 человек солдат преданы суду. Сегодня говорили, что преображенцы обвиняют в том, что так сурово поступил с ними царь,—Трепова, что он-де подействовал на царя, а военные люди, знающие дело, говорят, что это вел. кн. Николай Николаевич так повернул дело, когда преображенцы не захотели вторично подчиниться требованиям своих офицеров. Вел. кн. Николай Николаевич вызвал Уланский полк, которому было поручено усмирить преображенцев и содержать их под стражей до отправки их в Медведь, Новгородской губ.

25 августа.

Клейгельс сказал, что по счету богатства царь стоит вторым, что богаче его один американец, что у царя больше миллиарда.

28 августа.

Вчера Жеденев говорил, что Лауниц очень придает значение тому, „что скажут", „как посмотрят" на его распоряжения. Говорил также Жеденев, что его знакомый был на одном польском митинге, где, между прочим, говорилось, что ожидается из Киева приезд некоего революционера Гофмана, который должен привести список тех лиц, которые намечены революционным комитетом к убийству. Вел. кн. Николай Николаевич конфирмовал приговор суда по делу убийства Мина, и Коноплянникову повесят сегодня ночью. Остен-Сакен, бывший адъютант Куропаткина, говорил, что Куропаткин в полной немилости у царя, что даже не может поехать в Терриоки на свою дачу, так как

тогда ему пришлось бы проехать через Петербург, куда, видно, не желают, чтобы Куропаткин приезжал. Царь не принимает также финляндского Оболенского.

29 августа.

Отовсюду страшные вести. В Царицыне, Камышине и Седлеце открытое вооруженное восстание, в Самаре и других местах полки внушают опасение, там Бузулукский полк со дня на день может взбунтоваться. Газета „Око“ приостановлена Лауницем за вредное направление. Сегодня А. А. Мосолов сказал, что Святополк-Мирский просил представиться царю, но царем ему было отказано. Теперь он подал свою отставку, которая, верно, будет принята. То же сказал Мосолов, что Столыпин высказывал царю свое неудовольствие на Трепова, что он разговаривает с корреспондентами и эти интервью печатаются. Вообще отношения Столыпина с Треповым самые дурные. Трепову сказано, чтобы никаких интервью у него не было, чтобы в политику он не вмешивался. Гейнце говорил, что в Седлеце убито 100 евреев.

4 сентября.

Дедюлин назначен вместо Трепова дворцовым комендантом. Царь поторопился с этим назначением.

8 сентября.

Максимович говорил, что он не сам оставил свое место старшего председателя судебной палаты, а был уволен за то, что отложил разбор дела Хрусталева (Носаря). Лауниц сказал, что молодежь, которой в Петербурге 23 тысячи человек, „шевелится“. Максимович рассказал, что за два дня до начала дела он говорил предводителю дворянства гр. Гудовичу, что дело это придется отложить, но что отсрочка этого дела повлечет за собой его увольнение. Щегловитов, Трепов и царь требовали, чтобы дело не откладывалось. Дума, со своей стороны, требовала того же, чтобы на этом деле, по мнению Максимовича, разыграть революцию. Все свидетели по этому делу явились с браунингами, жандармы тоже были вооружены. В заседании присутствовали члены Думы—Родичев, Набоков, Ананьин, Жилкин и др., именно такие, которые не скрывали своего сочувствия к подсудимому,—отложить было необходимо. И на другой день Максимович получил письмо от директора департамента юстиции с предложением выйти в отставку.

10 сентября.

Интересный рассказ слышала от Палтова про Александра III и Черевина. Это было накануне 22 июля, дня именин царицы, матери царя. Ежегодно царь с семьей из Петергофа на яхте

„Александрия“, которой командовал Палтов, ездил к панихиде в Петропавловский собор. На этот раз погода была скверная, лил дождь. Царь, входя на яхту, сказал, что по такой погоде лучше не ездить, и приказал дать знать в крепость, что не приедет и заказать панихиду в 2 часа в петергофском соборе. Так как завтрак был приготовлен на яхте, то царь отправился с семьей в столовую, куда была приглашена, кроме прибывшей с царем свиты, и небольшая команда яхты—два офицера и двое еще служащих на яхте. Царь сел посредине стола, возле него — царица, Михаил Николаевич, Алексей Александрович, Рихтер, Басаргин, с другой стороны—возле царя фрейлина Кутузова, около нее цесаревич, теперешний царь, затем другие вел. князья, Черевин, напротив царя,—командир яхты Палтов. Царь был не в духе и тер себе лоб. Черевин только накануне вернулся из кратковременного отпуска, из костромского имения, куда ездил через Нижний. Под впечатлением Баранова, который был тогда нижегородским губернатором, Черевин стал говорить про его деятельность восторженно. В этот год свирепствовала холера и в Астрахани губернатор Тевяшев, который ради жены своей, Козловой, пользовался расположением царя, оказался ниже всякой критики,—во время беспорядков так перепугался, что спрятался от буйствовавшей толпы под стол. Баранов же—напротив: издал приказ, тех, кто производил беспорядки и смущал население ложными слухами,—вешать или назначать санитарами в холерные бараки. Черевин прямо высказал, что в России он признает только одного губернатора—Баранова. Царь нахмурился еще сильнее, еще крепче стал тереть себе лоб и сказал:—„И что ж по вашему надо сделать?“—„Назначить повсюду областных генерал-губернаторов и дать им большие права, чтобы они действовали самостоятельно, а не ожидали указки с Б. Морской, а то теперь Россия управляется столоначальниками“,—отвечал Черевин.—„И таким областным генерал-губернатором назначить П. А. Черевина?“—не без язвительности сказал царь.—„Нет, ваше величество, куда Черевин теперь годен, всем известна его болезнь, не об этом дело“.—„Vous êtez trop mou“,—сказал царь.—„Ваше величество забываете, что Черевин был у М. Н. Муравьева в Виленском крае во время мятежа и под его руководством там не мало ему пришлось поработать“.—„Но там Муравьев действовал, а Петру Александровичу приходилось только исполнять“,—уже совсем сердито сказал царь.—„Но, ваше величество, когда Муравьева назначили судить Каракозова, он тотчас взял к себе в секретари Черевина.“ На это царь сказал:—„Vous avez le coeur d'une jeune fille“. Разговор принимал тревожный характер. На эти слова царя, Черевин обратился к старой фрейлине Кутузовой:—„M-elle, ne pourriez vous pas me dire, ce que c'est que le coeur d'une jeune fille? Ne l'ayant jamais été, je ne puis me faire une idée au coeur d'une jeune fille“. Разговор на этом оборвался. Завтрак кончился, царь,

нахмуренный, уехал с яхты. О. Б. Рихтер укорил Черевина за то, что он за завтраком так сердил царя. Но на другой день Черевин встретил Рихтера со словами, что вот он вчера его ругал за его разговор, а сегодня он за него получил благодарность от царицы Марии Федоровны.

13 сентября.

Говорят, что царь оттого продолжил свое путешествие в шхерах, что Столыпин не пускает его вернуться в Петергоф, так как не все те, которые устроили против царя заговор, пойманы, что возвратиться царю небезопасно.

16 сентября.

Грингмут рассказывал о своем свидании со Столыпиным, который, между прочим, восторженно говорил Грингмуту о саратовском земце Львове, с которым, когда он был губернатором в Саратове, он не виделся, ради его революционного направления, а Грингмуту хвалился, что Львов сам приехал к нему для переговоров, когда шла речь о кадетах, чтобы они вошли в состав министерства. На это Грингмут ему отвечал, что Столыпин не принимает в соображение, что Львов и кадеты приехали к нему не как к Столыпину, а как к премьеру, в чаянии, что авось устроиться могут, получить министерские портфели, которые им очень желательно заполучить. То же характерно, что Столыпин сказал Грингмуту, что ему известны его убеждения, что он не просит его их изменять, но просит его помогать ему во время новых выборов. Столыпин сказал Грингмуту, что выборы в новую Думу будут производиться по тому же закону, как и в первую, с тою только разницей, что тогда правительство совсем устранилось от выборов, а теперь—наоборот, будет стараться, чтобы выборы дали хороших людей. Грингмут про А. И. Гучкова говорил, что составилась его репутация, что ничего в нем нет выдающегося,—пустой человек.

19 сентября.

Никольский при Грингмуте рассказал следующее про Дубровина. Когда писался устав его общества, там было сказано „неограниченный царь". Когда же устав был отпечатан, слово „неограниченный" исчезло. На съезде члены оного пристали к Дубровину, почему этого слова нет. Дубровин разным лицам повторил по секрету, что это слово исключил Столыпин. Тогда несколько человек поехали к Столыпину узнать, почему исключено это слово. Столыпин отвечал, что он не исключал этого слова. Когда же эти лица передали Дубровину ответ Столыпина, он замялся и сказал, что кто бы ни исключал, все равно —слово уже исключено. Это так возмутило многих приехавших в Петербург на этот съезд, что они тотчас же уехали обратно.

20 сентября.

Приселков очень осторожен в суждениях о Столыпине, но прямо высказывал, что у Столыпина нет твердости, все идут колебания то в одну, то в другую сторону. По словам Приселкова, который в штатском платье много находится среди разной публики, в народе чувствуется сильное возбуждение и озлобление. Когда он разговаривал с некоторыми лицами, получал ответ: „Ну что-ж, нас убьют, если поймают, но останутся вот эти малыши“,—приэтом они показывали на своих детей,—„они пойдут по нашим стопам“. Мясоедова-Иванова высказывала в отношении народа то же, приэтом сказала, что муж ее, который теперь замещает Шауфуса в совете министров, болеет душой, когда слышит пустые разговоры, которые там ведутся пустыми, глупыми министрами, как Кауфман, Щегловитов и другие. Про Шауфуса она сказала:—„Ну, какой это министр! Он до глупости мелочен, теряется в мелочах, а серьезное дело стоит“. Сказала она, что слышала, что Шауфуса провел в министры или вел. кн. Николай Николаевич или покойный Трепов.

23 сентября.

Был вчера А. А. Масолов, который три недели провел с царем в шхерах. Говорил, что там отдохнули, делами совсем не занимались. Когда заговорили о Бирилеве (морском министре), Мосолов только рукой махлул и сказал: — „Шут гороховый“. Одевался Бирилев там всегда в охотничий костюм, который сам для себя изобрел, а про себя сказал, что охотится только по высочайшему повелению.

28 сентября.

Сегодня Мордвинов говорил про отчаяние Григориянца (смотритель над домами министерства вн. дел), что он вчера должен был доложить Столыпину, что П. Н. Дурново из казенной квартиры увез всю мебель к себе. Столыпин приказал донести себе об этом оффициально. Вот срам! Дурново, при уходе из министерства вн. дел, получил подарок царя—200 тыс. руб.

1 октября.

Евреинов (секретарь Лауница) говорил, что Лауниц и Столыпин между собой в очень дурных отношениях. Особенно не долюбливает Лауница Трусевич (департамент полиции), который действует враждебно на Лауница у Макарова, который, в свою очередь, влияет на Столыпина. По словам Евреинова, Макаров—настоящий прокурор: был либералом в Саратове при Энгельгардте, консерватором во времена Плеве, а теперь снова у него совсем красная окраска, но он ее скрывает.

2 октября.

Когда Е. В. сказал Максимовичу, что нападают на председателя судебной палаты Крашенинникова, что он очень либерально ведет дело Хрусталева, Максимович отвечал, что у Крашенинникова дело это ведется без скандалов, а у него они были бы бесконечные, что Крашенинников начинает свою карьеру, а он ее кончал, что это первое дело Крашенинникова, его пробный камень. Крашенинников допускает чтение резолюций, постановленных разными лицами, вне суда, а он бы этого не допустил, так как это не к делу, „цветы“, которые подносят подсудимым, он бы тоже не допустил, а судить иначе, как при открытых дверях,—нельзя было. Приэтом Максимович сказал, что он бы подсудимых осудил на каторжные работы, а теперь они будут приговорены „к поселению“.

4 октября.

Вспоминал Ухтомский 16 октября, канун пресловутого манифеста, как собрали редакторов в редакцию „Слова“, как Пиленко встал на стол и читал завтрашний манифест, какой поднялся рев негодования, что мало дано, что не того ждали. Как ночью перед его домом, где находится напротив дом предварительного заключения, несметная собралась толпа с красными знаменами, стали разбивать окна и двери, чтобы выпустить заключенных, как полиция сначала церемонилась, а потом стала разгонять. Затем, 17-го утром прием редакторов у Витте, как Проппер лез с кулаками на Витте, который от него все пятился и выказал приэтом полную неспособность, даже трусость. Кого ни послушаешь, все одного мнения относительно выборов в Думу, что следует изменить способ избрания. Когда здесь был ярославский Римский-Корсаков, он про это говорил Столыпину и остальным министрам, и все были с ним согласны. Бар. Штакельберг и гр. Толь оба слышали за достоверное, что царь против изменения избирательного закона, но если Дума будет неудачная,—немедленно разогнать ее и тогда решить, собирать ли новую Думу. Вот мнение царя! Мещерский („Гражданин“) говорил Ухтомскому, что хотя жил одновременно с Витте в Гомбурге, но избегал свидания с ним, но что слышал, что никогда Витте так не мечтал снова быть у власти, как теперь, что он все делает, чтобы снова стать популярным в России и вернуться в Петербург в качестве человека с неограниченной властью.

5 октября.

Рассказывают, что теперь фаворитом является адъютант Бирилева Погуляев, которого цари возлюбили донельзя. Он себе надиях повредил ногу и по этому случаю получил из Петергофа депешу, что там за него тревожатся, как провел он ночь, лучше

ли ему? Депеша подписана: „Николай и Александра". Это ли не самодурство! Погуляев же от ноги даже не лежал, а порхал по гостиным.

7 октября.

Приселков говорил, что очень волновались министры, когда толковали насчет московского университета. В конце концов, чтобы написать свое мнение и окончательно столковаться, они забились в курьерскую комнату, чтобы их не беспокоили. Это во дворце-то не нашли другой комнаты! Эта комната—грязная, печь с горячей лежанкой, грязный стол, негде повернуться. Таким образом министры там совещались 4 часа, обсуждали, как поступить насчет университета, что ответить московской депутации. Относительно напечатанного сегодня в газетах известия, что якобы Извольский хлопочет насчет займа, Н. А. Зиновьев сказал, что Извольский так глуп, что ему поручать ничего нельзя,—во всем провалится.

8 октября.

Бодиско сказал, что Столыпину много портят Щегловитов и Кауфман—оба радикалы. Про своего министра, Васильчикова, Бодиско сказал, что он консерватор и потому ему, Бодиско, теперь много работы в министерстве земледелия, что теперь там спрос на консерваторов.

9 октября.

Мезенцева, сестра которой, Якунчикова, очень дружит с m-me Кауфман, говорила, что Кауфман высказывал, что никаких льгот от него, т.-е. за время, что он управляет министерством, евреи не получили, что все это было дано и сделано до него. Говорила сегодня Дедюлина, что все смеются над Лауницем, что он сидит в градоначальстве, как в крепости, никого не принимает, страшно трусит, что дочь его и Болдырев его пугают и никуда не пускают.

12 октября.

Мордвинов говорил, что Столыпин с Коковцовым совсем разошлись, а вчера нам говорили, что Кауфман с Коковцовым совсем поссорились, что Витте написал Столыпину письмо, в котором бранит двух его коллег—Шванебаха и, кажется, Коковцова. В письме своем Витте говорит про длинные уши Шванебаха. Столыпин прочел это письмо в совете министров

14 октября.

С. С. Толстой говорил, что между Коковцовым и Столыпиным не только дурные отношения, но прямо борьба, что вообще весь

кабинет находится не в солидарном направлении, каждый проводит свое собственное мнение, свое направление.

15 октября.

Валь говорил относительно Витте, что он не приехал в Петербург, несмотря на то, что ему был выслан салон-вагон в Вержболово, оттого, что он получил письмо от Столыпина, что царь не желает, чтобы он возвращался.

18 октября.

Клингенберг вспоминал, как он, в бытность еще могилевским губернатором, за две недели до покушения на него, был у царя, который сказал ему, между прочим, что он „понимает манифест 17-го октября и конституцию совсем иначе, как здесь их понимают“. По этикету Клингенберг не мог спросить: где и кто?

21 октября.

Лауниц сказал, что когда везли преступников казнить, ехал с ними и священник. Было очень холодно, все мерзли. Священник приэтом сказал:—„Вам еще ничего, всем один конец, а мне возвращаться придется“.

22 октября.

Штакельберг рассказывал, что при его представлении царю, когда царь на его слова, что в Волынской губ. спокойно, сказал, что там и раньше было спокойно, он ему возразил, что раньше не было спокойно, был еврейский погром. Тон, каким царь на это сказал: „что-ж, это только еврейский погром“, был таков, что чувствовалось, что царь ни за что не считает такой погром, даже сочувствует ему.

25 октября.

Говорили сегодня, что первую роль у царя и царицы играет Настасья Николаевна Лейхтенбергская, которая разводится с мужем и выходит замуж за вел. кн. Николая Николаевича. Эта Настасья Николаевна, говорят, воплотила в себя медиума Филиппа, что он в нее вселился, и она предсказывает, что теперь все будет спокойно, но говорит, что преображенцев надо строго наказать. Царь и царица верят каждому слову этой Настасьи ради предсказываемого ею полного спокойствия, оба они обретаются в ожидании этого полного спокойствия и потому веселы и беспечны. В случае беды, эта Настасья всегда найдется,—скажет, прогневали—кого? бога или Филиппа?—не ведаю. Снова ей поверят и опечалятся. Это ужасно!

28 октября.

Возмущает всех, что в суде над преображенскими солдатами главные виновники избегли кары. Приселков говорил, что это дело рук полкового адъютанта Свечина, который ведал музыкантами, а так как главные зачинщики—музыканты, то он и устроил так, чтобы их вернули без суда в Петербург, и они продолжают находиться в полку. Говорят, что фрейлина Оболенская просила царицу расположить царя не так строго судить преображенцев, на что царица резко прервала ее и сказала, что, напротив, она уже просила царя применить к преображенцам самые суровые меры.

30 октября.

Сказал Севастьянов, что сегодня в проходившего по Тверской, возле церкви Благовещения, в Москве, Рейнбота брошена бомба, которая разорвалась и ранила полицейского Кульжинского. Рейнбот остался невредим. Преступник ранен в голову и задержан. У него оказался билет члена летучей боевой дружины. Затем, Дейтрих сказал, что преступник убегал, бросив бомбу, и отстреливался, и Рейнбот сам его подстрелил. Дейтрих говорил, что охранному отделению известно было про ту группу экспроприаторов, которая похитила деньги 14-го октября, но охранное отделение ожидало покушения на Столыпина в этот день. У этих людей было два автомобиля и два рысака. Последние были заплачены по 1500 руб., готовились для того, чтобы увезти преступников. Автомобиль однажды остановился против окон Зимнего дворца, где живет Столыпин. План их был бросить самые сильные снаряды с автомобиля, взорвать дворец. Теперь этим людям пришлось все ликвидировать ради того, что их более половины взято и теперь уже расстреляно. Как эти люди умеют отвести глаза! Верно сказал Клингенберг, что кража с бомбами на ст. Рогово—ничего в сравнении с кражей 27-ми винтовок в Севастополе у караула.

31 октября.

Сегодня Батьянов спросил меня, в кого стрелял Рейнбот, в того, которого держали, или который убегал. Этот вопрос был не спроста, здесь говорят, что Рейнбот стрелял в того, который уже был задержан. Лауниц сказал, что у экспроприаторов 14-го октября были два автомобиля и 4 лошади, что все они (30 человек) уже задержаны и их будут судить военно-полевым судом. Вчера вернулся Витте. В доме его не знали, что он приедет. По словам Лауница, был запрос в его доме, когда он вернется. Был у нас преображенец Старицкий в новом мундире, который дали преображенцам, ссылаемым в Медведь. Просто волосы дыбом становятся, когда послушаешь, как раздули эту историю в полку, как начальство здесь вело дело несуразно.

Какое жалкое и гнусное существо вел. кн. Николай Николаевич! Как офицеры преувеличили и начальство поглупело и сгубило стольких людей!!

Рассказал Старицкий про это дело следующее. Прошлой зимой случилось, что агитаторы завлекали солдат „на чаек“, и попавший туда должен был держать это в тайне. Когда про это было узнано в полку, Старицкому поручено было сделать следствие, и завлеченные солдаты были удалены из полка в армейские полки на два года. В Красном Селе, в лагере, настроение полка ничем не отличалось от настроения других полков, только в этом году чаще раздавались крики „на родину!“ Люди были в более нервном, повышенном состоянии. Когда офицеры спрашивали, унимая солдат, почему они кричат „на родину“, солдаты отвечали, что когда раз-два закричишь „на родину“, на сердце легче становится. 8-го июля преображенцы стали готовиться к выступлению в Петергоф для несения там караула. Вечером солдаты более, чем в предыдущие дни кричали, „на родину“ и к этим крикам еще прибавилось: „не пойдем, а поедем“. Старицкому, который был дежурный по полку, об этом было доложено. Он пошел к людям и объяснил им, что полк пойдет в пешем строю, что это делается с целью приучить их к ходьбе для военного времени. Солдаты разошлись спокойно, он же сам, сообщив о происшедшим заместителю командира полка Трубецкому и ротным, лег спать. Ночь прошла спокойно. В 5 часов утра полк в полном порядке вышел из Красного и в полном порядке пришел в Петергоф. Вечером фельдфебель роты Старицкого пришел ему сказать, что люди неспокойны, что собрались в манеже. Старицкий вместе со своим помощником пошел в манеж, двери которого оказались запертыми, но, по требованию Старицкого, были отперты. Там было от 100 до 150 человек. Все они были в приподнятом настроении и, на приказание Старицкого разойтись, никто не тронулся с места. Когда Старицкий вошел в манеж и спросил солдат, почему у них такое сборище, ответ был: „Пришли потолковать о своих нуждах“. Послышались единодушные голоса: „Долой Старицкого! Вон сыщика!“ (это последнее было говорено по поводу того следствия, которое было поручено Старицкому в полку). Других угроз не было. Старицкий стал искать глазами людей своей роты, но ни одного не увидал. Минута была критическая. Медленными шагами, с остановками, он начал уходить с Астафьевым. Тогда раздались крики „стой!“ Но этому крику он не внял и, с остановками, вышел. После этого в лагере водворилась тишина,—солдаты разошлись. Полковой командир Гадон сообщил об этом начальнику дивизии Озерову, тот корпусному командиру Васильчикову, который, в свою очередь, доложил вел. кн. Николаю Николаевичу. От вел. кн. Николая Николаевича дано было знать, что для беседы с солдатами приедет Озеров. Озерову дано было приказание говорить с солдатами самым миролюбивым образом, не поднимая разго-

вора о вчерашней сходке и об их криках. По приезде в полк, Озеров удалил всех офицеров и начал беседу с солдатами с того, что он приехал к ним не как начальство, а как товарищ, чтобы они были с ним вполне откровенны, что никаких взысканий на них наложено не будет. Солдаты заявили, что свои требования они предъявят на бумаге, и написали 16 пунктов. Когда Озеров затем передал весь свой разговор с солдатами Гадону и ротным командирам, все пришли в ужас. Гадон и офицеры отлично знали, кто мутит в полку, и находили, что этих лиц надо арестовать, но теперь было обещано, что никому никакого наказания не будет. Ротные командиры отправились в роты разбирать предъявленные солдатами пункты. Многие из солдат не все понимали, что там написано, но все единодушно стояли за один пункт, что „землицу" дать надо. Гадон отправился подать свою отставку, первым же подал в отставку Старицкий, которому солдаты кричали „вон"... Он находил, что при таких условиях, когда солдатам даже внушения не было сделано, оставаться в полку ему немыслимо. Это происходило 10-го числа. Отставка Гадона принята не была. Царь его принял ласково и сказал ему, что ему ничего не угрожает. В это время полковые смутьяны Басин и Прытков во время бесед ротных с солдатами смело себя держали. Понимая, что, если этих двух лиц не арестовать, то опять возникнут митинги, 9-го числа дано было знать об этом вел. кн. Николаю Николаевичу, который в эту минуту находился у своей дамы сердца Потоцкой. Оттуда он снесся с царем и известил командира Гадона, что сделаны распоряжения, что из Красного Села уже отправлено войско всякого рода оружия с пулеметами, чтобы увезти из Петергофа преображенцев. Все офицеры пришли в ужас от этого сообщения. Гадон доложил вел. князю, что никакого возмущения нет, что полк в данную минуту на учении и в нем все спокойно. Он получил на это ответ: „Que voulez vous que je fasse? C'est la volonté de monsieur d'en haut", т.-е. царя. Вот цинизм! Гадон стал умолять, чтобы остановить войско, которое шло форсированным маршем на разоружение полка. Наконец, Гадону удалось уговорить вел. князя позволить ему самому взять оружие у солдат. Тогда он выстроил полк, арестовал сначала Басина и Прыткова, которые спокойно исполнили приказ, а потом взял оружие у тех рот, которые были виноваты. Войска, т.-е. пехота, кавалерия, артиллерия и пулеметная рота, остановленные невдалеке от полка, конвоировали затем полк до Красного Села, где было объявлено полку, что мятежные роты с их офицерами ссылаются в село Медведь, где будет произведено следствие над их проступком и затем суд. Под конвоем Финляндского полка преображенцы были отправлены в это село. Финлядцы вели себя по отношению преображенцев с большим тактом, не так, как драгуны, которые всю ночь стояли пикетами вокруг полка, оскорбляли офицеров и солдат, а когда им преображенские офицеры доказывали, что они неправы, они

грубили им. Из Петербурга был приказ, чтобы преображенцев непременно обвинить по ст. 110, т.-е. в каторжные работы. Во время беседы Гадона с вел. князем последним было сказано также: „Dans tous les régiments de Krasnoié Sélo c'est mauvais, la position est insontenable“. Старицкий обвиняет Трепова, что это он так повернул дело, что когда Гадон вышел от царя, он встретил Трепова, который после него вошел к царю.

2 ноября.

Рассказал Зилотти следующее. В день 14-го октября он был послан Бирилевым посмотреть, что случилось в Фонарном переулке. Он приехал туда на автомобиле, когда уже были отправлены раненые. Для полиции не оказалось извозчика и двух—пристава и другого полицейского—Зилотти взял в свой автомобиль и привез их к тому месту, где находился раненый коновод экспроприаторов, назвавшийся „Сергеем“. Он лежал на булыжной мостовой, голова его была прислонена к водосточной трубе, и Зилотти, опасаясь, чтобы он не умер, не из чувства человеколюбия, а для того, чтобы можно было узнать что-либо от него, не обращаясь ни к кому, сделал несколько замечаний, что он может умереть, что надо ему растегнуть ворот и проч. Караул над этим раненым поручен был прапорщику Асееву, который с места написал вел. кн. Николаю Николаевичу обвинение на Зилотти, что он-де высказал сочувствие преступнику. 18-го числа Зилотти получил повестку явиться к ген.-прокурору. Он думал, что его вызывают в качества свидетеля, а оказалось,—в качестве обвиняемого, и по такой статье, которая влекла за собой каторжные работы. Это было сделано по высочайшему повелению, благодаря докладу Бирилева царю. Зилотти удалось избегнуть этой кары.

3 ноября.

Берг говорил про Гучкова, что удивляется всему тому, что про него пишут, что это ничтожный по умственному развитию человек, что оба брата доселе ничем не выделялись, отец их был в Москве дисконтером векселей—профессия не из завидных.

9 ноября.

Мосолов говорил о всеобщем возмущении, что царь 6-го ноября до половины десятого утра оставался на ужине в Гусарском полку, что старые гусары, как Мейендорф и др., зевали, раскисли, а царь все сидел. На другой день, в 11 часов, был с докладом Редигер, который возмущен этим. Царь ему сказал, что вон он только что вернулся с праздника, а чувствует себя совсем свежим, а Редигер говорит, что во время доклада он зевал.

14 ноября.

M-me Клейгельс говорила, что в бумагах покойного Трепова нашли документы, из которых ясно было видно, что он затевал переворот, что он собирался уничтожить всю царскую семью с царем во главе и на престол посадить вел. кн. Димитрия Павловича, а регентшей вел. кн. Елисавету Федоровну. Это вполне неверно. Откуда берутся все эти „новости"?

16 ноября.

Вчера Никольский говорил, что виделся с Витте, который ему сказал, что подавал свою отставку царю, но царь ему ее вернул. Выходило из рассказа Никольского, что царь прислал депешу Витте, чтобы оставался. Все газеты травят Гурко, который упорно молчит, не защищается. Если все это верно, то положение его безвыходное. Мнение всех, кто знает Гурко, что этот человек всегда сумеет выскочить из всякого положения— ужасный нахал.

17 ноября.

Травля Гурко идет во-всю. Люди, которые понимают дело, говорят, что ни что так не могло подорвать доверие к правительству, как это печальное дело, что оппозиция на этом будет все время играть. Жаконе говорит про это дело, que cette affaire est pire, que l'affaire Dreifus. Лауниц сказал, что когда началась кампания против Гурко, он предложил Столыпину закрыть газету, которая первая его затронула. Столыпин не согласился. Теперь же эту меру принимать невозможно, надо, чтобы это дело выяснилось. Насчет француженки Эстер Лауниц говорил, что она тоже с Гурко замешана, что она получила 250 тыс. руб. Сначала Лауниц думал, что это любовная история, но говорят про эту Эстер, что она всегда занималась гешефтами. Говорят, что будет создана комиссия, в которую войдут и вел. князья, и которая будет разбирать дело Гурко. Мосолов сказал, что к 6-му декабря Столыпин представил Гурко в гофмейстеры, а 16-го спешно приезжал к Мосолову Арбузов от Столыпина, чтобы вычеркнуть из списка имя Гурко, а в заседании под своим председательством, после речей Палена, Сольского и др., соглашается с ними и утверждает „несменяемость", а затем говорит министру Акимову, что они должны были уступить, что их совсем разбили. Это печальный царь.

2 декабря.

Н. Л. Марков передал мне свое тягостное впечатление после посещения Столыпина, что всюду там во дворце, во всех углах и комнатах, вооруженные солдаты, жандармы и полиция. А говорят, что теперь успокоение! Берг мрачнее ночи. Дела его газеты

„День“ совсем плохи. Столыпин обещал субсидию издателю Петровичу в 10 тысяч, а Бельгард (по делам печати) сказал, что дадут всего 3 тысячи. Это равняется провалу.

10 декабря.

Сегодня сказал Мордвинов, что слышал в одном кружке, не сочувствующем письму Дубровина к митрополиту, что это письмо написано было с высочайшего одобрения и писалось оно не Дубровиным, который его только подписал, а Ширинским-Шихматовым, Роговичем и протоиереем Восторговым. Притом Мордвинову сказано, что царь очень против Антония, а еще больше против него молодая царица.

11 декабря.

Вчера Лауниц от нас ушел пешком. Теперь ему не так опасно,—на нем панцырь, который ему стоил 1300 руб. Скуп, а на это расщедрился.

12 декабря.

Старицкая говорила, что ее сыну разрешено выйти в отставку. Все возмущены бестактностью вел. кн. Николая Николаевича. На одном параде на-днях он восхвалял измайловцев, ругал преображенцев и семеновцев.

19 декабря.

Рассказал Грингмут, что недавно была такая каррикатура про царя. Сидит царь у стола, царица за ширмами, слушает, как ему докладывают министры; с каждым он соглашается, потом обращается к царице, что после всех докладов ничего не понимает, отупел совсем. На это царица отвечает: „С этим я согласна“.

20 декабря.

Про Столыпина сказал Мордвинов, что люди ему преданные и сочувствующие называют его „институткой“, сказал, что куда ему справиться с делом, которым он теперь ведает. Про других министров Мордвинов сказал, что они ничего не понимают, назвал их „наивными“.

21 декабря.

Сегодня из института Экспериментальной медицины по телефону сказали, что Лауниц серьезно ранен. Затем был следующий телефон, что Лауниц скончался. По словам Бутовского, видно, что полиция рада, что Лауниц убит. Бутовский сказал, что Лауниц так ругался, что он болен из-за него.

1907 год

9 января.

Казалось, что царь с Бирилевым никогда не расстанется, говорили, что он фаворит царя, а вот теперь Бирилев отставлен вчера. Сам Бирилев сказал, что ушел из-за вел. кн. Николая Николаевича, с которым не мог поладить, и что он счастлив, что больше не морской министр.

10 января.

По поводу дела Гурко Пейкер (Ирбит) рассказал, как Фредерикс вызвал полицеймейстера бар. Таубе с требованием немедленно достать ему 5 тыс. руб. у такого-то. На это Таубе сказал, что его избегает, так как ему должен 500 руб., и поручения исполнить не может. Фредерикс сердито отвечал, что в таком случае, такие люди, как Таубе, ему не нужны, он может проситься в отпуск и больше не возвращаться.

12 января.

Катов, камердинер царя, хвалил Дедюлина, что он не лезет к царю, что только раз в неделю является с докладом, остальное время присылает письменные доклады. Царь его сам призывает, когда есть надобность. Недавно у царя был гр. Н. П. Игнатьев, который очень долго сидел, и царь жаловался потом Катову, что Игнатьев у него много времени отнял, а спустить он его не решился. чтобы его не обидеть, так как у него брата недавно убили. Сказал Катов, что якобы царь, говоря про Игнатьева, назвал его и лгуном, и болтуном. Сказал Катов, что царь ежедневно читает „Моск. Ведомости“, а „Нов. Время“ не ежедневно, только когда у него окажется свободное время. А. П. Никольский вспоминал, что Витте настоял в прошлом году на назначении Дубасова в Москву, что царь был против Дубасова, хотел в Москве оставить П. П. Дурново. Витте пришлось собрать много фактов, уличающих Дурново в неспособности, чтобы добиться его смены.

16 января.

Сейчас Жаконне сказал, что готовится большой скандал, что газеты „Речь“ и „Русь“ уличают „Петерб. Телегр. Агентство“ в фабрикации депеш относительно выборов, что якобы выяснено, что „Агентство“ это делает по приказанию товарища министра

вн. дел Крыжановского. Жаконне говорил, что он уже давно заметил, qu'on fait une vraie cuisine avec les télégrammes, что раньше было второе „Агентство“—„Российское“, которое мешало „Петерб. Агентству“ делать эту стряпню, а теперь это практикуется во-всю.

17 января.

В морском ведомстве удивлены назначением товарищем морского министра Бострема, его считают ничтожеством. По словам Евреинова, убийство Лауница было делом рук Витте, что с Галле Витте очень часто видится, получает указания, что на Галле надеяться нельзя.

21 января.

Мезенцова говорила, что все возмущаются теперешним назначением обер-прокурором Синода Извольского, который панихиды от молебна отличить не может. Мать Извольского поражена его назначением.

24 января.

Евреинов вчера говорил, что не будь Лауниц убит 21-го декабря, 22-го Витте был бы арестован. Так ему говорил Лауниц в день своего убийства, за час времени. Также Лауниц сказал чете Ольденбургских, что на другой день он собирается сделать арест одной личности, который всех поразит. Убеждение Евреинова, что охрана продала Лауница и все открыла Витте, который и был инициатором немедленного убийства Лауница.

1 февраля.

Из разговора Ванновского с Вивьеном поняла, что под кличкой „Мольтке“ идет не Палицын, как я слышала раньше, аРаух, который теперь всемогущий у вел. кн. Николая Николаевича, с которым Палицын уже не в прежних отношениях. Оба полковника сказали, что никогда столько беззаконий не творилось в военном министерстве, как теперь, под эгидой вел. князя и Палицына. И все это делается в такую минуту, когда левая печать следит за малейшим промахом, чтобы оный тотчас огласить. Очень разбирали наши гости ген. Мартынова, который инспирирует Меньшикова в „Нов. Времени“, а сам пишет статьи в „Руси“. Удивлялись, что Мартынов за трусость во время войны получил теперь Георгия. А. Ц. Никольский говорил, что будущая Дума будет хуже первой, что в ней будут бомбы, что ее придется скоро распустить, скорее первой. Полное уныние берет при мысли о будущем. Ведь у нас теперь хаос. Люди, у власти стоящие, говорят, что никогда столько беззаконий не творилось, как теперь. Какая гарантия, если все останется попрежнему, что дела пойдут лучше, а не хуже? Разве у нас люди, у власти стоящие, все честные люди,

умные и патриоты?! Все это пустые верхогляды, за малыми исключениями. Все знают, что у царя сегодня одно, завтра другое— вот и является какофония при таком дирижере—кто в лес, кто по дрова.

2 февраля.

Стишинский острит над „бомбочками" у Витте. Говорят, Витте это сделал, чтобы получить привет от царя, но пока еще привета никакого не получил.

3 февраля.

По словам Зиновьева, министерство внутренних дел за последнее время занималось „тактикой", а не делом, все придумывало „тактические приемы", как бы ту или другую меру „тактически" провести, и все вышло неудачно. В административные способности Столыпина мало кто верит. Признают, что в марте возможно кадетское министерство.

7 февраля.

Завтракал со мной лейт. Башмаков. Рассказал он про Дикова, что недавно он собрал всех молодых офицеров, чтобы они решили вопрос—допускать ли евреев во флот. Долго толковали об этом офицеры и ни к какому решению не пришли.

12 февраля.

Штюрмер привел сегодня Гурлянда. Видно, что умный. Оказывается, псевдоним „Васильев" в брошюре „Правда о кадетах" принадлежит Гурлянду, он эту брошюру написал. Держит он себя очень скромно, но—ух, какой хитрый! У Столыпина он теперь persona grata, Крыжановский его терпеть не может, но повредить и спустить его ему не по силам. Гурлянда звезда поднимается. Когда заговорили о том, что закон о выборах им написан, Гурлянд скромно объяснил, что им представленный закон о выборах Булыгину был совсем иной. Он предлагал выборы по сословиям, но им представленный проект подвергся тогда коренной переделке. Понятно было, что он подразумевал Крыжановского.

Из того, что слышишь про Драчевского, выводишь заключение, что он ищет популярности,—делает разные льготы, послабления и проч. „Союзу русского народа", который присылал к нему депутацию приветствовать его, Драчевский заявил, что для него все люди, какого бы исповедания они ни были, все равны. Депутация ушла от него разочарованная. Ростовский-на-Дону раввин Айзенберг приезжал недавно в Петербург, обедал и завтракал у Драчевского; для него был подан отдельный завтрак: яйца, селедка, каша. Все это внесло недоумение среди окружающих градоначальника. Газет Драчевский не читает. Много си-

дит в кабинете, но чем там занят—неведомо. Бумаги ему подаются секретарем Евреиновым. Внизу бумаги Евреинов пишет карандашем резолюцию, которую целиком Драчевский переписывает сверху и даже карандаша Евреинова не стирает. По всему видно, что он вялый, ленивый. Когда дает приказания полиции, то делает это туманно. Однажды он высказал, что хорошо бы всю мебель вынести у него из кабинета, чтобы приходящие к нему не засиживались.

15 февраля.

А. А. Мосолов говорил про Дедюлина, что он совсем подпадает под влияние своих подчиненных, что, чтобы устроить что-либо у Дедюлина, надо сперва заручиться согласием трех его подчиненных, которых Трепов, бывши на месте Дедюлина, держал в черном теле. Фредерикс сегодня собирался разнести Дедюлина за то, что насчет бомбы 13 февраля узнал от него только 24 часа спустя. Сегодня А. П. Никольский высказывал, что он становится „оптимистом“, что он верует, что в Думе все образуется; если же нет, то ее разгонят, тогда изменят закон о выборах и уже третью Думу, избранную с новыми законами, распускать не придется. Думу будет открывать Голубев (член Гос. Совета). Было предложено гр. Палену, но он отказался в виду того, что у него немецкий акцент, а это неудобно. Бывший министр Ермолов уклонился оттого, что у него нервы не в порядке, Фриш отказался по старости лет, и вот намечен, ради всего этого, Голубев, который разбирал дело Гурко.

20 февраля.

Был гр. Витте. Он сказал, что, по его мнению, чем скорее эту Думу распустят, тем будет лучше, что чем дольше она просуществует, тем больше она внесет смуты в Россию, что надо изменить закон и проч. Вообще, все, что было сказано сегодня Витте, все было такое, что и его враг Грингмут,—и тот бы с ним согласился. Когда я сказала об этом разговоре с Витте нашим гостям, все сказали, что Витте так фальшив, что ему нельзя верить. Мне же Витте показался сегодня скорее искренним.

Зилотти пришел рассказать про все, что происходило сегодня в Думе, где он присутствовал. Были такие депутаты, которые во все время молебствия сидели. Голубев прочел коротенькую тронную речь, во время которой „правые“ все время стояли, а „левые“ и „центр“ слушали сидя. После чтения Голубева начались выборы председателя. Правые предложили Хомякова, который получил всего 91 голос. Левые предложили Головина, который получил 300 с чем-то голосов. Одновременно предложенный Стахович получил 3 шара, Кузьмин-Караваев—2, а Тесленко—1 шар, так что Зилотти сострил, что Тесленко избран единогласно. При произнесении речи Головин не угодил левым, сказав, что Дума будет работать в единении с царем, зато пра-

вые наградили его аплодисментами. При выходе из Думы, толпа, ожидавшая выхода членов Думы, вела себя революционно. Сегодня четыре человека говорили об уличных беспорядках на Литейном, Фурштадтской и Потемкинской ул. Жаконне сказал, что пели революционные песни, карету французского посла Бомпара остановили и сказали послу, чтобы Франция не давала денег России. Дейтрих, Зилотти и Галкин-Врасский тоже слышали подобные песни и видели на этих улицах революционно настроенную толпу. Все говорят, что митрополитом Антонием была сказана неудачная речь в Думе, что он не умеет пользоваться Евангелием,—про царя ни разу не упомянул, а говорил про Иуду Предателя. Сегодня узнали, что в Севастополе в ген. Неплюева брошена бомба. Поговорят об этом и забудут, а Герценштейн до сих пор занимает печать.

22 февраля.

Сегодня спросила французского посла Бомпара, что он думает о всем том, что творится в России. Он отвечал:—„Je pense, que tout, ce qui se passe en ce moment, c'est encore pour longtemps". Путятин сказал, что сегодня утром он оказался свободен ради того, что царь уехал на охоту—травить лисиц. Столыпин после открытия Думы ушел с другого хода, пешком, подняв воротник пальто, на извозчике вернулся домой. Сегодня говорили, что якобы Столыпин переезжает на жительство из дворца в Думу. Путятин этого не отрицал.

23 февраля.

Вечером сидел Шауфус. Одно, что поняла из его разговора, что „нерешительность сверху" все еще продолжается, что в день, когда было решено распустить первую Думу, уже был написан про это указ и уже печатался, но в 3 часа ночи был гонец от царя к Горемыкину с письмом, в котором говорилось—приостановить печатание этого указа. Велено было немедленно подать это письмо Горемыкину, но его не разбудили, и поэтому приказ этот не был исполнен и первая Дума была распущена. Если бы разбудили Горемыкина, то Дума продолжала бы существовать неведомо сколько времени. Сказал, что кадеты, которые сидели во время гимна, после краткого между собой совещания, старались поправить дело,—они заявили, что не знали, что следовало им встать, что об этом им надо было сказать. Столыпин ночевал в Думе в день ее открытия и затем оттуда ушел, переодетый рабочим.

28 февраля.

А. П. Никольский говорил, что с открытием Думы революционное движение разрастается, что теперь идет явная подготовка к бунту, в Москве уже начинаются на заводах забастовки, чувствуется, что это—предвестник общей забастовки, если во-

время меры не будут приняты, а всего одна мерам необходима— разгон Думы, что каждый день грозит большей и большей опасностью, что в Думе все эти анархисты сдерживаются,—они боятся разгона, но зато думские их конференции, в которых выносятся резолюции крайними левыми о пролетарской республике, о чем они пишут в своей газете, кажется, „Новый Луч", которая начала выходить в день открытия Думы и в которой слово „республика" не сказано, а подразумевается многоточием, — все это пишется, чтобы рабочие видели, как о них хлопочут эти люди. Все это готовит в ближайшем будущем ужасные дни. Менее крайние левые ведут свои дела на конференциях, трактуя о „земле и воле", кадеты ищут власти, а в общем все только об одном и мыслят—об уничтожении существующего государственного строя. Мнение Никольского о Столыпине,—что он виляет, что его вина, что такие неудачные выборы, что надо было всех тех лиц, которые сидели в тюрьмах и на каторгах, обезвредить, не допускать до выборов. Вчера, говорят, биржа была очень плоха, бумаги снова повалились.

1 марта.

Газету „Новый Луч" вчера прекратили, так как она прямо призывала к революции.

3 марта.

Вчера Нейдгард сказал, что Думу распустят, но об этом не надо говорить.

5 марта.

Штюрмер говорил, что ему достоверно известно, что список кадетского министерства был доставлен царю Треповым, которому этот список был дан Стаховичем, с которым Трепов ежедневно совещался, поэтому-то кадеты были так хорошо осведомлены. Список долго лежал у царя, который все не решался на его утверждение, но Трепов не отчаивался, что добьется его утверждения, и в беседе с корреспондентом „Times" так и высказался (было напечатано). Но Горемыкин, показав царю эту статью с интервью „Times'а", такой имел успех, что царь тут же высказал Трепову, что кадетского министерства никогда не будет. Про все это подробно рассказывал Штюрмеру Горемыкин, и Штюрмер все это записал.

12 марта.

Вчера обедал с нами кн. Э. Э. Ухтомский. Из беседы с ним осталось такое впечатление, что Столыпин в данное время является очень опасным руководителем внутренней политики России, что Столыпин характером напоминает Святополк-Мирского, что когда начал Святополк свою освободительную политику, в то время

в России не было революции, а теперь ту же политику Святополка проводит Столыпин в самый разгар революции, что это доведет до страшных бедствий. Что Столыпин—благонамеренный человек, в этом ему Ухтомский не отказывает, но, по его мнению, он не государственный человек, он человек неожиданностей, легкомысленный. Когда были выборы и выбирали социал-революционеров, все это было известно Столыпину, который говорил, что все идет согласно его желаниям. Сперва Ухтомский на это посмотрел, как на глупость, потом признал это легкомыслием, а теперь смотрит на эту Думу, как на преступление. Чтобы спасти теперь положение дел, необходимо, по его словам, только одно—чтобы Столыпин был устранен от дел. Хорошо было бы, если бы его контузили, или слегка ранили, чтобы он должен был временно уехать отдохнуть. Убийство Лауница был счастливый день жизни Столыпина, так как Лауниц искренно его ненавидел. Рассказал он, что недавно Драчевский запретил одну газету, совсем революционную, „Благо Народа", депутаты от этой газеты пришли к Столыпину и газете опять позволено выходить. Сказал, что Бельгардт—игрушка в руках управляющего по делам печати, который только занимается взяточничеством. Когда Ухтомский искренно желал, чтобы со Столыпиным что-нибудь приключилось, я спросила его:—„А кто же тогда его заместит?"—„Дурново",—был ответ. Сказал он, что Дурново все-таки две игры не играл, что даже Витте был бы лучше Столыпина, так как Витте теперь узрел, как левые партии к нему враждебно относятся, что будь к Витте немного доверия свыше, т.-е. царя, и доверяй сам Витте царю, тогда бы с его умом и умением он смог бы успокоить Россию. Ведь у него в кабинете был тот же П. Н. Дурново, который по уму и умению куда выше Столыпина.

13 марта.

Рассказывали, будто на одной из панихид у К. П. Победоносцева произошло следующее. Приехал Витте с женой, и якобы m-me Победоносцева подошла к ним и просила их уехать, сказав, что она тоже отклонила желание митрополита Антония отслужить панихиду у гроба К. П.

15 марта.

Батьянов говорил, что был у Столыпина. Говоря о Думе, Столыпин сказал:—„Говоря тривиально, в Думе сидят такие личности, которым хочется дать в морду". Был московский Рейнбот. Рассказал, что Столыпин ему предложил быть в Петербурге градоначальником, но он отказался. Причина отказа — нервы измотались. Просил отпуска. Мое впечатление о Рейнботе, что с ним надо быть sur le qui vive, что у него нет благородства, он на все способен, жестокий человек, sans foi, ni loi, ни нашим, ни вашим, и тем это все становится опаснее, что он подкупает своею наружностью. Рейнбот возмущен убийством Иоллоса, говорит, что

надо во что бы то ни стало убийцу разыскать и его повесить, кто бы он ни был.

16 марта.

Штюрмер говорил, что 13-го Столыпин в Думе плохо говорил, что в это заседание он убедился, что правительство слабее оппозиции,—это наводит на тревожные мысли. Сегодня все наши гости признавали Столыпина ненадежным, что он ведет двойственную игру, что он левее „17 октября“, что он—за равноправие евреев, что он опасную игру играет.

21 марта.

Многие говорили, что К. П. Победоносцев любил заниматься делами других министерств, а не своими. По словам Салова, Казань осталась без железной дороги ради Победоносцева, который сильно ратовал против железной дороги, приводя доводом, что он слишком любит этот город, чтобы допустить его соединение с рельсовым путем, который всегда портит все те местности, по которым проходит. Сегодня Пуришкевич, хотя и не ругал Столыпина, но чувствуется, что он им недоволен, что он не серьезен для премьера. Про Коковцова сказал, что он настоящий оратор, его первая речь в Думе вчера была хороша, а вторая, которую он не мог подготовить и тоже вчера сказал, была в полном смысле блестяща. Эту речь он сказал в ответ на речь Кутлера по вопросу бюджета. Министрам, видимо, нравится говорить в Думе, и поэтому мало шансов, чтобы ее распустили. Отовсюду дурные вести—из Севастополя, из Курска тоже, а министры заняты разговорами.

28 марта.

Обедал с нами сегодня тамбовский епископ Иннокентий. Сегодня он был в Царском Селе у царя. Спросил его царь, видит ли он в нем перемену.—„Похудели вы и постарели“,—отвечал Иннокентий. Из 25-минутной беседы с царем Иннокентий вынес впечатление, что царь сочувствует больше, чем всему другому—„союзу русского народа“ и совсем не сочувствует Думе, считает, что она сама себя упразднит, и видно, что он желает, чтобы скорей она была упразднена. Про Илиодора Иннокентий сказал, что волынский Антоний его предал, выслал его из Почаевской лавры. Иннокентий возмущен Илиодором, говорит, что он одержим монашеской болезнью,—он в „прелести“. У Иннокентия большая подвижность движений, в лице также, говорит он игриво, живо, так что кн. Голицына, которая была у нас при нем, выходя, сказала:—„Votre archevêque aime à rigoler“.

8 апреля.

Говорили относительно лекции Грингмута о диктатуре. Стишинский несогласен с Грингмутом, он против Дубасова, как

диктатора, он находит, что следует оставить теперешнее положение, но нужен другой кабинет, с П. Н. Дурново во главе. Стишинский находит, что все идет хуже и хуже, например, за март месяц было 650 убитых террористами, а с тех пор, что Дума орудует, убийства страшно увеличились.

9 апреля.

Сегодня Валь, вспоминая про Плеве, говорил, что он, Валь, не сочувствовал системе провокаторства Зубатова, не сочувствовал рабочим союзам, в которых и Плеве напоследок разочаровался. Валь говорил, что Д. Ф. Трепова сгубила его трусость, что от трусости он умер. Зубатов представил Плеве Гапона, которому оказывал большое доверие, и Гапону выдавалось много денег на его деятельность. Валь открыл двойную игру Зубатова—из одесских сообщений она обнаружилась. О Дедюлине Валь очень печального мнения, что он малоспособная личность. Как градоначальник, Дедюлин был неспособный—все сидел за бумагами в своем кабинете, хотя все-таки он был лучше Фуллона, который был ниже всякой критики—такой трус, что свой кабинет перенес в другую комнату, во двор, боясь с улицы покушения в окно. Теперь же Дедюлин, как дворцовый комендант, тоже ничего не значит,—полное ничтожество. Фуллон устроил такую мебель в градоначальстве, которая напоминает меблировку кокотки. Возмущает Валя маленькая гостиная, которая устроена рядом с кабинетом градоначальника, где дамы подслушивали. Тоже Валь сказал, что, останься он градоначальником, при нем не было бы рабочих союзов, что он их признает крайне вредными и развращающими. Е. В. сделал возражение Грингмуту насчет Дубасова, который был им признан образцовым диктатором, что у Дубасова не хватило мужества подписать запрос министру народного просвещения Кауфману относительно школ, университетов и проч., подписанный 16-ю членами Гос. Совета,—он отвильнул.

10 апреля.

Рассказывал гр. Толь, как он вчера представлялся царю. В разговоре с царем пришлось Толю что-то упомянуть про народный бунт. На это царь горячо воскликнул:—„Бунта больше никогда не будет!"

12 апреля.

Ильинского, убийцу гр. Н. П. Игнатьева, приговорили к 15 годам каторжных работ. Это все равно, что помилование, так как из каторги убежит, как недавно убежали Хрусталев (Носарь), Бронштейн, Авксентьев и знаменитый Гершуни и много еще других, и все они теперь находятся за границей. Мамксимович и Штюрмер про этого Гершуни много говорили и ожидают от него еще продолжения его террористических деяний. Еще одного называл

Максимович—Троцкого, который тоже бежал. Этот тоже из „Рабочего союза“ Хрусталева и, по словам Максимовича, Бронштейн-Троцкий умнее Хрусталева и от него тоже можно ожидать много, много. Сегодня ожидается бурное заседание Думы ради случая на фабрике на Аптекарском острове, где было столкновение полиции с рабочими, причем полиция стреляла. Были убитые и раненые. Уже полетела от рабочих жалоба в Думу на полицию.

14 апреля.

Сегодня даже Батьянов, который всегда проповедывал конституцию, говорил, что Думу необходимо немедленно распустить, умиротворить страну, создав диктатора, затем созвать земских людей в Гос. Совет, чтобы они выработали новые законы для выборов, — увеличить образовательные и имущественные цензы и поменьше пустить в Думу мужичков, которые там портят и на которых возлагались такие надежды.

21 апреля.

Пуришкевич говорил, что вчера более часа беседовал со Столыпиным, который мечтает скорее разогнать Думу, но ждет это сделать, так как еще общественное мнение возбуждено Думой, но враждебно еще к ней не относится.

22 апреля.

Некоторые говорят, что правительство ждет только одного—чтобы Дума утвердила бюджет, и тогда ее распустят.

23 апреля.

Командир „Памяти Азова“ Куриш говорил, что матросы в данное время очень ненадежны, что они могут перерезать горло всем офицерам, что есть такой слух, что офицерам-командирам не сдобровать. Кн. Н. Д. Голицын, который ездил в Саратовскую губернию в командировку, говорил, что аграрное движение там усиливается, что Дума вносит большую смуту в умы населения.

1 мая.

В обществе Редигера называют финном, изменником. Пишут газеты про съезд социалистов в Лондоне. Это зловещий съезд, который еще много внесет смуты в России при нашем неумелом правительстве.

2 мая.

Пуришкевич говорил по телефону об Илиодоре, который на московском монархическом съезде вел себя безобразно, возмути-

тельно. Организация съезда оказалась неумелой. Так что выходит, что русские люди не объединились, а напротив — разъединились.

4 мая.

Утром явились члены „союза русского народа“ из Херсонской губ. Хоменко и Волков. Они возмущены Дубровиным, что он отказался исполнить желание многих членов с иеромонахом Илиодором во главе устроить, чтобы царь принял их депутацию. Дубровин им сказал, что депутация не будет принята царем. Сегодня, в числе 23-х человек, с Илиодором во главе, они приехали сюда. Эти люди так настроены, что готовы итти за Илиодором в огонь и воду. Затем был Дубровин с Еленевым. Он рассказал, как безобразно, дико держал себя Илиодор на съезде, что он произвел целый раскол в „союзе русского народа“, что он ругал Столыпина Пилатом, его, Дубровина,—Иудой Предателем, Грингмута—Каиафой, Дубровина предал анафеме и проклятью. Вообще поведение Илиодора на съезде было безобразно. Теперь он приехал сюда добиваться аудиенции у царя. Из всех рассказов Дубровина вытекает, что он в Москве вел себя непристойно монашескому сану. Говорили также Дубровин и Еленев про Рейнбота, который недружелюбно отнесся к съезду монархистов. Так, например, он был недоволен, что съезд пел возле дома ген.-губернатора русский гимн „Боже, царя храни“, который Рейнбот назвал „политической песней“, и сказал якобы, что революционеры вели себя лучше на похоронах Иоллоса, чем русские люди, что им было запрещено петь революционные песни и они не пели их, а союз пел политические песни. Сказал Дубровин, что Рейнбот потерял равновесие. Когда Дубровин ушел, явился Хоменко, взволнованный тем, что к Илиодору очень строго относятся. Хоменко высказывал такие вещи, которые были бы только под стать революционеру,—что все надо уничтожить, не только людей, сидящих в министерствах, но даже стены этих министерств, что крамола всюду развелась, что она и при дворе, что кн. Оболенский (верно, речь шла о „Котике Оболенском“. Кто он—Хоменко не сумел назвать), делает у царя, что хочет и проч. Из этого видно, что, побывав в Петербурге, наслушавшись у Дубровина и других разных рассказов, теперь Илиодор их передает народу и мутит народ во-всю. Хоменко рассказал про выборы в Думу в Херсоне, как их было 92 человека, вместо шаров им дали орехи, когда подсчитали, оказалось, что 12-ти орехов недостает—выборщики свои орехи съели, подходили как бы их опустить, но не опустили и съели.

6 мая.

Говорят теперь про сорванное покушение на жизнь царя, что было произведено много арестов. Оказывается, что про это говорят задним числом, все это готовилось еще с 1-го апреля,

но было во-время захвачено. Готовились сразу произвести три покушения—на царя, на вел. кн. Николая Николаевича и на Столыпина. Никто из общества не участвовал. Среди заговорщиков оказался преподаватель лицея Энке, которого тоже забрали. В. В. Валь рассказывал, как он сегодня был в Царском по случаю дня рождения царя. Головин тоже там был, сидел за столом, где сидели все министры. Говорили также, что заговор был открыт так. Приехало много анархистов из-за границы, которые, действовали и в Петербурге, и в Царском подкупили казаков которые им обещали полное содействие. Казаки выведали все от анархистов и, когда все и про всех узнали, весь заговор выдали. Все анархисты переловлены. Почти одно и то же об этом деле говорили Валь, Никольский и Безродная. Затем говорилось, что якобы анархисты сказали, что они не ожидали такой преданности в войсках, что придется теперь снова работать, так как видно, что войска еще не готовы.

7 мая.

Жаконне говорил, что дело о готовящемся покушении разоблачил Витте корреспонденту „Daily Telegraph“, который это телеграфировал в свою газету, и тогда это стало всему миру известно. А теперь в кулуарах Думы говорится, что Duillon узнал это от Крыжановского. Жаконне говорит, что это ложь.

8 мая.

Клейгельс сказал сегодня, что Дума должна быть разогнана вчера же и одновременно 253 члена Думы, которые не вошли в зал в то время, когда Столыпин давал объяснения по поводу готовящегося на царя покушения, должны бы быть взяты тут же и препровождены в Алексеевскую цитадель. Курлов его поддержал, сказал, что, будь он на месте Столыпина и увидь он, что левые скамейки пусты, он не стал бы давать объяснения, уехал бы и прислал бы чиновника объявить о роспуске Думы и об аресте с.-д., с.-р. и трудовиков. Слова Курлова, которого прочат директором департамента полиции: теперь одного надо ждать—вооруженного восстания, тогда можно будет начать дело успокоения.

9 мая.

Сегодня многие у нас говорили, что будто Дедюлин заверяет что никакого заговора не было, что все это ложь, что были правда, изловлены в Царском анархисты, но в охране все спокойно. Вчера говорила m-me Шевич, что члены Думы крестьяне были приглашены на высочайший смотр Л.-гв. Гренадерского полка. Ожидали, что приедут 25 человек, а приехало всего 3.

16 мая.

Сегодня нам говорили, что вопрос так стоит в правительственных сферах, что с разгоном Думы связано падение совета министров и уход Столыпина из премьеров, и что Столыпин цепко держится за то, чтобы Дума продолжала свое существование, так как свое премьерство никому уступить не хочет, оно ему нравится. А. П. Никольский сказал, что он то же самое про Столыпина слышал на-днях в Сенате.

18 мая.

Вчера вечером относительно вчерашнего заседания Думы нам было сказано, что Дума, судя по этому заседанию, чувствует, что она умирает et qu'elle doit mourrir d'une belle mort, d'une mort archi-revolutionnaire, что видно, что с.-д. спешат с кафедры договорить все. Правительству вчера было решено высказать порицание. Все это кушает Столыпин и доклады свои царю, видно, делает в том же духе, в каком печатает отчеты о заседаниях Думы в „Правит. Вестнике", при чтении которых нельзя себе составить понятия о том, что происходит в Думе. Про Родичева сказал Максимович, что он его считает „барометром" Думы, что он теперь узрел, что Дума крепка, поэтому его язык развязался, он каждое заседание говорит, и смело, дерзко говорит, а сначала сидел молча, про него и слышно не было.

23 мая.

Сейчас Штюрмер, а раньше Жаконне, сказали, что эскадрон л.-гусар возмутился, что весь арестован, арестован также один офицер гусар.

24 мая.

Сейчас Кочубей сказала со слов Мосолова, что командир гусарского полка Соловой посажен под арест на две недели. Командиру эскадрона, который не отвечал на приветствие этого командира, Молоствова, ничего не сделано, он на свободе, а эскадрон отдан под военный суд. Было время—про такие события говорили, что следует так или иначе поступить, а теперь эти факты принимаются к сведению без надежды на то, что можно ожидать улучшения в будущем, чтобы они не повторялись. Напротив—тревога растет. Был сегодня Радциг. Рассказывал о приеме царем Головина. Радцигу царь сам сказал, что принял Головина сурово, сказал ему, что если будут продолжаться левыми такие речи, как было доселе, и он их останавливать не будет, то Дума будет распущена. По рассказам Радцига видно, что Столыпин в фаворе,—вчера в $5^1/_2$ час. приехал к царю бар. Фредерикс, но царь его не принял, сказал, что никого не принимает, так как ожидает к 6-ти часам Столыпина, который, выходя из кабинета царя,

сказал Радцигу: „Берегите государя, не волнуйте его, чтобы его не раздражали".

25 мая.

Дейтрих, Чаплин и др. говорили, что от Столыпина добра нельзя ждать, его образ мыслей ежедневно можно прочесть в „Нов. Времени", в „Заметках" его брата, которые меняются окраской ежедневно, что теперь Столыпин кокетничает с кадетами и некоторыми правыми и с ними хочет вести думское дело,—он думает, что с такой поддержкой он поведет Думу туда и так, как вздумает.

26 мая.

Был сегодня камердинер царя Катов. Сказал он, что насчет неудавшегося покушения на свою жизнь царь узнал только 6-го числа, и то только потому ему про это сказали, что 7-го готовился в Думе запрос относительно этого покушения. Рассказал также Катов, как были у царя при его дежурстве три правых депутации, что поставлены они были не в шеренгу, а встал каждый, куда хотел, и, давая это распоряжение заранее, царь сказал:—„Я их всех найду, пускай встанут, как хотят". Сказал Катов, что особенно всех растрогал председатель „союза русского народа" в Ярославле, который, входя еще только во дворец, уже начал креститься, и таким образом, все с крестным знамением, дошел до царя.

Рассказал Евреинов, как трудно Драчевскому со Столыпиным. Драчевский, напр., запретил газету „Русь", а Столыпин вновь ее разрешил. Сказал Евреинов, что не понимает отношений Столыпина к Бельгарду, что для Бельгарда никакие приказания Столыпина не обязательны, что он их оставляет без внимания, действует по своему. Говорили много о безработных. Драчевский собирается представить Столыпину доклад о том, что их следует выселить из Петербурга, отправить их большими партиями подальше. В случае разгона Думы, это—готовый контингент для беспорядков, их 120 тыс. человек. Все говорят, что Столыпин ведет двойную игру. Повидимому, он боится, чтобы его не убили. Напр., бумаги, которую ему посылает градоначальник, он возвращает без пометок, чтобы в случае неудачи остаться правым.

29 мая.

Была у арх. Иннокентия тамбовского. Он очень мрачно, возмущенно смотрит на грядущее, не понимает Столыпина, что держит Думу, которая уже революционизировала народ, что поверх голов членов Думы для печати ведутся эти думские речи. Про митрополита Антония он сказал, что Антоний не пришелся по Петербургу, что работы на него навалили сверх сил, даже

депешу царю, и ту ему пришлось составить от Синода по поводу покушения. Коснулись мы Роговича. Иннокентий сказал, что его затирают,—теперь послали в командировку, когда он здесь нужен, а обер-прокурор Извольский, куда он годится?—ничего не понимает, окружил себя бездарностями, верит ничего незначащим людям. Напр., у него теперь рижский Агафангел первое лицо, а у Агафангела убеждения нетвердые, привык жить в немецкой стране. Иннокентий доволен, что, по его отъезде, в его покоях водворится архиепископ вроде него,—Никон, экзарх Грузии, который будет продолжать начатые им беседы с митр. Антонием, в одном с ним духе на него действовать. Сказал также Иннокентий, что Янышев—человек совсем других убеждений, чем те, которых следует держаться духовному лицу. Иннокентий так возмущен Думой, что ее держат, что похвалил еп. Евлогия, что он не мог более терпеть бывать в Думе, отказался от звания члена Думы и уехал домой. Одно меня поразило в разговоре Иннокентия, что он верит в „верчение блюдечек", что часто эти „блюдечки" ему правду говорили. Затем он сказал, что достоверно знает, что Лауниц был убит своим, т.-е. служащим в полиции, что при нем раз был вызван дух Лауница, который и сказал это. А сегодня утром полицеймейстер Галибин мне сказал, что уверен, что Лауниц был убит не за свою петербургскую деятельность, а за деятельность в Тамбове, за Спиридонову.

Клейгельс рассказывал про свои откровенные беседы с царем, которому он не раз высказывал, что только твердая власть водворит порядок в России. Уже 10 лет назад Клейгельс предупреждал царя, что Витте ему надо остерегаться, что от его политики, кроме вреда, ничего не будет. В последнем свидании с царем Клейгельс откровенно высказал, что ожидает царя и Россию, если сильная власть не будет проявлена. Царь в эту минуту выглядел таким несчастным, удрученным, что Клейгельс понял, что он не решится действовать так, как Клейгельс ему предлагает. Клейгельс вспоминал про то время, когда ему пришлось усмирять студентов и когда затем Витте и некоторые еще министры вступились за студентов, которые произвели эти бесчинства на политической подкладке. Он тогда докладывал, что записка, подписанная тогда министрами с Витте во главе, носила революционный характер, но ему тогда не поверили. По мнению Клейгельса, если теперь взяться строго и решительно, если бы ему пришлось стать не премьером, а хотя бы только министром внутренних дел, он ручается, что через два года все бы он привел в полный порядок и все бы пошло вполне корректно. Он бы сумел это сделать без особой ломки. Насчет царя он сказал, что, если бы его видеть ежедневно и ежедневно вести с ним разговор на эту тему—проявление власти,—то возможен результат успешный, но если изредка только на эту тему ему докладывать, то ничего выйти не может. И Клейгельс, и Мосолов признают Дедюлина никуда негодным комендантом дворца.

31 мая.

Сегодня Штюрмер сказал со слов сведущих людей, что Думу предполагают распустить по вопросу Озоля.

1 июня.

Было сегодня закрытое заседание Думы, в котором было внесено предложение через судебного следователя об исключении 55-ти членов Думы с преданием их суду и аресте 16-ти членов Думы. Это вызвало бурные речи и отказ Думы исполнить требование правительства. Затем Дума решила собрать комиссию и в ней обсудить этот вопрос. Относительно собрания комиссии были большие дебаты. Кончилось тем, что было решено, что она соберется, но должна в 24 часа времени дать ответ. Настроение очень нервное в Думе и в публике тоже, ожидается разгон Думы. Уже во время заседания 2—6 часов исчезли два члена Думы—Озоль и Салтыков. По полунамекам А. А. Мосолова можно понять, что они находятся в таком месте, откуда им не убежать, и что с остальными „подозрительными" то же будет—их не упустят. Вокруг Думы сегодня была масса полиции и войска. Видно, что никто этого разгона не ожидал. Сегодня мы видели некоторых членов Гос. Совета, которые такого мнения, что закон о выборах в новую Думу следует внести на рассмотрение Гос. Совета, но якобы в Петергофе этого не желают. Сейчас полночь,—Зилоти телефонировал, что отложить ответ на 24 часа не согласились и что по сю пору депутаты в Думе.

2 июня.

Настроение сегодня очень нервное. Вечером будет заседание Думы, надо думать—последнее заседание этой Думы. Родичев сказал Жаконне, что ни Головин, ни другие члены Думы не ожидали вчера этого заявления Столыпина. Сейчас священник церкви Благовещения сказал, что из лагеря вернулся Конногвардейский полк. Значит, ожидаются беспорядки, значит, Думу собираются все-таки разогнать.

3 июня.

Сегодня было сведение, что якобы 7 человек из арестованных членов Думы успели укрыться, и Озоль в их числе. А потом кем-то было сказано за достоверное, что Озоль был арестован на Финляндском вокзале.

5 июня.

Разгон Думы прошел спокойно, арестовали многих, но 5 человек убежали, в их числе Озоль и Герус, двое самых важных преступников. Чаплин говорил, что в субботу вечером в Думе, в 8 час., собралась комиссия для ответа правительству. В $8^1/_2$ час. на это

заседание должен был приехать прокурор Камышанский, но не приехал. Члены комиссии в это время уже струсили, думали, что Дума уже не существует, но в начале 10-го приехал прокурор и все снова воспрянули духом. Прокурор давал дополнительные показания. В это же время шло заседание совета министров у Столыпина. В 11 часов вечера 4 члена комиссии отправились к Столыпину с ответом, вернее—торговаться с ним, что только 4-х, а не 16, готовы выдать правительству. Столыпин категорически отвечал, что требуется выдача всех 16-ти, иначе будет поступлено с Думой по закону (дословно не помню слова премьера). Вернувшись от Столыпина, комиссия сразу поняла, что Дума не существует. По словам Булгакова, манифест весь надерган из статей Меньшикова в „Новом Времени", Булгаков манифестом недоволен. Нам сказали за достоверное, что манифест написан самим Столыпиным, и потому так уклончив, как сам Столыпин, что твердость в этом манифесте отсутствует. Сахарова, дочь Дедюлина, говорила, что царь любит, когда ему представляются „союзы русских людей", что он охотно с ними беседует. Сегодня прочитала недозволенную цензурой депешу „Агентства", что в Киеве, в лагере, в Селенгинском полку взбунтовалось несколько солдат, был убит один офицер. Насчет Озоля Чаплин сказал, что его арестовали, но он сумел убежать из-под ареста.

6 июня.

По словам Чаплина, у Озоля и других был уже напечатан проект, как свергнуть правительство и объявить демократическую республику; роли все уже были распределены.

7 июня.

Был сегодня Пихно. Насчет депеши царя „союзу русского народа" высказал, что с этой депешей поторопились. „Новое Время" ее до сих пор в газете не напечатало. Эта депеша производит сенсацию. „Октябристы" ее критикуют, что царь дал 17 октября, а теперь, по этой депеше судя, все отбирает назад. Жаконне эту депешу назвал вторым манифестом.

8 июня.

Был Радциг. Сказал, что царь был очень расстроен, когда ожидал известия, что Дума распущена, ждал этой вести с нетерпением. Радциг сказал, что он слышал, что якобы Коковцов очень недоволен и смущен депешей царя к Дубровину—„союзу русского народа", что вследствие этой депеши на бирже полетели русские бумаги. Когда я сказала, что желательно, чтобы царь проявил твердую, неуклонную волю. Радциг сказал, что, кажется, так и будет, что на это похоже. Столыпин всю эту неделю у царя не был. Объясняют это тем, что получены сведения, что московский революционный комитет порешил первыми убить Столыпина и Драчевского, который сам про это сказал Штюрмеру. Стишин-

ский сказал, что Коковцов, Шванебах и Шауфус против Столыпина, не сходятся с ним во взглядах.

9 июня.

Сегодня Жеденев очень метко охарактеризовал Драчевского, что это человек безвольный, больной, который совсем не на своем месте, что он не будет интриговать, проводить республику, но если республика будет провозглашена, то он ей не удивится, примкнет к ней, мешать же проводить республику он тоже не будет.

13 июня.

Сегодня Шамшина говорила, что Горемыкин рассказывал, что было несколько проектов манифеста 17 октября, что царь колебался, но Витте самодержавно заявил, что надо подписать тот, который был обнародован, его манифест,—он и был подписан. Теперь же Витте от своей работы отказывается, хулит манифест. По словам Шамшиной, Витте советовал Коковцову за границу не ездить, что там его скорее убьют, что здесь его два человека охраняют, а там у него охраны не будет.

15 июня.

Был московский Рейнбот. Вчера представлялся царю. Про царя сказал: „поправел". Про то, что в Петербурге говорят, что он якобы „Боже, царя храни" назвал политической песней, он сказал, что якобы Гершельман не хотел даже выйти на балкон, к крестному ходу,—опасался криков „ура" и проч. И царю, и Столыпину про все это доложено. Рассказал он также, что арестовал весь союз печатников и что Гершельман три дня задерживал разрешение ареста. Пуришкевич сказал, что Дубровин после полученной им царской депеши закусил удила, возомнил о себе ни весть что, „Русское Знамя" его превратилось в порнографическую газету, в которой орудуют его темные люди, вроде Катанского. Восторгов и Шахматов, вместе с Пуришкевичем, старались вернуть Дубровина на путь истины, но успеха не имели,—все разъехались в полном с ним разладе.

16 июня.

Гр. Толь говорил, что теперь очень острые отношения у Столыпина с Коковцовым. По словам Толя, Столыпин играет две игры. На царя Столыпин влияет, царь его слушается.

18 июня.

Приехал митрополит Антоний. Теперь с ним, ради тамбовского Иннокентия, произошла перемена—он стал правым, а за все прошлое время был левым. На меня митрополит Антоний

произвел впечатление недуховного лица. Хотя он и приветлив, но все у него выходит как-то деревянно,—он еще не совсем растаял, все еще лед на нем. Сегодня Чаплин обвинял Гершельмана по тому делу, которое так заняло Думу,—запрос насчет казенных Гершельманом. На этом думском запросе тогда неудачно защищали Гершельмана Щегловитов и Макаров, которые до заседания Думы не спелись.

19 июня.

Когда вчера два председателя отделений „союза русского народа“—гомельский и иркутский—сказали Рейнботу, что вот про Иоллоса и Герценштейна не перестают еще говорить, про их убийство, а русских людей каждый день убивают и никто не говорит о них, Рейнбот правильно отвечал, что у русских людей нет сплоченности, а у тех огромная, что на похороны русского человека и 10 человек не придут, а на похороны Иоллоса собралось 15 тысяч. Где же все русские люди, шумящие о патриотизме? В минуту, когда надо проявить воочию этот патриотизм, куда они скрываются, где прячутся? Столыпин так секретно уехал в конце прошлой недели в шхеры, что ни одного доклада не отменил: директора приезжали с обычными докладами и узнавали, что министр уехал. Крыжановские, которые живут рядом со Столыпиными на Елагином острове, говорили Зиновьеву, что отдельных нападений у них там не боятся, но страшатся нападения в большом количестве нападающих. По всему месту, где живут Столыпины, Крыжановские и др., размещена охрана в таком количестве, что всюду, в каждом кусту, находится или жандарм, или полиция, или сыскной, или войска. В сад Крыжановские ради этой охраны не показываются.

20 июня.

Была сегодня у бывшего члена Думы епископа Евлогия. Он говорил, что с гнетущим чувством ездил на эти заседания, возвращался с них больной. Евлогий тоже сказал, что ему было очень тяжело выступить с речью в этой Думе,—он чувствовал, как недоброжелательно она относилась к правым. Сказал, что господь, когда хочет наказать, отнимает разум, и вот Дума сама у себя отняла разум, избрав такого глупого председателя, как Головин. Про исчезновение Озоля и других Евлогий спрашивал Столыпина, каким образом это могло случиться, что Озолю удалось скрыться. На это Столыпин отвечал, что уследить за всеми не представлялось никакой возможности. Очень странный ответ. Про митрополита Антония Евлогий сказал саркастически: „поправел“.

21 июня.

Вчера епископ Евлогий вспоминал про Думу, как левые крестьяне, т.-е. которые только и ждали, чтобы им даром роздали

землю, после речей Кутлера и Столыпина возмущались последним, говоря, что так было хорошо—Кутлер всем дал землю, а пришел Столыпин на кафедру и всю землю отнял. Тоже Евлогий рассказывал, как депутат Хвост и другие ругали ему своих священников.

23 июня.

Клейгельс говорил, что для новых, теперь придуманных выборов было написано три проекта, что Горемыкин приглашался их обсуждать, но он ни с одним проектом не согласился, ни одного не одобрил и ни одного проекта не подписал. По словам Клейгельса, пока не вернутся к манифесту 6 августа, никакого толку из Думы не будет, что того же мнения и Горемыкин.

5 июля.

Заходил Батьянов. Говорит, что всюду, где он был (а он был во многих губерниях), спокойно, но что избави бог Думу не собирать, что необходимо, чтобы была Дума, а то многие не только умеренные, но и правые полевеют. Воейков („Земля“) говорил, что желательно, чтобы правительство вернулось к закону 6 августа для Думы, т.-е. чтобы Дума была только совещательная. А Батьянов говорит, что не дай бог изменять этот закон, что он желал бы Думу октябристскую, отнюдь не правую. Чаплин говорил, что Коковцов в совете министров очень мрачно обрисовал финансовое положение.

10 июля.

Были сегодня два губернатора—Шрамченко (Нижний) и Горчаков (Вятка). Оба сказали, что Столыпина они понимают, но Макарова, товарища министра внутренних дел по полиции, оба не понимают—какого он направления, чего он требует от губернаторов, его циркуляры такие, что их исполнять невозможно.

19 июля, Берлин.

Завтракали сегодня у нашего посла, барона Остен-Сакена. Рассказал он, как он здесь хлопотал насчет Багдадской дороги, как внушил Вильгельму через Бюлова, что желаемое Германией направление этой дороги может расстроить ее добрые отношения с Россией, как Вильгельм тотчас признал доводы Сакена основательными, сказал, чтобы Россию спросили. Тогда был граф Муравьев, который не понял всей важности этого вопроса и отвечал, что России направление этой дороги безразлично, что это только русский посол в Берлине придал значение этому вопросу, оттого что изнервничался. Сакен сказал, что 19-го царь поехал в Свинемюнде, где свидится с Вильгельмом. С царем поехал

Извольский, а с Вильгельмом Бюлов. Жены императоров им не сопутствуют.

16 сентября.

Продолжаются разговоры о том, что на Столыпина надежды мало, что он ничего путного не сделает. Б. Никольский его прямо назвал „дураком“, „квартальным“ и проч. Выборы в Думу неутешительные. На волостных сходах избираются все левые выборщики.

17 сентября.

Вот что пишет Рейнбот про Москву:—„В Москве у нас тихо, спокойно. К выборам в Думу ровно никакого интереса. Даже предвыборных собраний кадеты не устраивают. Попробовали устроить одно,—председатель позволил себе оскорбительные выражения по адресу чина полиции, за что тот собрание закрыл, а я оратора, для примера, посадил на три месяца. Революционеры собирались недавно на съезд, на котором тоже признали, что в Москве дела стоят очень плохо, но, к сожалению, считают, что в Петербурге—хорошо, а в Черниговской, Харьковской в Киевской губерниях—очень хорошо, а в остальных посредственно. Главным образом мне приходится теперь бороться с простым политическим хулиганством—так все измельчало в революционном лагере. Университет учится, сходки совершенно непопулярны: на первой было около 2500 (из 9 тысяч), на второй—700, третьего дня—150, а вчера, на трех назначенных,—около 100 человек“.

19 сентября.

Сегодня Б. В. Никольский сказал, что П. А. Столыпин пока крепко сидит, но почва под его ногами разрыхлена. Про Драчевского говорили, что он в самых добрых отношениях со Столыпиным, скорее—Драчевский за последнее время вырос в общественном мнении. „Новое Время“ к нему за последнее время благосклонно относится.

24 сентября.

Был Стишинский. Столыпина он тоже критикует, называет его „кадетом“, признает всех октябристов кадетами, говорит, что их программа от кадетской далеко не ушла.

Клейгельс рассказывал про недочеты в болгарских торжествах. Когда Фердинанд его спросил, остался ли он доволен этим торжеством, он отвечал, что было все прекрасно, недоставало одного—народа. Улицы, по которым ехали Фердинанд, вел. кн. Владимир, гости, свита и министры, были пусты, балконы были все закрыты.

Сегодня кн. Шаховской (председатель Русского собрания) говорил, что киевский Б. В. Юзефович ему писал, что признает Дейтриха очень умным человеком, единственным в Петербурге

который мог бы занять пост премьера, заместить Столыпина, который куда хуже Дейтриха.

26 сентября.

Впечатление Клейгельса насчет Фердинанда Болгарского, что он русских и Россию не любит. Фердинанд совсем не популярен в Болгарии. Клейгельс рассказал про первый приезд Фердинанда в Россию, в Петербург, после всех неприятностей, которые до него Баттенбергский, а затем он делали русскому царю. В это время Клейгельс был градоначальником. Петербург собирался встретить Фердинанда иллюминацией, флагами и хлебом-солью от города на вокзале. Имея разрешение царя являться к нему, в случае надобности, в какое угодно время, чувствуя, что подобной встречи не должно быть, а надо принять Фердинанда вежливо, но без помпы, Клейгельс отправился в Зимний дворец и доложил свою мысль, что надо принять без встреч и флагов. Государь, выслушав Клейгельса, подумал немного и приказал отменить флаги и депутации, а если оные пожелают представиться и поднести хлеб-соль, то чтобы подносили во дворце. Так и было исполнено. Встречали Фердинанда только комендант Адельсон и он, Клейгельс. Эта перемена всех поразила, искали причину, и только в конце своего пребывания в Петербурге Фердинанд про нее как бы догадался и сказал Клейгельсу, что по случаю его приезда Клейгельсу было много хлопот, на что тот отвечал: никаких, кроме удовольствия встретить гостя моего государя. Во второй же приезд Фердинанда в Петербург он был встречен и депутациями, а столица была украшена флагами. Про памятник, поставленный в память царя-освободителя, Клейгельс сказал, что в нем есть нечто, для русского глаза не вполне симпатичное по аналогии. Царь Александр II представлен на том самом коне, на котором он был во время Плевненского сражения, рядом с ним, немного поодаль—вел. кн. Николай Николаевич тоже на коне, а с другой стороны царя—гр. Н. П. Игнатьев. Вот эту-то фигуру, Игнатьева, Клейгельс и признает лишней в этой группе; лучше было бы, по его словам, видеть на его месте Гурко, Радецкого, Скобелева, которые находятся на барельефах. В Болгарии же Клейгельс заметил, что там Игнатьева очень почитают, что он там очень популярен среди населения, которое признает, что именно ему всем обязано.

29 сентября.

Вчера Мосолов говорил про яхту „Штандарт", что когда она в шхерах села на камень и царь с семьей перешел на „Азию" ночевать, то барон Фредерикс и вся свита царя всю ночь не спали, так как в команде „Азии" не были уверены, мог и на ней оказаться ненадежный машинист, как оказался на „Штандарте". Рейнбот, в порыве откровенности, вчера сказал, что вся беда в том, что царь со всеми соглашается, что у него нет ни-

какой твердости. Вспомнил, что делал доклад царю о действиях Лангофа в Финляндии, об его планах на будущее и проч. Царь твердо, решительно ему сказал, что никогда подобных действий не допустит. Это было в 11 час. утра, а в 3 часа был у царя Лангоф и добился всего того, чего желал и против чего говорил Рейнбот.

3 октября.

До сих пор нигде не видно, чтобы царь послал вдове Грингмута депешу. Вообще про царя нашего можно сказать, что он— загадка, сегодня он правый, а что завтра будет, покрыто мраком неизвестности. На приемах он обворожительный, но это впечатление скоро изглаживается, так как всякий чувствует, что все, что обещано царем, не прочно, что на него надеяться нельзя.

5 октября.

Батьянов говорил про Либаву и про Мурман, что в обоих портах у нас такие бухты, которые никуда не годны для стоянки судов, а денег на них ухлопано много. Тоже возмущался амурской флотилией, на которую пошло 20 милл. руб. Затеяли ее после Японо-Китайской войны, затем мы воевали с Японией, и только теперь, когда эта флотилия нам совершенно ни к чему, лишняя, ее достраивают,—еще невполне готова, продолжают на нее бросать деньги. Таких безобразий у нас очень много.

Был у нас рижский Агафангел. Это мягкий в беседах архиерей, который очень осторожно высказывает свое мнение. До него сидел монах—чех Вячеслав. Он сказал, что архимандрит Арсений исчез вследствие того, что, привезя от себя икону из Иерусалима, здесь сказал, что она прислана патриархом царю в благословение, чего на самом деле не было. Б. Никольский говорил, что протоиерей Восторгов интригует у Столыпина, где он persona grata, получить „Московские Ведомости", что Восторгов низкая личность, страшный интриган, беспринципный человек, готовый за субсидию быть какого угодно направления.

6 октября.

Заиончковский говорил, что новые правила, выдуманные военным министерством насчет 3-х лет срока военной службы, совсем испортят армию, которая, надо считать, через 5 — 6 лет совсем у нас исчезнет, что запасные, которые являются на отбывание повинности, куда хуже мужиков, что эти именно запасные, избаловавшись в полку, вносят в деревню дурное, развращающее начало.

7 октября.

Был киевский генерал-губернатор Сухомлинов, которого царь зачислил в списки офицеров кавалерийской школы. Е. В. ему

рассказал свой разговор по телефону с представителем агентства „Havas“, который сперва спросил, правда ли, что так как Дума ожидается правая, то ей будет встреча, и что еще не решено, где царь ее примет—в Петергофе или в Зимнем дворце, что Столыпин склоняется на прием в Зимнем дворце. Затем второй вопрос был о том, правда ли, что Редигер уходит. Е. В. сказал Сухомлинову, что вот он был бы хорошим военным министром. На это Сухомлинов отвечал, что никогда не принял бы этот пост при теперешней двойственной власти, когда Редигер является нулем и всем заправляет Палицын, что про это разделение он докладывал царю, что оно принесет только вред,—сам царь рекомендовал для кодификации работы Редигера, который человек кабинетный, для живой деятельности неспособен, и вот теперь Редигер—военный министр.

11 октября.

Клейгельс рассказал, что, по его мнению, было причиной, что Москва стала таким революционным городом. Когда Клейгельс был назначен обер-полицеймейстером в Варшаву, до него помощником его предместника был Власовский, который был переведен в Ригу. Власовский в Варшаве своим хамством и неосновательными штрафами довел население Варшавы до крайнего недовольства и возбуждения, даже до враждебных чувств и действий. Быв из Риги затем назначен в Москву при вел. кн. Сергее Александровиче, Власовский продолжал свою варшавскую систему—за малейшую провинность штрафовал москвичей. Московские купцы—народ строптивый, обидчивый. Попробовали они пожаловаться на Власовского великому князю, но участия в нем не встретили. Платили они штрафы, но к Власовскому с повинной не обращались, а озлоблялись все больше и больше,—стали давать деньги „освободителям“ и „покраснели“ в своих убеждениях, недовольные властями. Затем, после Власовского Трепов с зубатовщиной поддержал это настроение недовольства, которое доселе дает себя чувствовать.

14 октября.

Шауфус прислал прочесть большую бумагу, с описанием своего путешествия по железным дорогам. Между прочим, в этом журнале есть „План вооруженного восстания на Средне-Азиатской дороге и тактика военной организации“. По докладу военной организации, ташкентский гарнизон готов к вооруженному восстанию. Дабы не впасть в печальную ошибку, съезд делегатов с ручательством военной организации постановил: при получении сигнала к вооруженному восстанию, ташкентский гарнизон выступает, на что делегаты военной организации дали полное согласие. Пример и начало дают саперы, произведя аресты всех офицеров и командиров, за исключением тех, которые числятся по военной организации за № 7. Одновременно объявляется вос-

стание под руководством назначенных командиров в других частях гарнизона. Все боевые припасы своевременно должны быть захвачены. Все командиры отдельных частей подчиняются и исполняют распоряжения начальника гарнизона № 13. При полном и порядковом восстании войск и железно-дорожный комитет объявляет забастовку по всей линии Ср.-Аз. ж.-д.; по объявлении примыкают к забастовке Оренбургско-Ташкентская, Сам.-Златоустовская и др. дороги. Движение поездов прекращается, за исключением делегатских и продовольственных поездов для линейных служащих. При попытке правительства восстановить движение какими-либо средствами, железно-дорожная организация принимает меры противодействия: порча полотна, телеграфа и подвижного состава. Ж.-д. организации в Ташкенте принимают распоряжения от уполномоченного, товарища „Голова". Порядок и охрана грузов возлагается на всех ж.-д. служащих, под управлением комитетов на всех станциях. Виновные в злоупотреблениях отвечают перед „Товарищеским судом".

Теперь еще документ: „Срочный запрос Центрального Бюро ж.-д. союза во все организации и союзы от 12-го июня 1907 года. 1) Дабы дать крестьянам покончить с полевыми работами; 2) недостаточная подготовка войск,—усилить пропаганду; 3) слабое действие на Волге и др. водных путях; 4) уклонение от стачки Сибирской дороги и слабая деятельность на них областных комитетов и союзов; 5) принятые на дорогах меры правительства и проч. В виду вышеизложенного, Центральное Бюро запрашивает, признавать ли откладывание всеобщей забастовки до начала выборов в Думу, т.-е. до осени. Центральное Бюро просит немедленно уведомить о настроении массы пролетариата, граждан и войск; согласно параграфу 23, по указанию Центрального Комитета, сигналом всеобщего выступления и забастовки служит выступление той дороги, на которую пал выбор последнего съезда делегатов. По удобству условий выбор пал на Ср.-Аз. ж.-д., по водному же сообщению—пароходство „Кавказ и Меркурий". На объединенном собрании членов Областного Комитета в Асхабаде, делегатами военных организаций всего Туркестана письменно доложено о полной подготовке для вооруженного восстания всех войск, за исключением мелких частей пограничной стражи, казаков и некоторых частей Асхабадского гарнизона и небольшой части в Мерве. Особенно подготовлен и солидарен с революционными организациями Ташкентский гарнизон".

Как не дремлют эти революционеры! Ужас берет!

15 октября.

Вот копия той депеши, которая удостоверяет, что на Шауфуса этим летом готовилось покушение. „Телеграмма из Асхабада от ген.-майора Малыхина в Ташкент, генерал-губернатору Гродекову от 6-го июля. Шифра 2 дополнение, № 299, доношу: Агентур-

ными сведениями положительно установлено, что задержанием 6-ти бомб предупреждено покушение на министра путей,—к его проезду изготовлялись. Кроме захваченных, изготовить не успели. Весьма важен был момент обнаружения. Все почти бомбы при уничтожении дали сильнейшие взрывы. Запоздавший обыск у заготовителей бомб не дал фактических улик. Упомянутый телеграммой № 231 слесарь Руш убит по ошибочному подозрению—указанию жандармам местонахождения бомб. Министр благополучно проследовал сегодня в Ташкент. Ссылаясь на донесение мое 12/14 марта, № 120, ходатайствую о вознаграждении сотрудника Андрея Петрова, обнаружившего это готовившееся покушение и дающего постоянно столь ценные и своевременные указания“.

Гр. Апраксин, которого сделали вице-губернатором в Воронеже, сказал Столыпину, что должен ему сказать, что он монархических убеждений и им не изменит. На это Столыпин ему ответил:—„Убеждения ваши мне известны, но в Воронеже вам не придется заниматься политикой“. Сегодня разбирали Вирена (гл. командира черноморского флота). Говорили, что он мелочный, что сидит постоянно взаперти и разбирает прошения на свое имя.

16 октября.

Шаховской (Русское Собрание) очень озабочен вопросом, кому попадут теперь в руки „Моск. Ведомости“. По этому поводу он ездил к Столыпину с запиской от Русского Собрания, чтобы эту газету передали собранию, которое отыщет надлежащего заместителя Грингмуту. Шаховской вынес убеждение со слов Столыпина, что совет министров решил сделать „Московские Ведомости“ беспартийной газетой, что якобы „Моск. Ведомости“ будут теперь коммерческим предприятием. Сегодня был у Шаховского Карцев, который пишет в „Пет. Вед.“, сказал ему Карцев, что писал Кауфману, своему товарищу по лицею, чтобы ему отдали „Моск. Ведомости“. Показал Карцев Шаховскому ответ Кауфмана, который начинается так: „Я и Столыпин давно установили взгляд, что в России должна устроиться германская конституция“. В письме высказывается, что прошение Карцева принимается сочувственно. Шаховской находит, что Карцев к этому делу непригоден, и теперь от Русского Собрания идет к Столыпину заявление, чтобы „Моск. Ведомости“ передать Назаревскому.

18 октября.

Был ген. Линевич. Говорил, что обидно, что Петербург помешал русским войскам победить японцев, что он неоднократно беседовал по этому поводу с государем, который ему каждый раз говорил, что не может себе простить, что заключил мир с японцами. Линевич говорит, что это Витте здесь орудовал, что его даже не спросили, может ли он быть уверен в победе. Сказал, что ему

писали все время из Петербурга, чтобы он отступил от занятой им позиции, а он отвечал, что довольно отступал Куропаткин, и не отступил.

21 октября.

Был Марков, новый член Думы. Причисляет себя к правым октябристам. Высказывал свое profession de foi, что в оппозицию к правительству не станет, но если попадет в бюджетную комиссию, то не с кафедры, а из комиссии сделает запрос личный Столыпину, знает ли царь про те 90 ассигновок крупных цифр, начиная с 300 тысяч, которые помещаются в бюджете, которые пишутся без указания, куда расходуются, только над каждой цифрой надписано „с ведома государя императора", а Марков уверен, что царь эти суммы совсем не ведает, что эти деньги употреблялись раньше Витте для подкупа нужных и опасных ему людей. Говорили нам сегодня, что Извольский мечтает получить место посла в Париже, так как жена его скучает в Петербурге.

23 октября.

Н. Путятин говорил, что назначение немца гр. Ферзена главным морским представителем во Владивосток крупная ошибка; жена его заядлая полька и ни муж, ни жена русских не терпят. Его помощник, Гиляс, тоже неудачный выбор. Эта личность, бывши назначен командиром на „Очаков", так возбудила против себя всю команду „Очакова" дерзким и резким обращением, что пришла такая минуту, что этот Гиляс должен был потихоньку бежать с „Очакова", оставил судно без командира, и тогда явился на „Очаков" пресловутый лейтенант Шмидт, который произвел возмущение на „Очакове". Был сегодня Бартенев, про которого писал Щербатов, что желательно, чтобы ему были отданы „Моск. Ведомости". Видна в этом Бартеневе самонадеянность. Про Пуришкевича он отзывался неодобрительно, привел слова своего отца „(Русский Архив"), что у Пуришкевича „нет в ногах свинца".

26 октября.

Салов рассказал сегодня со слов секретаря Шауфуса следующее. В отсутствие Шауфуса, Вендрих, через посредство вел. кн. Николая Николаевича, подал царю записку об устройстве эксплоатационного отдела, с подчинением ему жандармов на жел.-дор. и перевозки войск. Царь на эту меру изъявил согласие. Затем внесли эту записку на рассмотрение совета министров, но так как есть согласие царя, то совет министров нашел, что не имеет права рассматривать высочайше одобренную записку, которая делает Вендриха полным хозяином министерства путей. Вчера спешили с докладами, чтобы они были готовы к сегодня—день очередного доклада министра путей, но сегодня Шауфус с докладом не поехал. Затем, в отсутствие Шауфуса, Вендрих провел

в начальники железнодорожного департамента, начальника Либавской дороги Козырева, свою креатуру. Все Вендрих сделал помимо Шауфуса, и сегодня идет говор, что Шауфус уходит, и Вендрих на его место. Вендриха в министерстве не любят, признают его путанником.. Эти сведения сообщил Салову Палтов, секретарь министра путей сообщения.

Насчет Гурко многие говорят, что он слишком строго наказан—отрешен от должности и 3 года не имеет права вступить ни на какую службу.

Пантелеев (А. И.) сказал, что в имении Хвостова (б. черниговского губернатора) аграрное движение,—крестьяне разгромили и сожгли его усадьбу.

Сегодня вечером снова позвонил Салов сказать насчет Шауфуса, что сегодня до 2-х часов не принимал докладов, а затем снова стал торопить с докладом царю, что завтра или после-завтра едет в Новый Петергоф, что сегодня был Столыпин у царя и, вернувшись домой, вызвал Вендриха, которому сделал выговор от имени царя, что якобы Вендрих уезжает за-границу, а Мясоедову-Иванову послана депеша, чтобы он возвращался скорее в Петербург. Какая у нас путаница творится из-за безволия царя! Была Степанова („активная оборона“), говорила про Дубровина, что с каждым человеком он говорит другое, что об одном и том же предмете каждый его собеседник слышит разные версии. Евреинов сказал, что при открытии Думы будет распоряжение за ½ версты до Думы не допускать народ. В прошлом году тоже хлопотали, в особенности Лауниц, чтобы крестьянские депутаты были помещены так, чтобы их возможно было уберечь от дурного влияния, но это тогда не удалось, и тогда был целый скандал. Степанова и Брянчанинов надеются теперь устроить так, чтобы левые депутаты не совратили крестьян в свою партию. Степанова устроила квартиру для депутатов и вместе с Брянчаниновым наметила план действий. Степанова говорила, что среди рабочих большая нужда, что на Путиловском заводе вместо 14 тысяч работает 4 тысячи,—остальные получили расчет, что не только левые рабочие, но и правые обозлены, настроение между рабочими нехорошее. Пропаганда идет сильная в войсках, особенно старательно совращаются офицеры. Горючий элемент представляют вернувшиеся с войны, к которым относятся здесь пренебрежительно.

27 октября.

Все новости Салова относительно инцидента Шауфус-Вендрих оказываются неверными. Мясоедова-Иванова сегодня сказала, что ее мужа Шауфус из-за границы не вызывал, спросил ее только по телефону, когда муж вернется, она сказала: 4-го ноября. Относительно того, что Шауфус вчера не поехал, якобы из-за проделок Вендриха,—тоже неверно—не поехал потому, что его сын заболел, но царь, узнав об этом, написал Шауфусу очень милое

письмо. Мясоедова-Иванова еще сказала, что Вендрих подвел Шауфуса, что будь ее муж здесь, этого бы не случилось. Недаром его называют „старой нянюшкой министерства“. Сказала, что Шауфуса интересовал приезд ее мужа оттого, что на нем теперь вся работа лежит, а Вендрих ничего не делает и когда Шауфус вызывает его к себе, он не является, а что теперь она слышала, что Вендрих уезжает за-границу на 11 месяцев, значит, его сплавляют. Но у него есть большая заручка—вел. кн. Николай Николаевич.

28 октября.

Вчера был Шауфус. Говорил, что Вендрих неблаговидно поступил в его отсутствие, обманул царя, вырвал у царя подпись „согласен“ на такую меру—эксплоатационный корпус и на назначение его, Вендриха, командиром этого корпуса, которая не могла пройти иначе, как только законодательным порядком. Сказал, что этой мере он, Шауфус, сочувствует, но надо было ее разработать и поставить в иные условия, так как при теперешней ее постановке она создает государство в государстве—двух министров путей сообщения. Сказал, что Столыпин был у царя, который решил, чтобы проэкт Вендриха рассматривался советом министров, несмотря на его резолюцию „согласен“. Говорил он, что, чтобы царя не конфузить, он будет помогать Вендриху проводить эксплоатационное дело, но раньше ему будет поручено разработать серьезно эту записку.

Сегодня самарский предводитель Наумов сказал, что вчера многие предводители ездили к Гурко расписаться,—находят, что слишком строг вынесенный ему приговор. Стишинский убежденно говорил, что признает Столыпина двуличным, что он ведет ту же политику, которую вел Витте, но он менее талантлив, чем Витте. Говорит, что Столыпин предал Гурко суду из зависти, так как в нем видел опасного соперника в Думе, куда пришлось бы ехать и говорить там Гурко, который бы затмил своими речами его, Столыпина. Что Столыпин кадет, в этом Стишинский не сомневался. Каких людей он удалил за бытность свою теперь премьером—его, Стишинского, Ширинского-Шихматова, Гурко и Шванебаха, все это люди с ярко известным всем направлением. По мнению Стишинского, следовало сделать Гурко выговор, но не признавать его виновным. Сказал он, что все сословные представители высказывались именно за выговор, а это осуждение—прямо дело рук Столыпина. В инциденте с Шауфусом все обвиняли Вендриха. На то, чтобы царь принял звание почетного члена эксплоатационного корпуса, а цесаревич также был бы в него записан, при докладе об этом Вендриха царь отвечал, что об этом еще рано говорить, что он подумает. Какое начальство у этого Вендриха и как мало твердости, мало знакомства с административной машиной у царя, все его резолюции „согласен“ и подобные сколько сумбура вносят!

29 октября.

Вчера говорили, что Курош и Штер во Владивостоке во время морского бунта были убиты мятежниками. До сих пор про это не было никаких сведений. Зиновьев говорил про „Revue Nouvelle“, в котором помещен разбор брошюры Шарапова „Иванов XVI“, „Диктатор“, что якобы, когда царь ее читал, то на ней сделал свои пометки. В том месте, где Иванов XVI разносит Коковцова, царем написано „это слишком строго“, там, где говорится, что Шванебах никуда не годится, что пора ему уйти и проч., царь написал „и я того же мнения“, затем, где говорится благожелательно про Столыпина, царем написано: „слава богу, хоть одного мне оставили“.

31 октября.

Завтракал с нами сегодня Пуришкевич.

1 ноября.

Вот что рассказывали по поводу открытия Думы. Все сошло в отличном порядке. При выборах председателя Хомяков получил 371 голос избирательных и 9 неизбирательных. Случилось это потому, что вчера в клубе умеренных и правых октябристы вошли в соглашение с правыми насчет Хомякова, что правые дадут ему свои голоса с условием, что товарищем председателя, секретарем и его помощником будут избраны правые. Это соглашение было подписано с одной стороны Гучковым, а с другой— Бобринским, который вслед за этим снял свою кандидатуру в председатели. Правые потребовали, чтобы в своей речи Хомяков не произносил слова „конституция“, даже хотели, чтобы он вчера прочел ту речь, которую скажет, но благоразумные воздействовали, так как это было признано обидным, такое недоверие. Хомяков приэтом сказал, что его речью останутся довольны. и Пуришкевич сейчас сказал, что речь Хомяков сказал хорошую, что в ней нельзя ни к одному слову придраться. Правда, слова „самодержавный“ в ней нет, но есть слово „державный“, и ни разу не произносилось слово „конституция“. Кадеты, те немногие, которые попали в Думу, держали себя архи-корректно, даже нарядились—кто во фраки, кто в смокинги, и были сконфужены, когда увидали, что остальные в сюртуках. Милюков, который был в смокинге, дал швейцару 25 руб., чтобы тот ему немедленно привез сюртук—так он был расстроен своим нарядом. По словам Пуришкевича, Столыпин „пух от восторга“,—так все шло гладко и чинно. Пуришкевич, видно, и сам очень доволен.

4 ноября.

Сегодня В. Н. Степанова должна была к нам привести крестьянских депутатов, которых в устроенной ею квартире поме-

щается 30 человек. Вчера по телефону она сказала, что в эту минуту ей с депутатами много хлопот, все они очень взволнованы вопросом выборов товарища председателя в Думу. Крайние правые хотят избрать гр. Доррера, а есть большая партия, и ее крестьяне в том числе, которая не хочет Доррера, который граф, помещик и т. д., не будет думать о крестьянах (вот настроение!), что если будут настаивать на Доррере, то эти крестьяне угрожают, что перейдут к левым. Крестьяне желают избрания киевского депутата Проценко. Был у нас сегодня Пуришкевич. Он разочарован тем, что творится и в среде правых, и в „союзе русского народа", но не унывает.

5 ноября.

В Думе выбрали сегодня двух товарищей председателя: кн. Волконского, сына М. С. Волконского, шацкого предводителя дворянства (про него говорят, что это человек воспитанный, но не умный) и второй товарищ председателя—проф. Мейендорф—из правых, которого студенты бойкотировали, его лекций они решили не слушать, и Мейендорф, Боровитинов и Никольский лекций в университете ради этого года три не читают.

8 ноября.

Завтракал с нами Пуришкевич. Он очень смущен тем, что творится в Думе, думает, что неминуемо, скоро, придется ее разогнать. Октябристы ведут себя недостойно. Теперь вопрос о выборе секретарей так стоит, что туда попадут только левые да кадеты, как Милюков и ему подобные. От правых октябристы откалываются и хотят примкнуть к кадетам—так их левая печать тревожит, так они ее боятся. Насчет благодарственного адреса царю—октябристы не хотят подписываться под адресом, написанным правыми, а правые не соглашаются на редакцию октябристов плюс кадеты. Раскол идет полный. Пуришкевич говорит, что нежелательно исключение из Думы минского депутата Шмидта, так как, если его исключат, то 20 человек крестьян перейдут налево, а левые партии хлопочут об его исключении. Слово „конституция" склоняется левыми на все лады. Гучков держится в стороне,—его не видно и не слышно, действует он втихомолку. Относительно Хомякова Пуришкевич молчит, но Зиновьев (Н. А.) его назвал бездарным и ленивым. То же самое вчера про него было сказано Наумовым и Бодиско. Сказал Пуришкевич, что Дума теперь висит в воздухе, что вряд ли она долго продержится. Очень верно сказал Клейгельс, что Столыпин—кадет, что он протежирует этой партии; вот почему при своей малочисленности она так смело идет вперед и вербует себе адептов.

9 ноября.

Вчера говорила с Клейгельсом о революционном движении. Он сказал, что не сочувствовал затее Плеве относительно ра-

бочих—провокации и тайным агентам, как Зубатов и Гапон, которым Плеве протежировал. Он находил, что совсем другие меры требовались для успокоения рабочих, вплоть до вооруженной силы, но Плеве его мер не понимал.

10 ноября.

Сегодня Шаховской („Русское собрание“) говорил, что курские члены Думы с графом Доррером представлялись Столыпину, который им сказал, что он лично и весь кабинет министров—за конституцию, но царь конституции не хочет. Теперь история с Рейнботом, который не угодил Д. Б. Нейдгарду, поэтому, не предупредив его, послана была в Москву комиссия, во главе с Зайончковским, его ревизовать. Разговор Рейнбота со Столыпиным был довольно резкий; расстались они холодно, но все-таки результат его был тот, что комиссия с Зайончковским будет отозвана. Столыпин предупредил царя, что Рейнбот будет на него жаловаться. Сегодня Рейнбот рассказал, что, увидев у Столыпина нового жандармского офицера, он спросил, куда делся прежний, на что получил ответ, что тот уволен, так как не захотел, по приказанию m-me Столыпиной, сосчитать грязное белье.

11 ноября.

Курский депутат Шечков говорил И. С. Леонтьеву про свое впечатление от приема курской депутации Столыпиным. Депутаты спросили Столыпина, какое у нас правление, есть ли конституция. Столыпин отвечал утвердительно. На это Шечков сказал, что конституция у нас есть со времен Алексея Михайловича, который присягал, что он и его преемники останутся верны основным законам. Ответ Столыпина был следующий:—„Вот и государь так понимает“.

20 ноября.

Была у митрополита киевского Флавиана. Про киевские студенческие беспорядки он сказал, что пошумят и опять успокоятся. Когда я вернулась домой, застала у нас П. М. Лазарева, который, услышав от меня мнение Флавиана по этому вопросу, сказал, что и Сухомлинов того же мнения.

23 ноября.

Вчера Никольский говорил про протоиерея Восторгова, про его последнюю деятельность, что он получил от Крыжановского субсидию для производства выборов в Думу людей, желательных для правительства. Восторгов старался устроить, чтобы в Думу попало побольше октябристов, склонял русских людей их выбирать, нанимал для этой цели ораторов, которые раньше служили агентами у печальной памяти Зубатова, а теперь остались не у дел, и их посылал в разные губернские и уездные города

читать лекции и восхвалять октябристов, а из себя эти агенты должны изображать людей „союза русского народа“. „Русское Знамя“ разоблачило деятельность Восторгова, за что было оштрафовано на 3 тыс. руб.

6 декабря.

М. П. Севастьянов говорил, что сегодня ночью был устроен полицией обыск на Васильевском острове у простых людей, вооруженного сопротивления не ожидалось, но полиция была встречена градом выстрелов,—убит пристав, много полицейских ранено. Говорил он также про Евреинова (церемониймейстерская часть), что он о царе иначе не отзывается, как „cet idiot“.

22 декабря.

Вот что рассказал генерал Никитин про то, что ему рассказал царь про свидание в Свинемюнде. Ехав туда, царь взял с собой porte-cartes, наполненный портретами цесаревича. Печально было для царя видеть смотр германского флота, который при эволюциях построился так, как был построен русский флот во время Цусимского боя. Царь был в эту минуту на яхте германского императора „Гогенцоллерн“. Посмотрел он в ту сторону, где стоял „Штандарт“, на котором в это время вдруг раздался взрыв—взорвались на нем котлы. Чтобы переменить мысли и впечатления, царь вынул porte-cartes и показал Вильгельму портреты наследника, про которого германский император сказал, что он очень похож на Петра Великого, когда он был ребенком, и спросил, чьи у него глаза. Царь отвечал:—„Собственные“. Приэтом Никитин рассказал, что, когда он увидал наследника, он сразу сказал царю, что он похож на Петра Великого, что царь должен ему дать, когда он вырастет, дубинку Петра Великого. На это царь сказал, что дубинка в Эрмитаже. Никитин возразил, что ее легко оттуда взять и отдать цесаревичу.

23 декабря.

Был архимандрит Арсений (миссионер), на которого воздвигнуто целое гонение. Он был сослан в Соловецкий монастырь, но попал в Глинскую обитель, близ г. Глухова. Архангельский архиерей его встретил словом „революционер“. Арсений так был взволнован таким обращением, что упал в обморок, был болен и на излечение попал в Карельский монастарь, близ Вологды.

24 декабря.

Интересно рассказывал Дейтрих про совещания, которые собираются по пятницам по финляндскому вопросу. Сам царь наметил состав этих совещаний из трех лиц: члена Гос. Совета проф. Сергиевского, генерала Бородкина и его, Дейтриха. Совещание делает

свои доклады Столыпину, который в этих заседаниях присутствует. В последнем заседании были Герард и Лангоф. На одно из заседаний приглашался и Коковцов. Из рассказов Дейтриха видно, что выпущенную в последнее время из рук Финляндию снова хотят прибрать к рукам, и, когда Лангоф (статс-секретарь по финляндским делам) увидал, что решимость в русских людях проявилась, он опешил и стал соглашаться с членами совещания. Герард больше Лангофа распинался за финнов, но и он тоже в конце концов согласился с русскими.

26 декабря.

Вчера долго сидел А. И. Дубровин. Он ужасно возбужден против Пуришкевича и священника Восторгова, говорил, что Пуришкевичу он, Дубровин, помог выдвинуться, он его провел в товарищи председателя „союза русского народа“, сам стушевался, что Пуришкевич позволял себе всех площадно ругать, что теперь на свое новое общество получил откуда-то 10 тыс. руб., что это благодаря Пуришкевичу, по его совету, был наложен на него, Дубровина, штраф в 3 тыс. руб., что Пуришкевич хвастался, что доканает его штрафами. Вчера днем был Пуришкевич, который говорил, что учреждает новое патриотическое общество вместе с саратовским епископом Гермогеном и орловским Серафимом. Между Дубровиным и Пуришкевичем мир немыслим.

1908 год

3 января.

Е. В. высказывал сегодня недовольство сыном Суворина Михаилом, который совсем кадет. В „Новом Времени“ сочетание сотрудников и редакторов странное—есть настоящие „черносотенцы“, а есть и такие, которые левее кадетов. „Правых“ в редакции меньше: Булгаков, Никольский, теперь Меньшиков, остальные все свободомыслящие, которых очень много, и с ними сын Суворина.

17 января.

Сегодня Н. И. Жеденев говорил про свое незавидное положение. Он служит в градоначальстве. Сегодня правитель канцелярии Драчевского, Никифоров, ему объявил, чтобы он искал себе другое место, так как подобных ему, членов союза русского народа, нельзя оставлять на службе в градоначальстве, что теперь совсем другое время, другие веяния, что 30 лет назад могли терпеть Жеденева всюду, а теперь он лишний, что Драчевский поручил ему, Никифорову, все это высказать Жеденеву. А вся суть—избавиться от Жеденева за то, что он мешает Драчевскому и Никифорову брать взятки с игорных притонов. Драчевский не на шутку влюбился в Сосновскую, на нее тратит большие деньги: с ней ежедневно ужинал у Контана, швырял там деньги, давал по 25 руб. на чай лакеям. Все это делалось в угоду Сосновской, которая любит покутить. Все это требовало денег, которые доставал Драчевскому Никифоров, который стал теперь совсем доверенным лицом градоначальника.

22 января.

Все газеты пишут об убийстве португальского короля в Лиссабоне. Ненависть к царям и королям теперь растет не по дням, а по часам. Виновата их камарилья, а в особенности родственники. Эти последние подтачивают троны, окружая себя негодяями, которых проводят на высшие ступени. Один в. кн. Александр Михайлович чего стоит царю и России! Из-за него была Японская война, т. е. из-за его протеже Безобразова, который втравил царя в экспедицию на Ялу. Сколько туда денег ушло царских! А затем эта злосчастная война, в которой погибли величие и престиж России. Каких людей ввел к царю в. кн. Александр Михайлович—просто ужас! Рассказывал кн. Путятин, как жил в Ялте Абаза, который состоял товарищем в. кн. Александра

Михайловича по мореходству. Про него в. кн. говорил, что ему бы следовало заниматься делами, а он живет роскошнее его, вел. князя, занимает в гостинице массу номеров, кутит и у него шампанское лилось рекой. Абаза-то и познакомил вел. князя с Безобразовым. А теперь этот Абаза делом не занят, а продолжает получать те 17 тысяч рублей, которые получал в качестве товарища вел. князя в этом пресловутом мореходстве. К тому же за бездельничанье зачислен в свиту, в которой состоит и ныне. А все эти Клоповы, Шараповы, Демчинские, которых провел к царю вел. князь Александр Михайлович! Еще один, о котором сегодня услышала. Это бывший до Путятина командир царской яхты „Зарница"—Асташев. Это—тип, достойный описания. Его отыскал в. кн. в Севастополе, когда этот Асташев служил на „Рынде". Оттуда он был назначен на „Зарницу", которая в то время была яхтой наследника Георгия Александровича. К себе в старшие офицеры взял Асташев князя Чавчавадзе, нигде не учившегося, племянника кн. Шервашидзе, который при царице-матери, и пошло у них обоих воровство и разгул на яхте. Асташев пользовался большой симпатией царя, который к нему зачастую приезжал на яхту посидеть и поговорить. Асташев занимал царя коллекцией порнографических карточек, которые они вместе рассматривали. В таком фаворе был этот Асташев, что когда однажды во время завтрака у царицы-матери Дашков стал говорить, что на „Зарнице" беспорядки, что там бог весть какая команда и проч., в. кн. Александр Михайлович, обратясь к жене, громко сказал:— „Ксения, слышишь, уж и Асташев им не годится, признают его никуда негодным!" После этих слов Дашков умолк. А через год обнаружены были мошеннические проделки Асташева, его обогащение на счет в. кн. Александра Михайловича, провоз контрабанды, покупка себе, не имея раньше никаких средств, трех домов в Петербурге и пр. Но до сей поры этот Асташев и Чавчавадзе с ним пользуются царевой протекцией, занимают выгодные для наживы места в пограничной страже, или что-то в этом роде. Подобные субъекты питают анархию, разрушают монархию.

31 января.

Вчера А. Н. Вишняков был у царя, благодарил за алмазы на Александра Невского. Говорит, что царь не находчив, если человек мало ему знаком, он стесняется с ним говорить.

2 февраля.

Сейчас Брянчанинов говорил, что царь сам теперь желает войны, так как чувствуется, что России нужна победоносная война. Война будет с Турцией. Создадут конфликт для этого. На Кавказ уже двинуто с этою целью 4 корпуса.

Рассказывал Зилотти, что всех поражает странная дружба молодой царицы с ее бывшей фрейлиной Танеевой, которая вышла

замуж за Вырубова. Когда во время поездки в шхеры, лодка наткнулась на камень, эту ночь царская семья проводила на яхте „Александрия“. Царь спал один в рубке, а в свою каюту царица взяла Вырубову, на одной с ней постели спала...

4 февраля.

Сегодня Севастьянов сказал, что на своих письмах в Константинополь царь никогда не пишет „Константинополь“, а всегда „Царьград“. Это неуспокоительное сведение—не дай бог, чтобы захотел его взять.

8 февраля.

По телефону М. Л. Шаховской сказал, что ему телефонировал Беклемишев, что 5 числа в Кронштадте был разрешен морской бал, но вместо бала был митинг, на котором офицеры порешили обратиться к царю, чтобы он немедленно уволил морского министра Дикова, что вообще у морских офицеров в Кронштадте очень развито „преторианство“. Потом, что среди офицеров в Петербурге большое неудовольствие по поводу обвинения Стесселя, который приговорен к 10 годам крепости по Порт-Артурскому делу. Они хотят требовать у царя, чтобы Стесселя помиловали, так как виновники—Куропаткин и Алексеев—на свободе, а их-то и надо судить.

13 февраля.

Сегодня у царя будут приняты 280 человек членов думы—правые, умеренные и октябристы. Когда был у нас Мосолов, Е. В. ему сказал передать Фредериксу, чтобы посоветовал царю не класть конспект своей речи к депутатам в свою шапку, а потверже выучить ее наизусть. Мосолову этот совет так понравился, что он тотчас же полетел к барону.

1 марта.

Вчера обедал у Е. В. генерал Чебыкин, командир л.-гв. Стрелкового батальона имп. фамилии. Он говорил, что когда бывал и бывает теперь Витте у царя во время больших приемов (официальных), когда он проходит с Гос. Советом или стоит один, ему вслед говорят присутствующие, и довольно громко: „предатель“, „мерзавец“, так что нет сомнения, что Витте слышит все эти тяжелые для него эпитеты. А когда шел однажды Головин, бывший председатель 2-й думы, то прямо громко кричали ему вслед и члены Гос. Совета, и сенаторы, и другие высшие чины: „каналья“, „мерзавец“ и проч.

6 марта.

Очень верно пишет кн. Шаховскому Б. М. Юзефович из Киева свое мнение насчет союза русского народа: „Много бы хотелось

сказать по поводу злосчастного союза русского народа". Что за клоака и как жаль, что государь отмечает этот союз преимущественно перед другими партиями, гораздо более чистыми и корректными. Неудобно изобличать тех, которых нам приходится признавать своими союзниками, не то—можно бы сказать очень много". Вполне согласна с Юзефовичем: русский союз, это—клоака. Какие там все сомнительные грязные личности, начиная с председателей.

9 марта.

В. Н. Никольский говорил про царя, что он теперь его более чем прежде опасается, очень он стал теперь храбр, он слишком уверен в поддержке Дубровина, Коновницына и др.

Приехал Сухомлинов из Киева. Вызваны все ген.-губернаторы в гос. оборону. Он говорил, что безобразия творятся у нас в военном ведомстве, что у нас вооружения нет, что недавно в киевский военный округ прислали пушки, а лафетов нет, старые же лафеты отобрали. Нет возможности учить стрельбе.

3 апреля.

Радциг говорил, что между царем и в. кн. Николаем Николаевичем полное охлаждение, так же как и между царицей и женой этого вел. князя Анастасией Николаевной. Вчера Рейнбот, вернувшийся из-за границы, рассказывал, как безобразно ведут себя там русские вел. князья. Рейнбот был в Париже и и в Ницце, видел в Café de Paris в Париже в. кн. Бориса Владимировича за ужином с кокотками во время la miecarême. Сидел с Борисом за одним столом и Кубе. Кокотки опутывали Бориса серпантином, привязали ему к уху шар, изображающий свинью, и в таком виде он сидел в этом обществе, где крики и смех все время раздавались на весь ресторан. В Монако Рейнбот видел в. кн. Марию Павловну за рулеткой, там же в. кн. Алексея Александровича с Балеттой, в. кн. Сергея Михаиловича и Андрея Владимировича с Кшесинской.

24 мая.

Был Пуришкевич, сказал, что собирается в своей речи за ассигнование кредита на флот сказать, что Балетта (любовница в. кн. Алексея Акександровича) стоит дороже, чем Цусима.

25 мая.

Пуришкевич сказал сегодня по телефону, что морское министерство в таком положении, что ему ничего доверить нельзя. Сказал он также, что у него есть факты, которые еще более дискредитировали бы министерство, но о которых он не упомянул в Думе. Напр., командир „Орла" посадил это судно на мель, чтобы по-

лучить побольше денег, так как в это время считался в плавании. Несмотря на все приказы начальства снять с мели „Орла“, он его не снимал, за что был смещен, а назначенный на его место Гирс моментально снял с мели судно. И таких фактов во флоте масса. Про Дикова говорил, что в комитете по государственной обороне у него всегда такое беззаботное выражение лица, ко всему он относится безучастно, сидит с зубочисткой в руках, что при таком министре грешно что-либо давать морскому ведомству.

1 июня.

Заиончковский (теперь командир бригады, а раньше был командиром Егерского полка) рассказывал много безотрадного об армии, о тех непорядках, которые там существуют, и той анархии, которую вносит в. кн. Николай Николаевич тем комитетом, в который входят вел. князья—Петр Николаевич, Сергей Михайлович, затем генералы Палицын, Редигер, Газенкампф. Этот комитет ведает тем, что дает аттестации генералам, кого и куда назначать. В. кн. Сергей Михайлович проводит там своих артиллеристов. Остальные генералы топят там всех, у кого есть способности, есть инициатива.

8 июня.

Стишинский говорил про царя, что он — сфинкс, которого разгадать нельзя. Царь—слабовольный, но взять его в руки невозможно, он всегда ускользает, никто влияния на него иметь не может, он не дается, несмотря на всю слабость характера. По достоверным сведениям Стишинского, покойный Д. Ф. Трепов умер вследствие того, что не мог перенести немилости царя, который его прямо вытолкнул из своего кабинета, — взял за плечи и вытолкнул в дверь. Относительно несчастного случая в шхерах с яхтой „Штандарт“, кн. Кочубей рассказал Стишинскому со слов Нилова, что тут не один камень сделал пробоину, а была мина на этом камне, что никогда от камня такой величины пробоины не бывает. Нилов стоял на мостике, когда лоцман умышленно повернул яхту на камень. Он сразу не понял злого умысла лоцмана, остановить ход яхты было немыслимо, и тут же случилась катастрофа. Царю про все это было доложено, но он приказал об этом молчать. Поэтому на суде про этот злой умысел никто не говорил. Теперь становится ясным, почему никто, даже Нилов, не подвергся наказанию.

10 июня.

Сегодня говорили, что в истории царицы, Танеевой и Орлова, последний—ширма, что неестественная якобы дружба существует между царицей и Танеевой, что будто муж этой Танеевой—Вырубов — нашел [illegible] сьма от [illegible] цы, которые наводят на

печальные размышления. Говорила это Кочубей. Теперь эту Вырубову (Танееву) взяли к себе ее родные, Танеевы, и в Петергоф больше пускать не будут. Какой скандал, если это все правда! Говорят, что уже в немецких газетах про все это написано. В Уланском полку про все это много говорят, верно, и в других тоже, но царь ничего не знает. Много говорят о разводе Танеевой с мужем, Вырубовым.

1 июля.

Сказал сегодня Зилотти, что Вырубова была на „Штандарте". Зилотти знает, так как на „Штандарте" телеграф морского ведомства. Вырубова с царицей обменялись депешами: Вырубова спросила, когда ей можно приехать, получила ответ царицы, чтобы скорее приехала. Когда Вырубова приехала, фрейлины Оболенская и Тютчева уехали в отпуск.

22 августа.

Вчера Рейнбот рассказал, как однажды, когда он был градоначальником в Москве, был у него Дубровин, завтракал. Было многолюдно. Во время завтрака Дубровин вел себя бестактно, даже нахально. Между прочим, он говорил, что у него в Петербурге два склада оружия, о которых он сказал Лауницу, когда тот был в Петербурге градоначальником, а о третьем складе, несмотря на все просьбы Лауница, он не скажет и что этот склад его полиция никогда не найдет. Затем говорил Дубровин, что в его власти делать погромы: нажмет одну кнопку—погром в Киеве, нажмет другую—погром в Одессе и т. д.

28 августа, Севастополь.

Надо думать, что в Севастополе в эту минуту не вполне спокойно. Градоначальник Моренгильд вчера говорил, что задержал прокламацию к военным, что из Севастополя пришла сюда эта литература. Затем, Кюри рассказывал, что с корабельной стороны выселено 54 еврейских семейства, что составит в общем 400 человек.

29 августа.

Вчера был у Е. В. ген. Колосов, который здесь начальник инженеров. Он пережил в Севастополе, а также в Очакове, все смутное время, был председателем судов над моряками и над Шмидтом. Рассказал он, как с ген. Григорьевым, который теперь здесь комендант крепости, он был у Шмидта за несколько часов до его смерти. Он обратился в Шмидту со словами, чтобы он перед смертью повинился, просил бы о смягчении своей участи, поведал бы, что его побудило так себя вести и проч. На эти

слова. Колосов получил ответ от Шмидта, что он сделать этого не может,— „что скажет Россия?“.

1 сентября.

Адмирал Дефарб много рассказывал про лейтенанта Шмидта. Зять жены адмирала Винницкий был на эскадре, которая под командой адм. Кригера ушла вдогонку за взбунтовавшимся „Потемкиным“, но стрелять в „Потемкина“ эскадра не решалась, потому что „Потемкин“ по дороге в Одессу захватил много миноносцев и представлял такую силу, с которой надо было бороться, которая могла потопить и испортить много судов. По словам адм. Дефарба, Чухнин много виноват в том, что произошло это мятежное проявление. Приехав в Севастополь по назначении своем, он стал так грубо обращаться с матросами, что сильно озлобил их, а они и до того были в возбужденном состоянии. Во время же смуты Чухнин растерялся.

6 сентября.

Рассказывали сегодня, что по случаю празднующегося теперь юбилея Льва Толстого Гермоген сказал речь, в которой, сказав про весь вред, приносимый Толстым, Гермоген, как бы обращаясь к Толстому, сказал следующее (эти слова Гермогена принесли Е. В-чу записанными, переписываю их буквально): „О, окаянный и презренный российский Иуда, удавивший в своем духе все святое, нравственно-чистое и нравственно-благородное, повесивший себя, как лютый самоубийца, на сухой ветке собственного возгордившегося ума и развращенного таланта, нравственно сгнивший теперь до мозга костей и своим возмутительным нравственно-религиозным злосмрадием заражающий всю жизненную атмосферу нашего интеллигентного общества! Анафема тебе, подлый разбесившийся прелестник, ядом страстного и развращенного твоего таланта отравивший и приведший к вечной погибели многие и многие души несчастных и слабоумных соотечественников твоих“.

7 сентября.

Рассказывали нам, что С. Шарапов привлекает за клевету к ответственности Меньшикова („Нов. Время“) за то, что Меньшиков распространял, что Шарапов шантажировал Витте; что, когда Витте был министром финансов, Шарапов, бывший против золотой валюты, прекратил сразу нападки на это дело, получив через Витте правительственную субсидию за свои плуги. Шарапов, в ответ на это, разоблачает Меньшикова, что якобы его последняя хвалебная статья в „Новом Времени“ Витте была внушена ему самим Витте, что будто накануне появления этой статьи Меньшиков был у Витте, который и сказал ему, что нужно напечатать, Меньшиков все записал и напечатал дословно.

9 сентября, Ялта.

Был у Е. В. депутат Думы Челышев. Он—совсем глупый человек, совсем узкий, а одно время имя его в Петербурге гремело.

Дедюлин прочел Е. В-чу только что им полученное письмо от своего офицера Спиридовича, который сопутствует царю в его путешествии в шхеры. Пишет он, что был приглашен царем завтракать и за столом рядом с ним сидела Вырубова. Значит, она там вместе путешествует, а про нее не пишут—значит, скрывают. Жена Дедюлина говорила, что этот Спиридович много ей прислал моментальных снимков с царя и его препровождения времени. Среди этих снимков даже есть такой, где царь играет в „кошку и мышки", и царь—кошка. Этот Спиридович очень предан Дедюлину за то, что Дедюлин поставил жандармских офицеров на более высокое положение.

10 сентября.

Приехавший в Петербург саратовский губернатор Татищев представил Столыпину доклад об Илиодоре, в котором его деятельность Татищев признает „вредной и угрожающей спокойствию". Дубровин же представил в Синод ходатайство царицынских богомольцев, в котором они просят Синод оградить Илиодора от нападок на него. Говорили все это нам за достоверное. Богомольцы сравнивают Илиодора в своем прошении с Иоанном Златоустом.

11 сентября.

Вчера пристав Гвоздевич рассказывал Е. В-чу, при каких обстоятельствах Думбадзе сжег дом Новикова, за сожжение которого Дума обвиняет Думбадзе. Из этого дома была брошена в Думбадзе бомба, которая и ранила его. Бомбу бросил с балкона этой дачи какой-то субъект. Лошади были искалечены, кучер ранен в глаз, адъютант—в ногу, а у Думбадзе оторван козырек у фуражки. Первое распоряжение Думбадзе после этого взрыва было—оцепить дом. Человек, бросивший бомбу, видя, что ему спасения нет, застрелился тут же. Все беспорядки на юге до возмущения „Потемкина" Думбадзе и Дедюлин приписывают либерализму Скрыдлова, а Вирена хвалят.

13 сентября, Ялта.

Завтракал с нами сегодня Качалов, который здесь управляет царскими имениями. Коснулся с ним Е. В. воспоминаний прошлого, о прошлом голоде, о Валуеве, который за тот голод потерял портфель. Дело это было так. Было собрано совещание под председательством цесаревича (впоследствии Александра III), на котором Качалов сказал цесаревичу, что есть одно средство

дешево купить хлеб, это—чтобы Александр II дал миллион, чтобы казначейство про это не знало, а у него, Качалова, есть человек, который сразу всюду на этот миллион закупит хлеба, имя этого человека—И. А. Милютин. Царь дал деньги, Качалов в чемодане привез их в гостиницу „Grand-Hôtel", передал Милютину, и в тот же день от Милютина полетели депеши по всей России—закупить хлеб. Хлеб был куплен дешево, миллион был возвращен, устроились запасные магазины на произведенные закупки и проч. А Валуеву вследствие этого пришлось уйти.

17 сентября, Севастополь.

Жандармский ротмистр Полянский объяснял, каким образом был решен вопрос о выселении отсюда 46-ти еврейских семейств. Это требование пришло от Трусевича (департамент полиции). Бострем приказал привести это в исполнение. По словам Полянского, это предписание было получено от департамента полиции вследствие донесения градоначальника Моренгильда. Так как эти 46 еврейских семейств живут в черте крепости, то был запрос коменданту Григорьеву об их высылке. Комендант отвечал, что раньше, чем дать свое согласие, он требует проверки—надо ли их выселить. Это дело вопиющей несправедливости, так как многие из этих еврейских семейств живут здесь по 25 лет.

25 сентября, Москва.

Каховский, который у нас завтракал, говорил, что Муромцев раскаивается, что подписал Выборгское воззвание. Каховский удивлен, что Шварц допустил Муромцева читать лекции, так как Муромцев принадлежит к нелегализованной партии, к кадетам.

27 сентября, Петербург.

Сегодня хоронили проф. Сергиевского. Это большая потеря для русской партии, особенно по отношению к Финляндии, на которую он здраво смотрел. Приселков сказал, что идет говор в Петербурге, что Сергиевского отравили. Приселков говорил про премьера, что это не премьер, а корнет, что в нем ничего нет серьезного, последовательного, речи его пишутся Гурляндом и К. Сказал он также про Столыпина, что он безволен, что только тогда проявит свою волю, когда его подзадорят. Приселков не умен, и все эти мнения—не его, а других, из них видно, что Петербург Столыпиным недоволен. Говорил он также, что за последнее время экспроприаторами украдено казенных денег около миллиона.

28 сентября.

М-me Пуришкевич говорила, что за границей читала постановления съезда социалистов, что в этом году у них постановлено

произвести покушения, но делать это осторожно, сберегая своих людей, так как у них их в данное время мало.

Был ген. Зайончковский. Про ген. Данилова он сказал, что он „архи-красный“, но притворяется теперь консерватором, что знает это он от Мартынова, который открыто заявляет себя либералом и сказал ему, что во время войны, когда в России вспыхнула революция, он и Данилов были на Дальнем Востоке и там Данилов высказывался даже за республику. Сказал тоже Зайончковский, что Вырубова у царицы—первый человек, что те, кто за ней не ухаживают, подвергаются опале, как. напр., кн. Орлов, который уехал из-за нее. Первые люди у царя теперь—Дрентельн и Чагин, которые aux petits soins перед Вырубовой. Как все это грязно! Пуришкевич сказал, что в Петербурге из гвардейских войск революционный дух проник сильно в гвардейский саперный баталион. С возмущением говорил Зайончковский про ген. Никитина, про его речь на одном военном обеде в присутствии вел. кн. Николая Николаевича, в которой Никитин восхвалял вел. князя, говорил, что, будь гвардия в Порт-Артуре с таким „орлом“, японцы бы не взяли его. Эта речь произвела на всех присутствующих омерзительное впечатление, но вел. князю, видно, понравилась. За нее очень скоро Никитин получил командование первым армейским корпусом. Вел. князья более чем кто-либо любят восхваления, курение им фимиама.

31 октября.

Рассказывал Клейгельс, как, когда он был в Петербурге градоначальником, он устраивался, чтобы все знать. Так, к нему являлись с просьбами о предоставлении мест родственникам чиновникам разных ведомств. Он давал этим просителям места для их родственников с условием, чтобы эти чиновники держали его в курсе всего, что творится в их министерствах. Чиновники исполняли условие и поэтому Клейгельс все знал, что делается в Петербурге, а откуда он все знает—никому известно не было. В награду же за „сообщения“ эти чиновники на праздниках получали серебряную вещицу, которые он закупал в большом количестве.

1 ноября.

Сегодня, в 6 часов утра, скончался в Париже от воспаления легких в. кн. Алексей Александрович. Как генерал-адмирал, в. кн. Алексей Александрович никуда не годился, при нем начались все неурядицы в морском ведомстве. Хищения при нем процветали.

3 ноября.

У Е. В. был Шалберов, который говорил про царя, что не с кем ему поговорить, посоветоваться, что у всех—своя партия: у царицы-матери своя, у молодой царицы своя, а у царя никого,

что тех, кто его любит, и тех, к кому он расположен, удаляют интригами и другими способами, например, теперь кн. Орлова, к которому царь очень расположен. Про гофмаршала Бенкендорфа Шалберов неважно отзывается. Бенкендорф и министр двора, по его словам,—одна партия, а кн. Орлов и Дедюлин—другая. Шалберов удивлялся тому, что такую „мерзавку", как Вырубова, царица так любит, что она у царицы и днюет, и ночует. Эта Вырубова такая же фальшивая, как и ее отец, Танеев. Шалберов тоже сказал, что царь ежедневно, как бы поздно ни было, вечером пишет свой дневник. Утром, во время чая, царь читает, скорее пробегает „Новое Время" и „Котлин". Просматривает он также и „Гражданин", но времени у царя мало, целый день он занят.

5 ноября.

Интересную, но и тревожную вещь рассказал сегодня Радциг. У Вырубовой огромная переписка, а письменные принадлежности всегда в большом беспорядке. Горничная ее всегда в поисках за бумагой и конвертами. Радциг сказал этой горничной, что у него канцелярия в порядке, много всего и он всегда может снабдить ее всем, ей нужным. Ради этой любезности между Радцигом и горничной завязались добрые отношения, горничная пошла на откровенности. Радциг ей сказал про Вырубову, что она хорошая, серьезная женщина. На это горничная начала хохотать и сказала, что она покажет ему такие фотографии, которые разубедят его в его мнении. Оказывается, что Вырубова дружит с каким-то мужиком, да еще и с монахом. И вот фотографию, на которой она снята, сидящая рядом с мужиком, и принесла горничная. Радциг глазам своим не поверил, когда это увидел. У этого мужика зверские глаза, самая противная, нахальная наружность. Эту фотографию Вырубова не держит открыто на столе, а лежит она у нее в евангелии. И что еще печальнее, что и мужик, и монах бывают у Вырубовой при царице, когда она посещает Вырубову. Этому мужику Вырубова собственноручно сшила шелковую голубую рубашку. Часто бывает он у Вырубовой в Царском, но пока еще во дворец не показывался. В Петербурге живет он на Греческом проспекте.

Радциг рассказывал, что при вскрытии тела в. кн. Алексея Александровича нашли, что все органы у него были затронуты: печень у него, у живого еще, начала разлагаться, сердце было вдвое больше нормального, легкие как решето. Видно, что он сжег свою жизнь разгулом.

16 ноября.

Очень интересно рассказал М. Н. Бухарин про свою встречу с Витте в Швейцарии. Витте, между прочим, спросил Бухарина, почему его все так ненавидят, даже те, кому он сделал одно добро. И тут же он начал говорить про Мещерского, как 19 октября

1905 года, на другой день после выхода манифеста о свободах, как он, Витте, был озабочен мыслью, как бы так устроить, чтобы поменьше дать возможность разыграться этим свободам. Именно в эту минуту влетел к нему Мещерский с требованием, чтобы скорее он давал конституцию. А затем, всем ведомо, что сделано было Мещерским.—„Это такой мерзавец“,—закончил Витте,—„которого я видеть не хочу“. По словам Бухарина видно, что Витте разочарован, но продолжает страдать, что не у дел. Много вреда нанес Витте России, но Трепов еще больше, вместе с Витте он привел все к развалу. Назаревский вспоминал, как он был у Трепова после заседания совета министров, когда Трепов, вопреки министру народного просвещения, провел автономию университетов. Трепов хвалился Назаревскому, что ему удалось ее провести. Назаревский возражал ему, говоря, что это гибельная мера, а Трепов был уверен, что автономия продержится два месяца, что в университетах будут свалки и снова отнимут автономию.

21 ноября.

Зилотти говорил, что царь очень нервен, что причиной этому царица, ее ненормальные вкусы, ее непонятная любовь к Вырубовой. Про царицу говорил, что она порывистая,—то увлекалась музыкой, запоем играла и пела, то было время спиритизма, музыка была забыта и все только спириты и спириты ее занимали. Теперь она предалась „животным“ чувствам. Говорят, она ежедневно ходит на могилу Орлова и всегда в сопровождении Вырубовой, с которой сидит целыми днями. Зилотти вспомнил, как адмирал Арсеньев, когда царица стала только невестой царя, говорил, что в ней воплощены все пороки ее отца, Гессенского, что она ужасна развратна. Н. А. Дедюлин сказал в последний раз Е. В., что в Царском Селе „прелюбодеяние“. Нельзя думать, что царь этого не замечает, оттого-то он так и стареет и так нервен. Говорил Зилотти, что теперь самый близкий царю человек—адмирал Нилов, что он один говорит царю всю правду. Никто не решался сказать царю про ненависть войск к в. кн. Николаю Николаевичу, а Нилов сказал.

4 декабря.

Интересно мнение царицы-матери о в. кн. Николае Николаевиче. Она сказала про него Пантелееву:—„Il est malade d'une maladie incurable“. Пантелеев на нее посмотрел удивленно. Тогда она сказа:—„Il est bête“.

1909 год

3 февраля.

Говорили про инцидент Нелидов—Ностиц в Париже. Про жену Ностица m-me Штюрмер сказала, что она до замужества в Лондоне показывалась в аквариуме „живой рыбой“. Здесь же теперь эта графиня Ностиц принята во всех больших домах и за ней в данное время все ухаживают. В Париже же американский посланник сказал Нелидову, что дипломатический корпус не хочет признавать эту даму. Царь, несмотря на эти слова американского посла, переданные ему Нелидовым, который теперь посол в Париже, все-таки якобы сказал, что Ностиц вернется в Париж.

4 февраля.

На театре в Царском Селе вел. кн. Константин Константинович плохо играл. Охота ему играть в его годы! Оба старшие сына этого великого князя совсем глупые, дочь умнее.

6 февраля.

Сегодня Нейгардт сказал по телефону, что на место Извольского обер-прокурором назначен Лукьянов, который, кажется, либерального направления. Но одно хорошо, что не Рогович назначен. Столыпин по Ковне знает Роговича и, видно, знает его так, как и я понимаю этого человека, что он—дрянное ничтожество, много о себе мнящее. Бурдуков сказал о Лукьянове, что ставят ему в вину, что он проводил такую теорию о сотворении Адама и Евы, что оба они были сотворены из „клеточки“, а не так, как написано в священном писании.

У молодой царицы сильная неврастения, которая может кончиться помешательством. Все это приписывают ее анормальной дружбе с Вырубовой. Что-то неладное творится в Царском Селе.

9 февраля.

Сегодня говорил А. П. Никольский, что в Гос. Совете Щегловитов (юстиция) назвал Таганцева—Гегечкори, что вообще Щегловитов становится очень резок, даже дерзок.

11 февраля.

Завтра в 2 часа Столыпин выступит в Думе с ответом на запрос по делу Лопухин—Азеф. Все-таки надо будет ему сознаться, что без „агентов“ правительству не обойтись.

13 февраля.

Сегодня в „Нов. Вр." снова напечатана речь Столыпина с примечанием редакции, что вчера вкрались ошибки. Когда я прочла Е. В. эти поправки, он сказал, что сегодня Столыпин обеляет в этих поправках Лопухина, а вчера в своей речи прямо высказывал ему обвинительный приговор. Почему вдруг эта перемена?

17 февраля.

Вчера Зилотти рассказывал про царицу, что она продолжает обретаться в нервном состоянии, что говорят, что смерть Орлова на нее сильно подействовала. Зилотти сказал, что желал бы, чтобы ему поручили отвезти ее в Дармштадт, он бы оттуда сумел вернуться один.

Неужели у нас может возгореться новая война? Не дай бог,—тогда конец монархии.

18 февраля.

Сегодня приехавшие из Одессы свидетели по делу ректора Занчевского были у Е. В. Оба говорили про то безобразие, которое допускал этот ректор в университете в Одессе. Так, в его присутствии один из революционеров-студентов произнес такие слова, что будет счастлив услышать похоронный колокол, который возвестит о смерти „осла" Николая II, а ректор выслушал этот возглас совершенно спокойно, студенту никакого внушения даже сделано не было. И все в таком духе.

24 февраля.

Возмутительно теперь пишут газеты и возмутительное говорится всюду. В гостиных не стесняются, сановники резко высказывают свой образ мыслей.

Штюрмер высказывал, что видит будущее очень мрачным, что царь лишился со смертью вел. кн. Владимира Александровича последнего великого князя, что род Романовых вымирает. Умри царь—кто будет регентом? Дурачек вел. кн. Михаил Александрович? Сказал Штюрмер, что царь от себя отдаляет преданных людей. Был Гессе, который говорил все царю, а теперь он умер—и нет никого. Царя губит, по мнению Штюрмера, то, что он фальшив, что на него нельзя надеяться, что он фальшивее Александра I, которого доселе никто не разгадал, а царя еще труднее разгадать, что с ним никто не уверен насчет завтрашнего дня.

Про царицу Штюрмер сказал, что у нее страшная неврастения, что у нее на ногах появились язвы, что она может кончить сумасшествием. Сказал Штюрмер, что людей преданных, как Путятин, Орлов, царь от себя удалил.

5 марта.

С тревожным чувством ожидается весна. Многие того мнения что войны не миновать, а мы совсем не готовы и никогда готовы не будем. Очень уж у нас испортился народ!

6 марта.

Сегодня Зиновьев трунил над названием „великий старец“, которое „Новое Вр.“ придумало для своего принципала Суворина. Это название совсем не под стать Суворину—мало в нем „великого“. Говорили про Лопухина. Зиновьев того мнения, что когда он был директором департамента полиции, он действовал в правительственном духе. Когда был уволен Валь, который у Плеве ведал полицией, Плеве поручил ему, Зиновьеву, это дело. Тогда он раза 4 приглашал к себе Лопухина. Хотя себя Зиновьев признает не либеральным, но тогда у него с Лопухиным были постоянно разговоры о высылке лиц, которых, по мнению Зиновьева, не было никаких причин и поводов высылать. По мнению же Мосолова, Лопухин совсем не то, что о нем думает Зиновьев, что он действовал сознательно во вред правительству, оттого и был уволен Треповым, что было совещание Святополка-Мирского и Трепова, на котором был Лопухин. Трепов сказал тогда Мирскому, что, выслушав его, видит, что у него никакой нет программы, потому начнет действовать по своей программе, и, обратясь к Лопухину, сказал:—„С этой минуты вы должны меня охранять“ (о том, что программа Трепова оказалась ниже всякой критики, Мосолов не сказал и никто из присутствующих тоже ничего не сказал об этом, так как все знали отношения Мосолова к Трепову). Зиновьев сказал, что жаль, что Трепов в этот день не удалил Лопухина, а он остался два месяца на этом месте. На это Мосолов отвечал, что он в точности исполнял все приказания Трепова, и прибавил:—„Вы думаете, что он за это время не собирал для себя нужные материалы?“

9 марта.

Сегодня у Е. В. был Радциг. Когда заговорили про царицу, он только махнул рукой, сказав приэтом, что она уж через край богомольна, ездит теперь все в собор. Сказал, что жаль смотреть, как царь одинок—пойдет к царице и скоро от нее возвращается грустным. Сегодня А. И. Никольский рассказывал про представление царю Суворина, который вернулся из Царского, очарованный царем. По словам Суворина, царь говорил с ним о многом. Между прочим, говорил о Германии, что Вильгельм ему писал, жаловался на „Новое Время“, говоря, что эта газета—оффициоз, а она бранит и его, и Германию. Приэтом царь сказал:—„Какая же эта газета оффициоз, когда она ругает моего министра иностранных дел!“ Царь сказал Суворину, что Вильгельм—большая сила.

11 марта.

Вчера царь, при очередном докладе военного министра Редигера, высказал ему свое неудовольствие по поводу его речи в Гос. Думе об армии (эта речь была сказана Редигером 24 или 23 февраля). После этого разговора, т.-е. после доклада своего царю, Редигер вышел из кабинета царя уже не военным министром. На его место назначается Сухомлинов.

12 марта.

Сегодня у Е. В. был Фоменко из Херсона. Он незаурядный человек. С виду он разбойник, а по убеждениям крайний черносотенец. Был председателем „союза русского народа“, затем был посажен в тюрьму, откуда, по его словам, добрые люди его вытащили. Теперь он приехал в Петербург жаловаться на администрацию, написал жалобу царю, которую препроводил через Дедюлина. По его мнению, положение в России теперь хуже, чем было 3 года назад. Этот Фоменко так говорит, что тогда знал, с кем вел борьбу, а теперь не ведаешь. Теперь революцию готовят чиновники: сажают в тюрьмы людей, которых революционеры, сидящие в тюрьме (их непременно всегда в тюрьме находится 2—3 человека), настоящим образом подготовляют для революции. Из тюрьмы эти русские люди выходят бомбометателями, попадая в войска,—плодят среди солдат революционеров. Сказал, что провинция усиленно готовится к революции, а в Петербурге продолжают говорить, что наступило успокоение. Здесь как будто не хотят понять, что у нас под ногами пропасть, что положение ежедневно ухудшается. Про херсонского губернатора Бантыша сказал Фоменко, что никуда не годен, весь в долгах, полицеймейстер ездит по городу занимать ему деньги у евреев, поэтому Бантыш в руках евреев и в Херсоне его никто не уважает.

Клейгельс очень настроен против Сухомлинова, называет его фальшивым до мозга костей, что он в глаза хвалит людей, а за глаза ругает, что он—трус, он все делал, чтобы не попасть на войну. Последнее, по-моему, может, и утешительно,—если он не любит войну, то будет работать на пользу мира.

13 марта.

Про отречение королевича Георгия от престола рассказывают, что он в запальчивости ударил своего камердинера, который от этого удара упал, а так как у него была грыжа, то, падая, он ее повредил и вскоре умер. Теперь королевича сербы упрекают, что он его убил. Это и есть причина отречения его от престола. Не дай бог нам войны, тогда снова у нас будет революция.

15 марта.

Сегодня возмущение насчет того, что Россия признала за Австрией аннексию Боснии и Герцеговины. Высказывается полное негодование на Извольского, что якобы Германия его заставила так поступить, что было письмо имп. Вильгельма к царю и это письмо имело-де решающее влияние. Всеми, кого мы сегодня видели, говорится, что Россия могла уклониться и от ответа, от согласия на аннексию, и от войны, а теперь вопрос, и очень острый,—признав аннексию, удастся ли России избежать войны. Впечатление таково, что избегают встречи с немцами. Гр. Бобринский не пошел в германское посольство, куда был зван, чтобы не видеть немцев, так как чувствует Россию униженной. Подлую роль играет во всем этом деле Англия. Она озабочена германским флотом, который теперь усиленно строится, и пока он не готов, хочет войны с Германией, чтобы не допустить ее иметь флот, который не уступал бы ее, английскому флоту. Германия, недовольная Россией, хочет нас втравить в войну с Австрией, сама же для себя не хочет никакой войны.

Сегодня член Думы Сушков (Курск) говорил, что знает за достоверное, что Пиленко (из „Нов. Вр.“) куплен членами Думы (надо думать—октябристами, но он их не назвал), что ему заплачено 25 тыс. руб.

16 марта.

Стишинский сказал за достоверное, что Германия нас принудила признать аннексию Боснии и Герцеговины, что накануне этого объявления к Извольскому приехал германский посол в Петербурге и потребовал нашего признания. В случае нашего отказа, угрожал, что на другой день Германия объявит нам войну и начнет военные действия.

29 марта.

Генерал Мешетич сказал, что царь светлую утреню слушал в походной своей церкви. Была только царская семья и вел. кн. Дмитрий Павлович. Даже малого выхода не было. В Царском Селе объясняют это неторжественное служение болезнью царицы, на самом же деле она уже не больна, выходит и проч. Но настроение у царя удрученное. У него с каждым днем все более тяжелое чувство, что так быстро уступил настоянию Германии насчет аннексии, не может переварить, что согласился на эту аннексию. Вот почему никакого торжественного богослужения не было. Царь не может не слышать, что весь военный мир, вся Россия признает, что согласие на аннексию хуже Цусимы. Кабинет весь уйдет в отставку, и Вырубова (Танеева) теперь составляет список кабинета, уже всех министров она наметила.

8 апреля.

Зверев говорил про Горемыкина, что возможно, что он получит портфель министра иностранных дел. Это будет самое ужасное зло. Прямо тогда можно будет сказать, что бог отвернулся от России. Положение России тяжелое и без того, а Горемыкин создаст невозможное положение.

9 апреля.

Говорили с кн. Н. Д. Голицыным про Рейнбота, которого будут судить в Сенате. Голицын говорит, что мнение его, что Рейнбот виновен, что взяточничество процветало при нем в Москве и сам он брал взятки.

12 апреля.

Как ужасно положение, которое мы теперь переживаем! Какие есть грязные личности, которые занимают почетное положение, как, напр., доктор Дубровин. Этот человек сразу внушил мне к себе отвращение. Не менее отвратителен и Пруссаков, который его обвиняет. „Союз русского народа“ мне представлялся с самого начала каким-то вертепом, грязной клоакой.

13 апреля.

Был Вишняков. Говорили о настоящем положении России. Я высказала, что жалею, что при начале царствования Александра III Победоносцев помешал дать конституцию, что теперь у нас было бы спокойнее. Вишняков не разделяет этого моего мнения. Он сказал,—тогдашние у власти стоящие люди не были на высоте своего положения, что Лорис был двуличный человек, Абаза был умен, но настоящий конституционалист, гр. Игнатьев доверия никакого не внушал и т. д. Но Вишняков забывает, что требования предъявлялись тогда совсем иные, довольствовались малым, народ тогда не думал буйствовать, устраивать забастовки и проч.

14 апреля.

По словам В. В. Никольского, обвинение Дубровина по делу убийства Герценштейна—большой для Дубровина козырь. Дубровин по этому делу притянет в суд Пуришкевича, так как они сообща орудовали, а деньги для уплаты на эти разные темные дела Дубровин получал от Пуришкевича, который, в свою очередь, получал их от Крыжановского с разрешения Столыпина. И вот какие подробности этого явятся на суде.

16 апреля.

Сегодня очень взволновал Е. В. Штюрмер, пришедший из Гос. Совета с достоверной новостью, что приказано упразднить

все крепости на нашей западной границе, срыть их до основания, что Сухомлинов единолично получил на это высочайшее согласие. Поливанов с возмущением про это говорил в Гос. Совете, он признает, что это—ужасная мера.

17 апреля.

Все продолжаются разговоры насчет крепостей. Все это вызывает ужасную тревогу. Пришел Стишинский. Он говорил насчет этого с Рербергом и Вернандером. Оба не понимают этой затеи, считают, что это—прямо преступное деяние Сухомлинова. Мышлаевского все признают коварным, что, якобы, он метит на место Сухомлинова, что возможно, чтобы провалить Сухомлинова, он дал ему эту мысль. Печально, что у нас все так плохо идет.

20 апреля.

Сегодня А. А. Поливанов очень горячо говорил против уничтожения крепостей, приводил взгляды и отзывы о крепостях Наполеона I, который про Ново-Георгиевск сказал, что тот, кто владеет этой крепостью, у того ключ от всей Польши. Также приводил отзывы Николая I, Обручева, Милютина и мн. др. авторитетов. Приэтом сказал Поливанов, что по этому вопросу его мнения не спросили, но что это факт, что решили их упразднить. Сенатор Розен, который присутствовал при этом разговоре, сказал, что слышал, что Сухомлинов—франк-масон, чем и объясняется эта дикая выдумка.

25 июня.

Сегодня был у Е. В. адмирал Вирен, который в данное время—главный командир Кронштадтского порта. Про Порт-Артур он сказал, что это не бухта, а мышеловка. Царь несколько раз допрашивал Вирена, правда ли, что мы не могли победить. Из слов и недомолвок Вирена чувствуется, что у нас там творились такие безобразия, что все эти несчастья нам были ниспосланы богом для нашего исправления и вразумления, что мы слишком о себе возомнили; будь у нас даже победа, мы все равно погибли бы.

30 июня.

Был Драчевский. Рассказывал про свои невзгоды с городским управлением по вопросу о борьбе с холерой. Его возмущает управление, которое, по его словам, небрежно относится к холере, а при данных условиях с ней трудно справиться. Назначенный председатель думской санитарной комиссии Губерт ничего не стоит,—не бывает в заседаниях, что очень вредно отзывается на деле. Столыпин сказал Драчевскому, что у него, как градоначальника, неограниченная власть. Драчевский на это заявил премьеру, что, значит, он может арестовать Губерта. На это был

ответ: „Нет, этого вы не можете, вы можете арестовывать только политических“.

1 июля.

Рассказывал Мосолов про полтавское торжество в память 200-летия Полтавского боя. Все обошлось гладко, благополучно. В речи царя пришлось сократить два слова. Было сказано царем: ...„прямое, непосредственное общение с народом“,—„прямое, непосредственное“ пришлось выпустить для печати. Рассказывал Мосолов, что в Киеве какая-то женщина бросилась с бумагой к коляске, в которой ехал царь, но охранники ее быстро схватили и не допустили. Царь затем спросил, что с ней сделали. Отвечали ему, что у нее взяли прошение и отпустили и, „уходя, она улыбалась“. Мосолов сказал, что „улыбка“ эта у него под сомнением, что казаки ее, не жалея, серьезно помяли.

Полтавский губернатор, граф Муравьев, сделан егермейстером при следующих рассуждениях бар. Фредерикса: „шталмейстером его сделать нельзя—в военной службе он не служил, в гофмейстеры он тоже не годится, а так как он черненький, то будет настоящий егермейстер“. Почему „черненькому“ надо быть егермейстером—барон не объяснил.

25 июля.

Сегодня Скворцов приехал к нам. Все странности Гермогена Скворцов приписывает тому, что он скопец: после семинарии он себя оскопил! Скворцов сказал Щегловитову про „союз Михаила архангела“, что он серьезнее „союза русского народа“, на что Щегловитов заметил, что Пуришкевич слишком „огненный“. Мое же чувство к союзам такое, что, за малыми исключениями, в них находятся все отбросы человечества, люди без стыда и совести, которые вошли в союзы, не имея за собой ничего святого, честного, нравственного. Одним словом, союзы эти полны проходимцами.

27 июля.

Вчера были Щегловитовы, Думбадзе, исправник Гвоздевич, адъютант Думбадзе Мартынов и почтмейстер фон-Фик. Рассказывали наши гости про Ливадию. Думбадзе сказал, что когда Столыпин проходил в одну из комнат мимо висевшего фонаря, этот тяжеловесный фонарь грохнулся, но не задел Столыпина. Со вторым фонарем в тот же день случилось то же самое. По недомолвкам Думбадзе можно было понять, что в этом падении фонарей, очень тяжелых, крылось что-то подозрительное, не от себя они упали.

29 июля.

Обедал Щегловитов. Рассказывал, что насчет разгона Думы сделано было все очень секретно. Манифест насчет разгона писал

сам Щегловитов, печатал его офицер пограничной стражи в типографии пограничной стражи, так как Щегловитов не доверил сенатской типографии, что там сохранят эту тайну. В эту ночь Щегловитов так и не ложился спать, беспрерывно у него шли совещания с Камышанским, который был тогда прокурором палаты. Приедет Камышанский, получит от него инструкции, уедет, исполнит их и снова вернется за новыми. И так всю ночь. Так было сделано ввиду того, что телефону нельзя было довериться, так как зачастую случается, что разговор подслушивается.

6 августа.

Сегодня был Клейгельс, стрелок императорской фамилии. Рассказывал он, что во время пребывания в Ливадии Столыпина с семьей была устроена полная охрана. Ливадия была оцеплена войсками, стоял военный караул, пять человек офицеров по очереди дежурили, делали ночные обходы и проч. Время было неудобное для устройства этой охраны, так как старые солдаты, отслужив срок службы, разошлись по домам, а новобранцам нельзя было доверять караульную службу, поэтому возможно было устроить только две смены, а не три, отряжено было всего 60 человек на обе смены. Отношение Столыпина к этой охране оставило тяжелое впечатление и у офицеров, и у солдат. Три недели все они его охраняли, и никакого внимания никто от него не получил. Ни разу ни одного офицера не позвали ни к завтраку, ни к обеду, никто из солдат не удостоился „спасибо". Однажды Клейгельс встретил идущую военную музыку, и на его вопрос, куда они идут, был ответ: „Идем в Ливадию, к президенту, играть". Это слово „президент" покоробило Клейгельса. Не только офицеры и солдаты, но и чиновники Столыпина не получали от него продовольствия. Первый промах Думбадзе был, что он предложил офицерам поднести букет Столыпиной. Это предложение произвело несимпатичное впечатление на гарнизон, но все-таки букет был поднесен.

7 августа.

Был губернатор Новицкий. Про вел. кн. Ксению Александровну Новицкий сказал, что страшно похудела, очень грустна. Оказывается, вел. кн. Александр Михайлович только привез ее сюда с детьми, которых у них 6 человек, но сам завтра отсюда уедет. Уже давно это супружество начало расклеиваться, а теперь, верно, расклеится окончательно. Сделал царь этого вел. князя генерал-адъютантом, но, видно, это его не удерживает, смотрит он в лес. Гвоздевич по секрету сказал Новицкому, что вел. кн. Александр Михайлович сделал распоряжение, чтобы его постель не стояла в спальне вел. княгини. И это все творится открыто, видно, что он желает, чтобы про это знали.

14 августа.

Был у Е. В.—Курлов. Мундир жандармский не очень идет Курлову, у него вид прямо жандарма. Е. В. находит, что смело с его стороны носить эту форму, но и очень похвально.

26 августа.

Были сегодня Путятин и Аничков из Ливадии. Говорил Аничков про полтавские торжества: мало народу было на поле. Ожидалось 150 тысяч, а привели всего 4.500 человек. Ежегодно в этот день, 27 июня, масса крестьян собирается к Шведской могиле, а на этот раз не пришли.

28 августа.

Вчера, когда заговорили о том, что Витте в Биаррице пишет свои мемуары и начинает их с того времени, когда он был премьером, Путятин сказал, что Витте следовало бы начать писать с того времени, когда он был студентом, жил в Одессе с Желябовым и проч. Всегда Витте был анархистом.

31 августа.

Сегодня приходили губернатор Новицкий и Княжевич. Оказывается, что приезд царя отложен из-за семейных неприятностей. Вот какую царицу получила Россия! И как лечить женщину, которая себе расстраивает нервы своим сожительством со „стервой“ Вырубовой, как эту личность называет даже дворцовая прислуга. Мне думается, что у царицы не болезнь, а что-то другое там приключилось, о чем знают и Путятин, и Аничков, но сказать не смеют. Думаю, что в Севастополе уже все об этом знают. Вероятно устроят так, что ее отвезут на „Штандарте“ прямо в Ливадию.

1 сентября.

Никто не понимает, отчего опять отложен царский приезд в Ялту. Сегодня говорили, что новые аресты произведены в Ялте, что дано знать из Петербурга, что оттуда выехала на юг одна террористка, доехала до Харькова, где она жила. Было оповещено ее там поймать, но в Харькове она не остановилась. Надо думать, что поехала на юг. След ее пропал и теперь ее здесь ищут. Приметы ее: вся в веснушках и полоса на лбу.

6 сентября.

Только вчера царь с семьей прибыл в Ялту. Зелень и цветы на набережной были подновлены. Сколько это стоило городу! Сегодня Каульбарс сказал, что царица совсем больна—у нее удушье,

ноги опухли. Севастопольский воздух ей очень помог. Предполагает царская семья остаться здесь до 6 декабря, царь даже не хочет ехать в Италию. Но все настаивают на этой поездке царя, но с условием, чтобы не ехать на Константинополь. Особенно настаивает Столыпин.

9 сентября.

Цель визита царя, по мнению дипломатов, это—не допустить Италию примкнуть к тройственному союзу. Какая наивность! Царь поедет, а Италия к союзу примкнет!

10 сентября.

По всему чувствуется, что царица в Ливадии симпатией не пользуется, что она всем отравляет жизнь, ко всем равнодушно относится, только одна Вырубова близка ее сердцу—ее комната ближе к комнатам царицы, чем комнаты детей.

20 сентября.

Был Б. В. Никольский. Ругает он монархический съезд, который устраивается в Москве 27 сентября, что его устраивает проходимец Восторгов (в Москве его называют „Экстазов"), от которого надо держаться подальше, что этот съезд находится под влиянием Столыпина, что Восторгов послушное орудие в руках Столыпина, так как получает от него субсидии через Кологривова, что он возмущен, что его имя фигурирует в описании занятий съезда. Про дело Дубровина и финляндский суд Никольский сказал, что это только начало, что даже в печати поднимаются голоса, что к убийству Герценштейна причастны Пуришкевич и Казаринов, затем поднимут разговоры о Столыпине, о Крыжановском, которые давали деньги на это убийство. Если Восторгов хлопочет изъять дело Дубровина из финлядского суда, то хлопочет он не даром, так как после этого дела евреи поднимут дело об убийстве Иолласа, а кем он был убит?—подготовил для него убийц протоиерей Восторгов, убит был Иоллос, как и Герценштейн, на деньги Столыпина.

21 сентября.

Сегодня был Нейгардт. Говорили о предполагаемой поездке царя в Италию. Сначала предполагали, что царь с семьей поедет в Италию через Константинополь, где остановится. Оповещен об этом был султан и дело было решено. Затем вспомнили, что никогда русский царь к султану не ездил, к тому же султан этот только что вступил на престол, на который посадили его младотурки. Все это было объяснено царю. Тогда надумали—нельзя ли устроить, чтобы султан первый приехал в Ливадию, к царю. Написано было об этом Чарыкову (посол в Константи-

нополе), но оказалось, что это невозможно. Чарыкову было сказано, что в настоящее тревожное время султан не может уехать из Константинополя. После этого решено было ехать в Италию сухим путем.

24 сентября.

Пуришкевич сегодня высказывался против Столыпина за его разосланный секретно циркуляр, чтобы военные суды не присуждали виновных к смертной казни.

29 сентября.

Мосолов сказал сегодня, что царь поедет к Рейну, на Эльзас и, таким образом, по Франции, минуя Швейцарию, в Италию, по которой придется проехать всего 200 верст, в замок Ракониджи. У царя свой собственный заграничный поезд, локомотивы будут иностранные, но на них будут также и наши машинисты. Едет царь инкогнито, никаких почетных караулов и встреч. Устроено так, чтобы очень большие города миновать.

30 сентября.

Пришел сегодня Стишинский. Сказал, что Столыпин фальшивый, а Щегловитов втрое фальшивее Столыпина, но что он умен, ловок, отлично знает законы, поэтому всегда умеет увернуться.

5 октября.

Про итальянского короля говорят, что он не только либерал, но по убеждениям своим он „левый", что он дружит с социал-демократами. А у него уже гостит в Раконидже испанский король, истый консерватор. Про нашего царя сегодня сказали, что он себя считает октябристом, но в хорошем толковании этого слова. Значит, все три монарха, которые съедутся в Ракониджи, будут разных направлений. Думаю, что в душе наш царь будет больше сочувствовать испанскому королю, чем итальянскому.

7 октября.

Вчера царь уже уехал в Италию. Сегодня Нейгардт говорил с Е. В. по телефону. В разговоре чувствуется тревога их обоих относительно поездки царя. Особенно озабочивает Нейгардта, что баварский парламент, или палата, вернее, отказалась возобновить договор с Россией относительно выдачи цареубийц. Этот договор на-днях истек, а в виду поездки царя, там поспешили его уничтожить. Это является чем-то зловещим.

14 октября.

Как много вреда могут сделать люди, сидящие не на своих местах! Если бы в 1901 году с кн. Ито сговорились, не было бы у нас войны с Японией, не было бы „освободительного движения“, не было бы Думы, не было бы конституции.

17 октября.

Вчера Вологодский епископ Никон сказал, что на-днях все архиереи получили секретное предписание—в своих речах, а в особенности в обращениях к царю, не касаться деятельности царя и деяний правительства.

19 октября.

Сегодня член Думы Кривцов повторил сказанное Пуришкевичем, что правая фракция Думы проводит в председатели Головина. Цель у них такая: с Хомяковым, хотя он и никуда не годен, все-таки царь беседует, Хомяков умеет своим разговором заинтересовать царя, а с таким председателем, как Головин, царь говорить не будет. Вот это-то правым и нужно. У левых, по словам Кривцова, страшная дисциплина, все левые единомышленны по каждому вопросу, а правые—наоборот. По закону 8-го ноября Вязигин и др. говорили за закон, а он, Кривцов, состоя с ними в одной партии, говорил против этого закона. У левых же никогда бы не допустили до этого раскола.

26 октября.

В городе Козлове, после того, как там был избран октябрист голова получил орден за то, что содействовал этому выбору.

30 октября.

Сегодня слышала интересный рассказ Шелькинга. Когда Чарыков был в Берлине и пришел однажды делать доклад графу Шувалову, который в это время уже отчасти выпил, то Шувалов во время доклада перебил Чарыкова и сказал:—„Коля Чарыков, перестань комарам ставить клистиры“.—„Вот в этих словах весь Чарыков“—сказал Шелькинг. Затем сказал Шелькинг, что в данное время у нас не Извольский, а Джордж Грей—министр иностранных дел, что у нас все делается в угоду Англии: мы низложили шаха в Персии, мы поддерживаем партию „прогресса и единения“, мы помогаем низложению греческого короля. Все это такие явления, которые могут вредно отразиться на России. Насчет японца Ито, которого убили, Шелькинг рассказал интересную подробность. Когда в 1901 г. Ито уехал из Петербурга, он в Берлине обедал у Сакена. После обеда Сакен позвал его,

Шелькинга, и продиктовал ему депешу Ламздорфу в присутствии маркиза Ито, что Ито снова повторяет Ламздорфу все ему сказанное, просит его еще раз подумать насчет предлагаемого России соглашения с Японией, что он будет 24 часа ожидать в Берлине ответа Ламздорфа, не уедет, как предполагал, сегодня, чтобы устроить соглашение с другой европейской державой, так как Японии было бы приятнее всего соглашение с Россией. На эту депешу от Ламздорфа не было никакого ответа. Ито уехал и устроил соглашение с Англией. Япония же предлагала России очень выгодные условия относительно Кореи и отдавала два южные порта—Фузан и Мазампо. Вот наша дипломатия!

2 ноября.

Сегодня Скворцов и могилевский губернатор Нолькен сошлись в своей оценке еп. гомельского Митрофана. Скворцов его так охарактеризовал, что он злобный и хам.

6 ноября.

Бекман уволен. На его место назначен его помощник, Зейн, про которого сегодня Дейтрих сказал, что он будет еще хуже Бекмана, что Зейн человек без характера и без всяких убеждений, что трудно было избрать хуже его.

10 ноября.

Была сегодня Щегловитова. Сказала, что ее муж твердо стоит на тех проектах, которые он вносит в Думу. Насчет „условного осуждения“ его проект касается только самых ничтожных преступлений, как, напр., кража булки, курицы голодным и проч. Тюрьмы стали так переполнены, что некуда сажать. Щегловитов собирался заявить в Думе, чтобы евреев, даже выкрестов, и иноверцев не назначать судьями, но Столыпин запретил ему говорить об этом в Думе, почему?—она не знает. Столыпин мотивировал тем, что теперь не время.

11 ноября.

Сегодня Шевич говорил, что бывший придворный доктор Фишер, лечивший царицу, прямо письменно заявил царю, что царицу вылечить не может, пока ее не разлучат с Вырубовой. Но это письмо воздействия не имело: Вырубова осталась, а Фишер был уволен, а на его место назначен Боткин, ставленник Танеева. Про вел. кн. Михаила Александровича говорят, что теперь он живет в „Европейской гостинице“ вместе со своей дамой Вульферт, которая его возит в невозможное общество.

22 ноября.

Был сегодня впервые городской голова г. Одессы Моисеев. Произвел он хорошее впечатление — убежденный черносотенник. Рассказывал Моисеев про проезд царя через Одессу. Царь произвел на него впечатление неуверенного в себе. Выходило так: царь говорит с кем-нибудь из встречавших, оглянется вдруг на свиту и быстро отходит от того, с кем говорил, и подходит к другому, точно ждет указания от свиты.

1 декабря.

Еп. Евлогий сказал, что в Думе известно, что жена Щегловитова цензурует думские речи своего мужа, и вот он их говорит, сообразуясь с настроением своей жены. Первые два вопроса: относительно условного осуждения в волостных судах Щегловитов вел влево, а теперь о присяжных поверенных — он метнулся вправо.

1910 год

20 марта.

Сегодня много интересного, но грустного, даже возмутительного слышала о Григории Ефимовиче Распутине, этом пресловутом „старце", который проник в „непроникаемые" места. Газеты разоблачают этого „старца", но на высоких его покровителей эти разоблачения не производят впечатления, они им не верят и двери их открыты этому проходимцу. Слышала, что в Царском Селе все служащие во дворце возмущены против „Ефимова", его нахальством, поведением, но сильную поддержку он имеет в самой царице. Этого дрянного человека допускают во всякое время во дворец. Когда появилась о нем статья в „Петербургском Листке", нянюшка цесаревича, Вишнякова, показала ее царице, но за это получила строгий выговор с угрозой, что ее выгонят. Даже страшно подумать, какое там самообольщение. Недели три назад приехал с докладом Столыпин и прождал полчаса, так как в это время хозяин находился у жены, у которой в спальне сидел этот „блажка". Когда слуга хозяина стал ему говорить, что это—распутный мужик, что горько думать, что хозяин с ним говорит и проч., он получил ответ, что хозяину очень тяжело слышать, что он неверующий, что кощунствует и проч. Так прочно уверовали хозяева Царского в этого „блажку". Несмотря на всю блажь хозяйки, хозяин ее все-таки любит, и она на него влияет. Эту неделю „блажку Григория" не было видно, он не был ни разу. Когда у хозяйки сидит сестра Елизавета Федоровна, тогда Вырубова не входит, так что они не видятся. Вырубова всегда и во всякое время вхожа. Большой опасностью является то обстоятельство, что этот „блажка" спелся с Витте и жена Витте воспылала к нему любовью и доверием. Искренно это или нет—вопрос, скорее неискренно. Является это вследствие того, что Витте хочется снова получить власть, думает ее получить через „блажку". Но если они оба увидят, что один власти желаемой не получает, а другой увидит, что его поняли и закрыли ему двери, то эти люди вдвоем, плюс жена Витте, придумают какой-либо адский план. Ведь все входы, переходы и выходы этому „блажке" известны. Представил хозяйке эту личность не кто иной, как Анастасия Николаевна, жена вел. кн. Николая Николаевича. Вырубова ездила к „блажке" в Тюмень, у него гостила. Несколько горничных были оскорблены этим „блажкой". Одна из них должна родить, и он открыто говорил, что „Аннушка" (т.-е. Вырубова) ее ребенка возьмет к себе. И такой человек принят,

сидит вместе с хозяином и с ним за панибрата беседует, даже дает ему свои советы!

И это творится в XX веке! Прямо ужас! Всему виновата эта замкнутость, в которой живет хозяин.

22 марта.

Сегодня Клейгельс рассказал доверительно про ту роль, которую играет Мясоедов-Иванов (моряк) у царицы-матери и у ее сестры—королевы английской. Есть даже фотография, где они втроем изображены, но позы их описывать не приходится. В. кн. Ксения Александровна, накануне развода с мужем, пишет очень часто Мясоедову-Иванову самые дружеские записки. В. кн. Михаил Александрович на-днях приезжал в Петербург, требовать разрешения на свою свадьбу с Вульферт. Царица-мать была вне себя, но сын уехал, кажется, с решимостью во что бы то ни стало жениться.

24 марта.

Штюрмер очень возмущен законом 9 ноября. Он сказал, что впечатление было очень неприятно, когда к голосованию вошли все министры со Столыпиным во главе, и положили свои шары вместе с „левыми".

26 марта.

Был вчера Ф. Ф. Трепов, киевский генерал-губернатор. Е. В. считает его не умным, но хорошим человеком. Говорил, что новые военные формы привлекают молодежь на военную службу; ради того только, чтобы погреметь саблей, многие штатские сделались военными. В кавалерии теперь в полках полный комплект офицеров, чего давно не было.

27 марта.

Сегодня кн. Жевахов, который хлопочет относительно прославления мощей св. Иоасафа Белгородского, говорил о своей аудиенции у царя, на которой, между прочим, царь его спросил про Саров и видел ли он там „Пашу". Эта Паша в Сарове пользуется известностью, как прозорливая. Про нее царь сказал, что он „сподобился ее видеть", что она на него произвела глубокое впечатление. Она ему предсказала войну с Японией и вдруг, когда он у нее был, начала бить одну из своих кукол, называя ее „Сергеем". Он тут же понял, кто этот „Сергей". Не следует царю это рассказывать Жевахову, а ему не следует это распространять.

30 марта.

Зверев рассказывал факт кражи в Петропавловском соборе. Украдены 32 венка с гробницы Александра III сторожами, которые пойманы. Венки они ломали на 4 куска в алтаре и все

расплавили, кроме одного, который расплавить еще не успели. Это ли не возмутительно?!

31 марта.

Сегодня Е. В. написал письмо к Столыпину насчет студентов-академистов, которые просят Е. В. устроить им представление царю. Мне эта молодежь доверия не внушает — хочет пролезть всюду под „правым“ знаменем, а посмотри в них глубже—вряд ли у них есть какие-либо убеждения. Печально сказать, что все эти „союзы русского народа“, „русских людей“ и т. д., все они наполнены негодными людьми sans foi, ni loi. Бедный А. А. Римский-Корсаков, который принял звание председателя „союза русского народа“ в Петербурге, в этом вполне убедился. Меня всегда коробило, когда Е. В. сажал за завтраком вместе с гостями этих „союзников“, которые потом оказывались людьми без всяких принципов.

5 апреля.

Сегодня опять напечатано про Соболевского. Мне сдается, что здесь действует Б. В. Никольский, что он направляет Соболевского. Никольский не терпит Пуришкевича, Восторгова и Булацеля. Таких типов очень много развелось и среди них первым номером стоит Восторгов. Это—проходимец в рясе, очень скверный человек. Дубровин тоже, по-моему, ужасная личность, от которого дай бог находиться подальше.

Сегодня очень мрачную, но верную картину настоящего положения России нарисовал А. Н. Наумов. Какой царит хаос у нас со всей бессистемностью новых преобразований и перестроек в русском государстве!

6 апреля.

Такое настроение у всех, что все чувствуют, что тревожно будущее, что созидательной работы нет, что Столыпин на эту созидательную работу неспособен, что дело он свое сделал— умиротворение есть, но дальше надо работать, укреплять умиротворение, и это не делается, и все разваливается. Люди как-то утратили все начала, все смешалось у них в головах. Жить и наслаждаться—вот девиз теперешней молодежи, но так как для наслаждения нужны средства, то и стараются их раздобыть всякими правдами и неправдами, не гнушаясь способами, забывая честь, дорогое имя и проч. И в такое время, с такими людьми начинают переустройство России! Понятно, что ничего выйти не может. Старые, с нравственными устоями люди уходят, а теперешние, хладнокровно относящиеся ко всему, кроме своей особы, еще более запутывают все и доведут Россию до полного разорения. Мнение Штюрмера: „мы уснули“.

7 апреля.

Сегодня нам говорили, что у Вырубовой бывал не один только этот „старец“—Григорий Распутин, но что у нее целая коллекция подобных личностей, которые восседают у нее в гостиной: разные идиоты, калеки и т. п. И в эту компанию приходит царица! Не поймешь ее: женщина она с репутацией умной, а деяния ее этого не доказывают.

12 апреля.

Вчера говорили, что Витте силится пролезть в министры путей сообщения, а сегодня говорили, что жена Витте, про которую царица-мать и слышать не хотела, чтобы она представлялась ко двору, на-днях представлялась царице Марии Федоровне, и это представление устроил кн. Оболенский (Котик), который пользуется большой симпатией царицы-матери, но не царя.

13 мая.

Сегодня сказал бар. Притвиц, что царица снова больна, снова вернулось ее нервное расстройство. Это сказал Притвицу гр. Гендриков. Тяжело, я думаю, царю жить с такой женой: приняла участие она в нескольких обедах, а теперь снова заболела. Пока была у нее сестра ее, Ирена прусская, она держалась. Что-то есть непостижимое, темное во всем этом. Был Рейн. Про молодую царицу сказал, что неоднократно ей предлагали позвать его, но она все отклоняет, не хочет показаться специалисту. Надо думать, что у нее есть что-то секретное, что она не решается доверить, и, зная, что опытный врач поймет, в чем дело, отклоняет помощь специалистов.

19 мая.

В Петербурге находится одна актриса, Гзовская, которая играет в театре пьесы самые декольте. Эта Гзовская—полька, замужем за сыном русского посла в Париже Нелидова. Ее подкупили, чтобы она вскружила голову царю, и тогда—чтобы царь действовал по ее указке, а ей будет дан урок, как действовать. Хотят устроить свидание на одном из посещений царем какого-либо офицерского собрания, куда приглашаются всегда после обеда какие-либо певцы или певицы. Возможно, что это будет устроено во время красносельских маневров.

31 мая.

Печальное явление все эти „союзники“, „старцы“ и проч. Когда видишь все это вблизи, сталкиваешься с этими людьми, слышишь про недостойное поведение монахов, архиереев и проч., больно становится за Русь. Разве такое духовенство, какое теперь у нас, может влиять благотворно на народ?

3 июня.

Был Радциг, камердинер царя. Говорят, что царицу прямо не любят все. Оказывается, что она очень недовольна, что этого Распутина убрали с глаз ее долой. Она продолжает злиться на тех, кто ей в глаза говорил, что он мошенник и проч. Поэтому Тютчеву и старшую нянюшку, Вишнякову, отпустили на два месяца в отпуск. Обе они восставали против Распутина, чтобы он не показывался в комнатах детей. На место Тютчевой теперь временно назначена Вырубова! Бедные дети!

16 июня.

Интересный случай рассказывал сегодня Поливанов. Редигер вместе с Палицыным написал записку, которую подали царю, в которой критикуют немилосердно все преобразования в армии Сухомлинова. Царь эту записку передал Сухомлинову. Не ведая про судьбу своей записки, Палицын недавно, при встрече с Сухомлиновым, начал ему восхвалять его систему. Сухомлинов не выдержал этой фальши и сказал ему, что взгляд его ему известен насчет его системы из его собственной записки, которую он получил от царя. Картина!!!

17 июня.

Сегодня Зилотти сказал, что царь на яхте не в духе. Насчет Гинзбурга уже было давно решено царем, что следует отдать ему эти два миллиона, на которые он предъявил претензию. Царь их считает карточным проигрышем, и отдать их необходимо.

1 октября.

Говорила с Ухтомским по телефону. Он, между прочим, спросил, знаем ли мы, почему с такой помпой хоронили летуна Мациевича. На мой ответ, что знаем только то, что о нем писали в газетах, Ухтомский сказал, что Мациевич был опаснейший революционер. Зилотти поразился, когда я ему сказала, что Мациевич был опасный революционер. Зилотти хотел знать, откуда мы это знаем, и этот слух опровергает. Возмущались делом Вонлярлярского. Идет слух такой, что когда арестовали Вонлярлярского, у него были найдены документы, которые компрометировали таких высоких людей, что дело Вонлярлярского ничем не кончат.

5 октября.

Сегодня секретарь Драчевского Евреинов говорил, что убившегося летуна Мациевича было уже решено арестовать через два дня, что он покончил жизнь самоубийством, что он принадлежал к военной революционной боевой организации, был ее главным организатором и руководителем по делу военного пере-

ворота в России, так как революционеры поняли, что только с помощью военных можно достичь цели—ниспровержения существующего строя. Когда Столыпин летал с Мациевичем, он не знал, что Мациевич революционер. Евреинов сказал, что у нас агентура плохо ведется. Пантелеев говорит, что замок Фридберг печальное производит впечатление. Всего там 4 жилые комнаты, очень тесно. Вся свита царя живет в Гомбурге, в Фридберге никогда не бывает; даже Фредерикс редко имеет доклад. В Гомбурге свита вся страшно скучает. Была Щегловитова. Про Столыпина сказала, что он более чем когда-либо заразился манием величия, презрительно смотрит на своих коллег. Возмущена назначением Кассо и Сазонова, что царь их не знает, назначены по телеграфу. Столыпин играет роль великого визиря, его „отрубная“ политика, имеющая только начало, но не имеющая конца, т.-е. еще не узаконенная судебно, уже порождает массу волнений, споров и проч. среди крестьян. Из разговоров Щегловитовой видно, что кабинет министров в возбужденном состоянии. Вчера было заседание совета министров и видно, по словам Щегловитовой, что на нем Столыпин держал себя олимпийским богом.

11 октября.

Говорили, что царь в Скерневицы не поедет, что в Германии останутся дольше. Воображаю как там скучает весь entourage, да и царю, верно, не весело. Умеет царица устраивать тяжелую атмосферу вокруг себя.

12 октября.

Вчера говорил Стишинский, что насчет смерти летуна Мациевича слышал следующую версию, что якобы он получил от революционеров смертный приговор за то, что поднимал на своем фармане Столыпина и не выбросил его из своего аэроплана. И это причина гибели Мациевича. Удивляюсь, как Столыпин не знал, кто такой Мациевич. По словам Стишинского, когда агенты сыскной полиции увидали, что полетел Столыпин с Мациевичем, все они пришли в ужас, все готовы были лететь за Столыпиным, чтобы ловить Мациевича.

13 октября.

Б. В. Никольский вчера очень ругал академический клуб, студентов-академистов, Столыпина, Пуришкевича, называя, что это клуб сыщиков и проч., что своим посещением этого клуба Столыпин подчеркнул, что они его „полиция“ и проч., что они живут субсидиями от него.

15 октября.

Сегодня был Клейгельс, говорил, что никому не удавалось его обойти. А вот Вонлярлярский его обошел. Он ему верил. Он,

Клейгельс, просил у царя разрешения Вонлярлярскому усыновить сына. Видно, что в этом деле жестоко замешан Клейгельс. Его смущение, особенно несчастное лицо его жены, которая тоже была, их выдает. Теперь чувствуется, что дело Вонлярлярского так стоит, что, ради этих концессий на Ялу и ссуд под это дело великих мира сего, постараются это дело замять.

18 октября.

Сегодня разоренный Исаакиевский сквер покрылся белой пеленой. Несрубленными остались только самые уродливые деревья. Не снесен тоже и домик, который был в саду и который возмущал всех зловонием. Вот наши порядки! И так во всем. Сегодня узнала, что виновник уничтожения Исаакиевского сквера виновник того, что там вырубили все деревья,—не кто иной, как тупоумный Драчевский. Кто его надоумил сделать это безобразие? Очень верно сказал сегодня самарский предводитель Наумов, что в данную минуту Исаакиевский сквер является фотографией того, что приходилось видеть в деревнях в освободительное время,—разгромленную усадьбу. И это сделано в Петербурге, на самом, можно сказать, бойком месте! Был сегодня Никольский. Говорил, что Витте с „Новым Временем" разошелся. Новый министр народного просвещения произвел на Никольского прямо отрицательное впечатление. Уши у него так велики, что страшно на них смотреть. Про эти уши Щегловитова говорила, что ее муж нашел, что „уши у Кассо, как калоши". Нос у Кассо тоже принадлежит к числу экстраординарных. Впечатление насчет него выносишь отрицательное. Удивляешься этому выбору!

19 октября.

Был сегодня Штюрмер. Про нового министра Кассо говорил, что провела его Веселкина, родственница Столыпина. Пуришкевич говорил про епископа Евлогия, что он много вреда приносит русскому делу в Думе, что он неискренний, двуличный, вредный человек.

3 ноября.

Сегодня был у нас впервые Хвостов, нижегородский теперь губернатор. С виду он похож на медведя—так толст. Это — убежденный черносотенник. Говорили про Толстого. Хвостов был лет 5 назад тульским вице-губернатором, вспоминал, что Толстой только с виду то, что про него пишут и что он сам про себя пишет, т.-е. анархист. Он часто прибегал к администрации за помощью в своих недоразумениях с крестьянами. К Хвостову с этими заявлениями приезжал сын Толстого, Андрей, и он то и говорил Хвостову, что какой его отец либерал?! Черносотенник такой же!

13 ноября.

Сегодня Н. А. Зиновьев, который хорошо знает семью Л. Толстого, говорил, что самая дурная из всей семьи, это—графиня Софья Андреевна. Она уже давно бросила помогать мужу в его литературных трудах, всегда у них были семейные ссоры и проч.

Сказал, что при нем делились Толстые своими капиталами, что все дети Толстого получили по 50 тысяч рублей, у Софьи Андреевны осталось, конечно, больше.

16 ноября.

Теперь ясно многое. В последнюю ночь, проведенную Толстым у себя, когда его жена вошла к нему в спальню, он лежал на постели, но не спал. Услышав ее шаги, Толстой сказал:—„Опять роются в моих бумагах".

24 ноября.

Л. А. Тихомиров очень озабочен. Признает Гучкова очень вредным человеком, что он ведет тайные сношения с военными, между которыми есть много „мартинистов".. Имена этих „мартинистов"-офицеров Тихомирову известны. Согласен Тихомиров со мной, что за Гучковым надо зорко следить, что он может подготовить португальскую катастрофу.

1 декабря.

Вчера полицеймейстер Галле рассказал Е. В., что в университете вчера ему пришлось порядком повозиться. Ему был дан приказ не допускать сходку ни в каком случае. Вчера же в университете собралось до 2 тысяч студентов в актовом зале. Галле вошел в зал с 250 полицейскими; он просил студентов разойтись, но так как они не исполнили его просьбу, то он, с помощью полицейских, начал их по одному выкидывать из залы на улицу. Галле считает, что пришлось из зала перекинуть на улицу до 6 тысяч пудов человеческого мяса и на это потрачено было 4 часа.

4 декабря.

Вчера Е. В. беседовал по душе с гр. С. А. Толем. Оба они находят, что положение России крайне тяжелое. Случится что-либо с царем—Россия окажется в безвыходном положении. Вел. кн. Михаил Александрович—безвольный, слабоумный в руках еврейки Вульферт и, так же, как и молодая царица—страшен России.

8 декабря.

Разговор Е. В-ча с Радцигом знаменателен. Радциг про царицу сказал, что она холодная, неприступная, но когда захочет обворожить—умеет это сделать. Более чем когда-либо она близка с Вырубовой, которой все говорит, что ей говорит царь, царь же царице все постоянно высказывает. Вырубову во дворце все презирают, но никто против нее идти не решается,—она бывает постоянно у царицы: утром от 11 до часу, затем от двух часов до пяти и каждый вечер до $11^1/_2$ часов. В это время, т.-е. в 10 час. до $11^1/_2$ час., царь приходит к царице. Прежде бывало, что во время прихода царя Вырубова сокращалась, а теперь сидит все время. В $11^1/_2$ час. царь идет заниматься, а Вырубова с царицей идут в спальню. Печальная, постыдная картина! По словам Радцига, царица совсем не так уж больна, как представляет себя больной. Она психически-больная, но здраво умеет рассуждать. Лежит, напр., еле жива, вдруг соскочит с постели, как ни в чем ни бывало, а затем опять завалится на постель. У Вырубовой с этим развратным Распутиным продолжается очень усердная переписка, денег она у царицы для него выманивает много. Сказал Радциг, что летом, когда царская семья была во Фридберге, Вырубова трижды туда приезжала. Сперва она жила с отцом, Танеевым, в Гомбурге, а затем ее приютил бар. Фредерикс. Очень уж некрасиво со стороны Фредерикса поощрять этот разврат. В Вольфсгартене, по желанию царицы, вел. герцогиня Гессенская приглашала Вырубову погостить, но приглашала ее нехотя. Приглашали ее на три дня, а она осталась неделю, всем была в тягость. Принцесса Ирена и герцогиня не скрывали своего к ней презрения. Вспомнил Радциг, как царь на него рассердился два года назад, когда на его вопрос: кто у царицы, он отвечал: „г-жа Вырубова и этот грязный мужик". Царь гневно на него вскрикнул: „Как вы можете так говорить о человеке столь религиозном!" Но Радциг не унимался и сказал еще, что это—мошенник. Царь очень вспылил и рассказал об этом царице. На Радцига долго дулись.

12 декабря.

Вел. кн. Николай Николаевич сумел к себе внушить ненависть всей гвардии и всего петербургского военного округа, что при нынешних тяжелых политических обстоятельствах является тревожным симптомом. В Царском Селе, во дворце, атмосфера грустная, царица все „больна" и якобы четыре дня царь ее не видал. Какие там странности!

13 декабря.

Царь вчера приехал в театр на 50-летний юбилей Гердта, он 6 лет не был в театре. В. А. Дедюлин сказал, что царь собирается часто бывать в театре, что „пока еще возможно ездить,

но с конца января и начала февраля эти посещения будут опасны". По всему видно, что снова смутное время надвигается.

18 декабря.

Вчера навестила графиню С. С. Игнатьеву. Она сказала, что угнетающее настроение в Царском, во дворце. Царица все „болеет". Не поймешь ее „болезни"—то ходить не может, то полтора часа простаивает на ногах, прикалывая шифры воспитанницам. Про Григория Распутина Игнатьева сказала, что он здесь, живет на Кузнечном и ежедневно всем пишет в Царское. Какое безобразие!

20 декабря.

Щегловитова рассказывала про Царское, что там настолько удручающая атмосфера, что царь, не вытерпев, сказал, что окружающая его тишина его удручает. Царь всегда один, а царица всегда с Вырубовой, с которой запирается в спальне. Сказала Щегловитова, что теперь уже есть поползновение найти царю развлечение в балете, так как он молод, не может жить монахом, и тогда будет ему легче.

1911 год

13 января.

Был сегодня Радциг. Он не радужно настроен. Этот мужик, Распутин, снова в Петербурге, во дворце не бывает, но у Вырубовой в Царском бывает, и царица часто к этой Вырубовой заезжает. Вырубову продолжают ругать за глаза, а в глаза за ней ухаживают все, не исключая и Дедюлина. Все эти господа боятся только одного, чтобы не потерять своих тепленьких местечек, а до России им горя мало, было бы только им хорошо.

В патриотической демонстрации с гимном, пропетым на коленях в театре во время представления „Бориса Годунова" в присутствии царя, есть, кроме патриотизма, и совсем другая подкладка. Оказывается, что директор театра Теляковский очень притесняет кордебалет, накладывая на него штрафы и проч. Певица Збруева, которая к кордебалету очень хорошо относится, старалась устроить, чтобы ее пригласили в Царское петь какую-то кантату, и тогда там она поведала бы царю про невзгоды хористок, а не кордебалета. Но, вероятно, проведали про эти мечты Збруевой и все откладывали этот концерт. Тогда хор решил воспользоваться присутствием царя в театре. Спросили разрешения спеть гимн, им разрешили, не ожидая, что станут на колени. Предводимый Збруевой, весь хор опустился на колени. Артисты и хор надеялись, что после этого царь придет на сцену, как это бывало раньше, но ошиблись,—царь на сцену не пришел и свою челобитную хор не мог подать.

15 января.

По телефону передал Б. В. Никольский свой разговор с вел. кн. Константином Константиновичем о Толстом. Про дело об издании его сочинений и о покупке Ясной Поляны казной вел. кн. Константин Константинович сказал, что считает его похороненным, оно совсем застряло у царя. Сказал, что чествование Толстого Академией не было его инициативой, а было передано ему Столыпиным, как желание царя. Всего больше из сказанного Никольским великому князю его огорчило то, что лекция его измайловским офицерам в полку произвела в публике дурное впечатление. На это вел. князь воскликнул: „Значит, я не имею права прочесть несколько страниц из „Отрочества"!

23 января.

Насчет юбилея освобождения крестьян Меньшиков говорил, что надо скрывать этот позор, что русские цари его терпели, надо

забыть, что подобное когда-нибудь существовало, а не устраивать юбилеи.

26 февраля.

Уже давно было известно Голицыну про воровство Кузьмина, который обокрал ведомство имп. Марии более чем на 100 тыс. руб. Знал Голицын, когда кража была только 40 тысяч руб., и по телефону сказал Муретовой, что еще рано обличать Кузьмина, „qu'il fera payer cher sa tête". Сказала Муретова, что у Голицына есть подозрение на Гейдена и Шихматова. Надо думать, что эти два лица в связи с делом Кузьмина.

27 февраля.

Странное вчера прочли назначение: кронштадтского архиерея Владимира назначили архиереем в Томск. Это—солдат в рясе, или командир роты, а не монах.

17 июня.

Вчера Е. В. говорил по телефону с Григоровичем, который очень доволен удачным спуском „Севастополя". Сегодня по поводу этого спуска слышала подробности, что с ним поспешили, что только спустили верхнюю оболочку, что ни турбина не вложена в броненосец, ни одного нет на нем котла. Говорят, что этот спуск замедлит окончательную готовность броненосца на несколько месяцев и будет стоить казне около двух миллионов, придется расклепывать броню, чтобы ввести турбину. Но Григорович хотел coute que coute спустить корабль для эффекта и эффект удался, так как мало кто знает le dessous des cartes. Сегодня было сказано Мосоловым, что только через три года „Севастополь" будет приведен в боевую готовность. А теперь шумят: „новый броненосец спустили!"—и все радуются.

29 июня.

Был Григорович, долго беседовал с Е. В. Интересно, что в заседании совета министров, когда речь шла о покупке казной за 500 тысяч Ясной Поляны графа Л. Толстого, министры обратили внимание на материальную сторону этого дела, а насчет нравственной—никто из них ничего не сказал, а было разногласие, что сам Григорович не подозревал вреда, который был нанесен Толстым России и русскому народу.

29 июля.

Здешние жандармы про революционеров сказали, что они „шевелятся". Не дай бог снова террора! Сегодня у Е. В. был Скворцов. Продолжает он в своей газете рекламировать Илиодора, пишет про него целые статьи. Печально думать, что церковная

газета в руках такого ненадежного человека, как Скворцов. Я его за последнее время перестала уважать — вводит духовенство в заблуждение своими панегириками Илиодору, который проник к царице, что и причина, что он стал так мил Скворцову.

Напоминает мне все это большие отели за границей, даже отчасти напоминает „Отель Бристоль" в Берлине.

2 августа.

Балинский, который при вел. кн. Николае Николаевиче, сказал по секрету Думбадзе, что готовились погубить „Штандарт" во время плавания, но заговор был открыт. Участвовали в нем морские офицеры.

4 августа.

Был сегодня инспектор почт и телеграфов Довяковский. Очень много интересного рассказывал из пережитого им за революционное время, как он был командирован в Сибирь П. Н. Дурново и проч. Рассказал он нам свой разговор по телеграфу с Дурново в Петербург из Иркутска. Предварительно через пароль он удостоверился, что говорит именно с Дурново. От Дурново он услышал (это было в 1905 году), что царь убит, царица с наследником бежала, провозглашена республика. Витте президент, на Казанской площади бунт и т. д., а Дурново по телеграфу читал, что в Иркутске резня, армия взбунтовалась и т. д. Оказалось, что весь этот разговор был сочинен самарскими телеграфистами, с Семеновым во главе, беглым из за границы, который затем был схвачен. Довяковский удивляется, как мало обращают внимания на телеграф, во главе которого находится архи-левый Осадчий с К°, которые подбирают единомышленных себе инженеров. Не дай бог,—новая революционная вспышка. Тогда Осадчий и К° сумеют утилизировать телеграф в свою пользу. По словам Давиковского, вот как Осадчий использует телеграф: посадив во все конторы своих инженеров, когда время наступит, в один прекрасный день даст им приказ задержать все правительственные депеши и разошлет всюду революционные, с фальшивыми вестями, которым провинция поверит, не получая опровержений. Не даром Осадчий первый подписал адрес забастовочного социал-революционного комитета.

22 августа.

Карангозова по секрету сказала, что Толмачева получила за проведение дороги на Бахмач 150 тысяч рублей... Говорят, что вряд ли благополучно уедут Толмачевы из Одессы, что его враги потребуют ревизии в 500 тысячах рублей, в израсходовании [illegible]ых Толмачев не отдаст отчета.

28 августа.

Много курьезного читала в газетах. Напечатана высочайшая благодарность Бострему за отличное выполнение работ в севастопольском порту и исправление котлов на броненосце „Пантелеймон“. Царь благодарит Бострема за что?—Не за порядок в порту, а „за исправление котлов“! Это ли не курьез!? Сегодня Качалов рассказывал, какое огромное количество яиц, молока, сливок и масла требуется ежедневно для двора, а теперь для высылки в Севастополь, пока там царская семья будет находиться на рейде. Живя в такой роскоши, может ли царь и семья его понимать бедность, соболезновать ей?

2 сентября.

Сегодня еще не встала с постели, как мне доложили, что исправник и начальник почтовой конторы имеют важное сообщение к Е. В. и желают меня видеть. Я спешно накинула халат и вышла к ним. Вот телеграмма, которую они мне передали: „Сегодня в театре, на парадном спектакле, в присутствии государя, Столыпин ранен из браунинга злоумышленником, подошедшим вплотную. Пулею прострелена рука и печень. Надежда на выздоровление пока имеется. Столыпин, упав в кресло, начал благословлять государя. Злоумышленник изрублен шашками, но пока жив. Спектакль прекратился. Вся публика многократно после этого пела гимн и „Спаси, господи, люди твоя“, обратившись к государю. Киевские торжества отменяются, возможно изменение программы. Довяковский“.

3 сентября.

Сегодня есть депеша к Е. В. от губернатора Гирса из Киева, что доктора надеются на выздоровление Столыпина, если не будет осложнений. Программа царского путешествия—без изменений. Сегодня есть депеша, что царь поехал в Овруч. Царь посетил Столыпина в лечебнице. В Киеве ходит слух, что преступление это совершено агентом сыскной полиции. Ужас!!!

5 сентября.

Депеши о состоянии здоровья Столыпина так нехороши, что надежда на его выздоровление рушится—воспаление брюшины, слабость сердца, пульс 120, температура 36. Все это признаки близкого конца. Оказывается, убийца—не только „легальный“, но архи-легальная личность, он два года уже состоит в сыскном отделении. Явился он в театр и первым делом донес начальству, что ему стало известно, что на Столыпина готовится покушение, и он укажет, кто его совершит. Тогда ему дали билет и впустили в театр. Во втором антракте ему заявили, что так

как, слава богу, все спокойно, то он может уйти. Тогда эта личность быстро направилась к Столыпину и произвела выстрелы. И подобные личности являются охранителями царя, его семьи! Страшно об этом подумать. Тут не разберешь, кто в этом деле виноват.

13 сентября.

Рассказал Скворцов со слов духовника Столыпина свящ. Левитова, что О. Б. Столыпина, когда царь вошел к Столыпину, очень торжественно сказала ему:

— Как видите, государь, у нас еще не перевелись Сусанины.

Затем, после панихиды, Столыпина упала на плечо царя, который поцеловал ее в щеки, а потом дважды поцеловал ей руку. Про смерть мужа она сказала, что это—„воскресение“. На похоронах она поражала всех своим самообладанием.

Мельком слышала рассказ, что Распутин был у царицы в Киеве, был ею вызван из Петербурга. Боже! Это что-то умопомрачительное! Это поистине кошмарно, что творится вокруг бедного царя. Царь едет в Чернигов, в это время царица принимает Распутина и, того гляди, вызывала этого мужика для совета, как заместить Столыпина, убитого никем иным, как охраной. Разве это тоже не кошмар?! Прямо страшно! Вырубова— это большая сила! Становится и гадко, и грустно, и противно, что у нас творится много, много ужасного, утеривается престиж русской семьи, которая должна бы служить образцом добродетели для всех нас. Никогда у нас родство и кумовство не играли такой роли, как теперь.

18 сентября.

Очень типичен следующий рассказ генерала Зарубаева. На докладе относительно стрельбы царь поставил такую резолюцию: „Желательно, чтобы всюду стрельба была поставлена однообразно“. Внизу, под этой отметкой царя бывший военный министр Редигер написал: „Это не важно, но необходимо, чтобы были устроены штабс-капитаны“. Это—доказательство, как относятся к царской резолюции.

Вчера меня поразили слова Дедюлина, что два дня они все жили в Киеве под угрозой покушения. Только и было толку, что готовится покушение.

Вышел инцидент с одной дамой, которая лезла все вперед,— мазаная и очень развязно себя державшая. Все обратили на нее внимание, найдя ее неприличной. Думбадзе быстро подошел к ней и заявил, чтобы она убиралась не только с мола, но и из Ялты. Дама эта оказалась женой жандармского полковника Шнейера. Царь заметил, как Думбадзе убрал с мола эту барыню и сказал, что видел, как он быстро „умеет сокращать“.

5 октября.

Говорят, что Курлов соглашается уйти только с тем условием, чтобы его назначили членом Гос. Совета и дали бы ему рескрипт. Зилоти рассказал, что Столыпин был убит в тот же день вечером, когда потребовал от Курлова отчет в расходах по охране.

6 октября.

Оказывается, что П. Н. Трубецкой убит ревнивым мужем, своим племянником Кристи, за женой которого Трубецкой ухаживал, и верно с успехом, если муж убил. Отовсюду слышно, что якобы это факт, что Дедюлин, на вопрос царя, кого назначить министром внутренних дел, отвечал: Курлова. Сегодня рязанский губернатор кн. Оболенский это подтвердил. Оболенский мог это узнать от сестры своей, свитской фрейлины, которой якобы Дедюлин сказал про свой ответ царю. Я не ожидала такого наивного ответа от Дедюлина, даже при его небольшом уме. Жалею его; воображаю его положение теперь там, как может быть царь спокоен при его охране. Ген. Андреев сегодня говорил, что вряд ли Драчевский останется градоначальником, что Коковцов его не терпит, что недавно, весной, в одном обществе Коковцов не подал руки Драчевскому. Драчевский ему протянул руку, а Коковцов спрятал свою за спину. Причина такого отношения Коковцова к Драчевскому в том, что в деле конторы Жданова Драчевский очень замешан, и замешан очень неопрятно. Говорил вчера Зилотти, что 20 октября царь приедет в Петербург.

21 октября.

От m-me Карнович узнала, что ее внучка Пистолькорс, рожденная Танеева, едет в Ливадию к сестре—Вырубовой. Камарилья наметила Пистолькорс для развлечения и увлечения царя. Тогда обе сестры будут пристроены...

28 октября.

Говорила с Хвостовым про письмо Азефа. Он это письмо признает угрожающим. Азеф хочет вернуться к революционерам, но они принять его вновь в свой лагерь не желают, ему для этого надо перед ними себя реабилитировать громким убийством. Страшно написать, но—кто знает?—может, этот Азеф займется приготовлениями к убийству царя или наследника.

1912 год

18 февраля.

С печальным, подавленным чувством сажусь писать. Более позорного времени не приходилось переживать. Управляет теперь Россией не царь, а проходимец Распутин, который громогласно заявляет, что не царица в нем нуждается, а больше он, Николай. Это ли не ужас! И тут же показывает письмо к нему, Распутину, царицы, в котором она пишет, что только тогда успокаивается, когда приклонится к его плечу. Это ли не позор! Эти подробности сегодня рассказал Шелькинг, который провел целый вечер с Распутиным у m-me Головиной, дочери m-me Карпович, где было много разных дам, кроме Шелькинга, и где женщины все с подобострастием глядели на Гришку. Когда вошел Шелькинг, Гришка пошел ему навстречу, сказав, что больше любит мужчин, чем женщин. Произвел он на Шелькинга такое впечатление, что он искуснейший комедиант. Жаловался, что пресса на него нападает, что он готов уехать, но нужен здесь „своим". Под словом „свои" он подразумевает царскую семью.

В данное время всякое уважение к царю пропало. А тут царица заверяет, что только молитвами Распутина здоровы и живы царь и наследник, а сам Распутин решается громогласно говорить, что он нужен больше Николаю (т.-е. царю), чем царице. Эта фраза может свести с ума. Какое нахальство! Очень возмущался рассказами Шелькинга кн. Оболенский, брат фрейлины царицы, который все повторял: „И это в XX веке!" Когда Шелькинг назвал бар. Икскуль, которой Распутин сказал, что она—„бегун", Оболенский назвал ее не Икскуль, а Вельяминова, так как она с ним давно в дружбе. Грустно и печально и позорно все, что теперь творится.

20 февраля.

Вчера Золотарев сказал Е. В., что в Думе Родзянко (председатель) и с ним другие готовят письмо царю насчет Распутина. Сегодня Римский-Корсаков говорил, что видел Распутина, который хотел его загипнотизировать, но упорный взгляд Корсакова на него подействовал: глаза у Распутина забегали, он как-то присел и начал разыгрывать роль юродивого. Сейчас Е. В. сказал, что Родзянко пишет царю про Распутина вместе с Коковцовым. Гр. Коновницын вчера был у Нилова, который ему сказал, что обо всем говорит с царем, но как только коснется Распутина, царь сейчас оборвет разговор, что он, Нилов, единствен-

ный против Распутина, что все придворные за ним ухаживают, с ним няньчатся. Дедюлин очень возится с Распутиным, ждет от него поддержки, так как дело Курлова, Спиридовича и К-о пошатнуло его положение, а Распутин может закрепить его у царя. Все это, надо думать, было рассказано Ниловым Коновницыну.

22 февраля.

Весь Петербург так взбудоражен тем, что творил в Царском Селе этот Распутин. Думский запрос о Распутине является как бы успокоением: из него видно, что изыскивают все средства обезвредить этого мерзавца. У царицы—увы!—этот человек может все. Такие рассказывают ужасы про царицу и Распутина, что совестно писать. Эта женщина не любит ни царя, ни Россию, ни семью, и всех губит.

25 февраля.

Вчера был у Е. В. ковенский „союзник“ Гнатовский. Какие сомнительные люди все эти „союзники“. Приехал он якобы для того, чтобы Е. В. достал у Илиодора письма царицы к Распутину, а на самом деле приехал с просьбой к Е. В. устроить, чтобы его, Гнатовского, не посадили в тюрьму за растрату.

26 февраля.

Моему Е. В. сегодня 83 года. Он сегодня озабочен: вчера послал царю письмо. В своем письме Е. В. говорит про бродягу Распутина, что надо, чтобы он исчез с лица земли. Дай бог, чтобы он скорее узнал, как принял царь его откровения. Вот что мой Е. В. написал на-днях Думбадзе: „Мне, старику, с тех пор не спится, как удостоверился, что Распутин—бродяга, и он успел уже совершить много зла и здесь и обещает возмутительно себя вести у вас там и проч. Многие россияне уповают, что бесценный, неподражаемый Иван Антонович утопит грязного бродягу в волнах Черного моря“. Трудно будет это исполнить Думбадзе. Обедал с нами Меньшиков, были также Щегловитова, Назимов, Никитина. Когда разговор зашел о Распутине, Меньшиков начал говорить не то, что писал про него, сказал, что он видел его у Сазонова, что Распутин на него произвел на этот раз впечатление, что он—верующий, искренний и проч. У всех наших гостей и у Е. В. выразилось такое удивление, что Меньшиков смолк, а Е. В. начал ему объяснять, в какое он введен заблуждение.

27 февраля.

Сегодня сказал Альбрант, что с Григорием Распутиным часто встречался в прошлом году, что он его считает хитрым, себе на уме, что он часто повторяет царю, что его спасет Сергей. Эти

слова Распутин повторил и при Альбранте. Этот Сергей—Витте, которого он агент.

29 февраля.

Вчера слышала характеристику полк. Герарди, помощника Дедюлина. Личность, которая про него рассказывала (Л. В. Н.), знает его с детства. Отец его служил на Кавказе. Однажды этот Герарди, служивший уже в жандармском ведомстве, приехал на короткую побывку в Тифлис. Его знакомые и знакомые его отца устроили в честь его обед, за которым свободно, вольно высказывали свои мнения. Только что кончился обед, Герарди исчез, сказав, что скоро вернется. Правда, он скоро вернулся, но в шарфе, как при исполнении служебных обязанностей, и тут же арестовал несколько человек из числа тех, которые ему давали этот обед. А лицо у этого Герарди—внушающее доверие.

7 марта.

Все газеты теперь распинают Саблера, а разговоров про все это совсем мало, никто сегодня ничего не говорил. Вчера моряк барон Гревениц очень нападал на завод Виккерса, на некоего Брика, который якобы в морском министерстве всем орудует, сказал, что Григоровичу можно верить, а его окружающим, у которых он в руках, верить нельзя. Странную вещь слышала, что Распутина заменил в Царском Селе Пистолькорс...

9 марта.

Ольхин говорил, что кого повесить надо, так это—Танеева, что недавно один из приятелей Танеева сказал ему в упор, что всем известно, кто вводит к царице и царю таких проходимцев, как Распутин, и что этому следует положить конец. Танеев на эти слова ничего не ответил, только сильно побледнел. Про Вырубову Ольхин сказал, что она—une vraie femme de chambre, глупа, но хитрая, что все люди любят лесть, она, т.-е. Вырубова, этим и сумела войти в такой фавор у царицы.

14 марта.

Сегодня много было людей. Темой разговора продолжает быть Распутин, вчера вернувшийся в Петербург и вчера же ездивший в Царское Село. Печально писать, какие вкусы у царицы, как она терпит этого хлыста. Был Саблер. Он как-то осунулся, похудел. Есть с чего! Против Распутина он ничего не говорит. Это молчание наводит на сомнение. Царя не поймешь. По словам графини Милорадович, которой рассказывала жена председателя Думы Родзянко про аудиенцию своему мужу у царя, когда Родзянко развернул перед царем, кто такой Распутин, царь совсем от Распутина отмежевался, сказал, что никогда

Распутина не видит. Но как он позволяет бывать этому Гришке во дворце? Ведь из разговора Родзянки он увидал, какой это вредный человек, к какой он секте принадлежит. Все одно и то же говорят, что у царя выдержки очень много, а воли никакой— полное безволие. Это ужасно! Завтра вся царская семья уезжает в Крым и Распутин тоже. Стоит только царю сказать хотя бы Дедюлину, чтобы убрали эту тварь подальше, и дело будет сделано. А вот беда—воли не хватает. Ужас берет, когда вникнешь в тяжкое положение России!

15 марта.

Саблер успокоил весточкой, что сегодня в 11 часов Распутин отправлен в Тобольск. Дай бог, чтобы это известие оправдалось, а то страшно за невинность царских дочерей!

16 марта.

„Уехал Распутин",—подтвердил сегодня Радциг, но прибавил что „в Ялту поедет". Саблер это скрыл. Печальное время переживаем. Точно на распутьи — чего-то ждешь, ждешь ужасного от Распутина. Когда он 13-го приехал в Петербург, то сразу поехал в Царское Село к Вырубовой, которая про это известила царицу, у которой был прием дам. Тотчас царица отправила к Вырубовой двух старших дочерей, сказав, что кончит прием и тогда приедет. Тогда по телефону Вырубова велела передать царице, чтобы скорее кончила прием и скорее приезжала. Но в это время приехала вел. кн. Ольга Александровна. Узнав, что у царицы прием, прошла во внутренние комнаты и сказала, что будет пить чай. Прием у царицы затягивался, еще не был окончен, когда вернулся из Петербурга царь с царицей-матерью и вел. кн. Ксенией Александровной. Узнав об этом, царица приказала ехать скорее за княжнами и их привезти. На другой день только ей удалось быть у Вырубовой, и Распутин был там, но во дворце в этот раз не был. Впечатление Радцига такое, что царь не верит, чтобы дело было так плохо, думает, что ему сгущают краски, не верит тоже, что „распутинский эпизод" стал достоянием всех слоев общества. Радциг наотрез отказался ехать в Ливадию, сказав царю, что в Петербурге он будет ему полезнее. На рассказы насчет „этого мерзавца" (так Радциг называет Распутина) царь ему сказал, что у него нервы расстроены, что он, как старая няня, всего боится, что ничего нет страшного и проч. Находит Радциг в царе большую перемену—стал забывать все, про все надо напомнить, чего раньше никогда не бывало. Видно по всему, что брожение среди народа увеличивается, что близки черные дни.

19 марта.

Приехали сегодня в Москву. Рассказывали мне, как все здесь были поражены, когда Тютчеву выбрали в наставницы к детям

царя, что она прямо мужчина в юбках. Тютчева работала во время войны в складе вел. кн. Елисаветы Федоровны, в нижнем этаже дворца, в упаковочном отделе, заведывала счетоводством. И вот, в упаковочном какой-то мужик ей так понравился, что она взяла его в свою канцелярию, оттуда его посылала в верхние залы подслушивать разговоры. Это всем было известно. Когда Тютчеву назначили воспитательницей царских дочерей, она этого рослого, толстого мужика устроила к преосвященному Трифону для ношения его посоха, что вызвало прямо скандал.

20 марта.

Сведения Л. А. Тихомирова относительно Распутина, что он уехал в царском поезде в Ялту. Это ему известно из достоверного источника из Петербурга. Вот гадость! Джунковский рассказывал, что Тютчевой, гораздо раньше отъезда в Крым, старшая вел. княжна сказала, что она с ними в Крым не поедет. Значит, мать это сказала при дочери, которая поспешила про это рассказать. Рассказывал также Джунковский, что вел. кн. Елисавета Федоровна с грустью говорила, что ее племянницы очень дурно воспитаны.

22 марта.

Никитина не мало рассказала неутешительного. Она виделась со свитской фрейлиной Оболенской, которая возмущенно говорит про царицу, называет ее громко „хлыстовка", что когда она прочла в „Новом Времени" два фельетона „Хлыстовщина", она узнала в этих описаниях царицу, которая уже настоящим образом принадлежит к этой секте. Оболенская уже дважды большие письма по 20 страниц писала царице. Эти разоблачения были встречены очень недоброжелательно. Возможно, что Оболенской придется уйти. Она уйдет—с голоду не умрет, а дело свое сделает, не умолчит, что такое это животное—Распутин. Никитина говорит, что в церкви Зимнего дворца говели Танеев с женой, Пистолькорс (жена его отсутствует), Витте с женой и Головины. Все эти люди радостно настроены, производят впечатление, что им повезло.

23 марта.

Если бы все это было правда, что Распутин уехал в Сибирь и ему запрещено выезжать из Покровского! Но как объяснить торжественное настроение Витте, Танеева и К°, если верно, что против Распутина теперь приняты такие меры? Председатель Совета министров Коковцов в конце февраля представил доклад по поводу Распутина. К этому докладу присоединился Фредерикс. В докладе Коковцов высказывается о необходимости удаления Распутина. По этому же поводу Родзянко давал объяснения в Думе. В думских кругах все больше значения приписывают

роли Распутина. Тогда на него оказали давление и он уехал во-свояси, но жену и дочь оставил в Петербурге, надеясь вернуться. Распутинский кружок, который называют все „семейным кружком Распутина", пустил в ход все свои связи—и Распутин через несколько дней вернулся. Теперь же ему предписано не выезжать из Покровского. Надолго ли это? Что-то не верится этому известию. Как было бы хорошо! Это доказало бы, что у царя все-таки есть власть, которую он проявил в отношении царицы и всей женской coterie, которая молится на Распутина, целует ему руки и ноги и принимает от него „святого духа".

3 мая.

Белецкий говорил, что с охраной очень много дела, что Виссарионов, посланный в Москву, вернулся оттуда со сведениями, что из записавшихся в добровольную охрану во время царского приезда уволил 60 человек, настоящих каторжников.

4 мая.

На нашей Исаакиевской площади 1 мая все было спокойно и я думала, что беспорядков нигде в Петербурге не было, а оказывается, они были. Еще накануне по всем фабрикам и заводам были разбросаны прокламации с призывом к забастовке. Были приняты серьезные меры. Драчевский назначил во все рабочие кварталы наряды полиции, конной и пешей. На Невском также были установлены наряды конной и пешей полиции. В 1 час дня Драчевский, который заметил на Невском скопление рабочих отдельными группами и в одиночку, распорядился не пропускать на Невский между Полицейским мостом и Аничковым лиц, одетых в рабочие костюмы. Вследствие этого на всех прилегающих к Невскому улицах, поперек панелей были установлены пешие городовые, которые фильтровали проходящую публику. Все-таки 30—47 забастовщикам удалось проехать на Невский в трамвае, они выкинули красный флаг и стали петь революционные песни. Также во многих местах города устраивались такие демонстрации. Полиция их разгоняла, были сделаны аресты. Говорят, что бастовало около 100.000 человек.

Ванновский говорил, что никогда войска не были в таком тяжелом положении, как теперь, что обмундирования нет, ружья старого образца, пушек нет, пулеметов тоже нет, армию кормят подрядчики, так как на продовольствие денег нет, полки все задолжены, кредиты все запаздывают. По словам Ванновского, войска—совсем не то, что были раньше. Положение тяжелое, очень тяжелое. Да, всюду у нас нехорошо.

Вспоминаю рассказ Тютчевой после поранения Столыпина в театре. Она тоже была в театре, сидела рядом с царской ложей. Когда раздался выстрел, она вышла из своей ложи и подошла к царской. В это время царь открыл дверь и хотел выйти. Она

бросилась к царю со словами:—„Ваше величество, не выходите, он еще не пойман". Дочери царя тоже бросились к нему, прося не выходить. Вскоре явился Фредерикс передать царю слова Столыпина. Царь спросил про его рану. Фредерикс ответил:— „Je crois, que c'est fini". Затем Тютчева видела отчаяние приближенных, когда пришлось арестовать Богрова, как они говорили, что теперь надо скорей, скорей уезжать, что у них все нити потеряны, что все, вся охрана держалась на убийце Богрове. Это ужасно! Я понять не могу, как у нас организована охрана.

16 мая.

M-me Шейн рассказывала о своей деревне, откуда она приехала, следующее. Была ярмарка в селе ее матери, кн. Урусовой, Лапоткове. Она пошла на открытие ярмарки, на молебен. Ей, как помещице, крестьяне не оказали никакого внимания, а когда священник начал молиться за царя, впереди ее стоящие мужики спросили один другого, о ком это молятся, и один из них сказал: „А, о нем? Не стоит за него молиться, пойдем отсюда".

Сегодня Балинский говорил, что никогда такого хищения, таких безобразий не было в морском министерстве, как теперь. Он тревожно смотрит на эти 502 миллиона, которые даны на флот, который не строится, а деньги уходят в чужие карманы.

17 мая.

Страшно за царя! При теперешнем брожении умов нельзя устраивать торжества. Царь, как бабочка, летит на огонь. Губернаторы без руля и без ветрил мечутся, не зная, какого курса держаться. Грызня и злоба царствуют в совете министров.

18 мая.

Опять появился на сцену Распутин на столбцах печати. Идет слух из верного источника (от Сводного полка), что эта гадина опять уже появилась во дворце. Теперь, якобы, находится он в Ливадии.

28 мая.

Сегодня в 3 часа дня царь с семьей в Москве, которая не патриотично настроена, даже чувствуется в ней ропот и недовольство по случаю царского приезда. Охрана произвела много арестов. Высланные из Москвы острят, что по случаю радостного события—приезда в Москву царя—им пришлось покинуть город. Чистили Москву усердно, выгнано много ни в чем неповинных людей.

4 июня.

Про А. С. Суворина А. П. Никольский сказал, что ведет плачевную жизнь. После каждого приступа кашля, чтобы он не задохся, приходится ему менять трубочку, которая у него в горле. Является необходимость переменять трубочку каждые 5 минут. Что это за жизнь? Прямо каторга. Лицо у Суворина, желтое, худое, сморщенное, совсем больное. Он сознает свое тяжелое положение. За ним усердно ухаживает эта Дестомб, которая ужасно обходится с родными Суворина, всех от него удалила. Жена Суворина была здесь два дня, ни разу не удалось ей поговорить с мужем наедине—всегда присутствовала Дестомб, которая внушила Суворину страх к семье, что они-де хотят его отравить. Без того, чтобы Дестомб не одобрила, он куска не съест. Вот ужасная, невозможная атмосфера для окружающих.

5 июня.

Вчера узнали от камердинера царя Катова, что наследник испортил себе ногу в Ливадии, прыгнул, по примеру сыновей вел. кн. Александра Михайловича, с высоты и от этого прыжка снова у него подвернулась нога, но в Москве он не падал. Последнее время всю дорогу у него нога болела.

6 июня.

Сегодня говорили про московские впечатления. Чаплин говорил, что чувствовалось, что москвичи тяготятся приездом царя, будут довольны, когда все кончится и он уедет. Тяжелое чувство испытал Наумов при приеме царем волостных старшин. Царь был в этот день чернее тучи. На волостных старшин царь произвел удручающее впечатление.

7 июня.

Вчера вел. кн. Ольга Николаевна помолвлена вел. кн. Дмитрию Павловичу. По телефону сказала Новикова, что представлялась царице Александре Федоровне. Новикова спросила царицу про ее здоровье, не нервная ли у нее болезнь. Царица горячо запротестовала, что у нее никаких нервных болезней нет, что она нервов не признает.

10 июня.

Шамшина сказала, что в городе говорят, что вместо Тютчевой к царским детям будет назначена Головина, которая возила Распутина по домам и с ним путалась, а над ней главной—Вырубова. Это прямо позор—назначение этих двух женщин.

11 июля.

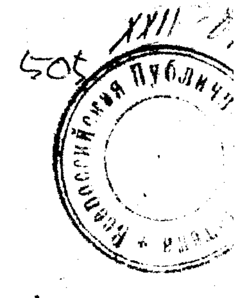
Последний раз Гольтгоер вспомнил слова царя на закладке казарм для императорских стрелков. Увидя кладку стены, царь сказал:—„Удивительное дело, кладут в одно место всякую дрянь, поливают чем-то эту дрянь, и выходит крепко“. Гольтгоер этот рассказ предшествовал словами, что царь „метко все замечает и метко говорит“.

20 июня.

Был у нас Ломен. Сказал он, что тяжелое впечатление выносишь от близости ко двору. Вот как он объясняет уход или отставку С. И. Тютчевой. Она не подчинялась требованиям старших, вела с детьми царскими свою линию. Возможно, что ее воспитательное направление и было более рациональным, но оно было не по вкусу, а она упорствовала, как все Тютчевы была упряма и стойка, верила, как все ее однофамильцы, в свои познания и свой авторитет, так что детям приходилось играть две игры, что приучило их лгать и проч. Являлась всегда Тютчева на все сборища и приемы не в духе. Она говорила, что не все разговоры можно вести при детях. В этом с ней не соглашались и вот развязка—пришлось ей покинуть свой пост. Мое соображение: из этого видно, что при дворе правду не любят и не хотят слушать. При этом Ломан вспомнил, как воспитательница вел. кн Марии Александровны Кобург-Готской, тоже Тютчева, после катастрофы на Ходынском поле при встрече со своим бывшим воспитанником вел. кн. Сергеем Александровичем не подала ему руки, обвиняя его в случившемся. Такова и С. И. Тютчева.

Замеченные опечатки.

Страницы:	*Напечатано:*	*Следует читать:*
50	Заблоцкий, Десятовский	Заблоцкий-Десятовский.
58	Николаев	Николаи
70 (21-я стр. сверху)	генерала	Генералова
92	Петрограде	Петербурге
135 (12-я стр. сверху)	что есть приходы	говорит, что есть приходы
139	Генфенгаузен	Гон Фенгаузен
153	А. И. Игнатьев	А. П. Игнатьев
153, 154	Кульминская	Кузьминская
208	Мишкин	Шишкин
236	П. И. Игнатьев	Н. П. Игнатьев
250	Г. П. Ванновский	Г. М. Ванновский
253	И. П. Дурново	И. Н. Дурново
260	Каликовский	Калиновский
284	Н. Н. Дурново	П. Н. Дурново
337, 384	Замятин	Замятнин
350	Н. А. Мордвинов	Н. Л. Мордвинов
371	Н. П. Игнатьев	А. П. Игнатьев
436	Курош	Куриш
444	А. Н. Вишняков	А. Г. Вишняков
463	Розен	Резон

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

ПО ПОВОДУ ЛИЧНЫХ ИМЕН В „ДНЕВНИКЕ".

Одною из характернейших особенностей „Дневника" А. В. Богданович является крайнее обилие имен, так или иначе встречающихся на страницах записи автора. Их более 1000. Приэтом, как видит читатель, отмечаются лишь одни фамилии и только в редчайших случаях имеются указания на социальное или служебное положение упоминаемого лица. Отсюда получается известная невразумительность текста, сильно затрудняющая усвоение передаваемых „Дневником" фактов, характеристик и т. д. Разумеется, сплошь и рядом приводятся имена, которые, по своей общеизвестности, не требуют никакого освещения, будучи крепко и с выпуклою мрачностью врезаны в память и в историю последнего полустолетия дореволюционной эпохи. Но в общем преобладают случаи, когда фамилия ровно ничего не говорит читателю наших дней, а между тем ее носитель, стоя в свое время вне всякой общественности, типичен даже как „мелкая сошка", заботливо тащившая посильную для него ношу россказней в дом А. В. Богданович. Если же знать, что какой-нибудь „Иванов" был правителем канцелярии главного военно-судного управления, то его „репортаж" приобретает уже известный интерес, хотя, конечно, весь „Дневник", о чем уже говорилось в предисловии, на взгляд издательства, отнюдь не может быть причислен к категории точных исторических памятников, а любопытен лишь отражаемою им сумятицею понятий в „светских салонах" и мелко-карьерною „склокой" среди претендентов на кусочек „казенного пирога".

Во всяком случае, „Дневник" настоятельно требует соответственного путеводителя по пестрейшей мешанине имен. По чисто техническим причинам, издательству не удалось дать такой указатель в непосредственной связи с самим текстом. Пришлось прибегнуть к методу, иногда применяемому в практике заграничных изданий мемуарной литературы, переписки и т. п.: выпустить указатель отдельною вкладкою в „Дневник". Впрочем, это не затруднит чтения текста, а наоборот, облегчит, ибо, имея под рукою отдельную брошюрку со строжайшим алфавитом и характеристикою лиц, читатель с большим удобством находит требуемую справку, быстро ориентируясь в указателе страниц и не нуждаясь в том, чтобы поминутно метаться в конец книги.

А

Б

В.

Валь—жена петербургского градоначальника В. В. Валя.—183.

Вальдерзее, А., граф—командующий международным отрядом, действовавшим в Китае в 1900 г. для подавления национального движения китайского народа против закрепощения иностранными державами.—252.

Ванлярлярский, Н. М.—генерал-лейтенант, с 1902 г.—командир 5 арм. корпуса; убит в 1906 г. в Варшаве, где временно исполнял обязанности генерал-губернатора.—479—481.

Ванновская—племянница П. С. Ванновского, б. военного министра.—237.

Ванновский, Б. П.—генерал-майор, «состоящий для поручений при главнокомандующем петербургским военным округом», сын б. военного министра П. С. Ванновского.—214, 408.

Ванновский, Г. М.—генерал-майор генерального штаба, командир 2 бригады 13 кавалерийской дивизии, квартир. в Варшаве; племянник б. военного министра П. С. Ванновского.—250, 251, 268.

Ванновский, П. С.—ген.-адъют., военный министр в царствование Александра III и в начале царствования Николая II, затем в течение нескольких месяцев—министр народного просвещения.—61, 74, 78—80, 156, 220, 231—233, 237—241, 243, 261—264, 268, 274, 370, 375, 500.

Варлаам архимандрит—наместник „Троице-Сергиевой пустыни" под Петербургом.—264.

Варламов, К. А.—артист Александринского театра.—91.

Варлаков, С. Н.—генерал-майор, состоял в прикомандировании к войскам петербургского военного округа.—233.

Васильчиков, Б. А., князь—член государственного совета; в 1890—1900 г.г.—новгородский губ. предводитель дворянства; в 1900—1903 г.г.—псковский губернатор; во время русско-японской войны—главноуполномоченный российского красного креста в Манчжурии; в 1906 г.—председатель главного управления красного креста; в 1906—1908 г.г.—главноуправляющий землеустройства и земледелия. Один из основателей и первый председатель «всероссийского национального клуба» в Петербурге.—307, 310, 396.

Васильчиков, С. И.—генерал-адъютант, командир гвардейского корпуса (в 1902—1906 г.г.).—330.

Ватаци, Э. А.—гофмейстер, помощник командующего на Кавказе по гражданской части, ранее—тов. министра внутренних дел (в 1905 г.), губернатор в Харькове (с 1904 г.), в Ковно (в 1901—1904 г.г.) и Сувалках (в 1898—1901 г.г.).—318, 332, 349, 374.

Ведрова—(фамилия автором приведена неверно); см. **Ветрова, М. Ф.**

Веймар, О. Э.—доктор, принимавший видное участие в революционном движении 70-х г.г.; осужден был на каторгу.—34, 35.

Величко, В. И.—поэт крайне-правых тенденций, проводившихся им в его произведениях, публицист.—286.

Вельтцин, Ф. К.—камердинер Николая II.—107.

Вельяминов, Н. А.—лейб-хирург, проф. военно-медицинской академии.—182, 255, 495.

Вендрих, А. А.—военный инженер, сперва был членом инженерного совета при министерстве путей сообщения, потом начальником особого «эксплоатационного корпуса», подчиненного лишь жандармерии.—139, 152, 433—435.

Вердер, А.—германский посол при Александре II.—181.

Веревкин, А. Ф. капитан л.-гв. 1-го стрелкового батальона.—345.

Верпандер, А. Л.—генерал, инженер, помощник военного министра, ранее—генерал-инспектор по инженерной части.—463.

Верстрат, М. М.—член совета „Русско-Азиатского банка".—322.

Верховский, В. П.—контр-адмирал, командир петербургского порта.—133, 134.

Верховский, В. М.—член совета по железнодорожным делам при министерстве путей сообщения.—80, 81, 84, 144, 137, 171, 207, 214, 243, 275.

Веселитский-Божидарович, Г. С.—сотрудник «Нового Времени», писавший под псевдонимом «Аргус» корреспонденции из Лондона.—85, 86, 92, 118.

Веселкина—повидимому,—О. М. Веселкина, начальница моск. женского Александровского института. Один из ее братьев, М. М. Веселкин—был капи-

Г.

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

			Цена.	
Чарльз Р. Гибсон. Автобиография электрона. С 8 иллюстрациями. Перевод с английского	—	р.	75	к.
Л. Словцова. Техника коммунального питания. Организация столовых, кафе, чайных и др.	1	„	50	„
Д-р **В. Литцман.** Веселое и занимательное в фигурах и числах. Перевод Р. Калменс	1	„	25	„
Малая Биологическая Энциклопедия. С 154 рисунками в тексте. Толковый словарь научных терминов и названий по анатомии, бактериологии, биологии, ботанике, гистологии, зоологии и физиологии растений и животных. Под редакцией проф. П.-Ю. Шмидта	3	„	75	„
Проф. **Г. Н. Попов** и **А. Воронец.** Математический словарь. Справочник при чтении книг по элементарн. математике. С 38 рис.	—	„	80	„
Проф. **Н. Н. Дурново.** Грамматический словарь.	—	„	90	„
Миниатюрный словарь иностранных слов	—	„	30	„
Проф. **А. И. Некрасов.** Конспект лекций по теоретической механике. С 72 чертежами	—	„	70	„
Д-р **В. А. Набоков.** Пособие при практических работах по гигиене. С 31 рисунком	1	„	50	„
Артур Гааз. Физическая картина мира по данным новой физики. Перев. с нем. под ред. проф. Н. Н. Андреева	—	„	80	„
Л. М. Василевский. Социальная гигиена труда (печатается)	—	„	—	„
Проф. **Лобач-Жученко.** От челнока до океанского парохода (печатается)	—	„	—	„

Изящная литература.

Мариэтта Шагинян. Своя судьба. Роман	1	р.	20	к.
Ее же. Приключения дамы из общества (маленький роман). Рассказы.	1	„	20	„
Вл. Лидин. Мышиные будни.	—	„	75	„
Его же. Морской сквозняк. Повесть	—	„	90	„
А. С. Грин. Алые паруса. Повесть	—	„	40	„
Стендаль. Новеллы, хроники и эпизоды. С художествен. иллюстрациями, заставками и концовками	15	„	—	„
Густав Даниловский. Мария Магдалина. Роман. (Печатается 2-е издание)	1	„	—	„
Джек Лондон. Сердца трех. Перев. с англ. Д'Актиля. 2-е издание	1	„	50	„
Анатоль Франс. Книга моего друга. Перевод Р. И. Калменс	—	„	80	„
Джозеф Конрад. Приливы и отливы. Плантатор с Малаты. Энни-хохотушка. Перев. с англ. под редакцией В. А. Азова	—	„	90	„
Шервуд Андерсон. Уайнсбург, Огайо. Книга рассказов-гротесков. (Заканчивается печатанием)	—	„	—	„

Книги для детей и юношества.

М. Пришвин. Колобок. Рисунки А. Могилевского	1	р.	25	к.
К. Н. Беркова. Рыцарь духа. Биографическ. повесть для юношества (об А. И. Герцене)	—	„	30	„
Льюис Каролль. Алиса в стране чудес. Переработал для русских детей А. Д'Актиль. С 28 иллюстрациями	2	„	—	„
Его же. Алиса в зазеркальи. Перевод с английского В. А. Азова. Стихи в тексте **Т. Л.** Щепкиной-Куперник. С 40 иллюстрациями. В переплете	3	„	50	„
Загадки. Альбом-ширма для мал. детей. С цветн. рис. А. Комаровой	—	„	40	„

	Цена.		
И. Прутков. Рак и волчек. Альбом-ширма для маленьк. детей. С цветн. рисунками худ. А. Радакова	— р.	40	к.
Его же. Шесть горошин. Альбом-ширма для маленьких детей. С цветн. рис. худ. А. Радакова	— "	40	"
Сказка про дедку и репку. Альбом-ширма для мал. детей. С рис. Е. Бем	— "	40	"
Петрушка. Альбом-ширма. С цветн. рисунками худ. Ефимовых	— "	40	"

Медицина.

Общественный врач. Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова № 1	1 "	—	"
То же № 2	1 "	—	"
Проф. **Б. И. Словцов.** Wademecum практического врача. С 15 рис. в тексте. 2-е издание	— "	50	"
Д-р **Д. Д. Плетнев.** Русские терапевтич. школы (Захарьин, Боткин, Остроумов)	— "	40	"
Прив.-доц. **Н. М. Рудницкий.** Ртутно-кварц. лампа в леч. туберкул.	— "	25	"
Малярия. Сборник статей	1 "	10	"
Прив.-доц. **А. Ф. Бердяев.** Вывихи и переломы. С 95 рис. в тексте	1 "	20	"
Проф. **В. В. Строганов.** Усоверш. профилакт. метод леч. эклампсии	— "	40	"
Д-р мед. **Е. А. Черников.** Ранняя диагностика легочного туберкулеза	— "	25	"
И. И. Левинштейн. Руководство к устройству и оборудов. аптеки С 62 рис. в тексте	1 "	20	"
Медицинский календарь на 1924 г.	1 "	50	"
Проф. д-р **Рудольф Абель.** Бактериология. Перевод с 26 немецкого издания	1 "	—	"
Д-р **Я. Ф. Вербов.** Матка женщины и ее работа во время родов. 2-е дополн. издание	2 "	50	"
Адольф Бакмайстер. Болезни легких. Руководство. Перевод с 3-го немец. издания. С 99 рис. и 3 таблицами	— "	—	"

Популярная медицина.

Серия. „Здоровье и болезнь". Готовится к печати.

Проф. **А. К. Фейт.** Очерки из физиологии человека (печатается)	— "	—	"
Д-р **В. А. Любарский.** Болезни и борьба с ними (печатается)	— "	—	"
Д-р **И. Л. Ярхо.** Воспитание грудного ребенка — здорового и больного (печатается)	— "	—	"
Д-р **Л. М. Василевский.** Половое воспитание ребенка (печат.)	— "	—	"
Врачи **Л. А.** и **Л. М. Василевские.** Аборт, как социальное явление	— "	—	"

Принимается подписка (только годичная)

НА ЖУРНАЛ

„Архив клинической и экспериментальной медицины"

на 1924 год.

Подписная плата . . . . . 10 руб. зол.

Имеются комплекты журнала за 1922 и 1923 годы.

Цена комплекта за 1922 г. №№ 1, 2—3, 4, 5, 6 . . . . . 5 руб. зол.

и за 1923 г. №№ 1—2, 3—4, 5—6, 7—8 и 9—12 10 руб. зол.